

Ю.М. Теплицкий

ПРАВИТЕЛИ И НАРОД АНАТОМИЯ ВЛАСТИ

Ироды и радетели

Энциклопедия студента, аспиранта, ученого

Ю.М. Теплицкий

**ПРАВИТЕЛИ И НАРОД
АНАТОМИЯ ВЛАСТИ**

Ироды и радетели

Смоленск 2021

УДК 321.01
ББК 66.0
Т34

Рецензенты:

А.И. Фомин, доктор исторических наук, профессор Восточного украинского национального университета;

В.М. Михайлюк, доктор исторических наук, профессор Восточного украинского национального университета.

Теплицкий Ю.М.

Правители и народ. Анатомия власти. Ироды и радетели. – СМОЛЕНСК.: 2021. – 552 с.

ISBN 966-8458-93-1

Книга посвящена рассмотрению феномена лидера и влиянию личностных факторов на проявление социальных закономерностей в обществе. Правитель и мораль, власть и простой человек, всевластие и совесть, нравственность, сострадание к ближнему, роль личности в развитии государств и этносов – данная проблематика, рассматриваемая в книге, является значимой не только для нашего времени, но и для предшествующих тысячелетий. В силу ментальности, традиций, структуры властной пирамиды, роль личности правителя особенно важна для славянской и восточной цивилизаций, ибо в силу их ментальности в их системе координат правитель – это «земной бог», пришедший сокрушать и вершить, ниспровергать все, что было создано до него, используя людей как строительный материал своих замыслов. Это приводит к трансформации классической закономерности функционирования товарно-денежных отношений «ТОВАР-ДЕНЬГИ-ТОВАР» в модифицированную схему взаимоотношений «ВЛАСТЬ-ДЕНЬГИ-ВЛАСТЬ», на которой базируются восточная и евразийская цивилизации и где «товаром товаров» является власть как квинтэссенция особой товарной субстанции данных сообществ, что и определяет особенности их функционирования.

УДК 321.01
ББК 66.0

ISBN 966-8458-93-1

© Ю.М. Теплицкий, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. «Комплекс Ирода» и феномен Иисуса (Тщета абсолюта).....	10
Глава II. От Цинь Ши Хуанди и Чингисхана – к Ивану Грозному (Эстафета жестокости).....	49
Глава III. Иван Грозный – властная иродиана на российской земле (Бессилие всевластия).....	84
Глава IV. Борис Годунов – Карл I Стюарт (От русской смуты – к английской революции). Украина и Московия в геополитическом контексте	98
Глава V. Петр I – преобразование Руси (Евроинтеграционная модель развития славянства).....	125
Глава VI. Фридрих Великий – Екатерина Великая – «философы на троне» (Что могут короли?).....	141
Глава VII. Наполеон I – Александр I – несбывшиеся надежды (Мировое господство как тысячелетний мираж!).....	168
Глава VIII. Николай I – азиатское варварство в европейском обрамлении (Безумье самовластия).....	179
Глава IX. Как Россия чуть было «Англией» не стала. Александр II, Александр III (Ирония истории и судьбы этносов)	208
Глава X. От Ленина – к Горбачеву, или Как большевики ненароком «модернизировали» и спасли капитализм («Лекарство» более опасное, чем «болезнь»).....	243
Глава XI. Российский крест, или «Авгиево наследство».....	259
Глава XII. Как М. Горбачев стал лучшим немцем Германии и развалил империю, или Роль москитного комара в гибели СССР (Гримасы судьбы).....	265
Глава XIII. Русский Нерон, или Ельцин – великий танцор, барабанщик, спортсмен, гурман и охотник (Президент-терминатор).....	274
Глава XIV. Эпоха В.В. Путина: Великий президент Великой России – приемник Петра I (Реалии и альтернативы).....	294
ПОСЛЕСЛОВИЕ , или «Куда свой путь вершим?»	308
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Планетарное мышление XXI века – основа процветания стран и народов (Что век грядущий нам готовит?)	317
ЛИТЕРАТУРА	325

ВВЕДЕНИЕ

О человеке известно довольно много: каждый проживший 75 лет съедает 22 тонны еды и выпивает 33 тысячи литров жидкости, выделяет 18 тысяч литров пота и подстригает 4 метра ногтей, треть жизни спит, 520 часов стоит в очереди, 472 часа чистит зубы, 465 часов говорит по телефону, 446 часов занимается сексом.

Работает, делает карьеру, совершает добрые дела и подлости, делает открытия и убивает себе подобных, производит на свет детей, которые идут по тому же замкнутому кругу бытия.

С отдельным человеком все ясно, но возникают проблемы с человечеством: какова его глобальная миссия на Земле и в космосе, зачем оно, почему столь агрессивно к другим биологическим видам и к себе подобным?

Как прервать цепь планетарного зла и безумия, знаменуемого бесконечными пожарищами войн – мировых и локальных, сотрясающих человечество последние 5 тысяч лет практически безостановочно? Где то звено, взявшись за которое можно преодолеть прокрустово ложе бытия человека и человечества? Это звено – личность каждого из нас и квинтэссенция миллионов личностей – феномен правителя, которым мы делегируем свое «Я», свою судьбу, бытие этноса, своих детей, своих близких.

В эйнштейновской теории время и пространство объединены в четырехмерный пространственно-временной континуум. Для него невозможно описать предмет как занимающий определенное место в определенное время. Релятивистское описание предмета определяет его пространственное и временное положение как единое целое, растянутое от начала до конца существования предмета. Например, человек оказался бы изображенным как единое целое на всем пути своего развития от эмбриона до трупа. Такие конструкции носят название «пространственно-временных червей» [1, с. 6–8].

Но если мы «пространственно-временные черви», значит мы являемся только заурядной формой материи! То, что человек разумное существо, при этом не учитывается. Определяя человека как «червя», теория относительности не принимает во внимание наше индивидуальное восприятие прошлого, настоящего и будущего, а рассматривает ряд отдельных случаев, объединенных пространственно-временным существованием. В действительности-то мы знаем, что мы существуем лишь в сегодняшнем дне, в то время как прошлое существует только в нашей памяти, а будущее – в нашем воображении.

В научных публикациях всё чаще можно натолкнуться на косвенное или прямое признание существования надприродных сил, неподвластных науке. Возрастает число ученых, в том числе крупных математиков и физиков-теоретиков, которые убеждены в существовании Бога или высшего Разума. К числу таких ученых принадлежат, например, лауреаты Нобелевской премии Джордж Уэйлд и Уильям Маккри.

Известный советский ученый, доктор наук, физик и математик О.В. Ту-пицын первым из отечественных ученых сумел математически доказать, что Вселенная, а вместе с ней и человек, сотворены Разумом, неизмеримо более могущественным, чем наш, то есть – Богом.

Нельзя спорить, пишет О.В. Тупицын, что жизнь, в том числе разумная, – это всегда строго упорядоченный процесс. В основе жизни лежит порядок, система законов, по которым движется материя.

Смерть – это, напротив, беспорядок, хаос и, как следствие, разрушение материи. Без воздействия извне, причем воздействия разумного и целенаправленного, никакой порядок не возможен – тут же начинается процесс разрушения, означающий смерть. Без понимания этого, а значит, без признания идеи Бога, науке никогда не суждено открыть первопричину Вселенной, возникшей из праматерии в результате строго упорядоченных процессов или, как называет их физика, фундаментальных – это значит основных и неизменных, без которых существование мира было бы вообще невозможным [1, с. 7–8].

Начиная с Дарвина, развитие животного мира на Земле понимается как эволюция видов в результате естественного отбора, смысл органического бытия был понят, как всеобщее

развитие. Новейшие экспериментальные изыскания подтверждают и наглядно убеждают в верности такого взгляда. Но ведь *homo sapiens* – тоже один из биологических видов, возможно, высший, и, будучи аналогичным ингредиентом живой природы, является соучастником всеобщего эволюционного процесса. Следовательно, история человечества на биологических часах – это короткий скачок с предыдущих витков спирали развития на новый виток, определяемый, как **р е в о л ю ц и я** «внутри» несравнимо более длительного процесса эволюции.

В свою очередь, «человек разумный», произведя скачок, подчиняется всеобщему закону эволюции как постепенному накапливанию признаков и самовоспроизведения, – об этом писали Дарвин, Бергсон, Шарден, Лоренц [2]. До гротеска довел это положение Ницше: «Пусть гибнут слабые и уродливые – первая заповедь человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть... Жизнь для меня, говорит он, тождественна инстинкту роста, власти, накопления сил, упрямого существования; если отсутствует воля к власти, существует деградация». Воля к власти – отличительный признак любого творца, – считал Ницше. Георг Вильгельм Фридрих Гегель в работе «Философия истории» подчеркивал: «Итак, всемирная история представляет собой ход принципа, содержание которого есть сознание свободы. Если мы теперь бросим взгляд на всемирную историю вообще, то мы увидим огромную картину изменений и деяний, бесконечно разнообразных формирований народов, государств, индивидуумов, которые непрерывно появляются одни за другими. Затрагивается все то, что человек может принимать к сердцу и что может интересовать его, возбуждаются все ощущения, вызываемые хорошим, прекрасным, великим. Народ – суть того, чем оказываются их действия. Человек есть животное, которое, живя среди других членов своего рода, нуждается в господине. Дело в том, что он обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних; и хотя он, как разумное существо, желает иметь закон, который определил бы границы свободы для всех, однако его корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где это ему нужно, делать для самого себя исключение» [3, с. 62–93].

Исходя из этого, Гегель делает заключение, что не имеет смысла предъявлять моральные требования к делам великих людей, которые являются всемирно-историческими индивидуумами. То же он относит и ко всемирной истории, которая могла бы совершенно отделиться от моральности, поскольку в ней речь идет не об отдельных персонажах истории, а о деяниях духа народов. Гегель писал о мировом духе, воплощающемся в ходе истории: «Мировой дух не обращает внимания ...на то, что он употребляет многочисленные человеческие поколения для работы своего осознания себя, что он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело *en grand*...»

Таким образом, всемирная история, по Гегелю, направляемая всемирным духом, лидерами, правителями, не принимает во внимание судьбы десятков и сотен миллионов плюс-минус миллионы жизней и судеб – вот суть политической арифметики. Это жестокая арифметика [3, с. 62–93].

Фрейдова концепция человеческих отношений копирует систему экономических рыночных отношений, где каждый индивид удовлетворяет свои биологически обусловленные потребности за счет обмена с другими, такими же, как и он, индивидами.

Последователь Фрейда Карл Густав Юнг во многих социальных и психических явлениях видел проявление определенных свойств и описывал их как результат взаимодействия противоположностей – так называемая концепция психической энергии. Как только индивидуум стал сознательно вступать в отношения обмена с другими людьми, он стал человеком [4, с. 8–9].

Фромм, анализируя реализацию двух противоположных устремлений – стремление к власти, с одной стороны, и стремление к подчинению, с другой, – относил их к садомазохистскому единству – то есть имеет место обоюдная зависимость садиста от мазохиста и наоборот, как имеет место заинтересованность между мужчиной и женщиной.

То есть люди очарованы властью и хотят ей (по Фромму) – подчиняться, но в то же время они сами хотят быть властью, хотят, чтобы другие им подчинялись.

Альфред Адлер выделял «волю к власти» как основной мотив человеческого поведения, определяющего факторы в развитии культуры. Без него, считал Адлер, человек не имеет возможности самоутвердиться, идти вперед, стремясь к успеху или на вершину социальной лестницы, поскольку стремление индивидов к различию, превосходству или совершенству является универсальной движущей силой развития отдельной личности и общества в целом [4, с. 33–36].

Если противоположности в неживой природе, уничтожая друг друга, стремятся к тождеству, что обуславливает появление новой пары противоположностей, то в биосоциальных системах движущей силой является стремление к различию, что обуславливает появление пары противоположностей. То есть все тот же обмен, но выполняется он как бы с противоположным знаком. Таким образом, «воля к власти», как движущая сила человеческих устремлений, обуславливает активную форму социального характера [4, с. 37–38].

В наше кризисное, напоенное апокалипсическими страхами время, закладываются краеугольные камни нового мышления, попытки дать ответы на предельные философские вопросы о смысле явления человека в мир, о высшей цели его существования и деятельности становятся просто насущно необходимыми. При этом отношения: *лидер (вождь, правитель)* □ *правлящая элита* с неизбежностью замыкаются на демосе (народе). Однако и здесь возникают значимые проблемы: в толпе исчезает ощущение личной свободы, свободы совести, свободы мысли. Это заменяется вседозволенностью силы и активностью масс. Сливаясь с другими, личность освобождается от своих моральных и нравственных устоев, а главное – от ответственности. Толпа беспощадна к конкретному человеку, даже к своему ближнему: она может затоптать любого без жалости, сочувствия, сострадания. Человек незаметно для себя вписывается в структуру безликой массы.

Когда процессы в обществе выходят из-под контроля правящей элиты и принимают спонтанный характер, все меньше поддаются регулированию, особенно важно использовать инструментарий любых наук, касающихся изучения человека и его социальных связей, чтобы, по крайней мере, понять, что же в самом деле происходит – и после этого прогнозировать ход вещей.

Мнообразие человеческих инстинктов можно свести к двум жизненным феноменам: инстинкту агрессии (или деструктивности), несущему разрушительное начало в человеке, и эротическому влечению, обозначающему самосохранение и объединение. Они определенным образом связаны. В толпе инстинкт самосохранения оказывается сниженным, а инстинкт деструктивности – усиленным. Отсюда необычайная легкость агрессии и акты вандализма. Совесть, мораль, нравственность, милосердие здесь замолкают. Личность может совершить поступок, обычно ей чуждый. То есть наступает некая магия непредсказуемого, неконтролируемого поведения личности. Формы же контроля над личностью, при всей их «предсказуемости», столь же противоречивы.

Всем памятна древняя легенда о манкуртах, поведенная Чингизом Айтматовым в романе «И дольше века длится день»: попавшим в рабство людям обривали головы и напяливали обруч из парной верблюжьей шкуры. Шкура высыхала, обруч стягивался. Люди, находящиеся на солнцепеке в пустыне, испытывали страшные мучения, теряли память. Навсегда. Манкурт не знал, кто он, какого он рода-племени. Зато теперь он был старательным, безропотным, исполнительным.

Лауреат Нобелевской премии Канетти, рассматривая феномен лидера и толпы, вождя и народа, исследуя психологию толпы и манипулирующих ею правителей, оперирует всевозможными аспектами, элементами, символами власти, устанавливая механизмы их взаимодействия. Имея в виду по преимуществу фашизм и нацизм, писатель, однако,

опирается на примеры из истории восточных деспотий или на архаический быт не столь уж удаленных от нас во времени мелких африканских царств.

Таким образом, возникает важнейшая проблема: какая форма государственного устройства позволяет достигнуть процветания общества, какова наиболее эффективная схема взаимоотношений:

«лидер □ правящая элита □ общество»?

Тысячелетиями эти вопросы волновали мыслителей, правителей, простых людей. Неудачное же их решение вызывало восстания, гражданские войны, революции, кровь лилась рекой, страдания были неисчислимы, погибали страны, народы, цивилизации.

В свете последних научных достижений место и роль личности в обществе определяется понятием, введенным в гуманитарные науки американским ученым Э. Ласло. Это понятие «бифуркации», которое описывает состояние жизнеспособности неравновесных систем, в том числе и социальных. Роль личности определяется ролью факторов, которые способны определенным образом воздействовать, нейтрализуя или усугубляя способы проявления социальных закономерностей. Лидер зависит от узкого круга сторонников, малой группы, которую обычно идентифицируют с элитой или командой лидера. Характер их взаимоотношений во многом определяет масштаб лидерства. Подлинное лидерство заключается в настойчивом влиянии на других людей таким образом, что они поступают согласно желаниям лидеров. Одаренный руководитель государства способен создавать свое собственное окружение, одновременно превращая ситуацию, которая возникает на его пути как тормоз, в ситуацию, дающую ему возможность творить действительность. При этом действия как лидера, так и его окружения, правящей элиты в целом, в значительной мере предопределяется ментальностью общества, «порождением» коего он является, будь то западное или восточное сообщество. Таким образом, прошлое «давит», предопределяя действия как правителей, так и народа в целом, опосредованно «входя» в канву настоящего. Все вышесказанное позволяет сделать непреложный вывод – для того, чтобы построить цивилизованное «настоящее», необходимо разобраться, где мы в прошлом, «вчерашнем» дне «споткнулись», и, переосмыслив прошлое, изменить таким образом к лучшему свое настоящее [5, с. 33].

Известный французский философ и эссеист Симона Вейль, размышляя о феномене Власти, роли насилия в истории, отмечала: «Сила есть некий феномен, который превращает в предмет, «вещь» каждого, кто оказывается в поле ее действия. Того же, кто попадает под прямой удар, она превращает в вещь буквально: был человек, остался труп. Был некто, и вот, спустя мгновение, нет никого.

Сила, которая убивает, – лишь примитивная, грубая форма силы. Насколько же более разнообразна в своих выдумках, насколько более остроумна в своих эффектах та, иная, которая не убивает, – еще не убивает, но во всех этих случаях она превращает человека в камень?! Власть обратить человека в вещь, убив его, порождает другую власть, куда более удивительную, способную обратить в вещь человека, еще живущего. Да, человек живет, он наделен душой, и все-таки он вещь. Ну и странное же он существо – вещь, обладающая душой, – и странное это состояние для души. Кто знает, сколько душе приходится в любое мгновение скручиваться и сгибаться, чтобы приноровиться, чтоб ужиться в вещи? Душа ведь не создана обитать в неодушевленном предмете, а коль скоро она к тому принуждена, то нет в ней клеточки, которая не страдала бы от такого насилия.

Человек, безоружный и обнаженный, против которого в воздухе повисло копьё, становится трупом еще до того, как оружие тронет его.

Чтобы человек был вещью – это, с точки зрения логики, противоречие; но когда невозможное делается реальностью, тогда противоречие раздирает душу. Всякий момент эта вещь стремится быть мужчиной, женщиной – и не может. Это смерть, растянувшаяся на целую жизнь; это жизнь, которую «оцепенила» заранее смерть [6, с. 49–253].

Тирания Силы над душой человека сравнима с тиранией голода, когда в его власти жизнь и смерть человека. Власть такая холодная и такая твердая, словно принадлежит она инертному веществу. Но как безжалостно она давит слабых, так же безжалостно опьяняет Сила и мутит разум тех, кто обладает ею (или думает, что обладает). Никто не обладает ею на самом деле.

Что всем людям уже оттого, что они родились на свет, суждено страдать от насилия, – это такая истина, путь к постижению которой силой внешних обстоятельств всегда закрыт для ума человека. Сильный не силен абсолютно, точно так же, как слабый не абсолютно слаб, но оба они не знают этого. Они не верят, что сотворены из одного теста. Слабый соглашается с точкой зрения сильного. Обладающий же силой движется так, будто вокруг него нет никого. Он движется в среде, не оказывающей сопротивления, не обладающей свойством, отличающим человеческий мир, – способностью порождать между порывом к действию и самим действием краткий интервал, в котором может поместиться мысль. Там, где нет места мысли, нет места справедливости и благоразумию.

Такова природа Силы. Ее власть обратить человека в вещь – обоюдоострая власть и осуществляется в обе стороны: она равно, хотя и различным образом, поражает и души тех, кто претерпевает ее, и тех, кто ею обладает.

Это главное свойство Силы – обоюдонаправленная способность превратить человека в камень, и спасти от нее может только нечто подобное чуду. Мгновения такого чуда редки и кратки. Сила является во всей холодной суровости своих действий и последствий, которых не избежать ни тому, кто ею пользуется, ни тому, кто претерпевает ее; унижение души в тисках принуждения не маскируется и не делается объектом снисходительной жалости или, напротив, презрения [6, с. 249–259].

Все будет так, как должно быть, даже если все будет наоборот!

Ю.М. Теплицкий

Желаешь проверить человека – дай ему власть.

Восточная мудрость

*Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
Свои дела вершила без затей,
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы...*

Н. Заболоцкий

*Кому вражда всего милей,
Кто сеет бедствия повсюду,
Тот должен в хижине своей
Людскую кровь собрать в запруду.
Пусть он ее из кубка пьет
И в хлебе ест, и словно в храме,
Хвалу святыне воздает,
Крестясь кровавыми руками.*

Важа Пшавела

Народ – жертва зла, но он же – и опора зла, а значит, творец или, по крайней мере, питательная почва зла.

Ф. Абрамов

Вера – это парадокс. Свою конечность и ограниченность верующий хочет сопоставить с бесконечностью и абсолютностью Бога. И не только сопоставить, а и «вместить» его в себя. Вера, – как и мораль, – не может быть наполовину: либо она есть, либо ее нет.

С. Кьеркегор

«КОМПЛЕКС ИРОДА» И ФЕНОМЕН ИИСУСА (Тщета абсолюта)

«Я водворил свободу», – уверял шумеров узурпатор Урукагина.

«Я устроил в стране благосостояние», – заявлял Хаммурапи, повелевая отмечать начало своего правления как «год, в который была установлена правда».

«Я устранил все то зло, которое было в стране», – в очередной раз повторил интернациональную формулу Азитавадда, царь данайцев.

«Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», – пел по радио наш современник.

За несколько тысяч лет, протекших между этими высказываниями, тоталитарное государство усовершенствовалось лишь в одном отношении: оно научилось поздравлять себя не только от собственного лица, но и от лица всего народа.

Вышеприведенные надписи были чем-то вроде посмертной исповеди владык. Замурованные в гробницах и высеченные в недоступных человеку местах они были обращены к богам, а не к людям. Цари не врали богам – они говорили истинную правду. Но при этом истинной правдой считалось не *то, что есть, а то, что должно быть*. Это была правда не изъявительного, а сослагательного наклонения, иначе говоря – правда ритуала.

Чем менее древняя империя скреплялась экономическими связями, тем сильнее в ней были связи ритуальные. Тоталитарному государству можно дать то же определение, что и первобытному обществу: это организация для исполнения ритуала.

Значение слова «ритуал» будет здесь по необходимости сужено. Речь пойдет о мире, организованном по законам текста. Иначе говоря, этот мир имеет статус не физического объекта, а знаковой системы, состоит не из вещей, а из знаков, и главный принцип его функционирования не причинно-следственные связи, а упорядоченность и целесообразность.

Существование мира ритуала зависит, прежде всего, от единодушия его участников [7, с. 178].

Известный российский историк, профессор А. Портнов, детально исследуя жизнь и деятельность реального исторического лица, вошедшего в анналы истории как антитеза добру, свету, чистоте, земной гармонии, самому естеству Иисуса Христа – царя Ирода, отмечает:

«В 37-м

году до н.э. римляне разгромили войско иудейского царя Антигона, отрубили ему голову и посадили на иудейский престол своего ставленника, царя Ирода, прозванного впоследствии Великим. Ирод действительно вошел в библейские легенды как великий преступник, организовавший массовое избиение младенцев. Согласно Библии, лишь бегство спасло Богородицу и младенца Христа, а имя жестокого царя стало нарицательным. Вспомним, как в драме «Борис Годунов» юродивый говорит знаменитые слова: «Нельзя молиться за царя Ирода!..» [8].

Очевидно, что за свои грехи Ирод заслужил место в аду. Однако он не стал дожидаться ада на том свете – и сам устроил его себе в земной жизни, лишний раз подтвердив, что наличие нескольких жен вполне может превратить даже царское бытие в сплошной земной ад. Дело в том, что у Ирода до восшествия на престол была жена Дорида родом из Иерусалима, был и сын по имени Антипатр. Но, став царем, Ирод решил взять в жены красавицу Мариамму, которая происходила из древнего царского рода. У нее родились сыновья – Александр и Аристокбул. И вот во дворце Ирода Великого стал расти ком сложнейших семейных интриг.

Мариамма потребовала, чтобы Ирод изгнал из Иерусалима своего первого сына Антипатра – и Ирод выполнил ее желание. Но затем ему показалось, что дед Мариаммы слишком высокомерен и чрезмерно гордится своим царским происхождением – и Ирод убил его. Традиция заставила Ирода возвести в сан первосвященника 17-летнего брата Мариаммы, но когда на его первой проповеди заплакал весь народ в храме – судьба талантливого юноши была решена: он был отослан в Иерихон и там по приказу Ирода утоплен в пруду.

Тут-то Мариамма и прониклась ненавистью к мужу-убийце и стала осыпать бранью царя, его мать и сестру Саломею. Однако Ирод так безумно любил Мариамму, что не обращал внимания на ее поношения. А вот мать и сестра возненавидели Мариамму и стали плести сеть интриг, чтобы обвинить ее в неверности. Они сочинили историю о том, что она якобы послала свой соблазнительный портрет известному римскому развратнику Антонию в Египет, где он жил вместе с царицей Клеопатрой. Мнительный Ирод пришел в ужас, опасаясь, что всемогущий Антоний заберет у него жену. Действительно, от Антония неожиданно пришел приказ: царю Ироду немедленно явиться в Египет! Ирод отправился в путь, но предварительно отдал секретное распоряжение мужу своей сестры Иосифу – убить Мариамму, если его самого казнит Антоний [8].

Но Антоний вызвал Ирода совсем по другому делу: к нему поступил донос матери Мариаммы, которая жаловалась римлянину на беззаконие, убийства и жестокость Ирода.

Ирод задобрил Антония огромной денежной взяткой, вернулся в Иерусалим и вновь начал клясться жене в своей вечной любви. Но внезапно услышал в ответ «государственную тайну»: «Ты дал мне самое сильное доказательство своей любви, приказав Иосифу убить меня!» Оказывается, простодушный Иосиф, на свою беду, проболтался Мариамме о тайном поручении царя. Ревнивый Ирод, услышав этот «секрет» от жены, пришел в дикую ярость и закричал: «Никогда, никогда Иосиф не открыл бы этого тайного приказа, если бы сам не имел с ней тайных сношений!» Он метался по дворцу, слово безумный, – и, в конце концов, приказал убить сначала несчастного Иосифа, а затем и ни в чем не повинную жену. Но словно в наказание за преступление, страсть к убитой возросла еще больше. Ирод был в отчаянии. Он залил тело Мариаммы медом, хранил его во дворце, ночами беседовал с мертвой и убеждал себя в том, что она жива [8].

Дети от Мариаммы – Александр и Аристокбул – унаследовали ненависть своей убитой матери к отцу. Злодейства Ирода заставляли их смотреть на него как на врага. Интриганы и шпионы быстро донесли царю, что сыновья замышляют против него что-то недоброе. Тогда испуганный Ирод вернул из ссылки Антипатра, сына от первой жены, и стал всячески отличать его. Обрадованный Антипатр бесстыдно льстил царю, а Александр и Аристокбул, потомки древних иудейских царей, наливались тяжелой злобой.

Ирод назначил Антипатра своим наследником и послал его в Рим, к Цезарю. Конечно, все придворные немедленно переметнулись на сторону Антипатра и провоцировали Александра и Аристокбула на резкие высказывания в адрес отца. Когда юноши женились, то их жены тоже немедленно втянулись в круг дворцовых интриг. Сплетня за сплетней валились на воспаленный разум Ирода. Ему рассказывали, что братья взывают к имени матери, грозят расписаться с родственниками после смерти отца, смешать их с самой низкой чернью, одеть в рванье... [8]

Александр оказался гомосексуалистом, он соблазнял евнухов из гарема отца, дарил им богатые подарки, называл Ирода старым развратником, красящим седые волосы, и обещал, что отнимет власть силой и сполна рассчитается с врагами. Конечно, шпионы обо всем донесли царю. Начались допросы, пытки и казни. Ирод уже не доверял никому, любая ложь принималась на веру, нередко обвиняемый и обвинявший вместе шли на смерть. Ужас и преступления наполнили дворец. Ирод никому не доверял, он лично отравил своего родного брата и затем решил убить сестру Саломею. Один лишь Антипатр оставался близким к царю человеком, но и он плел дьявольскую сеть интриг, в которой хотел погубить братьев.

Ирод потребовал суда над сыновьями, он сам выступил главным обвинителем, в числе преступлений были насмешки над отцом, оскорбления личности царя, покушения на его жизнь. Вся Иудея и Сирия с напряженным вниманием следили за ходом трагедии, но никто не верил, что Ирод доведет свою жестокость до сыноубийства. Однако царь потребовал для сыновей смертной казни – и никто не решился противоречить, Александр и Аристокбул были задушены.

Неоспоримым наследником теперь остался один Антипатр, но его все ненавидели, поскольку знали, что он был инициатором ложных обвинений. Антипатр, устранив конкурентов, стал невыносимо высокомерным. Он часто жаловался матери, что стареет, а отец вроде бы не собирается умирать. Кто знает, уж не намерен ли Ирод пережить сына, да и зачем ему, Антипатру, власть в старости – и не проще ли укоротить жизнь царя... [8].

Ироду, конечно же, донесли об этих разговорах, он подверг жестоким пыткам слуг Антипатра, затем свою первую жену – и узнал, что сын приготовил для него хорошую порцию яда. Антипатр в это время находился во главе посольства в Риме. Ирод хитростью выманил его в Иерусалим, арестовал и приговорил наследника к смерти.

Семейные несчастья до того омрачили жизнь Ирода, что он уже ни в чем не находил себе отрады. Помраченный дух его повлек развитие странных болезней, диагноз которых так до сих пор и не установлен. Помимо лихорадки, по всей поверхности кожи он испытывал невыносимый зуд, на ногах были отеки, на животе – воспаление, в прямой кишке – ужасные

боли, а в срамной области – гниющая язва, полная червей. Кроме того, его мучили одышка и болезненные судороги в мышцах. Между прочим, А.П. Чехов считал, что Ирод страдал от застарелой формы чесотки. А ведь когда-то Ирод был самым сильным и красивым юношей Иудеи!

Ирод говорил, что его мучения будут расти, пока Антипатр жив, и потому возжелал лично наблюдать казнь собственного сына. Но страдания его были так сильны, что он не выдержал и попытался заколоться мечом. Меч отобрали, но при этом во дворце поднялся такой громкий плач, точно царь уже умер. Обрадованный Антипатр, услышав этот вой, предложил начальнику стражи немедленно отпустить его – и обещал большую награду. Но неподкупный караульщик тотчас донес обо всем полуживому царю – и Ирод велел немедленно прикончить сына, что и было исполнено. Затем он вызвал сестру Саломею, которая каким-то чудом все еще оставалась живой, и сказал ей: «Я знаю, что иудеи будут радоваться и праздновать мою смерть, как юбилейное торжество. Но пусть они тоже поплачут, а для этого изрубите в момент моей смерти всех заключенных в тюрьмах!..»

Смерть своего сына Ирод пережил на пять дней. Римский император Октавиан Август, узнав о казни Антипатра, сказал: «Гораздо лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном!» Однако трудно придумать более ужасную жизнь, чем та, которую сам себе создал всемогущий царь Иудеи. Покинутый придворными, одинокий, больной, полусумасшедший, окруженный призраками казненных домочадцев, не зная, как спастись от выдуманных и реальных заговоров, он прожил земную жизнь в таком аду, после которого настоящий ад мог показаться ему если уж не раем, то хотя бы домом отдыха. Но эту кошмарную жизнь он создал себе, как говорится, собственными руками [8].

В трагической истории царя Ирода, в своеобразном «комплексе Ирода», присущем не только этому реальному историческому персонажу, но и подавляющему большинству правителей языческого мира, отразился кризис мироустройства, базировавшегося на отживших, уходящих в прошлое религиозных концепциях.

Средневековый мыслитель, монах Цистерианского ордена Иохим Флорский (Калабрийский) условно делит историю человеческого общества на два периода: первый этап – язычество, когда «люди жили сообразно телу (то есть вплоть до Христа) и начало коего было положено в Адаме. И качественно новый этап в развитии «*homo sapiens*» в другое (а именно вплоть до настоящего времени) – с принятием христианства – в коем живут между обоими, то есть между телом и духом» [9].

Джамбаттисто Вико отмечал, что в период языческого этапа развития цивилизации доблесть была не чем иным, как «применением» со стороны провидения многих тяжких, мерзких и диких личных пороков [10]. Насколько же это соответствует историческим фактам?

Основу военной мощи Ассирии заложил царь Ашшурназирпал II (884–859 гг. до н.э.), жестокость которого не знала предела. Он приказывал поголовно истреблять жителей покоренных областей, проявлявших признаки малейшего неповиновения. Всех, кто был связан с прежней властью, убивал с особой жестокостью: с них сдирали кожу, сажали на колья, складывали в живые пирамиды. Обычно мужчин вырезали полностью, маленьких детей в условиях древневосточных (азиатских) рабовладельческих войн в плен не брали, а истребляли на месте. Правление этого царя – время наибольшей жестокости, но IX в. до н.э. – пик наибольшего могущества Ассирии. Страшными казнями надеялись владыки страны внушить ужас покоренным народам и сломить волю к борьбе с угнетателями. И дворцы городов Крылатых быков украшались сценами отвратительных зверств, хвастливые надписи древних царей говорили о неслыханной жестокости ассирийских властителей: «Я содрал кожу с руководителей мятежа», «Я казнил каждого второго», «Я разрушил», «Я сжег». Поэт В.Я. Брюсов в поэтической форме сделал перевод надписи одного из могущественных царей Ассирии, покорителя Египта, сына Синахериба, Ассаргадона:

Я – вождь земных царей и царь Ассаргадон.

Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.
Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал свою судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Сын Ассаргадона, владелец знаменитой библиотеки, единственный грамотный повелитель в истории Ассирии, Ашшурбанапал развезжал по Ниневии в колеснице, в которую запрягал царей покоренных стран. Зверские расправы с покоренными народами вызвали частые восстания, потрясавшие государство. Бесчисленные войны разорили крестьянство. Поэтому непрочными были ассирийские завоевания.

При преемнике Ашшурбанапала восстал против иноземного ига Вавилон. Объединенные силы царств Мидии и Вавилона в 614 г. до н.э. разрушили Ашшур и вскоре окончательно сокрушили Ассирию.

В огне погибли все три города Крылатых быков: Ниневия, Кальху и Дур-Шаррукин. Свидетель гибели писал: «Горе тебе, город кровавый, исполненный обмана, преступлений, непрекращающихся грабежей! Всадники мчатся, меч сверкает, секира блесит!.. Убитых множество и груды трупов! Мертвым нет конца: всюду спотыкаются о трупы их... Ниневия разрушена! Кто станет жалеть о ней?.. Все, кто слышат о тебе, радуются судьбе твоей: ибо кто же не испытывал непрестанно на себе злобы твоей?» [6]. Ассирийская держава рухнула навсегда.

Ассирийцы ассимилировались с другими народами, ассирийский язык исчез. Маленькая народность айсоры говорит на сильно изменившемся арамейском языке, ныне насчитывает немногим более 200 тысяч потомков могущественных повелителей десятков стран и народов [11].

Забыто устрашающее имя Ашшурбанапала. Передняя Азия смиренно склоняется перед новым владыкой – Навуходоносором. 42 года занимал престол этот «прославленный..., могучий царь, солнце Вавилона..., вынудивший к послушанию четыре страны света» [12]. Таков титул, унаследованный им от его знаменитого предшественника – Хаммурапи, так же, как и он, уверенного в незыблемости и вечности своего величия. Навуходоносор покоряет Сирию, Финикию, Палестину, его войска подходят к границам Египта, а сборщики налогов пробираются в самые отдаленные уголки Малой Азии, где когда-то жили непобедимые хетты, о которых уже никто не помнит. Вавилон – «врата бога» – украшается пышными храмами и дворцами и становится крупнейшим городом всего тогдашнего мира, «царем царей», «золотой головой», как назвал его библейский пророк Даниил (если же, в соответствии со средневековыми представлениями, определять город как «поселение, обнесенное стеной», то, очевидно, Вавилон следует признать вообще самым большим городом, когда-либо существовавшим на нашей планете).

Вавилон вызывал восхищение и зависть. Царь знал цену тому и другому: «Я – Навуходоносор, Царь Вавилона, сын Набопаласара. Я окружил Вавилон с востока мощной стеной, вырыл ров и скрепил его склоны с помощью асфальта и обожженного кирпича. У основания рва я воздвиг высокую и крепкую стену. Я сделал широкие ворота из кедрового дерева и оббил их медными пластинками. Для того, чтобы враги, замыслившие недоброе, не могли проникнуть в пределы Вавилона с флангов, я окружил его мощными, как морские валы, водами. Преодолеть их было так же трудно, как настоящее море. Я тщательно укрепил бастионы и превратил город Вавилон в крепость» [12].

Но царь думал и о вечности. Он оставил потомкам одно из семи чудес света – «висячие сады Семирамиды» и завершил сооружение в 90 метров высотой, ставшее олицетворением человеческого тщеславия и заносчивости: «Я приложил руку к тому, чтобы достроить вершину Вавилонской башни так, чтобы она могла поспорить с небом» [12].

Упоенный могуществом, правитель бросил вызов истории – и она приняла его. Слава царя развеялась в течение одного поколения. Сын Навуходоносора погиб во время дворцового переворота, внука жрецы свергли с трона, едва он взошел на него. Последнему царю – Набониду – суждено было окончить свои дни в плену.

В 538 году Вавилон пал. Его тройные стены и 600 башен оказались бесполезными – через распахнутые городские ворота ворвалась, не встречая сопротивления, персидская конница. Запершемся в цитадели Валтасару, сыну Набонида, оставалось надеяться на чудо. Он ожидал его, устраивая отчаянные оргии во дворце. И дождался, своими глазами увидев зловещие предзнаменования. В Библии говорится, что «вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала: «Мене, текел, упарсин!» («Сосчитано, взвешено, разделено»). В ту же ночь Валтасар был убит [12].

В чем же суть «азиатского» или, по сути, «общинного» способа производства? Каждый отдельный человек на деле лишен собственности и связующее единство, реализованное в деспоте, который наделяет ею отдельного человека через посредство той общины, к которой он принадлежит. Прибавочный продукт принадлежит поэтому, само собой разумеется, этому высшему единству. Таким образом, не сама община наделяет людей теми или иными благами, а через посредство общины это делает «высшее единство» – деспот. Поэтому там, где господствует община, создается экономическая основа для деспотизма и несвободы.

Кстати, маскируя под видом «всеобщей» народной собственности на землю и другие «земные» богатства экономическую власть деспотов того или иного ранга, общинная форма собственности является, по сути, не менее эксплуататорской, чем рабовладение. Ряд ученых, сопоставляя рабовладельческий строй и «азиатский» или «общинный» способ производства, подчеркивают, что первый – более прогрессивен. Так, если при классическом рабстве рабовладелец должен купить раба, кормить, одевать его, обеспечивать жилищем, то при «азиатском», «общинном» или «поголовном» рабстве огромные массы даровой рабочей силы, оторванной на время от семей и хозяйств, при минимальной обеспеченности питанием готовы на любые грандиозные пирамиды, дворцы деспотов и прочие бессмысленные затеи. При этом уже не одно тысячелетие для «поголовного» азиатско-общинного рабства характерно принуждение к тяжелому неквалифицированному физическому труду на земляных работах, перетаскивание и подъем тяжестей.

Экономическая основа «азиатского», «общинного», способа производства вновь и вновь как единственно возможное проецирует, рождает, воскрешает несвободу, деспотизм во всех своих ячейках, на всех своих уровнях.

При всем этом впервые понятие «свобода» появилось... в XXIV веке до нашей эры отнюдь не на благословенно-либеральном Западе (коим он в тот период отнюдь не являлся!), а... на Востоке [13].

Первые социальные реформы, о которых мы имели письменное свидетельство, были осуществлены в шумерском городе-государстве Лагаше в XXIV веке до нашей эры. Эти реформы были направлены против злоупотреблений «прежних времен», виновниками которых были вездесущие чиновники. Они произвольно повышали налоги, вводили бесчисленные подати и даже посягали на собственность храмов, что вообще считалось недопустимым. В конечном счете жители Лагаша, будучи не в силах более терпеть этот гнет, свергли династию Урнанше и избрали себе правителя из другого рода. Этот новый царь Урукагина восстановил законность и порядок, смягчил бремя налогов. Примечательно, что в отчете об этих социальных реформах впервые в истории человечества встречается слово «свобода» (по-шумерски «амарги») [13, с. 82].

Но что же такое «свобода», из-за которой вспыхивали войны, восстания и революции, люди шли на плаху, эшафот, пытки, смерть? Специфика «свободы» состоит в том, что общество, как и человек, может по доброй воле, осознанно, делать выбор между решением правильным или ошибочным, причем в последнем случае его ожидает гибель. Значит,

свобода выбора – отнюдь не право на безответственность. Наоборот, это тяжелый моральный груз, ибо, находясь в социуме, человек отвечает не только за себя и свое еще не родившееся потомство, но и за свой коллектив, своих друзей-соплеменников, наследие предков, благополучие потомков и, наконец, за идеи, формирующие его культуру и даже идеалы, ради которых стоит жить и не жаль умереть [14].

Небытие, энтропия, распад (в человеческом измерении – смерть) – обычно является «воздаянием» за неверно принятое человеком и человеческим сообществом решение: «Специфика «свободы» только в том, что человек, как и общество, может делать выбор между решением правильным или ошибочным, причем в последнем случае его ожидает гибель» [14]. Нежизнеспособные социальные структуры, сообщества, приходящие в упадок, обновляются в огне энтропии, распада, гибели, смерти. Руины прежних формаций служат при этом своеобразным «гумусом» для нарождающихся новых сообществ, формаций. При всей жестокости подобных исторических событий нельзя не признать их закономерность. Природа не знает «жалости», она признает лишь целесообразность.

Когда-то людоедство у всех обитавших на земле племен было чем-то совершенно естественным, банальнейшей вещью, не вызывающей ни у кого никакого протеста. Даже XIX век застал на нашей планете народы, практиковавшие каннибализм с такой же уверенностью в праве своем пожирать человеческое мясо, как и в праве есть вообще. Новозеландские маори считали, что с глазами врага они получают его зоркость, с сердцем и печенью набираются храбрости и мужества. История и этнография знают множество случаев, когда людоедство носит более ограниченный характер. Были народы, воины которых охотно лакомились убитыми врагами, но никак не соплеменниками. Были общества, в которых право на каннибализм принадлежало членам господствующего слоя, вождям и их родным. По мере развития общества круг «людоедов по праву рождения» все более сужался. Людоедство начинает носить ритуальный характер, становится чем-то вроде религиозного обряда, как многие другие устаревшие и вышедшие из повседневного обихода обычаи. Ели мясо только тех, кого приносили в жертву, а в жертву чаще всего приносят врагов. По-видимому, последними из людей право на каннибализм сохраняли самые высокопоставленные из них – цари [15].

Предполагают, что в ликвидации обычая людоедства огромную роль сыграли женщины. Они составляли ту часть общества, которую, прежде всего, отстранили от каннибализма, – мужчины оставляли мясо для себя. Впрочем, такое объяснение слишком просто. Имело значение, конечно, и то, что, пожирая тело убитого, человек, по убеждению первобытных людей, заимствовал его качества. К чему женщинам, считали их супруги, мужские свойства? Для женщин человеческое мясо стало табу, у них воспитывалось отвращение к нему, постепенно они сумели передать это отвращение своим детям независимо от пола...

Так или иначе, на достаточно высокой стадии развития общества людоедство осталось «предназначением» только богов, вроде знаменитого финикийского Молоха, которому приносили в жертву детей. Соответствующий обычай на заре своей истории знала Греция. Утверждают, что с ним удалось покончить в Спарте только вполне историческому лицу – великому законодателю Ликургу. Но обычай часто удается победить, сделав ему в чем-то уступку. Ликург заменил жертвоприношение детей наказанием – сечением [15].

Один из самых ярких представителей философской мысли XX столетия Карл Ясперс отмечает: «Всему в мире отведено определенное время, и все обречено на гибель. Но только человек знает, что он должен умереть. Наталкиваясь на эту пограничную ситуацию, он познает вечность во времени, историчность как явление бытия, уничтожение времени во времени» [16].

История вычеркивает старые имена и названия. В начале VI века исчезает таинственное, спрятанное в Кавказских горах Урарту, не устоявшее под напором скифов и мидян.

В 546 году перестает существовать Лидийское царство: его сказочные богатства достаются персидской казне, а незадачливый царь Крез попадает в плен, став жертвой

собственной опрометчивости. Спросив у оракула, идти ли ему войной против персов, он получил невразумительный ответ: «Если перейдешь реку Галис, сокрушишь великое царство». Предсказание сбылось, и Крезу, закованному в цепи, оставалось лишь сетовать на двусмысленность пророчества и с запоздалым раскаянием вспоминать о том, как он пренебрег предостережением афинского мудреца Солон [17, с. 21].

Геродот передает: в Сардах, пышной столице Лидии, Солону показывали сокровища царя. Когда он внимательно все рассмотрел, Крез сказал ему: «О твоей мудрости, любезный афинянин, до нас доходит громкая молва. Из жажды знаний и любопытства ты посетил многие земли, и потому я хотел бы спросить тебя, видел ли ты счастливого человека?» Крез задал такой вопрос, рассчитывая, что будет произнесено его имя. Солон, однако, назвал других людей – граждан, честно выполнявших свой долг и достойно встретивших смерть. Крез был раздосадован: «Неужели ты ни во что не ставишь мое счастье и ставишь меня ниже простолюдинов?» И услышал в ответ: «Я знаю, Крез, что божество завистливо, а ты спрашиваешь меня о человеческом счастье... Человек ведь не более, чем случайность. Ты, конечно, очень богат и повелеваешь многими народами, но назвать тебя счастливым я могу лишь тогда, когда узнаю, что ты благополучно окончил свои дни. Многих божество ласкало надеждой счастья, а потом ниспровергало. Во всяком деле надо поглядеть, каков его конец» [17, с. 21–24].

В чем заключался феномен древневосточных деспотий, невероятной жестокости правителей этих государств? Самое невероятное состоит в том, что государство на Древнем Востоке вовсе не было таким грозным и могущественным, каким оно хотело казаться. Если деспот способен отрубить голову любому, то это отнюдь не означает, что государство, которым он управляет, – сильное и крепкое. Вполне может быть и обратное: жестокие наказания возмещают неспособность царя по-настоящему управлять своими подданными. Царская власть не «пронизывала» всю толщу населения сверху донизу. Она была сильна в больших городах, в близких к столице районах, но весьма слаба в «глубинке», в поместьях вельмож и богатых храмов. Основная часть населения проживала родами или сельскими общинами, сохранявшими власть и право самоуправления в деревенских делах – это были своеобразные «кубики», первоэлементы, из которых формировались восточные деспотии. Был лишь один способ повысить устойчивость этой государственной конструкции – увеличить ее массу, заставить верхние этажи с удвоенной энергией давить на нижние. Собственно, это и составляет суть восточной деспотии, а именно, неограниченная власть царя, правителя над подданными, что стабилизировало, цементировало государственную конструкцию. Древневосточные правители, действительно, были подобны богам, хотя и сверхжестоким – из хаоса первобытных форм организации труда и власти они умудрялись создавать на диво отлаженный и без сбоев работающий механизм, в основе которого – страх, питаемый невероятной жестокостью, кровью. Может показаться, что обожествление, оказывавшееся правителям на Востоке, всего лишь разновидность угодничества и лести. Однако это не совсем так, ибо это была плата творцам нового, очеловеченного мира, жить в котором было (как это ни абсурдно!) неизмеримо уютнее, чем в первобытном мире диких, враждебных человеку, ничем не обузданных инстинктов и страстей...

Столь же значимым этапом в истории деятельности правителей по управлению многомиллионными массами является период античной Греции и Рима.

Значительное своеобразие представляли собой формы правления в древнегреческих городах-полисах. В развитых греческих государствах VI век до н.э. уже не знает царей. На их месте появляются выборные магистраты – своего рода президенты республик. В Коринфе их именуют пританами, в Аргосе – демиургами, в Афинах – архонтами.

В VII столетии аристократия чувствовала себя уверенно и не боялась политических соперников. Она недооценила другого врага, равнодушного ко всякой политике, способного с одинаковым успехом созидать и разрушать. Враг этот имел невзрачный облик прутьев,

стержней и небольших слитков из меди или серебра. От обычных кусков металла их отличали твердо установленный вес и эмблема государства, их чеканившего [18, с. 10–11].

В короткий срок деньги изменили жизнь. Они подрывали устои натурального хозяйства, дали толчок торговле, ускорили развитие мореплавания. Они способствовали появлению новых классов – купцов, ростовщиков, предпринимателей, скупавших земли, – всех тех, кого называли «новыми богачами». Людей стали ценить не за знатность происхождения, а по их состоянию, независимо от того, каким способом нажито добро.

Когда-то в почете был честный труд земледельца, весь смысл существования которого сводился к обработке скромного надела. Рабов в хозяйстве почти не использовали, и праздность считалась позором для свободного гражданина. Трудолюбие, умеренность, скромность составляли нравственный идеал, богатство же рассматривалось как награда, венчающая усилия пахаря, скотовода, виноградаря, работающих от зари до зари. Живший, как полагают, в VIII в. до н.э. Гесиод в поэме «Труды и дни» поучает:

Труд человеку стада добывает и всякий достаток.
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье.
Если ты трудишься, скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом...
Стыд – удел бедняка, а взоры богатого смелы.

Через каких-нибудь полторы-две сотни лет подобная тирада вызывала лишь улыбку. Но к последнему замечанию прислушивались внимательно.

В конце VII в. до н.э. уже были твердо убеждены: «Деньги делают деньги». Денежная аристократия протянула руки к власти – они хотели диктовать свои законы. Дело дошло до вооруженных столкновений, и целые роды уничтожались либо изгонялись, их имущество перераспределялось. VII и VI века до н.э. познакомили мир с тиранами. Сначала этот термин был лишен зловещего смысла и означал лишь единоличного правителя, получившего власть не по наследству и не путем избрания, а в результате захвата [18, с. 11].

Но уже в древности понимали, сколь зыбки и изменчивы юридические категории. Любое мероприятие могло стать законным, если подкреплялось силой. Тем более, если в качестве такой силы выступал демос. Его благо объявлялось целью политики, и справедливым считалось все, что укрепляло могущество тирана – общепризнанного «предводителя народа».

В тирании видели залог мира и порядка в государстве, избавление от смут. Становясь над всеми группировками сограждан, тираны заигрывали с народом, всячески подчеркивая свою преданность его интересам. Они конфисковывали имущество знати, издавали законы против роскоши, защищали бедняков в суде, поощряли торговлю, устраивали ослепительные празднества, сооружали великолепные храмы, покровительствовали художникам и поэтам.

Тираны пытались походить на древних царей, окружая себя мудрыми советчиками и вооруженной свитой. Но при этом они старались не нарушать внешних форм республиканского устройства. Будучи единоличными правителями, они воздерживались от того, чтобы чеканить монеты с собственным именем. Власть их тоже облекалась в законные одежды: их считали защитниками государства, и, как высшие военачальники, они имели право содержать наемный отряд телохранителей.

Тайну тиранической власти раскрыл позднее Аристотель, понявший, сколь важно соблюдать демократические формальности, чтобы народ чувствовал себя господином даже в том случае, если он лишен реальной власти: «Недопущение к осуществлению гражданских прав, нарушение справедливости, проявление наглости – все это ведет к государственным переворотам». А потому, «так как в состав государства входят два элемента – класс людей неимущих и класс людей состоятельных, – тиран должен внушить и тем, и другим, что их

благополучие опирается на его власть... В глазах своих подданных он должен быть не тираном, но домоправителем... не узурпатором, но опекуном. Тиран должен привлекать на свою сторону знатных обходительностью, а большинством руководить при помощи демагогических приемов» [18, с. 13–14].

Тиранами становились разные люди, в том числе и выходцы из аристократии. Именно они обычно особенно рьяно преследовали своих бывших единомышленников, чтобы такой ценой купить доверие демоса. И уже не только знатный, но и всякий мало-мальски выдающийся человек вызывал у них подозрение [12, с. 10–14].

Значимый этап развития афинского государства был связан со вспыхнувшей борьбой различных слоев за политическое преобладание в Аттике. Писистрат выражал интересы мелких землевладельцев, демократически настроенной части Аттики. Это были массы жителей Аттики, имевшие малопродуктивные наделы, слабые экономические хозяйства. Партия диакриев (горцев) способствовала приходу к власти Писистрата. Взяв акрополь с помощью вооруженного отряда, Писистрат утрачивал власть два раза. Свидетельства об этом противоречивы. Противодействие аристократической партии было столь мощным, что симпатии и антипатии не помешали в политических целях использовать соучастие враждующих группировок. Только с помощью верного отряда телохранителей и крестьян, с участием враждебных фиванцев и эритрейцев Писистрат закрепился на афинском акрополе. Его борьба, подкрепленная рядом экономических реформ, продолжалась с 560 по 527 гг. до н.э. и носила характер тирании [19, с. 467].

Как тиран Писистрат начал свою деятельность с популярных земельных переделов своих проигравших противников. Участвовавшие и сочувствующие слои диакриев были наделены землей из конфискованного фонда земель. Этим он укрепил свои позиции в среде диакриев и части паралиев. Его политика была поддержана еще благодаря введению доступного сельскохозяйственного кредита.

Кредит Писистрата был мерой вынужденной. Для сохранения власти он должен был обеспечить поддержку крестьянина. При Солоне было запрещено закабалить свободного крестьянина, утратившего по экономическим причинам наделы. Тогда же были введены совершенно кабальные ростовщические операции. Процент предоставляемой ссуды был грабительским. Введение дешевого государственного кредитования привлекло на сторону тирана новые массы крестьян, укрепило его положение в борьбе с родовой знатью [19, с. 467–468].

Среди важных мер, укрепивших демократические основы афинского гражданского общества, было введение разъездных судов для разбора спорных земельных и гражданских дел. Земледельцы больше времени должны были уделять хозяйственным занятиям, ибо это укрепляло экономические позиции государства. Введение постоянного подоходного налога было направлено на пополнение казны. 1/10 часть урожая составлял этот тяжелый налог и являлся жестким регулирующим механизмом афинского тирана.

Изменение облика Афин во время тирании Писистрата связано с расширением социальной базы режима тирании. Был воспринят и стал государственным земледельческий культ Диониса. Дионис был оскителем афинского виноградарства и виноделия. Торжества включали процессии и театральные представления в Афинах. Праздники были демократичны. В 1 день – Антестерий, посвященный Дионису, даже рабам разрешалось попробовать дар бога, новое вино. Также был возвращен праздник Панафиней. Для удобства торговли гавань Афин была перенесена в более приспособленную природой бухту Пирей. Известны выдающиеся архитектурные постройки времен тирана Писистрата – храмы Афины Паллады на акрополе и Зевса Олимпийского. При Писистрате с размахом была организована строительная отрасль (строительство коммунальных сооружений). Водопровод и водоем дали возможность бесперебойно снабжать город водой; летописцы указывают на прокладывание необходимых дорог из города в пригороды [19, с. 469].

Исследователи отмечали важность подобных мер в связи с привлечением рабочих, организацией общественных работ и обеспечением благодаря этому заработком ремесленников. Указывают на меру, также популярную и утвердившую авторитет тирана – государственное обеспечение ветеранов военных действий, инвалидов.

Все эти меры, направленные на укрепление социальной основы режима и государственности Аттики, проходили при сохранении всех установлений Солона. Другой вопрос – обеспечивало ли государственное устройство времен Писистрата выполнение записанных предшественником норм афинского демократического устройства? Аристотелевское мнение нельзя игнорировать, ибо он сравнивает тиранию Писистрата с золотым веком, где каждому обеспечивались мир и спокойствие для занятий своими частными проблемами. Активная внешняя политика требовала увеличения казенных доходов и, следовательно, дополнительных сборов средств на содержание верных режиму наемников. Ввиду широких внешнеполитических акций Писистрата, видоизменялась в сторону увеличения налоговая политика, что затронуло интересы всех слоев, в особенности мелких землевладельцев.

Писистрат снова теряет политических сторонников, а вскоре умирает. Его сыновья Гиппий и Гиппарх не смогли утвердиться у власти. После утраты ими власти в Афинах вновь вспыхивает борьба политических группировок [19, с. 469–470].

Большая часть античных тираний носила социальный характер, основанный, однако, не на личных убеждениях тирана, а на идее потакания народу. Цель тирана – власть, а не идея. Война не менее тирании способствует социализму, особенно Пелопонесская, превратившаяся в войну между демократами и олигархами. В ходе ее стало обычным «стремление избавиться от привычной бедности и незаконными способами овладеть добром своих сограждан» (Фукидид). Бойни на Керкире и Самосе – в полной мере – «социалистическая революция» [20, с. 186–187].

Возьмем тиранию Писистрата в Афинах: равный передел земли, законы против роскоши и праздности, запрет «нетрудовых доходов», государственные ссуды крестьянам.

Греческие тирании, чем насильственнее, тем социалистичнее; и не случайно первый солдат-император Максимин (235 г.) «правил совершенно по образцу Спартака и Афиниона» [20, с. 187–188].

Как тираны, так и представители демократии Греции в достижении своих задач использовали сходные методы. По свидетельству Плутарха, в целях упрочения своей власти в Афинах Перикл сознательно использовал массовые переселения значительного числа афинских жителей, решая при этом две важные задачи: как стабилизацию обстановки в Афинах, так и колонизацию значительных территорий. Он постоянно устраивал в городе какие-нибудь торжественные зрелища или пиршества, или шествия: занимал жителей благородными развлечениями, каждый год посылал по шестидесяти триер, на которых плавало много граждан по восемь месяцев и получало жалованье, вместе с тем приобретая навык и познания в морском деле. Кроме того, тысячу человек клерухов послал в Херсонес, в Наксос – пятьсот, в Андрос – половину этого числа, во Фракию – тысячу для поселения среди бисалтов, других – в Италию, при возобновлении Сибариса, который теперь стали называть Фуриями. Проводя эти мероприятия, он руководствовался желанием освободить город от ничего не делающей и, вследствие праздности, беспокойной толпы, и в то же время помочь бедным людям, а также держать союзников под страхом и наблюдением, чтобы предотвратить их попытки к восстанию поселением афинских граждан подле них [21, с. 150–154].

Известно, однако, что, например, с именем тирана Периандра связан блестящий расцвет Коринфа, ставшего – правда, на короткий период – одним из ведущих эллинских государств. На берегах Ионического и Адриатического морей Коринф основал цветущие колонии, во главе которых стояли родственники тирана. Сам город превратился в могучую крепость, надежно охраняемую флотом. По преданию, именно коринфяне изобрели якорь и создали

новый тип военного корабля с запасными парусами – триеру, экипаж которой доходил до 200 человек. При Периандре были прорыты каналы, построена деревянная дорога, связывающая гавани, проведен водопровод. Коринф первым начал чеканить собственную монету и также впервые стал взимать пошлину за привозимые товары.

Периандр правил 40 лет и умер, окруженный почетом. Потомки считали, что ему повезло, ибо, как заметил через 2300 лет Дидро (написавший статью «Тираны» в издававшейся им «Энциклопедии»), «нет ничего более удивительного, чем тиран, умирающий в своей постели» [18, с. 13].

Не многих греческих тиранов ожидала подобная кончина. Их обычно свергали, либо они погибали от рук как внешних, так и внутренних врагов. Несмотря на внешний блеск, современники ощущали непрочность тирании, и она редко переживала два поколения. Даже коринфскому деспоту дельфийский оракул, по словам Геродота, предсказал: «Блажен Кипсел, и сам, и дети его, но не дети его детей», и вскоре после смерти Периандра его преемник был убьётётёт.

От рук персов погиб баловень судьбы самосский тиран Поликрат, занимавшийся пиратством и покоривший большую часть островов Эгейского моря. Недолго управлял Мегарами и тиран Феаген, свергнутый восставшим народом [18, с. 14].

Тирания по природе своей не могла быть долговечной. Даже самые умеренные и осторожные правители вызывали в конце концов недовольство.

«Тирания преисполнена множества зол», – сетовал сицилийский тиран Дионисий, живший в V–IV вв. до н.э. История с наглядностью проиллюстрировала истинность этого. Гамма политического устройства древней Греции породила ряд специфических отличительных качеств, черт характера жителей страны, обусловила расцвет Греции [18, с. 14].

Древним грекам были известны «самодействующие» устройства большой сложности, например, «театр автоматов», где действующими лицами многоактной драмы служат фигуры, приводящиеся в движение одна за другой при помощи системы зубчатых колес и шарниров. В академии Платона был установлен автоматический будильник, изображавший богиню, трубящую в рог. В ранний утренний час она издавала сильный свист, поднимавший на ноги заспавшихся учеников. Часы вообще были одним из самых первых и самых совершенных автоматических устройств. Потребности часового производства в большей степени стимулировали развитие механики, в частности, теории равномерного движения, и ее практических приложений к промышленности.

Моделирование животных и человека, являющиеся одним из основных принципов кибернетики и бионики, также имеет корни в глубокой древности. Известно, что Архит Тарентский (V–IV вв. до н.э.) сконструировал летающего голубя, Дмитрий Фарернский (IV–III вв. до н.э.) – ползающую улитку, Птолемей Филадельф (III в. до н.э.) – создал устройство, имитирующее движение человека [22, с. 81].

Многообразие политического устройства порождало своеобразие быта греков. Известно, что жителей города Сибариса погубили тяга к непомерной роскоши и чревоугодие, не знающее никакой меры. Неумеренная, вошедшая в поговорку, роскошь жителей этого города сделала их недееспособными, и город был разрушен кротонцами в 510 г. до н.э.

Но и в других землях Греции были люди, все время, силы и средства отдававшие погоне за роскошью. Так, женщины на голову надевали высокие венки, на ноги – сандалии, уши украшали большими серьгами, рукава одежды от плеч до кистей рук не сшивали, а застегивали множеством золотых и серебряных булавок.

Среди греков было много обжор, как мужчин, так и женщин. Одна из них, по имени Аглаида, отличалась особенным аппетитом и необычным поведением. Она носила на голове накладные волосы и султан из перьев. Каждый день на обед она съедала двенадцать мин мяса (мина – 450 г), четыре хиника зерна (хиник – 1 л) и осушала бочку вина, после чего долго играла на трубе. Жители острова Родос предпочитали всем яствам рыбу, а тех, кто

предпочитал мясо, называли обжорами. В Сицилии было святилище Обжорства, в котором стояла статуя богини Деметры Сито, что значит – хлебодарная. Во многих греческих городах строго запрещалось женщинам пить вино, и они всю жизнь довольствовались ключевой водой [23, с. 115].

Греки умели с достоинством принимать успехи и мужественно встречать горестные события. По преданию, во время философской беседы одному из собравшихся сообщили, что героически погиб его сын. Все на миг замолчали, а отец погибшего тихо произнес: «Я всегда знал, что породил смертных», и продолжил беседу.

Когда греки захватили Трою, то предложили ее жителям взять что-либо одно из своего имущества. Троянец Эней вынес на плечах своего старика-отца. Враги были так поражены его поступком, что приказали вернуть ему все его имущество [23, с. 115].

Анахарсис, скиф царского рода, причисленный греками к мудрецам, узнав, что Солон занят составлением законов для афинян, стал смеяться над его работой. Он считал, что Солон желает добиться невозможного – он мечтает удержать граждан от преступлений и корыстолюбия писаными законами, которые ничем не отличаются от паутины: когда попадают слабые и бедные, их удержат, а сильные и богатые вырвутся. На это Солон возразил, что и договоры люди соблюдают, когда нарушать их не выгодно ни той, ни другой стороне; и законы он так приноровит к интересам граждан, что покажет всем, насколько лучше поступать честно, чем нарушать законы. Однако результат получился скорее тот, какой предполагал Анахарсис, чем тот, на который надеялся Солон [24, с. 161].

Солон позволил всякому гражданину выступать в защиту потерпевшего и требовать наказания преступника. Если кого-нибудь били, производили над ним насилие, причиняли ему вред, всякий, кто мог или хотел, имел право жаловаться на преступника и преследовать его судом. Законодатель правильно поступал, приучая граждан сочувствовать и соболезновать друг другу и быть как бы членами единого тела [24, с. 173–174].

Солон хвалит также за закон, запрещающий говорить дурно об умерших. И действительно, религия требует считать умерших священными; справедливость – не касаться тех, кого уже нет; гражданский долг – не враждовать вечно. Бранить живых Солон запретил в храмах, судебных и правительственных зданиях, равно как и во время зрелищ; за нарушение этого закона он назначил штраф. Нигде не сдерживать гнев – это признак человека невоспитанного и необузданного; везде сдерживать – трудно, а для некоторых и невозможно. Поэтому законодатель при составлении законов должен иметь в виду то, что возможно для человека, если он хочет наказывать малое число виновных с пользой, а не многих – без пользы [24, с. 180–181].

Нравы и обычаи древней Греции отличались большим своеобразием. Афиняне в древности ходили в пурпурных одеждах, носили высокие прически, скрепляя их золотыми шпильками и увешивая золотыми украшениями. Рабы несли за ними складные стулья, чтобы им не сидеть где попало.

Жители Митилены, одерживая победу, запрещали побежденным обучать детей грамоте и музыке, считая этот запрет самым тяжелым наказанием [23, с. 118].

Во время войны с персами Гиерон отказался помогать соотечественникам, а когда по ее окончании он решил принять участие в Олимпийских играх, сограждане запретили ему это, сказав, что тот, кто не разделил со всеми величайшей опасности, не должен принимать участия и в празднестве.

Дионисий, сын тирана Клеарха, прославился не только своим стремлением к роскоши, но и необычайным чревоугодием. Его тело со временем утратило человеческие формы, и, принимая посетителей, он вынужден был скрывать его в специально изготовленной башенке, из которой виднелась лишь его голова. Но как полнота обжор, так и излишняя худоба являлись объектом насмешек греков. Предание гласит, что житель Коса Филет был так необычайно худ, что заставляло его в ветреную погоду не покидать дома, а в обычную – ходить в обуви на свинцовой подметке.

Среди греческих тиранов были люди умные. Так, придя к власти, Писистрат приказал приводить к себе во дворец всех бездельников, и спрашивал их, почему они не работают. Если выяснялось, что это – бедняк, у которого нет вола или семян, чтобы вспахать и засеять поле, то он давал ему все. Писистрат считал, что безделье таит в себе угрозу заговора против него [23, с. 118].

Значимый вклад в историю Греции внесли и правители демократического толка. Авторитет и влияние Перикла в Афинах были так велики, что даже его женитьба на гетере Аспасии не уменьшила его популярности. Гетерами (греч. «спутницы», «подруги») в Древней Греции назывались образованные незамужние женщины, ведущие свободный, независимый образ жизни (иногда словом «гетера» в Древней Греции называли женщин, торгующих собой). Ремесло гетеры в Греции не считалось почетным, и к ним относились с пренебрежением. Не могло быть и речи о том, чтобы почтенный человек женился на гетере. Достойная греческая женщина росла, воспитывалась и всю жизнь проводила затворницей в гинекее – на женской половине дома. Она не посещала театр, не смела появляться в Народном собрании. Женщина даже не могла одна выйти на улицу – ее обязательно сопровождал кто-нибудь из родственников или рабыня.

Среди гетер встречались женщины блестящего ума, хорошо образованные, умеющие поддержать разговор поэтов и философов, разбирающиеся в политике и искусстве. Такой гетерой была Аспасия из Милета. Аспасия славилась в Афинах красотой и умом. Выдающиеся политики и философы считали ее женщиной незаурядной. Она была прекрасной собеседницей, и говорят даже, что была наделена ораторским талантом, который так ценили афиняне [23, с. 130].

Перикл познакомился с Аспасией и был восхищен этой женщиной, которая сумела поставить себя так, что самые умные люди Афин считали за честь быть ее друзьями. Он сделался частым гостем в доме гетеры, и вскоре всем стало ясно, что Перикл полюбил прекрасную хозяйку. И мало этого: по Афинам пронесся слух – Перикл решил жениться на гетере! Это оказалось правдой. Перикл развелся с женой, и вскоре в доме стратега появилась новая хозяйка. Перикл слышал сплетни и пересуды за своей спиной, но нимало не беспокоился. Он знал, что никакие насмешки не умалят его заслуг перед государством. И потом, он слишком любил Аспасию, чтобы придавать значение скабрёзным историям, которые о ней рассказывали его недруги.

Счастьем наполнился дом Перикла, когда в него пришла Аспасия. Каждый день, уходя из дома, Перикл нежно прощался с женой и приветствовал ее при возвращении, что было совсем не в традиции афинских мужей. Аспасия же, став женой стратега, не заперлась в гинекее, как полагалось замужней женщине в Афинах. Она продолжала принимать гостей, друзья Перикла стали и ее друзьями. Для своего сына от брака с Аспасией – Перикла-младшего – стратег добился в виде исключения афинского гражданства вопреки закону, который сам и ввел – ведь Аспасия не была афинянкой [23, с. 130].

В тяжелые для Перикла дни нелегко пришлось и Аспасии. Именно на нее, зная, как много значит она для стратега, обрушили свой первый удар недруги Перикла. Аспасию обвинили в нечестивости, в том, что она, гетера, учит распутству афинских женщин. Перикл встал на защиту жены, он плакал, убеждая судей в ее невиновности. Аспасию удалось спасти от наказания, но радость уже не возвращалась в дом Перикла. Следом за нападками врагов пришли война и чума, унесшая жизнь великого афинянина. До самой смерти Перикла Аспасия была рядом с ним, оставаясь заботливой женой и верной подругой.

Регионы Греции развивались весьма своеобразно. Спартанцы умели обидчиков поставить на место, не прибегая к физической расправе над ними. Однажды в Спарту прибыли жители греческого города Клазомены. Среди них оказались озорники, вымазавшие сажей кресла, в которых сидели правители Спарты – эфоры. Те не показали своего гнева, а издали указ, который был на следующее утро объявлен по всей стране: «Клазоменцам разрешается вести себя непристойно» [23, с. 134].

Мудрость спартанцев помогала им найти выход из самых сложных обстоятельств. Когда они получили приказ Александра Македонского, объявлявший о его божественном происхождении, то постановили: «Если Александру угодно быть богом, пусть будет». Истинно по-спартански посмеялись они над претензиями гордого македонца.

Свободолюбие спартанцев лучше всего сознавали их цари. Один из них – Антигон, заметив в своем сыне гордость и пренебрежение к подданным, сказал ему: «Оставь свои замашки. Разве ты не знаешь, что наша с тобой власть – почетное рабство?» [23, с. 134]. Спартанцы издали закон, ограничивающий покупку съестных припасов, регламентирующий их количество и качество, с целью избежать чревоугодия.

В 362 г. до н.э. фиванцы под командованием Эпаминонда напали на Спарту. Один мальчик-спартанец убежал из дома на поле боя и вместе со взрослыми отражал наступление врагов. Когда спартанцы победили, они наградили маленького героя венком за проявленную доблесть, но присудили к большому денежному штрафу за то, что он принял участие в сражении до положенного возраста и сражался, не имея положенного спартанцу вооружения и облачения.

Воспитание детей считалось в Спарте одной из главных общественных обязанностей гражданина. Спартанец, имевший трех сыновей, освобождался от несения сторожевой службы, а отец пятерых – от всех существовавших повинностей.

Однажды в Спарту прибыл посол с острова Хиос – гордый и чванливый, облаченный в пышные одежды и выкрасивший волосы, чтобы скрыть седину. Не успел он начать речь, как поднялся с места один из спартанцев и, обращаясь к присутствующим согражданам, сказал: «Что путного может сказать этот человек, если у него обман не только в сердце, но и на голове?» [23, с. 134].

Одного спартанского юношу, за бесценок купившего землю, предали суду. В обвинении говорилось, что он слишком молод, а уже соблазнился выгодой, а корысть – это враг каждого жителя Спарты.

Абсолютная власть и абсолютное богатство – составляющие «Иродова комплекса». Весьма характерно, что за всю историю человечества только двоим суждено было сконцентрировать у себя в руках одновременно неограниченную власть и большую часть добытого в мире золота, то есть абсолютную власть и абсолютное богатство. Эти двое – Александр Македонский и Гай Юлий Цезарь [5, с. 19]. Ни тот, ни другой не были счастливыми людьми в общепринятом смысле: семья, дети, отдохновение на лаврах. Александр III, прозванный Великим, больше известен как Александр Македонский. Историки отмечают, что характер у него был полон противоречий: в нем было много положительных качеств и так же много отрицательных. Не лишенный великодушия человек, рыцарь по натуре, отважный воин, и в то же время жестокий, безжалостный деспот, честолюбивый завоеватель, мечтавший подчинить себе весь мир. Он рос в атмосфере семейной вражды, которая установилась между его родителями. Александр полностью находился под влиянием своей матери, властолюбивой царицы Олимпиады, и с детства привык смотреть на мир ее глазами. Филипп пытался вернуть расположение сына и воспитать его в своем духе. Он пригласил к Александру великого мыслителя Древней Греции Аристотеля, который должен был стать для мальчика учителем жизни. Аристотель обучал Александра разным наукам и сам служил ему примером.

Жизнь, деяния Александра Македонского, подобно вспышке молнии осветили будничную, рутинную, вялотекущую историю бытия человечества, оставили о себе долгую память в веках. Причина же этого – не его держава, которая распалась сразу после его смерти. Не был он и основателем новой династии: два его сына – Александр и Геракл – еще юными погибли в кровавых распрях, одна из его жен Роксана была беременна, и, будучи ревнивой и страстно ненавидя Статиру, дочь Дария, на которой женился перед смертью Александр Македонский, она заманила ее и сестру к себе и, убив, бросила трупы в колодезь. Роксана через два месяца после этого родила сына Александра. Однако в 309 г. до н.э. род

Александра пресекался: по приказу Кассандра были умерщвлены Роксана и ее сын [25, с. 361–436].

Невзирая на трагические события, в ходе которых великие свершения, подвиги Александра Македонского завершились физической гибелью его династии, импульс, который он дал развитию истории цивилизации, ощущался многие столетия и даже тысячелетия. Это определялось тем восторгом, даже завистью к его молодости, к той легкости, с которой он завоевал полмира. Сколько будущих великих полководцев повторяли слова Александра: «20 лет – и ничего для бессмертия!» Цезарь с восхищением думал об удивительной судьбе Александра Великого. Наполеон и Суворов зачитывались книгами о его походах. Сколько легенд ходило по миру, и сколько восточных правителей выводили свой род от Искандера Двурогого (так на Востоке называли Александра). Многие из основанных им городов (более 30) в разных частях света, носящие его имя, напоминали о великих завоеваниях. Некоторые из них сохранились до нашего времени: Искандерун (Александрия при Иссе), Аль-Искандерия (Александрия Египетская), Герат (Александрия в Арии), Кандагар (Александрия в Арахосии), Ходжент (Александрия Крайняя). Уместна ли та ирония, которую вложил столь же великий Шекспир в уста своих героев, соразмерявших свою жизнь, свои деяния с деяниями, свершениями Александра Македонского, его посмертной судьбой? Оказавшись около могилы Йорика, Гамлет и его друг Горацио рассуждают о смысле жизни и смерти, отталкиваясь от судьбы Александра: «До какого убожества можно опуститься, Горацио! Что мешает вообразить судьбу Александрова праха шаг за шагом, вплоть до последнего, когда он идет на затычку бочки?»

Горацио: «Это значило бы смотреть на вещи слишком предвзято».

Гамлет: «Ничуть не бывало. Напротив, это значило бы почтительно следовать за предметом, подчиняясь вероятности. Примерно так: Александр умер, Александра похоронили. Александр стал прахом, прах – земля, из земли добывают глину. Почему глине, в которую он обратился, не оказаться в обмазке пивной бочки?»

Истлевшим Цезарем от стужи

Задельывают дом снаружи.

Пред кем весь мир лежал в пыли,

Торчит затычкою в щели [26, с. 228–229].

Реальная, историческая судьба праха Александра Македонского не вполне соответствует версии У. Шекспира, хотя по трагическому накалу реальные события даже превосходят версию великого трагика. Тело Александра долгое время лежало без погребения, и его мать Олимпиада, узнав об этом, воскликнула: «Дитя мое, ты стремился к доле небожителей, ныне тебе отказано даже в том, что получают все люди на земле, – в могиле!» Действительно, тело «земного бога» – Александра Македонского – пролежало непогребенным в покоях вавилонского дворца тридцать дней. Никто из бывших друзей и соратников не вспомнил о теле в пылу борьбы за наследие Александра, пока один находчивый человек из сочувствия к бывшему повелителю не объявил, что боги открыли ему тайну: та страна, в земле которой упокоится тело великого завоевателя, обретет счастье и вечное процветание (непогребение считалось одним из самых страшных преступлений в Греции, и за несвоевременное погребение последнего воина полководцев обрекали на смерть, изгнание, приговаривали к огромным штрафам). Но то, что было святым и общепринятым для последних смертных, явилось недоступным для «земного бога», достигшего наивысшего могущества на Земле [27, с. 211–219].

Только свидетельство, что тело великого завоевателя принесет вечное счастье и процветание, привело к тому, что за его обладание развернулась борьба и интриги. Каждый из сподвижников царя, полководцев-диадохов, стремился похоронить его в своих владениях и тем самым гарантировать прочность своей власти. Самым расторопным оказался Птолемей, ночью выкрававший тело погибшего царя и спешно отправивший его в Александрию Египетскую (по одним данным – в бочке с медом, по другим – в простом

ящике). Вслед устремился Пердикка, рассчитывая отобрать у нахального Птолемея останки Александра. Птолемей знал воинственный характер Пердикки и, опасаясь расправы, решил обмануть его. Он приказал изготовить куклу, ростом и лицом похожую на умершего. Эту куклу, облаченную в пышные одежды и украшенную драгоценностями, под дорогими погребальными покровами, на носилках, украшенных серебром, золотом и слоновой костью, везли в сопровождении пышной свиты. Тело же Александра по глухим дорогам везли самые верные Птолемею люди. Пердикка перехватил на пути в Александрию мнимый траурный поезд и повернул его обратно, решив, что стал обладателем тела царя. О подмене узнали слишком поздно, когда было невозможно что-либо изменить. Воистину, простым людям недоступно то, что по праву полагается земным богам, но последним недоступно то, что неизбежно предназначено самым последним нищим. Греки, которых Александр принуждал почитать себя как Олимпийца, как Бога, насмешливо заявляли: «Предоставим Александру, если ему так хочется, называть себя богом». Александр не стал богом, но – воплощением удачи, легендой и удивительной былью для современников и потомков, личностью, ставшей эталоном индивидуальности [27, с. 211–230].

Разнообразие общественного устройства городов-полисов Древней Греции позволило мыслителям античности выйти на высокий уровень осмысления общественных систем, представленных в Элладе. Так Платон не одобрял все существовавшие виды государственного устройства. Он считал, что власть тирана, военных, богатых или власть большинства – противоестественна. Ближе всего к его идеалам стоит аристократия, а именно, аристократическая республика. Затем – тимократия как власть нескольких человек, основанная на военной силе. Еще ниже стоит олигархия, представляющая собой власть немногих, власть, опирающаяся на торговлю, ростовщичество. Однако к самым неприемлемым государственным формам он относил демократию как власть толпы и тиранию. Приемлемой он находил аристократическую республику, противопоставлял ей, тем не менее, свой образец идеального государства. Дионисий Старший – правитель Сиракуз – был раздражен самоуверенностью Платона, который, не зная элементарных принципов управления, настойчиво учил его управлять государством, и Дионисий даже попытался продать его в рабство. Платон пишет в Трактате «Государство»: «Устанавливает законы всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические, также и в остальных случаях. Во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – это и есть как раз то, что полезно властям, а престопающего их карают как нарушителя законов и справедливости» [28, с. 106–107].

«Справедливость – в сущности это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнее, правителя, а не подневольного исполнителя... Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила. Вследствие их исполнительности он преуспевает, а сами они – ничуть... Обладание властью дает большие преимущества» [28, с. 113].

«Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим позором... нарушителей называют, по виду своих злодеяний, то святотатцами, то похитителями, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Тирания же то исподтишка, то насильственно захватывает то, что ей не принадлежит, – все храмы и государственное имущество, личное и общественное – и не постепенно, а единым махом. Если же кто, мало того, что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, – то вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благоденствующим» [28, с. 114].

По мнению Платона, для идеального государства неприемлемы две крайности: богатство и бедность. Одно ведет к роскоши, лени, новшествам, другая – к низости и злодеяниям [28, с. 209].

По мнению ряда философов, можно считать Платона предшественником научного коммунизма, поскольку главный источник социальной несправедливости он видит в частной собственности, которая разрушает целостность и единство государства.

Поэтому Платон ратует за то, чтобы высшее сословие не имело никакой частной собственности, даже личной... Семья, согласно Платону, упраздняется: «Все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок – кто его отец. Дети, рожденные от худших граждан, или же указанных возрастных рамок, должны уничтожаться» [29, с. 125–131].

Рассуждая об общности жен и детей в идеальном государстве, Платон отмечал: «...что это будет за общность жен и детей, как быть с воспитанием младенцев в промежуток времени от их рождения до начала обучения, который считается особенно тягостным? – Здесь невероятного еще больше, чем в том, что мы разбирали ранее. Сказать, что это осуществимо – не поверят, а если бы это и осуществилось вполне, то с недоверием отнеслись бы к тому, что это и есть самое лучшее» [29, с. 244–245].

Платон, рассматривая роль женщины в идеальном государстве, отмечал: «...на опыте стало ясно, что удобнее упражняться без одежды, чем прикрывать ею все части тела... [29, с. 247]. Пусть женщины снимают одежды, раз они будут вместо них облекаться доблестью, пусть принимают они участие в войне и в прочей защите государства и пусть не отвлекаются ничем другим. Из-за слабости их пола женщинам надо давать поручения более легкие, чем мужчинам».

Платон предусматривал в идеальном сообществе «обобществление» всех сфер бытия. «Раз у них и жилища, и трапезы будут общими, и никто не будет иметь этого в частном владении» [29, с. 253].

Социально-политические взгляды Аристотеля изложены главным образом в его «Политике». В этой работе он отмечает: «Политика должна ориентироваться на достижение общего блага, а ее главная цель – достижение справедливости. Но достигается это за счет умения и желания граждан повиноваться властям и закону».

Что же касается самих правителей, то для умения властвовать необходима добродетель нравственно совершенного человека. Аристотель считал, что поскольку власть может принадлежать одному, то может существовать шесть основных форм государственного устройства. Из них три правильных – монархия, аристократия и полиция (республика) и три неправильных – тирания, олигархия и демократия.

Монархия – первая и наиболее древняя форма политического устройства, она допустима лишь при наличии в государстве человека, превосходящего добродетелью всех остальных людей. Но аристократия лучше монархии, поскольку власть при этой форме правления находится в руках немногих, обладающих высокими положительными качествами. В условиях республики (политии) государство управляется большинством «носящих оружие» людей. «Тираническая же власть не согласна с природой человека», это наиболее гнусная форма правления.

Наиболее же сносной формой правления Аристотель считает демократию, и то при условии, что власть в государстве принадлежит закону, а не толпе (охлократия) [30, с. 377–393]. Аристотель считает идеальным такое реальное государство, которое обеспечивает в максимальной возможности счастливую жизнь для наибольшего числа своих граждан.

В целом же Аристотель разделяет социально-политические воззрения Платона, но он далек от того, чтобы так раздавить, обезличить человека в государстве, как это сделал Платон. При всем подчинении государству Аристотель сохраняет за гражданами достаточную самостоятельность и в семье, и в частной жизни. Он решительно выступает и против платоновской идеи обобществления имущества, жен, детей.

Хорошими формами правления Аристотель считал монархию, аристократию и полицию. Плохими – тиранию, возникающую как деформацию аристократии, и демократию, как

деформацию политики. Что касается неправильных форм правления, то Аристотель считал, что они – тирания, олигархия, демократия – служат лишь частным интересам толи одного лица, толи группы [30, с. 377–393].

В отличие от Платона, который видел в частной собственности главный источник всех социальных бед, Аристотель, напротив, сторонник частной собственности. Он считал, что в наилучшем государстве должна господствовать умеренность во всем, а так как «умеренное и среднее» – это наилучшее, то в таком государстве каждый гражданин должен владеть умеренной собственностью. Это среднее сословие и устанавливает наилучшую форму правления [30, с. 377–393].

Аристотель считал, что и большое богатство, и крайняя бедность нарушают стабильность общества, для благополучия которого особую важность представляют средние слои. В связи с этим большие состояния, как и способы их приобретения, Аристотель объявляет противоестественными и противными человеческому разуму и государственному устройству. Поэтому основными задачами государства Аристотель считает предотвращение чрезмерного накопления гражданами имущества, чрезмерного роста политической власти личности. В численном увеличении и усилении средних слоев Аристотель видит опору и спасение государства.

В молодости Аристотель был невзрачного вида, имел худые ноги, маленькие глаза, был шепеляв, но хотел отличаться от окружающих людей: любил одеваться, носил по несколько дорогих перстней и делал необычную прическу – свисающую на лоб челку и короткую бородку. Александр Македонский сказал о нем: «Я чту Аристотеля наравне со своим отцом, так как если отцу я обязан жизнью, то Аристотелю тем, что дает ей цену». После своих завоеваний Александр вручил Аристотелю 800000 талантов.

Платон об Аристотеле: «Аристотель меня брыкает, как сосунок-жеребенок свою мать». Аристотель: «Платон мне друг... но истину следует предпочесть» [29, с. 136–138]. Их отношения продолжались 17 лет.

Именно с Гая Юлия Цезаря начинают свои первые шаги Римская империя. Никто из последующих римских императоров не мог сравниться с яркой и удивительной личностью Гая Цезаря из рода Юлиев, который иногда с удивительным легкомыслием совершал безрассудства, но с непостижимой твердостью шел к вершинам власти.

Цезарь в юности был человеком очень элегантным, модным, приятным, очень расточительным, слабого здоровья, нервным, честолюбивым, жадным к наслаждениям и действиям, щедро одаренным для всех видов умственной деятельности. Посреди развлечений элегантной и несколько развращенной жизни он сумел сделаться одним из самых выдающихся ораторов своего времени. Это был поистине прекрасный ум, живой, достаточно хорошо уравновешенный, несмотря на свою легкую нервозность; артист и ученый в душе, который по своей гибкости и деятельности должен был иметь несомненный успех как в политике, так и на войне [25, с. 436–437].

В декабре 62 г. до н.э. римские женщины праздновали день Доброй богини. По традиции они собирались в доме Великого понтифика – Гая Юлия Цезаря. Торжество проходило спокойно. Вдруг раздались шум, крики. Оказывается, мать Цезаря, Аврелия, обнаружила в доме, куда в этот день вход был разрешен только женщинам, переодетого женщиной мужчину. Он пришел на свидание к жене Цезаря – Помпее. Нарушителю спокойствия удалось бежать, но его имя не осталось тайной. Это был молодой аристократ Публий Клодий Пульхр.

Имя Клодия было хорошо известно римлянам. Он «мутил воду» в легионах Лукулла в Азии, был предводителем «золотой молодежи» в Риме. Его разгульное поведение и демонстративное поправление старых римских добродетелей было у всех на устах. Римлян шокировали его цинизм и беспринципность в политике.

Молодой аристократ предстал перед судом. Однако Цезарь не только не выступил против Клодия, но даже заявил, что он ничего не знает о проступке обвиняемого. Клодий

был оправдан, а Цезарь на недоуменный вопрос, почему же тогда он развелся со своей женой, ответил: «Жена Цезаря вне подозрений» [25, с. 444–445].

С 60 г. до н.э. Клодий стремился стать народным трибуном, но этому мешало его патрицианское происхождение. Стремление к популярности побуждало его льстить народу. Его усилия не пропали даром. Высшее общество презирало его, но популярность среди плебса он завоевал. Цезарь, став консулом, способствовал тому, чтобы Клодий был усновлен плебеем и смог стать народным трибуном 58 года до н.э.

Сначала Клодий проводил законы, выгодные триумвирату. Но затем начал выказывать такую большую самостоятельность, что посмел угрожать Цезарю и Помпею. Клодий был отнюдь не чист на руку и даже не брезговал брать деньги от иностранных правителей, заинтересованных в поддержке Рима. Поэтому его нетрудно было подкупить, что и сделал Цезарь. Но это еще не означало, что Клодий всегда действовал в интересах Цезаря – разве что не вредил.

Угрозы в свой адрес Клодий использовал как повод для создания вооруженных отрядов личной охраны. В Риме I в. до н.э. бывало, что сторонники одного из политических лидеров вооруженными приходили на Форум. Клодий же ввел это в систему. И теперь банды вооруженных людей начали третировать его противников, приводя в ужас мирное население Рима. Клодий использовал свои отряды не только в политических целях: он захватывал чужие земельные владения, занимался вымогательством денег у богатых людей.

Имея вооруженную поддержку, Клодий почувствовал себя хозяином положения. Он вмешивался в государственные и международные дела, открыто враждовал с Помпеем и даже подсылал к нему убийц. Помпей тоже не собирался сидеть сложа руки и нашел для себя человека не менее наглого и беспринципного, чем Клодий – Милона. Милон по примеру своего врага тоже вооружил своих людей [25, с. 436–449].

В 53 г. до н.э. выборы новых магистратов вылились в жестокие столкновения отрядов Милона и Клодия на улицах Рима. В одной из стычек на Форуме, когда пытались провести выборы, сторонники обеих враждующих группировок пустили в ход камни. Оба консула были ранены. Из-за постоянных вооруженных конфликтов выборы в 52 г. до н.э. так и не были проведены. Рим остался без новых консулов.

18 января 52 г. до н.э. на Аппиевой дороге два заклятых врага – Милон и Клодий – встретились лицом к лицу, сопровождаемые своими вооруженными рабами. Началась перебранка, которая очень скоро переросла в драку. Заблестели кинжалы. Клодий был ранен. Его отнесли в ближайшую таверну, где он был настигнут людьми Милона, которые добились раненого, а труп выкинули на улицу.

Подавив общегалльское восстание, Цезарь оказался, тем не менее, в сложнейшем политическом положении – триумвират (союз трех мужей) Цезаря, Красса и Помпея распался. В 53 г. до н.э. в походе против парфян погиб Красс. Римская республика находилась на грани развала. Или Помпей законным путем (он уже был назначен сенатом единственным консулом) или Цезарь (незаконным путем) легко могли воспользоваться ее слабостью. 10 января 49 г. до н.э., стоя с одним легионом перед небольшой речкой Рубикон, которая отделяла его от исконных владений Рима, Цезарь обратился к друзьям: «Если я не перейду эту речку, друзья мои, то это будет началом бедствий для меня, а если перейду, то это станет началом бедствий для всех людей». После этого он стремительно перешел Рубикон, сказав: «Да будет жребий брошен» («*Ales iacta est*»). Вскоре началась вторая гражданская война. В битве при Фарсале 9 августа 48 г. до н.э. с вдвое меньшей армией Цезарь разбил Помпея – победившего до сего сражения 22 царей, в том числе и знаменитого Митридата – царя Понта, что привело к бегству в Египет Помпея, павшего духом настолько, что он «походил на человека, лишённого рассудка». Египтяне поняли, на чьей стороне сила, и преподнесли Цезарю кровавый подарок – голову Помпея. В это время поднял восстание сын парфянского царя Митридата Фарнак. Запылала Малая Азия. Против Фарнака Цезарь

выступил сам и 2 августа 47 г. до н.э. разбил его, послав в Рим сообщение «Пришел. Увидел. Победил» («Veni. Vedi. Vici»).

После возвращения в Рим Цезарь, как бы наверстывая упущенное, отпраздновал четверной триумф: Галльский, Фарнакский, Египетский и Нумидийский. Несли захваченные знамена и военную добычу. Общая стоимость захваченных сокровищ равнялась 65 тыс. талантов. Среди них было 2822 золотых венка весом около 8 тонн, подаренных Цезарю различными правителями и городами. При раздаче добычи не был забыт ни один житель Рима. 22 тысячи столов с угощениями ожидало граждан. Зрелища и игры, в которых участвовали пехота, конница и даже боевые слоны, потрясли римлян. Казалось бы, теперь ничто не мешало Цезарю насладиться полнотой власти. Он являлся пожизненным диктатором. К его имени прибавился титул «император», он получает почетное звание «Отца Отечества» и «Освободителя», его регулярно избирают консулом. Ему оказывают почти царские почести. Его родовым именем называют месяц, в котором он родился, – июль. В его честь строят храмы, его изображения ставят среди богов. Клятва именем Цезаря становится обязательной в судах.

Имея такие полномочия, Цезарь проводит ряд важных реформ: расширяет сенат и увеличивает число магистратов за счет своих легионеров, проводит аграрную реформу и разрабатывает новый кодекс законов, Цезарь реформирует календарь, чтобы прекратить политические махинации за счет споров об исчислении времени. Этот календарь с тех пор называют юлианским. У Цезаря огромные планы на будущее: построить новый театр, храм Марса, открыть греческие и римские библиотеки, усмирить даков и парфян.

Однако по Риму начали распространяться слухи о том, что Цезарь стремится стать царем, что он скоро перенесет столицу из Рима в Малую Азию. Многие обойденные чинами и званиями, а также те, кто искренне опасался за Римскую республику, составили заговор, в котором было задействовано около 60 человек. Достигший вершин власти и могущества божественный Юлий вдруг оказался в политической изоляции [25, с. 451–490].

В 46 г. до н.э. в конце гражданской войны в тогда еще Римской республике произошло событие, настолько поразившее современников (да и их ближайших потомков), что, начиная с Гая Цезаря, все последующие императоры делали все возможное, чтобы стереть его из памяти людей. И им это удалось, так как сейчас мало кто знает о человеке, вызывавшем своими стойкими убеждениями ненависть тиранов, а героической смертью – головные боли у Цезаря. Человека этого звали Марк Порций Катон Младший.

6 апреля 46 г. до н.э. на территории нынешнего Туниса у прибрежного города Тапса произошло генеральное сражение, в котором республиканцы были разбиты (их погибло 10 тысяч), после чего 54-летний Цезарь спешно устремился с войском к последнему оплоту республиканцев – городу Утика, горя желанием захватить живым его коменданта, идейного вдохновителя республиканского движения, 50-летнего Катона Младшего.

Катон сумел превратить город в надежную крепость и намеревался оказать Цезарю длительное сопротивление. Однако население города, узнав о победе Цезаря, не поддержало Катона, а все, кто поддерживал республику, были в панике и готовились к бегству.

Не желая дальнейшего кровопролития и видя бесперспективность сопротивления, Катон распустил гарнизон, снабдил желавших уехать припасами и выделил им суда, а сам принял решение умертвить себя, лишь бы не попасть в руки тирана и не доставить радости Цезарю [31].

Вот эти-то обстоятельства трагической и вместе с тем славной смерти наиболее последовательного борца за сенатскую республику произвели настолько неизгладимое впечатление на ее сограждан, что в исторических источниках авторы описали последние часы Катона куда подробнее, чем битву при Тапсе.

Однако ему не удалось убить себя сразу. В предсмертных муках он упал с кровати, опрокинув стоявший рядом столик. Рабы, дежурившие у дверей, услышав шум, подняли тревогу, в спальню ворвался сын с друзьями. Катон лежал на полу в луже крови, с

вывалившимися внутренностями. Но он был еще жив, и врачи попытались его спасти. Его уложили в постель, вправили внутренности и даже зашили рану. Но, как только он пришел в себя, то, улучив момент, разорвал швы, разбередил рану, разбросал внутренности и в страшных мучениях испустил дух.

Общественное мнение самого Рима было на стороне погибшего. Известный оратор и политический деятель Марк Туллий Цицерон в конце 46 г. даже написал сочинение «Похвальное слово Катону», вызвавшее настоящую сенсацию в столице и рост республиканских настроений, так что впоследствии полководец Цезаря, Марк Антоний, после гибели диктатора называл Цицерона идейным вдохновителем заговора сенаторов-республиканцев в 44 г. до н.э. против своего патрона.

Влияние сочинения Цицерона было настолько огромным, что Цезарь раньше, накануне решающего сражения в Испании при Мунде (17 марта 45 г. до н.э.) – самого упорного и ожесточенного за всю гражданскую войну (тогда погибло свыше 31 тысячи человек, а всего в гражданской войне было убито свыше миллиона, так что население Италии сократилось вдвое) – счел необходимым ответить Цицерону собственным сочинением «Антикатон» (в двух книгах!), в котором обрушился с потоком гневных обвинений против своего героического соперника [31].

Заря 15 марта (знаменитые «мартовские иды») 44 г. до н.э., наконец, вошла. Заговорщики рано собрались к портику Помпея. Брут, бывший претором, вошел на трибунал и, подавив свое волнение, начал слушать жалобы лиц, явившихся с просьбами. Цезарь должен был прийти с минуты на минуту. Но Цезарь медлил, задержанный нездоровьем, едва не заставившим его отменить заседание. Уже встревоженные заговорщики стали чувствовать страх и дрожать при малейшем шуме...

Было около десяти часов утра, заговорщики начали терять терпение, ожидание утомило их, и они стали думать об измене. Кассий решился послать Децима Брута к Цезарю, чтобы посмотреть, что происходит у Цезаря, и привести его в Курию... Децим возымел дерзость увлечь на смерть дружескими словами человека, который ему доверялся и который на его просьбу последовал за ним. Носилки Цезаря, наконец, появились. Цезарь вошел и занял свое место. Туллий Кимвр приблизился к диктатору с просьбой о возвращении из изгнания одного из своих братьев; другие заговорщики сгруппировались вокруг него как бы для того, чтобы присоединить свои мольбы к просьбам Кимвра.

Каска нанес первый удар, но в своей поспешности поразил его в плечо. Цезарь с криком схватился для защиты за металлическую палочку для письма. Каска в испуге позвал на помощь своего брата, который вонзил свой кинжал в бок Цезаря. Кассий поразил его в лицо, Децим в пах. Скоро все заговорщики оказались на нем, в тесноте поражая друг друга, в то время, как сенаторы, после мгновенного оцепенения, с криком спасались, охваченные внезапным ужасом, толкая друг друга и падая на землю. Только двое из друзей Цезаря устремились к нему на помощь. Отбиваясь, Цезарь дошел до подножия статуи Помпея и там упал в луже крови.

По одной из версий, хотя и спорной, Брут, один из убийц Цезаря, являлся... его незаконнорожденным сыном [32, с. 103–178]. Цезарь пал, политическая система, созданная им, сохранилась.

Дальнейшее развитие имперского Рима с наглядностью продемонстрировало, что преемники Цезаря – правители империи – унаследовали все его (явные, скрытые и даже предполагаемые!) пороки и в то же время, к вящему сожалению, оказались обделенными его достоинствами.

«Насколько Нерон потерял добродетели своих предков, настолько же он сохранил их пороки», – писал Светоний, – да и кто может родиться от «гнуснейшего во всякую пору его жизни» отца и такой женщины, как Агриппина? Нероны возникают при соответствующих обстоятельствах, пороки и преступления не предопределены рождением. Воспитателем Нерона был Сенека, будто бы увидевший во сне, что ему выпало воспитывать Гая Цезаря, к

власти привел его добродетельнейший Бурр. Убийство Британика и Агриппины совершилось с молчаливого согласия этих мудрых советников, видевших в нем государственную целесообразность.

Первое пятилетие, впрочем, почти не было запятнано кровью: «Экономика повсюду развивалась с успехом. Административная машина была четко отлажена. Наместников подбирали умело, злоупотребления сурово наказывались... Народ хвалил бы Нероновы зрелища безо всяких отговорок, не будь они такие культурные и такие греческие». Если сенаторы за что и упрекали Нерона, то лишь за чрезмерное увлечение пением, поэзией, скачками. Луций Домиций, ставший императором Нероном, был талантливым поэтом, любил рисовать и ваять, не говоря уж о пристрастии к театральному действу. Поджог Рима некоторые считают тенденциозной легендой, тогда как огромные усилия Нерона по восстановлению сгоревшего Рима являются историческим фактом [33].

Ни художественные увлечения Нерона, ни его знакомство с астрологией, ни преклонение перед Грецией, ни распутство не объясняют нам, почему изменился характер правления, а Нерон вошел в историю как кровавый лицедей. Стоило растратить казну на строительство Рима и прочие «стройки века», как потребовалось изымать средства у римской знати; казни вызывают все большее возмущение, начинается хоровод смерти. И завершается все вполне традиционно: начав правление с «золотого века», цезари редко умирали своей смертью.

Абсолютная власть «абсолютно» меняла людей, их морально-этический облик, отношение к окружающим, в том числе и близким. По свидетельству Гая Светония Транквилла, император Нерон «мать свою невлюбил за то, что она следила и строго судила его слова и поступки... Три раза он пытался отравить ее, пока не понял, что она заранее принимает противоядие. Тогда он устроил над ее постелью искусственный потолок, чтобы машиной высвободить его из пазов и обрушить на спящую, но соучастникам не удалось сохранить замысел в тайне. Тогда он придумал распадающийся корабль, чтобы погубить ее крушением или обвалом каюты... она ускользнула вплавь. Мать его умертвили, как будто она ... сама наложила на себя руки. Нерон прибежал посмотреть на тело убитой, ощупывал ее члены, то похваливая их, то поругивая, захотел от этого пить и тут же пьянствовал. За умертвлением матери последовало убийство тетки. После развода со своей первой женой Октавией он казнил ее по обвинению в прелюбодеянии – столь нелепому и наглому, что даже под пыткой никто не поддержал его. На Пoppее он женился через двенадцать дней после развода с Октавией и любил ее безмерно, но и ее убил, ударив ногой в живот, больную и беременную. Антонию, дочь Клавдия, который был его приемным отцом и предшествующим правителем Римской империи, отказавшуюся выйти за него замуж, он казнил. Родственника Авла Плавтия он перед казнью изнасиловал [33].

Э. Ренан, описывая преступления Нерона, отмечает: «Если Тигр выходит из берегов, если Нил не орошает полей, если разыгрываются природные силы и происходят землетрясения, если вспыхивают эпидемии и мор – один только слышен крик: христиан – львам!» [34, с. 10].

Нерону пришла в голову адская мысль. Он стал соображать, не найдется ли на свете каких-нибудь людей, к которым римская толпа питала бы еще большую ненависть, нежели к нему, и на которых можно было бы свалить поджог города. Он вспомнил о христианах. Отвращение, которое они выказывали к храмам и к наиболее почитаемым римлянами сооружениям, придавало достаточно правдоподобия идее, будто они были виновниками пожара, имевшего своей целью уничтожить святилища. Угрюмый вид, с которым они смотрели на монументы, сам по себе представлялся оскорблением отечества. Рим был весьма религиозным городом, и человек, протестующий против национальных культов, был в нем достаточно заметен.

Надо припомнить, что некоторые евреи доходили до того, что не хотели даже прикасаться к монетам с изображением императора и считали таким же крупным преступлением смотреть на такое изображение или носить его, как и воспроизводить его.

Другие отказывались проходить через городские ворота, увенчанные какой-либо статуей. Все это вызывало со стороны толпы насмешки и раздражение. Быть может, также речи христиан о великом пожаре при конце света, их пророчества, их усиленные повторения, что наступает конец света, и что он произойдет через посредство пламени, со своей стороны содействовали тому, что их принимали за поджигателей. Возможно даже допустить, что многие из верующих были неосторожны и своим неблагоразумным поведением давали повод к обвинениям их в том, будто они хотели во что бы то ни стало оправдать предсказания своих оракулов и разыграть прелюдию к истреблению мира небесным огнем.

Какое же искупление может быть более действенным, нежели казнь людей, которые враждебно относятся к языческим богам? Видя, что их жестоко истязают, народ заговорит: «А! Вот кто виновен!» Надо припомнить, что общественное мнение в это время считало, что самые гнусные преступления совершались христианами [34, с. 11].

Мыслящие люди с негодованием отвергали мысль о том, что набожные ученики Иисуса могли быть сколько-нибудь повинны в преступлении, в котором их обвиняли; заметим только, что многие данные могли ввести общественное мнение в заблуждение. Они не были виновны в этом пожаре. В Апокалипсисе тайные молитвы святых сжигают землю, вызывают землетрясения. Можно себе представить какое-нибудь христианское общество где-либо в недрах Транстеврина, в собраниях которого повторяли друг другу: «Разве мы этого не предсказывали?» Но часто бывает опасно оказаться слишком верным предсказателем. «Если бы мы захотели отомстить за себя, говорит Тертуллиан, нам довольно было бы одной ночи, нескольких факелов». Обвинение в поджигательстве часто падало на евреев из-за их обособленной жизни. Это же преступление было одним из навязанных обвинений, которые входили в определение христианина.

Таким образом, никаким способом не содействуя катастрофе 19 июля, христиане все же могли прослыть, если можно так выразиться, за «поджигателей в мыслях». Спустя 4,5 года Апокалипсис дает нам целую песнь о пожаре Рима, по всей вероятности, заимствовавшую один факт в событии 64 г. Разрушение Рима было, конечно, мечтой евреев и христиан; но у них это и было только мечтой: благочестивые сектанты, наверное, довольствовались тем, что воображали, как святые и ангелы в небесах рукоплещут зрелищу, которое в их глазах представляется справедливым возмездием [34, с. 11–15].

С трудом можно поверить, чтобы мысль обвинить христиан в июльском пожаре сама собой пришла в голову Нерона. Разумеется, если бы цезарь знал ближе добрых братьев, он бы их ненавидел. Естественно, что христиане не могли понять заслуги, которая заключается в позировании Цезаря в качестве «первого любовника» на авансцене общества своей эпохи. Нерона же выводило из себя, когда не признавали его артистического таланта и искусной игры. Но, без сомнения, Нерон только слыхал толки о христианах и никогда не имел личных отношений с ними. Кто же внушил ему жестокий замысел, о котором идет речь? Прежде всего, возможно, что подозрения возникали в разных пунктах города. В ту эпоху официально миру секта была уже достаточно известна. О ней много толковали. Мы видели, что у Павла были сношения с лицами, состоявшими на службе в императорском дворце. Довольно странно, что в числе предсказаний, сделанных некоторыми лицами Нерону, ему было обещано, что в случае его низложения с императорского престола он получит владычество над Иерусалимским царством. Мессиянские идеи нередко принимали у римских евреев форму туманных надежд на образование восточно-римской империи; впоследствии подобными фантазиями воспользовался Веспасиан. Со времени вступления на престол Калигулы и вплоть до смерти Нерона еврейские интриги в Риме не прекращались. Евреи много содействовали вступлению на престол и поддержке семьи Германика. Через посредство ли Иродов, через посредство и других интриганов, они наводняли дворец, слишком часто с исключительной целью погубить своих недругов. Агриппа II был очень силен при Калигуле и при Клавдии; когда он находился в Риме, то играл в нем роль весьма влиятельной особы. С другой стороны, Тиверий Александр занимал высшие должности.

Наконец, и Иосиф обнаруживает довольно большую благосклонность к Нерону, находит, что его оклеветали, приписывает все его преступления окружающим его дурным людям. Поппею он изображает в виде благочестивой женщины, так как она благоволила к евреям, поддерживала сборы ревнителей, быть может, также усвоила отчасти их обряды. Он знал ее в 62 или в 63 г., через ее посредство добился помилования арестованных еврейских священников и сохранил о ней самой благодарное воспоминание. Нам известна трогательная эпитафия еврейки по имени Эсфирь, уроженки Иерусалима и вольноотпущенной Клавдия или Нерона; она поручает своему другу Арескузу соблюсти, чтобы на ее надгробном камне не было высечено чего-либо противного Закону, как, например, буквы D.M. В Риме были актеры и актрисы еврейского происхождения; при Нероне это был простейший способ приблизиться к императору. В частности называют некоего Алитира, мима, которого очень любил Нерон и Поппея; через его посредство Иосиф получил доступ к императрице. Нерон, полный ненависти ко всему римскому, любил обращаться к Востоку, окружать себя людьми с Востока, завязывать интриги на Востоке [34, с. 15–18].

Достаточно ли всего этого для того, чтобы создать правдоподобную гипотезу? Позволительно ли приписывать ненависти евреев к христианам жестокий каприз, подвергнувший самых безобиднейших людей чудовищнейшим пыткам? По весьма распространенному преданию IV века, смерть Павла и даже Петра, которая относилась к гонению христиан 64 г., имела своей причиной обращение в христианство одной из любовниц и фавориток Нерона. Другое предание приписывало эти казни интриге Симона Волхва. Но с таким сумасбродным субъектом, каким был Нерон, всякие предположения рискованны. Быть может, обстоятельство, что выбор для страшного избиения пал именно на христиан, объясняется лишь прихотью императора. Нерону не требовалось никакого пособника для того, чтобы задумать план, способный по своей чудовищности сбить с толку все обычные правила исторической индукции.

Сперва было арестовано некоторое число лиц, заподозренных в принадлежности к новой секте; они были скучены в тюрьме, которая уже сама по себе представляла пытку. Все они признали свое вероисповедание, а это могло считаться равносильным признанию в преступлении, так как самая их вера уже была преступлением. За этими первыми арестами последовало огромное количество других. Большая часть обвиняемых была, по-видимому, прозелитами, соблюдавшими заповеди и предписания Иерусалимской Церкви [34, с. 18].

Все были поражены многочисленностью приверженцев этих туманных учений; об этом говорили с некоторым ужасом. Все рассудительные люди находили, что обвинение в поджоге не доказано. «Истинное их преступление – это ненависть к роду человеческому», – говорили некоторые. Многие серьезные римляне, хотя были убеждены в том, что виновником пожара был Нерон, видели в этой облаве, им устроенной, хороший способ избавиться от этой «смертоносной чумы». Тацит был того же мнения, хотя и испытывал некоторую жалость. Что же касается Светония, то он относил к числу похвальных деяний Нерона казни, которым он подвергнул приверженцев «нового и зловредного суеверия» [34, с. 17–18].

Казни эти представляли собой нечто ужасное. Никогда не видано было такой утонченной жестокости. Почти все арестованные христиане были люди бедные и незнатные. Казнь, предназначаемая таким несчастным в случае обвинения их в оскорблении величества или в святотатстве, заключалась в том, что их отдавали на съедение диким зверям в цирке или сжигали живыми, причем этому предшествовало жестокое бичевание. Одной из самых отвратительных черт римских нравов было превращение казни в торжество, зрелища избиения – в общественные игры. Персии были знакомы в эпохи господства фанатизма и террора страшные истязания; она не раз вкусила в них нечто вроде мрачного наслаждения; но до римского владычества никогда еще не делали из этих ужасов общественного развлечения, предмета смеха и рукоплесканий. Цирки обратились в лобное место; суды

поставляли действующих лиц для арены. Приговоренных к смерти со всех концов света направляли в Рим для пополнения цирка и увеселения народа.

«Камо грядеши» Сенкевича представляет гораздо более жестокую «бойню». Прибавьте к этому свирепую строгость правосудия, благодаря которой самые обыкновенные проступки карались смертью; прибавьте еще многочисленные судебные ошибки как результат недостатков уголовного судопроизводства, и тогда станет понятным полнейшее извращение идеи. На приговоренных к смерти смотрели скорее как на несчастливцев, нежели как на преступников: их считали невиновными [34, с. 18].

На этот раз к варварству мучений присоединили еще и осмеяние. Осужденных приберегали для праздника, которому, без сомнения, был сообщен характер искупительной жертвы. В Риме насчитывалось немного столь необычных дней. Во время утренних игр, посвященных травле диких зверей, римлянам представилось неслыханное зрелище. Осужденных вывели зашитыми в шкуры диких животных на арену, и здесь они были растерзаны собаками; других распинали на крестах, третьи, наконец, одетые в туники, пропитанные маслом или смолой, были привязаны к столбам, чтобы служить вместо факелов для освещения праздника ночью. Когда наступила ночь, эти живые факелы были зажжены.

Для этого зрелища Нерон предоставил свои великолепные сады по ту сторону Тибра, занимавшие место нынешнего Борго, площади и церкви св. Петра. Здесь находился цирк, границу его составлял обелиск, привезенный из Гелиополиса (тот самый, который ныне стоит в центре площади св. Петра). Это место служило ареной для избиения при свете факелов. Нерон устроил себе здесь прогулку, во время которой, при свете факелов, были обезглавлены многие римские консуларии, сенаторы и дамы [34, с. 17].

В качестве факелов использовались человеческие тела, пропитанные воспламеняющимися веществами. Как казнь это сожжение заживо не было новинкой; это было обычным наказанием для поджигателей, но иллюминации из этого способа казни все-таки еще никогда не делали. При свете этих ужасных факелов Нерон, который ввел в моду вечерние скачки, показываясь на арене, то смешиваясь с толпой зрителей в костюме жокея, то управляя колесницей и стараясь заслужить аплодисменты.

Однако при этом обнаруживались некоторые признаки сострадания. Даже люди, считавшие христиан виновными и признававшие их заслуживающими подобной казни, ужаснулись от подобных жестоких развлечений. Люди благоразумные хотели бы, чтобы совершалось лишь то, чего требует общественная польза, чтобы город был очищен от опасных людей, но не создавалось такого впечатления, будто преступники приносятся в жертву жестокосердию одного человека [34, с. 17–18].

Женщины и девушки подвергались страшной участи при этих ужасных зрелищах. Нет имени тем недостойным истязаниям, какие были над ними совершены для общего удовольствия. При Нероне вошло в обычай заставлять осужденных исполнять в цирке мифологические роли, сопряженные с неизбежной смертью их исполнителей. Подобные отвратительные представления, при которых с помощью искусных машин достигались удивительные эффекты, были в то время новинкой.

Несчастливого выводили на арену в богатом костюме бога или героя, обреченного на смерть, и затем казнь его происходила в виде трагической сцены из мифов, воспетых поэтами или увековеченных скульпторами. Иногда это был Геркулес в неистовстве, сжигаемый на горе Эте, старающийся сорвать со своего тела пылающую смоляную тунику; изображался Орфей, низвергнутый с неба и преданный на съедение зверям; Пасифая, отданная в добычу быку, умерщвление Аттиса; иногда ставились на сцене ужасные маскарады, в которых мужчины были одеты жрецами Сатурна, а женщины жрицами Цереры с повязками на лбу; наконец, в других случаях ставились целые драматические пьесы, в заключение которых герой действительно был предаваем смерти [34, с. 18–19].

О том, что деяния Нерона не являлись неким исключением из системы правления Римской империи, говорят деяния Калигулы: своих родных сестер – Агриппиниллу и

Лесбию – не только растлил, но и заставил «работать» в публичном доме, где сам, ради потехи, был привратником. Своего же коня Инунтата (Быстроногого) он сделал гражданином Рима, затем сенатором и, наконец, занес в списки на пост консула. Инунтат получил собственный дом и слуг, у него была мраморная спальня, стояла кормушка из слоновой кости, золотое ведро для питья, на стенах висели картины известных художников. Подобная «любовь» к животному не мешала Калигуле стать соучастником в убийстве своего отца [33, с. 11–78].

О том, что эти два правителя не были исключением из «правил иродианы», свидетельствуют поступки Тиберия – преемника императора Августа: «Дня не проходило без казни, будь то праздник или заповедный день, даже в Новый год был казнен человек. Со многими вместе обвинялись и осуждались их дети и дети их детей. Родственникам казненных запрещалось их оплакивать. Никакому доносу не отказывали в доверии. Всякое преступление считалось уголовным, даже несколько невинных слов» [13]. Кого вызывали в суд, большинство из них закалывали себя дома, уверенные в осуждении, избегая травли и позора, многие принимали яд в самой курии, но и тех с перевязанными ранами, полуживых, еще трепещущих, волокли в темницу... Девственницу старинный обычай запрещал убивать удавкой – поэтому несовершеннолетних девочек перед казнью растлевал палач. Кто хотел умереть, тех силой заставляли жить. Смерть казалась Тиберию слишком легким наказанием: узнав, что один из обвиняемых по имени Карнул не дожил до казни, он воскликнул: «Карнул ускользнул от меня!» Когда он обходил застенки, кто-то стал умолять его ускорить казнь – он ответил: «Я тебя еще не простил!..» Он даже придумал новый способ пытки в числе других: с умыслом напоив людей допьяна чистым вином, им неожиданно перевязывались члены. И они изнемогали от режущей перевязки и от задержки мочи [33].

При этом он установил для себя, для организации своих потех новую должность – распорядителя наслаждений и назначил на нее римского всадника Тита Цезония Приска. На Капри, оказавшись в уединении, он дошел до того, что завел особые постельные комнаты – гнезда разврата. Собранные толпами отовсюду девки и мальчишки наперебой совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угасающую похоть. Даже в лесах и рощах он повсюду устроил «Венерины местечки», где в гротах и между скал молодые люди обоего пола перед всеми изображали фавнов и нимф. Он завел мальчиков самого нежного возраста, которых называл своими рыбками и с которыми забавлялся в постели [33].

Дело, таким образом, не в императорах, а в системе власти. Случались среди цезарей люди с психическими нарушениями – тот же Калигула, но патология власти была не индивидуальной. В свое время Монтескье заметил: «Нет более абсолютной власти, чем та, которой располагает государь, ставший преемником республики, ибо он сосредоточивает в себе всю власть народа, не сумевшего ограничить самого себя». Итогом покорения мира, исполнения «римского мифа», как и через века большевистского, оказывается удовлетворение алчности немногих, народ превращается в разучившуюся работать, ожидающую «хлеба и зрелищ» толпу, которая без сожалений смотрит на гибель богатых и знатных, «находит свою безопасность в своей низости». Например, критика или непочтительный отзыв о личности правителя считалось как в Риме, так и в СССР, государственным преступлением, ибо император «представлял» римский народ – он был наделен традиционно почитаемой властью. Оскорблявший его, не проявлявший должного почтения к его статуе, не присягавший на верность, оскорблял величие римского народа. «Обвинения такого типа служили неиссякаемым источником доходов для доносчиков». Так преобразилась римская (позже большевистская) добродетель, сделавшись орудием императорской власти. Народ же безмолвствовал, потворствуя преступным страстям и наклонностям.

Если современники и укоряли Нерона, то никак не за преследование христиан. Тацит осудил его только за чрезмерную суровость, а Светоний, перечисляя заслуги императора, пишет: «Всенародные угощения заменены раздачей закусок, в харчевнях запрещено

подавать вареную пищу, ...а раньше там торговали любыми кушаньями, наказаны христиане, приверженцы нового и зловредного суеверия, запрещены забавы колесничных возниц...» Так между харчевнями и возницами стояли в сознании римлян «живые факелы Нерона» – сжигаемые заживо христиане, в коих видели секту, ожидающую близкого прихода царя, который подвергнет мукам все человечество, за исключением горстки избранных: «А кем будут эти избранные? Те, кто презирает все, что составляет радость и прелесть жизни: любовь, забавы, игры, науку и искусство, даже родную землю?»

Примирение с миром произойдет позже, появятся блестящие богословы, христиане передадут европейским народам античную философию и литературу. А пока их преследуют за «безбожье» – вера в «запредельного бога» была для античного человека равноценна самому настоящему «атеизму». Куда менее странным кажется нам преследование христиан за отказ от клятв в честь императора. В Риме в период возникновения христианства в числе официально узаконенных культов насчитывалось до миллиона богов и божков. Не возбранялось поклоняться никому, если сектанты не будут оспаривать божественной сущности императора и тем самым подвергать сомнению его полномочия.

Государственные ритуалы меняются, суть остается неизменной. Интерес нашего века к императорскому Риму не случаен, как не случайно и воодушевление республиканскими добродетелями двести лет назад. Верлену еще приходилось напрягать воображение, чтобы представить «империю в конце упадка», тогда как его переводчику на русский уже было понятно, чего требует от «актера» империя – «полной гибели и всерьез» [33].

Запад есть Запад, но Восток есть Восток, и поэтому значительный интерес представляют формы правления в Хазарии. В столице хазарского Каганата – городе Итиль, впрочем, как и во всей державе, жили мусульмане, иудеи, христиане, язычники разных направлений, пришельцы из разных стран, привлеченные из дальних стран обманчивым блеском богатства, которое текло в Хазарию. Люди жили рядом, но не вместе – каждый по своей вере и по своим обычаям. Отдельными были базары, бани, кладбища. Казалось бы, стены Итиля замкнули в свое кольцо несколько разных городов, и жители их понимали друг друга не лучше, чем пришельцы из далеких стран. Станный, непонятный, проникнутый взаимной неприязнью и недоверием город.

Что же объединяло в одно государство – хазарский Каганат – всех этих разноязыких, разноплеменных, внутренне разобщенных людей? Слепая вера во всемогущество Кагана, которому поклонялись как живому богу и называли просто «Каган», не прибавляя имени. Божественная сила Кагана будто бы оберегала Хазарию от всех бедствий. Каган жил в большом кирпичном дворце, построенном на острове и только управитель дворца (кендеркаган) и привратник (гаушиар) удостоивались чести лицезреть Кагана. Даже царь, предводитель войска и полноправный правитель Хазарии, допускался во дворец лишь изредка. Остальным людям запрещалось приближаться к красным дворцовым стенам.

Только трижды в год Каган нарушал свое загадочное уединение. На белом коне он проезжал по улицам и площадям столицы, а позади ровными рядами следовали гвардейцы – арсии в кольчугах и чеканных нагрудниках, железных шлемах, с кривыми мечами – все десять тысяч арсиев, составлявших наемное войско. Встречные падали ниц в дорожную пыль, будто ослепленные солнцем, закрывали глаза и не поднимали головы раньше, чем Каган проедет мимо.

Ужасной была участь тех, кто осмеливался нарушить обычай, оскорбить божественного Кагана своим взглядом. Арсии пронзали дерзких копьями и оставляли лежать у дороги. Никто не осмеливался унести и похоронить их. Выбеленные солнцем кости так и оставались на обочине, и люди осторожно обходили их, ужасаясь дерзновенности поступка. Как можно осмелиться взглянуть в лицо Кагана? Даже после своей смерти Каган оставался загадочным и недоступным. Никто не знал, где именно он похоронен.

Для мертвого Кагана строили большой дворец за городом. В каждой из двадцати комнат дворца рыли могилы. Самые близкие слуги Кагана вносили тело во дворец и плотно

закрывали за собой двери. Спустя некоторое время следом за ними входили молчаливые арсии с широкими секирами в руках и выкидывали за порог, к ногам потрясенной толпы, отрубленные головы слуг Кагана. Тогда люди могли пройти чередой по комнатам дворца, но могилы были уже зарыты, и никто не догадывался, где похоронен Каган.

Сколько бы ни прошло лет, каждый путник обязан был склониться в поклоне перед погребальным дворцом Кагана, а всадники спешили и шли, ведя на поводу коней, пока дворец не скрывался из виду. Если дела в Хазарии шли хорошо, люди прославляли Кагана, но если случалась засуха или поражение на войне, то знатные вельможи и чернь собирались толпами к дворцу царя и кричали: «Мы приписываем несчастье Кагану. Божественная сила Кагана ослабла, он бесполезен для нас! Убей Кагана или отдай нам, мы сами его убьем!» [35, с. 51]. И Кагана убивали, если царь по какой-нибудь причине не брал его под защиту... Вновь избранный Каган уединялся с царем и четырьмя самыми могущественными хазарскими беками в круглой комнате без окон, с единственной узкой дверью, которую сторожили арсии с обнаженными мечами. Никто, кроме немногих избранных, не знал, что там происходило. Происходило же следующее: царь накидывал на шею нового Кагана шелковую петлю и сдавливал до тех пор, пока тот не начинал задыхаться, теряя сознание. Тогда беки хором спрашивали Кагана: «Сколько лет ты желаешь царствовать?» Полузадушенный Каган называл то или иное число лет, и только после этого его усаживали на золотой трон с балдахинном, воздавая высочайшие почести. Если Каган не умирал к назначенному сроку, его убивали, ссылаясь на его же божественную волю. Если же Каган называл непомерно большое число лет, его все равно убивали по достижению сорокалетнего возраста, ибо хазары считали, что с годами ум слабеет, рассудок мутнеет, божественная сила становится меньше, и Каган больше не может приносить пользу. Злой город был таким не только к своим соседям, подданным, но даже к своему земному божеству – Кагану. Сколь же была невелика дистанция от феерического поклонения Кагану как земному божеству до рабской удавки на его шее? Не суть ли это взаимоотношений между властителями, достигшими невероятных, поистине божественных высот власти с их неизбывной земной зависимостью и приземленностью? [35, с. 49–54].

«Водоразделом» западной и восточной ментальности являлся славянский мир. Перенесемся в эпоху Киевской Руси и обратимся к образу князя – рыцаря Святослава – своеобразного эталона языческой доблести, чести, славы, на примере которого в дореволюционный период истории России формировались целые поколения россиян. Что же представлял собой наш славный доблестный пращур – «зерцало» языческого мира?

В 971 году князь со своей дружиной оказался в окружении под стенами болгарского города Доростала: «...после того как пал смертью храбрый витязь Икмор, надежда на победу была утрачена, русы вышли в полночь при полной луне на берег Дуная. Сначала они собрали тела павших бойцов и сожгли их на кострах, а потом, свершая тризну, предали смерти множество пленников и пленниц..., они топили в водах Дуная грудных младенцев и петухов. Так совершались жертвоприношения «злым богам». Еще более страшные сцены происходили в Белобережье (остров Березань) после возвращения из Болгарии. Князь и его языческое окружение приписали русским христианам, сражавшимся в том же войске, вину за поражение, нанесенное их единоверцам, объяснив его гневом богов на христиан. Святослав замучил насмерть своего брата Улеба (Глеба), а его воины так же поступили со своими боевыми товарищами, страдавшими от ран и нуждавшимися во враче, а не в палаче. Особенно плохо пришлось священникам, которые были в русском войске для напутствия православных русов. Более того, он послал в Киев приказ сжечь церкви и обещал по возвращению «изгубить» всех русских христиан. Этим заявлением Святослав подписал себе приговор [36, с. 8–21].

Так действовал светозарный князь – рыцарь, светочь чести и доблести своего времени. Возникает вопрос: как же вели себя обычные люди той эпохи? Так, как «повелевали» языческие божества, предписывала жесточайшая мораль того времени: «В IX веке Перун

стал жестоким, кровожадным и воинственным. Его западный аналог Святovit на острове Руге (Рюген) требовал себе в жертву датских и немецких пленников. Восточный Перун стал поступать так же. Даже больше: при нехватке пленных он «принимал» кровь своих, отобранных по жребью. Для южных славян, привыкших к митриистским мистериям и христианским обедням, эти нравы казались чудовищными, а северные князья и варяги теряли популярность в столице Киеве, где их богов называли бесами» [36, с. 8–21].

979 год. Место действия – Киевская Русь. Главный герой – юный Владимир, будущий креститель Киевской Руси, канонизированный впоследствии как святой, вошедший в анналы истории как выдающийся государственный деятель. Прослышав о красоте Рогнеды, дочери полоцкого князя Рогволода, он направляет в столицу княжества Полоцк сватов. Однако чуть ранее здесь побывали посланцы его старшего брата Ярополка, за которого прекрасная Рогнеда должна была вскоре выйти замуж. Полоцкая княжна ответила юному князю: «...ниже моего достоинства будет разувать сына рабыни». На Киевской Руси существовал обычай в свадебном обряде: невеста в знак покорности мужу снимала с него сапоги, разувала его (учитывая, что мать Владимира – Маклуша была ключницей княгини Ольги, хотя и произошла из знатного новгородского рода, став ключницей, автоматически становилась рабыней).

Напоминание князю Владимиру об этом эпизоде его рождения дорого обошлось полоцкой княжне. Владимир и его дружина, сломив упорное сопротивление защитников города, ворвались в Полоцк, дружина половецкая была уничтожена. На глазах отца и братьев Владимир совершил насилие над Рогнедой, громогласно назвав ее «дочерью раба», после чего ее отец и два брата были подняты на мечи (мужчин убивали ударом двух мечей: «под пазухи» и поднятием тела в воздух с посвящением его Богам, причем жрецы держали руки жертвы разведенными в стороны). Впоследствии Рогнеда стала первой и главной женой Владимира, простила ему не только горечь женского позора, но и убийство всех своих близких, что свидетельствовало только об одном – все происшедшее – дело вполне обыденное для того времени. Она же родила ему четырех сыновей и двух дочерей. Ее гордый нрав взбунтовался лишь тогда, когда Владимир, решив принять христианство, задумал взять в жены византийскую принцессу Анну. Оскорбленная Рогнеда занесла нож над спящим мужем, однако он проснулся и выбил его из ее рук [36, с. 8–21].

Характерно, что наряду с большим значением института княжеской власти многочисленные исторические хроники сообщают о наличии элементов демократизма в общественном устройстве древних славян. Известный византийский историк, военный чиновник и придворный в Константинополе Прокопий Кесарийский отмечал в своем трактате «Война с готами»: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии) и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим» [37, с. 99]. Псевдо-Маврикий в трактате о военном искусстве «Стратегиион» подчеркивал: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим правам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране [37, с. 100].

«Языческий мир», достигнув мощи и величия в параметрах властной Иродианы», метался в тенетах всепроникающей жестокости, насилия, вошел в режим «самоуничтожения», «гибели всерьез». Иисус Христос – величайший реформатор, преобразователь всех сфер бытия человечества, внесший в бытие «Homo Sapiens», в мятущийся, грешный мир гармонию упорядоченности, нравственные ориентиры, безбрежный горизонт морального совершенствования.

По мнению таких известных богословов, как Д. Гудинг и Д. Леннокс, языческий мир был полон всевозможными половыми извращениями, детоубийствами, ложью, экономическим, социальным и политическим угнетением, жестокостью и убийствами. Поэтому были установлены законы пищи и чистоты, чтобы защитить внутреннюю цитадель социальных и религиозных ценностей иудаизма. Ветхозаветные иудейские пророки постоянно говорили,

что когда Израиль начинал пренебрегать этими законами, это приводило к компромиссу с упадочным миром язычества и к нравственной и духовной катастрофе.

Когда, по рассказу Луки, первые христиане, которые сами были евреями, отказались от этой обороны, правил и установлений, это было очень важным событием. Они, конечно, не отказались от израильского монотеизма или нравственных норм закона Израиля, однако они действительно отказались от настойчивого подчеркивания Израилем особых привилегий, данных этому народу. Они разрушили стены, разделявшие иудеев и язычников, и провозгласили, что через Христа Бог совершает новые дела в мире. Он примиряет иудеев и язычников вначале с собой, а затем и друг с другом через одного и того же Христа. Он создает «новую тварь», всемирное сообщество, в котором раса и национальность не играют никакой роли, а вместо вражды царит любовь [38].

Прежде всего, должны были исчезнуть законы о пище и правила ритуального очищения, которые затрудняли общение и социальное сближение между иудеем и язычником. Сам Христос указывал, что внешние ритуальные омовения – это всего лишь символы. Они не в состоянии затронуть или очистить тление, коснувшееся человеческого сердца, однако они способны подменить и часто подменяют нравственность и не дают человеку увидеть свою подлинную нравственную и духовную нечистоту. Поэтому Христос своей Божественной властью упразднил законы о пище и правила ритуального очищения. А когда набожный римский сотник пригласил Апостола Петра к себе домой, чтобы тот объяснил ему христианскую Благую Весть, Сам Бог вмешался и преподавал Петру предметный урок, чтобы подтвердить ему непосредственно, что теперь он может свободно идти и есть вместе с язычниками [38].

Затем Бог преподавал Петру еще один, на этот раз более фундаментальный урок. Многие иудеи впали в серьезное заблуждение, полагая, что несмотря на их личные и общенациональные прегрешения, их привилегированная роль означает, что они уже по определению лучше язычников, и, как бы ни были благородны и нравственно чисты отдельные язычники, они, будучи язычниками, все равно по определению не «чисты и нечестивы». Петру предстояло усвоить, что никаких людей первого и второго сорта не существует; ни одного человека, к какой бы расе он ни принадлежал, нельзя считать скверным или нечистым. Эти два урока уже подготовили еврея Петра и его друзей евреев к тому, чтобы прийти и стать плечом к плечу с неевреями на платформе их общей принадлежности к человечеству [38].

Согласно христианскому вероучению, Богочеловек Иисус Христос вмещает в себе всю полноту Божественной и человеческой природы и в этом смысле наднационален. Но как Совершенный, лишенный греха, Человек, он тем не менее наделен всеми признаками конкретного человека, в том числе национально-этническими. Еврейское происхождение Иисуса и воспитание Его в рамках иудейской традиции однозначно подтверждается евангельскими текстами. Иисус был рожден благочестивой иудейкой Марией, на восьмой день подвергся обрезанию по иудейскому обряду, соблюдал еврейские обычаи, праздновал иудейскую Пасху, прекрасно знал еврейское св. Писание и постоянно ссылаясь на него в Своих проповедях. Проповедь Иисуса при Его земной жизни была обращена прежде всего к еврейскому народу.

Евреями были и апостолы – первые ученики Христа, и члены первой христианской общины в Иерусалиме. При этом основой христианства является то, что во Христе нет различия между иудеем и эллином, между рабом и господином; в христианстве выражается и высшая тайна человеческого существования, и тот прямой путь, который ведет к спасению. Это – путь спасительный не только для отдельных лиц, но и для целых народов [39, с. 45–46].

Вплоть до начала Своей общественной проповеди Иисус жил как любой другой молодой человек, строго соблюдая все религиозные предписания Своего народа. В то время много говорили об Иоанне Крестителе, видя в нем пророка, которого у еврейского народа не было

уже 150 лет, а пророки всегда действовали в истории Израиля. Иоанн Креститель положил конец тому периоду еврейской истории, который был для народа подобен засухе. Со всей Иудеи и Галилеи стекались люди, чтобы послушать его проповедь; Иисус тоже отправился к нему послушать проповедь Иоанна Крестителя. Заметив его, Иоанн, как бы охваченный пророческим вдохновением, кричит: «Вот – Агнец Божий, который берет на Себя грех мира». Его слушатели, по-видимому, привыкли к тому, что его слова не всегда понятны и считали его пророком, но не всегда обращали особое внимание на то, что он говорил. Однако некоторые были поражены этими словами и взглядом Иоанна, устремленным на Иисуса. Два галилейских рыбака, пришедших издалека, очень внимательно следили за всем, что происходит, потому что они – провинциалы, редко бывающие в городе. Итак, эти двое, заметив, на кого смотрел Иоанн, когда произносил эти удивительные слова, следуют за тем человеком. «Иисус же, оглянувшись и увидев их, идущих, спросил их: «Что вам надобно?» Они сказали Ему: «Равви», – что значит «учитель», – «где живешь?» Ответил им: «Пойдите и увидите». Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа [39, с. 55–56].

Одного из них звали Андрей. Он пришел к своему брату Симону и сказал: «Мы нашли Мессию». В этом рассказе есть неподдельная искренность. Они пробыли у Иисуса до вечера, забыв о том, что наступил час, когда их товарищи отправляются ловить рыбу. Они обрели уверенность и сообщили об этом другим.

На первый взгляд, это спонтанное зарождение у двух учеников убеждения в том, что Иисус – Мессия, которое передается впоследствии Симону, Филиппу и Нафанаилу, не соответствует обыденным обстоятельствам их знакомства с Иисусом, приглашающим их к Себе домой. И все же перед ними – человек, не похожий на остальных. Быть может, жизнь внесет свои изменения в их восприятие, но первое впечатление – впечатление исключительности – останется [39, с. 55–56, 58].

Иногда можно слышать утверждения такого типа: «У христиан есть Христос, у буддистов – Будда, а у мусульман – Магомет». Необходимо кратко остановиться на этом вопросе. Христианская весть состоит в том, что Человек, который ел, ходил, вел нормальное человеческое существование, сказал: «Я – ваша судьба», «Я – Тот, кем стоит все мироздание». Это объективно единственный случай в истории, когда человек не просто «обожествил себя» в общем смысле, но по существу отождествил себя с Богом. С точки зрения истории религиозного сознания человечества, нужно заметить, что чем гениальнее религиозное прозрение человека, тем в большей степени он осознает и ощущает свою несоизмеримость с Богом или превосходство Бога, несоответствие между Богом и человеческим существом. Религиозный опыт – это именно пережитое на опыте осознание человеком своего ничтожества, непостижимости тайны. Согласно легенде, св. Франциска однажды застали стоящим на коленях и уткнувшимся лицом в мох в лесах Верны; он все время повторял: «Кто Ты? Кто я?», – свидетельствуя, таким образом, о пропасти, разделяющей два полюса, – человека и Бога, благодаря которой и возникает притягательная сила религиозного чувства. Чем оно сильнее, чем более подобно мощному, сияющему, опаляющему разряду молнии, тем в большей степени человек ощущает разницу потенциалов между этими двумя полюсами. Чем в большей степени человек религиозно одарен, тем менее подвержен искушению отождествить себя с божественным началом. Конечно, человек может действовать, воображая, что он – божество, но теоретически такое отождествление невозможно. В силу самой своей организации человек не может отождествить себя как существо явно ущербное с началом вселенским. Такое бывает разве что в случае явной патологии. В обычном состоянии разум не поддается этому искушению, потому что каждое искушение должно обладать видимостью правдоподобия, видимостью возможности считать себя Богом для человека разумного невозможно, в силу полного неправдоподобия [39, с. 45–46].

Христос не сразу дал исчерпывающий ответ на вопрос, возникший в сердцах людей, следовавших за Ним, привыкших к Его речам, Его поведению, силе воздействия Его личности и Его власти над людьми и природой. Если бы Он сразу дал этот ответ, то наверняка избежал бы крестной смерти: Его бы не убили, потому что сочли просто сумасшедшим. И действительно, ответ, который Он должен был бы дать, бесконечно превышал способность восприятия этих людей. Этот ответ показался бы скорее безумным, чем богохульным.

Поэтому Иисус, давая откровения о Себе, следовал мудрой педагогике. Он открывался людям постепенно, позволяя личности других людей активно развиваться, уподобляясь Ему. Так, если бы Иисус сразу же открыто провозгласил Свою божественную природу, это вызвало бы у любого реакцию, исключаящую доверие. Евреи слишком ожесточились в своем монотеизме, чтобы принять утверждение, затрагивающее их кристально чистое представление о Боге, без соответствующей подготовки.

Основа представления Иисуса Христа о человеке – это констатация существования в нём реальности, превосходящей любую пространственно-временную реальность. Весь мир не стоит самого малого человеческого существа; ничто в мироздании не может сравниться с ним с первого момента его зачатия вплоть до последнего мгновения его дряхлой старости. В каждом человеке есть начало, в силу которого он не зависит ни от кого, – это основа его неотчуждаемых прав, источник всех нравственных ценностей.

Ценность личности нельзя смешивать (а перед этим искушением нас всегда ставит общепринятое мировоззрение) с непосредственными реакциями, которые нам подсказывают обстоятельства. В этом случае ценность личности ограничивается рамками среды, где человек живет. Напротив, человеческая личность обладает автономной ценностью и автономными правами, которые нельзя присвоить, и никто не может отнять. Ценность мотивирует действия, указывает их цель, «то, ради чего стоит действовать» или существовать. Следовательно, быть источником ценностей означает для личности заключать в себе самой цель своих действий [39, с. 61].

Поэтому на протяжении всего Своего существования Иисус утверждает бесконечную ценность отдельного человека, стремление сделать его счастливым, что вызывает у нас представление о ни с чем не сравнимой, ни к чему не сводимой ценности человеческой личности. Счастье отдельного человека – это вопрос существования всего мира. «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?»

Никогда материнская или отцовская любовь, сколь сильной, нежной она ни была бы, не охватывала человеческого сердца более, чем это слово Христа, страстно защищавшего жизнь человека.

Таким образом, ценность человеческой личности, определенная таким образом, есть утверждение, глубоко соответствующее нашей природе. Но зададим себе вопрос: на чем она основана? Если мы ясно не осознаем, на чем основывается та или иная ценность, то тем самым отрицаем ее, не отдавая себе в этом отчета.

Фарисеи постоянно втягивали Его в споры, пытались поставить в затруднительное положение, всячески испытывали Его. Эти споры происходили на глазах у тех, кто приближался из чистого любопытства. Решив поймать Иисуса на слове, фарисеи спрашивают Его, позволительно ли платить подать кесарю. Если бы Иисус дал утвердительный ответ, то Он предал бы свой народ, если бы Его ответ был отрицательным, он дал бы повод обвинить Его перед лицом римского прокуратора в неповиновении властям. Но, взяв монету, Иисус спрашивает у них, чей портрет изображен на ней, и, получив ответ, что это портрет Цезаря, отвечает: «Отдавайте кесарю кесарево, Богу Богово». Так решение дилеммы было неожиданно оставлено на волю свободы, которой Иисус как бы перепоручил это решение чудесным и непредсказуемым образом [39, с. 61–62].

Благодаря Его уму, любые попытки заманить Его в ловушку терпели крах. К Нему привели женщину, обвиненную в прелюбодеянии, и спросили Его, следует ли по закону Моисееву побить ее камнями. «...Иисус оказался в трудном положении: должен ли Он был отказаться от духа милосердия, который всегда проповедовал, или должен был поступить в явном противоречии с духом закона? Если же приговор был уже вынесен, Его положение было еще опаснее: Ему пришлось бы либо выступить против решения суда, либо (если допустить, что в то время иудеи не могли выносить смертных приговоров) предстать бунтовщиком в глазах римлян. Он был поставлен в такое же безвыходное положение, как и в тот раз, когда у Него спросили, подобает ли платить подать кесарю» [39, с. 61].

Он не прерывает спрашивающих, глядя на них тем пронизывающим взглядом, который, казалось, проникал во все глубины человеческого сердца, потом наклоняется и начинает писать пальцем на песке, как бы говоря: «Ваши слова написаны на песке». Обвинители думают, что Он у них в руках, и продолжают добиваться ответа. Тогда Он встает и говорит: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень». Можно представить себе, какое напряженное молчание наступило после этих слов. Все медленно оборачиваются и уходят, тогда как Иисус по-прежнему, склонившись, пишет символические знаки на песке, а потрясенная женщина в одиночестве стоит перед Ним. Он спрашивает ее: «Никто не осудил тебя?», и она отвечает: «Никто». Тогда Иисус говорит ей: «И Я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши».

Но даже не строгий ум и не разящая диалектика Иисуса производят самое сильное впечатление на тех, кто всегда следует за Ним. Самым великим чудом, которое поражало учеников ежедневно, было не исцеление парализованных, не очищение прокаженных и не возвращение зрения слепым, самым великим чудом был этот взгляд, для которого в душе человека не оставалось ничего сокровитного [39, с. 61–62]. Способность достичь человеческого сердца – это величайшее и наиболее убедительное чудо. «Иисус встает перед нашей совестью, – в душевном мире других людей Он у Себя дома... Он не ограничивается проповедью учения, которое ведомо Ему благодаря Его мудрости или Откровению: можно сказать, что Он принимает к сердцу каждого человека...» [39, с. 63].

Человек могущественный редко бывает действительно добрым. Но в Иисусе все, кто с Ним сталкивался, могли видеть не только взор властный, чудотворный, завораживающий, но и взор добрый. Кажется невозможным, чтобы столь великая власть сочеталась с такой глубокой добротой, и также трудно себе представить, чтобы столь острый ум был столь прост и бесхитроуен, чтобы человек, им обладавший, был столь детски доверчив, открыт и правдив! Как прекрасно, перечитывая те евангельские эпизоды, отмечать едва намеченные штрихи, благодаря которым нам открывается вся способность Иисуса быть мягким и сопереживать людям!

В одном городе Он видит погребальное шествие и узнает, что умерший – единственный сын вдовы. «Не плачь!» – говорит Он, движимый состраданием к женщине, и не только утешает ее, но и возвращает ей сына живым, хотя Его не просили ни о чуде, ни о сочувствии. Точно так же Он по собственному почину исцелит согбенную женщину, которая в течение многих лет не могла выпрямиться. Иисус, проповедуя в синагоге, видит ее, подзывает к Себе и исцеляет.

Различные эпизоды Евангелия свидетельствуют о внимании Иисуса к детям, о том, как Он легко находит подход к ним. Евангелист Марк говорит: «Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним». И Иисус не ограничивается только благословением, но берет их на руки, укоряет тех, кто запрещает приводить к Нему детей [39, с. 63].

В ответ на вопрос учеников: «Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе?» – Иисус сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим – сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей – возлюби ближнего твоего, как самого себя» [39, с. 71–72].

Вместе с Иисусом в мир приходит откровение о личности, и именно ее страстная защита делает Иисуса пламенным проповедником любви как к Богу, так и ко всем людям на Земле. В своем учении Он отмечает, что перед человеком стоит выбор: либо считать себя свободным от всего мироздания и зависящим только от Бога, либо считать себя свободным от Бога и стать рабом обстоятельств.

Иисус настаивал на том, что смущало людей чрезмерно щепетильных. Он говорил: «Послушайте меня, так лучше для вас. Если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну. Если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромоту, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну огненную. Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную...» Греческое слово, к которому этимологически восходит латинское слово «соблазн», имеет также значение «ловушка, обман». Иисус предупреждает нас, чтобы мы не обманывались относительно этой конечной связи с Богом; религиозная жизнь выгодна человеку для того, чтобы спасти свою собственную личность [39, с. 71].

Отметим, что нет ничего более фарисейского, нежели отдать ближнему одежду, исполняя долг в расчете на награду; нет ничего в большей степени поработавшего человека, чем так называемый долг ради долга. Совпадение долга со счастьем – самое конкретное, что подсказывает природа, хотя и косвенно.

В десятой главе Евангелия от Матфея рассказывается, что, посылая двенадцать учеников проповедовать в селения, Иисус дает им наставления, в которых находит свое яркое выражение Его воспитательный метод: «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому. Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища, и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками... Предаст же брат брата на смерть, и отец сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их. И будете ненавидимы всеми за имя Мое... Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего. Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали Веельзевулом, не тем ли более домашних его? Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» [39, с. 72–73].

Самое главное и, при внимательном рассмотрении, самое впечатляющее в этих словах «Меня ради» – не столько описание возможной враждебности, навстречу которой шел последователь Иисуса, сколь бы реалистическим и, безусловно, значительным оно ни было в восприятии слушателя, но то, что за этим описанием подразумевалось: постепенно Иисус делает Свою личность средоточием эмоциональной жизни человека и его свободы. И это становится особенно очевидным, когда Он ставит желание следовать за Ним в один ряд с самыми глубокими привязанностями человека.

«Когда же Он еще говорил к народу, Мать и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот, Мать Твоя и братья твои стоят вне, желая говорить с Тобой. Он же сказал в ответ говорившему: кто Мать Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего небесного, тот Мне брат и сестра и мать». Он утверждает свою личность как альтернативу естественным человеческим привязанностям, хотя слово «альтернатива» здесь не подходит: оно отражает лишь первую реакцию человека на это требование Иисуса. Нужно было бы сказать: Он делает свою собственную личность центром самых естественных человеческих привязанностей, по полному праву утверждает Себя в качестве их истинного источника. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и

дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня... Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» [39, с. 73].

Гегель в работе «Жизнь Иисуса» так излагает основы христианского вероучения: «Есть ведь и гражданский закон: око за око, зуб за зуб. Но не превращайте это судебное установление в масштаб вашей частной жизни, не руководствуйтесь им при воздаянии за обиду или при оказании услуги. Подчините мстительность свою и свои, пусть даже справедливые, притязания благородным чувствам кротости и доброты в полном безразличии к имуществу своему [40, с. 8].

Вам велено также любить своих друзей и свой народ, при этом разрешено ненавидеть врагов и чужих. Я же говорю вам: уважайте человеческое достоинство и в ваших врагах, если уж вы не можете их любить, желайте добра тем, кто проклинает вас, и творите добро тем, кто ненавидит вас, простите других за тех, кто клеветает на вас другим и стремится погубить вас через других. Тогда вы воистину будете детьми Отца Небесного и уподобитесь всеблагому – он повелевает солнцу своему светить добрым и злым, и посылает дождь свой праведным и неправедным. Ибо если вы любите лишь тех, кто любит вас, делаете добро лишь тем, кто делает добро вам, и даете взаймы то, что надеетесь получить обратно, то в чем тут заслуга ваша? Ведь это естественное чувство присуще и злодеям, свой долг вы этим еще не выполнили, ибо целью вашей должна быть та святость, которая подобна святости божества.

Подаяние милостыни и милосердие – добродетели, достойные всяческого поощрения; однако если они, подобно другим заповедям, совершаются не в духе добродетели, а лишь для того, чтобы это видели люди, то они не имеют никакой цены. Поэтому, если вы подаете милостыню, то не трубите об этом на улицах, не оповещайте об этом всех, подобно лицемерам, стремящимся к тому, чтобы люди их восхваляли; творите милосердие втайне, чтобы левая рука не знала, что делает правая. Наградой же вам – если она вам необходима как побуждение к добру – будет внутреннее сознание того, что вы поступили хорошо и что ваш поступок – помощь, которую вы оказали в беде, утешение, которое вы принесли в несчастье, будет иметь благотворные последствия во веки веков, хотя люди и никогда не узнают, кто это совершил» [40, с. 9].

Обращаясь к своей пастве, Иисус говорил: «Не думайте, что я пришел нарушить закон. Не нарушить законы пришел я, а завершить их, вдохнуть дух в это мертвое тело, ибо исчезнуть могут небо и земля, но не требования нравственного закона, не долг повиноваться ему. Тот, кто объявляет себя и других свободными от этого долга, недостоин войти в Царство Небесное. Тот же, кто сам выполняет требования этого закона и учит других тому же, тот обретет величие в Царстве Небесном. Однако главное – и этим добавлением я хочу завершить всю систему законов, – чтобы вы не стремились, подобно фарисеям и книжникам вашего народа, следовать букве закона, которая одна только подвластна суду человеческому, а следовали бы духу закона, действовали бы так, как велит вам долг. Я поясню это на нескольких примерах, взятых из вашего закона. Вам известна древняя заповедь: не убий, кто же убьет, должен предстать перед судом. Я же говорю вам, не только смерть другого человека составляет преступление и должна караться законом, но всякий, несправедливо гневающийся на брата своего, более достоин наказания, согласно духу закона, чем убийца, хотя и не может быть наказан земным судом» [40, с. 10].

Конкретизируя свои заповеди, Христос провозглашал: «Закон велит вам приносить жертвы в указанное время. Если вы, приблизившись к алтарю, вспомните, что обидели человека, и он недоволен вами, то оставьте дар ваш перед алтарем, протяните руку брату вашему, примиритесь с ним, лишь тогда дар ваш будет угоден богу.

Одна из ваших заповедей гласит: не прелюбодействуй. Я же говорю вам, что грех – не только прелюбодеяние, но и вожделение показывает, что в сердце своем вы не чисты. И какое бы чувство, пусть самое оправданное и милое вам, вы ни питали к женщине, задушите

его, истребите его совсем, даже если, дав волю своему чувству, вы не нарушите букву закона, – чтобы это чувство не заставило вас преступить границы дозволенного и не привело бы к тому, что постепенно все ваши правила будут искажены и забыты» [40, с. 10].

Реальность существования Иисуса Христа подтверждают научные факты, в том числе и текстологический анализ Нового Завета.

Арамейский язык – из ветви семито-хамитской семьи языков. В древности это был основной язык в Восточном Средиземноморье. На нем говорил сам Иисус Христос. На арамейском написаны некоторые части библейского Нового Завета, например, Евангелие от Матфея. Но время идет, и языки, как и цивилизации, трансформируются и даже гибнут. Арамейский язык, как, скажем, латынь, давно уже относится к мертвым языкам [41].

Поразительное открытие, которое может перевернуть все представления о земном существовании Иисуса Христа, сделали американские ученые из Техасского университета. Ученым, сообщает в своей новой книге «Кровь и плащаница» Ян Уилсон, удалось обнаружить следы ДНК человека на знаменитой Туринской плащанице – полотне, в которое, согласно легендам, было завернуто тело Иисуса Христа после того, как его сняли с креста. К сожалению, предоставленные для исследований образцы настолько малы, что на них можно было найти лишь следы ДНК, которые невозможно использовать для дальнейших исследований, заявил микробиолог Техасского университета Леонсио Гарза-Вальдес. «Однако, – подчеркнул он, – с уверенностью можно сказать, что мы обнаружили на плащанице следы человеческой крови и что это – кровь мужчины» [42].

Возраст самой плащаницы может относиться к первому веку нашей эры, отметил Гарза-Вальдес, добавивший, что расположение следов крови от ран на руках и ногах явно указывает на распятие. Однако у ученых нет возможности проводить дальнейшие исследования, поскольку католическая церковь не только отказалась предоставить большее число образцов, но даже заставила вернуть все те, что находились в их распоряжении [42].

Реминисценцию своего восприятия феномена Христа и христианства представил известный российский писатель Ю. Нагибин, пропустив через горнило своего творческого воображения основные эпизоды Нового Завета: «Одинокое странствие по каменистой пустыне и пыльным дорогам, удаления от мира, мучительные искусы, проповеди и поучения, бездомность – лисицы имеют норы, птицы небесные – гнезда, а Сыну Человеческому негде преклонить голову, – все это уводило от густого человеческого тепла в стылую пустоту бестелесности. Он трогал жизнь не перстами, а словом. И как прекрасно было, когда вдруг, устав от бессилия взываний, он схватил плеть и отхлестал торгашей, раскинувшихся в храме со своими товарами, выгнав их вон. Хорошо погуляла треххвостка по жирным спинам и плечам.

И чудесно вспомнить, как на белой ослице он спускался с Иерихонской кручи после сорокадневного искуса, легкий, словно бы хмельной от голода, ободравшего его плоть до тонины осеннего листа. Он сидел, сильно откинувшись назад, иначе ослица повалилась бы с отвесной кручи, по которой извивалась узенькая тропка. Порой казалось, что он пребывает в свободном падении – парении, и это оборачивалось предчувствием будущей невесомости, а ему хотелось совсем иного – тяжести плоти. И он обрадовался, когда в изножии склон стал менее крут, а там и вовсе – положим, тропка расширилась, и в правую ногу ему заколотился лопаткой сынок ослицы, трусивший на круче сзади. Иногда он тыкался в него мягким носом, и радостно было слияние с плотью жизни [43, с. 14].

Он уже знал, что в небесном чертоге Отца ему будет скучно без грубой, плотной, пахучей, пестрой земной круговерти с кучей ненужных забот и дел, порочной, низкой, отвращающей персть земную от милостиво простертых Божьих рук – да ведь после сладимой родниковой воды хочется иной раз ожечь гортань глотком пряного, хмельного вина. И сейчас он жалел, что так мало пил из этой чаши.

До чего же, наверное, страшно, душно захватывающе постоянно пребывать в объёме этой жизни, сквозь которую он проходил, как солнечный луч сквозь воздух [43].

Иоанн был одним из самых любимых его учеников, он старался всех любить одинаково, но даже ему это не удавалось. Иоанн был ласков, как женщина. Он все стремился склонить голову на плечо, на грудь Учителя, приятно щекотали шею его волнистые мягкие волосы той же бронзовой рыжины, что у Марии Магдалины. Остальные ученики не решались прикасаться к Учителю, даже горячий, порывистый, не умеющий сдерживать своих движений Петр. Ласковость, любовь, нежность были сущностью Иоанновой души, и невероятно, что этой женственной натуре суждено исторгнуть из себя самые ужасные, неистовые, опаляющие ум слова, какие только слетали когда-либо с человеческого языка, слова его Откровения. Величайшим словослагателем и бесстрашным провидцем окажется этот кроткий человек с легким пушком на округлых девических ланитах. Ему выпадет самая счастливая и долгая жизнь из всех апостолов, если может быть счастлив человек, увидевший внутренним взором коня бледного и семь Ангелов с семью язвами, в коих изойдет ярость Божия. Он узнает бичевание, но его минует мученическая смерть. Его преклонные дни закатятся среди свято почитающих его единоверцев, которым он, совсем уже дряхлый, будет настойчиво повторять: дети, любите друг друга. Они спросят его, зачем он постоянно твердит одно и то же. И он ответит: это заповедь Господа, и если соблюдете ее, то и довольно [43, с. 15].

Иаков слушал проповеди Иоанна Крестителя и без колебаний пошел за Иисусом, когда он позвал его. Это было в характере Иакова: он пойдет как угодно далеко, если его подтолкнуть, и остановится, лишь когда его удержат. Приверженность таких людей особенно ценна, она словно гарантия истинности твоего дела. Иаков – глубоко чувствующий человек, но не чувствительный, как его брат. Его чувства проверяются разумом. Он был бы достойным наследником своего отца – зажиточного рыбака, владельца самых больших коптилен в селении, но слова Предтечи разбудили в нем другое сердце. И все же он не стал искать того, о ком тот вещал, он ловил рыбу на редкость удачно. Он был из тех счастливых рыбаков, что имеют легкую руку на рыбу. А в должный час мать взяла его за руку и вместе с младшим сыном вручила Иисусу. Общее семейное сердце Зеведеевых уже открылось той новой вере, которую предрекал Креститель. Не вяжется с основательным, прочным, осмотрительным Иаковом ожидающая его насильственная смерть от руки Ирода Агриппы.

Варфоломей – с него, с живого человека разъяренная чернь у стен Иерусалима сдерет кожу. Первой жертвой в христианстве будет этот оставшийся неизвестным миру юноша; благодарное, но не сведущее потомство подарит ему великие духовные подвиги в Индии, а неблагодарное – откажет в существовании, заменив его Нафанаилом, о котором Иисус обмолвился раз добрым словом [43, с. 15].

Матфей – бывший мытарь, немало намытарившийся по земле. Трудно поверить, что этот проницательный человек, которому надо все своими руками потрогать, станет одним из самых твердых и бесстрашных проводников его Слова, которое он понесет в огнедышащие аравийские пустыни.

Петр всегда в горении – нетерпелив, страстен, как собака, поджимающая хвост в миг опасности, равно способный к мгновенному геройству и позорному испугу, настолько богатый чувствами, что хватило бы на всех апостолов и еще осталось – вот уж воистину: ничто человеческое не чуждо. Потому и решил основать на нем свою церковь Иисус. Она будет, как он, самоотверженна, как он, нестойка, как он, цельна, как он, сумбурна, как он, способна на мученичество: распятый головой вниз, он явит то великое мужество, какого ему не хватало в менее грозных кругах судьбы. Если бы камню и впрямь быть плотью церкви, то ставить ее надобно на Иакове Алфееве – это кремень. Но он ставил человеческую церковь, и этот горячий, кипящий, наивный делатель годился больше всех, чтобы церковь была для человека, слабого, грешного, исполненного стольких противоречивых задатков, но тянущегося ввысь – к раскаянию и правде.

Иуда чем-то взволнован. Иисус уже научился угадывать чувства учеников, не заглядывая в лица. Небось, опять взял деньги из общей казны, хранителем которой поставили бывшего

мытаря. Взял, чтобы отдать какому-нибудь попрошайке. Апостольский казначей знал счет денежке, но был жалостлив и доверчив: не мог отказать в подаении, особенно тем ловкачам, что так хорошо прикидываются несчастнейшими из несчастных. Они выглядят куда убедительнее истинно неимущих потому, что лишены стыдливой гордости бедняков. С какой охотой обнажают они искусно наведенные язвы. А много ли надо такому доброму, мягче воска человеку, как Иуда, у которого не глаза, а сердце на мокром месте. Собственных денег у Иуды почти не водилось, и он запускал руку в общую скудную казну. Все это знали, но молчали [43, с. 16].

Андрей, славный, милый Андрей. Он принял крещение от Иоанна и раньше брата своего Петра пошел за Иисусом, потому и прозвище ему будет Первозванный. Он понесет слово Божье в самые темные и страшные пределы земли: к скифам и севернее, к угрюмым племенам, обитающим в дремучих лесах, на берегах широких холодных рек. Редко раскиданные по лесной и полевой бескрайней пустынности и оттого подозрительные, пугливые и жестокие, они не убьют Андрея, как предсказывали – свирепые, но все же более человеческие скифы. Терпеливо и недоверчиво будут слушать наставления апостола, иные с кривой усмешкой примут от него святое крещение и отпустят с миром. А мученическую смерть на косом кресте примет Андрей на греческом острове Патросе по воле римского проконсула Энея. Хуже северных варваров окажутся просвещенные римляне для несущего слово Божье. Что стоит просвещение, если сердце глухо к Главному Слову? [43, с. 16].

Андрей станет покровителем той страны, что возникнет на месте обитания навещенных им диких племен. И флаг, и высшая награда страны станут андреевскими – ни один из тех, кто пошел за Сыном Человеческим, не удостоился подобной мирской почести. Но не уберет крест андреевский этот народ, появятся там поддельные пророки, чудотворцы волею Сатаны. Христос накормил двумя рыбами и пятью хлебами пять тысяч человек, эти будут кормить тем же количеством пищи, не преумножающейся тайно, трехсотмиллионный народ, порождая глад и мор. А один лжечудотворец превратит все вино в воду, иссушит, изломает, изведет лозу, кою воспитывали бесчисленные поколения виноградарей, дабы обратила она вложенный в нее заботливый нежный труд в благодатный сок. И подведет он смятенный народ, утративший свое исконное веселье, к тяжким испытаниям и невзгодам» [43, с. 17].

Все предначертанное свершилось. Во время гонений на христиан, Петр, по уговорам единоверцев, которые боялись за его жизнь, согласился уйти из Рима и ночью незаметно вышел из города. Но, пройдя городские ворота, повествует предание, он вдруг увидел видение: навстречу ему шел сам Иисус Христос, неся свой крест. «Куда ты идешь?» – «Я иду в Рим, чтобы меня там распяли снова», – ответил Иисус. Петр вернулся в Рим разделить участь братьев. Когда его распинали, он попросил, чтобы его пригвоздили к кресту не так, как Иисуса, а вниз головой, ибо считал себя недостойным принять смерть, одинаковую со своим учителем. Это имело колоссальное значение для христианского движения. С радостью принимая мученический венец, первохристиане воочию показывали сомневающимся все радости Царства Небесного и всю пустоту и тщетность мира земного. Язычество и построенная на его принципах Великая Римская империя были обречены на гибель [150, с. 14–17].

Свет и Тьма, Добро и Зло, Созидание и Уничтожение – вся эта антитеза воплотилась в двух началах-антиподах: Ироде, иродиане, им порожденной, и в Христе и его единомышленниках, учениках, последователях.

Вся история человечества «распята» на кресте Иродианы, нагло торжествующей, попирающей, топчущей, растлевающей, уничтожающей, но всегда обреченной, ущербной, несчастной во всем бессилии всевластия.

Навстречу же всем бедам, горестям, несправедливостям человека и человечества с гордо поднятой головой идет Христос с крестом на плече – идет сораспинаться с каждым страждущим, обиженным, униженным, чтобы побороть земную безнадежность.

Человечество – между Иродом и Христом, Верой и Неверием, Добром и Злом. Выбирать же – каждому!

Человек – не более, чем случайность.

Еолон

Умирать не страшно – страшно не жить.

Вольтер

*Ложь, подлог, убийство, людоедство –
Вот на чем вы строили успех,
И, оправдывая целью средства,
Вы любой оправдывали грех.
Ваших капищ блеск и украшенья,
Пышность ваших месс и ораторий –
Это лишь цена за преступленья
Ad majorem dei gloriam!
Светлокрылой истины творенья
Сокрушая для победы тьмы,
Вы сжигали книги. В заточенье
Изнывали лучшие умы.
Правду вы обманом побеждали,
Адской ложью власть вы создавали.*

Чех Е. «Орден иезуитов»

**ОТ ЦИНЬ ШИ ХУАНДИ
И ЧИНГИСХАНА –
К ИВАНУ ГРОЗНОМУ
(Эстафета жестокости)**

Природа равнодушна к своим творениям, в том числе к человеку и человечеству. С точки зрения природы, все наши века и тысячелетия абсолютно одинаковы. Однако люди, преобразуя астрономическое, безразличное к ним время во время человеческое, историческое, своей деятельностью наполняют содержанием, структурируют свое время.

Валерий Брюсов в одном из философских стихотворений писал:

Столетия – фонарики!
О, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени,
Протянутой в уме.
Огни многообразные,
Вы тешите мой взгляд...
То яркие, то тусклые
Фонарики горят.

Многообразие «фонариков», их непохожесть друг на друга, набор специфических для каждого красок – функция истории, которая «заставляет» отличаться, скажем, III век от VII, а XIX от XX [45, с. 4].

15 июня 1215 года на Раннимедском лугу близ Виндзора английский король Иоанн Безземельный подписывает Великую хартию вольностей, а 50 лет спустя следующий король Генрих III вынужден присягнуть первому парламенту; Генеральные штаты во Франции, кортесы в Испании, сеймы в Скандинавских странах появляются на свет примерно в одно

время. В этих собраниях заседают, решая государственные дела, феодалы, духовенство, горожане, а кое-где даже и крестьяне.

Между тем, еще раньше, в 1211 году во Владимире князь Всеволод Большое Гнездо тоже созывает собрание разных сословий. Кроме Новгорода, вече функционирует и во многих других центрах Древней Руси. Еще немного, еще несколько поколений, одно-два столетия, и легко вообразить – Древняя Русь дальше продвигается по европейскому пути. Растут города; княжеская власть усиливается одновременно с вече (парламентами); складывается одно, а может быть, учитывая огромные расстояния, несколько восточнославянских государств, приближающихся по типу развития к Польше, Германии и другим европейским королевствам [46].

Объективно-исторические предпосылки этого были налицо: если к X в. городов на Руси насчитывалось около 20, то ко времени татаро-монгольского нашествия летописи упоминают свыше 300 городов и крепостей. Иноземцев поражало величие Киева, его Золотых ворот, храмов. «Соперником Константинополя» считали они этот город, известный своим ремеслом и множеством рынков. Постепенно в разных частях страны окрепли местные князья и бояре и стали обособляться от Киева. Подвластные им города становились столицами самостоятельных княжеств: Владимир-на-Клязьме, Галич-на-Днестре, Луцк и Туров, Гродно и Рязань. Тысячи городских ремесленников, оружейников, златокузнецов снабжали страну орудиями труда, оружием; создавали тончайшие изделия из бронзы, серебра, золота, искусно украшенные чернью, эмалью, драгоценными камнями.

Значительной была архитектура Галицко-Волынской Руси: Успенский собор во Владимире-Волынском, княжеские дворцовые постройки в Галиче, где стояла церковь Пантелеймона с ее знаменитым порталом, перекликаясь с Боголюбовским дворцом сына Юрия Долгорукого Андрея. В Холме князь Даниил Романович распорядился построить три храма, украшенные резным галицким белым и холмским зеленым камнем, колоннами «из цельного камня». Неподдалеку была возведена башня, которая своей белизной «светилась во все стороны». Знаток древней архитектуры Н.Н. Воронин выразился так: «Если бы камень мог звучать, этот собор был бы «Словом о полку Игореве». Люди ценили «учение книжное», ибо «ум без книг, аки птица опешена. Якоже она взлетети не может, такоже и ум недомыслится совершена разума без книг» [47, с. 19–21].

Славянский мир являлся важнейшим интегрирующим фактором Запада и Востока, о чем приводит данные в своих исторических трудах М.С. Грушевский: «Торговлю украинских земель с Востоком по монетным находкам можно констатировать уже с VI в. (монеты сасанидов). Ибн-Хордадбег представляет эту торговлю уже в полном развитии: русские купцы ездят по Каспийскому морю и торгуют в побережных городах или из южных портов Каспийского моря везут товары на верблюдах в самый Багдад. Прежде чем украинская торговля достигла такой активности, восточными рынками для нее служили хазарский Итиль на нижней Волге и более, вероятно, поздний Булгар – на средней (около Казани). Эти города и в X в., когда украинские купцы вели уже самостоятельно торговые сношения с восточными землями, оставались важными торговыми пунктами: Булгар служил главным торжищем Северной Европы с Востоком и едва ли не главной ярмаркой для наиболее ценного товара северных земель – дорогих мехов. Итиль был восточным рынком для земель южных. Тут был целый квартал, заселенный «славянами и Русью». Через Итиль шли караваны русских купцов, направлявшихся в каспийские порты и далее на восток».

Товары, покупавшиеся арабскими купцами от восточноевропейских, очень подробно перечисляет арабский писатель конца X в. Мукадесси: «На первом плане стоят и тут дорогие меха и невольники, а также кожи, дерево и янтарь. От арабов покупались шелковые материи, металлические и ювелирные изделия, пряности и южные фрукты; одним словом, характер торговли тот же, что и с Византией. Судя по находкам восточных монет (очень частым и богатым), наибольший расцвет этой торговли падает на первую половину X в. Походы киевского князя Святослава в 960-х годах, разрушившие главные рынки – Итиль и Булгар,

очень тяжело отразились и на торговле. Итиль после этого удара захирел среди тюркского потопа; Булгар же, не терпевший так сильно от тюркских орд, довольно скоро оправился. Но восточная торговля слабела и от внутренних невзгод, начавшихся в Туркестане в конце X в.» [48, с. 37].

М.С. Грушевский акцентирует внимание на том, что сердцем, где сходились эти главные торговые артерии Восточной Европы и второстепенные дороги, был Киев, «одно из самых старых культурных гнезд Европы, где, уже начиная с эпохи палеолита, сохранились следы интенсивной колонизации и культуры, а от эпохи создания государства – и интенсивных торговых и культурных сношений. Стоя на главной торговой дороге – Днепре, ниже устьев его главных притоков – Припяти и Десны, он был сборным пунктом и складом для всего, что шло со всей системы Днепра, а эта последняя, в свою очередь, собирала товары с соседних, тесно примыкавших к ней систем: Припять сближала ее с системой Западного Буга и Вислы, верхний Днепр – с Западной Двиной, Волгой и системой озер, Десна – с системой Оки, Сейм – с системой Дона, а с нижнего Дона через небольшой перешеек можно было перейти в бассейн Волги. Небольшие водоразделы тогда не представляли больших затруднений – легкие суда просто переволакивались, а товары переносились на плечах рабов.

С водным путем соединялись в Киеве и сухопутные дороги: северо-западная – с Волыни и «из Ляхов»; юго-западная – через Галицию в Венгрию и Чехию; северо-восточная – на Курск, в бассейн верхнего Дона и средней Волги; юго-восточная – на Переяславль, в область среднего Дона и нижней Волги, и три южные пути, упоминаемые в киевской летописи XII в., – «Греческий, Солоный и Залозный», ведущие в разные пункты Черноморского и Азовского побережья. В Киеве кипел торговый обмен, коммерческое и промышленное движение; здесь был нервный центр великой Восточноевропейской равнины в продолжение целого ряда столетий после славянского расселения» [48, с. 37–38].

Наряду с интенсивным развитием славянского мира в глубине Центральной Азии возникло Монгольское государство (1206 г.) со столицей в Каракоруме и монгольские феодалы двинули на завоевание Азии, Европы и всего мира полчища кочевников. Их войско было подчинено суровой дисциплине и, выполняя волю своего вождя Чингисхана, за короткий срок завоевало Сибирь, Северо-Западный Китай, включая Пекин, Среднюю Азию, разорило земли Кавказа. Столетиями накопленные сокровища культуры безжалостно уничтожались: Ходжент и Бухара, Самарканд и Ганджа, сотни городов, по словам современника, «были стерты с лица земли, как строки письма бывают стерты с бумаги»; население истреблялось или угонялось в полон [47, с. 23].

Находясь под «воздействием» китайской государственности, татаро-монголы, покорив своих «учителей», восприняли многие их традиции как в военной сфере (стенбитные орудия, способы осады укрепленных городов, крепостей и т.д.), так и в сфере государственно-правового устройства. В чем же заключалась суть государственного устройства «Поднебесной империи»? Китайский император Цинь Ши Хуанди был основателем единого китайского государства. Ему удалось одержать победу над пятью соперниками благодаря безжалостному внедрению системы законов, которые впервые подчинили каждого подданного, независимо от его ранга, абсолютной власти государства и его правителя. Во многом деяния императора Цинь Ши Хуанди базировались на учении философа Хань Фейя, основоположника легитимизма. Вдохновленный идеями этого ученого, император Цинь Ши Хуанди вошел в историю как тиран, подавлявший репрессиями инакомыслие. Ши Хуанди, без сомнения, действовал варварским способом, когда велел сжигать книги, а их читателей сжигать или закапывать заживо в землю.

Он был первым императором, за ним должны были последовать второй, третий и так далее, до окончания века. Таков был его замысел. Но династия Цинь оказалась самой недолговечной из всех династий в Китае. Многие династии царствовали на протяжении сотен и сотен лет; власть одной из них, предшествовавшей Цинь, продлилась восемьсот шестьдесят семь лет. Великая династия Цинь успела возвыситься, восторжествовать,

управлять могущественной империей, прийти в упадок и угаснуть за короткий промежуток времени в пятьдесят лет. Ши Хуанди должен был быть первым в ряду великих могущественных императоров, однако всего через три года после его смерти, последовавшей в 209 г. до н.э., его династия прекратилась. А вскоре после этого были извлечены на свет припрятанные книги, и классические произведения Конфуция заняли прежнее почетное место.

Ши Хуанди был одним из самых могущественных правителей Китая. Он положил конец притязаниям местных правителей, создал сильное центральное правительство. Он покорил весь Китай и даже Аннам. Именно Цинь Ши-хуанди начал строительство Великой китайской стены. Это было дорогостоящее предприятие. Но китайцы, очевидно, предпочитали тратить деньги на возведение этой стены, нежели на содержание большой постоянной армии для обороны. Стена вряд ли могла предотвратить крупное вторжение. Все, чего удалось достигнуть, – это прекращение мелких набегов. Но ее строительство свидетельствует о том, что, несмотря на свою силу, китайцы желали мира и не были любителями военной славы.

После смерти Ши Хуанди фактически не было никого в династии, кто мог бы ему наследовать. Но со времени его правления в Китае осталась важная традиция – поддержание единства страны.

Легизм помог династии Цинь обрести невиданную мощь. Однако она пала из-за мятежа. Пришедшая на смену династия Хань извлекла уроки и действовала гибче. Она пользовалась философией, которая внешне была конфуцианской, но внутренне – легистской. Конфуций призывал правителей быть гуманными и благородными по отношению к подданным, поэтому его идеи были очень популярны среди интеллектуальной знати и в народных массах. Он впервые увязал закон с моралью. Но это совсем не требовалось императорам. В 305 году до нашей эры в Китае была установлена система жесточайших наказаний, которая распространялась на каждого, за исключением правителя. Было положено начало политической практике, когда государство стало выше закона. Как писал в своем трактате легист Гуань Цзы: «...закон является орудием, с помощью которого правитель объединяет и контролирует народ», «... закон обуздывает людей, как руки гончара придают глине форму» [49, с. 27].

Деспотизм встречал противодействие со стороны мыслителей, ученых. Чжуан-Цзы, классик древнекитайской философии (IV в. до н.э.), отмечал в трактате «Чжуан-Цзы»: «...Природа людей постоянна: они ткут и одеваются, пашут и едят – это можно назвать общими их свойствами. Единство и равенство – естественное их состояние. Вот почему во времена Высшей Добродетели их поступь была степенна, а взгляд – сосредоточен. В те времена в горах не было дорог и тропинок, а на реке – лодок и мостов, все живое держалось вместе, не зная границ; птицы и звери бродили стаями, а трава и деревья росли, как им вздумается. Зверя и птицу можно было водить на веревочке: можно было, взобравшись на дерево, заглянуть в гнездо к вороне или сороке. Тогда люди жили вместе с птицами и зверями, были родней всему живому, где уж им было знать о низких и о благородных! Все были равно невежественны, и добродетель их не оставляла; в равной мере не знали желаний – и были просты и естественны. Так, живя в простоте и естественности, народ сохранял свою природу [49, с. 27].

Но вот явились мудрецы, выдавая свои потуги за «добро», свои ухищрения за «долг», и в Поднебесной родились сомнения. Беспутство и неистовство стали выдавать за музыку, а мелочные правила – за обряды, и в Поднебесной начались раздоры. Разве можно вырезать жертвенный кубок, не калеча дерева? Разве можно выточить скипетр, не губя белой яшмы? Как научить «добру» и «долгу», если не отрешиться от Пути и Добродетели? Как научить обрядам и музыке, если не поступиться естественными чувствами? Разве можно создать узор, не перемешав пяти цветов? Разве можно построить шесть ладов, не смешав пяти звуков? Когда ради утвари калечат дерево, в этом повинен плотник; когда ради «добра» и «долга» забывают о Пути и Добродетели, в этом повинны мудрецы...» [49, с. 28].

Чиновничество, взявшее на вооружение легизм, укрепляло государство и лояльность императору с помощью шпионов и информаторов. Каждый миллиметр общественной жизни регулировался «сверху», попытки уйти из-под контроля карались смертью. Император ранее был первым среди равных, стал же полубогом, властвующим с помощью страха.

Династия Хань процветала свыше четырехсот лет, и среди первых правителей была также женщина-императрица. Шестым по счету в роду был У-ди, также принадлежащий к наиболее могущественным и знаменитым правителям Китая. Он был императором больше пятидесяти лет. У-ди нанес поражение татарам, которые совершали непрерывные набеги с севера.

Мы много знаем о величии Рима в этот период и склонны думать, что Рим затмевал весь мир. Рим называли Господином мира. Но хотя Рим был великим в те времена и могущество его продолжало расти, Китайская империя значительно превосходила его и своей территорией и своим могуществом. Вероятно, как раз во времена У-ди были установлены контакты между Китаем и Римом. Торговля между обеими странами поддерживалась через парфян.

Заслуживают упоминания еще два важных события, имевших место в правлении династии Хань. В этот период было изобретено книгопечатание с деревянных дощечек, но оно почти не применялось на протяжении целой тысячи лет. Однако даже при этом Китай опередил Европу на пятьсот лет.

Вторым фактом, достойным упоминания, было введение системы экзаменов для занятия официальных должностей. Система назначения чиновников была в тот период прогрессивной и значительно опережала свое время. В других странах до самого недавнего времени в назначении на должности решающую роль играл фаворитизм или же чиновники назначались из определенного класса или касты. В Китае же на должность мог быть назначен любой человек, сдавший экзамен. Разумеется, эта система не была идеальной, поскольку человек мог сдать экзамен по классикам конфуцианства и тем не менее не быть хорошим чиновником. Но она была значительно совершеннее, чем фаворитизм и тому подобные пути, она сохранялась в Китае на протяжении двух тысяч лет.

В китайском языке нет различий между словами «государство» и «страна». Так повелось со времени династии Цинь: «Государство – это народ и все его богатства, вся власть в государстве принадлежит аппарату власти. Именно поэтому, когда в Пекине говорили о правах человека, имели в виду то, что государство делает для народа. На Западе в это понятие вкладывали нечто иное – свободу человека от государственного вмешательства» [49].

Многовековое противостояние Поднебесной империи и кочевников Степи на определенном историческом этапе завершилось не только подчинением значительной территории Поднебесной, но и «восприятием» татаро-монголами основополагающих составляющих китайских государственных институтов.

Известный российский мыслитель князь Е.Н. Трубецкой, размышляя о феномене славянской цивилизации, о взаимоотношениях славянского мира с кочевым (что во многом предопределило ментальность восточного славянства), отмечал: «Равнинный, степной характер России наложил свою печать на ее историю. В природе равнины есть какая-то ненависть ко всему, что перерастает плоскость, ко всему, что слишком возвышается над окружающим. Эта ненависть составляет злой рок нашей жизни. Она периодически сравнивала с землей все то, что над нею вырастало. Когда начала расти Киевская Русь, степь стала высылать против нее рать за ратью полчища диких кочевников; и они уравнивали, то есть жгли, истребляли, резали. Все это наложило неизгладимый отпечаток, предопределив развитие славянских народов на многие столетия, обусловив их неповторимое своеобразие, и вместе с тем общность».

К востоку от славянских народов находились кочевые народы и племена со своими обычаями и правилами, в корне отличающимися от законов, принятых на Западе. Россия

была пограничным государством, прикрывающим оседлые народы Запада от кочевников Востока. Она была пограничником. Кочевник-скотовод, пасущий скот на выжженных солнцем степных просторах летом, и на тех же, но уже обледенелых просторах зимой, имел совершенно другие взгляды на войну и совершенно другие ее правила. Ему нужна была земля, но не в том количестве, в котором она была – т.е. тем больше, чем было большим количество животных в его стаде – главном богатстве кочевников-степняков. Но для того, чтобы прокормить значительное количество скота, необходимо было владеть все возрастающими массами земли. Покоренные народы «не вписывались» в данную причинно-следственную связь «Богатство = Скот + Земля». Отсюда – захватывая страны, вводя в хозяйственный оборот земли, кочевники проявляли невероятную жестокость, не свойственную земледельческим народам, уничтожали миллионы и миллионы покоренных «за ненадобностью», из опасения перед их мощью, проистекавшей из оседло-коллективистского образа жизни. Ремесленники, рабы, оставляемые в живых для ухода за стадами, естественно, составляли небольшую толику покоренного населения. Известный российский историк Л.Н. Гумилев формулирует это положение следующим образом: «Ландшафтно-климатические различия между романо-германской Европой (влажной, теплой и гористой страной) и Россией-Евразией (сухой, холодной и лесостепной) заставляли людей строить свои этнические культуры по разным моделям. Именно на границе Руси и Степи шла наиболее интенсивная историческая и культурная жизнь, причем славянские племена заселяли долины рек, текущих в степь, вплоть до Черного моря» [51].

Каждый народ возникает и существует в определенных природных условиях, с которыми он связан своим хозяйством и повседневным бытом. При этом особенно важно сочетание ландшафтных условий (лес + горы, горы + море, степь + лес и т.д.), потому, что эти сочетания наиболее благоприятствуют развитию любого вида хозяйственной деятельности. В те времена Восточная Европа была исключительно разнообразна. Лесные массивы перемежались опольями, в степи же было много рощ (и ныне кое-где сохранившихся на Среднем Дону), в долинах великих рек существовала пышная растительность, контрастировавшая с сухими степями водоразделов. И каждый из этих ландшафтов давал приют и пищу разнообразным племенам и народностям (этносам), находившимся между собою в весьма сложных, но не всегда враждебных отношениях.

Степные просторы Северного Причерноморья всегда были удобны для развития скотоводства. Поэтому в Восточную Европу и переселялись азиатские кочевники: печенег, торки, половцы, монголы. Разумеется, эти миграции вызывали столкновения с местным населением – славянами, хозяйство которых было привязано к лесным массивам». Некоторые природно-климатические регионы Киевской Руси, сочетавшие разнообразные ландшафтные условия, в том числе наиболее благоприятные для кочевого скотоводства (сочетание степи, ополья, рощ, полноводных рек и озер, дававших в комплексе изобилие кормов и воды, столь значимых предпосылок интенсивного развития скотоводства), казались для степняков раем обетованным и, подобно магниту, привлекали на протяжении многих веков к себе кочевые племена [51].

Что же общее объединяло их, что составило основу их ментальности? Римский историк Аммиан Марцеллин писал о кочевниках: «Всю жизнь они кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужания. Никто не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко отсюда, вскормлен где-то дальше». Таким образом, своеобразный космополитизм, психологический стереотип – «Родина – весь мир» определяли ментальность кочевых народов. Столь же естественно-обыденным явлением кочевой жизни были войны – неизбежный спутник этих «мореплавателей степи», по образному выражению Тойнби [52].

По своей сути война – это один из самых первобытных видов труда каждой из естественно сложившихся групп, общин, племен как для удержания собственности, так и для приобретения ее.

Вооруженное насилие выполняло определенные экономические функции и само становилось непосредственным экономическим фактором. Войны не только приводили к насильственному перераспределению прибавочного продукта, но под прикрытием вооруженных сил осуществлялся доступ к ценным источникам сырья – залежам металлов, строительному лесу, поделочным и драгоценным камням. Особое значение придавалось захвату военнопленных – наиболее дешевой рабочей силы. Таким образом, на протяжении тысячелетий войны превратились в регулярный промысел, стали составной частью бытия человека, неотъемлемой частью ложно трактуемого «прогресса».

Зачастую внешние войны или процесс хозяйственного освоения новых земель стимулировали авторитарные тенденции верховного вождя-правителя. Отметим также, что с монополизацией права распределения материальных благ власть вождя-лидера приобретает и экономические функции. В результате этих процессов вождь-лидер постепенно подчиняет своей власти трансформируемый аппарат общинного самоуправления и с его помощью возглавляет общественную организацию трудового процесса. Теперь члены этого аппарата уже в силу своего положения в тех или иных формах участвуют в присвоении значительного объема общественного продукта.

Войны во многом способствовали формированию и возвышению правящей элиты тех или иных народов. Насильственное умерщвление людей в «царских» гробницах, представленных в большинстве первых цивилизаций, демонстрирует безжалостные формы закрепления авторитета военного лидера. Потоки крови обгадили тернистый путь, ведущий к вершинам власти.

Несомненно, военные функции в немалой степени способствовали победе светской власти над теократическими поползновениями жречества, в тех случаях, когда существовало подобное противоборство. Вместе с утверждением в обществе роли вождя-лидера идет сакрализация его должности и функций. Личность вождя высокого ранга объявляется священной, он пользуется особой одеждой. Появляются специфические атрибуты его власти, формируется прижизненный и заупокойный культы.

Жизнь и деяния Чингисхана – предводителя «сего народа, доселе незнаемого и неведомого, сих ратий неисчислимых, возникших как будто по волшебству из глубин неведомых степей», – наглядно подтверждают это. Отец Чингисхана – Есучей-багатур «в 1162 году захватил в плен несколько татарских богатырей, как раз в то время, когда его жена Оэлун подарила ему сына. Растроганный отец назвал его Тэмуджином, по имени пленника, убитого при рождении сына. Таким образом, новорожденный сразу стал кровным врагом могучего татарского племени. Это в дальнейшем весьма осложнило его жизнь [14, с. 409].

Малыш появился на свет с красной родинкой на плече, и его отец посчитал это знаком необычной судьбы, которая уготована его сыну. У монголов сохранилось также сказание, что ребенок, родившись, держал, зажавши в кулак, запекшуюся кровь. Это было воспринято как глас небес о том, что он станет могущественным монархом, покорит все земные царства, повергнет в бедствие многие народы. Согласно обычаям, Тэмуджина женили, когда ему было всего девять лет. В тот же год был отравлен его отец.

По закону мальчик должен был унаследовать отцовскую власть, но, поскольку он был еще мал для того, чтобы править и вести в бой своих подданных, соратники покинули его – юный наследник погибшего богатыря был никому не интересен. Его мать Оэлун день и ночь заботило, как прокормить детей: она ловила рыбу, собирала ягоды, травы, съедобные корни, плоды диких яблонь, орехи. Подраставшие дети помогали, как могли: ловили полевых мышей. Это тоже была пища. Но для того, чтобы прокормиться таким образом, приходилось забыть слово «отдых», потому что на зиму надо было сделать запасы. И эта борьба за выживание длилась пять или шесть лет [14, с. 413–414].

В 1177 году случилась трагедия: Тэмуджин и его брат Хасар убили своего сводного брата Бектера, который отнимал у них пойманную рыбу, подстреленную дичь. По свидетельству источников, Хасар выстрелил в грудь брата, а Тэмуджин – в спину. Тэмуджин бежал в горный лес, девять дней переносил голод, а затем спустился в долину: смертную казнь ему заменили колодкой на шее и запрещением ночевать более одного раза в одной юрте, и он должен был скитаться из юрты в юрту, вымаливая, чтобы его покормили и напоили, потому что колодник не может есть и пить без посторонней помощи – ему не позволяет сделать это массивная колодка. Это означало одно – голодную смерть. Однажды Тэмуджин ударил своего стражника по голове той самой колодкой, которая сжимала его шею, побежал в лес на берегу Онона, забрался в озеро, лег на мелководе, вдыхая воздух через камышинку. Друзья затем спрятали Тэмуджина под грудой верблюжьей шерсти, помогли ему бежать, избежать неминуемой смерти [14, с. 414–420].

В последующие два года – 1179 и 1180 – сторонниками Тэмуджина стали около 10 тыс. воинов. «Собрав под своими знаменами около 30000 воинов, Тэмуджин разбил своих противников и в семидесяти котлах, наполненных кипящей водой (по другой версии кипящим маслом), сварил их. Ужасать врагов мезтью, питать усердие друзей щедрыми наградами, казаться народу человеком сверхъестественным было его правилом» [14, с. 420–427]. Чингисхан был не только талантливым полководцем, но и искусным дипломатом, превосходным администратором, мудрым законодателем, что, однако, не исключало из его характера исключительную, не знающую границ, жестокость. В какой же мере сочетание этих «несочитаемых» свойств характера правителя способствовало успеху его завоевательных устремлений? Прежде чем начать поход, Чингисхан засылал в разные земли опытных лазутчиков, которые выискивали залежи железа, ценимые великим каганом выше золота. Высоко он ценил любые таланты, независимо от этнической принадлежности мастеров. Так, главным строителем его империи был непалец Анико, который построил в Тибете «Золотую Пагоду» (270 кг золота и украшений). Трон для великого хана создавал русский мастер Козьма. Стенобитные машины, камнеметатели и огнеметные машины – по тем временам самое совершенное оружие – изготавливали китайские специалисты. Оружейники из среднеазиатских улусов производили холодное оружие из стали, соперничающей с дамасской. Широко принимал на вооружение Чингисхан системы управления покоренных стран, выискивая в них самые рациональные методы хозяйственного и административного управления.

В итоге монгольская империя была крупнейшей сухопутной державой в истории человечества. К 1279 году ее границы протянулись от Венгрии до Кореи, занимая почти всю Азию. Эта фантазмагорическая империя «обошлась» человечеству в десятки и десятки миллионов убитых. Захватив город, монголы обычно отводили в сторону женщин, детей и оружейников, а всех прочих убивали. Только после взятия города Мерва было убито более 700 тысяч человек.

Чингисхан, осмысливая причины своего возвышения в преддверии смерти, декларировал следующее: «У степных народов, которых я подчинил своей власти, воровство, грабежи и прелюбодеяние составляли заурядное явление. Сын не повиновался отцу, муж не доверял жене, жена не считалась с волей мужа, младший не признавал старшего, богатые не помогали бедным, низшие не оказывали почтения высшим, и всюду господствовали самый необузданный произвол и безграничное своеволие. Я положил всему этому конец и ввел законность и порядок» [9, 436–437].

Все начинания Чингисхана воплотились в своеобразном сборнике законов – «Ясе»: «Законы Чингисхана предполагали смертную кару за убийство, блуд мужчины и неверность жены, кражу, грабежи, скупку краденого, сокрытие беглого раба, чародейство, направленное ко вреду ближнего, трехкратное банкротство, т.е. невозвращение долга и невозвращение оружия, случайно утерянного владельцем в походе или в бою. Также наказывался тот, кто отказал путнику в воде или пище. Неоказание помощи боевому товарищу приравнивалось к

самым тяжелым преступлениям. Более того, «Яса» воспрещала кому бы то ни было есть в присутствии другого, не разделяя с ним пищу. В общей трапезе ни один не должен был есть долее другого. Наказанием за тяжелые преступления была смертная казнь; за малые преступления полагались телесные наказания или ссылки в отдаленные места (Сибирь)» [14, с. 447–448].

Чингисхан провозгласил, что подчиненные ему племена составляют единственный во Вселенной, избранный небом народ, что они будут носить отныне имя «монголы», что означает «побеждающие». Все же остальные народы на земле должны стать рабами монголов. Непокорные ему племена Чингисхан хотел «вычистить» с земли, как сорные, вредные травы.

Портрет Чингисхана будет неполным, если не описать его внешность, для чего необходимо обратиться к историческому роману В.Г. Яна «Чингисхан», в котором он его описывает так: «...высокого роста и, хотя ему уже больше шестидесяти лет, он еще очень силен. Тяжелыми шагами и неуклюжими хватками он похож на медведя, хитростью – на лисицу, злобой – на змею, стремительностью – на барса, неутомимостью – на верблюда, а щедростью к тем, кого он хочет наградить, – на кровожадную тигрицу, ласкающую своих тигрят. У него высокий лоб, длинная узкая борода и желтые немигающие глаза, как у кошки. Все ханы и простые воины боятся его больше пожара или грома, а если он прикажет десяти воинам напасть на тысячу врагов, то воины бросятся не задумываясь, так как они верят, что победят, – Чингисхан всегда одерживает победы...»

Чингисхан был великий политик, его приемы управления, руководства своим войском в чем-то напоминают действия современных политиков: он обещал, отправляясь на войну, своим воинам, что они вернутся с войны увешанные золотом, гоня табуны коней, стада скота и толпу искуснейших рабов, что он досыта накормит беднейших пастухов, обернет их животы драгоценным шелком, каждому даст несколько пленниц. У монголов было хорошо вооруженное и организованное войско. В нем царила суровая дисциплина. Если из десятка воинов бежал один, убивали весь десяток, если отступал десяток, каралась вся сотня.

О походах Чингисхана и его потомков мы узнаём из письменных источников стран, завоеванных татаро-монголами или же поддерживавших сношения с ними. Монголы своих летописей не имели, грамотных людей среди них было очень мало. Сам Чингисхан до конца жизни так и не научился ни читать, ни писать. Около 1240 г. на монгольском языке было написано «Сокровенное сказание о поколении монголов». В форме легенды оно рассказывало о жизни и делах Чингисхана, прославляло захваты чужих земель, насилие и жестокость: «У этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру, в боях пожирают человеческое мясо», – так «Сокровенное сказание» рисует образ полководцев и самого Чингисхана.

Чем же была обусловлена столь невероятная жестокость татаро-монгол и их предводителя?

Положения государственно-правовой регламентации всех сторон бытия татаро-монгольского общества обусловили ментальность данного народа, государства, основополагающую идею его существования: кочевник-скотовод, пасущий скот на выжженных солнцем степных просторах и на тех же, но уже обледенелых просторах зимой, имел совершенно другие взгляды как на мирную жизнь, так и на войну, совершенно другие правила ее ведения. Ему нужна была земля, но не в том виде и не в том количестве, в котором она нужна была земледельцу. На той же площади, где земледелец мог сеять урожай, достаточный, чтобы прокормить в течение года свою семью, кочевник мог едва вырастить овцу, которую съедал со всей семьей за один-два дня.

Изменчивость климата, засуха в одних районах или гололед в других требовали быстрых перемещений на огромные расстояния в места, менее пострадавшие от климатических явлений. По этой причине кочевнику требовалось земли в сотни и тысячи раз больше, чем

земледельцу. Ему нужна была возможность безопасно откочевать летом на север на 1,5–2 тысячи километров, а зимой вернуться обратно. Кочевнику, чтобы жить, нужен был простор.

Поэтому войны между кочевниками велись не только за обладание государствами и поработанными народами, но и за «очистку» территории от этих народов. Этим объясняется жестокость кочевников: захватив в плен противника, они убивали и старых и малых – всех, в ком не видели пользы, скажем, кого нельзя было продать как раба в третьи страны. Тут не имело значения, кто пленник – солдат или мирный житель. На той территории, что присмотрел себе кочевник, ему, с точки зрения завоевателя, делать было нечего.

Кроме экономического, имелся и чисто военный аспект. На войну кочевники собирались в большие подвижные группы – орды, но в мирной жизни они рассыпались по степи мелкими и поэтому беззащитными кочевьями. Если бы они в соответствии с западными правилами ведения войны, взяв и ограбив город, оставили бы его жителей в живых, то те, спустя некоторое время, могли бы перебить кочевников, нападая на каждое кочевье отдельно. С этой точки зрения оставлять местных жителей в районах, пригодных для кочевого выпаса скота, было бы преступной халатностью, и потому все жители уничтожались либо запугивались убийствами до парализующего волю страха. Исходя из этого, поддерживать мирные отношения с кочевниками было сложно [14, с. 466–489].

Во-первых, их культура, позволяющая выжить в суровых условиях, была на очень низком уровне в области техники и технологии, товарных производств и ремесел. Они не умели получать железо, стекло, керамику и многие из тех видов товаров, производство которых давно и успешно освоили оседлые народы. Кочевники были вынуждены эти товары каким-либо способом приобретать, но для торгового обмена они имели только скот. А скот по тем временам и так стоил не очень дорого и, кроме того, доставка его на большие расстояния была чрезвычайно затруднена. Таким образом, для кочевника наиболее доступной формой получения необходимых товаров оставался военный разбой – набег на города и села. Причем в качестве товара использовались и захваченные пленные – их кочевники продавали на невольничьих рынках Средней Азии и Средиземноморья. Время от времени кочевые племена, особенно потерпевшие поражение, могли вполне искренне заключить мирный договор, но наступал «торговый голод», подрастало новое поколение джигитов, и они снова устремлялись в набег.

Когда монгольские рати вторглись в Северное Причерноморье, против них выступило объединенное войско из киевских, галицких, волынских, черниговских, смоленских и других полков. Не ладившие между собой русские князья и союзные им половцы потерпели жестокое поражение в битве на реке Калке (1223). В «злой и лютой сече» пали шесть князей, а из простых воинов вернулся лишь каждый десятый. «И погыбе много бещисла людей, – читаем в Новгородской летописи, – и бысть вопль, и плачь, и печаль по городом и по селом... Татары же возвратишася от реки Днепра; и не сведаем, откуда суть пришли и кде ся деша опять».

После длительной подготовки монгольские рати вышли из-за Волги (1236), чтобы под предводительством хана Бату покончить с Европой [37, с. 23–24].

Русь, как и завоеванные монголами страны, уже не была единой, она еще в XII веке раскололась на княжества, правители которых враждовали между собой и лишили народ возможности оказать организованный отпор вторжению. Если бы можно было соединить полки всех русских князей, то набралось бы больше 100 тыс. воинов. Но беда была в разобщенности – в разные стороны смотрели боевые стяги русских князей. И все же русичи в течение трех лет (1237–1240) мужественно защищали родную землю; битва на реке Сити, оборона Рязани и Владимира, Москвы и Смоленска, Козельска и Киева – вот лишь некоторые вехи этой героической борьбы.

Десять недель отражал приступы древний Киев, обороной которого руководил воевода Дмитр. Врагам достались руины – в огромной столице уцелело не более 200 домов. Тысячи жителей были убиты, других, «босых и беспокровных», сгоняли в станы кочевников.

Лопата археолога раскрыла потрясающую по своему драматизму картину сражений и гибели города: развалины домов, церквей, вместе с грудями скелетов жителей, павших в бою. Они лежат в воротах дворов, пронзенные стрелами, с мечами, булавами и даже ножами в руках [47, с. 23–24].

М.С. Грушевский отмечал, что жизнь и культура украинских земель XI–XIII вв. отличается значительным развитием и большим разнообразием элементов, культурных течений и их влияний, встречавшихся на украинской территории. Тесно примкнув с концом X в. к византийской культуре, она с XIII в. все сильнее сближается с Западом, и его влияние в галицких памятниках первой половины XIV в. чувствуется очень сильно (князья употребляют печати западного образца, грамоты их канцелярии пишутся по-латыни и т.п.). Но подражанием не исчерпывалось содержание украинской жизни. В ней чувствуется внутренняя сила развития и движения, и она могла дать нам весьма интересные результаты при более благоприятных условиях развития.

Слабую стороной украинской культуры было то, что она опиралась на слишком незначительное верхнее меньшинство населения [48, с. 93]. Далее же, по самобытной, оригинальной трактовке М.С. Грушевского: «Пользуясь всеобщей паникой, произведенной татарами в 1240 г., население и в особенности городские общины начинают разбивать рамки княжеско-дружинного уклада. Они предпочитают зависеть непосредственно от татар, чем от князей, давать дань татарам («орать пшеницу и просо татарам», как иронически говорит о них враждебный этому движению галицкий летописец), чем нести тяготы княжеской администрации, платить дани князю, принимать участие в утомительных войнах князей между собою и терпеть вечные разорения во время княжеских усобиц. Ни угрозы, ни разорения от князей, испуганных этим грозным для них движением, не могли повлиять на население и возвратить его к прежним отношениям. Земля была разделена на отдельные общины, управлявшиеся своими мелкими князьями или советом старцев, общество возвращалось к старому состоянию общественной раздробленности, предшествовавшей образованию централизованного Киевского государства.

Сколько-нибудь определенные указания относительно этого интересного движения мы имеем только для киевских земель, пограничных с Волынью: тут оно интересовало современного автора галицкой летописи – единственной, какую мы имеем для этого времени из украинских земель; и в связи с борьбой Данила с этим движением он сообщил о нем некоторые сведения. Летописец упоминает о «людях татарских» или «людях, сидящих за татарами» на большом пространстве в бассейне Случи, Тетерева и верхнего течения Южного Буга. При этом государственная жизнь в традиции княжеско-дружинного уклада во второй половине XIII в. в полной силе сохранились почти исключительно в Западной Украине, в государстве Галицко-Волынском [48, с. 65–66].

Отношения татарской орды к Галицко-Волынскому государству были довольно неопределенны. Восточноукраинские княжества и общины были приведены в тесную зависимость от Орды; они платили татарам дань, и князья их обращались в Орду за утверждением. Данило, когда Орда обнаружила готовность поддержать одного из претендентов на Галицкий престол, также явился с поклоном в Орду и признал над собою власть хана. Но роль татарского вассала внушала ему отвращение. Непосредственно после своей поездки в Орду он увлекается планом христианской лиги для борьбы против татар, мысль о которой внушили ему папские послы, посланные к татарам. Он входит в сношения с папою, сближается с венгерским королем и польскими князьями. Но реальной помощи все это ему не дало. Папа прислал ему корону, но его планы крестового похода не имели успеха, и Данило прерывает свои сношения и переговоры о церковной унии.

Не дождавшись помощи от католической Европы, он собственными силами решается вступить в борьбу с татарами, так как попытки их – поддержать или даже вызвать движение против князей в соседних Волынских и Галицких землях – грозили слишком явною опасностью. Данило начинает ряд походов на территорию «людей татарских», стремясь

террором и опустошениями подавить опасное движение (1254–1255 гг.). Мягкий от природы, он тем не менее не останавливался даже перед разрушением целых городов и массовыми избиениями, чтобы сломить упорство противников княжеско-дружинного уклада. В дальнейшем плане, после опустошения и приведения к покорности пограничных областей Случи, Тетерева и Южного Буга, Данило имел в виду поход на Киев, но какие-то другие заботы отвлекли его, а между тем Орда, обеспокоенная походами Данила и его сношениями с папой, двинула к границам Галицко-Волынского княжества новые, более значительные силы под предводительством Бурундая. Поддерживая внешне добрые отношения, Бурундай после нескольких рекогносцировок как бы мимоходом по дороге в Польшу вступил со своими войсками на волынскую территорию и потребовал от Данила и Василька разрушения всех городских укреплений. Захваченные врасплох Романовичи не решились принять вызов, и целый ряд укреплений был сожжен и разрушен самими князьями (1259 г.).

Это событие произвело страшное, подавляющее впечатление. Данило убедился в невозможности борьбы с татарами. Рушились планы подавления «татарских людей», немедленно сбросивших с себя вынужденную покорность Данилу. Исчезла возможность расширения Галицко-Волынского государства на восток. Оно должно было ограничиться пределами Западной Украины, Восточная оставалась замкнутой для него рядом татарских вассальных общин, расположенных у восточных и южных границ Волыни [48, с. 73–74].

На протяжении длительного исторического периода шло собирание сил славянского мира в борьбе со Степью.

Летописцы отмечали, что «такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси», и носила она характер «страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, которое должно было решить великий в истории человечества вопрос – которой из этих частей света восторжествовать над другою!» Однако Куликовская битва не привела к окончательному свержению иноземного ига, еще многие годы и десятилетия дамокловым мечом висевшего над славянством. Пройдут десятилетия после подвига россиян на поле Куликовом, и уже в «Повести о нашествии Едигея на Москву», рассказывавшей о «великом зле», причиненном ордынцами в 1403 г. русским городам, волостям и селам, летописец вновь запишет: «И быть тогда во всей Русской земли всем христианам туга велика и плач неутешим и рыданье и кричанье, вся бо земля пленена бысть начен от земли Рязаньские и до Галича и до Белоозера, вси бо водвизавшася и вси смутышася, многы бо напасти и убытки всем человеком здеашася и большим, и меньшим, и ближним, и дальним, и не бысть такова, иже бы без убытка был, но вси в тузи и скорби мнозе и печалью одержими» [53, с. 239].

Монгольское иго... Нам сегодня, рассуждающим об угрозе ядерной катастрофы, о сотнях миллионов возможных жертв, иногда представляются мизерными, несопоставимыми горести далеких предков... И напрасно! Точной статистики, конечно, нет, но, по мнению некоторых исследователей, например, 40-миллионное население тогдашнего Ирана (немного меньше, чем ныне!) сократилось после монгольского удара более чем в четыре раза! Завоеватели многих убили, иных увели в плен, однако большая часть жителей была взята голодом, так как нашествие разрушило каналы, сожгло поля... [46, с. 31]. Потери, вполне сопоставимые с атомной войной. Нечто подобное было и на Руси.

Однако не только деспотизм был отличительной чертой восточной ментальности, культуры, образа жизни – на Востоке, как и на Западе, – в воображении мыслителей, поэтов, возникали восточные «Утопии», «Города Солнца». Великий Низами в поэме «Искандер-Наме» писал:

«Помогая друзьям, всеблагодару в угоду,
Мы свою не скорбя переносим невзгоду.

Если кто-то из нас в недостатке большим

Или малом и если мы знаем о том,

Всем поделимся с ним. Мы считаем законом,
Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном.

Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатства всем нам вручены.

В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.

Мы не знаем воров; нам охрана в горах
Не нужна. Перед чем нам испытывать страх?

Не пойдет на грабеж нашей местности житель.
Ниоткуда в наш край не проникнет грабитель.

Не в чести ни замки, ни засовы у нас.
Без охраны быки и коровы у нас.

Львы и волки не трогают вольное стадо,
И хранят небеса наше каждое чадо.

...Не научены мы, о великий, злословью,
Мы прощаем людей, к ним приходим с любовью.

Коль не справится кто-либо с делом своим,
Мы советов благих от него не таим.

Не укажем дорог мы сомнительных людям.
Нет смутьянов у нас, крови лить мы не будем.

Делит горе друг с другом вся наша семья,
Мы и в радости каждой – друг другу друзья.

Серебра мы не ценим и золота – тоже.
Здесь они не в ходу и песка не дороже [49, с. 135–136].

Безмерная власть была губительной не только для народа, она уничтожала и все позитивные личностные качества того или иного правителя, превращала его в бездушного исполнителя писаных и неписаных законов веками заведенного государственного механизма, в противном случае – гибель «еретика» и вольнодумца. Наглядный пример этого – судьба великого ученого и гуманиста и, в то же время, правителя восточной империи Улугбека – внука великого завоевателя Тимура. Все свое детство он провел с дедом в его опустошительных походах. «Железный хромой», на глазах мальчика создавший огромную империю от Сырдарьи до Ганга, от Тянь-Шаня до Босфора, любил повторять, посадив внука на здоровое колено: «Весь мир не заслуживает того, чтобы иметь более одного царя».

Но из всех преподанных на поле брани уроков Улугбек вынес только отвращение к кровопролитиям. Куда больше его интересовали науки. Его учителями стали крупнейшие ученые Востока. Главными сокровищами для него были книги, собранные дедом со всего света. Сорок лет его правления стали годами расцвета просвещения в стране. О главном

детище Улугбека – уникальной обсерватории – имеются крайне скудные сведения. Известно, что она была крупнейшей на Востоке, а ее устроитель занимал самое почетное место среди астрономов своего времени. В музее обсерватории сохранились гравюры, где Улугбек изображен рядом с Галилеем и Коперником. От самого здания обсерватории остался каменный остов, в центре которого помещался таинственный механизм, с помощью которого и велись наблюдения за звездами. Многочисленные раскопки и исследования позволили только очень приблизительно определить его устройство. Неизвестна даже его точная геометрическая форма [54].

По сей день сюда приезжают астрономы со всего мира, пытаясь найти разгадку «звездных прозрений» Улугбека: каким образом древним звездочетам, свято верившим в геоцентризм, удалось с поразительной точностью вычислить расположение крупнейших планет, Луны и 1018 звезд, географические координаты 683 городов и наклон земной эклиптики? Улугбек узнал и длину астрономического года, ошибившись менее чем на одну минуту. Звездные таблицы Улугбека, по словам востоковеда Крачковского, «остались последним словом средневековой астрономии и высшей ступенью, которую могла достичь астрономическая наука до изобретения телескопа». Однако его мудрость, просвещенность, порядочность не стали основой укрепления его власти, но предпосылками его гибели.

Смерть Улугбека была ужасна. Убил его собственный сын, питавший страсть к неограниченной власти и ненавидевший науку. Он встал во главе заговора феодалов и духовенства, приговоривших Улугбека к смерти «за отступничество от ислама». Просвещенный султан знал, что по дороге из Самарканда в Бухару его подстерегают заговорщики, но не захотел начинать кровопролитие, надеясь на победу здравого смысла. Ученый слишком верил в то, чем руководствовался сам.

В одном из кишлаков, куда он завернул, чтобы отдохнуть и сменить лошадей, его связали и обезглавили [54].

Влияние как Запада, так и Востока на славянский мир было весьма значимым, порой взаимоисключающим по своей ментальности. Пытливая мысль влекла русских путешественников за далекие моря. Тверской купец Афанасий Никитин побывал в дотоле неведомой «стране чудес» Индии, откуда на Русь везли жемчуг. За четверть века до Васко да Гамы он написал свое «Хождение за три моря» (1466–1472), поражающее обилием наблюдений. Патриот Руси («на этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли недобры»), Никитин чужд религиозной нетерпимости («а правую веру бог ведает»). Освоив не один восточный язык (повествование пересыпано персидскими, арабскими, тюркскими словами), он четыре года провел в Индии, где «познался со многими индейны», которые доверяли ему и «не учили ся от меня крыти ни о чем». Путешественник упоминает и о климате («душно велми, да парище лихо»), и о ценах на товары, и о том, что тут 84 веры. «А вера с верою ни пиеть, ни ясть, ни жениться», и о том, что люди воздержаны в пище и к «ночи не ядят, а вина не пиять, ни сыты». Северный чужеземец привлекал к себе повсюду внимание потому, что «Индийския страны мужики и жонки все нагии все чорны», а «яз хожу куды, ино за мною людей много да дивуются белому человеку». А его поражало то, что «жонки ходят голова не покрыта [простоволосы]». Проницательный наблюдатель, он описал жизнь и нравы огромной страны: ни роскошь придворной знати, ни обилие городов – по 3–4 «на всякий день [пути]», ни военная мощь конницы и боевых слонов не заслонили от него социального неравенства: «Земля людна велми, а сельския люди голы велми, а бояры сильны добре и пышны велми» [47, с. 36].

Абсолютная монополия государства во всех сферах жизни, полное ниспровержение личности ради торжества государственности, его величия, мощи, неборимости – вот страшный «ген» азиатщины, «переносчиками» которого стали татаро-монголы. О том, что данные факты не некие вырванные из контекста истории события, а отражение восточной ментальности как явления, свидетельствуют и более близкие к нашим дням события.

Известный российский писатель и мыслитель В. Пикуль повествует: «Надир, правитель Персии, неторопливо посасывал желтое ширазское вино, когда к нему в шатер внесли поднос с человеческими глазами. Большими серебристыми грудями, слезясь и закисая, облепленные мухами, лежали глаза с помутневшими зрачками. «Меч Востока и солнце Вселенной! Вот глаза, что бессовестно взирали на мир, недостойные видеть твою тень на земле». Глаза вырывались у тех, кто не мог уплатить Надиру налога. Острием ножа легко и ловко Надир стал пересчитывать своих должников. Глаза отлетали один за другим, сочно шлепались в глубокую лоханку. Сбившись со счета, Надир зевнул, явно скучая: «Сколько же здесь всего? – Две тысячи катаров, о величье мира» (В каждом катаре – семь глаз) [55, с. 21–32].

Проявление же этой «азиатщины» было явлением по своей сути чуждым, враждебным славянской ментальности, «навязанным» ей необходимостью выживания этноса: «С криком из-под стражи вырвавшись, вбежала к русским полячка, везома в гарем персидского шаха. «Пан посол! Добрый пан московский, будьте так добры! Меня везут против моей воли! Избавьте меня!» – Прекрасно было лицо юной краковянки. «Дитька моя, – отвечал ей Голицын скорбно. – Что я могу зробрить? Мы с тобой в крайовах нехристианских. А я – амбасадор, московичанский, но не посполитый! Жалкую по тоби! Бардзо жалкую! – Послышался звон мечей – вошли стражники в тесных кольчугах, надетых поверх грязных халатов. Свирепо глядя на неверных, схватили краковянку и увели. Среди ночи часто просыпался Голицын. Потом диким воплем резануло в тиши, и снова – тихо, и снова – тихо... На воротах здания распята на гвоздях белая кожа, снятая с краковянки. В пустой комнате ворочался еще живой кусок красного от крови мяса, который еще вчера был неопиcуемо прекрасной девушкой-полячкой, пленявшей взоры всех вокруг [55, с. 26–29].

Подчинение личности любой ценой, не считаясь ни с какими моральными нормами – лишь бы власть правителя была неборима, мощь государства – безгранична – вот основа восточного деспотизма, оказавшего влияние на Русь, на формирование ее ментальности. Славянский мир, оказавшись в ситуации «быть или не быть – вот в чем вопрос» – принимает данную «мобилизационную схему за основу развития.

С 1228 по 1462 год, за период, когда формировался великорусский народ, Русь вынесла 160 внешних войн и конфликтов. В шестнадцатом веке она 43 года воюет с Речью Посполитой, Швецией, одновременно защищаясь от набегов татар. Да каких набегов! В 1571 году крымский хан Давлет-Гирей сжег Москву. По русским летописям, погибло до 800 000 душ. Возможно, это преувеличение, но летописи дают такие подробности: хоронить мертвых не было ни сил, ни возможностей, трупы сбрасывали в реку. Москва-река мертвых не уносила: нарочно поставлены были люди спускать трупы вниз по реке; хоронили только тех, у кого были приятели, родные [56, с. 227].

Таким образом, татаро-монгольское нашествие, неволя способствовали формированию особого менталитета России, особой формы правления, в основе которой – жесткая централизация власти в руках правителя (царя, позже – генсека), делавшая Россию «несокрушимой» перед внешней опасностью. Однако плата за эту несокрушимость – «внутреннее» рабство. Сталинизм и является одним из проявлений этого явления, доведенного до абсурда.

Славянский мир на протяжении столетий испытывал экспансию не только со стороны Востока, но и со стороны Запада. Католический священник Гельмолд отмечал в «Словянской хронике» (1172–1177 гг.): «В это время Восточной Славией владел маркграф Адальберт, по прозвищу «Медведь». Он подчинил своей власти земли Бризан, Стодеран и других славянских племен, обитавших между Гавелой и Эльбой и обуздал их мятежи. В конце концов, так как славян становилось все меньше и меньше, послал он приглашения... в прирейские местности..., вывел оттуда множество народа и поселил его в славянских городах и местечках... Славяне везде поражены и подверглись изгнанию. И пришли от края океана сильные и многолюдные племена, которые захватили славянские земли, воздвигали города и церкви в богатстве превыше всякого чаяния» [18, с. 100–102].

Герцог же Генрих вторгся с огромным войском в землю славян и опустошил ее огнем и мечом. Видя силу герцога, Никлот поджег все свои крепости, т.е. Илов, Мекленбург, Зверин и Дубин, чтобы предотвратить опасность осады... Затем герцог разделил землю ободритов во владения своим воинам» [37, с. 104–106].

Монах Адам Бременский – приближенный епископа Гамбургского, в 1075 г. написавший «Деяния первосвященников Гамбургской церкви», так обозначил «объект» западноевропейской экспансии в данный период: «Славия – это очень обширная область Германии... Славия в десять раз больше нашей Саксонии, если причислить к ней чехов и живущих по ту сторону Одры поляков, которые не отличаются от жителей Славии ни своей внешностью, ни языком. В ширину, то есть с юга на север, страна эта простирается от реки Лабы (Эльбы) до Скидского (Балтийского) моря. Длина же представляется настолько значительной, что, начинаясь от нашей Гамбургской епархии, простирается через необозримые просторы вплоть до... Венгрии и Греции [37, Т. I, с. 102].

Западная Европа, «прикрытая» от татаро-монгольского нашествия растерзанной, обескровленной Русью, ответила усилением экспансии на уцелевшие от монгольского погрома русские земли. Однако планы крестоносцев не сбылись.

15 июля 1240 г. новгородский князь Александр Ярославович с небольшой дружиной разгромил шведских рыцарей на Неве, в устье Ижоры, куда причалила их флотилия. Сам Александр сразился со шведским полководцем Биргером и «возложи [ему] печать на лице острым своим копьем». Соратники князя были «страшны в ярости мужества своего», отстаивая родную землю. За отвагу в битве народ прозвал князя Невским. От Ратмира, одного из павших на Неве соратников князя, вели свой род Пушкины. А.С. Пушкин в «Моей родословной» с гордостью писал: «Мой предок Рача [Ратша] мышцей бранной святому Невскому служил». Победа на Неве была лишь частью великого дела обороны Руси. К этому времени немецкие рыцари, используя боярскую измену, завладели Псковом и изрядным куском Новгородской земли и грабили ее, «поимаша... вси кони и скот, и нелзе бяше орати [пахать] по селам и нечимь» [47, с. 25–26].

5 апреля 1242 г. новгородо-суздальская рать князя Александра встретила рыцарское войско на льду Чудского озера и нанесла ему поражение – 400 рыцарей нашли здесь свой конец, другие попали в плен. Прошло всего три года, и на другом краю Руси была одержана еще одна славная победа. Здесь, тоже с благословения папы, наступление на Галицко-Волынскую землю организовали правители Венгрии и Польши. Им удалось занять Перемышль и осадить Ярослав. Подоспевшее войско князя Даниила Романовича нанесло врагам неожиданный удар. 17 августа 1245 г. в битве под этим городом в плен попали венгерский и польский воеводы Филя и Флориан. Был захвачен и стяг Фили, который князь Даниил в гневе разорвал в клочья. Эта победа обеспечила устойчивость западных рубежей Галицко-Волынской Руси на целых 100 лет, что имело первостепенное значение для борьбы княжества за независимость. Крестовый поход на Русь закончился крахом [47, с. 25–26].

Трудное положение Руси пыталась использовать в своих интересах папская курия. Не боясь «спаривать змею с голубем», она завязала переговоры с целью склонить язычников-монголов к принятию католичества, чтобы предотвратить их наступление на союзные ей державы Европы и получить из ханских рук господство над русской церковью. Тогда же папа направил послов на Русь, толкая ее князей на борьбу с Ордой. Расчет был прост: обречь Русь на новое разорение и захватить то, что уцелеет. Побывали папские послы-легаты и при дворе Александра Невского, который после гибели отца в далеком Каракоруме стал великим князем (1252). «Конечно, станет очевидным, – писал папа, – что ты лишен здравого смысла, если откажешь в своем повиновении нам, мало того – богу, чье место мы, недостойный, занимаем на земле». Но Александр отказал: «Все сие добре сведаем, – велел передать он папе, – а от вас учения не принимаем».

Решительно защищая границы на западе и до времени «перемогаясь» с Ордой на востоке, выдающийся воитель и государственный деятель Александр Ярославич наметил путь политического развития и возрождения Руси [47, с. 27].

Не только Русь, но и другие народы, входившие в «славянский мир», вели на протяжении многих столетий непрекращающуюся борьбу с западноевропейской экспансией. Ян Гус, поднимая чехов на борьбу с засильем, с «ползучей аннексией» немцев на чешских землях отмечал: «Я говорил и говорю, что чехи в королевстве Чешском по закону... и по требованию природы должны быть первыми в должностях, так же, как французы во Франции и немцы в своих землях – чтобы чех умел управлять своими подданными». Обращаясь к слушателям, Ян Гус вопрошал:

– Кто были бургомистры и члены городских советов во всех королевских городах Богемии?

– Немцы!

– Где произносились проповеди для немцев?

– В соборах.

– А для чехов?

– На церковных погостах и в домах» [37, Т. II, с. 17–25].

На Констанском соборе (1415) Ян Гус был приговорен к сожжению как еретик: «Он был выведен из города Констанца и на некоем лугу привязан цепями и веревками к столбу и обложен вязанками соломы и дров; он был поглощен пучиной огня, радостно возглашая: «Иисусе, сын Бога живого, помилуй меня...» После его сожжения для унижения чехов был брошен в Рейн даже самый прах его. 17 марта 1420 г., по приказанию папского легата, был объявлен крестовый поход против Чехии. Силезия стала плацдармом для нападения на восставшую Чехию [37, Т. I, с. 17–25].

Лишь совместные скоординированные действия «славянского мира» против непрекращающейся на протяжении многих столетий немецкой экспансии на славянские земли давали положительный эффект.

Тевтонский орден, как и Ливонский, возник в XIII в., когда захватил польские и литовские земли прибалтийского междуречья Вислы и Немана. Это было феодально-колониальное государство. Восстания пруссов, латышей и эстонцев были потоплены в крови. Но так не могло продолжаться вечно. Прошло одно-два столетия. Постепенно окрепли национальные государства на Руси, в Польше и Литве и потребовали восстановления своих позиций в Прибалтике.

Одним из решающих событий на пути к этому стала Грюнвальдская битва (15 июля 1410 г.). Союзными полками командовал польско-литовский король Ягайло. Правое крыло занимало литовско-славянское войско князя Витовта, левое – польское войско под предводительством Зындрама из Машковец. В союзном войске были и чешско-моравские отряды Яна Салавы и Яна Сокола. Точная численность войск, находившихся в широкой долине под Грюнвальдом, неизвестна, так как хронист Ян Длугош указывает лишь число хоругвей, состав же их мог быть различен. Витовт имел 40 хоругвей, из них 4 собственно литовских, а 36 украинских, белорусских и русских; Ягайло располагал 51 хоругвью, среди которых было 7 украинских. Орден выставил 51 хоругвь. Не уступая Ордену в экономическом и военном отношении, союзники имели огромное моральное преимущество. Они давно ждали дня, когда смогут рассчитаться с немецкими рыцарями за все их злодеяния.

Союзники сражались мужественно и непреклонно. На решающем этапе битвы Ян Длугош особо отметил роль трех смоленских хоругвей, которые обеспечивали стык польских и литовско-русских войск. Под командованием литовского князя Семена-Лингевина Ольгердовича они героически выдержали натиск устремившихся в наступление рыцарей. «Русские витязи, – пишет Длугош, – построенные тремя отдельными полками, стойко бились и заслужили бессмертную славу». «И если один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка отважно сражались, одерживали верх

над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков, они стяжали себе в этот день славу отважных героев». Союзники совершенно разгромили рыцарей. Были убиты все главари Ордена, включая и великого магистра Ульриха фон Юнгингена, и захвачено 51 знамя.

Грюнвальдская битва была высоко оценена и на Руси. В Новгородской летописи сказано: «бысть побоище» «с Немци, с Прусы в их земле в Прусской... и убиша местера [магистра], и моршолда [маршала], и кунтуры [комтуров] побиша, и всю силу немецкую избиша, и города немецкийи поимаша». Отмечено, что победа далась нелегко, что тогда «много же христиан, и литвы, и ляхов от немец избиено бысть». Судьба Тевтонского ордена была предрешена. Через полстолетия он стал вассалом Польши (1466 г.) [47, с. 31–32].

Важнейшим фактором противостояния той или иной чуждой культуре, цивилизации является не только военная, но и идейно-культурная сфера. Необходимо отметить, что вне поля действия той или иной государственной идеи или комплекса идей, упорядочивающих «броуновское движение индивидуальностей», народы, государства обречены на регрессивное развитие, люди – на одичание и взаимное истребление. Характерно, что основоположник инквизиции Игнатий Лойола в начале своей деятельности имел всего лишь 6 последователей, Чингисхан – не намного больше, однако вскоре, вовлекая в орбиту своего влияния миллионы людей, завоевал значительную часть известного тогда мира. Каков же путь от реализации Идеи в действие? Как Слово трансформируется в Дело?

Представители иезуитского ордена и ордена августинцев собрались для богословского диспута. Неожиданно иезуиты предложили решить исход спора между ними иным путем, путем испытаний. Победит тот орден, чей человек с большей готовностью исполнит любое повеление своего главы. Богословы, избранные для решения спора, согласились.

«Брат, – обратился глава иезуитов к одной из безмолвных фигур, стоявших вдоль длинной стены зала, – наши гости замерзли. Именем обета святого повиновения, который ты принес, – возвысил он голос, – я приказываю тебе вынуть голыми руками из очага горящие угли и держать их пред нашими гостями, дабы они могли согреться» [37].

Монах засучил рукава сутаны и, подойдя к горящему камину, погрузил руки в пылающие угли. Раздался треск, и по залу разнесся сладковатый запах горелого мяса. Зачерпнув две полные ладони раскаленных углей, он подошел к присутствующим. Все оцепенели. Между тем монах неторопливо обходил гостей, подолгу останавливаясь перед каждым и протягивая в почерневших и шипящих пальцах угли, от которых исходил сильный жар.

Противная сторона не смогла ответить на вызов и признала себя побежденной [37].

Таким образом, та или иная Идея, реализация которой назрела, необходима и насущна, овладевает умами людей, и ее претворение в жизнь становится лишь вопросом времени.

Вопрос заключается в одном – назрели ли материальные и духовные предпосылки на данном историческом этапе? Отсутствие идеи, «соответствующей требованиям, реалиям времени», той фазы развития, которую проходит общество на данном этапе развития, порождает торжество Антиидеи. Именно об этом Иисус Христос предупреждал: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «Я – Христос», и многих прельстят». Народная мудрость изобрела афоризм для подобной ситуации: «Свято место пусто не бывает!»

Человек несет в себе не только свою личную судьбу, но также тысячелетнюю историю и культуру своего народа, отраженные, помимо его желания, в складе его души и мировосприятия. В этом смысле утверждение, будто каждый сам кузнец своего счастья, справедливо лишь отчасти. На самом деле жизнь человека во многом «куется» задолго до его появления на свет в глубине веков меняющимися поколениями. Подтверждение этого – становление восточной ментальности, происходившее на протяжении тысячелетий, что связано было не только с татаро-монголами, которые лишь трансформировали ее в связи с потребностями своего этноса и «передали» далее «по эстафете».

Покорив Казань и Крым, в значительной мере включив в ряды российской правящей элиты значительные пласты ассимилированной татаро-монгольской элиты, российская государственность, первоначально построенная на византийской основе, ощутила воздействие ментальности кочевников, заложив в свой генофонд специфические формы и методы, присущие их деятельности. При этом восточно-деспотические методы проведения государственной политики затрагивали сферу не только внешнеполитическую, но и, главным образом, внутреннюю, т.е. отношение классов и сословий. Российские правители оказались достойными приемниками Чингисхана, объявленного американскими учеными «лидером II тысячелетия» (в номинации «великие правители уходящего тысячелетия»).

«Два Рима пали, а четвертому не бывать!» – декларировали московские правители, выбравшись из удавки татарской неволи, тем самым включая в арсенал своей государственности многовековой опыт двух великих империй – Римской и Византийской, умноженный на восточную ментальность Чингисхана и при этом – во всем блеске их величия и трагичности, «облучающего» воздействия имперской вседозволенности в достижении своих устремлений, целей, в их «преломлении» через абсолют «Иродова комплекса».

Завоевание – не единственная форма этнического распространения и приобщения к своей системе иноплеменников. Известна «трансплантация культуры» в форме проповеди религии и как внедрение предметов быта или искусства, традиций, основополагающих принципов бытия.

Многовековое татаро-монгольское иго поставило перед правящей славянской элитой дилемму: либо сплотиться перед лицом страшной внешней угрозы, уйти от внутреннего «нестроения», либо исчезнуть восточному славянству. При этом возникла необходимость модернизировать институты своей государственности. Известный английский историк, ученый А.Тойнби отмечал по этому поводу: «Жизнь Руси была в общем и целом нелегкой. В XIII в. она подверглась нападению с двух сторон – татар и литовцев плюс немецких рыцарей-крестоносцев... В этой долгой, беспощадной борьбе за независимость русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли гибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жесткой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновляли фасад – сначала Петр Великий, затем Ленин. Но суть оставалась прежней» [52, с. 112–113].

По мнению ряда славянских мыслителей, катастрофическое отставание славянского мира от западной Европы сформировалось в период татаро-монгольского ига и затем шло по нарастающей. А.И. Герцен отмечал по этому поводу: «Именно в это злосчастное время, длившееся около двух столетий, Россия и дала обогнать себя Европе..!» Эту же мысль разделял и Д.И. Иловайский, который подчеркивал: «Восстанавливая свое политическое могущество, русский народ во время долгой и тяжелой борьбы невольно усвоил себе многие варварские черты от своих бывших завоевателей. Татаро-монголы – это были не испанские мавры, оставившие в наследство своим бывшим христианским подданным довольно высоко развитую арабскую цивилизацию; это были азиатские кочевники, во всей неприкосновенности сохранившие свое полудикое состояние. Жестокие пытки и кнут, затворничество женщины, грубое отношение высших к низшим, усилившиеся у нас с того времени, – суть несомненные черты татарского влияния». Противоположной точки зрения придерживался Н.М. Карамзин: «Не татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют азиатским обыкновением): мы все это видели у славян и россиян гораздо прежде...» Карамзин далее заключает, что монголо-татары задержали, даже во многом остановили культурное развитие страны, но не изменили его характера, россияне вышли из-под ига более с европейским, нежели азиатским характером» [57, с. 23–50].

Необходимо отметить, что в том случае, когда завоевателем являлся менее культурный народ, нарушается естественный ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. При этом несомненно и то, что в то время, когда из ряда колоний шел нескончаемый поток золота и серебра в Западную Европу, на Руси осуществлялась непрерывная выкачка средств для выплаты дани Золотой Орде.

В исторический период, когда в славянском мире свирепствовала «чума» татаро-монгольского нашествия, в Западной Европе, прикрытой «щитом» растерзанной, истекающей кровью Русью, происходило становление элементов демократии на тернарно-эволюционной, то есть естественно-исторической, основе. Зарождению стройной налоговой системы в Германии немало способствовал король Рудольф фон Габсбург, введя в 1278 году налог на состояние: богатые горожане должны были «делиться благополучием». Этот прямой налог существует по сей день в Германии, распространяясь на всю совокупность имущества отдельной личности и реализуемых ею экономических прав. Налогом облагаются драгоценности, коллекции картин, дома, участки, в том числе унаследованные [58].

В любой системе политический механизм движется в двух направлениях: «снизу вверх» и «сверху вниз»; вопрос заключается в том, как эти два течения соотносятся. Сосчитать невозможно, но оценить можно и должно: на Западе инициатива снизу (дворяне, города, промышленность, относительно вольные крестьяне) была куда больше, чем на Востоке Европы. На Руси же огромные возможности, заложенные в народе, – многовековая борьба с захватчиками, преодоление суровой природы и огромных пространств, – значительная часть этой энергии, народной силы, самостоятельно, вне контроля самодержавия, не проявлялась; если же это случалось (казаки, землепроходцы), то Москва рано или поздно делала этих вольных людей носителями своей воли. Положение народа было подобно бурному, могучему потоку, крепко замкнутому и направляемому каменными берегами, плотинами и шлюзами абсолютизма.

В Западной Европе взаимоотношение «власть – народ» было отличным от сложившихся у восточных славян вовсе не потому, что западные монархи были добрее и благонравнее российских. Отнюдь нет! Просто и те, и другие знали границы своих возможностей: несколько попыток английских и французских королей усилить свои полномочия встречали столь крепкий отпор городов, парламента, судов, дворянства, народа, что в результате образовалась равнодействующая, более или менее устраивающая обе стороны.

Элементы деспотизма и лизоблюдства были характерны и для Западной Европы. Во времена французского короля Франциска I в придворной табели о рангах фигурировала высочайшая должность «стулоносителя», то есть носильщика примитивного предмета мебели, на который Его величество соизволит усесться и отправить нужду. Обладатели этой должности исполняли свои обязанности при полной парадной форме и шпаге. «Работы» вокруг стула относились к разряду наиболее завидных придворных услуг, потому что в благоприятных случаях Его Величество не скупился на милости. Часто процедура подавания стула происходила при большом стечении зрителей. Людовик XIV ограничил эту публичность. Он рассудил, что подобное интимное действие не годится для широкой публики. Употребляя сей будничнейший трон, на пол- или три четверти часа, он не терпел вокруг себя никого, кроме принцев крови и герцогинь, фавориток, министров и главных вельмож.

В присутствии короля или королевы все придворные оставались стоять. Из дам могли сидеть только герцогини, и то не на стульях, на табуретах. Дети короля в присутствии своих августейших отца или матери тоже сидели на табурете, в других случаях им полагалось кресло. Королевские внуки в присутствии королевских детей могли претендовать только на табурет. Принцессы крови перед королевской четой и королевскими детьми также скромно присаживались на табурет, однако в присутствии королевских внуков им полагалась льгота: они получали стул со спинкой, но без подлокотников [46, с. 30].

Кардиналы оставались стоять перед королем, перед королевой же и королевскими детьми садились на табурет, перед принцами и принцессами крови – в кресло.

«Право табурета» – это лишь малая толика из набора утонченных обычаев высшего дворянства. На придворных приемах дамы низшего ранга целовали подол платья королевы. К целованию были обязаны и герцогини, и супруги пэров: их привилегия состояла в том, что они могли целовать платье чуть-чуть повыше.

Придворный закон определял и длину шлейфа дамского платья. Вот точные размеры шлейфов:

королевы – 11 аршин;

королевиц – 9 аршин;

королевских внучек – 7 аршин;

принцесс крови – 5 аршин;

прочих герцогинь – 3 аршина (один парижский аршин равнялся 1,19 метра).

Придворные дамы пили из рюмок. Привилегию герцогинь составляло то, что под их бокал клали стеклянную подставку [46, с. 30].

Было бы заблуждением считать, что просвещение и наука, все то, что связано с понятием «прогрессивное развитие», восторжествовали в странах Западной Европы одновременно, без борьбы и потрясений общественных институтов; наличествовали и попытки закрепить западноевропейское крестьянство, «подмять» общество под «железную» длань власти: во Франции, разоренной Столетней войной и чумой, выросла «новая крепость» – крепостное право. В Англии «черная смерть», унесшая в середине XIV века значительную часть рабочей силы, грозила разорением уцелевшим лордам и сеньорам. «Едва ли может быть сомнение, – писал академик Д.М. Петрушевский, обобщая огромное количество фактов, – что благодаря черной смерти почти упразднившееся силою вещей крепостное право (в Англии) опять возрождается, – и притом гораздо в более тяжелых, сравнительно с прежними, формах» [46, с. 30–31].

Заметим определение ученого – «упразднившееся силою вещей», то есть развитием денежных отношений, городов и т.п. Посадить крестьян на барщину, препятствовать их уходу – вот что теперь просили богатые сеньоры. Очень любопытно, что король Эдуард III издал 18 июня 1349 года закон «О работниках и слугах», внешне довольно похожий на российский Юрьев день, только на полтора века раньше (в Англии, впрочем, временем окончательного расчета с хозяином был не день св. Юрия, 26 ноября, но Михайлов день, 29 сентября). Закон был прост: кто откажется работать «по обычной плате» – арест; кто ушел от хозяина до уговорного срока – тюрьма. Еще немного, и могла бы как будто образоваться барщинно-крепостническая система, похожая на ту, что позже утвердится в России. Но не вышло.

Предоставим слово современникам. Знаменитый английский публицист Джон Уиклиф, сочувствуя угнетенным, запишет в 1370-х годах: «Лорды стремились обратить своих держателей в рабство, большее, чем то, в каком они должны были находиться согласно разуму и милосердию, что и вызвало борьбу и неурядицу в стране». Французский историк Фруассар в эту пору негодовал на мужиков: «Эти негодяи стали подниматься из-за того, что их, как они говорили, держали в слишком большом рабстве». Крестьяне за несколько веков привыкли к большей свободе, и они поднялись: в 1357–1358 годах во Франции – Парижское восстание и Жакерия; в 1381 году в Англии – восстание Уота Тайлера. Бунтовщиков казнили, но отказались от закрепощения – сосредоточились на денежных оброках, арендах, налогах [46, с. 31].

Жертвы были не напрасны! От их пламени зажигались новые светильники разума. На пепелищах несбывшихся надежд рождались новые идеи, новые страстные проповеди народных заступников. «Колесо истории» вращалось все быстрее.

Т. Мюнцер вещал: «Железо горячо, куйте его» – и его «ковали», идя дорогой позднего средневековья, по обе стороны которой – частокол виселиц и эшафотов, поля, усеянные

костями «еретиков», имевших мужество поднять руку на святая святых несправедливого мира – частную собственность. Небо над этой дорогой багровеет заревами крестьянского «красного петуха», утопиями «золотого века», фантазмагориями и предвидениями. В Европе происходил естественно-исторический эволюционный процесс общественного развития, в то время как славянский мир был сотрясаем нашествиями, войнами, борьбой за выживание.

Славяне, как западные, так и восточные, при отличительных особенностях развития, имели немало общего. Сознание этнического родства и языковой близости возникло у славян еще на ранней стадии развития. Одним из первых литературных памятников, свидетельствующих об этом, является «Повесть временных лет». В дальнейшем существование и развитие идеи славянской общности поддерживалось реальными и жизненными факторами, главным из которых было родство славянских языков, что способствовало развитию литературного общения народов даже тогда, когда нарушалась их географическая близость. Благодаря этой языковой общности, сравнительной близости территорий, культурные и политические связи славянских стран прослеживаются на протяжении всего средневековья. Не прерывается и литературная традиция, обосновывающая наличие этих связей родством всех славян.

Краковский епископ Матвей в XII веке называет Русь, Чехию и Польшу частями единой «Славонии»; в XIII веке польский хронист Мартин Галл говорит о родстве славян, проживающих в разных странах, а чешский король Пшемисл Отакар II в это же время просит помощи у Польши против немцев, как у братьев по крови. Характерно, что с подобной аргументацией и по тому же поводу чехи обращались к Польше и в XVII веке. В русском «Хронографе» 1512 года говорилось, что сербы, болгары и другие славяне – россияне и украинцы – «едино суть».

Однако развитие Западной Европы и славянского мира – своеобразного «перекрестка» Востока и Запада – происходило на принципиально различной основе: Западная Европа, «прикрытая» «славянским щитом» от губительных орд, развивалась по внутренне-имманентным законам своего бытия. Славянский же мир находился на «пересечении» тектонических зон влияния Востока и Запада, что с гениальной поэтической прозорливостью сформулировал А. Блок:

«Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными глазами!»

Далее он акцентировал внимание на том, что всемирно-историческая миссия славянства – быть щитом Европы от «азиатского потока».

В 1054 году произошел официальный раскол христианской церкви, конституировало свершившееся. Последующие события закрепили и довели до апогея противостояние православия и католицизма. В 1204 году крестоносцы (католики) осадили, захватили и разгромили Константинополь. Жоффрау Виллардуэн (около 1155–1213 гг.) – участник и один из организаторов четвертого крестового похода – отмечал в своих мемуарах: «В эту ночь из боязни, чтобы греки не напали на нас, поджег квартал, отделявший нас от греков. И город начал страшно гореть. Это был третий пожар в Константинополе со времени прибытия франков, и при этом сгорело домов больше, чем сколько находится в трех самых больших городах королевства Франции... Добыча же была так велика, что никто не в состоянии был определить количества найденного золота, серебра, сосудов, драгоценных камней, бархата, меховых одежд. Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно для всех». При этом в «Хронике» Никиты Хониата отмечается: «Жители города, передавая себя в руки судьбы, вышли навстречу латинянам с крестом и святыми изображениями Христа. Мощи святых мучеников брошены в места всякой мерзости! О разграблении главного храма нельзя слушать равнодушно. Святые аналои, затканые драгоценностями и необыкновенной красоты, приводящие в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами вместе с другими великолепными вещами. Когда нужно было вывести из храма священные сосуды, серебро и золото, они ввели в притворы храмов

мулов и лошадей с седлами» [37, Т. I, с. 236–239]. Невозможно было смягчить мольбами или преклонить какими-либо жалобами и умиловить этот варварский народ – на улицах плач, вопли и стенания, на перекрестках рыдания, во храмах жалобные стоны» [37, Т. I, с. 239]. Таким образом, важнейшим фактором «противостояния» Западной Европы и восточнославянского мира стали католицизм и православие.

По словам известного российского мыслителя С.Н. Булгакова, «нам, русским, ближе и доступнее именно наш русский Христос, Христос преп. Серафима и преп. Сергия, нежели Христос Бернарда Клервосского или Екатерины Сиенской, или даже Франциска Ассизского». С точки зрения чисто фактической, это, разумеется, так же верно, как и то, что «католикам ближе христианство Петрово, а протестантам христианство Павлово».

Чем же обуславливалось подобное своеобразие факторов развития Западной Европы и Руси? При введении христианства церковь принялась укреплять общую для всех подчиненных Киеву славянских племен связь, связь именно через центральную власть. Эти функции православия со временем становились определяющими. Феодалные междоусобицы, вторжения вражеских орд, изменения территориальных границ в течение столетий перемешивали славянские племена с финно-угорскими и тюркскими. В феодальном мире беспорядков, насилия и войн православная церковь пыталась противостоять не только хаосу и неустойчивости, но и сохранять культурную традицию. Церковь взяла на себя регулирование семейно-брачных отношений, стала, по сути, монополистом в сфере образования, способствовала этнической консолидации общества на основе православия [59, с. 111]. Идентичной была позиция православной церкви и в Византии. Поэтому отказ от православия как в Византии, так и на Руси был бы равносителен отказу от государственности, уничтожению этноса.

Укрепление экономических позиций церкви в XIII в. привело к более активному вмешательству ее в политическую жизнь. Великокняжеской властью церкви была дарована десятина, в церковное право вошли нормы древнерусского права. В соответствии с государственно-политической структурой Руси в XIII в. было образовано 16 епископий, формировался национальный пантеон святых. В XIV–XV вв. при ордынском иге отмечался рост религиозности населения, формировались национально-специфические черты русского православия; этот процесс особенно усилился после взятия турками в 1453 г. центра православного христианства – Константинополя. Изолированное положение России в сочетании с претензией на роль единственной хранительницы православной веры породило бурную активность церкви. Взлет монастырского строительства был обусловлен экономическим развитием удельных княжеств и появлением нового типа монастырей, прямо не зависящих от местной феодальной власти.

В середине XIV в. около Радонежа Варфоломей, сын осевших здесь ростовских бояр, принял постриг и, нарекшись Сергием, основал на холме Маковец, в 72 км от удела московского князя Даниила Александровича, младшего сына Александра Невского, Троицкий монастырь. С самого начала Сергей Радонежский поддерживал московского князя Дмитрия, с семьей которого был связан, поручения которого выполнял, политике которого помогал подчинить действия соседних князей. Отдельные представители высшего духовенства, в том числе Сергей, сыграли позитивную роль в консолидации сил для борьбы за независимость, в свержении ордынского ига и организации централизованного Русского государства.

Важнейшим фактором противостояния захватчикам, их попыткам уничтожения славянского мира являлось искусство. Вершиной русской культуры этого времени было творчество Андрея Рублева. Художник – современник Куликовской и Грюнвальдской битв – стоял у истоков русского гуманизма. Творец «Троицы», «Спаса», росписей Благовещенского собора в Кремле, Успенского собора во Владимире, Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре и других шедевров мировой живописи, он создал школу, пережившую века. А. Рублев-иконописец высоко ценился властью и церковью как поборник художественной

проповеди социальной гармонии, мира и братства. А. Рублев был дорог народу как творец художественно выраженного идеала (в сущности утопического) истинного братства в будущем; простые люди видели в его глубоко национальных творениях отражение своей веры и самосохранение на земле, своей воли к бытию в аду современного им зла и насилия собственных «христородавцев» и ордынских угнетателей. А. Рублев творил по заказу власти, разделяя надежды народа, черпая в них вдохновение. Россия, как и другие страны Европы, использовала достояние гениальных творцов для укрепления власти [47, с. 36].

Потребность в сплочении славянского мира возникла в условиях отсутствия прочного экономического единства разных частей Руси. Слабые экономические связи в XV–XVII вв. огромных территорий Руси компенсировались тоталитарным режимом, азиатским деспотизмом. При этом различные регионы славянского мира развивались на основе различной ментальности, «примыкая» к Востоку либо к Западу, исповедуя их основные ценности, образ жизни.

Вследствие поражения русских князей в попытке отбить монголо-татарское наступление украинские земли стали добычей захватчиков. В то время, когда на севере «подымалась на ноги» Московия, на западе пыталась собраться с силами Польша, а между ними собирал воедино литовские земли князь Миндовг, М.С. Грушевский отмечал: «Сильно запоздавшая и в культурном, и в общественном развитии своем, литовская народность в XIII в. – может быть, не без влияния грозившего ей полным уничтожением немецкого натиска с Балтийского поморья – начинает организовываться политически, совершает этот процесс чрезвычайно быстро, успешно и одновременно притягивает к себе Киевские земли...»

Этот процесс собирания киевского наследия литовской династией очень мало известен в деталях. Проходил он большею частью без шума и громких конфликтов, без больших войн и значительных перемен в строе присоединяемых земель и потому очень мало оставил следов в источниках, тем более что из этих земель от XIV в. не сохранилось для нас никаких местных летописей и очень мало фактического материала. Стоя гораздо ниже в культурном и общественном развитии сравнительно с народностью присоединяемых земель, украинскою или белорусскою, литовская народность подпадала под влияние славянского элемента, его государственных и общественных форм, религии, быта, письменности [48, с. 94–95].

Преемник Миндовга князь Гедимин (1316–1341) захватил значительную часть Белой Руси, а его сын Ольгерд (1341–1377) присоединил к Литовскому государству украинские земли, разбив перед тем татар на Синих Водах (1363). Оставалось только Галицкое княжество. Однако 14 апреля 1340 года галицкие бояре отравили своего князя Юрия, и обезглавленную Галичину присоединили к себе поляки. В 1386 году Литва и Польша объединились в общее государство. Известный польский ученый С. Бандтке писал: «Все Ягеллончики, вплоть до Сигизмунда Августа, в Литве по-украински писали и даже порой едва ли не лучше по-польски умели. Казимир Ягайлович IV (умер в 1492 г.) больше умел по-украински, чем по-польски» [60].

Сила Великого княжества Литовского, достигшего расцвета в XIV – начале XV в., шла на убыль. Этому способствовали агрессивные устремления его правителей в сторону русских земель, между тем как объединение литовско-польско-русских сил обещало принести хорошие плоды в геополитическом контексте. Убедительным тому примером послужила Грюнвальдская битва, когда были наголову разгромлены немецкие рыцари. После этого урока Тевтонский орден был вынужден возвратить захваченные им польские и литовские земли, а затем даже стать вассалом Польши. Необходимо отметить, что Галицко-Волынское княжество, вошедшее в состав Литвы, получило первоначально довольно благоприятные возможности для своего развития. Схема развития Галицко-Волынских земель все более и более, в отличие от Московии, соответствовала западной модели развития: «В основе этого лежала эволюция городской общины, оказавшей существенное влияние на генезис феодализма в Галицко-Волынском регионе. Возьмем сферу суда. На смену традиционному древнерусскому суду в городе приходят несколько судов: магдебургский суд

непосредственно в городе; городской, т.е. замковый; суд наместника. Развивается и крепнет вотчинный, боярский суд. Разрушение единства города и земли наблюдается и в сфере военно-политической. Уходит в прошлое городской полк, та военная сила земли, которая существовала в предыдущий период. На смену ему идет шляхетское войско. Дольше сохранялась «связь по земле». Однако шляхта постепенно растаскивала общинное землевладение» [61, с. 58–71].

Развитие крупного землевладения было основной причиной распада древнерусских традиций социально-политической жизни, того городского строя, который существовал здесь со времен Древней Руси. Город замыкался в тесных рамках Магдебургского права, а волость все в большей степени оказывалась в руках боярства. Следствием этого стало появление магнатских имений с чертами автократичности, где магнат все больше приобретал черты государя [62, с. 14]. При этом, по замечанию М.С. Грушевского: «Вся Восточная Украина в последней четверти XIV в. была подчинена великому князю литовскому. Этот блестящий результат был достигнут в сравнительно непродолжительное время, без больших хлопот и особенного напряжения. Население без сопротивления подчинилось великому князю литовскому; прежние князья оставались на своих местах, под верховенством князей из новой династии, или были без труда смещаемы – слишком были они слабы, чтобы сопротивляться. Татарская орда, считавшая эти земли своими «улусами», была слишком расстроена и ослаблена во второй половине XIV в., чтобы оказать серьезное противодействие. Из 1360–70-х годов мы имеем известие о конфликтах Литвы с татарами, вызванных, очевидно, этим движением ее в украинские земли (пред тем Орда была даже союзником Литвы), но эти конфликты не могли остановить литовской оккупации. Татарские ханы и потом считали Восточную Украину своим улусом и претендовали на дань; эти претензии иногда до некоторой степени удовлетворялись, иногда же отражались вооруженною силою, но во всяком случае не мешали фактической оккупации украинских земель литовскими князьями, впрочем, совершенно уже ассимилировавшимися и превратившимися в украинских князей литовской династии.

Гораздо большего напряжения потребовалось от литовских князей, чтобы удержать в своих руках западные земли Украины; и им в конце концов не удалось задержать их в своей власти, не удалось собрать в своих руках все украинские земли [48, с. 97].

Князь Казимир в своей борьбе за галицко-волыньские земли находил более или менее деятельную поддержку в Венгрии; деятельным союзником его был также папа, что говорит о вовлечении украинских земель в европейскую орбиту влияния. По свидетельству М.С. Грушевского, до смерти Казимира (1370) Галиция находилась в фактическом владении Польши. Так как у него не было сыновей, то на основании старых соглашений польская корона перешла к венгерскому королю Людовику, соединившему в своих руках Венгрию и Польшу. Но так как и у Людовика не было сыновей, а наследование по женской линии не было предусмотрено предшествовавшими трактатами и встречало довольно сильные препятствия, то Людовик, не считая польскую корону вполне надежною, постарался обеспечить Венгрии владение Галициею и потому сначала (в 1372 г.) дал ее во владение своему верному человеку Владиславу, князю опольскому (из онемеченных польских князей Силезии) как венгерский лен, а потом обратил в венгерскую провинцию и раздал в управление венгерским наместникам (1379 г.). Но в 1387 г., устроив брак королевы Ядвиги с Ягайлом, т.е. найдя новую точку опоры против Венгрии (которая к тому периоду была в чрезвычайно плачевном положении вследствие внутренних смут), польское правительство снарядило поход и окончательно присоединило Галицию к Польше.

Венгрия опротестовала это нарушение своих прав, но более энергично выступить тогда была не в состоянии. Вопрос о правах на Галицию поднимался на дипломатических конференциях, но решение его откладывалось все далее и далее, и наконец дело это заглохло в половине XV в. вовсе, и только когда был поднят вопрос о разделе Польши в XVIII в.,

выступили на свет божий снова эти исторические права Венгрии на Галицию и послужили поводом к присоединению ее к Австрии вместе с соседними провинциями [48, с. 103–106].

Упорная борьба Польши с литовскими князьями или, лучше сказать, с украинским населением, поддерживавшим этих князей в борьбе с польской оккупацией, была прервана неожиданной династической комбинацией, которой суждено было оказать чрезвычайно важное влияние на всю дальнейшую историю Восточной Европы. Польское правительство, правившее Польшей после смерти короля Людовика, устроило брак его наследницы на польском троне, королевы Ядвиги, с сыном и наследником Ольгерда на престоле В. кн. Литовского, Ягайлом, и очень заинтересованного надеждою соединить под своею властью Литву и Польшу. Для осуществления этих замыслов он дал согласие на целый ряд условий, поставленных ему польскими правителями, в том числе он обещал присоединить к Польше на вечные времена земли В. кн. Литовского. В этом смысле выдана была им грамота 15 августа 1385 г. в г. Криве (так наз. Кривская уния), и затем в 1386 г. последовал его брак с Ядвигой.

На основании Кривского акта все земли Великого княжества Литовского, в том числе все украинские земли, должны были превратиться в польские провинции (не говоря о Галиции, которую польские правители сами непосредственно присоединили к Польше немного позже), а само Великое княжество Литовское, как отдельный политический орган, должно было перестать существовать. Как отмечал М.С. Грушевский: «Пока не сказались перемены во внутренних отношениях Великого княжества Литовского, украинские, равно как и белорусские, земли чувствовали себя здесь у себя дома. Ими правили в большинстве случаев вполне обрусевшие, вполне искренне ассимилировавшиеся с ними князья Гедиминовой династии. Старый строй земли оставался без значительных перемен. Если в центральном управлении Великого княжества играли главную роль литовские роды, то и они стояли под сильным влиянием славянской, старорусской культуры, глубоко проникавшей в весь склад Великого княжества. А главное – центральное управление не оказывало особенно ощутимого влияния на жизнь земель, живших своею замкнутою, почти вовсе самостоятельную жизнью под управлением своих князей. Украина состояла главным образом именно из таких больших, почти самостоятельных княжеств, в дальнейшей эволюции политической системы Великого княжества Литовского имевших все шансы превратиться в отдельные государства, почти не связанные ничем между собою (т. е. повторить историю разложения Киевского государства). Волынь составляла владение Любарта, потом его сына Федора; Киевская земля – Владимира Ольгердовича; Подольем владел Феодор, последний из Кориатовичей, племянников Ольгерда; в черниговских землях были две значительные волости Ольгердовичей: Димитрия и другого Димитрия – Корибута [48, с. 100–103].

В конце XIV в. во всем этом раскладе В. кн. Литовского происходит ряд глубоких перемен. Во-первых, правительство Ягайла-Витовта, сильное сознанием опоры, которую давало ему еще не нарушенное объединение Литвы и Польши, в 1390-х годах рядом сильных и хорошо рассчитанных ударов без церемоний уничтожает все наиболее сильные удельные княжества на землях Великого княжества Литовского и обращает их в простые провинции. Так, между прочим, отобраны были у Димитрия-Корибута его черниговские земли (еще раньше потерял свои владения, эмигрировав в Москву, другой Димитрий – Ольгердович). В несколько приемов отнята была Волынь у Федора Любартовича (взамен дали ему владения в черниговских землях, но это была такая жалкая замена, что обиженный князь даже не принял ее). С Подолья Витовт согнал Федора Кориатовича. Киевская земля была отнята от Владимира Ольгердовича, получившего взамен маленькое Слуцкое княжество в Белоруссии, и, пройдя через несколько рук, превратилась в начале XV в. в простую провинцию. После этого, в первой половине XV в., в украинских землях единственным значительным владением осталось княжество, составленное из черниговских волостей для беспокойного претендента Свитригайла; кроме того, были второстепенные княжества, как Ратненское (в

северной Волыни) Федора Ольгердовича, Пинское – одного из потомков Гедимины, Острожское – одного из уцелевших родов старой киевской династии» [48, с. 103–106].

По свидетельству видного украинского историка М. Грушевского, взаимоотношения Литвы и Польши были весьма сложными и противоречивыми: «До самой смерти (1492 г.) Казимир удерживает в личной унии под своею властью Польшу и Великое княжество Литовское. Но дальше личной унии дело все-таки не шло: Великое княжество остается совершенно отдельным и самостоятельным государством, связанным с Польшею исключительно личностью государя, и раздраженные неуступчивостью польского правительства в вопросе о спорных землях и в переговорах о новой формуле государственных отношений Литвы и Польши, литовские правители при каждом случае умышленно подчеркивали свою полную отдельность от Польши, хотя и не умели пойти дальше довольно безвредного будирования.

Встретив такие препятствия в осуществлении своей программы, выраженной в Кревском акте, польское правительство должно было в конце концов убедиться, что включение в состав Польши Великого княжества Литовского в целом объеме – цель слишком далекая. Не отрекаясь от нее, а только откладывая ее осуществление до более благоприятного момента, польские политики решили прежде всего отобрать от Великого княжества Литовского земли, издавна служившие предметом притязаний Польши, т. е. украинские земли Галицко-Волынского государства, которых ей не удалось добыть в долгой борьбе за галицко-владимирское наследие: Волынь, Подолье и Берестейско-Дорогичинскую землю среднего Буга [48, с. 98–103].

Подолье было на короткое время в начале XV в. превращено в польскую провинцию Ягайлом, но Витовт потребовал его обратно. В момент смерти Витовта польские шляхтичи Галиции и Подолья, проникшие сюда, особенно во время упомянутого только что короткого господства Польши на Подолье, вначале подготовив заговор, захватили столицу Подолья – Кременец и присоединили Подольскую землю к Польше. Именно это и привело к разрыву между Свитригайлом и Ягайлом. Ягайло – по настоянию Свитригайла, задержавшего его у себя в плену, – дал распоряжение возвратить Подолье великому князю литовскому, но этот приказ исполнен не был. Восточное Подолье, по среднему течению Южного Буга, с городами Браславом и Винницей, полякам, впрочем, не удалось удержать в своих руках: Свитригайло непосредственно за тем возвратил его себе. Но западное Подолье, пограничное с Галициею, где польская шляхта была уже довольно многочисленна, держалось Польши, и Свитригайлу не удалось отобрать его у поляков. В 1440-х годах такое разделение устанавливается уже прочно: восточное Подолье принадлежит Великому князю Литовскому, западное – Польше, хотя литовское правительство долго не мирилось с этой утратой [48, с. 98–103]. Характерно, что в 1387 г. во время крещения литовцев великий князь Ягайло издал три грамоты-привилеи: епископу, виленским горожанам и боярам. В привилее боярам сказано, что они имеют неограниченные права на свои вотчинные земли: могут их продавать, дарить, закладывать и т. д. Крещенные крестьяне какой-либо грамоты такого рода от великого князя не получили. Следовательно, по тогдашнему праву их собственность на землю не признавалась. Однако крестьяне не подчинялись праву, вписанному в великокняжеские привилеи и статуты, они сопротивлялись закрепощению, считая себя собственниками своей земли. Классовая борьба в литовской деревне той эпохи находила выражение не только в прямых столкновениях, но велась также в области права. Крестьяне защищали «старину», основанную на обычном праве. Тот, кто думает, что классовое сопротивление крестьян было безрезультатным, ошибается. Ведь великие князья, стремясь успокоить крестьян, неоднократно уверяли: «Мы старины не рушаем и новизн не вводим». Все вышеперечисленные факторы и обусловили развитие Галицко-Волыньских земель по классически западному варианту при известной трансформации древнерусских традиций и культурных ценностей.

К концу XV в. Восточная Европа переходит от развитого к позднему феодализму, характеризующемуся ростом общественного разделения труда и дальнейшим развитием городов. Образование в конце XV – начале XVI в. мощного многонационального Русского государства, в состав которого вошли ранее самостоятельные княжества, а также две боярские республики (Новгородская и Псковская) и ряд народов Севера и верхнего Поволжья происходило одновременно с образованием единых государств в Европе (Англия, Франция, Испания). Там этот процесс сопровождался зарождением и распространением капиталистических отношений в их мануфактурной стадии, переходом от народности к нации. Процесс складывания народностей в нации на Руси, хотя и задержался, но шел так же неуклонно, как и на Западе.

Объединение русских земель в одно централизованное государство завершилось при Иване III (1462–1505 гг.). Присоединение Новгорода было важным этапом на этом пути. Новгород – крупнейший ремесленный и торговый центр Северной Европы. В нем, а также в Пскове издавна существовал своеобразный боярско-республиканский политический строй. Боярские советы управляли, используя поддержку веча – собраний горожан, созываемых по звону колокола. Экономически и Новгород, и Псков тяготели к Московскому княжеству, получая от него поволжский хлеб и сбывая ему свои и привозные изделия ремесла. Неоднократные народные движения потрясли Новгород, в огне «великих мятежей» сгорела не одна сотня боярских хором, а их обитатели нашли конец в Волхове, куда их сбрасывали с Великого моста восставшие горожане – «вечники». Бояре искали поддержку у сильного московского князя, но притом старались уберечь свои земли и доходы от его жадных рук. Не порывая с Москвой, они сносились и с Вильнюсом, и даже перед концом новгородской независимости при посаднице Марфе Борецкой заключили военный союз с Литвой. Конец этому и положил Иван III, подчинив Новгород силой, он ввел здесь общерусские порядки; вечевого колокол велел снять и увезти в Москву (1478 г.). Владения богатейших бояр отошли к князю и переселенным в присоединенный край московским служивым помещикам. Вскоре судьбу Новгорода разделило Тверское княжество (1485 г.), а затем, в правление Василия III, и Псков (1510 г.).

Объединяя страну, московское правительство ломало и видоизменяло прежнее разнохарактерное управление: союз земель под главенством великого князя сменялся единым государством, на смену всевозможным договорам с князьями-вассалами шла единообразная административная система. Бывшие удельные князья постоянно теряли свои земли и низводились до положения служивых вотчинников. Усложняется политическая структура: кроме боярской Думы, власть осуществляют дьяки, по тому времени высокообразованные администраторы, которым князь «приказывает» ведать определенными отраслями управления. Зарождается приказная система. Упорядочиваются и централизуются право, суд, финансы, вооруженные силы, в которых бояре и «слуги вольные» переходят в ряды служивого дворянства – опоры центральной власти.

«Великий князь всея Руси» – так именуется себя Иван III с 1485 г. «Господарь всея России» – значится на московских монетах. Когда турки захватили Константинополь и пала Византийская империя, он вступил в брак с последней наследницей ее престола Зоей (Софьей) Палеолог (1472 г.). Это соответствовало целям правительства – добиться международного признания суверенности и божественного происхождения великокняжеской власти: «Мы божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога» [47, с. 33–34].

Подобные процессы происходили в Европе. Именно в XV веке, даже, можно сказать, почти в те же годы, завершается объединение ряда западных государств; современник Ивана III король Людовик XI (1461–1483) объединяет Францию; в 1485 году завершается последняя страшная смута в Англии – война Алой и Белой розы, на британском престоле могучие Тюдоры. В 1479 году браком Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской завершается создание единого Испанского королевства. В Москве – государь всея Руси, в западных

столицах – тоже государи «всея Франции, Англии...» (Германии же, Италии еще четыре века жить в раздроблении).

Однако были и существенные отличительные особенности в развитии стран Западной Европы и славянского мира: в исторический период, когда Русь с величайшим напряжением сил избавляется от монгольского ига, на Западе ЗАКОН и ПРАВО постепенно становятся важнейшими составляющими государственной системы. В 1498 году во Франции издается ордонанс Людовика XII, в котором подчеркивается: «Правосудие есть первейшая и достойнейшая из важнейших добродетелей, а также главная и необходимейшая часть всех монархий, королевств и княжеств, хорошо управляемых и находящихся в порядке... А потому, – стремясь превыше всего на свете обеспечить в наше время... доброе управление и хорошие и справедливые суды и организацию по охране порядка, – мы созвали и собрали в этом нашем городе Блуа... некоторых прелатов, председателей и советников наших судов – парламентов Парижа, Тулузы и Бордо, а также некоторых наших сенешалей и бальи» [37, с. 276–277].

В данный исторический период наблюдается интенсивный культурный обмен Руси с Западной Европой, особенно с раннеренессансной культурой Италии. Иван III привлек наряду с русскими зодчими и градостроителями итальянских архитекторов, инженеров, мастеров для реконструкции Кремля. Известный миланский архитектор Пьетро Антонио Солари создал укрепления в стиле самого передового ломбардского крепостного строительства; он соорудил Никольскую и Фроловскую (Спасскую) башни, Антонио Фрязин – Тайницкую, Марко Фрязин – Беклемишеву башню и Грановитую палату. Болонец Аристотель Фиераванти, изучив по распоряжению Ивана III древнюю архитектуру Владимирской земли, возвел в традициях русской любви к «узорочью» Успенский собор, украсив его пятью куполами, пилястрами, аркатурным поясом... Кремль превратился в первоклассную крепость и выразительный центр столицы возродившейся России [77, с. 36].

Складывавшаяся монархия развивалась как сословно-представительная. Она располагала достаточно широкой социальной базой – дворянством и купечеством. Характерно, что города – это островки ремесла и торговли в безбрежной сельскохозяйственной округе – быстро росли, заново обстраивались церквями и крепостными стенами. «Вскоре в России никто не возьмется более за соху, – писали западные путешественники – все бегут в город и становятся купцами». Действительно, города центрального района были заселены в основном ремесленниками. Ремесленники разных специальностей – кузнецы, бронники, кожевники, гончары и др. – селились отдельно, в разных концах города. Часть их работала дома, маленькие и тесные мастерские других лепились к лавкам в торговых рядах. Существовало и вотчинное ремесло. При монастырях, в великокняжеском дворе жили ремесленники, работавшие на феодалов. Однако большая часть их перешла к работе на рынок.

Крупнейший торговый центр страны – Москва – установила связи с отдаленными местами Руси. В Москву съезжались для торговли купцы из разных городов и из-за границы: здесь находился огромный рынок сельскохозяйственных товаров. Иностранцы, побывавшие в Москве в конце XV в., были поражены изобилием продуктов питания.

Яркое описание московского рынка того времени оставили венецианцы Иосафат Барбаро и Амвросий Контарини. Барбаро отмечал, что зимой привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук. «Изобилие в хлебе и мясе так здесь велико, – продолжает он, – что говядину продают не на вес, а по глазомеру». По словам Контарини, Москва «изобилует всякого рода хлебом» и «жизненные припасы в ней... дешевы», зимой на покрытой льдом реке Москве выстраиваются лавки с разными товарами и, таким образом, вырастает «целый рынок», куда ежедневно купцы и крестьяне «привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы». «Любо смотреть, – отмечал Контарини, – на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на

задних ногах. В течение всей зимы эти товары не иссякают... На льду замерзшей реки устраивают конские бега и другие увеселения; случается, что при этом люди ломают себе шею. Русские очень красивы, как мужчины, так и женщины... В город в течение всей зимы собирается множество купцов как из Германии, так и из Польши. Они покупают исключительно меха: соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей...» [47, с. 30–34].

В условиях сравнительно слабого развития внутреннего рынка внешняя торговля способствовала укреплению экономических связей между отдельными землями, отовсюду собирались товары на экспорт.

В то время как в Московии объективные и субъективные предпосылки обуславливали усиление тенденций централизации, абсолютизации власти «земного Бога» – царя Российского, – в Западной Европе набирали вес тенденции противоположного характера.

На рубеже XV–XVI веков существенные преобразования произошли в Западной Европе, в значительной мере изменившие вектор ее развития. В XVI в. в развитии Западной Европы происходит значимый перелом: в ходе разложения феодализма средства производства сосредотачивались в руках нового класса – капиталистов, а сами непосредственные производители превращаются в людей лично свободных, но вынужденных жить продажей своей рабочей силы. Католическая церковь, которая сама являлась крупнейшим феодальным землевладельцем, служила в средние века опорой феодального строя, выступала монополистом «распределения» в мире «божественной благодати» через совершаемые ею таинства – крещение, покаяние, причастие, на основании чего подчинила себе всю светскую жизнь, светские учреждения и государство. Борьба с феодализмом в Западной Европе, исходя из всего вышеизложенного, была нераздельно связана с борьбой против католической религии. Оппозиционные настроения нашли свое идеологическое выражение в гуманистическом движении, в реформации.

Реформация в переводе с латыни означает «изменение, перестройка» («судьбоносные» для людей постсоветского периода термины), – именно она преобразила Западную Европу. По существу, идейно подготовил Реформацию Эразм Роттердамский (1466 – 1536 гг.). Главное его произведение – «Похвала глупости» – содержит парадоксальное доказательство того, что в человеческой жизни все в конечном счете подчинено прихоти, глупости. Он подвергает язвительной сатире почти все сословия и институты средневековой феодальной Европы: купцы и монахи, правоведы и философы-схоласты, короли и придворные, богословы и епископы, кардиналы и римские папы, святые апостолы и сам Иисус Христос длинной вереницей дефилируют перед читателем, демонстрируя каждый особую форму присущей ему глупости. В заключение содержится мысль, что, по-видимому, и сама христианская вера «сродни некоему виду глупости и с мудростью совершенно несовместна» [63, с. 132–133]. Этот вывод подрывал устои, на которых покоилось западноевропейское мироустройство, миропорядок. Написанная в форме монолога, произносимого самой Глупостью, которая восторженно распевает сама себе дифирамбы, в традиции позднесредневековой «дурачествующей» литературы, эта книга (единственная из всех трудов Эразма) устояла перед лицом времени, благодаря гуманистическому, вечно современному характеру содержащейся в ней иронии, иронии скептической, антидогматической, свободно играющей противоположностями и, вместе с тем, не морализирующей, не поучающей, не исполненной снисхождения к роду человеческому.

По существу, идейно подготовив Реформацию, Эразм Роттердамский, однако, не принял ее, как, впрочем, не приняли ее и большинство других немецких ученых-гуманистов. Он раньше других усмотрел в протестантизме ту же нетерпимость к свободной мысли, тот же обскурантизм и схоластику, которые так отталкивали его от католицизма.

Когда в Германии вспыхнула ожесточенная социальная и религиозная борьба, Эразм занял позицию наблюдателя этой «трагикомедии», отпуская в адрес лютеран замечания не менее язвительные, чем те, которые он в свое время адресовал католикам.

Эразм Роттердамский был вне «поля цивилизационных предрассудков, заблуждений и иллюзий Западной Европы»; он не был родовит, богат, был изгоем общества и посему... взорвал средневековую Европу, ее институты. Среди всех писателей и деятелей Запада он был первым настоящим европейцем, первым воинствующим «другом мира», красноречивейшим защитником гуманистического идеала добра и разума. Не делая различия между языками и народами, он любил человечество, стремился к высочайшему совершенствованию его [63, с. 133–135].

Родной всюду, первый «гражданин мира» и европеец, он не знал никакого превосходства одной нации перед другой, а так как его сердце оценивало все народы единственно по их благороднейшим и сформировавшимся умам, по их элите, все они казались ему достойными любви. Объединить этих выдающихся мыслителей всех стран, рас и сословий в единый великий союз – такой благородной цели он решил посвятить свою жизнь.

Эразм и его последователи считали, что прогресс человечества будет осуществляться путем просвещения, и надеялись, что из отдельных личностей удастся воспитать общество при помощи массового распространения образования, творчества, литературы. Время укрепляло его мысли о европейском единении в духе гуманизма, потому что великие открытия и изобретения наступающего нового столетия, обновление науки и искусств в духе Ренессанса уже стали общенациональным приоритетом Европы.

Впервые после бесконечных тяжелых лет мракобесия и религиозного фанатизма западный мир внушил к себе доверие мыслящим людям и стал центром притяжения лучших идеалистических сил гуманизма: каждый хотел сделаться «гражданином мира» в этом государстве культуры. Императоры и папы, князья и священники, артисты и политические деятели, юноши и женщины состязались в знании искусств и наук, латынь была их общим братским языком, первым «эсперанто души» – впервые со времени падения римской цивилизации благодаря «республике ученых» Эразма снова возникла общеевропейская цивилизация. Впервые не тщеславие одной нации, а благо всего человечества руководило братством идеалистов [63, с. 132–145]. Однако конфликт существующей реальности с обретающей статус существования всегда трагичен, несет в себе возможность падения ниже исходного уровня.

Личная трагедия Эразма заключалась в том, что именно он, самый нефанатичный, самый антидогматичный из всех людей своего времени оказался в стороне как раз в то мгновение, когда наднациональная идея гуманизма озарила Европу, при одной из неистовейших вспышек национально-религиозных массовых страстей, известных истории... Он первый германский реформатор (и, в сущности, единственный, потому что другие были скорее «революционерами», чем реформаторами), стремился обновить католическую церковь в соответствии с законами разума. Но ему – человеку мысли, эволюционеру – судьба посылает навстречу Лютера – человека действия, революционера, одержимого демоном угрюмого властолюбия [63].

Железный крестьянский кулак доктора Мартина одним ударом раздробил все, что изящная, вооруженная только пером рука Эразма старалась бережно скрепить. На целые столетия христианский, европейский мир оказался расколотым: паписты против лютеран, север против юга, германцы против романцев – возможен всего лишь один выбор, одно решение для западноевропейцев – католичество или протестантство, туфля папы или Евангелие Лютера. Но Эразм – это знаменательнейший его поступок – единственный из властителей дум эпохи, отказался избрать себе партию. Он не встал на сторону католической церкви, он не встал на сторону Реформации, потому что связан с обеими: с евангелическим учением, которое он первым вызвал к жизни и поощрял, с католической церковью, в которой отстаивал последний рубеж духовного единства распадающегося мира. Но направо – крайность и налево – крайность, направо – фанатизм и налево – фанатизм [63]. Реформация пришла к тому, от чего пыталась увести западноевропейское общество – к фанатизму.

«Благими намерениями вымощена дорога в ад» – попытки «одномоментного», «революционного» решения назревших проблем всегда завершаются возвращением к изначальному. «Синдром Моисея», сорок лет «водившего евреев по пустыне» – аллегорический символ трансформации сознания людей «длиной в три человеческих поколения», что является необходимостью для глобальных преобразований в обществе.

Таким образом, наступило время в жизни, когда нужно было стереть записи прошлого опыта, узнавая все заново. Это же в клятве Гамлета отцу: под твоим знаком я сотру все записи опыта, построю все сначала и в итоге узнаю истину.

В середине XVII в. многим европейцам казалось, что раскол между реформаторами и католиками еще может быть преодолен. Необходимо только, чтобы обе стороны пошли навстречу друг другу и искали примирения. Однако вскоре вспыхнули религиозные войны на полях Франции и Нидерландов. В 1562 г. Француз Гиз во время богослужения истребил несколько десятков гугенотов (характерно, что это время – период правления Ивана Грозного в России), наемный убийца расправился с Гизом. Всего за 30 лет, последовавших за этим, во Франции произошло 10 войн, в которые были втянуты англичане, помогавшие гугенотам, испанцы – союзники католиков. В Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.) погибло 30 тыс. человек [63, с. 132–145].

Чума нетерпимости, жестокости, мракобесия охватила практически всю западную Европу – «благими намерениями вымощена дорога в ад»? Инквизиция потребовала от испанского императора Карла V, чтобы он отрубил шесть тысяч голов или сжег столько же тел, дабы искоренить в Нидерландах Лютерову ересь. Его святейшее величество нашел, что этого еще мало. Вскоре на шестах замаячили головы, отрубленные у еретиков, на девушек накидывали мешки и бросали в реку, голых мужчин, растянутых на колесе, били железными палками, женщин зарывали в землю и плясали на них, чтобы раздавить им грудь. Целые семьи – мужья и жены, дочери и сыновья – с пением псалмов всходили на костер. Палачи зажигали костер пушечным порохом и на костре погибало до тридцати лютеран сразу [64, с. 54].

Итогом же кровавых потрясений в Европе явился Нантский эдикт – закон о веротерпимости, принятый в 1598 г. Через кровь, страдание, пожары и разрушения европейцы пришли к заключению – необходимо учиться жить друг с другом в согласии независимо от той или иной религии, взглядов, убеждений. Сомнение в незыблемости западных государственных институтов, обострение противостояния классов и сословий привело к тому, что в пожары и войнах, пожирая своих творцов, родилась новая, обновленная Европа.

На исполинской картине Реформации Эразм стоит на втором плане. Другие, одержимые гением и верой, наполняют свою судьбу, историю Европы драматизмом: Гус погибает в бушующем пламени, Савонарола – на раскаленном колу во Флоренции, Сервет ввергнут в огонь фанатиком Кальвином. Для каждого бьет его трагический час: Томас Мюнцер истерзан раскаленными клещами, Джон Кнохс пригвожден к галере, Лютер, изо всех сил упирающийся ногами в немецкую землю, обрушивает на империю свое громовое: «Не могу иначе!» Томас Мор и Джон Фишер обезглавлены на плахе, Цвингли пронзен бердышем на равнине Каппеля – все это незабываемые личности, преисполненные воинствующей веры, экстатические в своих муках, великие в своем жребии, за ними вдали горит, однако, роковое пламя религиозных заблуждений, опустошенные Крестьянской войной замки, разоренные Тридцатилетней войной, Столетней войной города, разграбленные усадьбы, эти апокалипсические ландшафты вопиют к небесам о земном безрассудстве [63].

«Но среди всего этого европейского столпотворения, несколько позади великих капитанов церковной войны» и явно в стороне от них, виднеется благородное, подернутое легкой печалью лицо Эразма. Он не истерзан пыткой, его рука не вооружена мечом, пылкие страсти не искажают его черты. Но кроткий, отливающий синевой взор, навсегда запечатленный Гольбейном, сквозь сумятицу всеобщих страстей обращен в наше время, не менее

мятущееся. Холодная разочарованность омрачает его чело – ему известна эта вечная глупость мира! – но легкая, едва уловимая улыбка надежды играет на его устах [63].

Судьба фанатизма в том, что он обращается против самого себя. Разум, вечный и спокойно терпеливый, может ждать и не отступаться: неистовый Мюнцер, первый теоретик и вождь «партии обездоленных» – никакие пытки не могли вырвать у него ни раскаянья, ни мольбы, ни имен соратников по борьбе. В иступленной своей непримиримости, в ненависти, жгучей, как каленое железо палачей, черпал он силы до самого смертного часа. Как хотелось мучителям сломить его «дьявольскую сверхзакоренелость» (М. Лютер), выставить на публичное позорище перед народом: смотрите! Вот ваш заступник – смиренный, сломленный, отрешившийся от бесовских заблуждений! [63]

Не вышло. Не могло выйти. Мюнцера убили подло, тайком, судорожно выколол ему, уже мертвому, глаза, до последнего мига пылавшие презрением к палачам... Но и этого было мало: требовалось вытравить мятежный «мюнцеров дух». Задним числом были сфабрикованы подложные «Признания Томаса Мюнцера» и даже его «Отречение». Типографские станки неустанно множили ложь, но правда восторжествовала [49, с. 148].

Что же было присуще нарождавшемуся буржуазному классу Западной Европы? Неприятие трагизма мироощущения, пафоса страдания, эстетизации нищеты, рост уважения к земному человеку, который побеждает, принимает мир, каков он есть, пользуется радостями бытия и испытывает «упоение в бою», не впадая в экстаз отчаяния, воплощает ощущение полноты жизни, бьющей через край.

Славянский мир, тектонически расколотый как восточной, так и западной ментальностями на разнополюсные составляющие, развивался по имманентным законам двух противоположных систем. Отсюда – импульсивность его истории, кровавые «метания» правителей, непреходящие бедствия великого в своей трагичности народа.

В данный исторический период – в конце XV – начале XVI веков под властью Москвы образовалась огромная империя, позже распространившаяся за Урал. Есть, очевидно, два способа управления такими территориями: первый – когда большую роль играет местное самоуправление, выбранное населением и отчасти контролируемое из центра; в самом деле, легко ли из Москвы (при отсутствии телефона и телеграфа) управлять окраинами без привлечения местных сил?

Один из создателей США, Томас Джефферсон, писал: «Наша страна слишком велика для того, чтобы всеми ее делами ведало одно правительство». Российские самодержцы «исходили» из противоположного посыла.

Таким образом, простым объяснением «российского деспотизма» была география: еще великий Монтескье учил, что самые тиранические режимы обычно утверждаются над большими пространствами; однако факты порою противоречивы: в огромной империи Карла V (1516–1555), над которой, как известно, никогда не заходило солнце (Испания, Германия, Нидерланды, Италия, Южная Америка и другие заморские владения), – в этом государстве все же сохранились разные политические институты, не позволявшие монарху слишком уж «разгуляться». Крупнейшим по европейским понятиям королевством была Речь Посполитая (Польша, Литва, Белоруссия, Украина), но там была скорее не самодержавная монархия, а дворянская анархия. Второй способ – централизаторский; сверху донизу – всеведущая административная власть, подавляющая всяческое самоуправление.

Запад, как легко догадаться, пошел первым путем: короли плюс парламенты, городские и провинциальные общины, суды и т.п. На Руси дело решалось в основном при Иване Грозном и после него. Довольно долго, в течение всего XVII века, города, окраины еще норовили выбирать воевод, сами пытались ведать своими делами, однако все это беспощадно пресекалось и подавлялось [46].

При этом России невозможно было совсем абстрагироваться от Англии, Франции и прочих стран, ибо с ними торговали, происходил интенсивный культурный обмен. Вскоре дало себя знать опаснейшее российское отставание. Разумеется, страна шла своим

историческим, духовным путем, имела и хранила высокие духовные ценности, рождала собственных гениев – Андрея Рублева, Аввакума, но необходимо отметить, что современниками Ивана III были Леонардо да Винчи и Колумб; что Микеланджело умер, а Шекспир родился в том году, когда Иван Грозный демонстративно покинул Москву и собирался ввести опричину; характерно, что годы правления Лжедмитрия по западной хронологии – это выход первого тома «Дон Кихота», рождение Рембрандта. Великие имена, но не забудем, конечно, о западных фрегатах, первых кругосветных путешествиях, галилеевском телескопе, ньютоновских законах; об университетах, которые к концу XV века существовали уже в Болонье, Париже, Монпелье, Оксфорде, Кембридже, а также в Саламанке (Испания), Коимбре (Португалия), Праге, Кракове, Вене, Гейдельберге, Упсале, Копенгагене [46].

В Европе – университеты, а в Московии – собачьи головы как символ опричников Ивана Грозного (чтобы «вытравить» крамолу!), на Западе – блеск раскрепощавшейся мысли, фейерверк индивидуальности, личности, порой парадоксальной. Томас Мор (1478–1535) – один из первых социалистов-утопистов и при этом – «красный» лорд-канцлер (какая многозначительная ирония истории: первый социалист – глава могущественного феодального государства!) был решительным противником народных восстаний и всяческого «смутьяинства». Из тех же побуждений он выступил против реформации английской церкви (и за это поплатился головой). Не за «Утопию» его казнили: она казалась тогда всего лишь забавной сказкой.

Упаси, боже, от бунтов! Но как быть, если имущие сами толкают массу трудящихся на отчаянные акты безумства? Может быть, спасение в «идеальном», высоконравственном правителе, который разгонит дармоедов и облагодетельствует нацию? Многие гуманисты, начиная с Данте, уповали на просвещенную монархию. Но Мор идет дальше. Выход найден! Корень зла – в частной собственности, и потому ее надо уничтожить полностью! До Мора можно говорить об элементах, оттенках и проблесках коммунистического идеала в произведениях тех или иных мыслителей или художников. После «Утопии» мы говорим о **с и с т е м е** социально-утопических взглядов.

Мору глубоко чужды эгоизм и анархизм; ему никак не подходит девиз телемитов: «Делай, что хочешь». Утопическое общество организовано рационально, с учетом требований разума, природы человека, с ясным пониманием необходимости упорядочения общественной жизни, производства, распределения и потребления в государственном масштабе [49, с. 150–160].

Не может не вызывать у нас восторга полное блестящей иронии описание презрительного отношения жителей Утопии к золоту и драгоценным «безделушкам». Эстетические вкусы граждан Утопии, так же, как и нравственные нормы, основоположник утопизма логически выводит из материальных, политических и духовных условий жизни по-социалистически. Презрение к золоту воспитывается пониманием истинных ценностей бытия, ощущением радости коллективного труда.

Т. Мор подчеркивал в «Утопии»: «Утопийцы едят и пьют в скудельных сосудах из глины и стекла, правда, всегда изящных, но все же дешевых, а из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того, из тех же металлов они вырабатывают цепи и массивные кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех опозоривших себя каким-либо преступлением в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь, и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески заботятся о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре. В итоге, другие народы дают на растерзание эти металлы с не меньшей болью, чем свою утробу, а среди утопийцев, если бы обстоятельства потребовали удаления всех этих зараз, никто, по-видимому, не почувствовал бы от этого для себя ни малейшего лишения. Характерно, что именно у его островитян-коммунистов за четыреста лет (!) до Октябрьской

революции впервые сплелись в государственном гербе символы освобожденного труда, изобилия и счастья: серп, молот и хлебные колосья. Однако не все отличалось гармонией в его утопии – но следом влачится неумолимый призрак «синих тапочек» и круговой чашки риса. В устах Мора призрак этот обретает вызывающе привлекательные черты. Дескать, пусть всем будет чуточку хуже, чем совсем хорошо только единицам. От Платона, от аристократизма здесь не остается даже тени! [49, с. 160–170].

В то же время «уравниловка» у Мора ведет к идее «законченного совершенства», круговорота счастливой и беспечальной жизни, то есть к идее остановки прогресса. Так сказать, за ненадобностью его, ибо все и всем довольны, ибо все и всё имеют.

Мор опять-таки по неизбежности противоречив. «Утопия – наилучшее устройство государства» – это подчеркнуто в самом названии книги. Раз наилучшее, то чего же боле? [49, с. 150–175].

Через 400 с лишним лет славянский мир станет трагической экспериментальной лабораторией по «внедрению» европейских утопий и по «закону трансплантации» получит кроваво-противоположные предполагаемым результаты. Во многом это предопределялось традициями, ментальностью предшествующего развития славянского мира, теми параметрами бытия славянства, которые формировались комбинаторикой геополитических и исторических координат «этого перекрестка» Европы и Азии. «Имплантации» чужеродных идей, взглядов, образа жизни нигде не давали долгосрочных позитивных результатов, зачастую обрекали государства и этносы, растратившие свою жизненную энергию на созидание химер, на стагнацию, порой на гибель.

А. Тойнби акцентировал внимание на том факторе, что, «узурпируя византийское наследие, русские вместе со всем прочим восприняли и традиционное византийское отношение к Западу... Эти ортодоксальность и вера в предопределение, воспринятые русскими от Византии, на многие столетия предопределили ментальность Руси и то, что, оказавшись перед проблемой выбора: татаро-монголы или «псы-рыцари», осуществлявшие политику «Дранг нах Остен» в период восточных крестовых походов, «предались» татаро-монголам, а не «братьям-католикам» [52, с. 58–59].

Московские цари, по замечанию А. Тойнби, как и китайские императоры, считали себя представителями одной из наиболее развитых цивилизаций мира: «Московский наследник Римской империи унаследовал культурные достижения греческих предшественников Рима» [52].

Человеку как можно чаще надо говорить, что он – человек, микровселенная, а не винтик, не «биомасса», и что всегда после «сегодня» приходит «завтра».

Ю.М. Теплицкий

Служба царям имеет две стороны: одна – надежда на хлеб, другая – страх за свою жизнь.

Саади, XIII в.

Ни самые прекрасные, ни самые отвратительные устремления человека не заложены в нем биологически, от природы; они – результат социального прогресса.

Эрих Фромм

*Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться,
Так всех нас в трусов превращает мысль.*

У. Шекспир

Англию может погубить только парламент.

Вильям Сессиль Берль –

английский государственный деятель XVI в.

ИВАН ГРОЗНЫЙ – ВЛАСТНАЯ ПРОДИАНА НА РОССИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

(Бессилие всевластия)

Известный психолог Эйбрахам Маслоу отмечает в своих работах, что в природе человека заложено продвигаться вперед и выше, поскольку, едва удовлетворяются его потребности определенного уровня, у него возникают новые потребности – более высокого уровня. У каждого индивидуума есть набор различных потребностей, выстраивающихся в иерархический ряд. Как только удовлетворяются первичные потребности, связанные с поддержанием жизни, на первый план выдвигается потребность безопасности: затем следуют потребности социальные – в утверждении своего престижа или своего «я» и, наконец, потребности самореализации, потребности социального характера, связанные с определением своего положения относительно других людей. Личностные потребности включают в себя заботы о признании и престиже, о самоутверждении и о праве быть лидером, о своем успехе, своей компетентности. При этом агрессивность человека находит себе множество проявлений – от утонченного поиска общественного одобрения – до насильственных действий, совершаемых ради утверждения физического господства. Род людской обладает большими ресурсами агрессивности, находящей себе выход либо в символических играх, либо в организованном соперничестве, либо в актах насилия.

Многие положения известного западного психолога находят подтверждение в истории Руси. Византийская ментальность, положенная в основу государственности Киевской Руси, как и восточная, привнесенная в славянский мир на остриях стрел и копий татаро-монгольских завоевателей, как бы воплотилась во всей своей противоречивости и единстве воедино в личности Ивана Грозного – наследника как византийских императоров, так и... хана Мамаю: второй женой великого князя Василия III – отца Ивана Грозного была юная «литвинка» княжна Елена Глинская, «не отличавшаяся большой знатностью, хотя ее предки вели род от... хана Мамаю». При этом Глинские, по свидетельству М.С. Грушевского – украинский княжеский род: «Литовское правительство заключило в 1503 г. новый договор с Москвою, признав за последнюю все ее приобретения, в том числе почти всю старую Черниговскую землю, за исключением небольшой приднепровской полосы.

Затем несколько лет спустя организует заговор и восстание, рассчитывая на помощь великого князя московского и крымского хана, украинская княжеская семья Глинских, обиженная новым великим князем и королем Сигизмундом. Во главе ее стоял Михаил Глинский, чрезвычайно влиятельный любимец великого князя Александра, попавший в немилость при его преемнике, представитель русской аристократии в В. кн. Литовском, считавшийся ее вождем и главою. Это был эпизод, аналогичный с княжеским заговором 1481 г., и имел, очевидно, целью посадить Глинского на престол Великого княжества. Но хан вовсе не поддержал восстания, а московский великий князь поддержал весьма слабо, и оно очень скоро было подавлено, не вызвав сколько-нибудь значительного движения даже среди украинского и белорусского княжества и боярства, не говоря уже о народе. Усилия Глинских поднять Киевскую землю были безуспешны, а соседняя Волынь – эта *rag excellence* княжеская земля – осталась совершенно равнодушной. Вожди заговора ушли на московскую территорию (1508 г.)» [48, с. 111–112].

Дед Грозного – Иван III – был женат дважды; в первый раз на тверской княжне, а во второй раз – на византийской царевне Софье (Зое) Палеолог. Трон должен был перейти к представителям старшей линии семьи в лице первенца Ивана и его сына Дмитрия. Великий князь благословил на царство внука Дмитрия, но потом заточил его в тюрьму, а трон передал сыну от второго брака, Василию III. Его брак с Глинской не сулил дипломатических выгод, но Елена, воспитанная в «иноземных обычаях» и не похожая на московских боярышень,

умела нравиться, и Василий был столь увлечен молодой женой, что в угоду ей не побоялся нарушить заветы старины и сбрил бороду.

Московская аристократия не одобрила выбор великого князя, белозерские монахи объявили его брак «блудодеянием». Проблемой было то, что и второй брак Василия III оказался поначалу бездетным. Четыре года супруги ждали ребенка, и только на пятом Елена родила сына, нареченного Иваном. Недоброжелатели-бояре шептали, что отец Ивана – фаворит великой княгини. Согласно легенде, во всем царстве в час рождения младенца будто бы разразилась страшная гроза. Гром грянул среди ясного неба и потряс землю до основания. Казанская ханша, узнав о рождении царя, объявила московским гонцам: «Родился у вас царь, а у него два зуба: одним ему съесть нас (татар), а другим вас» [65, с. 86]. Известно еще много других знамений и пророчеств о рождении Ивана, но все они были сочинены задним числом. Как же оправдались эти пророчества, что дал Руси за долгие десятилетия своего царствования Иван Грозный – потомок византийских императоров и татарских ханов?

Сосредоточив все усилия на объединении России и свержении ордынского ига, московское правительство одновременно настойчиво использовало любые возможности для восстановления былого международного значения страны. Оно поддерживало устойчивые дипломатические и торговые отношения с Северной Европой – Данией, Швецией, Норвегией, укрепляло свои позиции в Рижском заливе.

Освобождение от гнета Орды, разгром Казанского и Астраханского ханств, продвижение в Сибирь решительно изменили положение России в Европе, вызвав повышенный интерес к ней со стороны Германии, Венгрии и других держав. Опасаясь усиления Турции, которая подчиняла Сербию, Болгарию, Грецию, Албанию, Молдавию, Валахию и держала в вассальной зависимости Крым, они пытались использовать против нее Россию. Кроме того, богатый русский рынок, его окрепшие связи со странами Кавказа и Азии толкали купечество Англии, Италии и других стран на развитие торговли с Москвой, Архангельском, Новгородом. Однако на пути сношений России с другими странами Европы было еще немало препятствий. Среди них главное – немецкий Ливонский орден. Он блокировал балтийский путь.

Правительство Ивана Грозного решило восстановить былые позиции в Прибалтике, что сулило русскому дворянству и купечеству новые владения и внешнеторговые доходы. В 1558 г. русские войска вступили в Эстонию – началась Ливонская война, которая длилась 25 лет – русские войска заняли Нарву, Дерпт (Тарту), Мариенбург (Алуксне), Феллин (Вильянди). Ливонцы были полностью разгромлены, а их магистр В. Фюрстенберг захвачен в плен (1560 г.). Ливонский орден прекратил свое существование. Но в войну за его бывшие владения вмешались Швеция, которая захватила Ревель (Таллин), и Дания, занявшая остров Эзель (Сааремаа). Литва, лишь недавно вынужденная вернуть России Смоленск (1514 г.), а в 1563 г. потерявшая и Полоцк, откуда перед Грозным открывался путь на Вильнюс, соединилась с Польшей по Люблинской унии (1569 г.) в одно государство – Речь Посполитую (*Rzeczpospolita* – республика). Польские и литовские феодалы не только прибрали к рукам большую часть Ливонии, но и решительно выступили против России, опасаясь окончательно потерять все захваченные в XIV в. белорусские и украинские земли. Война приняла затяжной характер. Противодействие сильной коалиции, разорительные вторжения крымских орд, доходивших до Москвы, измена боярских воевод в сочетании с бедствиями опричнины подорвали хозяйство России и привели к утрате отвоеванного. Пробриться к Балтийскому морю не удалось [47, с. 42–43].

Значительной трансформации подвергалась личность царя. В молодости Иван IV был способен говорить так, что дьяки и бояре плакали от радости, слушая своего разумного государя. Молодой Иван, которого еще не называли Грозным, провел ряд важных реформ. По его указанию был исправлен и дополнен свод законов – «Судебник»; составлен сборник правил церковного порядка – «Стоглав»; было дано широкое самоуправление областям государства, во главе которых стояли выбранные народом «губные старосты». В 1552 году,

когда царю было всего 22 года, им было завоевано Казанское царство, а в 1556-м – Астраханское.

Иван Васильевич находился под сильным влиянием своей любимой жены Анастасии, облагородившей его личную жизнь. Царя окружали талантливые молодые люди – священник Сильвестр, «постельничий» боярин Алексей Адашев, князь Андрей Курбский. Согласие царя с этой, по выражению Курбского, «избранной радой» продолжалось до 1553 года, когда Иван IV тяжело заболел горячкой и, не надеясь выздороветь, приказал составить завещание. Завещание оставляло царство малолетнему сыну царя – Дмитрию, а фактически – царице и ее родне. Однако «избранная рада» совершенно неожиданно категорически высказалась против желания умирающего царя. Сильвестр, Адашев и бояре хотели видеть на престоле не малолетнего Дмитрия, а двоюродного брата Ивана IV – князя Владимира Старицкого [66].

Царь заставил взбунтовавшихся бояр «целовать крест» на верность Дмитрию, а по выздоровлении удалил от себя всех недавних близких советников, так неожиданно предавших его. Сильвестр и Адашев были сосланы, а Иван IV, исполняя обет, данный им во время болезни, собрался на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь.

По пути, в Троицком монастыре, встретил он ссыльного монаха Максима Грека, отличавшегося независимостью мнений. Максим Грек был советником Василия III, после смерти которого и был отправлен боярами в ссылку за раздражавшие их «обличения и поучения». Однако это не изменило строптивого монаха, и он смело заявил царю, что вместо богомолья ему надо пожаловать и утешить многочисленных вдов, сирот и матерей, потерявших своих кормильцев во время кровопролитной осады и взятия Казани. И добавил, что если царь его не послушается, то малолетний наследник Дмитрий умрет.

Но Иван IV поехал дальше, а Дмитрий действительно заболел и вскоре скончался от простуды. Болезнь, измена близких бояр, неожиданная смерть наследника – все эти трагические события сильно повлияли на молодого царя. В письме к Курбскому он пишет: «Душевного спасения и телесного здравия – всего этого мы были лишены лукавым умыслением; о человеческих же средствах, о лекарствах во время болезни и помину никогда не было. Пребывая в таких жестоких скорбях, не будучи в состоянии сносить такой тяжести, превышающей силы человеческие, и сыскав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, мы наказали их милостиво: смертною казнью не казнили никого, но по разным местам разослали. Поп Сильвестр, видя своих советников в опале, ушел по своей воле, и мы отпустили его не потому, что устыдились его, но потому, что не хотели судить его здесь (т.е. на земле), а сын его в благоденствии пребывает».

Как видим, молодой Иван IV очень мягко обошелся с «изменниками и заговорщиками». Как известно, во Франции или в Англии в те времена за такие проступки виновных немедленно казнили. В 1554 году у Анастасии родился сын Иван: он вырос здоровым и сильным человеком, который, по свидетельству Джерома Горсея, англичанина, близкого к царскому двору, даже управлял государством при отъездах царя из Москвы. Но это было много позднее.

А через несколько лет после болезни и разгона «избранной рады» на царя Ивана и его семью обрушились несчастья. В 1557 году рождается слабоумный уродец – сын Феодор. Вскоре заболевает молодая и любимая жена Анастасия, а в 1560 году она умирает: царь уверен, что ее отравили. Затем катастрофически быстро начинает меняться характер царя: он превращается в жестокого садиста, маньяка, одержимого манией преследования. Царя мучают галлюцинации, прежние светлые мысли начисто улечиваются из его головы.

В конце 1564 года происходит нечто, доселе невиданное: Иван IV с семьей, казной и приближенными выехал из Москвы – сначала в село Коломенское, потом – в Тайнинское, оттуда – к Троице, а затем – в Александровскую слободу. Митрополит, бояре, народ – все были в недоумении. В январе 1565 года царь прислал в Москву длинный список своих претензий к боярам, дьякам, казначеям, приказным людям, обвиняя их в расхищении

государственной казны, изменах и в том, что их действия вынуждают его отказаться от престола. Народ в ужасе завыл: «Горе нам!.. Как могут овцы без пастыря?» [66].

Фактически народ заставил бояр и духовенство явиться в Александровскую слободу и молить царя вновь принять правление. Иван IV вернулся в Москву, но это уже был как бы совсем другой человек: он постарел, облысел, борода поредела. И самое главное – за короткий срок резко изменился характер царя.

Начался страшный период опричнины, формальной задачей которой был поиск государевых врагов и изменников, но реально проявившийся массовыми беззакониями: казнями, убийствами, насилиями, разграблением и уничтожением древнего русского города – Новгорода. С этого времени на Руси началось правление Ивана Грозного. Он совершает какие-то дикие поступки, цель которых остается и доселе загадочной для историков. Например, в 1575 году он назначает татарского хана Саин-Булата (после крещения – Симеона) «великим князем всея Руси». А потом, через 11 месяцев, без всяких объяснений ссылает «царя» в Тверь.

При дворе огромное влияние получил английский лекарь и «колдун» Елисей Бомелий (Элизиус Бомелиус), знаток ядов, только в 1572 году отравивший по приказу царя целую сотню опричников. Правда, в 1579 году опытные палачи выпускают из него кровь и поджарят живьем на вертеле над костром – и тоже по царской воле. Но даже «такой лекарь» не избавил Ивана Грозного от страданий. В своей духовной грамоте, составленной летом 1571 года, он снова ожидает смерть и горько жалуется на свое состояние: «Тело изнемогло, болезнует дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил; утешающих я не сыскал» [66].

В основе опричного террора лежали и экономические интересы части правящей элиты Руси. Поместный дворянский служилый люд с открытой завистью смотрел на княжеско-боярские и церковные угодья и устами своего публициста Ивана Пересветова звал царя возвысить «воинников», а вельмож обуздать: «Не мочно царю без грозы быти: как конь под царем без узды, тако и царство без грозы», а «вельможи русаго царя сами богатеют и ленивеют, а царство оскужают». Реформы Грозного и были ответом власти на это требование. Иван IV изложил свой взгляд на власть как на самодержавие: «Како же и самодержец нарицается, аще сам не строит [управляет]?» – вопрошает он. Нет, царем держится страна, и он может карать по своему усмотрению: «Российская земля правитца божиим милосердием... нами, своими государи, а не судьями и воеводи...», а «з божиею помощию имеем у себя воевод множество и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнить вольны же». 5 января 1565 г. Иван IV объявил о введении особого (опричного) управления на значительной, притом экономически развитой, части страны; другая часть, где порядки сохранялись прежние, считалась земщиной [47, с. 43].

Очень тонко чувствовавший историческую ситуацию Николай Михайлович Карамзин отмечал: «Иоанн губительной рукою касался... будущих времен: ибо туча гладоносных насекомых, исчезнув, оставила целое семя в народе; и если иго Батыево унизило дух россиян, то, без сомнения, не возвысило его и царствование Иваново». Во многом это относилось к опричному террору, развязанному Иваном Грозным против своих подданных. Опричный террор был столь ужасен, что смерть казалась тогда легкою, жертвы часто требовали ее как милости. Князь Петр Шенятьев, знаменитый полководец, думал укрыться от смерти в монастыре: отказался от света, от имени, от супруги и детей, но убийцы нашли его в келии и замучили: жгли на сковороде (повествует Курбский), вбивали ему иглы за ногти. Казначей государева именем Хозяина Юрьевича Тютиня, славного богатством, рассекли на части вместе с женою, двумя сыновьями-младенцами, с двумя юными дочерьми..., сверх того были сделаны для мук особенные печи, железные клещи, острые ногти, длинные иглы; разрезывали людей по суставам, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали ремни из спины.

Внутренне и внешне изменился и сам царь: «Иногда тиран сластолюбивый, забывая голод и жажду, вдруг отвергал яства и питье, оставлял пир, громким криком созывал дружину, садился на коня и «скакал плавать в крови». Так он из-за роскошного обеда устремился растерзать литовских пленников, сидевших в Московской темнице. Умертвив более ста человек, тиран при обыкновенных восклицаниях дружины: «Гойда! Гойда!» с торжеством возвратился в свои палаты и снова сел за трапезу» [67].

В первые дни опричнины Москва стала свидетелем кровавых казней. По приказу царя опричные палачи обезглавили князя Горбатого, его 15-летнего сына и тестя – окольного П.П. Головина. Покоритель Казани обладал характером суровым, непреклонным и не боялся перечить царю. В этом и состояла его основная вина. Обвинения насчет заговора носили, по-видимому, вымышленный характер. Жертвами опричнины стали еще двое знатных дворян, не входивших в думу: брат убитого ранее боярина Юрия Кашина – князь Иван и князь Дмитрий Шевырев. Последнему уготована была самая мучительная казнь. Его посадили на кол. Шевырев умер не сразу: как бы не чувствуя лютой муки, он сидел на колу, как на престоле, и распевал каноны Иисуса. Побивали всех, кто осмеливался протестовать против опричнины. Недовольных же было более чем достаточно, и они вовсе не хотели молчать. Дворянин Митнев, будучи на пиру во дворце, бросил в лицо царю дерзкий упрек: «Царь, воистину яко сам пиешь, так и нас принуждаешь, окаянный, мед с кровию смешанный братии наших пити!» Тут же во дворце он был убит опричниками. Дворянин Митнев имел основания протестовать против произвола опричнины. Он был выслан из своего уезда в начале опричнины и лишился земельных владений. Карамзин, анализируя борьбу Ивана Грозного с инакомыслием, отмечал последствия этого для будущего: «...губительною рукою касаясь самых будущих времен: ибо тучи доносителей, клеветников, кромешников, им образованных, как туча гладостных насекомых унизило дух России» [57, Т. IX, гл. II, с. 49; гл. III, с. 94–98; гл. VII, с. 260].

Учиненный после казни Старицкого разгром Новгорода ошеломил современников. Мало кто знал правду о причинах трагедии: с самого начала новгородское дело было окружено глубокой тайной. Опричная дума приняла решение о походе на Новгород в декабре 1569 г. Царь созвал в Александровской слободе все опричное воинство и объявил ему весть о «великой измене новгородцев». Не мешкая, войска двинулись к Новгороду. 8 января 1570 г. царь прибыл в древний город, на Волховском мосту его встретило духовенство с крестами и иконами. Но торжество было испорчено в первые же минуты: царь назвал местного архиепископа изменником и отказался принять от него благословение. Однако, будучи человеком благочестивым, царь не пожелал пропустить службу. Церковники должны были служить обедню, невзирая на общее замешательство. После службы Пимен повел гостей в палаты «хлеба ясти». Коротким оказался этот невеселый пир: «Возопив гласом велики «с яростью», царь велел страже схватить хозяина и ограбить его подворье. Опричники ограбили Софийский собор, набрали драгоценную церковную утварь и иконы, выломали из алтаря древние Корсунские врата. В городе пошли повальные аресты. Опричники увезли арестованных в царский лагерь на Городище. Сопровождавший царя Г. Штаден пишет: «Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству». Опричники забирали деньги, грабили кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство, секли скотину. Настоятелей и соборных старцев били по пяткам палками с утра до вечера, требуя с них особую мзду. В итоге опричного разгрома черное духовенство было ограблено до нитки. В опричную казну перешли бесценные сокровища Софийского дома. По данным новгородских летописей, опричники конфисковали казну также у 27 старейших монастырей [67]. В некоторых из них Грозный побывал лично. Царский объезд занял, самое малое, несколько дней, может быть, неделю. (Зеркально повторили действия Грозного через столетия Ленин и Сталин). Последующие расправы подробно описаны неизвестным новгородцем, автором «Повести о гибели Новгорода», сохранившейся в составе новгородской летописи. Некоторые подробности летописного

рассказа вызывают невольные сомнения. Зима в 1570 г. выдалась необыкновенно суровая, между тем летописец говорит, что одни опричники бросали в Волхов связанных по рукам и ногам женщин и детей, а другие разъезжали по реке на лодке и топорами и рогатинами топили тех, кому удавалось всплыть. Однако сомнения оказываются напрасными. Вновь открытый немецкий источник о разгроме Новгорода, составленный на основании показаний очевидцев, бежавших за границу, и опубликованный уже в 1572 г. во Франкфурте-на-Майне, рисует картину опричных деяний, в деталях совпадающую с летописной. Поскольку эти источники различны по своему происхождению, совпадение показаний подтверждает их достоверность. В эти дни опричники и произвели форменное нападение на город. Они разграбили новгородский торг и поделили самое ценное из награбленного между собой. Простые товары, такие, как сало, воск, лен, они сваливали в большие кучи и сжигали. В дни погрома были уничтожены большие запасы товаров, предназначенных для торговли с Западом. Ограблению подверглись не только торги, но и дома посадских людей. Опричники ломали ворота, выставляли двери, били окна. Горожан, которые пытались противиться насилию, убивали на месте. С особой жестокостью царские слуги преследовали бедноту. Вследствие голода в Новгороде собралось множество нищих. В сильные морозы царь велел выгнать их всех за ворота города. Большая часть этих людей погибла от холода и голода [67, с. 107–108].

В дни опричного погрома Новгорода голодающие горожане в глухие зимние ночи крали тела убитых людей и питались ими, иногда солили человеческое мясо в бочках. По словам очевидцев, от голода погибло втрое больше людей, чем от погрома!

Вслед за голодом в стране началась чума, занесенная с Запада. К осени 1570 г. мор был отмечен в 28 городах. В Москве эпидемия уносила ежедневно до 600–1000 человек. Трехлетний голод и эпидемия принесли гибель сотням тысяч людей. Бедствие довершили опустошительные вторжения татар. Страна подверглась невиданному разорению. В Шелонской пятине Новгородской земли площадь обрабатываемой земли сократилась более чем вдвое. Некоторые погосты запустились полностью. Явившиеся туда писцы писали: «Про земли распросити в том погосте не у кого, потому что попов и детей боярских и крестьян нет». Наступившая разруха положила начало массовому бегству крестьян на необжитые окраины государства.

Псков избежал участи Новгорода по причинам, которые долгое время ускользали из поля зрения историков и открылись лишь после реконструкции текста синодика опальных царя Ивана Грозного. Незадолго до опричного похода власти выселили из Пскова несколько сот семей, заподозренных в измене. Этим переселенцев опричники застали под Тверью и в Торжке. По приказу царя опричники устроили псковичам кровавую баню, перебив 220 мужчин с женами и детьми. Царя вполне удовлетворила эта резня, и только потому он пощадил прочих жителей Пскова. Опричники сняли с соборов Пскова и увезли колокола, забрали церковную утварь. Перед отъездом царь отдал город опричникам на разграбление. Но опричники не успели завершить начатое дело.

Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Участники опричного погрома сообщали, будто, проезжая по улицам Пскова, Грозный встретил юродивого и тот подал ему совет ехать прочь из города, чтобы избежать большого несчастья. Церковники снабдили легенду о царе и юродивом множеством вымышленных подробностей. Блаженный будто бы поучал царя «ужастными словесы еже престати от велия кровопролития и, не дерзнути еже грабити святыя божия церкви». Не слушая юродивого, Иван велел снять колокол с Троицкого собора. В тот же час под царем пал конь. Пророчества Николы стали сбываться. Царь в ужасе бежал» [67, с. 107–108].

Полоумный псковский юродивый оказался одним из немногих людей, осмелившихся открыто перечить Грозному. Его слова, возможно, ускорили отъезд опричников: царь Иван был подвержен всем суевериям своего времени. Но пророчества Николы нисколько не

помешали антицерковным мероприятиям опричнины. Царь покинул Псков лишь после того, как ограбил до нитки псковское духовенство.

Кровавый погром Новгорода усилил раздор между царем и верхами земщины. По возвращении из новгородского похода Грозный имел длительное объяснение с государственным печатником Иваном Висковатым. Выходец из низов, Висковатый сделал блестящую карьеру благодаря редкому уму и выдающимся способностям. С первых лет казанской войны дьяк возглавлял Посольский приказ. Иван IV, как говорили в Москве, любил старого советника, как самого себя. Печатник отважился на объяснение с Грозным после того, как опричники арестовали и после жестоких пыток казнили его родного брата. Он горячо убеждал царя прекратить кровопролитие, не уничтожать своих бояр. В ответ царь разразился угрозами по адресу боярства. «Я вас еще не истребил, а едва только начал, – заявил он, – но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось!» [68, с. 191].

Дьяк выразил вслух настроение земщины, и это встревожило Грозного. Оппозиция со стороны высших приказных чинов, входивших в Боярскую думу, явилась неприятным сюрпризом для царских приспешников. Чтобы пресечь недовольство в корне, они арестовали Висковатого и нескольких других земских дьяков и объявили их «советниками» Пимена. Так новгородский процесс перерос в московское дело. Суд над московской верхушкой завершился в течение нескольких недель. 25 июля 1570 г. осужденные были выведены на рыночную площадь, прозывавшуюся в народе Поганой лужей. Царь Иван явился к месту казни в окружении 1,5 тыс. конных стрельцов. Приготовления к экзекуции и появление царя с опричниками вызвали панику среди столичного населения. Люди разбежались по домам. Такой оборот озадачил Грозного, и он принялся увещевать народ «подойти посмотреть поближе». Паника понемногу улеглась, и толпа заполнила рыночную площадь. Обращаясь к толпе, царь громко спросил: «Правильно ли я делаю, что хочу покарать своих изменников?» В ответ слышались громкие крики: «Живи, преблагой царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!» Всенародное одобрение опричной расправы было, конечно, фикцией [68, с. 35].

Стража вывела на площадь примерно 300 опальных людей, разделенных на две группы. Около 180 человек были отведены в сторону и выданы на поруки земцам. Царь «великодушно» объявил народу об их помиловании. Вслед за тем дьяк стал громко «вычитывать вины» прочим осужденным, и начались казни. Печатника Висковатого привязали к бревнам, составленным наподобие креста. Распятому дьяку предложили повиниться и просить царя о помиловании. Но гордый земец ответил отказом: «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» – таковы были его последние слова. Печатника разрезали на части живьем. Государственный казначей Никита Фуников также отказался признать себя виновным и был заживо сварен в кипятке. Затем палачи казнили главных дьяков московских земских приказов, бояр архиепископа Пимена, новгородских дьяков и более 100 человек новгородских дворян и дворцовых слуг. Казнь московских дьяков была лишь первым актом московского дела. За спиной приказных людей маячила боярская знать. Висковатый и Фуников получили свои чины от бояр Захарьиных, сосредоточивших в своих руках управление земщиной и распорядившихся при дворе наследника царевича Ивана, их родственника по материнской линии [68, с. 35–43].

Опричники готовились учинить в Москве такой же погром, как и в Новгороде. В день казни Висковатого царь объявил народу с лобного места, что в «мыслях у него было намерение погубить всех жителей города Москвы, но он сложил уже с них гнев». Перспектива повторения в столице новгородских событий пугала руководителей земщины. Возможно, Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору. Отношения между царем и наследником были натянутыми. Вспыльчивый и деспотичный отец нередко поколачивал сына. Меж тем царевичу исполнилось 17 лет, и он обладал нравом не менее

крутым, чем отец. Грозный давно не доверял Захарьиным и боялся, как бы они не впутали его сына в придворные распри.

Подозрения царя насчет тайных интриг окружавшего царевича боярства зашли столь далеко, что за месяц до московских казней он публично объявил о намерении лишить сына прав на престол и сделать своим наследником «ливонского короля» Магнуса. Достаточно проницательные современники отметили, что царь хотел лишь нагнать страху на земских бояр и припугнуть строптивного сына. Однако его опрометчивые заявления, сделанные в присутствии бояр и послов, вызвали сильное раздражение в ближайшем окружении наследника.

В памяти народа сохранилось предание о том, как грозный царь разгневался на сына. Из уст в уста передавали народные сказители историю о том, как царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и призадумался над тем, как бы вывести измену из каменной Москвы: «Малюта – злодей Скуратов сказал тогда царю, что не вывести ему изменушки до веку, пока сидит супротивник (сын) супротив него. Поверив Малюте, Грозный велел казнить наследника, но за него вступился боярин Никита Романович: «Ты, Малюта, Малюта Скуратович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься!» Благодаря заступничеству дяди царский сын был спасен [68, с. 43].

Издатели «Сказов» считали фабулу песни «О гневѣ Грозного» вымышленной. Но они были неправы. В основе фабулы лежали реальные факты. Бежавший в Польшу слуга царского лейб-медика, осведомленный обо всех дворцовых тайнах, сообщил полякам, что после новгородского похода в царской семье начался глубокий раздор: между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, «многие, пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие к сыну, и сила в оружии!». Так как сила была на стороне царя, он подверг сторонников сына жестоким гонениям. В новгородском судебном списке значилось, что изменники – новгородцы «ссылались к Москве... с печатником Иваном Михайловым Висковатым и с Семеном Васильевым, сыном Яковля...». Боярин С.В. Яковлев-Захарьин состоял в родстве с наследником, опричники убили его вместе с малолетним сыном Никитой. Московское дело скомпрометировало также земского боярина В.М. Юрьева-Захарьина. Сам Юрьев несколько лет как умер, но царь выместил гнев на членах его семьи. Он велел убить дочь Юрьева и его внука и не позволил похоронить их тела по христианскому обычаю. Для царевича Ивана казнь троюродной сестры должна была послужить грозным предостережением. Многие годы при дворе наследника в качестве «близкого человека» и дворецкого служил опричный боярин В.П. Яковлев-Захарьин. Он был забит палками насмерть вместе с братом, земским боярином И.П. Хироком-Захарьиным. Знаменитый земский боярин И.В. Большой-Шереметев, ближайшая родня Захарьиных, спасаясь от царского гнева, уехал на Белое озеро и постригся в монахи (чем не «великий» террор 1937 г.?) [67].

Басмановы были главными инициаторами опричнины. Они потянули за собой в опричную думу весь род Плещеевых – их всех разом постигла катастрофа. В синодике сохранилась запись о том, что опричники казнили «Алексию, сына его Петра Басмановы, Захарью, Иону Плещеевых». А.Д. Басманов и З.И. Очип-Плещеев имели чины опричных бояр, И.И.Очин командовал опричными отрядами. С Алексеем Басмановым царь расправился с особой жестокостью. Он велел обезглавить его младшего сына Петра. Старшего сына, Федора Басманова, он помиловал. Собственную жизнь царский фаворит сохранил страшной ценой. Он зарезал отца, чтобы доказать преданность царю. Преступление не спасло опричного кравчего. Его отправили в изгнание на Белое озеро, где он и умер. Опричный оружничий А. Вяземский был взят под стражу и подвергнут торговой казни. Затем царь приказал сослать его в город Городец на Волге. Там его умили в тюрьме в железных оковах [67].

После великого Московского пожара царь довершил разгром опричной думы, расправившись с опричным удельным князем М.Т. Черкасским, боярином и дворецким Л.А.

Салтыковым, боярином В.И. Темкиным, думными дворянами П.В. Зайцевым и И.Ф. Воронцовым, кравчим Ф.И. Салтыковым.

Падение старого опричного руководства, несомненно, было следствием интриг со стороны руководителей сыскного ведомства опричнины Малюты Скуратова и Василия Грязного. Эти люди были типичными представителями низшего дворянства, выдвинувшегося в годы опричнины. В отличие от Басмановых и Вяземского, они не играли никакой роли при учреждении опричнины. Лишь разоблачение новгородской измены позволило им получить низшие думные чины, а затем устранить старых и наиболее авторитетных вождей опричнины и захватить руководство опричным правительством.

Вновь обнаруженные исторические данные позволяют выдвинуть гипотезу о том, что не только объективные причины были причиной превращения Ивана IV в Ивана Грозного.

Какая причина вызвала страшное помрачение его сознания, галлюцинации, манию преследования, дикую жестокость и мнительность, проявившиеся в бесконечном поиске «врагов и предателей»? Чем он болел? Поиск ответов на эти вопросы был затруднен вплоть до 1963 года, когда специальная комиссия Министерства культуры СССР произвела вскрытие гробниц Ивана Грозного, его сына Ивана Ивановича, убитого царем в 1581 году, а также царя Феодора Иоанновича и воеводы Скопина-Шуйского.

В останках Ивана Грозного обнаружена очень высокая концентрация одного из самых ядовитых металлов – ртути! Содержание ртути достигало 13 граммов на тонну – и это при том, что в живом веществе среднее содержание этого металла – всего лишь 5 миллиграммов на тонну, а в земной коре – 45 миллиграммов на тонну!

В средневековье в Европе была известна «болезнь сумасшедшего шляпника». Она была распространена среди мастеров, которые делали шляпы и при изготовлении фетра использовали ртутные соединения. В наше время массовое отравление ртутью произошло на японском острове Кюсю, где в городе Минамата работал химический комбинат, сливавший отходы в море. Тысячи японцев отравились и умерли, используя в пищу моллюсков и рыб, выловленных в заливе Минамата. Теперь эту болезнь, вызывающую депрессию, бессонницу, угнетенное состояние, манию преследования, галлюцинации, бредовые идеи, сумасшествие, врачи назвали «болезнь Минамата». Самое страшное свойство «болезни Минамата» проявляется в том, что она поражает генный аппарат и передается по наследству [66].

Вспомним детей Ивана Грозного: первый сын – Дмитрий был нормальным ребенком и умер от простуды во время поездки царя на богомолье. Иван Иванович родился в 1554 году, когда царю было 24 года. Вскрытие гробницы показало, что это был крепкий человек, хотя концентрация ртути в его костях оказалась заметно выше нормы – до нескольких граммов на тонну. А вскрытие гробницы слабоумного Феодора Иоанновича подтвердило, что это был уродливый карлик с маленькой головкой на ширококостном скелете. Ртути в его костях практически не было. Но имеются серьезные основания думать, что царь Иван IV получил хорошую дозу яда на основе ртути в интервале между 1554 и 1557 годами. Тогда оказывается, что генетическое уродство сына Феодора, родившегося в 1557 году, – не случайное и отражает попытку «извести» ядами царскую семью. Ведь смерть царицы Анастасии в 1560 году тоже была странной, царица до этого долго болела – чем? Иван IV не сомневался, что она была отравлена, и, наверное, не без основания подозревал затаившихся сторонников разогнанной им «избранной рады» в уголовщине. Возможно, что останки Анастасии содержат ртути еще больше, чем останки Ивана Грозного.

Правда, исследователи полагают, что высокая концентрация ртути в костях царя и убитого им наследника – результат лечения венерических болезней ртутными мазями. Возможно, что это действительно так. Но независимо от того, была ли ртуть отравой или составной частью лекарства, – в организме царя ее накопилось так много, что он просто не мог обладать нормальным рассудком. Иван IV стал Иваном Грозным именно потому, что его организм был тяжело отравлен ртутью [66].

Нельзя не вспомнить, что последний сын Ивана Грозного от Марии Нагой – царевич Димитрий, родившийся в 1582 году и убитый агентами Бориса Годунова в 1591 году, тоже не был здоровым ребенком – он страдал «падучей болезнью», то есть, был эпилептиком [66].

Характерное изменение психики человека под действием ртутного отравления проследили исследователи жизни великого английского ученого Исаака Ньютона. Как известно, Ньютон тяжело заболел в 1692 году, когда ему было 50 лет. Биографы называют этот период «черным временем» в жизни ученого. Он полностью потерял интерес к научным исследованиям, начались провалы в памяти, исчезли сон и аппетит, ему чудились призраки, появилась мания преследования. Ньютон писал странные письма к Богу и пытался пересмотреть всю хронологию человечества [66].

В 1979 году английские и американские исследователи решили проверить версию о ртутном отравлении Ньютона, увлекавшегося алхимией и проводившего многочисленные опыты с использованием ртути. Крайне высокочувствительным нейтронно-активационным методом были исследованы волосы из сохранившейся пряди волос ученого. Анализ показал, что в них содержится невероятно высокое количество ртути – от 75 до 200 граммов на тонну. Правда, волосы обладают способностью концентрировать ртуть – до 5 граммов на тонну. Но стало ясно, что Ньютон действительно испытал тяжелое ртутное отравление за счет неосторожного обращения с ртутными препаратами [66].

К сожалению, при вскрытии гробницы Ивана Грозного волосы его не были изучены, хотя они и сохранились. Однако отметим некоторые важные детали: в головах у царя стоял замечательный синий стеклянный кубок – и в нем сохранились остатки масла – тоже с примесью ртути. Одет был Иван Грозный в монашескую одежду – схиму, прошитую золотыми нитками. Современные аналитики не учли тот факт, что золото является сильнейшим поглотителем ртути: иначе говоря, заметная часть ртути при разложении тканей организма обязательно была поглощена золотом – и при этом концентрация ртути в костях уменьшится. Значит, необходимо было также отдельно проанализировать и золотое шитье одежды – для оценки общего содержания ядовитого металла.

Однако даже установленное содержание – 13 граммов на тонну – более чем достаточно для тяжелейшего отравления, изменения психики и генного аппарата. Можно сказать, что ртуть сыграла зловещую роль в истории России: она сделала царя сумасшедшим со всеми вытекающими последствиями для внешней и внутренней политики страны, а также привела к вырождению «наследников варяга» – царского рода Рюриковичей.

«Комплекс Ирода» – всепроникающая радиация всевластия, сокрушающая как личность правителя, так и судьбы подданных, меняющая направленность развития стран и народов, да еще «усугубленная» болезнью «сумасшедшего шляпника»! В числе последствий – захват трона Борисом Годуновым, «смутное время», «Лжедмитрии», присяга москвичей на верность польскому царевичу Владиславу, захват и сожжение Москвы поляками, приход к власти династии Романовых... Но где-то в начале этого трагического пути России лежит тяжелейшее отравление руководителя Русского государства ртутью – то ли по своей, то ли по чужой злобной воле [66].

Объективные и субъективные факторы личностного порядка в сочетании с восточной ментальностью, доминировавшей в государственности Московии приводили к конфликтам с носителями западноевропейской ментальности, которыми являлись представители элиты Галицко-Волынского княжества. В результате распада Киевской Руси древнеукраинские князья Курбские, Трубецкие, Чорторийские, Вишневецкие, Барятинские, Бельские, Збаражские, Острожские, Ружинские и другие попадали либо к бывшим соседям Руси, либо в государство, рождающееся на ее территории. Так появились первые «диссиденты» московско-украинских взаимоотношений.

В ночь на 30 апреля 1564 года воевода в то время пограничного града Московии Дерпта (сейчас Тарту в Эстонии) князь Андрей Курбский тайно покидает свою резиденцию. В ночной темноте он вместе с самыми верными сторонниками спустился по сплетенным из

крепких веревок ступенькам с высокой крепостной стены. На заранее спрятанных неподалеку лошадях беглецы направились к соседнему Вольмару (нынче Валмиер в Латвии). В Дерпте осталась растерянная жена князя, его богатое имущество, боевое оружие и книги, которые он ценил более всего. Утром беглецы добрались до приграничного ливонского замка Гельмет, где надеялись найти проводника в дорогу до Вольмара, там князя Курбского ждали польские королевские чиновники. Однако гелметские немцы-пограничники, несмотря на протесты, арестовали его и ограбили, забрав золото и драгоценности. Из Гельмета пленников привезли в замок Армус, где дело завершили, забрали лошадей, отобрали у князя даже лисью шапку. Но все же Андрей Курбский вместе с товарищами добрался до Вольмара... Таким было возвращение на родную землю одного из князей еще недавно могущественной Руси Киевской, которого судьба забросила в Московию.

Почему же пришлось покинуть царство Ивана IV (Грозного) одному из любимых сторонников самодержца? «Советский энциклопедический словарь» пишет об этом историческом событии следующее: «Опасаясь опалы за близость к казненным Иваном IV феодалам, в 1564 г. бежал в Литву...». «Український радянський енциклопедичний словник» дал А. Курбскому «более решительную» оценку: «На початку Лівонської війни зрадив Росію і одержав від польського короля великі маєтки на Волині». Каковы же исторические предпосылки данного конфликта?

Иван Грозный был широко образованным человеком, хорошо знакомым с произведениями современной ему европейской литературы и сочинениями византийских авторов. Сохранился ряд его посланий, адресованных князю Андрею Курбскому, опричнику Василию Грязному, а также европейским монархам (английской королеве Елизавете, шведскому королю Эрику XIV и др.). В посланиях к Курбскому он резко обличал княжеско-боярское своеволие, защищал царское самодержавие. Язык сочинений Грозного – эмоциональный, местами близкий к устной речи. Это язык темпераментного писателя-публициста.

Читая письма царя к князю Курбскому, поражаешься быстрой сменой самых разнообразных чувств: порывы великодушия и раскаяния, проблески глубокой задушевности чередуются с грубой шуткой, жестоким озлоблением, холодным презрением к людям.

Весь свой необузданный темперамент, всю силу своего беспокойного ума, несомненный талант публициста царь направил на всемерное укрепление и обоснование самодержавной власти, отождествляя ее со своей личностью. Царь ставил в пример Курбскому его верного слугу: тот читал послание беглеца, истекая кровью, – Грозный пробил ему ногу своим посохом, опершись на который и слушал. «Како же не срамишися раба своего Васьки Шибанова? – писал Иван IV. – Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и предо всем народом при смертных вратах стоя», а ты, князь, с «прокаженной совестью» изменил царю и покусился на осуждение его прав.

Андрей Курбский был человеком европейски образованным, талантливым, галантным, отважным. Портрет Андрея Курбского вырисовывается со страниц многолетней переписки-дискуссии, являющейся вершинным достижением славянской политической публицистики. В посланиях московского царя часто встречаются нецензурные ругательства, ложь и грубые высказывания. Стилль же Курбского изысканный, сдержанный. Он замечал Ивану Грозному, чтобы последний хотя бы постыдился излагать свои мысли так неуклюже, тем более, когда он пишет в край (Волынь), где «некоторые люди не только грамматику и риторику, но и диалектические и философские учения в совершенстве освоили».

Послания князя А.М. Курбского и его «История о великом князе Московском», написанные за рубежом, направлены против всего политического курса Ивана Грозного времен опричнины. Изображая опричную политику результатом «лютости» царя, Курбский противопоставляет идеологии и практике самодержавия деятельность Избранной рады, когда власть царя была ограничена «мудрыми советниками». Будучи учеником Максима Грека, Курбский защищает взгляды нестяжателей, подвергая язвительной критике воззрения

осифлянского монашества. Для обоснования своей политической программы Курбский прибегает к рационалистическому освещению явлений общественной жизни.

Таким образом, Андрей Курбский – носитель и выразитель западноевропейской тенденции развития славянского мира, противостоящей восточно-деспотической московской ментальности – Иродовой радиации всевластия, сокрушающей все живое.

В юности Иван увлекся религией, в зрелые годы стал законченным фанатиком. Многие жестокие и непостижимые его действия имели в качестве побудительного мотива религиозный фанатизм. После разгрома Казани Грозный велел казнить увезенных в Новгород мусульман, отказавшихся принять христианство, в завоеванном Полоцке приказал утопить всех местных евреев, собственноручно душил своих незаконнорожденных детей, «неугодных богу». От сумасбродств и жестокостей царь Иван легко переходил к покаянию. В обращении к инокам Кирило-Белозерского монастыря он писал: «А мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати, в чем просветити? Сам по всегда в пианьстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, – во всяком злодействе». Монахи, немало претерпевшие от Грозного при его жизни, объявили его после смерти «благочестивейшим государем». Церковников восхищали его приверженность религии и риторические самообличения. Никто из современников царя не ставил под сомнение искренность его покаяний. Эта проблема для них не существовала. Постановка ее открывает путь для более глубокой оценки поведения и литературного стиля Грозного. В них становятся заметны резко выраженные черты юродства и скоморошества. С удивительной легкостью царь Иван переходил в своих писаниях от смирения к гордыне и гневу, уничтожавшему собеседника. Царь не прочь был затеять словесный поединок с жертвой в тот момент, когда палач уже приготовил топор [57].

Среди пороков, которые царь признавал за собой, фигурировали корыстолюбие, ненасытное «грабление» чужих имений. Иван, унаследовавший от предков богатую казну, не разбирался в средствах, добиваясь ее пополнения. Накануне вторжения татар он приказал перевезти сокровищницу из Москвы в Новгород, для чего снаряжено было 450 возов. Судя по размерам обоза, в казне хранилось несколько тысяч пудов золота и серебра в слитках и звонкой монете. Грозный обладал коллекцией драгоценных камней, одной из лучших в Европе. Он умел ценить камни и скупал их по всему свету.

«В заключение, – писал Карамзин, – скажем, что добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмилась новейшими: но имя Иоанново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех Царств Монгольских: доказательства дел ужасных лежат в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы Царя-Завоевателя; чтит в нем виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования, отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой, доныне именуется его только Грозным... Однако и эти кровавые уроки Ивана Грозного не смогли устранить внутреннего «неустройства» земли российской. В период смуты потребовались новые кровавые «учителя-врачеватели» – польские интервенты, захватившие Москву и обагрившие кровью Русь [57].

Внешне реформы Грозного напоминали, скорее, государственный разбой, предпринятый исключительно ради укрепления его личной власти, для истребления врагов трона. Однако преобразования, проводимые правящей российской элитой, приобрели характер внешних для общества реформ, осуществляемых государственной властью исключительно для того, чтобы выжить в условиях перманентного отставания страны, так называемого «догоняющего развития». Именно такими были «перестройки» Ивана Грозного, Петра I, Ленина, Сталина, Горбачева, Ельцина.

Господство отчужденных сил в истории России приводило к тому, что временами течение и смысл исторических процессов обретали характер, противоположный нормальному. Усиление власти, необходимое исключительно для того, чтобы, подвергнув

насилию социум, провести реформы, сохранялось и после проведения преобразований; общество же, принявшее на себя очередной удар, ничего не получало в компенсацию. В процессе реформ развитие производительных сил сопровождалось примитивизацией производственных отношений. Процесс развития технико-технологической и военной базы страны, производимый во внешней, отчужденной, неприемлемой для общества насильственной форме, подавляя всю гамму человеческих отношений, приводил к регрессу, движению вспять – к более примитивным архаичным отношениям между людьми в обществе и в производстве. В результате процесс реформ сопровождался упадком культуры, одичанием всех слоев общества.

В каждом случае, однако, это происходило по-разному. Реформы Грозного в XVI веке сопровождались упадком институтов гражданского общества, исчезновением соответствующих культурных навыков в тот исторический период (так эпистолярные источники, связанные с русской демократической сатирой XVI–XVII веков, прослеживают постепенное исчезновение развитых институтов судопроизводства, которые при разрешении конфликтов подменялись непосредственным насилием).

Царь с яростью обрушивал террор на всех тех, кто был носителем хотя бы некоторой самостоятельности, свободы: «Чтобы не быть раздавленными событиями, – писал о том времени академик С.Б. Веселовский, – каждый спешил присоединиться к тем, кто имел возможность давить». Вынужденный регулярно созывать земские соборы (Ливонская война, не хватает денег), царь Иван в то же время люто ненавидел это слишком свободное учреждение и позже казнил многих депутатов.

Иван Грозный и его сподвижники подавляли всевозможные виды децентрализации, «европейской демократии» – и не вообще с боярами он бился, а с теми боярами, дворянами, духовными лицами, «простолюдинами», кто в той или иной форме отстаивал старинные права – древнерусские или, можно сказать, «европейские». Две черты характера Ивана IV, неразрывно связанные между собой, поражали воображение как современников, так и потомков: подозрительность и жестокость. Царь легко приходил в ярость, был необычайно скор на расправу и кровопролитие. Не удивительно, что к концу царствования Грозного рядом с ним не было людей самостоятельно мыслящих, оригинальных и талантливых. Его окружали исполнительные, но в общем посредственные деятели. Царь руководил как внутривластной, так и внешнеполитическими сферами жизни страны.

Ему был присущ умный, едкий, подчас грубоватый, выразительный сарказм. Вот что написал он английской королеве, когда ее правительство, уклоняясь от заключения с Россией неофициально обещанного политического союза, пыталось свести дело к выгодным для Англии торговым сделкам: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь и своему государству прибытка, и мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые... А ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая [обыкновенная] девица...» Посему пусть эти торговые мужики не ждут добра, «а Московское государство покаместо без аглинских товаров не скудно было» [47, с. 20–26].

Стремясь приобрести сукно, оружие, свинец, серу, медь и другие товары, Россия настойчиво поддерживала торговлю с Италией через Крым (Кафу) и с другими странами Европы через Литву и Ливонию; она установила регулярные торговые отношения с Англией через северные порты, после того, как в Англии побывали русские послы, а в Москве Иван IV принял английского капитана Ричарда Ченслера, занесенного с кораблем в устье Северной Двины (1553). В Англии возникла специальная «Московская компания» (1554–1555), получившая в России значительные торговые льготы. Уже на английских портретах Гольбейна Томас Мор и Анна Болейн изображены в русских мехах [47, с. 39, 44].

Однако в целом последствия «властной иродии» Ивана Грозного для Московии были ужасающими: в 1584 г., к моменту смерти Ивана Грозного, в Московском уезде под пашней было лишь 16% земли, а 84% запустело. На каждое жилое поселение в Подмоскowie

приходилось три пустых. Английскому путешественнику Флетчеру на пути из Вологды в Москву, некогда очень оживленном, попадались теперь сплошь пустые деревни и села. Еще хуже обстояло дело в районе Новгорода и Пскова, прилегавшем к театру военных действий, а позднее и охваченном ими: здесь в обработке было только 7,5% земли. В писцовых книгах и актах этого времени очень редко встречается термин «починок», признак процветания земледельческой культуры, зато пестрят скорбные слова – «пустоши, что были деревни». По мере убыли населения государственные и частновладельческие повинности становились все тяжелее. По словам А.М. Курбского, «взяв однажды налог, посылали взимать все новые и новые подати».

Писцы, руководствуясь государевым указом, раздавали вконец «охудавшим» помещикам и вотчинникам широкие льготы, освобождая их от платежа государственных налогов на два-три года, а то и на 10 лет. Но льготы предоставлялись с одним неизменным условием: за это время «пашню распахать, поля огородить, лес под ленные покосы расчистить, двory поставить, крестьян поселить».

В условиях опричного террора периода правления Ивана Грозного на Руси возникают... утопии. В XVI веке беглый холоп Феодосий Косой после побега из России (ему грозила смерть за богохульство от Ивана Грозного) развернул проповедническую деятельность в Белоруссии и Литве. Здесь, вблизи европейских перекрестков, он активно впитывает все идеологические новинки Запада, бурлящего в котле Реформации, развивающего культуру под знаменем ренессансного гуманизма.

Феодосий стал как бы мостом, связующим передовые искания русской социальной мысли и общеевропейские идейные движения. Но при этом он оставался вполне оригинальным, более того – выдающимся мыслителем, выдвинувшим целостную концепцию «божественного» (что на тогдашнем языке означало – справедливого) общественного устройства во всемирном, всечеловеческом масштабе.

Вдумаемся: холоп, мыслящий о счастье человечества! Раб, «червь» – Человек! – дерзнул в кровавую, жестокую эпоху выдвинуть в качестве основы «Нового учения» идею равенства и единения всех народов, населяющих землю. «Все людие, – провозглашал он, – едино суть у бога; и татарове, и немцы, и прочие языцы».

Равенство национальностей органически сопрягается Феодосием Косым с идеями социального равенства и общности имуществ «братьев во Христе», а также об общежитии единоверцев – вполне в духе «коммунизма потребления». Известно, что Феодосий Косой создал общину, где попытался реализовать свои идеи на практике. Небезынтересно, что, акцентируя внимание на общности имуществ, Феодосий никоим образом не уклонялся от вопроса об их источнике. Он, этот источник, один: труд земледельца [49, с. 163].

Истыми «возмутителями» общественного спокойствия России были современники опричнины вольнодумцы-еретики. Церковные проклятия обрушило правительство Ивана Грозного на выходца из небогатых дворян Матвея Башкина, который сам отпустил на волю своих кабальных холопов и требовал того же от других во имя «евангельской любви» [47, с. 47].

Время Грозного сложное, противоречивое. О нем донныне спорят историки. В памяти встают кровавые казни бояр в Москве и победоносное вступление русских войск в Казань (1552) и Астрахань (1556), в Полоцк (1563) и Венден (1577); опустошения городов, усадеб и сел мрачными опричниками и строительство храма Василия Блаженного; разорение Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем (1571) и сибирский поход Ермака (1582); разгром Ливонского ордена и поражение в Ливонской войне. Трудное время. Жестокий, мятущийся правитель. И все же Россия, сбросив ордынское иго, шла вперед. Большая часть населенных земель принадлежала вотчинникам, около трети – церкви. Число городов достигло 160, среди них десятки новых – Самара, Саратов, Каргополь, Темников... Москва насчитывала около 100 тыс. жителей и относилась к крупнейшим городам Европы [47, с. 39].

18 марта 1584 г. 53 лет от роду умер Иван Васильевич Грозный. Годы бурных потрясений, разврата, непрерывных переходов от гордыни к отчаянию, от лютой злобы к истовым покаяниям, годы болезненной подозрительности, когда кровь лилась рекой, сделали свое дело. Некогда крепкий, здоровый организм царя был подорван. Уже в 43 года Грозный чувствовал себя стариком, а накануне своей преждевременной кончины царь представлял собой развалину нравственную и физическую. Ночами его преследовали кошмары, руки тряслись.

Действительно: «Время человеческой жизни – миг!» и «Пред кем весь мир лежал в пыли – торчит затычком в щели!» – все проходит – великое и ужасное, и на Земле остается Память, именуемая историей!

Счастье – в любви, любовь – в истине, Истина – Бог.

Евангелие

Вот, наступают дни, говорит Господь Бог, когда я пошлю на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слово Господне, и не найдут его.

Евангелие

Когда человек падает духом, то его конь не может скакать.

Восточная пословица

БОРИС ГОДУНОВ – КАРЛ I СТЮАРТ

(От русской смуты – к английской революции)

УКРАИНА И МОСКОВИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Грозный умер неожиданно для окружающих за расстановкой шахмат, которыми захотел развлечься. Тотчас же затворили Кремль и поставили усиленную охрану. После Ивана IV остались два сына: 27-летний Федор от первой жены Анастасии Романовны Юрьевой и полугодовалый Дмитрий от последней, седьмой жены – Марии Федоровны Нагой. О смерти Грозного народу не сообщалось несколько дней, пока в придворных кругах не подобрали будущему царю Федору четырех регентов: Никиту Романовича Юрьева, Ивана Федоровича Мстиславского, Ивана Петровича Шуйского и Бориса Федоровича Годунова. Сразу же встал вопрос о том, кто фактически будет править страной при малоумном и слабосильном царе Федоре Ивановиче. Вспыхнула борьба за власть. Первым выступил Богдан Бельский, недовольный тем, что не попал в число регентов, и боявшийся со смертью Грозного потерять былое значение при дворе. Он двинул на Кремль свою вооруженную челядь и захватил его, стремясь склонить Федора к реставрации опричнины.

Съехавшиеся в Кремль бояре разделились на две группы, между которыми начались пререкания. На одной стороне оказались Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Романовы, Шереметевы и др., в основном титулованная знать, воспрянувшая духом с кончиной Ивана IV, на другой – лица, так или иначе связанные в прошлом с опричниной: Годуновы, Трубецкие, Щелкановы, Богдан Бельский и др.

Таким образом, со смертью Ивана Грозного Россия оказалась перед несколькими вариантам развития – либо сохранение опрично-террористического режима власти, либо

изменение правительственного курса (перестройка!), что всегда сопряжено с опасностью потери управляемости государством!

В ходе же противостояния различных группировок правящей элиты России дело грозило перерасти в вооруженную конфронтацию.

Решающее слово, положившее конец боярским раздорам, сказали московские посадские люди, к которым присоединились находившиеся в столице дворяне южных уездов. Узнав о действиях Бельского, посадские люди, вооружившись, бросились к Кремлю. Там едва успели запереть ворота. Тогда «весь народ», по выражению летописца, «всколебался», разгромил оружейные склады на Красной площади, поворотил стоявшую на ней царь-пушку к Кремлю и хотел «выбить ворота вон». Среди восставших были и дети боярские, так что для засевших в Кремле дело приобрело серьезный оборот.

Угроза народного восстания заставила бояр помириться. Из Фроловских (Спасских) ворот выехали к восставшим представители обеих враждующих группировок: И.Ф. Мстиславский, Н.Р. Юрьев и дьяки Андрей и Василий Щелкановы. Навстречу им раздались выкрики: «Выдай нам Богдана Бельского! Он хочет извести царский корень и боярские роды». Неудачного заговорщика, которого чуть было не убили дворяне еще в момент схватки в Кремле, сослали в почетную ссылку воеводой в Нижний Новгород [69, Т. III, с. 205–211].

События в Москве весной 1584 г. показали, что попытки реставрации опричных порядков вызвали решительный отпор как со стороны посадских людей, так и самого дворянства. Посадские люди были по горло сыты опричными опалами и казнями, им хотелось вздохнуть свободно, перестать дрожать за свою жизнь и имущество. Южное дворянство также выступало против опричнины. Но в то же время выяснилось, что невозможен возврат и к боярскому господству, чего внутренне желали князья и высшее духовенство. Лучшим свидетельством этого явился церковный собор, отменивший монастырские тарханы.

В апреле 1584 г. из Москвы на воеводство в Нижний Новгород уехал Богдан Бельский, а 24 мая, вероятно, в связи с какими-то новыми волнениями были высланы из Москвы в Углич Нагие с царевичем Дмитрием, вокруг которого они группировались. Удалив из Москвы Бельского и Нагих, правительство созвало Земский собор, утвердивший Федора на царство. 31 мая он был торжественно коронован в Успенском соборе.

В 1584 г. царя «греховного и грозного» сменил на престоле царь «справедный и смиренный». Рыхлый, маленького роста, со слабыми дрожащими ногами, новый царь лишь отдаленно напоминал того, чьим сыном он был. Государственные дела были для него с трудом переносимой докукой. Все время посвящал он постам, поездкам по монастырям. По меткому определению голландца-протестанта Исаака Массы «царь больше походил на невежественного монаха, чем на великого князя».

Блаженным, юродивым представляла Федора церковная традиция, создавая облагороженный и идеализированный образ царя не от мира сего, царя-«святого». Таким вошел он и в русскую литературу. Проведя детские и молодые годы в Александровой слободе, Федор, слабый по природе, был внутренне надломлен ужасами опричнины, смертью старшего брата. Поэтому не удивительно, что, став царем, он испытывал инстинктивное отвращение к казням и кровопролитию. Флетчер свидетельствует, что царь Федор начинал свой день с неизменной молитвы: «Господи..., сохрани меня, грешного, от злого действия» [69].

С 1587 г. полновластным правителем стал Борис Годунов. У А.С. Пушкина в «Борисе Годунове» князь Шуйский говорит князю Воротынскому о Борисе: «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе палач». Впрочем, род Годуновых, выходцев из Золотой Орды, еще при Калите был достаточно известен и знатен, уступая, конечно, княжескому роду Шуйских. Борис, действительно, был женат на

дочери печально знаменитого Малюты Скуратова и значился в опричнине, позднее через свою сестру Ирину он породнился с самим Грозным.

Но не столько опричная и родственная близость к Ивану IV привела Бориса к власти при слабоумном и слабовольном Федоре. Первенствующего положения он достиг, прежде всего, благодаря своему уму и государственным способностям. Он был несравненно умнее и дальновиднее всех тех, кто до него пытался утвердиться у кормила власти. Он лучше и глубже, чем кто-либо, улавливал самую суть политических событий, понимал, что не только царь Федор, но и вся страна устала от опричного террора, что не может быть возврата ни к опричной, ни к доопричной старине, а надо идти вперед, прокладывая новые пути. И он решил продолжать политику усиления дворянства, отказаться от свирепых методов, взять курс на сплочение сил господствующего класса («Европеизация» политики!).

Получив в свои руки огромную власть, Борис поначалу пользовался ею умно и осмотрительно, устранял поочередно своих противников, которые в случае победы не пощадили бы ни его самого, ни его родственников и сторонников, Борис старался избегать кровопролития, столь обычного для политической борьбы во времена Грозного. Если он кого и отправлял на плаху, то разве что простолоудинов – «торговых мужиков», заговорщиков же из князей и бояр ждала лишь опала, ссылка, конфискация имущества.

К концу 80-х годов Борис Годунов приобрел и важные внешние атрибуты власти, пышный титул «правителя, конюшого, боярина и дворового воеводы и содержателя великих государств, царства Казанского и Астраханского», получил право от своего имени сноситься с иностранными державами. Его доходы достигали огромных размеров, он и его родственники могли выставить на свои средства целое войско.

Бельский был выслан из Москвы, «премудрый грамматик» Дионисий оказался в монастыре, Шуйские – в ссылке. Только в Угличе теплился еще огонек оппозиции – там жили маленький царевич Дмитрий и его беспокойная родня. Станные слухи ходили про этого царственного отпрыска. Упорно говорили, что он весь выдался в отца: с удовольствием смотрит, как режут животных, зимой делает снежные фигуры и рубит им головы саблей, приговаривая: это такой-то боярин, это такой-то, а это сам Борис Годунов. Ни для кого не было секретом, кому на пользу такие разговоры.

Флетчер в записках, появившихся в Лондоне в 1591 г. еще до смерти царевича, сообщая о неудачной попытке отравить Дмитрия, прямо писал, что «жизнь его находится в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя», недвусмысленно намекая на Бориса Годунова и его советников [69, с. 219–222].

Царевича Дмитрия не стало при загадочных обстоятельствах в полдень 15 мая 1591 г. Мать царевича, Мария Нагая, увидела его уже лежащим на земле с перерезанным горлом. Она набросилась на царевичеву мамку Волохову, крича, что царевича зарезал ее сын и сын дьяка Битяговского, приставленного к Нагим Борисом. На крик прибежали братья царицы. Кто-то ударил в набат, созывая народ. Внезапная смерть царевича и агитация Нагих, жаждавших мести, послужили поводом к настоящему восстанию.

Причастность Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия вероятна. Расчетливый правитель опасался даже Марии Владимировны, дочери Владимира Андреевича Старицкого, не говоря уже о царевиче Дмитрие, вокруг которого, как вокруг знамени, в любой момент могли собраться недовольные политикой Годунова.

Удаление царевича и Нагих из Москвы в мае 1584 г. накануне коронации Федора, строгий надзор за ними в Угличе, организованный Борисом Годуновым, мрачные предсказания Флетчера о готовившейся Дмитрию участи – все это говорит о том, что Борис опасался использования младшего сына Грозного Бельским и Нагими в своих честолюбивых целях. Умерщвление же Дмитрия в момент, когда основные политические противники Годунова были разгромлены, как показали последующие события, сыграло немаловажную роль при продвижении всемогущего правителя к царскому трону [69, с. 221–222].

Однако дискуссии о причинах и «заинтересованных лицах «убиения» царевича Дмитрия продолжаются и в настоящее время, по этому поводу высказываются различные, порой диаметрально противоположные точки зрения.

В «Кратком российском летописце» 1759 г. издания М.В. Ломоносова Годунов представлен убийцей и узурпатором, захватившим трон вопреки воле умиравшего царя Федора (на самом деле царь Федор, не желая обижать никого из родовитых претендентов на престол, не назвал «правопреемника» своей власти, «положась на волю божию»). «Царевича Дмитрия Ивановича велел убить злодейским образом на Угличе и тем пресек мужское царское поколение... Дарами, ласкательствами, обещаниями и угрозами привел к тому бояр и народ, что его на царство выбрали и посадили мимо Федора Никитича (Романова)... По сем царь Борис стал нарочно принимать клеветников и доносителей на бояр, а особливо на Романовых».

Сей «труд» Ломоносова настолько понравился Романовым, что был принят как официальный учебник по истории России, и с тех пор изображать Бориса Годунова в черных красках стало в империи традицией.

Единственное, что удалось спустя 60 лет сказать Н.М. Карамзину в его «Истории государства Российского» о Годунове положительное, так это то, что тот за 20 лет фактического правления государством показал себя не таким уж и плохим государственным деятелем. Но в оценке «угличской драмы» Карамзину пришлось следовать официальной точке зрения да еще и «приписать» задним числом участие в ней соперников Романовых в борьбе за «шапку Мономаха» из рода Шуйских, представитель которых в 1606 году обошел-таки Романовых и сел на престол: князь Василий Иванович Шуйский 19 мая, через 4 дня после трагедии в Угличе начал свои допросы: «Памятник его бессовестной лживости, сохраненный временем как бы в оправдание бедствий, которые через несколько лет пали на главу уже венценосную сего слабого, если не безбожного человекоугодника!»

В «должном направлении» были исправлены цензорами и трагедии А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис», напечатанные в 1868 и 1869 годах. Уязвленный Толстой словами Годунова все-таки высказался об «официальной версии» так: «Забывшую ту ложь из пыли кто-то выкопал, чтоб ею ко мне любовь Руси подорвать?» «Романовы? Которых я щадил? Они молву ту распускают? Нет-нет, этого терпеть нельзя!» Благодаря «эзопову языку» трагедии Толстого, читающая публика узнала, что замалчивание «естественной причины» смерти Дмитрия Ивановича было выгодно трем родам бояр, стремившихся поклепом на Годунова скинуть того «с царства»: Нагим, Шуйским и Романовым.

В самом деле, Годунову не было никакого резона убивать малолетнего царевича. Во-первых, царь Федор запретил поминать царевича во время церковных служб, так как признал его незаконнорожденным от седьмого брака, в то время как по церковным канонам дозволялось вступать в брак не более трех раз. Во-вторых, сестра Бориса, царица Ирина, ждала ребенка, и Федор Иоаннович рассчитывал на появление «законного наследника» (впоследствии родилась девочка, вскоре умершая). В-третьих, внешнеполитическая ситуация тогда была слишком напряженной, чтобы заниматься «внутренними разборками»: над страной нависла угроза совместного вторжения шведских войск (18 тысяч человек короля Юхана III) и крымских татар (до 100 тысяч всадников хана Казы-Гирея). В-четвертых, власти, учитывая слабость «защиты с юга», ввели в столице осадное положение, в том числе и для борьбы с внутренними врагами: за две недели до смерти царевича на улицах Москвы были размещены усиленные военные отряды, осуществлявшие и полицейские функции на случай народных волнений. Достаточно было малейшего возмущения толпы, чтобы события приняли нежелательный для Годунова характер. Поэтому гибель Дмитрия в результате несчастного случая явилась для Бориса неожиданной и даже опасной.

Как сообщил Годунову Шуйский, «Димитрий, в среду мая 12, занемог падучей болезнию (эпилепсией); в пятницу ему стало лучше: он ходил с вдовствующей после смерти Ивана Грозного царицей Марией Нагой к обедне и гулял во дворе; в субботу, также после обедни,

вышел погулять на двор с мамкою, кормилицею, постельницею и с молодыми жильцами (детьми); начал с ними играть ножом в «тычку» (в «ножички оземь») и в новом припадке черного недуга проткнул себе горло ножом» (другое свидетельство игравших с царевичем детей – «сам себя ножом поколол в горло», «набросился на нож»), долго бился оземь и скончался» [69].

Факты свидетельствуют, что буйство маленького эпилептика внушило такой ужас его нянькам, что они не сразу подхватили его на руки, когда припадок случился в отсутствие царицы во дворе. Ребенка «бросило оземь» и «било его долго». Мальчик корчился на земле, а возле него кружились няньки и мамки. Когда кормилица подняла его с земли, было слишком поздно – очевидно, были задеты сонная артерия и яремная вена, и смертельный исход был неизбежен.

По воспоминаниям очевидцев, прибежавшая мать царевича, увидев мертвого сына, стала поленом по голове бить «мамку» Василису Волохову, не уберегшую сына. Однако, испугавшись наказания и молвы «за недосмотр», Мария Нагая и ее братья-опекуны обвинили в случившемся представителей царской администрации в Угличе и спровоцировали погромы их домов и убийства, причем на трупы убитых положили окровавленные «ногайские» ножи. В день кровавого самосуда погибло 15 человек, а толпа, совершив расправу, разграбив дома, «питье из погреба в бочках выпив, бочки колола».

К вечеру на четвертый день в Углич прибыли правительственные войска во главе с В.И. Шуйским. Похмелье прошло, и Нагие поняли, что им придется отвечать за убийства лиц, представлявших в Угличе «особу царя».

На основании патриаршего приговора приказали схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву. В середине июля 1591 года русские послы заявили за рубежом, что в московских пожарах повинны «мужики воры и Нагих Офонасея з братью люди», а в 1592 году Посольский приказ дал знать, что виновным вынесен приговор: «Хто вор своровал, тех и казнили» [69].

Различные версии, гипотезы и трактовки данного события не позволяют в настоящее время с достоверностью реконструировать данное историческое событие.

Весной 1601 г. в России, пишет Карамзин, в период царствования Бориса Годунова, разразился невероятный голод: «...небо омрачилось густою тьмою, и дощи лили в течение десяти недель непрестанно, так что жители сельские пришли в ужас: не могли ничем заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокий мороз повредил как зеленому хлебу, так и всем плодам незрелым... Земледельцы, к несчастью, засеяли поля новым, гнилым, тощим зерном и не видали всходов, ни осенью, ни весной; все истлело и смешалось с землею. В Москве люди... лежа на улицах, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвых находили во рту сено. Мясо лошадиное казалось лакомством: ели собак, кошек, всякую нечистоту, люди сделались хуже зверей: оставляли свои семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском последним. Не только грабили, убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга... Мясо человеческое продавалось как начинка в пирогах на рынках! Матери глодали трупы своих младенцев!.. Злодеев казнили, жгли, кидали в воду; но преступления не уменьшались... В одной Москве умерло тогда 500 000 человек, в селах и в других областях еще несравненно более...» [57, Кн. III, с. 65–67].

После смерти Б. Годунова наступило «смутное время», конец которому положили не представители той или иной ветви правящей элиты, а народ, «продублировавший» функции своих правителей.

Какие же процессы проходили в данный исторический период в Западной Европе, как формировалась ее ментальность, государственность? Жестокие, подозрительные, властные Иван III, Василий III, Иван Грозный, но и «всееленский паук» Людовик XIV ничуть не лучше – весьма щедр на казни, пытки; Генрих VIII Английский многими тираническими действиями и намерениями напоминает Ивана Грозного (принявшего титул царя как раз в год смерти английского «коллеги»); да и число жен у двух тиранов почти совпадает – шесть

у Генриха, семь у Ивана... Грозный, заметим, по крайней мере своих цариц не казнил, иногда отсылал в монастырь; Генрих же сделал плаху элементом семейной жизни, «воспитания» своих жен через «отсечение главы».

У восточно- и западноевропейских правителей можно найти и ряд других сходных черт: западные короли, набирая силу, вынуждены опираться на сословно-представительные учреждения, ограничивающие абсолютных властителей, но одновременно – поддерживающие, финансирующие. В России XVI и XVII веков – время земских соборов, где так же, как и в парламенте, генеральных штатах и кортесах, собираются представители сословий (изредка даже государственные крестьяне) и решают разные государственные дела. Английский дипломат Горсей в 1584 году извещал свое правительство о действиях «русского парламента». Похоже, очень похоже. И совсем не похоже.

Главное и основное отличие: на Западе куда сильнее, чем на Востоке, – города, промышленность, торговля, буржуазия; а где буржуазность, товарность – там крепнут свободы, местные и городские, еще сравнительно небольшие, однако родственные тем, что прежде и на Руси были, но сгорели в пожарах нашествий XIII–XIV веков [46, с. 123].

Многовековое татаро-монгольское иго в сочетании с непрекращающимися экспансионистскими действиями против Руси со стороны... спасаемого ею же от опустошения восточными ордами Запада, привели к тому, что в ситуации «между молотом и наковальней» Востока и Запада у значительной части славянства сформировался особый менталитет, особая система взаимоотношений. Главная цель этой системы – палладизм (жертвенность), т.е. установка личности на действия не ради себя, а ради других, вплоть до принесения в жертву обществу своих интересов, и даже самой жизни. При этом, безусловно, превалировали интересы групповые над личными, а государственные – над групповыми. Слово «интерес» здесь существенно дезориентирует, поскольку в классическом варианте такой психологии личность о своих интересах просто и не подозревает, ибо отождествляет себя с государством. Что касается интереса государственного, то им автоматически является то, что в облатке государственной воли навязывается сверху.

Существует и непримитивный вариант подобной жертвенной психологии, когда личность, осознавая свои интересы, бескорыстно, из любви к себе подобным, действительно отказывается от них в пользу других. Однако идеологическая система в большинстве случаев создает такую форму психологии, в которой личный интерес постоянно подавляется как соответствующими нравственно-моральными ограничениями, так и боязнью общественного осуждения, а во многих случаях и просто законодательством [70, с. 141–142].

После распада Киевской Руси на отдельные полусамостоятельные княжества, одни из них (под воздействием экспансии как с Востока, так и с Запада) испытывали геополитическое воздействие Золотой Орды, другие же – европейских государственных институтов и традиций. Но ведь существовали прежде, за века до Ивана Грозного, и русские города с европейскими чертами, и свободы, и крестьяне, которые должны были платить, но которых нельзя было продать. Характерно, что Украина, даже будучи расчлененной соседними державами, являлась в славянском мире представителем и носителем западной ментальности. Наиболее яркими выразителями демократизма, стремления к свободе было украинское казачество.

Грозная опасность татарских набегов, постоянные приграничные столкновения наложили на всю жизнь «украин» суровый военный отпечаток. На огромных пространствах тянулась засечная черта – система городов-крепостей, валов, лесных засек, выдвинутых вперед сторожевых станиц, надежно перекрывавших татарские сакмы – пути, по которым пробирались на север непрошеные гости из степей. О стены этих крепостей и о мужество их гарнизонов разбивались в прах смерчи татарских набегов. А дальше на юг простирались дикие, бескрайные степи, где жили в казаках самые что ни на есть бесшабашные удалыцы, способные на бессмертный подвиг. Непреложный обычай охранял их волю. На «поле» можно охотиться, бортничать и ловить рыбу. Но горе тому, кто захотел бы добыть соху и

провести хотя бы одну борозду. «Вольные казаки» усвоили хорошо: там, где заводится пашня, появляются и ее неизменные спутники – барщина, кабала, крепостной гнет.

Многие понимают под казачьей низовой вольницей холостую, праздную и беспечную жизнь, где было «все дозволено» вплоть до бесшабашного пьянства и необузданных поступков. Глубокое заблуждение! Несмотря на отсутствие в запорожском войске писанных законов, там царили железная дисциплина и твердый порядок.

Привязанность к вере отцов и дедов, суровый образ жизни, демократизм дали повод некоторым историкам сравнивать запорожскую общину со спартанской республикой.

Атаманы по образу жизни мало чем отличались от прочих казаков, но во время походов их слово было законом. Заслушивание грозило серьезное наказание вплоть до смерти.

Каждый отправлявшийся в поход торжественно клялся перед иконой Божьей Матери, что ничего не присвоит, что все будет передано в общий котел. И горе тому, кто нарушал эту клятву. На три дня клятвопреступника привязывали к столбу, и свои же собратья-казаки нередко забивали его киями до смерти.

Своевременно не оплатившие долгов приковывались к пушке и находились в таком положении до уплаты долгов или помилования займодавцем.

Прелюбодеи наказывались наравне с ворами.

Самая жестокая смерть ожидала казака-убийцу: его заживо хоронили в одной яме с убитым.

Тюрем на Запорожье не было, так как лишение свободы было противно духу казаков. Только в отдельных случаях, когда опасались, что преступник попытается укрыться от суда, его приковывали к пушке и оставляли без охраны.

Преступника, который раньше пользовался всеобщим уважением, по требованию казаков могли освободить от наказания или заменить более легким.

Приговоренного к смерти могла спасти девушка, выразившая желание выйти за него замуж, но подобное могло случиться только на базаре или в «куренях».

Российский историк, философ и писатель Н.И. Ульянов отмечает в своей книге по истории Украины: «На запорожское казачество с давних пор установилось два прямо противоположных взгляда. Одни усматривают в нем явление дворянско-аристократическое – «лыцарское». Другие считают, что казачество воплощало чаяния плебейских масс и было живым носителем идеи народовластия с его началами всеобщего равенства, выборности должностей и абсолютной свободы [71, с. 2–4]. Он подчеркивает далее: «Несостоятельность первой точки зрения вряд ли нуждается в доказательстве. Она попросту выдумана и никакими источниками не подтверждается. Мы не знаем ни одного проверенного документа, свидетельствующего о раннем запорожском казачестве как о самобытной военной организации малороссийской шляхты. Простая логика отрицает эту версию. Будь казаки шляхтичами с незапамятных времен, зачем бы им было в XVII и XVIII веках добиваться шляхетского звания?» [71, с. 4–5].

Н.И. Ульянов декларирует, что еще труднее сравнивать Запорожскую Сечь с рыцарским орденом. Ордена были порождением общественно-политической и религиозной жизни Европы, тогда как казачество рекрутировалось из элементов, вытесненных организованным обществом государств европейского востока. Всякая попытка приписать им миссию защитников православия против ислама и католичества разбивается об исторические факты. Оба Хмельницких, отец и сын, а после них Петр Дорошенко, признавали себя подданными султана турецкого – главы ислама. С крымскими же татарами, этими «врагами креста Христова», казаки не столько воевали, сколько сотрудничали и вкуче ходили на польские и на московские уkraine. Сравнить сечевую старшину с капитулом, а кошевого атамана с магистром ордена – отмечает Ульянов – величайшая пародия на европейское средневековье. Да и по внешнему виду казак походил на рыцаря столько же, сколько питомец любой восточной орды. Тут имеются в виду не столько баранья шапка, оселедец и широкие шаровары, сколько всякое отсутствие шаровар. Французский военный эксперт Дальрак,

сопровождавший Яна Собесского в знаменитом походе под Вену, упоминает о «дикой милиции» казацкой, поразившей его своим невзрачным видом. Далее Н.И. Ульянов пишет: «Что касается легенды демократической, то она – плод усилий русско-украинских поэтов, публицистов, историков XIX века, таких, как Рылеев, Герцен, Чернышевский, Шевченко, Костомаров, Антонович, Драгоманов, Мордовцев. Воспитанные на западноевропейских демократических идеалах, они хотели видеть в казачестве простой народ, ушедший на «низ» от панской неволи и унесший туда свои вековечные начала и традиции. Эта точка зрения живет до сих пор. Костомаров казацкое устройство противопоставлял аристократическому строю Польши и самодержавному укладу Москвы [71].

Далее Н.И. Ульянов декларирует следующее: «Приблизительно так же смотрел на Запорожскую Сечь М.П. Драгоманов. В казачьем быту он видел общинное начало и даже склонен был называть Сечь «коммуной». Драгоманов полагал, что Запорожье «самый строй таборами заимствовало от чешских таборитов, которым ходили помогать наши волынцы и подоляне XV века». Одной из прямых задач участников украинофильского движения, отмечает Н.И. Ульянов, Драгоманов считал обязанность «отыскивать в разных местах и классах населения Украины воспоминания о прежней свободе и равноправности». Он включил это в качестве особого пункта в «Опыт украинской политико-социальной программы», выпущенной им в 1884 году в Женеве. Программа требует от поборников украинской идеи всемерно их пропагандировать и подводить их к теперешним понятиям о свободе и равенстве у образованных народов» [71, с. 4–6].

После всех этих сентенций Н.И. Ульянов делает следующий вывод: «Равенство и выборность должностей в общине, живущей грабежом и разбоем, никого не восхищает. Не считаем мы также достаточным для демократического строя одного только участия народа в решении общих дел и выборности должностей. Ни древняя, античная, ни новейшая демократия не мыслили этих начал вне строгой государственной организации и твердой власти. Господства толпы никто сейчас с понятием народовластия не сблизает. А запорожским казакам именно государственного начала и недоставало. Они воспитаны были в духе отрицания государства. Казаки не только гетманский престиж ни во что не ставили, но и самих гетманов убивали с легким сердцем и были в любую минуту готовы к «разносу» гетманских пожитков. Кошевых атаманов и старшину поднимали на щит или свергали по капризу, либо под пьяную руку, не предъявляя даже обвинений. На необычайное засилье самовольной толпы жалуются все гетманы. Казачество, по словам Мазепы, «никогда никакой власти и начальства над собой иметь не хочет». «Казачья демократия» была на самом деле охлократией». Вывод же Н.И. Ульянова заключается в следующем: «Объяснение природы казачества надо искать в «диком поле» среди тюрко-монгольских орд. Запорожское казачество давно поставлено в прямую генетическую связь с хищными печенегами, половцами и татарами, бушевавшими в южных степях на протяжении чуть ли не всей русской истории. Осевшие в Приднепровье и известные чаще всего под именем черных клобуков, они со временем христианизировались, русифицировались и положили начало, по мнению Костомарова, южнорусскому казачеству. Истинной школой днепровской вольницы стала татарская степь, давшая ей все – от воинских приемов, лексикона, внешнего вида (усы, чуб, шаровары) до обычаев, нравов и всего стиля поведения, – декларирует Н.И. Ульянов. – Если татары своих единоверцев и единоплеменников не брали и не продавали в рабство, то для запорожских «лыцарей» подобных тонкостей не существовало».

Свои измышления он завершает следующим пассажем: «Школа Запорожья была не рыцарская и не трудовая крестьянская. Правда, много крепостных мужиков бежало туда, и много было поборников идеи освобождения селянства от крепостного права. Но привнесенные извне, эти идеи замирали в Запорожье» [71, с. 4–6].

Имперское высокомерие, нигилизм по отношению к историческим фактам, желание нивелировать историю славянства – причина подобного извращения реальных событий.

Осквернить исторические традиции, подорвать основы ментальности того или иного народа, лишить памяти о прошлом – верный способ его ассимиляции.

Между тем уровень развития культуры, науки на Украине в данный исторический период не только не уступал российскому, но в некоторых аспектах даже превосходил его.

Город Острог. У последнего не было всемирной славы, но в Восточной Европе он был хорошо известен как центр культуры и просвещения. Об этом можно судить по тому факту, что знаменитый первопечатник Иван Федоров после ухода из Москвы жил именно в Остроге. Жил совсем недолго, но если собрать все книги, которые он издал, ровно половина из них приходится на острожский период. Он из тех городков, которые вышли на арену истории из большой народной беды, после того как татарская орда смела все центры цивилизации Киевской Руси. Ему же повезло – находился он среди болот и дремучих лесов древней Волынской земли и добраться туда было по тем временам не так-то просто. Уже в XII столетии вокруг него возникли серьезные фортификационные сооружения. Причем настолько серьезные, что ни одна татарская рать не в состоянии была их одолеть.

Около четырех столетий Острог оставался лишь укрепленным городом, чей расцвет приходится на XVI век, и связан он прежде всего с родом князей, носящих его имя – Острожских.

Если бы Острожские оставались только крупнейшими феодалами, то их имена, скорее всего, давно забыли бы потомки. Они тратили свои родовые богатства не столько на военные походы, сколько на развитие науки и культуры, архитектуры и ремесел. Можно смело сказать, что в древнем городе с 50-тысячным населением для этого были созданы такие правовые, морально-психологические и материальные условия, которым позавидовал бы иной современный цивилизованный мегаполис.

Феномен Возрождения развивал и поддерживал сначала Константин Острожский, потом его сын Василий, открывший в малоизвестном городе академию – первое такого рода учебное заведение в Восточной Европе. Позже именно от нее пошли во все стороны, в том числе и в Киев, просветительские ростки.

Постепенно значение Острога росло. Его влияние распространилось от Киева до Польши.

Естественно, на таком огромном пространстве не могли не пересекаться разные веры и традиции. Тем удивительней создание в тех условиях особой атмосферы религиозной терпимости и философского понимания того, что суть человеческого духа – это не одностовольный стержень, а множественная поросль, имеющая часто общие корни. Трудно поверить, что подобная гуманистическая идея могла родиться на рубеже XVI и XVII веков, если учесть, что поляки, определявшие веру далеко окрест, были фанатично преданы католицизму. Более того, их элита понимала любое инакомыслие как ужасную и преступную ересь и безжалостно, огнём и мечом, выкорчевывала даже малейшее ее проявление. А тут рядом с костелами стояли православные храмы, мусульманские мечети, иудейские синагоги... В академии читали лекции ученые-протестанты, в частности, такой известный по тем временам богослов, как Андрей Римша. Нетрудно догадаться, что подобный остров гуманизма и просвещения мог существовать только благодаря огромному авторитету князей Острожских, бывших, однако, ярыми приверженцами православия.

Ясно, что Волынские Афины, как называли тогда это прибежище культуры и просвещения, долго просуществовать не могли. После смерти Василия иезуиты сумели овладеть сердцами детей великого князя. Исход был предопределен – сопротивление сторонников православия закончилось их полным поражением. Вскоре вместо академии открылся иезуитский коллегиум, исчезли с лица земли единственная в своем роде библиотека, консерватория и обсерватория, пропали уникальные ценности, собранные за многие десятилетия.

По-иному развивалась Московия – восточная ментальность в ее «Московском» преломлении сформировалась в данный период в цельную систему государственной власти со всеми присущими ей атрибутами.

По образному замечанию английского профессора Сирила Нортон Паркинсона, «количество динамической энергии общества, определяющее основные параметры его развития, равно сумме наших усилий и прямо пропорционально различию в авторитете и богатстве между высшими и низшими слоями общества [72, с. 288–289].

Стремление концентрации власти в одном месте и в одних руках в том или ином виде существует столько, сколько существует человечество и при этом имеет свои некие плюсы (про минусы – далее): только из центра можно охватить всю картину события в целом, разумно распределить ресурсы, оперативно, без проволочек, принять решение, при этом единолично принятое решение самодержца имело статус окончательного и бесповоротного и звучало идентично сталинскому «Ни шагу назад!». В случае правильно принятого решения это позволяло поднять престиж и мощь как правителя, так и государства, в случае же неправильного – грозило гибелью государю и государству.

Однако сверхцентрализация в равной мере вела и ведет как к росту могущества, так и к катастрофе, ибо сосредоточение власти в центре, где скрещиваются все линии управления, лишает всякой инициативы представителей местных правящих элит, являющихся в данном случае лишь дублирующей инстанцией вышестоящих решений, что рано или поздно грозит гибелью системы [72, с. 218–219].

В то время, как по ряду объективных и субъективных предпосылок славяне, входившие ранее в состав Киевской Руси, структурировались в соответствии как с западной ментальностью (украинцы, отчасти белорусы), так и с восточной (россияне), отдалялись друг от друга, произошло сближение славянских народов Балканского полуострова и Московии.

В XV веке усиливается турецкая экспансия в Европе, главным объектом которой явились славянские народы, и, как следствие этого, происходит усиление взаимного тяготения к единению славянских народов. Болгарский хронист этого времени К. Костенчский проводил идею близости славянских народов и необходимость их единения. Поляки Матвей Меховецкий, Бернанд Вановский, Лукаш Гурницкий, чешский писатель Даниэль Адам из Велевлавина писали, что все славяне – «люди единого языка и одной крови». Наиболее сильно идея славянской общности зазвучала в это время у югославских писателей. Далматинец Илья Приевич, задрянин Ю. Баракович, хорват А. Андралевич прославляли «единокровный славянский народ». В это же время короли Владислав и Иоан Альберт в 1501 году убеждали Александра, великого князя литовского, прекратить воевать с великим князем московским Иваном и совместно ударить по туркам всем заодно. На протяжении XVI и XVII веков развитие идеи славянского единства неразрывно связано с пропагандой совместного выступления славянских народов против оттоманской Порты [47, с. 24–26].

С XV в. Балканы попали в поле зрения Московии, которая берет на себя роль политической и церковной представительницы восточно-православного мира. На стороне русских оказывается значительный материальный фактор, к которому прибавляется еще высокий авторитет России как единственного независимого славянского государства православного вероисповедания. К этому времени относится зарождение различных легенд среди болгар и сербов, гласящих о том, что Московии призвано свыше быть покровителем поработанных народов и ей предстоит сломить силу турок, как незадолго до этого она победила другую мусульманскую силу – татаро-монголов.

Теория, возникшая среди покоренных турками славянских народов, что Россия – наследница Византии как единственная могущественная православная держава, также была принята на Руси. Формы укрепления великокняжеской власти выразили тенденцию восточнославянских государств к оформлению политической власти по византийскому образцу. Консолидация славянского мира перед мусульманской агрессией и западной экспансией носили самые разнообразные формы.

После первой волны эмиграции начались постоянные приезды на Русь за милостыней и церковно-служебной литературой духовных лиц и мирян с Балканского полуострова. Кроме раздачи милостыни, на которую претендовали и высшие иерархи православной церкви,

включая патриархов, болгарского и сербского митрополитов, приема массового притока эмигрантов, русские цари начали проявлять себя защитниками православия в международных вопросах. Так, Иван IV Грозный в ответ на просьбу монахов Афонского монастыря св. Пантелеймона об улучшении их положения написал в 1551 году турецкому султану, «чтобы с монахов дани не брали». А в XVII веке московское правительство выступает уже вполне определенно как защитник подвластных Порте народов, тяготеющих к Русскому государству.

Интегрирующее начало России как в православном мире, так и вне его, покоилось не только на насильственном «собираении» земель, но и на тяготении к ней как к единственному фактору выживания славянства [47, с. 27–28].

Исторические события XVI–XVII вв., происходившие в странах Западной Европы, продемонстрировали, что невероятная жестокость, проявленная Иваном Грозным по отношению к своим подданным, не являлась некоей единичной аномалией своего сурового времени. Вариации подобной суровой вакханалии жестокости и насилия были присущи и «благовоспитанной, цивилизованной» Западной Европе. В 1534 году испанский дворянин, религиозный фанатик Игнацио-Лопес-де-Рекальдо Лойола (1491–1556 гг.) основал «Общество Иисуса», которое затем превратилось в монашеский орден иезуитов, а Лойола стал его генералом (так называемым «черным папой»).

Иезуиты приняли на вооружение все средства воздействия на инакомыслящих, вплоть до террора. В 1548 году Лойола написал книгу «Духовные упражнения», где изложил систему иезуитского образа действий, воспитания, мышления: «Затишье – опаснее и хуже всякой бури, и самый опасный враг – отсутствие врагов!.. Необходимо, чтобы вера в бога была настолько велика, чтобы человек, не колеблясь, пустился в море на доске, если у него нет корабля! Если церковь утверждает, что то, что нам кажется белым, есть черное – мы должны немедленно признать это! Что касается истинного и совершенного повиновения и отречения от всякой воли и суждения, я хотел бы... чтобы в этом особенно отличились те, кто служит богу в нашей общине... Нужно не только хотеть так, как хочет начальник, нужно чувствовать так же, как он, нужно подчинить ему свое суждение настолько, чтобы благочестивая воля могла покорить разум... Подчиненный должен повиноваться старшему, как труп, который можно переворачивать во всех направлениях; как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать. Повиноваться надлежит без всяких разговоров, даже ради греха, и надо совершить грех, смертный или простой, если начальник того требует во имя господина нашего Иисуса Христа» [37, с. 227–228]. (Чем не Иван Грозный в масштабах Западной Европы?) Последствия подобных идейно-нравственных установок имели для Европы такие же итоги, как через столетия сталинизм – для славянского мира, хотя формы социальных катаклизмов были различны.

Весьма своеобразную точку зрения на особенности и направленность развития Западной Европы высказал известный публицист и ученый В. Сендеров: «Антицерковные мятежи стоили странам Европы до трети жизни. (Как и «перестройка» Ивана Грозного для славянского мира!) Духовную культуру классического средневековья сменила культура плоти. Это если говорить о верхах: но уже вползло, решительно и сразу обретя права гражданства во всех сферах блюющее раблезианство. Без натяжек можно сказать, что с культурой Духа было, по большому счету, покончено» [73, с. 82]. Таким образом, развитие Западной Европы и славянского мира при разнополярности были одноименны. Характерно, что на Руси не было массовой, подобно Западу, «охоты на ведьм». Ряд западных историков пытаются объяснить это, ссылаясь на якобы утвердившуюся в России привычку к двоеверию, сосуществованию христианства и язычества, что, естественно, не может объяснить с достаточной глубиной этого явления.

Наряду с ожесточенной классовой борьбой, ужасами религиозных войн в Западной Европе отмечалась мрачная истерия «ведовских» процессов. Лишь в такой обстановке во Франции могли быть всерьез приняты утверждения некоего Труа-Эшеля, стремившегося

спасти себя от угрожавшего ему ареста сообщением, что он «выдаст сразу 300 тыс. прислужников сатаны». Ему после этого поручили проверить уколом иглы население многих городов и деревень, и он обнаружил 3 тыс. «ведьм» и «колдунов». Этот опыт приказала прекратить королева-мать Екатерина Медичи. Воображение современников неизменно отводило именно дьяволу роль организатора любых тайных конспираций и покушений. Про Ж.Ф. Равальяка, убийцу французского короля Генриха IV, один из «свидетелей» сообщил, что видел, как дьявол появлялся в комнате будущего убийцы «в виде огромного и страшного черного пса» (хотя Ж.Ф. Равальяк был не только правоверным католиком, но и иезуитом).

В Юго-Западной Германии с 1400 по 1560 г. было казнено по обвинению в ведовстве «всего лишь» 88 человек. Позднее гонения резко усилились. Первая массовая «охота на ведьм» началась в 1562 г., последняя происходила в 1662–1665 гг., но в отдельных районах длилась до 1684 года. Пострадали сотни тысяч людей. Наиболее жестокие преследования проходили именно в Германии, где началась Реформация. В герцогстве Брауншвейгском с 1590 по 1600 г. сжигали в среднем 10 человек еже-дневно. В деревнях около Трира в 1586 г. остались в живых только две женщины – остальных казнили как «ведьм». В 1589 г. в саксонском городе Кведлинбурге, насчитывавшем 12 тыс. жителей, за один день было сожжено 133 человека. В Бамберге епископ Иоганн-Георг II Фукс фон Дорихейм в 1623–1631 гг. отправил на костер сотни «ведьм», пока не был изгнан из своих владений шведскими войсками.

Князь-епископ Вюрцбурга Филипп-Адольф фон Эренберг сжег 900 человек, включая собственного племянника и 19 католических священников. В Мельтенбурге (возле Майнца), насчитывавшем 3 тыс. жителей, между 1625 и 1629 гг. было казнено 56 «ведьм». В Бургштадте с населением 2 тыс. человек состоялось более 77 казней, в крохотной деревеньке Айхенбюсль – 19. Гонения «перекинулись» на Эльзас, Лотарингию и соседние провинции Франции. Но и в протестантских государствах преследования приобрели широкий размах. Затем пуритане перенесли гонения в британские колонии Нового Света. Однако эпицентр конфликта протестантизма и контрреформации точно совпал с эпицентром «гонений». «Ведовский епископ», как прозвали фон Эренберга, и ему подобные не только были организаторами преследований, их самих обуревал страх, порожденный суеверием. И вот результаты: в 1630 г. фон Эренберг и его канцлер тоже были обвинены в колдовстве.

Новейшими западными исследованиями предпринимались попытки представить эти гонения как стремление тогдашнего общества определить свои нравственные основы и характер как результат отношения к политической власти в эпоху Возрождения, как осуществление важных социальных функций и пр. Высказывалось мнение, что преследования были выражением желания правящих классов подавить протест народных масс, принимавший форму религиозного мессианства, представить церковь с государством действенным защитником общества от «вражеской рати». Но все это выглядит не очень убедительно. Показательно, что подавляющее большинство жертв принадлежало к социальным низам [74]. Как писал один американский автор, важно выяснить не то, почему общественные верхи были «одержимы уничтожением ведовства, а почему они были одержимы «созданием» ведовства» [75, с. 225]. К этому замечанию следует добавить, что картина была более сложной, ибо орудием гонений пользовались не только реакционные, но и передовые круги общества.

В середине XVI века одержимость ведовством, главным образом во Франции, Швейцарии и Германии, приняла жуткие формы – за 10 лет, с 1581 по 1591 г., в одной только Лотарингии было сожжено более 1000 «ведьм». То же самое происходило в Бургундии и Гаскони, где фанатики-судьи за короткий срок сожгли около 600 «ведьм». В Германии охота на «ведьм» велась еще с большей жестокостью – в Бамберге, как и Вюрцбурге, было уничтожено более 600 человек, а в Кельне – свыше 1000. Еще недавно считалось, что число казненных по «ведовским» процессам составляет в Европе около 9 миллионов. Современные же западноевропейские ученые приводят другие данные: в Германии было казнено свыше 20

тыс. человек, а во всей Европе – около 100 тысяч. Однако не следует забывать о том, что многие акты «ведовских процессов» были безвозвратно утрачены – сожжены, потеряны, фальсифицированы. Было ли это сделано намеренно, сгорели ли они в пожарах войны или исчезли преднамеренно, можно только догадываться. Количество изгнанных на чужбину также оценивается в 100 тыс. человек. Примерно столько же отделались другими наказаниями. Отнесение «охоты на ведьм» к проявлениям социальной истерии, как это предлагает Тревор-Роупер, может способствовать разъяснению дела, лишь если четко выявить содержание столь «рыхлого» понятия. Таким образом, «социальные истерии» в разные исторические эпохи сотрясали как Западную Европу (средневековая борьба с ведовством, фашизм в Германии), Америку (маккартизм в США), так и славянский мир – опричнина Ивана Грозного, сталинские репрессии, ельцинская, пугачевско-распутинская вакханалия произвола и насилия.

О том, что борьба с ведовством была весьма значимым фактором в жизни Западной Европы, говорит и то, что даже первые «листки новостей» – предшественники современных газет – стали издаваться в Германии с целью «поскорее известить население о разоблаченных и сожженных ведьмах». Кроме того, публиковались специальные «Новости о ведьмах». В одном из таких листов от 1616 г. сообщалось, что в вюрцбургском селении Герольцкофен были арестованы четыре старухи, которые признались, что они ведьмы, и показали на допросе: «Во всем герольцкофенском судебном округе вряд ли найдется человек 60 старше семилетнего возраста, которые совсем не были бы причастны к колдовству». На этом основании последовал указ епископа: «Местные власти должны отныне еженедельно по вторникам, кроме дней великих праздников, учинять сожжение ведьм. Каждый раз их надо ставить на костер и сжигать душ по 25 или 20 и никак не меньше, чем 15» [76, с. 27]. (Чем не сталинские «разнарядки» на аресты и расстрелы по областям и республикам СССР 1937 г.).

История развивается в парадоксально-гротескном измерении – И. Лойола был современником Ф. Рабле, а расцвет «ведовских процессов» приходится на время Й. Кеплера и Г. Галилея, Ф. Бекона и Р. Декарта. Более того, глубокие научные познания, которые вследствие «творений» демонологов стали тогда приписываться дьяволу, делали подозрительной самую ученость. Один французский историк науки справедливо писал, что «Ренессанс был эпохой, когда самое глубокое и грубое суеверие распространялось в чудовищных размерах и утверждалось несравненно основательнее, чем в средние века» [77, с. 38] (следует уточнить, что речь идет преимущественно о позднем Возрождении).

Ведовские процессы продлились два столетия и стоили, как в человеческом, так и морально-интеллектуальном плане, бесчисленных жертв [78, с. 44]. Сотни тысяч несчастных были принуждаемы зверскими пытками и собственным расстроеным сознанием к самым диким признаниям в связи с дьяволом, в наведении магическими заклинаниями порчи на людей, накликании града, уничтожении посевов, истреблении скота. Обвиняемые под пытками оговаривали множество лиц – родственников, знакомых, соседей, вовлекая в водоворот мучений все новые и новые жертвы.

Никто, даже судьи, если их можно было заподозрить в недостаточном рвении, не были застрахованы от того, чтобы завтра не оказаться в пыточной камере, а послезавтра – на эшафоте. (Через столетия несостоявшийся священник И. Сталин – прилежный ученик иезуитов, инквизиторов – повторил их деяния).

Никакие несообразности не смущали тогдашнюю юстицию, шло ли дело о светских судах или церковных трибуналах, о судебных учреждениях, подчинявшихся центральной власти либо местным феодалам, происходили ли процессы в католических или протестантских странах – в одном австрийском городе отправили на костер двух женщин, поскольку они «много бродили по лесам, ища коренья» [79, с. 37]. В другом случае жертву предали в руки палача за то, что она «умертвила человека», некоего Гейнца Фогеля, который тут же выступал свидетелем обвинения на процессе (судьи не задавали ему никаких вопросов относительно его «чудесного воскресения»). В третьем случае доказательством

«полета на шабаш» считалось отсутствие таких доказательств, в чем усматривалась «хитрость дьявола».

Инквизиционный процесс с его презумпцией виновности и непременными атрибутами – моральной и физической пыткой, утаиванием имен свидетелей, лишением подсудимого права привести доказательства ложности обвинения, вымоганием по заранее разработанной единой системе показаний разных лиц, как бы подтверждавших друг друга, – создал возможность самых немислимых самооговоров, доносов и вынесения свирепых приговоров «ведьмам», что еще более подкрепляло суеверие. (Сталин – лишь «прилежный» ученик европейских учителей-инквизиторов, лишь «процесс» смещен на столетия!)

Демонологи разъясняли, что ведовство – духовное преступление (мыслепреступление), наказуемое смертью, даже «если оно не принесло вреда». Это – особое преступление, для расследования которого не применимы обычные правила. Судьи, заботясь о безопасности общества, могут приносить в жертву интересы индивидуума. Пытка – религиозное средство, применение которого позволяет вернуть подозреваемого в общество, способ освободить человеческую душу от власти дьявола. Поэтому вырванные признания являлись вполне достаточным основанием для обвинения и других лиц в ведовстве [80, с. 57].

Большинство авторов демонологических сочинений вовсе не были фанатиками идеи. Наоборот, они, как правило, были эрудитами, нередко авторами специальных исследований в различных областях знания с ясностью мышления и умением анализировать предмет с разных сторон, привлекать все доступные сведения и делать правильные выводы из четко проведенного логического анализа фактов [81, с. 389]. Главные интеллектуальные силы эпохи были тогда на стороне демонологов. Ведь в козни дьявола верили Боден и Бэкон, имевшие большую научную эрудицию и авторитет. Отметим, что, подобно дьяволу, принимавшему, согласно демонологическим трактатам, земную оболочку, сами эти трактаты тоже имели не только вполне земное основание, но и выражали нередко те противоположные позиции, которые занимали их авторы в идейно-политической борьбе.

Противники ведовских процессов клялись, что демонологи возводят на них хулу, обвиняя в неверии в существование дьявола и ведьм, о которых гласит священное писание; просто речь идет о юридических ошибках, об исторгнутых пыткой ложных признаниях, о жертвах судебного произвола [82, 83]. Суеверия преподносились читателю XVI века нередко как раз с апелляцией к Разуму и Опыту, к трудам крупнейших ученых и писателей эпохи. Автором едва ли не наиболее зловещего опуса «О демонологии колдунов» был Боден, проповедник политической терпимости, чьи идеи предвосхищали философию века Просвещения [84].

Прошли столетия, и социальная истерия «ведовских процессов» Западной Европы была зеркально отражена в «истерии сталинизма» – своеобразного симбиоза средневекового христианства и неоязычества (ведь Сталин – несостоявшийся православный священник!). Это закономерно – до России западная мода, тенденции, закономерности докатывались через столетия.

Религиозные войны, сотрясавшие Европу, поставили дилемму – либо взаимоистребление, либо компромисс веротерпимости по отношению к различным конфессиям, вероисповеданиям. В 1598 г. французский король Генрих IV издал Нантский эдикт – декларировал преобладание католической веры при сохранении протестантами их прав и вольностей: «Чтобы не дать никакого повода к слухам и распрям среди... подданных, мы позволили... исповедующим... реформированную религию жить и обитать во всех городах и местах нашего королевства... без преследования, притеснений и принуждений... Все, кто исповедуют... реформированную религию, имеют право занимать и отправлять все общественные должности – королевские, сеньориальные или городские...» Как и большинство реформаторов, Генрих IV завершил свой жизненный путь трагично: «14 мая 1610 года, когда король слушал письмо, которое читал д'Эпернон, иезуит Франсуа де Равальяк напал на Генриха IV с ножом и нанес ему два удара в грудь. Последний удар

пришелся прямо в сердце, перерезал сердечную артерию... король весь плавал в крови...» [37, с. 191–192, 230].

Развитие Запада и славянского мира в XVI веке приобрело принципиальное отличие. Если московские правители для концентрации в своих руках власти делали главную ставку на насилие (с элементами восточного деспотизма), то в Западной Европе преодоление феодальной раздробленности все более и более – по нарастающей – происходило преимущественно с использованием технического прогресса, укреплением роли и значения городов в обществе.

Наиболее рельефно это можно проследить на примере развития военного дела на Западе. Изготовление пороха и производство огнестрельного оружия находилось в руках горожан. До конца XV в. артиллерия переживала младенческий возраст. Бомбарды не могли менять занятую позицию, заряжались медленно, порох был плохого качества. Малоэффективным было и ручное огнестрельное оружие – аркебузы, уступавшие еще луку и арбалету. Однако рыцарству приходилось все труднее. Оно, опираясь на церковь, объявило бомбарды и аркебузы «омерзительными» орудиями, творением дьявола и ада; пленным аркебузирам приказывали отрубать руки и выкалывать глаза, бомбардиров убивали.

С образованием централизованных государств наемное войско все больше вытесняет феодальное. Уже в середине XV в. вооруженные силы Западной Европы базировались и на ленной системе (рыцари), и на городской милиции (ополчение), и на наемниках [85].

В первой половине XV в. феодалы Франции утратили право на собственное войско. Им разрешалось теперь иметь в замках лишь небольшие гарнизоны. В 1445 г. король Карл VII издал ордонансы о введении новой налоговой системы и об организации из уроженцев Франции войска, которое не распускалось в мирное время. Было положено начало постоянному войску, затем появились постоянные армии наемников, превратившиеся в главную вооруженную силу абсолютистских монархий.

Конец XV – начало XVI в. «характеризуются прогрессом сразу в двух областях: французы усовершенствовали артиллерию, а испанцы придали новый характер пехоте. Французский король Карл VIII сделал свои пушки настолько подвижными, что мог не только доставлять их на поле сражения, но и менять их позиции во время боя. Возникла полевая артиллерия. Испанцы усовершенствовали аркебузу, которая имела лучшие баллистические качества и стала мушкетом. Его пули пробивали самые прочные рыцарские доспехи. Это новое оружие приобрело решающее значение в борьбе с тяжеловооруженной конницей.

При Наваре в 1513 г. «швейцарская пехота буквально прогнала с поля сражения французских рыцарей»; вскоре появился новый вид кавалерии – рейтары: те же наемники, но вооруженные пистолетами и палашами, чье защитное снаряжение лучше соответствовало нововведениям в военном деле; поэтому они вскоре «доказали свое превосходство над закованными в броню» рыцарями.

Западноевропейская рыцарская конница к концу XVI в. перестала существовать, хотя и пыталась найти себе место в новой военной системе, совершенствуя свое снаряжение. Так, в XV в. был изобретен «готический» доспех из стальных пластин, повторявших конфигурацию человеческого тела. В XVI в. появились «максимилиановские» доспехи, поверхность которых была покрыта желобками, уменьшавшими вес снаряжения. В XVII в. носили доспехи максимальной толщины, широко представленные ныне в музеях мира [85], но и они тоже не выдержали соперничества с огнестрельным оружием. Рыцарство же как социальная категория преобразовалось в дворянство, поставлявшее армиям командный состав.

На западе в этот период – никакого палладиизма и в помине – были разработаны правила ведения войны – три штурма крепости давали ее защитникам законное право сдаться, при этом они не испытывали ни мук совести, ни позора со стороны жителей, которых они защищали – таковы были правила. Рыцарь заключал договор с королем (оммаж) или герцогом, где оговаривалось, где и сколько он будет ему служить и сколько за это получать. В качестве платы обычно давались города и села, судьбой и жизнью населения которых

нанятые рыцари распоряжались как хозяева. Жалобы крепостных на рыцарей западноевропейскими судами не принимались. Служба королю была ограничена во времени, например, два месяца в году, а иногда и 40 дней. Успел король за этот срок закончить войну или не успел, для рыцаря это уже не имело значения. Он мог с войны уехать. Переход из «команды» в «команду» не возбуждался. Если рыцарю или барону другой король или герцог предлагали больше, то он возвращал взятое на старой службе и шел к новому сюзеру.

В бою же рыцарь как честный человек обязан был драться за своего короля, но лишь до тех пор, пока он был жив. Король сражался под знаменем, и пока знамя было видно рыцарю – он бился беззаветно, если знамя падало, то это означало, что король или убит, или пленен, и рыцарь мог без зазрения совести и без ущерба для чести бежать с поля боя.

Различие ментальностей Западной Европы и славянского мира предопределяет их разнополярное развитие: Запад на основе тернарно-поступательного развития, эволюционного по своей сути, приближается к зачаткам демократии, формируется представление о правах личности, законности, славянский же мир «шлифует» восточно-деспотические начала самодержавия.

Понятие о правах личности, законности формулируют в своих трудах ученые, мыслители. Так М. Монтень в трактате «Об искусстве жить достойно» отмечает: «...Надо судить о человеке по качествам его, а не по нарядам, и, как остроумно говорит один древний автор, «знаете ли, почему он кажется вам таким высоким? Вас обманывает высота его каблуков». Цоколь – еще не статуя. Измеряйте человека без ходулей. Пусть он отложит в сторону свои богатства и звания и предстанет перед вами в одной рубашке. Обладает ли тело его здоровьем и силой, приспособлено ли оно к свойственным ему занятиям? Какая душа у него? Прекрасна ли она; одарена ли способностями и всеми надлежащими качествами? Ей ли принадлежит ее богатство, или оно заимствовано? Не обязана ли она всем счастливому случаю? Может ли она хладнокровно видеть блеск обнаженных мечей? Способна ли бесстрашно встретить и естественную, и насильственную смерть? Достаточно ли в ней уверенности, уравновешенности, удовлетворенности? Вот в чем надо дать себе отчет, и по этому надо судить о существующих между ними громадных различиях...

И тем не менее таково обычное наше ослепление, что мы очень мало или совсем не считаемся с этим. Когда же мы видим крестьянина и короля, дворянина и простолюдина, сановника и частное лицо, богача и бедняка, нашим глазам они представляются до крайности несходными, а между тем они, в сущности, отличаются друг от друга только своим платьем...

Царь – всего-навсего человек. И если он плох от рождения, то даже власть над всем миром не сделает его лучше...» [49, с. 130].

Развивая эти положения, Дж. Бруно писал в «Сонете»:

Кто дух зажег, кто дал мне легкость крылий?

Кто устранил страх смерти или рока?

Кто цепь разбил, кто распахнул широко

Врата, что лишь немногие открыли?

Века ль, года, недели, дни ль, часы ли

(Твое оружие, время!) – их потока

Алмаз, ни сталь не сдержат, но жестокой

Отныне их я не подвластен силе [49, с. 131].

Характерно, что под влиянием идей Эразма Роттердамского английские гуманисты XVI века выработали социальную доктрину, с помощью которой старались улучшать общественный строй. В их деятельности значимое место занимала идея Эразма о том, что общество можно коренным образом улучшить при помощи более совершенной системы образования его правящей части.

Известный английский историк А.Б. Фергюсон в книге о роли гуманистов в период английского ренессанса [86] ставит перед собой задачу выяснить роль английских гуманистов в переходе от средневекового политического мировоззрения к политическому

мышлению и политической деятельности нового времени. Фергюсон считает, что большую роль в сформировании мировоззрения английских гуманистов играло их активное участие в политической практике своего времени. Исходным пунктом их размышлений о природе государства как политического организма являлось, как он полагает, искреннее желание улучшить и усовершенствовать работу государственных органов.

Гуманисты начали с чисто средневекового представления об обществе и государстве как о некоей статичной системе, в которой действуют лишь такие постоянные факторы, как греховная природа человека и божественное провидение. Под влиянием острых социальных и политических конфликтов, происходивших на их глазах, они после тщательного изучения структуры современного им общества и государства выработали новый подход к его жизни и деятельности.

Это они, гуманисты, первыми пришли к выводу (и стали убеждать в этом правительство), что оно не должно ограничивать свои функции только поддержанием мира и справедливости, защитой общин от посягательств извне и исправлением обнаруженных отклонений от установившихся обычаев, чем, как правило, занималась государственная власть в средние века, а активно вмешиваться в общественные отношения.

Большое значение придавал Фергюсон появлению у публицистов XVI в. нового понимания смысла и значения изменений в жизни общества и государства. Если средневековые политические мыслители видели в них, как правило, нечто отрицательное, отступление от раз и навсегда установленного богом порядка, нечто вроде болезни, которую следовало лечить, чтобы вернуть обществу первоначальное здоровье, то гуманисты – тюдоровские публицисты – увидели возможность движения общества вперед в результате целенаправленных усилий, приложения разума к политике.

Они научились относиться к изменению и развитию как к нормальным атрибутам человеческого общества и считать, что правительство через посредство творческого интеллекта своих лидеров может вырабатывать политику, способную определять социальное развитие, освобождать общество от сковывающих его пут. Таким образом, на общество и государство перестали смотреть как на незыблемую и неизменную часть естественного порядка; в нем стали видеть результат меняющихся человеческих потребностей и интересов, объект, на который можно и должно воздействовать в целях его дальнейшего совершенствования и приспособления к новым нуждам человека [87].

В королевском правительстве английские гуманисты видели единственную силу, способную реализовать необходимые, по их мнению, преобразования в английском обществе и сделать его совершенным. В деятельности Т. Кромвеля известный английский историк Мак Коника усматривает воплощение полного единства между королевским правительством и гуманистами. Такая позиция английского гуманизма дала возможность оказать существенное влияние на характер реформистской деятельности английского государства 40–50-х годов XVI века. Именно этой причиной Мак Коника объясняет то, что в Англии не образовались такие откровенно абсолютистские формы правления, какие сложились во Франции и Испании [88].

Однако прогрессивное приходит в борении нового со старым, отжившим, уходящего с грядущим.

В 1625 г. на английский престол взошел король Карл I Стюарт. Карл отличался привлекательной внешностью, изящными манерами, держался просто, но с достоинством. Как и отец его, Яков I, Карл считал, что он – помазанник божий и, таким образом, выше всяких законов и не обязан им подчиняться. Что же касается подданных, то все они, по мнению короля, являются его собственностью.

С первых же дней своего правления Карл I не обращал никакого внимания на парламент, но зато наделял большими полномочиями своих лстивых придворных. Парламент критиковал министров короля и требовал отставки герцога Бекингема, по милости которого Англия в своей внешней политике терпела провал за провалом. Однако король, защищая

фаворита, предпочел распустить парламент, который требовал суда над ним. Но оставшись без парламента, король тем самым остался без денег.

Ему ничего не оставалось, как вновь созвать парламент. Однако депутаты Палаты общин продолжали добиваться отставки Бекингема. Они обвиняли фаворита короля в расточительности, в том, что он не стесняется тратить казенные деньги на увеселения, строительство великолепных замков. Карл заявил, что не дозволит требовать отчета от своих слуг и не отстранит Бекингема от занимаемой должности.

Депутаты парламента очень возмутились подобным решением короля и направили депутацию во дворец. «Я признаю за вами право советовать, а не осуждать, – заявил король, а затем добавил: – Помните, что я волен созвать парламент и распустить его, когда захочу, а если я найду его поведение неугодным мне, то вообще уничтожу» [23, с. 482].

Однако подобные угрозы короля не могли остановить поток возмущенных речей членов парламента. Король решил распустить строптивый парламент, но, нуждаясь в деньгах, был вынужден прибегнуть к принудительному займу. Подданные же отказались платить деньги без согласия на то парламента, и королю вновь пришлось пойти на уступки и созвать в 1628 г. парламент.

Депутаты потребовали от короля принять «Петицию о правах», которая запрещала взимать пошлыны без согласия на то парламента. Тут уж терпению короля пришел конец, и он повелел вновь распустить неугодный парламент. 11 лет Карл правил один, стремясь любыми путями добывать для себя деньги, минуя парламент. Карл решил восстановить старинный налог – «корабельные деньги», который прежде платило население приморских городов для снаряжения судов, и распространил эту повинность на все население Англии. Народ роптал [23, с. 482]. В стране нарастала революционная ситуация.

Королю ничего не оставалось, как вновь собрать парламент, который получил название «Долгого парламента», поскольку заседал в течение 13 лет, с 1640 по 1653 г. Он отменил все незаконные указы короля, упразднил «корабельную подать», распустил Звездную палату, исключил из Палаты лордов епископов, а также принял Трехгодичный билль, который обязывал короля созывать парламент каждые три года. Кроме того, депутаты потребовали суда над новым фаворитом Карла – министром Страффордом, которому был вынесен смертный приговор.

Король вынужден был со всем этим смириться. Парламент настаивал, чтобы король признал за ним право назначать и смещать министров, а также контролировать все действия короля.

«Если бы я согласился на это, то стал бы только призраком, пустой тенью короля», – с гневом ответил Карл. Борьба парламента с королем вылилась в открытый поединок. В парламенте произошел раскол на «кавалеров» и «круглоголовых». «Кавалеры» – преимущественно дворяне – поддерживали во всех спорах короля, а «круглоголовые» (они не носили длинных волос, коротко стриглись), защищавшие интересы буржуазии, отстаивали сторону парламента [23, с. 483].

Король со своими сторонниками покинул Лондон, перебравшись в город Йорк. Сторонники парламента дали клятву: «Уничтожить папизм (католицизм), епископов, защищать права и льготы парламента и народа». Во главе «круглоголовых» встал Оливер Кромвель.

Солдаты боготворили Кромвеля и были готовы идти за ним в огонь и воду. Это войско разбило королевскую армию. Карл I бежал в Шотландию, но вскоре был схвачен сторонниками парламента. Ему удалось бежать на остров Уайт, чтобы собрать новые силы для борьбы с парламентом. Этот шаг короля возмутил «круглоголовых». Армия Кромвеля принесла присягу: «Если Бог дарует нам победу, мы клянёмся призвать Карла Стюарта, этого кровожадного человека, к суду и потребовать от него отчёта за кровь, которую он пролил, и за зло, которое он принёс своему народу». Король был арестован и доставлен в суд. Пять дней слушалось его дело в суде. Наконец, был вынесен приговор: «Карл Стюарт как тиран,

убийца и открытый враг английского государства должен быть предан смерти». 30 января 1649 г. при огромном стечении народа палач отрубил голову монарху.

Казнь Карла I означала конец правления абсолютной монархии в Англии [23, с. 484].

В 1658 г. Кромвель скончался, назначив своим преемником старшего сына Ричарда. Но тот был человеком слабым, нерешительным и не справлялся с управлением страной в то смутное время.

Роялисты призвали на трон сына казнённого короля – Карла II Стюарта. Парламент поддержал их. Так в 1660 г. совершилась Реставрация монархии. Народ встречал нового короля с ликованием. Повсюду были развешаны гирлянды цветов, устраивались фейерверки, балы, угощения для простого люда.

Карл II был красивый, способный и неглупый человек, однако он предпочитал проводить время в развлечениях и удовольствиях. На свою власть король смотрел так же, как его отец и дед. «Я не буду считать себя королём до тех пор, пока парламент будет заниматься моими делами, выискивать ошибки в моих счетах и наблюдать за моими министрами», – заявлял он.

Прежде всего, король приказал учинить публичную казнь над убийцами своего отца. Очевидец тех событий свидетельствовал: «В годовщину казни короля, 30 января 1661 г., трупы Кромвеля, Айртона и Бредшоу были на санках перевезены в Тайбэри, потом вынуты из гробов, облачены в саваны и повешены за шеи, и так эти трупы висели до захода солнца. После того как их сняли, у трупов были отсечены головы, туловища зарыты в могилу, выкопанную под виселицей, а головы казнённых были водружены на копья и выставлены около Вестминстерского дворца...» [23, с. 485].

Король вновь восстановил правление англиканской церкви и запретил религиозные богослужения сектантов. Он приказал вернуть прежним хозяевам захваченные во время революции земли. Однако править страной по-прежнему было уже невозможно. Представители буржуазии и нового дворянства заседали в парламенте и диктовали свою волю королю. Парламент назначал денежное содержание королю, с тем чтобы тот более не мог обойтись без его созыва [23, с. 485].

На этом вековая борьба между королевской властью и парламентом не завершилась, но абсолютизм в Англии был сокрушен.

Сопоставление основных закономерностей развития России и Западной Европы позволяет заключить, что с конца XV до конца XVI и определенную часть XVII века для России характерен период складывания очень сильной государственности, сопровождавшийся самоизоляцией от Запада и представлением, что западная культура – порочна, греховна и должна быть «отстранена» некоторой стеной, все же усилия должны быть направлены на сохранение «исконной праведности». Этот период отмечен одновременно военными успехами, расширением границ, интенсивным развитием экономики и государственности, построенной на терроре, и, что очень важно, государственности, которая уничтожила все механизмы государственности, кроме центрального. Такая деспотически-централизованная власть – «коLOSS на глиняных ногах». Поэтому используя экономические неурядицы и резкое обострение классовой борьбы в России, на ее независимость посягнули польские и литовские магнаты Речи Посполитой и правители Швеции; заодно с ними было папство, которое зарилось на богатства русской церкви, мечтало подчинить ее.

Интервенция началась весной 1608 г. со стороны Польши, которая действовала с помощью подставного авантюриста Лжедмитрия II. Польское войско выступило на Москву. Но столицу взять не удалось, и оно стало лагерем в Тушине. Возникла угроза и с севера – шведское правительство Карла IX под предлогом помощи России ввело войско в Новгородскую землю. Решительное противодействие врагу северных русских городов помогло правительственным войскам воеводы М.В. Скопина-Шуйского разбить силы «тушинского вора».

Видя неуспех наступления самозванца, польский король Сигизмунд III отказался от него и открыто двинул летом 1609 г. войска на Россию с целью передать ее престол своему сыну Владиславу. В отпоре врагу прославились Смоленск и его воевода Михаил Шеин [47, с. 50].

«С 21 сентября 1608 года по 3 июня 1611 года армия польского короля Сигизмунда, организованная на западный манер, осаждала Смоленск. За время осады успело рухнуть Московское государство: в 1610 году Василий Шуйский был свергнут с престола, бояре для защиты Москвы от Лжедмитрия впустили в нее польское войско гетмана Жолкевского и отправили в стан Сигизмунда посольство, чтобы просить у него сына, королевича Владислава, на русский трон. Сигизмунд соглашается, но требует от послов Смоленск. Послы передают его слова смолянам.

Защитникам города пришлось самим решать, продолжать ли оборону, или впустить Владислава с польским войском. Смоляне согласились впустить Владислава как русского царя, но не как польского королевича, сопровождаемого польскими ратными людьми. Но на последнем настаивает Сигизмунд, это его последнее условие.

Над Смоленском не было уже верховной власти, церковь освободила всех от клятвы верности низложенному царю, смоляне с крепостных стен видели пленного Шуйского в королевском лагере на пути в Варшаву – некому было «казнить их казнью» за сдачу города. Многие русские города признали Владислава царем, и поляки на этом основании называли жителей Смоленска «изменниками». Все знали, что Смоленск – ключ к Москве, но зачем хранить ключ, когда сбит замок? К тому же город в течение года выдержал осаду, горел от раскаленных польских ядер, страдал из-за отсутствия соли и был поражен каким-то поветрием.

Превосходство польской армии было очевидным, падение крепости оставалось лишь делом временным, так как неоткуда ждать помощи, а условия сдачи были «милостивыми». Не пора ли подумать о жизни женщин и детей, прекратить бессмысленное кровопролитие? Дети боярские, дворяне и стрельцы «колебались в ответе», воевода молчал, архиепископ безмолвствовал.

«Черные» люди посадские, ремесленники и купцы настояли на обороне до конца, и Смоленск ответил королю: «Нет!» Перед русским посольством во главе с митрополитом Филаретом смоленские представители, «дети боярские» и дворяне разъяснили, что, хотя поляки в город и войдут, но важно, чтобы их, смолян, в том вины не было. Поэтому они решили: «Хотя в Смоленске наши матери и жены, и дети погибнут, только бы на том стоять, чтобы польских и литовских людей в Смоленск не пустить».

Потом был приступ. Поляки, взорвав башню и часть стены, трижды вламывались в город и трижды откатывались назад. Потом вновь перешли к «правильной» осаде, днем и ночью засыпали Смоленск ядрами. Потом снова приступили к крепости, снова отступали, взламывали ее стены и башни из пушек, вели подкопы, взрывали укрепления. Так продолжалось в течение одного нескончаемого года.

К лету 1611 года число жителей сократилось с 80 до 8 тысяч душ, а оставшиеся в живых дошли до последней степени «телесного и душевного изнурения». Когда 3 июня королевская польская артиллерия, сосредоточив весь свой огонь на свежестроенном участке стены, разрушила его полностью, войско Сигизмунда вошло наконец в город через пролом, оно не встретило больше сопротивления – те смоляне, которым не вмоготу было видеть над Скавронковской башней польское знамя, заперлись в соборной церкви Богородицы и взорвали под собой пороховые погреба (по примеру саагутинцев, замечает польская хроника); другим уже все было безразлично: безучастно-пустыми глазами смотрели они на входивших победителей.

Сигизмунду передали ответ пленного смоленского воеводы Шеина на вопрос о том, кто советовал и помогал ему так долго держаться: «Никто не хотел сдаваться». Эти слова были правдой. Одного взгляда на лица русских ратных людей было довольно, чтобы понять – они не ждали пощады.

В этой сложнейшей геополитической обстановке, когда возникла угроза потери государственности, Россию спас народ. На призыв Москвы о помощи откликнулись уцелевшие от врага города и земли Поволжья и Севера, где стало собираться ополчение. В марте 1611 г. ополчения рязанского воеводы Прокопия Ляпунова и зарайского воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского двинулись на Москву. Засевшие в Кремле интервенты подожгли город. Москва выгорела полностью. Уцелело только Заяузье. Распри между дворянством и казаками привели к неудаче и распаду ополчения.

Шведы уже захватили крепость Корелу, вступили в Новгород и грозили Пскову. Тогда смоляне, выживавшие после осады, пошли по городам и весям России. Эти странники с гноящимися под драным рубищем ранами, с беззубыми от цинги ртами еще не знали, что пролитая кровь, смерть товарищей, гибель семей, не были бесцельной, бессмысленной жертвой. Они выполнили долг перед государством как смогли, но где оно, их «великое государство»?

Без малого 800 верст прошли они, но на своем пути видели лишь одну и ту же мерзость запустения. Защитникам Смоленска и мысль не могла прийти, что истинными победителями остались они. Однако это было именно так. Польская и литовская шляхта, истомленная долгой осадой, сразу после взятия города разошлась по домам, несмотря на все уговоры и посулы короля. Сигизмунд со своими наемниками был не в состоянии продвинуться дальше вглубь России, оказать существенную помощь засевшему в Москве польскому войску. Восстановив стены и оставив в крепости гарнизон, он вернулся в Варшаву.

Нижегородский земский староста Козьма Минин поднял новое ополчение, призвав народ не шадить «себя, и жен, и детей своих, а не только имущества». Трудями Минина и Пожарского новое ополчение было собрано и в марте 1612 г. направилось к Москве. Население городов и сел единодушно поддерживало освободителей Родины. В тяжелых сражениях 22–24 августа на Москве-реке у Новодевичьего монастыря польское войско было разбито, а 26 октября Москва освобождена [47, с. 51].

История обычно чуждается театральных эффектов. Ее герои, вышедшие на сцену в первом действии драмы, как правило, не доживают до заключительного. Для смолян было сделано исключение. Неисповедимыми путями они приходят в Нижний Новгород как раз тогда, когда Минин бросает свой клич. Смоляне первыми откликаются на призыв, образуя ядро собираемого народного ополчения. Потом в его рядах с боями доходят они до столицы, отражают у Новодевичьего монастыря и Крымского моста последний, самый страшный натиск войска гетмана Хоткевича, прорывающегося на помощь к осажденному в Кремле и Китай-городе польскому гарнизону, и, наконец, среди пылающей Москвы на Каменном мосту во главе с Пожарским принимают капитуляцию королевских рот, выходящих из Кремля через Боровицкие ворота [89, с. 51–69].

Палладиизм, особая жертвенная ментальность, воплотившаяся в действиях защитников Смоленска, деятельности Минина и Пожарского, спасла государственность Руси, позволила выйти из жесточайших испытаний. Был созван Земский собор (1613) из представителей бояр, духовенства, городских посадских людей, казаков, стрельцов и даже государственных крестьян. Он избрал царем Михаила Федоровича Романова. Вскоре Россия вышла из войны, потеряв на севере укрепленные города: Иван-город, Ям, Копорье, Орешек, захваченные Швецией (1617); Смоленск, Чернигов и Новгород-Северский остались за Речью Посполитой (1618). Россия была вновь отрезана от моря [47, с. 51–59].

Официальная трактовка «смуты» и объяснение причин воцарения новой династии были выработаны в окружении царя Михаила Романова и его отца – властного патриарха Филарета. Уже по поручению Земского собора 1612–1613 гг. на материале публицистических памятников и правительственных грамот была составлена «Грамота, утвержденная об избрании на российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова-Юрьева». В ней обосновывались права новой династии Романовых на русский престол.

В конце 20-х годов XVII в., когда среди народных масс усилилось брожение и стала реальной угрозой войны с Речью Посполитой, Филарет распорядился создать труд «во славу» династии Романовых. Для этого были привлечены документы богатейшего архива Посольского приказа. Наряду с посольскими дьяками и подьячими в работе принимали участие лица патриаршего двора. Окончательный текст под названием «Книга, глаголемая Новый летописец» в 1630 г. был санкционирован самим Филаретом. «Новый летописец», задуманный как продолжение Никоновской летописи, содержит целостный рассказ по истории России с конца XVI в., является прямой апологией абсолютизма. Божественное предопределение, наследственность династии и ее всенародное признание – таковы, по мысли автора, три основных признака русского самодержавия. Исходя из этого, причиной «смуты» объявляются насильственное пресечение Борисом Годуновым «благочестивого корени» (т.е. царской династии) и преследование Романовых как царской родни. Такие действия привели к самозванчеству, когда «боярский человек» и «пашенный мужик» стали выдавать себя за «праведный корень». Концепция, согласно которой династический кризис привел к социальному, а социальная борьба завершилась национальным движением за православие и феодально-абсолютистский строй, идеологически обосновывала режим Михаила Романова и его отца [69, Т. II, с. 386–387].

XVII век – век лихолетья и смуты на Руси – породил староверческое инакомыслие с элементами утопического устройства общества.

Одной из самых ярких вспышек творческой энергии староверчества, таившей в себе неутихающую, негасимую жажду свободы и достоинства человеческого, является «Житие» протопопа Аввакума (1621–1682 гг.). Человек, «в уши которого шумит разбой», бесстрашно восстал против одетой в камень, золото и парчовые ризы власти, провозгласил и доказал – не силлогизмами, а жизнью своею, – что нет на свете силы, могущей сломить силу человеческого духа.

Найдены новые документы, подтверждающие, что знаменитый протопоп из «земляной тюрьмы» своей подвигал соратников не только на пассивную, но и на прямую борьбу против царя и архиереев. Он был главой религиозного движения, его вождем – вплоть до своей гибели.

В «Житии протопопа Аввакума» и «Сказании о роскошном житии и веселии» так представляется «славянская утопия»: «...Там по полям пажити видети скотопитательных пшениц и жит различных, изобилны по лугам травы зеления, и разноцветуши, цветов сличных прекрасных и благовонных несказанно. По лесам древес – кедров, кипарисов, виноградов, яблонь и груш и вишень и всякого плодного масличья – зело много; и толико премного и плодовиито, что яко само древесие человеческому нраву самохотне служит, преклоняя свои вершины и розвевая свои ветви, пресладкия свои плоды объявляя.

В садах же и дубровах птиц преисполнено и украшено – пернатых и красноспесивых сиринов, и попугаев, и струфокамилов, и иных птах, служащих на снедь человеческому роду. На голос кличещему человеку прилетают, на двор и в дома, и в окна и в двери приходят. И кому какая птица годна, тот ту себе, избрав, возмет, а остаточных прочь отгоняет... [49, с. 186].

...Да там же есть озеро не добре велико, исполнено вина двойнова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришед – хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью, – бог в помощь, напивайся. Да близко ж того целое болото пива. И ту всяк пришед пей да и на голову лей, коня своего мой да и сам купайся, и ништо не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно. Всяк там пей и ежь в свою волю, и спи доволно, и прохлаждайся любовно...

...А жены там ни прядут, ни ткнут, ни платья моют, ни кроят, ни шьют, и потому что всякова платья готоваго много: сорочек и порт мужских и женских шесты повешены полны, а верхнева платья цветнова коробы и сундуки накладены до кровель, а перстней златых и

сребренных, зарукавей, цепочек и монистов без ларцев валяется много – любое выбирай да надевай, а никто не оговорит, не попретит ни в чем [49, с. 186–187].

А кроме там радостей и веселья, песень, танцования и всяких игр, плясання, никакия печали не бывает. Тамошняя музыка за сто миль слышать. Аще кому про тамошней покой и веселье сказывать начнешь, никакого ничто тому веры не пойме покамест сам увидит и услышит... Там же растут и конопля богорасленные, а во дворах травы красныя, и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великий в нем: во окиане море болшом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем; осетры и таймени жирны гораздо – нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово света наделано для человек, чтоб, упокояся, хвалу богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хочет, яко змия; ржет, зря на чужую красоту, яко жребя; лукаует, яко бес; насыщаяся довольно, без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает, и не вем, камо отходит... [49, с. 186–187].

Смуты, внутренние потрясения, интервенция ряда европейских стран против славянского мира вызвали разруху на Руси, поставили под вопрос ее независимость, потребовали колоссального напряжения сил в борьбе за сохранение своей государственности. Пришлось поднимать из пепла Москву и десятки городов и посадов, разоренных интервентами, восстанавливать сельское хозяйство, торговлю. Производство зерна и других продуктов увеличивалось путем широкой колонизации поволжских и сибирских земель, но система земледелия оставалась трехпольной (в лесных районах перемежаясь с подсекой), а орудиями труда – соха и борона при среднем урожае ржи сам-три. Вместе с тем начали выделяться и районы товарного производства хлеба, и крупные центры (такие, как Вологда, Архангельск, Кунгур) его внутреннего сбыта. Правительство Михаила Романова (1613–1645) неуклонно укрепляло власть дворян, постепенно удлиняя сроки, в течение которых помещики могли ловить и возвращать бежавших крестьян. Наконец, по Уложению, принятому в 1649 г. Земским собором при царе Алексее Михайловиче (1645–1676), почти 800 тыс. тяглых дворов частновладельческих и 50 тыс. дворов государственных черносошных крестьян (данные описи 1678 г.) были объявлены навечно «крепкими» их владельцам, которым принадлежало право распоряжаться имуществом своих крестьян. Побегу карались все более сурово, даже смертью.

Всего же населения в России в XVII в. было около 10 млн. человек. Горожане тоже были тяглыми – несли «государевы» повинности и платили налоги. Лишь несколько сот наиболее разбогатевших купцов из горожан и крестьян – растущая торговая буржуазия – были поставлены в привилегированное положение. В течение XVII в. налоги удвоились, а реальная ценность денег упала на $\frac{1}{4}$. Число городов к середине столетия достигло 254. Москва имела уже около 200 тыс. жителей.

В крупнейших городах появляются мануфактурные предприятия с разделением труда и применением водяного двигателя. Еще в XV в. в Москве возник Пушечный двор, потом Денежный двор, где на чеканке серебряной и медной монеты было занято до 500 человек, текстильный Хамовный двор; появились стекольные заводы под Москвой, железодельные – в Туле, под Олонцом, канатные – в Холмогорах и Вологде. В Соли Камской на 200 варницах годовое производство соли достигло 112 тыс. т. Но понятно, что мануфактуры (их было около 30) не определяли лицо экономики страны. Центры производства, а также торговые ярмарочные города Нижний Новгород, Ирбит и другие были одновременно узлами растущих общерусских рыночных связей. Развивалась и внешняя торговля сельскохозяйственными продуктами и пушниной: через Новгород, Псков, Тихвин, Смоленск – с соседними странами Европы; через Архангельск – с Англией, Голландией. Торговлю России стесняло шведское господство на Балтийском море; через Аст-рахань Россия

торговала тепер с Хивой, Бухарой, Ираном; двинулись караваны и на восток – в Китай, торговле с которым содействовал заключенный в 1689 г. Нерчинский договор. Были введены единые (5%) торговые пошлины внутри страны и значительно более высокие (до 19%) с иностранных купцов [47, с. 52].

подавив народные движения, Россия постепенно переходит к абсолютной монархии. Замирает деятельность Боярской думы, которая долгое время была совещательным органом при государе. Правительство Алексея Михайловича пресекает попытки патриарха Никона поставить церковную власть выше светской: в 1666 г. Никона отправили в ссылку. Окрепшей царской власти стали не нужны и сословные земские соборы: собор 1653 г., обсуждавший вопрос о воссоединении Украины с Россией, был последним [47, с. 63].

Взаимоотношения России и Украины – одна из наиболее драматичных, сложных и противоречивых проблем славянского мира.

Десятилетия перед началом народно-освободительной войны на Украине под предводительством Богдана Хмельницкого были периодом жесточайшего национального и религиозного угнетения со стороны польской шляхты. Известный историк М. Костомаров отмечал: «Згідне свідотство сучасних джерел показує, що під кінець XVI в. – першій половині XVII в. безсумнівна влада панів над холопами довела останніх до найсумнішого побиту. Езуїт Скарга, завзятий ворог православ'я і української народності, говорив, що на цілій земній кулі не найде держави, де би так обходилися з пахарями, як в Польщі. «Владілець або королівський староста не тільки відбирає у бідного холопа все, що він заробляє, але й убиває його самого, коли схоче і як схоче, і ніхто не скаже йому за це лихого слова». Тодішній суддя звичаїв Старовольський свідчив: «Перше шляхтич їздив простим возом, а тепер котить шестернею в колясці, оббитій шовковою тканиною з срібними прикрасами... Усі наші гроші йдуть на заморські вина і ласощі, а на викуп полонених і на оборону краю в нас грошей нема...»

Ставлення місцевої шляхти до простого народу, знедолених було жакливим. «Багато говорять у нас, – зазначав той же Старовольський, – про турецьку неволю; та це торкається тільки воєнних бранців, а не тих, що живуть під турецькою властю і займаються хліборобством або торгівлею. Як заплатять річну данину, тоді вони свободні... В Туреччині жодень паша не може останньому мужикові вчинити того, що робиться в наших містечках і оселях... Який-небудь азійський деспот не замучить за ціле життя стільки людей, скільки їх замучать одного року в вільній Речі Посполитій» [90, с. 251–253].

Форми панування посилювалися. Знатний пан вважав своїм обов'язком тримати при своїм дворі ватагу шляхтичів-нероб, а жінка його таку ж ватагу шляхтянок. Їх утримання лягало на плечі кріпаків-селян. Крім звичайної панщини, залежної від волі місцевих старост, вони були обтяжені багатьма данинами різного роду. На кожний вулик була данина під назвою «бочкове»; за вола платив селянин рогове; за право ловити рибу – ставщину; за право пасти худобу – спасне; за змелення борошна – сухомельщину.

Отже, український народ став готуватися до повстання. Козаки під виглядом вбогих чи богомольців ходили по селах и намовляли населення відчиняти війську Хмельницького міські ворота, насипати піску в польські гармати, або втікати до степу войовників запорізьких. За свідченням М. Костомарова, поляки вживали строгих заходів: забороняли ходити юрбами по вулицях, збиратися в домівках, забирали в населення зброю або викручували в неї замки, жорстоко мучили і карали тих, кого підозрювали у порозумінні з Хмельницьким. Потоцький заявив своїм універсалом, що кожний, хто втік на Запоріжжя, відповідає життям своєї жінки і дітей... Поляки прийшли до переконання, що для спинення бунтівливості з боку українського народу треба вдатися до суворих заходів. За найменшу спробу повстання карали дуже варварським способом: «І муки фараонові – говорить український літопис – нічого не значать проти ляцького тиранства. Ляхи дітей в котлах варили, жінкам видирали груди деревом і заподівали інші невисказані муки» [90, с. 252].

Такі поступки лише нашкодили полякам і роздратували український народ, що й без того їх ненавидів. Повстання проти феодального, національного та релігійного гноблення українців з боку польської шляхти піднялося хвилею, яку ніщо вже не могло зупинити. Розпочалася визвольна боротьба українського народу під керівництвом Богдана Хмельницького проти Польщі [90, с. 251–253].

8 юня 1648 г. Богдан Хмельницький отримав письмо царю Алексею Михайловичу, прося его оказать военную помощь Украине и сообщая о желании украинского народа перейти под власть России. Такие обращения Богдан Хмельницький отправлял неоднократно и в последующие годы.

В 1648 году он писал Алексею Михайловичу: «...а когда не будет милости твоего царского величества и не восхощешь нам выручки и помощи давать и против неприятелей наших и своих наступать, тогда мы, – писал Хмельницький, – вземше бога на помочь, потуду с ними станем биться, докуду нас станет, православных» [47, с. 61].

Правящие круги царской России были заинтересованы в присоединении Украины с ее природными богатствами и многочисленным населением. Однако они боялись распространения антифеодального движения на территорию России. Кроме того, принятие Украины означало бы новую войну с Польшей, к чему Россия, ослабленная войнами первой половины XVII в. не была готова. Поэтому в это время русское правительство отказалось от «явственного» присоединения Украины, но на протяжении всей войны оказывало ей существенную помощь в борьбе против панской Польши.

Положение осложнялось тем, что к борьбе против украинского народа Польша пыталась привлечь ряд стран Западной Европы.

Особенно унижительно выпрашивали польские паны помощь у французского короля и его всесильного фаворита Мазарини. Польский канцлер Оссолинский в 1648 г. просил Мазарини использовать свой авторитет для оказания нажима на Турцию, с тем чтобы она вынудила крымского хана начать военные действия против украинских казаков. Оссолинский обращался к Людовику XIV с просьбой «показать всему миру свое расположение к Речи Посполитой, предоставив ей военную помощь и субсидии».

Правящие круги Франции активно помогали польской шляхте в ее борьбе против украинского народа. На средства французской короны в Польше был организован наемный отряд в несколько тысяч человек. Людовик XIV обещал значительно усилить помощь польским магнатам, если восстание на Украине продолжится.

В июне 1653 г. царь Алексей Михайлович в письме Богдану Хмельницкому извещал о своем согласии на переход казацкого войска и населения Украины в русское подданство. 1 октября 1653 г. Земский собор решил принять Украину в состав Российского государства и объявить войну шляхетской Польше.

Русское правительство направило на Украину большое посольство во главе с боярином В.В. Бутурлиным. Его прибытие несколько задержалось, так как в ноябре и декабре 1653 г. усилились военные действия между украинской армией и польскими войсками, повторившими попытку вторгнуться на украинские земли. Богдан Хмельницький и многие полковники с казацкими полками находились в это время под Жванцем (невдалеке от Каменца-Подольского). Поэтому на протяжении октября – декабря 1653 г. русское посольство оставалось в пограничном городе Путивле, ожидая окончания Жванецкой кампании. Богдан Хмельницький, одержав победу под Жванцем, просил Бутурлина приехать в Переяслав. 31 декабря 1653 г. население Переяслава встретило русских послов. 6 января 1654 г. в Переяслав прибыл Богдан Хмельницький.

8 января 1654 г. на площади в Переяславе открылась Рада. В ней участвовали представители всех украинских полков и освобожденных от польско-шляхетского гнета земель. Рада была провозглашена «явною всему народу» [69, Т. III, с. 66–78].

Вышеупомянутый российский историк Н.И. Ульянов с имперским высокомерием так трактует эти сложные драматические исторические события: «С 1648 по 1654 год, когда шла

борьба с Польшей, простой народ знал, за что он борется, но у него не было своего Томаса Мюнцера, способного сформулировать идею и программу движения. Те же, которые руководили восстанием, преследовали не народные, а свои узко кастовые цели. Они беззастенчиво предавали народные и национальные интересы, а к религиозным были достаточно равнодушны. Ни ярких речей или проповедей, ни литературных произведений, никаких вообще значительных документов, отражающих дух и устроения той эпохи, хмельничина не оставила. Зато много устных и письменных «отложений» оставила по себе вторая половина XVII века, отмеченная знаком господства казачества в крае. В эту эпоху выработалось все то, что потом стало навязываться малороссийскому народу как форма национального самосознания. Идеологией это назвать трудно по причине полного отсутствия всего, что подходило бы под такое понятие. Скорей это была «психология» – комплекс настроений, созданный пропагандой. В психологическом климате, созданном таким путем, первое место занимала ненависть к государству и народу, с которым Южная Русь соединилась добровольно и с «радостью» [71, с. 4–23].

Исторические факты опровергают эти имперские домыслы – была и национальная идея, пламенный патриотизм, яркие речи, воззвания, универсалы. Пример этому – Переяславская Рада, на которой гетман Богдан Хмельницкий произнес речь, в которой призвал участников Рады принять решение, привел аргументы «за» и «против» различных вариантов.

Известный украинский писатель П.А. Загребельный так воссоздает это историческое событие в романе «Я, Богдан»: «Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтобы вы с нами выбрали себе государя из четырех, какого захотите: первый царь турецкий, который много раз призывал нас под свою власть через своих послов; второй – хан крымский; третий – король польский, который и теперь может принять нас в свою милость, если сами захотим; четвертый есть православный Великой России государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим; тут которого хотите, того и избирайте.

Царь турецкий – басурман. Всем нам известно, как братья наши, православные христиане, греки, терпят и в каком живут от безбожных утеснения. Крымский хан – тоже басурман, которого мы по нужде и в дружбу принявши, какие нестерпимые обиды испытали. Об утеснениях от польских панов нечего и говорить: сами знаете, что они посчитали лучше рендаря и пса, нежели брата нашего, христианина!

А православный христианский великий государь, царь восточный – единого с нами благочестия, греческого закона, единого исповедания; мы с православием Великой Руси – едино тело церкви, имеющее главою Иисуса Христа. Этот великий государь, царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в нашей Украине, не презрев наших шестилетних молений, склонил теперь к нам милостивое свое царское сердце и прислал к нам своих великих людей с царской милостью. Если мы его с усердием возлюбим, то кроме его высокой руки, благодатишайшего пристанища не обрящем. Если же кто с нами не согласен, тот пусть идет куда хочет, – вольная дорога!

После этих слов весь народ закричал:

– Волим под крепкой рукой царя восточного православного в нашей благочестивой вере умирать, нежели ненавистнику Христа – поганину достаться!

Тогда Тетеря, обходя всех по кругу, спрашивал, обращаясь во все стороны:

– Все ли так соизволяете?

Весь народ отвечал:

– Все единодушно!

Подводя итог, Богдан Хмельницкий сказал: – Буди тако! Да укрепит нас господь под царскою крепкою рукою!» [91].

Условия, на которых Украина была принята в состав Российского государства, были изложены в «Статьях», подписанных в Москве в марте 1654 г. В «Статьях Богдана Хмельницкого» были перечислены права и привилегии, пожалованные Войску

Запорожскому, казацкой старшине, украинской шляхте и многим крупным городам. «Статьи Богдана Хмельницкого» давали им несравненно более широкие права, чем те, которыми они пользовались, пребывая под властью Польши. На Украине сохранялись военно-административные органы управления во главе с выборным гетманом, количество казацких войск устанавливалось в 60 тыс., продолжало действовать местное право. Вместе с тем Мартовские статьи ограничивали экономические и политические права гетманского управления, отныне подчинявшегося царскому правительству [69, Т. III, с. 66–78].

Вопрос присоединения Украины к России является одним из наиболее актуальных для исторической науки и в настоящее время, перерастая в важнейшую геополитическую проблему современности. Ряд российских историков не могут до сих пор отрешиться от имперского предвзятого подхода к этому историческому событию. Известный российский историк Н.И. Ульянов в своей книге «Происхождение украинского сепаратизма», вышедшей в Нью-Йорке, подчеркивает: «Москва, как известно, не горела особенным желанием присоединить к себе Украину. Это важно иметь в виду, когда читаешь жалобы самостийнических историков на «лихих соседей», не позволивших будто бы учредиться независимой Украине в 1648–1654 годах. Ни один из этих соседей – Москва, Крым, Турция – не имели на нее видов и никаких препятствий ее независимости не собирались чинить. Что же касается Польши, то после одержанных над нею блестящих побед, ей можно было продиктовать любые условия. Не в соседях было дело, а в самой Украине. Там попросту не существовало в те дни идеи «незалежности». Казацья аристократия не думала ни о независимости, ни об отделении от Польши. Ее усилия направлялись как раз на то, чтобы удержать Украину под Польшей, а крестьян – под панамы любой ценой. Себе самой она мечтала получить панство, какового некоторые добивались уже в 1649 году после Зборовского мира. Но в народной толще было стихийное тяготение к Москве. Измученный изменами, изуверившийся в своих вождах народ усматривал единственный выход в московском подданстве» [71, с. 3–19].

Однако исторические факты непреложно свидетельствуют: стремление украинского народа к свободе и независимости было определяющим фактором его развития на протяжении многих столетий. При этом Украина являлась важным социокультурным интеграционным фактором Запада и Востока, что в значительной мере предопределило ее великую в трагичности и трагичную в величии историю.

Для России, Польши, Турции контроль над Украиной, ее людскими, природными ресурсами был важной предпосылкой доминирования в данном геополитическом регионе. Украина оказалась перед трагичным выбором: либо уничтожение этноса противоборствующими державами, либо признание протектората одной из них. Из двух бед всегда избирали наименьшую. Выбор был свершен!

Да не устрашит тебя величие: одни рождаются великими, другие достигают величия, третьим его навязывают.

Уильям Шекспир

Если вы не тот, кто наверху, значит вы тот, кто внизу!

Стивен Поттер

Мы – народ исключительный, мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь страшный урок...

П. Чаадаев

Петровские реформы на полтора столетия сбросили Россию с пути экономического развития на обочину длительного застоя.

А. Ланциков

ПЕТР I: ПРЕОБРАЖЕНИЕ РУСИ

(Евроинтеграционная модель развития славянства)

Известный английский ученый Лоуренс Питтер отмечал, что в XVII–XVIII веках в Европе на смену сословному строю пришла новая иерархия статусов, определяемых деньгами. Материальное богатство обладает преимуществом одномерности. Единственно, что здесь требуется, – это количество, так что достаточно иметь больше, чем другие, и твое положение выше. Когда устанавливали общественный строй в Новом Свете, деньги не только были приняты в качестве простейшей и удобнейшей меры для определения социального статуса человека, но и дали гражданам возможности и стимулы для развития общественной системы и утверждения собственного статуса.

Развитие же Руси, славянского мира усложнялось рядом факторов, в том числе и внешних. Для того, чтобы сохранить свою государственность, этнос, россиянам в сложнейшей геополитической ситуации было необходимо, по мнению правящей элиты России, форсированно «пробежать» за несколько лет, десятилетий тот отрезок пути, который Европа преодолела за многие столетия. Главнейшим средством достижения этого, по мнению российской правящей элиты, являлось ни перед чем не останавливающееся принуждение.

В Западной Европе, где в противоположность России, все более набирал силу индивидуализм, ставший затем двигательной силой капитализма, мыслители и общественные деятели поднимали проблемы коллективизма как некоего противовеса всеобъемлющего и всеокрушающего индивидуализма. Одним из таких мыслителей был Кампанелла (1568–1639 гг.), «Город Солнца» которого поставил со всей остротой проблему коллективизма как важнейшего составляющего общественного развития.

Каковы же составляющие концепции Кампанеллы? Они четко обозначены в «футурологической картине» будущего в его «Городе Солнца»: жители города – солярии – отвергают право иметь собственный дом, собственную жену и детей, право их воспитания. Деторождение служит для сохранения рода, а не отдельной личности. В «Городе солнца» нет некрасивых женщин, они много занимаются спортом, красота проявляется у них в стройности, живости, бодрости. Они подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо, носить обувь на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом, или длиннополое платье, чтобы скрыть свои дубоватые ноги.

Чтобы дети были телесно и духовно совершенны, мало одних упражнений. Опытные врачи подбирают родителей по природным качествам, чтобы они обеспечивали появление на свет наилучшего потомства. «В идеальном государстве, – говорит Кампанелла, – не должно быть семьи». Отсюда понятие «общности жен». «Ни одна женщина, – пишет он, – не может вступить в сношение с мужчиной до 19-летнего возраста, а мужчины не назначаются к производству потомства раньше 21 года. Те же, кто живет в воздержании до 21 года, а тем более до 27 лет, пользуются особым почетом и воспеваются на общественных собраниях» [92, с. 195].

Общественное воспитание детей, по мыслям Кампанеллы, тесно связано с производством. Девочки и мальчики «обучаются всяким наукам совместно». До 2-го и 3-го года дети обучаются говорить и учат азбуку, гуляя вокруг стен домов. Они разделяются на 4 отряда, за которыми наблюдают поставленные во главе их 4 ученых старца. Эти же старцы, спустя некоторое время, занимаются с ними гимнастикой, бегом, метанием диска и прочими упражнениями и играми, в которых равномерно развиваются их члены. При этом до 7-го года они ходят всегда босиком и с непокрытой головой.

Одновременно с этим их водят в мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т.д. для выяснения наклонностей каждого. На 8-м году, после начального

обучения основам математики по рисункам на стенах, они направляются на лекции по всем естественным наукам. Для каждого предмета имеются по 4 лектора: в течение 4 часов все 4 отряда слушают их по очереди, так что в то время, как одни занимаются телесными упражнениями или исполняют общественные обязанности, другие усердно занимаются на лекциях.

Затем они приступают к изучению более отвлеченных наук: математики, медицины и других знаний, постоянно и усердно занимаясь обсуждениями и спорами. Впоследствии они получают должности в области тех или иных наук или ремесел, где они преуспели больше всего, каждый по указке своего вождя или руководителя [92, с. 196].

Солярии направляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству, и того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела. Кампанелла подчеркивает огромную роль наглядности в обучении. В «Городе Солнца» все стены расписаны превосходнейшей живописью, в стройной последовательности отображающей все науки. Каждый рисунок снабжен пояснительной подписью в стихах или прозе. Разглядывая настенную живопись, дети получают полное представление о животном и растительном мире Земли, о ремеслах и орудиях труда, о знаменитых ученых, изобретателях и достославных мужах истории.

В детях с юных лет воспитывают любовь к труду. В «Городе Солнца» работают все: «Они все принимают участие в военном деле, земледелии и скотоводстве: знать это полагается каждому, т.е. занятия эти считаются у них наиболее почетными. А те, кто знает большее число искусств и ремесел, пользуются и большим почетом; к занятию же тем или иным мастерством определяются те, кто оказывается к нему наиболее способным. Самые тяжелые ремесла, например, кузнечное дело или строительное и т.п. считаются у них и самыми похвальными. Жители «Города Солнца» (солярии) исключительно усердны и умелы в работе и ни в чем не испытывают недостатка. Люди ценятся по их трудовым успехам и знаниям. Они не мыслят себе жизни вне общественного труда. Даже индивиды находят себе занятия по силам...» – таковы параметры города будущего, предначертанные западноевропейским мыслителем [92, с. 196].

«Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое, – конкретизирует далее Кампанелла, – у соляриев общее. Но через каждые 6 месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждый из них обозначается буквами на притолоке. Занятия отвлеченными науками и ремеслами являются у них общими как для мужчин, так и для женщин, с одним только различием: наиболее тяжелые ремесла и загородные работы исполняются мужчинами».

Рисуя картину будущего, мыслитель детализирует мельчайшие подробности быта соляриев: «Предметы домашнего обихода и пища их мало занимают, т.к. всякий получает все, что ему нужно, представляют для них интерес лишь тогда, когда это выдается в качестве почетной награды. А героям и героиням раздаются от государства на празднествах во время трапезы обычно либо красивые венки, либо вкусные блюда, либо нарядная одежда...

Самым гнусным пороком они считают гордость, и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению. Благодаря этому никто не считает для себя унижительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными и т.п. Всякую службу они называют учением... Поэтому каждый, на какую бы службу он ни был назначен, исполняет ее как самую почетную».

Регламентации подлежит не только труд, но и досуг, развлечения, занятия теми или иными науками: «В Городе Солнца, где обязанности, художества, труд и работа разделяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, беседах, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. Не разрешается играть лишь в кости, камешки, шахматы и другие сидячие игры».

Намечаются и приоритетные сферы деятельности: «Земледелию уделяется исключительное внимание: нет ни одной пяди земли, не приносящей пользы. Они сообразуются с ветрами и благоприятными звездами, оставив в городе только немногих, выходят все вооруженные на поля пахать, сеять, окучивать, полоть, жать, собирать хлеб, снимать виноград; идут с трубами, тимпанами, знаменами и исполняют надлежащим образом все работы в самое незначительное число часов. Они пользуются телегами, оснащенными парусами, которые могут двигаться и против ветра, а когда нет ветра, то благодаря удивительно искусно устроенной колесной передаче повозку тянет всего одно животное. Прекрасное зрелище! Между тем вооруженная полевая охрана делает обходы, постоянно сменяя друг друга... Землю они тщательно обрабатывают, пользуясь при этом тайными средствами, которые ускоряют всходы, умножают урожай и предохраняют семена» [92, с. 196–197].

Чтобы реализовать подобные планы, необходимо отменное здоровье, значительная продолжительность жизни, что также планировалось: «Солярии Города Солнца тщательно различают полезную и вредную пищу и питаются согласно требованиям медицины. Живут они по большей части до ста лет, а некоторые до двухсот. Пищу они употребляют наиболее полезную по данному времени года и вообще по предписанию наблюдавшего за этим Главного Врача. Они не признают никакого иного отдыха, кроме того, во время которого приобретают больше знаний, для чего и отправляются в поле заниматься бегом, метанием стрел и копий, распознавать травы и камни и т.д. и учиться земледелию и скотоводству в составе то одного, то другого отряда» [92, с. 197–198].

Регламентировались властные структуры города будущего: «Все солярии принимают участие в общественной жизни: каждое новолуние и полнолуние собирается Совет. В нем присутствуют все – от 20 лет и старше, и всем предлагается высказаться о том, какие есть в государстве недочеты, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие – дурно. Должностные лица сменяются по воле народа. Но четверо высших несменяемы, если только сами на совещании между собой не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают мудрейшим, умнейшим и безупречнейшим».

Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом, все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами... Тюрем у них нет, кроме только башни для заключения мятежных неприятелей и др. Палачей и ликторов у них нет, дабы не осквернять государства. Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносит обвинитель и свидетели. Прегрешения, совершенные по слабости и неведению, караются лишь выговорами и принудительными уроками воздержания или же изучения той науки или мастерства, к которым относилось прегрешение».

Все это, по мнению Кампанеллы, должно обеспечить гармоничную, счастливую жизнь: «В Городе Солнца царят радость и веселье. После трудового дня все собираются за обильными столами общих трапез, потом слушают музыку, поют или танцуют. Солярии высоко чтят своих сограждан, которые отличились трудовыми подвигами, выдающимися изобретениями или героизмом: «Памятники в честь кого-нибудь ставят лишь после его смерти. Однако еще при жизни заносятся в книгу героев все те, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле. Храбрым воинам раздают почетные награды и на несколько дней освобождают их от исполнения общественных работ. Но последнего они не любят, т.к. не привыкли быть праздными, и поэтому помогают своим друзьям» [92, с. 198].

Реакционно настроенное окружение могло замыслить ниспровергнуть общество «гармонии и счастья», и поэтому Кампанелла предусмотрел и целый комплекс мер по «Защите Отечества»: «Для соляриев целью войны является не уничтожение, а совершенствование побежденных. Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся

городов немедленно переходит в общинное владение. Города получают гарнизон и должностных лиц из соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца, общей их столицы, куда отправляют учить своих детей, не входя для этого ни в какие расходы...» [92, с. 198].

Практически все основные компоненты так называемого «коммунистического будущего», лишь научно «приглаженные» К. Марксом и Ф. Энгельсом и адаптированные В.И. Лениным, И.В. Сталиным к российским традициям и особенностям, были сформулированы на Западе за многие столетия до начала этого эксперимента и в виде грандиозной гекатомбы во имя прогресса цивилизации «внедрены» в славянском мире – ведь самое нетленное на Земле – это идеи, которые «дремлют» в полузабытии многие столетия, а то и 1000-летия.

В период времени, когда мыслители Западной Европы противопоставляли все более крепнущему, набирающему силу индивидуализму коллективизм, в славянском мире тоталитаризм, воплотившийся в личности Ивана Грозного и направленный на уничтожение малейших проблесков индивидуализма на российских просторах, вызвал невиданные потрясения: гибель правящей династии, самозванство, нашествие иноземцев, что поставило, как и в период нашествия татаро-монголов, российскую государственность на грань гибели.

Удивительная легкость, с которой польские интервенты овладели Москвой, проводя там жесточайшие репрессии, поставила перед правящей российской элитой ряд проблем, в том числе – о прогрессирующем отставании России от Западной Европы в техническом аспекте. Характерно, что Петр Великий начал техническое перевооружение России меньше чем через сто лет после печального «опыта» – оккупации Москвы польскими захватчиками в 1610–1612 годах. Исходя из всего этого, для того, чтобы сохранить свою государственность, этнос, россиянам в сложнейшей геополитической ситуации было необходимо, по мнению правящей элиты России, форсированно «пробежать» за несколько лет, десятилетий тот отрезок пути, который Европа преодолела за многие столетия. Главнейшим же средством достижения этого, по мнению правящей элиты, являлось ни перед чем не останавливающееся насилие, принуждение.

Западная Европа, «возросшая» под сенью «славянского щита», защитившего ее от «цунами» степных нашествий азиатских полчищ, неоднократно «сторицей благодарила» спасителей сокрушительными нашествиями и попытками завоевания, зачастую «авангардом» подобных завоевательных походов были «окатоличенные», «озападенные» части («осколки») славянского мира, как это и было в период польской интервенции, завершившейся оккупацией Москвы.

В петровский период Россия все свои силы направила на то, чтобы «достойно», на «равных» войти в европейскую семью народов, ликвидировать свое все более прогрессирующее отставание. Для этого предпринимались самые героические усилия, бросался вызов могущественным странам, противодействовавшим этому.

Северная война – одна из самых длительных и тяжелых в истории страны. Она длилась 21 год, унесла тысячи жизней. Война велась вблизи берегов Балтики, в лесах Белоруссии, на полях Украины, среди озер Финляндии; русские полки совершали походы в Польшу, в германские княжества; русские корабли сражались на Балтике, на Ладожском и Чудском озерах. После овладения Невой и основания Петербурга все дальнейшие бои и походы имели цель, сокрушив военную мощь Швеции, закрепить за Россией выход к морю в устье Невы.

Когда под Полтавой была разгромлена основная часть вооруженных сил Швеции, Петр оценил значение Полтавской победы словами: «Ныне уже совершенный камень во основание Санкт-Петербурга положен» [93, с. 231]. По мнению Петра, на поле под Полтавой окончательно решился вопрос о возвращении России выхода к Балтике и тем самым «вхождения» в Европу, от которой она, силой исторических событий, была «отодвинута» и отброшена Европой в Азию.

Полтавское сражение – одна из наиболее величественных страниц в истории России и одна из наиболее трагичных – в истории Украины. Причина же этого состоит в том, что величие России, ее статус «великой» державы в значительной мере за счет независимости Украины «произрастали» – Россия стала великой державой, лишь «поглотив» Украину. Как же разворачивались события данного исторического периода на Украине?

После сражения у Лесной Петр, не зная об «отложении» гетмана Мазепы, направил всю имевшуюся у него кавалерию под командой Меншикова на Украину, с тем, чтобы совместно с войсками Мазепы помешать продвижению шведской армии южнее р. Десны.

Однако Мазепа давно уже находился в тайных сношениях с Лещинским и самим Карлом XII. Он обещал им поднять восстание против России и присоединиться с казачьим войском к шведской армии. Мазепа ловко скрывал свои замыслы. Петр I не верил доходившим до него сведениям о гетмане. Генеральный судья Кочубей и полтавский полковник Искра, пытавшиеся разоблачить гетмана, были выданы Мазепе и погибли на плахе. Гетман оставался вне подозрений. Пользуясь этим, он тщательно готовился к приходу шведов, собрал много продовольствия и боеприпасов в Батурина, Ромнах и Гадяче.

Видя приближение конницы Меншикова и опасаясь, что его измена открыта, гетман выступил с 5-тысячным отрядом казаков навстречу шведам. Но даже в этом отряде только самая близкая к Мазепе верхушка старшины знала о его замыслах. Когда Мазепа объявил казакам о переходе на сторону Карла XII, то большая часть вернулась назад, так что к шведам гетман привел лишь около 2 тыс. человек вместо обещанных 50 тыс. Такой оборот дела ставил под сомнение возможность нового похода на Москву. Шведский король решил остаться зимовать на Украине, рассчитывая, что ему удастся склонить на свою сторону Турцию и Крым.

Петр I принял энергичные меры, чтобы предупредить опасные последствия измены Мазепы. Он обратился с манифестами к украинскому народу [54, т. III, с. 303–325]. Издал свой универсал и Мазепа. Вот что писал Мазепа в объяснение причин, побудивших его перейти к Карлу XII: «Московская потенция уже давно имеет всезлые намерения против нас, а в последнее время начала отбирать в свою область малороссийские города, выгонять из них ограбленных и доведенных до нищеты жителей и заселять своими войсками». По словам Мазепы, «трусливые москали», всегда удиравшие от непобедимого шведского войска, явились теперь в Малороссию не для борьбы с Карлом, «не ради того, чтобы нас защищать от шведов, а чтобы огнем, грабежом и убийством истреблять нас» [71, с. 11–15].

В соответствии со сложившимся военно-стратегическим положением Меншиков получил приказ разорить Батурина и уничтожить собранные там запасы. Подойдя к Батурина, Карл XII нашел город разоренным. В «Истории русов» так описаны эти события: при взятии Батурина Меншиков велел перебить всех поголовно, вплоть до младенцев. Жестокость, проявленная при этом, встречается только в историях ассирийских царей или в походах Тамерлана. Перевязанных «сердюцких старшин и гражданских урядников» он колесовал, четвертовал, сажал на кол, «а дальше выдуманы новые роды мучения, самое воображение в ужас приводящие». Тела казненных Меншиков бросал на съедение зверям и птицам и, покинув сожженный Батурина, жег и разорял по пути все малороссийские селения, «обращая жилища народные в пустыню». «Малороссия долго тогда еще курилась после пожирившего ее пламени» [71, с. 14–17].

Зверства царского любимца не ограничились, по уверению «Истории русов», батуринскими избиениями, но распространились на тех чиновников и знатных казаков, что не явились «в общее собрание» для выборов нового гетмана. Они, по подозрению в сочувствии Мазепе, были «преданы различным казням в местечке Лебедине, что около города Ахтырки». Казни были самые нечеловеческие, а казням предшествовали пытки «батожем, кнутом и шиною, то есть разожженным железом, водимым с тихостью или медленностью по телам человеческим, которые от того кипели, шкварились и воздымались».

Жертвами таких истязаний сделались до девятисот человек [71, с. 13–17].

Непростыми были отношения украинского народа и со шведами. Карл был воинствующим протестантом и еще в Саксонии и в Польше успел насильственно обратить около восьмидесяти костелов в лютеранские кирхи. К православной вере он испытывал еще меньшее уважение. Церкви православные занимал для постоя и устраивал там конюшни. Известны многочисленные случаи жестокостей по отношению к местному населению – сожжение деревень и истребление жителей. Отправляясь в Малороссию, король рассчитывал найти там богатые склады хлеба и всяческих припасов, заготовленных Мазепой, но, придя, не нашел ничего. Тогда начался грабеж украинского населения. Ответ народа нанес немалый урон шведскому воинству [70, с. 14–18] – партизанская война известна еще от скифов.

Полтавская битва коренным образом изменила геополитическое положение Украины и России: империя сделала решающий шаг к окончательному закабалению, превращению Украины во «внутреннюю» колонию, Россия же свершила шаг к обретению статуса «великой державы». Для повышения роли России в политической жизни Европы характерно, что долго тянувшиеся переговоры о женитьбе царевича Алексея теперь быстро закончились. Женой его стала принцесса Шарлотта Вольфенбюттельская, сестра жены германского императора.

Стремление к союзу с Россией обнаружил курфюрст Ганновера, которому предстояло скоро стать английским королем. В 1710 г. между Россией и Ганновером была заключена союзная конвенция. Даже в Турции известие о Полтаве произвело полезное для интересов России впечатление. Султан заверил русского посла П.А. Толстого, что Турция не нарушит мира с Русским государством.

Державы «Великого союза» – Англия, Голландия, Австрия, сожалея, что в свое время отказались посредничать в вопросе о примирении России со Швецией и вступлении в «Великий союз», декларировали, чтобы Россия возобновила это предложение. Но обстановка изменилась. Русское правительство не желало и слышать о чьем бы то ни было посредничестве и холодно относилось к перспективе вступления в «Великий союз». Более того, Петр I заявил английскому посланнику в России Витворту, что он сам готов оказать услуги по примирению держав, занятых в войне за испанское наследство. Это означало полную перемену ролей.

Во Франции могущество России тоже оценивалось очень высоко. «Король-солнце» Людовик XIV считал, что, если Россия и Швеция, заключив мир, выступят посредниками на Западе, это будет отвечать интересам Франции и что у них «достаточно сил для того, чтобы заставить себя слушаться». Французское правительство в целях привлечения России на свою сторону выражало готовность установить торговлю между обеими странами через балтийские порты, закрепив их за Россией, а также добиться получения от султана согласия на проход русских кораблей из Черного моря в Средиземное [69, Т. III, с. 326].

Россия «рубила окна» в Европу как на юге (Украина), так и на севере. Петербург не случайно называли «окном в Европу». Сам идейно-художественный замысел этого города утверждал европейский характер Российского государства и его культуры. Эта мысль настойчиво внедрялась в сознание европейских правительств. Например, план Петербурга, гравированный на 9 медных листах в 1723 г., русские послы распространяли в тех странах, где они были аккредитованы. Еще раньше, в 1716 г., правительствам западных стран рассылали проект устройства Петербурга, выполненный архитектором А. Леблонном.

В сознании современников Петербург воплощал патриотический подъем складывающейся нации. Этот подъем питался проводимыми реформами, успехами в Северной войне, крепнущей мощью государства, ростом его международного значения, развитием новой культуры. Характерно высказывание В. Растрелли по поводу строительства Зимнего дворца: «Строение каменного Зимнего дворца строится для одной славы всероссийской» [94, с. 112–117].

Отличия «петербургского» и «московского» периодов – явление не географическое, точно так же, как противопоставление столицы, расположенной на морском берегу,

эксцентрически, почти за пределами государственной территории, и столицы на семи холмах, в центре страны, принадлежит не географии. Такое расположение столиц не причина, а результат различных концепций государственности. Петр I не был здесь уникальным. Еще Святослав в X веке замыслил перенести столицу из Киева на Дунай и полемически говорил матери, что «Переяславци на Дунаи... есть середина земли моей, яко ту вся благая сходятся: ...от Грецьк злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоря и воскъ, и медь и челядъ». Город, расположенный на краю новозавоеванной земли, объявляется центром государства. Это мог бы сказать и Петр I, в этом заключался значительный геополитический смысл.

Петербург задуман с мыслью «все флаги в гости будут к нам», следовательно, с идеей о том, что сам себе он недостаточен, что он – ворота. Москва – центр. Она – Третий Рим, Центр вселенной, находящейся одновременно в кольце окружения, за ее пределами – язычники, враги... Ее всемирная роль покоится на ее идейной чистоте, поэтому в центре «московской идеи» лежит самоизоляция, которая противоречиво сочетается с концепцией мирового господства.

«Европеизм» петровской эпохи совсем не отменил даже в правительственных сферах недоверие к Западу. Не случайно Петр и его продолжатели активно усваивали на Западе военную технику, одновременно проводя в социальной сфере политику закрепления крепостнических структур. Эта двойственность имела гораздо большие последствия, чем можно было бы представить. Теоретические концепции и реальная государственная практика разделились. Концепции прогресса переместились в литературу, практика осталась в руках государства. С одной стороны, это обеспечило независимость и прогрессивность культуры. Культура сделалась неотделимой от критики государственности. Деятели культуры (как и культура в целом) стали оппозиционной сферой по отношению к российской государственности [46].

Просто и ясно объяснял причину российского отставания царь Петр Великий: «Западная Европа раньше нас усвоила науки древнего мира, и потому нас опередила, мы догоним ее, когда в свою очередь усвоим эти науки». Действительно, многие европейские государства возникли на развалинах Римской империи, на почве, «пропитанной античностью»: за несколько веков до Киевской Руси, в середине V века уже были налицо королевства франков, англосаксов, позже – вестготское в Испании. Однако ряд государств, у которых Петр I был склонен учиться, возникли позже и вдали от Рима; в частности, главный противник – Швеция, где первые короли появляются примерно тогда же, когда и великие князья киевские (античность решительно ни при чем!), однако даже своевольному Карлу XII приходилось считаться с ригсдагом (парламентом), шведские же крестьяне в ту пору – зависимые, но отнюдь не крепостные. Выходит, причина не в античности, а в ментальности развития восточного славянства, в его историческом прошлом.

Согласно преданию (Ключевский излагает его, смягчив грубое слово), Петр сказал: «Европа нужна нам еще на несколько десятков лет, а там мы можем повернуться к ней спиной». Далее историк резюмирует: «Прошли десятки лет, а русское общество и не думало поворачиваться спиной к Западной Европе».

При Петре за 20–30 лет промышленность выросла в несколько раз, вскоре Россия вышла на первое место в мире по металлу; была создана крупнейшая в Европе регулярная армия, артиллерия, современный флот; пробито «окно в Европу», завязаны разнообразные дипломатические и торговые связи, приглашены сотни специалистов, построена новая столица, заложены в разных местах страны города, прорыты каналы, основаны школы, Академия наук, газета, новый календарь. Сверх того, еще множество новшеств: иная структура государства, иной быт «верхних слоев», иной внешний вид, иной язык... [46, с. 48–49].

Однако французская поговорка гласит: «Много перемен – мало изменений!» – ментальность не претерпела кардинальных изменений. Петр I, столкнувшись с тем, что его

курсу преобразований противодействовала могущественная боярско-бюрократическая оппозиция, предпринял решительные меры. Способ, к которому прибег Петр – опалы, ссылки, казни, замена одних бюрократов другими – подобные меры, хоть и ослабляли противника, но давали лишь частичный эффект. Отмена местничества в царствование старшего брата Петра, царя Федора Алексеевича, расправа со стрельцкой оппозицией также были значительными, но еще не принципиальными мерами.

Куда важнее было создание Петром параллельного аппарата. Боярская дума, старые приказы еще функционировали, когда Петр уже опирался на своих «потешных» – Преображенский и Семеновский полки – «контур» новой армии, нового аппарата! Параллельный аппарат разрастается, определенным образом взаимодействуя и вытесняя прежний, боярско-«застойный». Перенос столицы из Москвы в Петербург – одно из существенных звеньев этой политики. В старой столице оставались прежние, враждебные, «медленные» органы власти; они были обречены на отмирание или преобразование. На новом месте было куда легче построить и расширить новую по своей структуре власть. Коллегии, сенат, синод, генерал-прокурор – все это выросло и укрепилось в Петербург... [46, с. 52].

Однако при всех этих феерических достижениях «нестроение» в России перешло из одной сферы в другую – ни в одной стране не бывало подобного раскола между господами и слугами как в петровской и послепетровской Руси. Прежде, в XVI веке и ранее барин, царь своим обликом был понятен населению: более богатые одеяния, но по типу привычные, длинные, национальные; таковы же бороды, прически. При Петре I и после него у «благородных» – короткая одежда, бритое лицо, парик, вызывающий ужас и отвращение мужиков. Если в других странах аристократы говорили по крайней мере на национальном языке, то русские «верхи» все более изъяснялись на немецком, а позже – на французском. Все более нарастал раскол нации, огромное отчуждение «верхов» и «низов».

Исторический факт – в течение двухсот лет цвет русской нации говорил по-французски, стесняясь своего природного языка. Это не только было оскорбительно, но и нелепо, как если бы, допустим, при дворе Людовика XIV говорили по-китайски. Любовь к иноземным словам с петровского времени – явление абсолютно нормальное, как дождь со снегом в ноябре. Начиная с петровских времен, до трети словаря состояла из немецких и голландских слов, затем – из французских и английских.

При этом «европеизация» была внешне поверхностной, суть же системы по-прежнему заключалась, во многом сводилась к азиатско-деспотической ментальности, разительно отличавшейся от европейской. Так в «Правде воли монаршей», составленной виднейшим идеологом абсолютизма первой трети XVIII века Феофаном Прокоповичем, обосновывалось «право» монарха вмешиваться в частную жизнь подданных, предписывать «обряды гражданские, церковные, перемены обычаев, употребление платьев, домостроения, чины и церемонии в пировании, свадьбах, погребениях и пр». Этим «правом», как известно, в XVIII в. широко пользовалась российская правящая элита. Вот лишь один из многих указов Петра I: «Всяких чинов людям московским и городовым жителям... кроме духовного чина и пашенных крестьян носить платья немецкие верхние саксонские и французские, ...а русского и черкесских кафтанов и тулупов и азамов и штанов, и сапогов, и башмаков, и шапок никому не носить и на русских седлах не ездить, а мастеровым людям не делать и в рядах не торговать».

Разумеется, все это – под «жестким наказаньем» батогами, дыбкой как средством «европеизации». Были указы «о бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов» – во времена Петра I «борьба» со старинным платьем и бородами велась в общем русле мероприятий по становлению новой культуры. «О бородачи!» – с ненавистью восклицал Петр, имея в виду сопротивлявшихся реформам староверов [95, 96]. Для него и его сподвижников «кафтан, тулуп и азам» с бородой ассоциировались с косностью [96, с. 141], с противостоянием его реформам.

С азиатщиной он боролся по-азиатски, преимущественно азиатскими методами. Посему его «европейские нововведения» встречали сопротивление в славянском мире. Так «разгорелся бунт в Астрахани, поднятый во имя русской бороды и русского платья: в праздники при входе в церкви и по большим улицам на мужчинах и женщинах русское платье отрезывали донага, а у бородачей выстригали усы и бороды «с мясом». Это была попытка «порушить» многовековую традицию чисто азиатскими способами, путем насилия, унижения личности, ее ниспровержения.

В Древней Руси борода была в большой чести у каждого взрослого мужчины. Это считалось настолько естественным, что даже боги и святые (как в языческом пантеоне, так и после принятия христианства) непременно изображались с бородами. Она служила не только украшением лица наших предков, но и олицетворяла собой честь и достоинство свободного человека, о чем красноречиво свидетельствуют законодательные акты того времени. К примеру, по «Русской правде» (древнейший свод законов XI–XII веков) за лишение человека бороды взималась пеня в размере 12 гривен, в то время как за нанесенные увечья – 3 гривны. И данное воздаяние не являлось неким нонсенсом – гораздо более строгое наказание за повреждение бороды позднее предусматривала Псковская судная грамота, принятая псковичами на вече в 1462 году. Если вина обидчика была доказана, то с него взимался солидный штраф в два рубля – это самый высокий штраф по судной грамоте, он вдвое выше наказания за избиение, разбой, грабеж или вооруженное нападение (для сравнения: один рубль в то время стоило целое стадо овец) [97, с. 82]. Последствия подобной «европеизации» Руси были трагично противоречивы: «Порой царь-реформатор, преобразователь-революционер «прививал» на российской почве не только благие «европейские» начинания, но и «сеял» семена будущего «непотребства» – он повелел всем знатным и родовитым «пить по утрам кофий и курить табак», сделал водку неотъемлемым элементом русской жизни: «В добрые минуты он любил повеселиться и пошутить, но часто его шутки шли через край, становились неприличны или жестоки. В торжественные дни в своем Летнем саду перед дворцом, в дубовой роще, им самим разведенной, он любил видеть вокруг себя высшее общество столицы, охотно беседовал со светскими чинами о политике, с духовными о церковных делах... Но его хлебосольство порой становилось хуже «демянской ухи». Привыкнув к простой водке, он требовал, чтобы ее пили и гости, не исключая дам. Бывало, ужас пронимал участников и участниц торжества, когда в саду появлялись гвардейцы с ушатами сивухи, запах которой широко разносился по аллеям, причем часовым приказывалось никого не выпускать из сада». Особо назначенные для этого майоры гвардии обязаны были потчевать всех за здоровье царя, и счастливым считал себя тот, кому удавалось какими-либо путями ускользнуть из сада» [68, с. 34–35].

Зачастую нововведения «европейского» образца «сосуществовали» с элементами тоталитарно-бюрократического прошлого, причудливым, гротескным образом взаимодополняя и усиливая их ментальность.

Донос при Петре I стал самым могучим охранителем права и порядка в государстве: «Доноситель доносил на приказного взяточника, другой доноситель доносил на доносчика губернаторам, третий на этих самых губернаторов – высшим персонам, пока за правдивое доношение не бывал вознаграждаем милостивым государевым жалованием, а за неправдивое по доносу наивысшего доносителя не клал голову на плаху, подобно князю Гагарину» [68, с. 367]. Петр I обнародовал ряд правительственных указов, в которых «призывал всякого чина людей, от первых даже и до земледельцев, без опасения приезжать и доносить самому царю о грабителях народа и повредителях интересов государственных; время для таких доношений – с октября по март; правдивый доноситель за такую службу получал движимое и недвижимое имущество и даже чин преступника.

По букве закона крестьянин князя Долгорукого, правдиво на него донесший, получил его усадьбу и чин генерал-кригепленикотенциара; а кто, прибавлял указ, ведая нарушителей указов, не известит, сам будет без пощады казнен или наказан». Таким образом, при Петре

донос становился не для «фискала» только, но и для простого обывателя «службой», своего рода натуральной повинностью; обывательские совести «отбирались в казну», как лошади в армию. Поощряемые штрафами, экзекуциями, сыск и донос превращались в ремесло, в заработок, в верноподданическое служение, обещая стать самой деятельной охраной права, порядка и благопристойности на Руси» [68, с. 153].

Ранее доминировал взгляд, что русский человек в XVIII в. «под влиянием Запада» переменялся чисто внешне, поверхностно, оставшись, по сути дела, старозаветным, дремуче провинциальным. Между тем, становление новой культуры – это кризис в мировоззрении, в душевном строе русского человека: ломались привычные нормы морали, поведения, взаимоотношений в семье, в обществе, внешний облик самого человека, его одежда, прическа, быт, привычки. Эти изменения являли собой сложный, мучительный процесс. Классовая и сословная вражда, вмешательство государства в личную жизнь, вековые привычки и предрассудки, поток новых впечатлений – все это каждый человек должен был осознать, оценить, найти свое место в динамично меняющейся обстановке: «Да еще бы в огонь христианин не шел при этом», – восклицал протопоп Аввакум. И действительно, тысячи людей шли «в огонь», находя столь жестокий исход мучительным противоречиям жизни [98, с. 140].

Новые явления можно проследить в бытовых повестях, созданных безвестными авторами в первой трети XVIII века. Это «История о российском дворянине Фроле Скобееве», так называемые «петровские повести»: «Гистория о российском матросе Василии Кориотском», «Гистория о храбром российском кавалере Александре», «Гистория о некоем шляхецком сыне». Повести распространялись в рукописях. Судя по количеству списков, они были весьма популярны на протяжении всего века. Объединяют повести характер, тип их героев, общность подхода к жизни, взглядов, эстетических вкусов. Эти произведения еще несовершенны в художественном отношении, эпоха преобразований отразилась в них не во всей своей глубине и многообразии. И все же они позволяют многое узнать о том времени, о людях, дают возможность почувствовать это время, его новую культуру.

Одна черта героев «петровских повестей» резко отличает их от большинства людей средневековой культуры – их отношение к Европе, к европейской культуре. Характерно, что они не противопоставляют Россию Европе, вернее, не отделяют ее от Европы. Без всякого нажима, как нечто само собой разумеющееся, начинает автор свою «Гисторию о Василии Кориотском»: «В Российских Европиях некоторый живяше дворянин...», – для людей петровской культуры нет никаких сомнений в том, что Россия – европейская страна. Для всех героев «петровских повестей» поездка в «чужие края» для царской службы, для постижения науки, для изучения тамошних городов, крепостей и «политических нравов» – дело вполне естественное и необходимое.

Герой повести Василий сам просился, чтобы его послали вместе с другими матросами в Голландию «для лутчаго познания наук». Упрашивая родителей отпустить его за границу, он дал развернутую мотивировку своей просьбы – «его нестерпимо мучит желание иностранных государств видением очеса мои насладить и их политичных нравов себя обучить». Эти слова напоминают запись в дневнике кн. Б. Куракина: в России «нынешних времен обычай имеют, каждый желает свету видеть» [99, с. 130].

Повести отразили и бытовые реалии нового времени, немислимые в средневековье: герои повестей исполняют арии своим возлюбленным, играют на арфах и флейтах, искусно и политично танцуют с дамами. В авторской речи героев этого периода наличествует множество иностранных слов, с чрезмерным избытием хлынувших в русский язык в начале XVIII века. Некоторые из них остались в языке до сих пор: матрос, ария, квартира, министерский, профессор, маршировать и т.п. Но были заимствования неудачные, портившие язык: «ребелизонт Григорий Отрепьев», «великий трактамент», «урочной термин» и многое другое. Как ни парадоксально – при всем этом калейдоскопе свершений, изменений, потрясений в России не произошли кардинальные преобразования, меняющие ее

ментальность. «Много перемен – мало изменений» – гласит французская пословица, дающая ключ к пониманию этого феномена – во времена Петра Восток полностью захватил базисную систему отношений, ужесточив крепостное право: вместо поземельного для государственных крестьян был введен уравнительный подушный налог, постепенно разрушивший систему частного владения землей (при доминировании, разумеется, госсобственности). Дело Петра I завершила Екатерина II, которая одной рукой подписала указ о вольностях дворянства, узаконив для них право частной собственности на землю, а другой окончательно отняла на казенных землях право частного владения, оставив крестьянам лишь право пользования землей.

Что касается надстройки, то восточная ментальность в европейском обрамлении сформировала промежуточный, компромиссный итог, образовав дворянство – привилегированный слой полноправных граждан, по своему статусу напоминавших жителей античного полиса: это были прежние вотчинники и условные держатели земель, которые, примирившись со службой царю, отказавшись от феодальной вольницы, получили за это землю в наследственное владение (в пределах воли государевой), что породило своеобразный дуализм восточного и античного обществ, когда система непосредственного, прямого насилия над одними (лишенным прав крестьянством) резко меняется по отношению к полноправным – «управляющим», т.е. дворянству, формируя надстроечную структуру, которая становится воплощением самодержавия в сфере жизненных интересов правящего класса [70, с. 146].

«Оболочка» восточного общества, уничтожив феодальную сердцевину, породила две социально-экономические формы – непосредственное насилие в производстве (по отношению к «низам») и законодательное регулирование в управлении – по отношению к полноправным («верхам»). Маркиз де-Кюстин заметил по этому поводу: «Воспользоваться всеми административными достижениями европейских государств для того, чтобы управлять на чисто восточный лад шестидесятимиллионным народом, – такова задача, над разрешением которой со времен Петра I изощраются все российские императоры» [100].

Данное направление «европеизированной азиатчины» трансформировалось в своеобразную внешнеполитическую «имперскую» линию, которая, по мысли А.И. Солженицына, «погубила Россию, ибо, начиная с XVIII столетия, мы считали своим долгом активно вмешиваться во все европейские конфликты, где так или иначе участвовали славяне – от Балкан до Польши. В конечном итоге, мы получили изнуренную Россию. Со времен Петра I вся Россия только и делала, что «ишачила» на гигантскую военную машину. Это неизбежно приводило к соблазну решать все проблемы только силовыми методами. Мы называли победами военные кампании, где погибало до двух третей армии, а священная столица подвергалась полному разграблению и сожжению. После каждой такой пирровой победы поднималась прямо-таки неистовая пропагандистская кампания, заставляющая следующие поколения забыть о цене победы: «Нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим». Вдумывались ли мы в смысл этих слов? «За ценой не постоим? – вопрошает А.И. Солженицын. – Значит, не пожалеем ни своей, ни чужой жизни. А ведь надо жалеть. Каждую каплю русской крови надо жалеть. Со времен Петра I неустанно внушалось, что государственные интересы превыше всего. Ты ничто, твой народ – все», – стало нашей дилеммой», «Единица вздор, единица ноль», – вещала нам официальная пропаганда языком гениального поэта столетия спустя [101].

К чему же привела подобная европеизированная азиатская имперская политика, каков конечный итог петровской «революции сверху?» – весьма разочаровывающий, противоречивый, бинарно-взрывчатый. В начале XX столетия были опубликованы исследования П.Н. Милюкова о населении и государственном хозяйстве при Петре Великом. По данным петровских переписей и ревизий, автор пришел к неожиданным выводам: податное население к 1710 году уменьшилось на 20%, то есть на одну пятую; если учесть, что часть этих людей переходила в другие категории населения, тогда получается убыль

14,6%, то есть одна седьмая. По некоторым же губерниям убыль дворов представлялась катастрофической (Архангельская и Санкт-Петербургская – 40%, Смоленская – 46%, Московская – 24%).

Позже, однако, М.В. Ключков, Я.Е. Водарский, Е.В. Анисимов уточнили, что выкладки эти не совсем надежны; огромное количество людей пряталось от переписчиков (Петр I в конце царствования пытками и казнями добывал с мест «правильные цифры»); через несколько лет после смерти первого императора очередная сводка определила, что 74,2% убывающих приходится на долю умерших, 20,1% – на беглых, 5,5% – на рекрутов.

В исследовании Е.В. Анисимова «Податная реформа Петра I» приводятся весьма впечатляющие сведения об экономике тогдашней России: прямые и косвенные налоги с 1680 по 1724 год возросли в 5,5 раза, если разделить их на «податную душу» и учесть падение курса рубля, то получится, что в конце царствования Петра мужик и посадский платили в казну в среднем втрое больше, чем в начале. По словам одного из тайных доносителей, «крестьянам не доведется быть более отягченными» и «при дальнейшем увеличении податных тягостей может остаться земля без людей». Анисимов показывает, как огромная петровская армия располагалась «по губерниям» для обеспечения самодержавной диктатуры, пресечения побегов, вышибания необходимых миллионов на армию, флот, Петербург, двор.

Если вслед за дореволюционной наукой учесть убыль населения, равную одной седьмой, то, переведя все это на язык «современных цифр», получим, что для времени Петра I это было то же самое, как если бы ныне вдруг в России исчезло 40 миллионов человек [17, с. 62–64]. Таким образом, импульсивно-азиатский «рывок славянства в Европу» в период петровского правления имел свои непредсказуемые последствия – потери населения при Петре I почти вдвое превысили потери от сталинских репрессий в советский период.

Таблица, составленная А. Спундэ, известным российским экономистом, иллюстрирует последствия кустарно-волевого подхода к судьбе России в период петровского «рывка» к европейским «ценностям» следующим образом:

ВЫПЛАВЛЕНО ЧУГУНА (в тыс. тонн)

Годы	Россия	Англия	США	Франция
1718	26,0	–	–	–
1740	32,0	20,0	1,0	17,7
1830	183,0	629,3	167,7	270,7
1860	330,0	3982,0	934,0	892,2

«Приведенные данные показывают, – поясняет А. Спундэ, – что Россия, конвульсивно вырвавшаяся при Петре I на первое место в мире по уровню черной металлургии, потом резко, и чем дальше, тем больше, отстает от всех без исключения промышленных стран Запада. Причины этого заключались в том, что крепостная промышленность Петра I, усиливавшая феодализм, давала убийственно малый рост производительности труда, ограничивала потребление черного металла внутри страны: пушек и ружей становилось больше, но пахали по-прежнему деревянной сохой, не строили в сколько-нибудь удовлетворительном количестве станков для ремесла и промышленности».

Приведя чрезвычайно точное замечание французского историка Левека о том, что «Петр I еще больше увеличил рабство русских людей, требуя, чтобы они СТАЛИ ПОХОЖИМИ на свободных людей», А. Спундэ резюмирует: «Реформаторская деятельность Петра представляет собой яркий пример того, к каким результатам может привести быстрое развитие промышленных сил, если оно не служит формированию соответствующих общественных отношений». А. Спундэ писал эти строки, как предостережение тем, кто уже в советскую эпоху вновь требовал от людей ВЫГЛЯДЕТЬ СВОБОДНЫМИ и «возводил

развитие промышленности в ранг всемогущего средства спасения, не зависящего от того, какой ценой, какими способами и чьим, в конечном итоге, интересам оно служит».

Итак, промышленность увеличилась – капитализм замедлился. Фабриканты и заводчики становятся важными людьми, получают дворянство (например, Демидовы, Гончаровы), большинство же купцов, мещан и мечтать не смеет, скажем, о таком положении, которое их «коллега» сэра Джон Фальстаф имел в XV веке. Городничий в гоголевском «Ревизоре» еще через сто лет после Петра I будет купцам бороды рвать [102].

Известный историк и политический деятель России Н.М. Милюков, оценивая политические преобразования Петра I, отмечал: «Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие... Ценой разорения Россия возведена была в ранг европейской державы». (Нечто подобное свершилось и в сталинский период обретения империей статуса доминирующей сверхдержавы мира). Как бы конкретизируя последствия петровского «рывка» в Европу, Александр Иванович Герцен резюмировал: «Петр I, конвент научили нас шагать семимильными шагами, шагать из первого месяца беременности в девятый». Царя-революционера сравнивал с лидерами французской революции великий революционер русский..!

«Революция сверху» Петра I определила русскую историю примерно на полтора века, – и это, конечно, много. Несколько следующих поколений ясно ощущают себя в петровском, петербургском периоде. Чаадаев: «Петр кинул нас на поприще всемирного прогресса».

Каведин (1866): «Петр I как будто еще жив и находится между нами. Мы до сих пор продолжаем относиться к нему как современники, любим его или не любим, превозносим выше небес или умаляем его заслуги... много, много еще времени пройдет, пока для Петра наступит спокойный, беспристрастный, нелицеприятный суд, который будет вместе с тем разрешением вопроса о том, что мы такое и куда идем».

Когда на Руси дела шли сравнительно хорошо, например, при освобождении крестьян, потомки «добреши» к Петру: выходило, что при страшных ужасах его правления все же – вот благой результат!

Однако до того и после того случались времена печальные, наступали реакция, застой: мыслители же связывали и эти невзгоды с Петром, выводят их из «зверского начала» его преобразований. Каждая из сторон, задним числом одобрявшая или порицавшая Петра Великого, была в известном смысле права, потому что изначальная двойственность «революции 1700–1725 годов» проявлялась то одной, то другой стороной [46, с. 67].

Какова же причина этого? «...Случилось не то, чего хотел гордый Петр: Россия не вошла нарядная и сильная на пир великих держав. А подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде – рабою. И сколько бы ни гремели грозно русские пушки, повелось, что рабской и униженной была перед всем миром великая страна, раскинувшаяся от Вислы до Китайской стены» [103, с. 67].

При этом развитие России, славянского мира, этого, по определению многих западных ученых «уральского привратника Европы», шло по своим «имманентным» законам внутреннего развития, не адекватным ни Западу, ни Востоку, гротескным образом нивелируя их особенности применительно к своей ментальности. Так в российской истории происходили абсурдные вещи – чем сильнее был пресс самодержавного тоталитаризма, тем шире вал «народной колонизации» захватывал обширные территории под контроль самодержца, т.е. бунтари и противники российского деспотизма невольно способствовали его укреплению. Русские землепроходцы XVIII в. были людьми строптивыми, «крутыми», неуступчивыми. Они не боялись ни начальства, ни суровой северной природы. До 1650 г., т.е. до Анадырского похода казака Семена Моторы, они прошли весь северо-восток Сибири и добыли соболиного ясака на суммы не меньше, чем давало конкистадорам американское золото. Казаки-завоеватели были людьми неукротимой храбрости и стихийной инициативы. Они объясняли племя за племенем, а порой выходили в Ледовитый океан на кочах из

грубо отесанных досок, скрепленных древесными корнями, как бы предназначенных к кораблекрушениям.

В 1648 году отряд казаков украинского происхождения под предводительством Семена Дежнева вышел в плавание из устья реки Колымы по Северному Ледовитому океану. Направляясь на восток, он открыл пролив, отделяющий Евразийский континент от Америки, который впоследствии был назван Беринговым. В память о тех событиях осталось географическое название – мыс Дежнева. За 21 год героической службы на северо-востоке Семен Иванович Дежнев получил награду от царя: 38 рублей жалованья, 97 аршин сукна да звание атамана. Выходец из Вологодской области, он отправился в Сибирь юношей. Служил в Тобольске, затем в Енисейске. В 1638 году Дежнев с отрядом казаков был переведен в Ленский острог – нынешний город Якутск. Занятие было не из простых – сбор ясака (дани) с местного населения.

Окружена легендами трогательная любовь Семена Дежнева к красавице-якутке по имени Абакайла Сюче. Он женился на ней, а своему сыну дал имя Любим. Однако ни красавица-жена, ни сын не удержали Дежнева на одном месте. Сначала он побывал в центральных и западных районах Якутии, а затем в 1640 году во главе отряда из 15 казаков направился на реку Яну. На следующий год он уже в Оймяконе. Вместе с напарником – Михаилом Стадухиным, также отважным землепроходцем, и с другими сотоварищами они стали первыми русскими, побывавшими на «полюсе холода». Девять судов-кочей вышли 20 июня 1648 года в океан и, преодолевая льды, обогнули северо-восточную оконечность Евразии, открыв неведанный пролив, за которым виднелась Америка. Дежнев обосновался на Чукотке, в среднем течении реки Анадырь. Из 90 участников экспедиции в живых осталось только 12 человек.

Весной 1662 года Дежнев вернулся в Якутск и тут же получил новое задание: доставить «государеву казну» в Москву. Почти два года он вез груз в столицу. Тогда и осмелился подать царю Алексею Михайловичу свою челобитную с просьбой заплатить за двенадцатилетнюю службу. Тогда и получил Семен Дежнев те самые 38 рублей. В Якутске вновь вспомнили о Семене Ивановиче, когда надо было отправлять в Москву большую партию соболиных шкур. 25 декабря 1671 года Дежнев доставил посылку в столицу. Через год, в возрасте 68 лет Семен Иванович Дежнев здесь и скончался.

Слава пришла к Семену Дежневу только после смерти. О его подвиге долгое время не знали. Донесение Дежнева о плавании вокруг Чукотского полуострова пролежало в архиве Якутской воеводской канцелярии около 80 лет. Бумаги обнаружили и опубликовали в 1758 году участники Второй Камчатской экспедиции.

Не менее интенсивное «бегство-колонизация» происходило и при Петре I. На север, юг и восток бежали не только крепостные – десятками и сотнями тысяч бежали в Сибирь староверы, все те, кто был не в состоянии примириться, адаптироваться к «басурманским» (т.е. европейским) нововведениям «царя-революционера». Происходило парадоксальное историческое явление – чем более «давил» пресс самовластия в центре, тем более территориально росла империя за счет смелых, сильных людей, уходивших в неизвестность со всеми ее опасностями, превратностями и тяготами, чтобы там построить новую жизнь по своему разумению.

Когда же они «обживались», к ним дотягивались щупальцы московской власти. Все это обусловило важнейшую закономерность – чем сильнее был пресс «самодержавного самовластия», тем шире вал народной колонизации. Таким образом, данные факторы обусловили то, что русской истории с древнейших времен свойственна широкая, ничем не сдержанная «вольнонародная колонизация». В основе ее – извечные поиски крестьянами более выгодных условий для свободного, не стесненного феодальными путями хозяйствования.

В XIX в. потомки казаков потерпели поражение от чукчей и стали государственными крепостными, бесправными рабами каждого чиновника, отправленного на север с юга в наказание за проступки по должности [51, с. 289].

Таким образом, правление Петра I – невиданное сочетание элементов «дремотного Востока» и «динамичного Запада» в истории России – породило исторический феномен: неслыханные жертвы, но выжившие прекрасно сражаются и строят, иначе Петр I ничего бы не сделал; раскол нации – с перспективой будущего соединения. Огромный финансовый, идеологический нажим – и регулировка его путем народного сопротивления.

В пылу преобразований, в горячке шведской войны он не думал о пустеющих губерниях, зарастающих полях; и мог бы наступить момент, который, кстати, известен в истории ряда государств азиатского Востока, когда «верхи» перешли бы некую грань и сломали бы хребет народной жизни, экономического строя. Страна могла бы захиреть, «провалиться» и, по выражению Герцена, стать принадлежностью уже не столько истории, сколько географии, то есть существовать больше в пространстве, но не во времени... Народное сопротивление отчасти компенсировало народную покорность и долготерпение: в результате борьбы усиливалось некое равновесие сил, при котором империя продолжала укрепляться, а крестьяне, страдая и разоряясь, все-таки могли существовать, в будущем даже поднакопить кое-какие излишки и тем приблизить капиталистическую стадию. Нужно ли говорить, что ни Петр I, ни крестьяне ни о чем подобном и не думали – просто жили и боролись за существование – пахали землю, рожали детей, защищали Родину от врага [46, с. 65–66].

В период петровских преобразований не только Россия «рубилась» окно в Европу, но и Европа «приходила» в Россию. Особое значение имело появление в России периодики. Выпуск газеты «Ведомости» (небольшого формата – с современную почтовую открытку, объемом в 2, иногда до 22 страниц) знаменовал такой переворот в привычных представлениях старинного русского человека, который в наше время нелегко осознать и оценить. Анализ одного только этого факта – начала издания газеты, предназначенной для распространения среди населения, может дать достаточно полное представление о том новом, что возникло в русской общественной жизни и культуре в начале XVIII века – до этого все иностранные известия считались секретными и с ними знакомились лишь представители правящей элиты империи.

Правление Петра I – период интенсивнейшего «имперского наступления» на права и свободы украинского народа. Известный украинский историк Я.П. Новицкий отмечал: «Знищення Запорозької Січі українські історики вважають найтрагічнішою подією XVIII століття. Наступ на Січ готувався задовго до 1775 року, ще за царювання Петра I. Це – граничне обмеження прав українського гетьмана, спровадження козацьких полків на будівництво Петербурга, копання каналів, осушення боліт, де загинули тисячі козаків. По всіх містах і селах України стояли московські солдати, що займалися грабежем і розбоєм, всіляко знущалися над українським народом.

Прагнення Івана Мазепи за всяку ціну визволити Україну з московського ярма і його поразка стали приводом для повної ліквідації гетьманства, кривавого мордування не тільки прибічників Мазепи, але й всього українського народу. Петро замахнувся на те, щоб повністю знищити вільний дух українців, залякати їх, перетворити на слухняних рабів і вогнем та мечем збудувати велику імперію від Балтійського моря до Чорного. На його рахунок – жахливе, ні з чим не зрівнянне в історії знищення 9 листопада 1708 р. гетьманської столиці Батурина, де були вирізані і закатовані всі жителі міста, а козацька старшина, що боронила його, на пострах іншим полками по Сейму пущена, були десятки спалених, пограбованих міст і сіл... Не тільки гетьманів, полковників, але і всіх українців прозивали «мазепинцями», «зрадниками», і самого Івана Мазепу проклинали по всіх церквах, навіть ним збудованих. Тому-то в народних піснях та переказах поруч з ім'ям його завжди стоїть епітет «проклятий», що відбиває скоріше дійсний факт, аніж ставлення народу до свого провідника.

Не тільки тих козаків, що билися у шведській армії за волю України, але всіх, хто прихильно ставився до Мазепи, цар наказав виловлювати і карати на смерть.

Муляло очі Запорожжя. 1709 року цар послав туди велике військо під командуванням Яковлева. Згідно з наказом Петра стара Січ була зруйнована дощенту, незважаючи на відчайдушний опір козаків. Багато людей було перебито, багато забрано в полон, інших вішали і плотами спускали вниз по Дніпру.

З 1709 по 1734 р. запорожці, що врятувалися, знайшли притулок на землях кримського хана в Таврії. Спочатку вони поселились на річці Кам'янці, звідки були вигнані московським військом. Далі – в Олешках, в урочищі при Дніпрі, на кримському боці. У момент відсутності більшої частини запорожців, що пішли на війну разом з кримським ханом, і ця Січ була взята вірнопідданими Петра, зруйнована, розграбована і спалена, знову загинуло багато козаків.

Коли кошовий з військом повернувся з походу і побачив руїну Олешківської Січі, він зібрав залишки запорожців і поставив Січ знову на старому місці, на р. Кам'янці, де й проіснувала вона до 1734 р.

1734 р., незабаром після смерті Петра, вони повертаються в Україну і засновують Нову Січ на р. Базавлуці. Кількість їх була невелика, близько 7 тисяч; в Україні, що вже не мала права обирати гетьмана, стояла величезна московська армія, тому до запорожців царський уряд ставився, як до своїх солдатів, використовував їх у російсько-турецьких війнах, на будівництві фортець і т.п.

У 20–30-х роках почався тотальний наступ на Січ – Москва відібрала не лише права і волю запорожців, але й вирішила поступово загарбати їхні землі під нові фортеці (т. зв. «Українська лінія»); сербські та німецькі колонії, під нові слободи та щедрі маєтки московським панам. Фактично з 50-х років проходила відкрита колонізація України, керована Москвою, – у запорожців було відібрано найкраще пасовисько, землі, де споконвіку розвивались їхні мирні промисли – мисливство, рибальство. Нові господарі запорозьких вольностей наносили численні кривди та збитки місцевим жителям – грабежі, розбій на дорогах, нищення лісу, сінокосів, засівів, обкладання податками і т.д. Це гнівило запорожців. Їхні скарги, протести висловлені у листуванні з приводу спорудження у вольностях фортець Дніпровської лінії» [104, с. 269–270].

Однако протест против московской колонизации исконных земель украинского казачества встречался с имперским российским высокомерием ко всему украинскому, прежде всего к ментальности народа Украины, определяемой элементами демократизма, свободы, соборности.

Тем не менее, итог правления Петра I – создание из аморфной, дремотно-боярской, домостроевской, азиатской Московии – великой евразийской империи – России, к деяниям и поступи которой прислушивался весь цивилизованный мир того времени. Допустимо ли после этого отрицать роль личности в истории (если она является личностью)!?

Время человеческой жизни – миг; Ее сущность – вечное течение; ощущение – смутно; строение тела – бrenно; душа – неустойчива; судьба – загадочна; слава – недостоверна.

Жизнь – борьба и странствие по чужбине, посмертная слава – забвение.

Римский император, философ-стоик Марк Аврелий

История и есть всемирный суд.

Шиллер

Довольно почестей Александрам!

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ – ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ –
«ФИЛОСОФЫ НА ТРОНЕ»
(Что могут короли?)

Более, чем 1000-летняя история славянской цивилизации – это история, мятущаяся между Европой и Азией, между противоположными ментальностями, различными морально-нравственными ценностями. XVIII век – исторический период, когда Россия прилагала невероятные усилия, чтобы «внедрить» европейские духовные ценности на своей «почве», выдающиеся же европейские мыслители подвергали данные ценности всесокрушительной критике.

В жертву имущественному, социальному и политическому равенству Руссо готов принести всю современную ему цивилизацию. Равенство – первично. Мыслитель, в пику Вольтеру, убежденно заявлял: «Первый источник зла – неравенство; из неравенства возникли богатства, они породили роскошь и праздность... Люди были добры и не имели пороков до тех пор, пока не были изобретены эти страшные слова – твое и мое».

В трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Ж.-Ж. Руссо отмечал: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!» Но очень похоже на то, что дела пришли уже тогда в такое состояние, что не могли больше оставаться в том же положении. Ибо это понятие – «собственность», зависящее от многих понятий, ему предшествовавших, которые могли возникать лишь постепенно, не сразу сложилось в человеческом уме. Нужно было достигнуть немалых успехов, приобрести множество навыков и познаний, передавать и увеличивать их из поколения в поколение, прежде чем был достигнут этот последний предел естественного состояния... [49, с. 223–224].

Основная взрывчатая сила его учения – в яростной проповеди равенства. Но сила эта умножалась еще и талантом, еще и, что называется, личным примером. Прошедший горькую «одиссею» страданий и унижений, проклинаясь, гонимый – Руссо не сдался. Лишь возрастала его ненависть к сильным мира сего. «Я ненавижу бы их еще больше, если бы меньше презирал их», – саркастически говорил он. А потом, уже на склоне лет, пришло испытание славой, деньгами, лестью – и снова он не сломался!

Зарабатывая на пропитание перепиской нот (всего по 10 су за страницу), он хладнокровно отвергал пенсии, гонорары, подачки королей, издателей, меценатов. Он был неподкупен. «Защитник вольности и прав», – таково непререкаемое мнение о Руссо А.С. Пушкина. Можно ли не согласиться с великим поэтом, тем более что именно в России учение Руссо нашло особенно много почитателей.

Через 11 лет после смерти Руссо рухнула Бастилия. Над Францией, над Европой взметнулось трехцветное знамя «Марсельезы» [49, с. 199–200].

Политика просвещенного абсолютизма характерна для истории стран со сравнительно медленным развитием капиталистических отношений и отличающихся длительностью сохранения дворянством не только политических, но и экономических преимуществ и привилегий. Эта политика выражалась в проведении ряда реформ, способствовавших

ликвидации наиболее архаичных институтов феодализма и в известной мере делавших шаг в сторону буржуазного развития, распространения культуры и секуляризации общественной жизни. Но основной задачей преобразований было сохранение феодально-абсолютистского строя и господствующего положения дворянства в стране. Таким образом, субъективно эта политика была призвана консервировать старые порядки, хотя объективно подчас ускоряла их отмирание и упрочение капиталистических отношений [105].

Эпохой «просвещенного абсолютизма» в Западной и Центральной Европе историки обычно признают время примерно со второй четверти XVIII в. до Французской буржуазной революции конца XVIII века. В вопросе о датировке «периода просвещенного абсолютизма» в России нет единства мнений. Есть некоторые основания связывать начальный период «просвещенного абсолютизма» в России деятельностью Петра I. В России черты, характерные для форм политики и идеологии «просвещенного абсолютизма» второй половины XVIII в., явственно обнаруживаются уже при правлении дочери Петра I Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.), особенно в 1750-е годы, и Петра III (1761–1762 гг.); т.е. еще до царствования Екатерины II [106, 107, 108].

Каковы же были основные черты «российского абсолютизма»? – Представление о монархическом государстве как высшем этапе политической организации общества, отождествление государства с монархом, власть которого безгранична и непогрешима, вера во всемогущество монарха и его законодательную деятельность.

Петр I, ликвидировав Боярскую думу, создал Сенат и Синод, полностью зависимые от императора. Создание им абсолютизма явилось высшим этапом эволюции политической надстройки феодального общества. О сложности преобразований, начатых Петром I, говорит и то, что многие его «наследники» на престоле Российской империи не смогли адаптироваться к созданной им модели государственного устройства.

За 37 лет от смерти Петра I до воцарения Екатерины II на российском престоле сменилось шесть государей. Двое из них лишены престола силой и позже убиты (Иван VI и Петр III). Годы 1725–1796 можно назвать также периодом правления женщин и детей. За это время один раз – и то лишь в течение полугода – во главе Российской империи находился совершеннолетний мужчина – Петр III, но это был человек недостаточно подготовленный к самостоятельной государственной деятельности. Более двух лет государем был мальчик Петр II (внук Петра I) и около года – грудной младенец Иван VI.

Колоссальное влияние в этих условиях не только на придворную жизнь, но и на государственное управление приобретали «сильные люди» – временщики, подчас соединившие в своем лице фаворитов и государственных деятелей («действовала более сила персон, нежели власть мест государственных», отмечал позднее известный «прожектор» и дипломат Никита Панин [68, с. 80]. Действительно фаворитизм в данный период играл самодовлеющий характер для судеб империи.

Трудно было предвидеть то значение, которое имело в грядущем рождение в начале XVIII века в семье запорожского казака Григория Розума сына Алексея. В 1730 году полковник Вишнеvский по дороге из Венгрии, откуда вез для императорского двора знаменитое токайское вино, остановился на ночь в Чемерах, а утром отправился в церковь, где услышал удивительный бас Алексея Розума. Он взял мальчика с собой в Петербург для придворного хора певчих. Здесь и свела судьба сына запорожского казака с дочерью Петра. В том же году цесаревна Елизавета, посетив церковь в Зимнем дворце, упростила обергофмейстера Левенвольда уступить Алексея для ее придворной церкви. С тех пор они почти всегда были рядом. Понятно, благодаря не только голосу, но и яркой красоте и силе казачьего сына.

По восшествии на престол Елизавета, по настоянию своего духовника Дебянского, тайно сочеталась браком с Разумовским в селе Перова близ Москвы, и вслед за тем немедленно осыпала его богатствами и почетом. Из ничтожного казака, до того бедного, что мать его собиралась просить подаяние под окнами, Разумовский по знатности положения своего и по

громадному богатству стал первым вельможей в России и принимал льстивое поклонение родовитых особ [97].

Из благоволения к нему императрица вывела в знать всю его близкую родню: матери она оказывала большое почтение, меньшего брата Кирилла отправила для получения образования за границу, а по возвращении назначила президентом Академии наук и потом приказала избрать гетманом Малороссии. Елизавета ревниво оберегала честь этого возвышенного ею рода. В архивах сохранилось множество дел, заведенных Тайной канцелярией в связи с распространением отзывов, оскорбительных для любимца государыни и его родственников. Все разбирательства по этим делам заканчивались одним и тем же – застенком, дыбой, кнутом, плетями, шпирутенами и, наконец, ссылкой на каторгу [97].

Но сам Алексей Разумовский, как уверяют исследователи, ни к каким козням причастен не был. По единогласным отзывам современников, это был человек в высшей степени добросердечный, прямодушный, хотя подчас и вспыльчивый, но никак не заносчивый и потому всеми любимый, несмотря на то, что его «низкое» происхождение должно было вызывать у одних зависть, а у других – досаду.

Возникает вопрос: а что он сделал для своих сермяг-соотечественников, хотя бы как-нибудь попытался облегчить их участь? Было бы несправедливым умолчать хотя бы два факта: благодаря Разумовскому в Украине было снова восстановлено местное самоуправление – гетманство, выведены почти все российские войска, которые до этого располагались практически в каждом городке. Но это – только часть сделанного им для соотечественников.

Вот что пишет об этом времени историк Николай Костомаров, который, кстати, не очень симпатизировал «ночному императору». К малороссийскому народу правительство Елизаветы Петровны относилось особенно милостиво, и это следует приписать влиянию Алексея Разумовского. Сложены были с малороссийского народа все недоимки в войсковую казну в числе трехсот тысяч, отпущены были по домам казаки, наряжаемые на посты по украинской линии. В Запорожье стали отпускать денежное и хлебное жалованье, как делалось в старину; в слободских полках уволили малороссиян от посылки в Бахмут на соляные работы и от всякой рядовой службы, кроме «поставки» конных казаков в количестве пяти тысяч.

Все таможни, мосты и перевозки отдавались им на откуп без перекупки; упраздняясь бывшая канцелярия над слободскими полками; возвращался свободный суд полковым канцеляриям, а над бывшей Комиссией о слободских полках, возбудившей недовольство малороссиян, назначено строгое следствие. Всем малороссийским посполитым (государственным) людям дозволялось переселяться куда хотят, от этого в слободских полках много казаков и подсоседников, а еще более посполитых, стало двигаться к востоку на переселение, и Ахтырский полк чуть не обезлюдел.

Желающим ехать за границу для собственного образования малороссиянам велено было из иностранной коллегии выдавать беспрепятственно паспорта. Самым наглядным изменением порядка в Малороссии было возобновление гетманства. Указ об этом дан был в 1747 году, но выбор гетмана по всем давним правам совершился не ранее января 1750 года. Собственно говоря, это был вольный выбор только по форме. Казаки были довольны, что у них восстанавливается старинный образ правления, но выбирать им довелось того, кого им сверху указывали – Кирилла Разумовского, брата Алексея.

Стремление славянского мира, России в период «просвещенного абсолютизма» к европейским ценностям, достижениям, ментальности в целом обусловили (в силу ряда объективных и субъективных факторов) своеобразное «делегирование» представителей западноевропейской элиты на российский престол как «проводников» европоцентризма в славянском мире. После смерти Елизаветы на престол вступил ее племянник под именем Петра III.

Петр III был сыном немецкого герцога и дочери Петра I – Анны Петровны, то есть внуком Петра Великого. По отцовской линии он являлся внуком наиболее непримиримого противника Петра I – шведского короля Карла XII. В 1742 году императрица Елизавета Петровна (его родная тетка) объявила 14-летнего юношу наследником российского престола. Последующие 18 лет жизни в России русского из него сделать не смогли, он как был, так и остался немецким герцогом, «очарованным западной цивилизацией» и не сумевшим адаптироваться к реальности. Петр III хотел ввести в армию прусскую военную систему и окружил себя новой голштинской гвардией. Вопреки советам видных правительственных деятелей и наперекор дворянскому общественному мнению, он резко изменил курс внешней политики – прекратил успешные военные действия против Пруссии и даже предложил Фридриху II военную помощь. Это было сделано тогда, когда военные силы Пруссии казались исчерпанными, а международный престиж ее короля пал до нулевой отметки. А.И. Солженицын так оценивает данный период развития славянства: «Полная бессмысленность той же Семилетней войны в XVIII веке, когда мы неизвестно зачем семь лет воевали среди Европы; зачем-то взяли Берлин и, не получив от всего этого ни малейшей пользы, загубив тысячи русских жизней, не солоно хлебавши вернулись домой».

Петр III заключил мир с Фридрихом II, вышел из Семилетней войны, объявил войну Дании, у которой были трения с его бывшим герцогством. Однако как же объяснить необходимость этой войны русским?! – Петру III и в голову не приходило, что надо как-то объяснять: он же император, рыцарь, а для рыцаря война – его родная стихия, надумал объявить войну – и подданные должны по его приказу умирать!

Когда он «обрадовал» этим известием фельдмаршала графа Разумовского, тот заметил, что для войны с Данией нужны две армии, и в ответ на недоумение императора пояснил: «Вторая армия будет штыками гнать первую в бой».

К какой же «Европе» стремился Петр III, кто был в его представлении ее «олицетворением»? – Несомненно, Фридрих II, которого именовали «Великим». Чем же последний прославился и отличился? Он писал стихи (мнения об их качестве, правда, расходятся), многочисленные прозаические произведения, среди них – трактат «Антимакиавелли», два пространных политических завещания – по существу, тоже серьезные трактаты, книга «История моего времени», ряд более поздних воспоминаний. В частности за период с 1763 по 1775 г. – обстоятельные специальные труды – «Генеральные принципы ведения войны», где Фридрих II обобщил опыт военных действий 1740–1744 гг. за обладание Силезией и «Историю Семилетней войны», работы «Критика «Системы природы» (Гольбаха), «О немецкой литературе» и др.

Писательство было страстью короля; его литературное наследие огромно. Сочинения Фридриха II, его многочисленные письма – наибольшая часть наследия (политическая переписка занимает 35 томов, есть и весьма обширная личная, например, три тома писем к Вольтеру) – были написаны на французском языке, на языке страны, которая с молодых лет пользовалась особыми симпатиями Фридриха и литературу которой он предпочитал всем другим, в том числе немецкой (его владение родным языком было далеко от совершенства).

Музыкальные достижения Фридриха II были значительны: он не только играл на флейте, но и выступил в качестве композитора. Прусскому королю приписывается авторство многих музыкальных произведений (что не всегда может быть установлено с полной достоверностью), в том числе двух симфоний, четырех концертов для флейты, девяти арий, более 120 сонат для флейты. Творчеством – литературным или музыкальным – король, когда не было войны, занимался по 2–3 часа в день. В то время, когда он находился в Сан-Суси, музыкальные вечера устраивались ежевечерне, и лишь в последние годы жизни, когда игра на флейте стала даваться Фридриху II с трудом, они прекратились [109].

Зародились эти увлечения в ранней юности Фридриха, родившегося в 1712 г. Он был старшим сыном короля Фридриха-Вильгельма I, прозванного «фельтфебелем на троне» и не одобрявшего пристрастий своего наследника, особенно его интерес к вольнодумным

сочинениям французских просветителей. Из них будущий властитель Пруссии черпал некоторые идеи, сформировавшие его мировоззрение. Познакомившись с сочинениями Вольтера, с его призывом: «Уничтожьте гадину!», – тогдашний кронпринц стал рьяным поклонником выдающегося французского мыслителя; в 1736 г. началась их переписка, длившаяся вплоть до смерти Вольтера. Кроме того, последний в течение почти трех лет (1750–1753 гг.) был гостем прусского короля, задавая тон застольным беседам в Сан-Суси, что весьма тешило самолюбие Фридриха II. Правда, столь тесное сосуществование не пошло на пользу их взаимоотношениям, и Вольтер покинул Пруссию, раздосадованный недостаточностью внимания, уделявшегося ему монархом; переписка между ними после этого прекратилась, но спустя ряд лет, в период Семилетней войны, Фридрих II (при посредстве сестры) добился ее возобновления, ибо это могло быть ему полезно для нормализации отношений с Францией [110].

Как же Фридрих трансформировал идеи Французского Просвещения на прусскую «почву»? Фридрих II добился усовершенствования кантональной системы, введенной отцом для бесперебойного пополнения армии. Отдельные кантоны были прикреплены к полкам и поставляли новобранцев, которые обязаны были затем числиться в армии всю жизнь. Правда, в мирное время служба не превышала 2–3 месяца в году, остальное время солдат находился в поместье (его хозяином нередко являлся офицер, под началом которого он служил в армии). Офицерские посты занимали исключительно представители дворянства: таким образом, военная система, сложившаяся при Фридрихе II, имела вполне определенное социальное содержание. Он предпочитал офицеров и на гражданских должностях, ибо они, по его словам, умели и сами повиноваться, и заставляли повиноваться других. Содержание армии поглощало большую часть доходов, и вполне оправдана была характеристика Пруссии как «армии со страной в придачу» [111].

Подготовка прусского воинства основывалась на жестокой муштре, которая сопровождалась наказанием провинившихся солдат шпицрутенами (Фридрих II иногда наблюдал эти экзекуции). Армейский устав соблюдался неукоснительно во всех своих статьях. Король не раз говорил, что солдат должен бояться своего офицера больше, чем неприятеля [112]. Но если в годы правления Фридриха-Вильгельма I эта армия фактически бездействовала, то его преемник пустил ее в ход уже через несколько месяцев после своего восшествия на престол.

В конце 1740 г. прусские войска вступили в Силезию, развязав тем самым первую силезскую войну. Фридрих II действовал в соответствии с принципом, который он сформулировал так: «Если вам нравится чужая провинция, и вы имеете достаточно сил, занимайте ее немедленно. Как только вы сделаете это, вы всегда найдете достаточное количество юристов, которые докажут, что вы имеете все права на занятую территорию» [113, с. 163]. Этот циничный принцип вполне оправдал себя в дальнейшей завоевательной практике «философа на троне», который вел ряд длительных войн, проходивших на территории германских государств.

Со времен Фридриха II Пруссия видела в Германии, как и в Польше, лишь территорию для завоеваний, от которой урывают, что возможно, но которой, само собой разумеется, приходится делиться с другими. Раздел Германии при участии иностранных государств и, в первую очередь, Франции – такова была «германская миссия» Пруссии, начиная с 1740 года. Все это не мешало Фридриху II именоваться «философом на троне», интеллектуалом своей эпохи.

В 1766 г. король написал Вольтеру: «Ни Вы, ни все философы мира не освободят человеческий род от суеверий». В другом случае он высказался так: «Предубеждение – это разум народа». Поэтому Фридрих II был против того, чтобы давать детям низших социальных слоев сколько-нибудь полное образование. Своему министру по делам церкви и школ король наказывал, что для деревенской детворы «достаточно, если они научатся немного читать и писать; если же они получают большие знания, то убегут в города и захотят

стать секретарями или чем-нибудь подобным. Поэтому их следует учить лишь тому, что им необходимо знать».

Король высказывался за то, чтобы вместо учебы дети усердно занимались ткачеством: в результате можно добиться двух целей – расширить ткацкое производство и помешать «простонародью» приобретать ненужные ему знания. Таким образом, мировоззрение Фридриха II, особенно во второй половине его царствования, было консервативной разновидностью просветительской идеологии, находившей к тому же мало отражения в практической политике короля: «Творец патриархального деспотизма, друг просвещения с помощью розги» [114, с. 115] – так можно сформулировать кредо Фридриха II.

Петр III всячески пытался притворить идеалы своего кумира – Фридриха II в России, «перенести» «прусско-европейские» нравы в славянский мир, адаптировать его к европейской ментальности.

18 февраля 1762 г. был издан манифест «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству», завершивший серию реформ, направленных к утверждению юридически и фактически исключительно привилегированного положения дворянского сословия в государстве. Манифест «фундаментальным и непрременным правилом узаконил» освобождение дворян от обязательной военной и гражданской службы, право уходить по желанию в отставку, выезжать за границу. Но оговаривалось сохранение за дворянством командных должностей в военной и гражданской службе.

Манифест означал не только окончательную ликвидацию условного характера землевладения и прекращение обязательной для XVI–XVII вв. «службы с земли», он явился отступлением и от норм петровского законодательства, обязывающего дворян служить Отечеству. Дворянство освобождалось от «принуждения к службе, какая до сего времени потребна была», переставало по существу быть «служилым сословием», освобождаясь от обязанностей и сохраняя в то же время за собой все права [115]. Дворяне встретили манифест восторженно. Их экономическим интересам отвечало и разрешение вывоза хлеба за границу с понижением вывозных пошлин, а также льготы на торговлю другими сельскохозяйственными продуктами и промышленными изделиями. В то же время запрещалось записывать в купечество крестьян без увольнительных писем от властей и помещиков.

С изданием манифеста о вольности дворянства среди крестьян распространились слухи о возможном даровании им вольности. Они были пресечены манифестом 19 июня 1762 г., в котором объявлялось, что правительство намерено «помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать» [116, 117]. Вспыхнувшие волнения были подавлены войсками. – Ну чем же Петр III не достойный ученик своего учителя Фридриха II!

Правлению Петра III были присущи и значимые позитивные нововведения. Так, предпринимались меры к распространению торговли. В подготовленном секретарем Петра III Д.В. Волковым указе от 28 марта 1762 г. предписывалось «всякому торгу свободну быть», т.е. отдавалось предпочтительное значение народнохозяйственным интересам в сравнении с фискальными. Наконец, в царствование Петра III была уничтожена ненавистная многим Тайная канцелярия и возвращены из ссылки опальные вельможи (в том числе Бирон и Миних), установлена уголовная ответственность помещиков за убийство своих крепостных [118, с. 198–200]. Типичные черты политики «просвещенного абсолютизма» за короткое царствование Петра III обнаружили особенно эффективно.

Петр III ознаменовал свое правление наряду с вышеизложенным еще и тем, что он лично вешал крыс, «предерзостно грызших его деревянных солдатиков», да прилюдно целовал, встав на колени, свое божество и предмет обожания – бюст монарха Пруссии Фридриха II и пытался всю страну перестроить на прусский манер [68, с. 320]. Это способствовало тому, что император не только не стал кумиром дворянства, но пал жертвой гвардейского переворота, умело подготовленного его женой Екатериной II.

Гвардейцы были оскорблены пренебрежением к ним нового императора, приближением ко двору чужеземцев, введением новых военных порядков. Унизительное завершение после громких побед Семилетней войны делало реальной опасностью нового немецкого засилья (память о бироновщине еще не изгладилась) и усиления влияния новых фаворитов. Всеми этими обстоятельствами воспользовалась Екатерина, которая, несмотря на свое немецкое происхождение и плохую русскую речь, всячески афишировала приверженность к православию и любовь к исконному русскому дворянству.

28 июня 1762 г. Екатерина была провозглашена императрицей, а 6 июля Петр III был убит ее приверженцами [68, с. 325–328].

На заре истории, в период становления цивилизации, «профессия» правителя была опасной – особу «священного царя» подданные могли «порешить» в случае неурожая или стихийного бедствия. Причина вполне понятна: «обязанностью» царя было воплощать «благополучие мироздания», и, допустив град или эпидемию, он тем самым обнаруживал свою «профессиональную непригодность». Можно сказать, что государство возникло тогда, когда цари, оставив за собой все преимущества подобного положения, отреклись от связанных с ним неудобств и превратили всенародные выборы нового «Владыки мироздания» в торжественное празднование очередной годовщины его счастливого правления. В тоталитарном государстве царю не грозила смерть из-за стихийных бедствий, тем не менее правительство, по-прежнему исходя из лестного о себе представления как об «Атланте, вздымающем на плечах всю вселенную», страшно стеснялось упоминаний о любых землетрясениях, ураганах, селях и прочих катастрофах, что было характерно как для российских самодержцев, так и для генсеков, унаследовавших власть царей [7, с. 182].

Екатерина II (Софья-Августа) – принцесса, принадлежавшая по матери к голштейнторнскому княжескому роду, по отцу – к ангальтецербскому – двум мелким княжеским домам северо-западной Германии, в которых «...всегда сберегались в потребном запасе маленькие женихи, которые искали «больших» невест, и бедные невесты, тосковавшие по богатым женихам, наконец, наследники и наследницы, ожидавшие вакантных престолов».

Софье-Августе (будущей Екатерине II) с детства толковали, что она некрасива, и это рано заставило ее «учиться искусству нравиться, искать в душе того, что доставало наружности» [68, с. 6–7, 25]. Ее мать – Иоанна-Елизавета была неуживчива и непоседлива, любила кляузы и интриги, приключения, и была агентом (а попросту шпионкой) короля Пруссии Фридриха Великого, выполняла для него такие поручения, за которые не брался ни один уважающий себя дипломат.

В воспитании дочери Иоанна-Елизавета придерживалась самых простейших принципов, и за малейший промах Екатерину ожидали материнские пощечины. К счастью, матери почти никогда не было дома (иначе будущей российской императрице не было бы необходимости в румянах: лицо навсегда приобрело бы из-за частого «приложения» любящей материнской руки ярко-красный оттенок).

Екатерины II «выписали» из Германии и сделали женой наследника русского престола Петра III с одной сугубо практической целью – родить «для русского престола запасного наследника на всякий случай при физической и духовной неблагонадежности штатного», – то есть Петра III [68, с. 19, 25]. Долго, очень долго – целых девять лет (и не по своей вине) – не могла она выполнить этот «императорский заказ»: «После свадьбы 16-летняя мечтательница вступила в продолжительную школу испытаний. Серо и черство началась ее семейная жизнь с 17-летним вечным «недоростком»... Он играл в свои куклы и солдаты, наделав глупостей, обращался за советом к жене, и та выручала его, принимался обучать ее ружейным приемам и ставить караул, то ругал ее, когда проигрывал ей в карты, поверял ей свои амурные делишки с ее фрейлинами и горничными, нисколько не интересовался ее мыслями и чувствами и предоставлял ей заниматься вдоволь своими слезами и книгами.

Так изо дня в день через длинный ряд лет тянулась супружеская жизнь, в которой царило полное равнодушие друг к другу, чуть не дружеское взаимное безучастие супругов, не имевших ничего общего, даже обоюдной ненависти...» [68, с. 13].

Муж и жена не испытывали друг к другу ни любви, ни дружбы, что и немудрено – ведь «любовь – это мелкая кража, которую удается совершить природному порядку вещей у порядка общественного» – метко заметил Антуан де Ривальди, французский писатель XVIII в. Ни у Петра III, ни у Екатерины подобной «кражи» не получилось.

Ряд новых исторических данных позволяет выдвинуть гипотезу, что с появлением в России Софьи-Августы стечение обстоятельств, рок и Бог способствовали «вливанию» славянской крови в немецко-шведскую кровь правящей Романовской династии. Ряд российских историков отмечает, что «как известно, Софья Августа из захудалого княжеского рода, родилась в 1729 году в небольшом городе Штеттине и уже в 1744-м, совсем юной девушкой, была привезена в Россию и выдана замуж за Петра III, наследника русского престола.

Хотя все историки считают ее чистокровной немкой, не мешает задуматься над ее именем: ведь «Цербская» означает не что иное, как латинизированное «Сербская», а так называемые «белые сербы», реликт славянского населения Центральной Европы, и сейчас проживают в Германии. После крещения по православному обряду она получила русское имя – Екатерина. Видимо, не покидавшее ее ощущение одиночества заставляло императрицу делиться с бумагой сокровенным, дневник был единственным другом, которому она поверяла свои мысли. Но через три десятка лет после смерти Екатерины ее «мемуары» появляются в нелегальных списках в русском обществе. Известно, что их читал и А.С. Пушкин.

Один из таких списков, сделанный А.И. Тургеневым, братом известного декабриста, Герцен опубликовал в «Колоколе» в 1859 году. Публикация носила сенсационный характер, а самым ошеломляющим в дневнике было описание истории рождения Екатериной долгожданного наследника – Павла I. Как следовало из «Записок», Петр III к рождению Павла I не имел ни малейшего отношения. Даже для царя Александра I записки бабушки оказались такой неожиданностью, что он пытался выяснить в секретных личных беседах со стариками придворными – чьим же внуком по мужской линии он в действительности является? [119]

Факты, изложенные в «Записках», были таковы: стареющая императрица Елизавета с ужасом видела, что Петр III просто не в состоянии быть русским царем, что он не интересуется делами государства, рабски поклоняется пруссакам, буквально молится на портрет Фридриха Великого и к тому же беспробудно пьянствует. Единственным спасением было бы рождение принцессой Екатериной внука, именно внука, для формального устранения Петра III от наследования престола.

Но после свадьбы Екатерины и Петра прошло уже восемь лет, а детей у них не было. Не только Елизавета, но и дальновидные политики при русском дворе понимали катастрофичность ситуации. Канцлер Бестужев-Рюмин сначала советовал императрице назначить наследницей Екатерину, но потом ему пришла в голову совсем другая мысль.

Канцлер, пользовавшийся доверием Екатерины, знал, что Петр III вообще не спит с женой, а проводит ночи с ее фрейлинами, или с собутыльниками, а чаще всего просто играет в солдатики. Возможно, принцесса рассказала ему зафиксированный в дневнике эпизод о том, как Петр III совершенно серьезно «казнил» на виселице крысу, которая сожрала пару его игрушечных солдатиков, сделанных из крахмала. Принцесса сообщила канцлеру еще более удивительный факт: наследник ночью не спит с ней, но зато обучает ее прусской военной муштре, заставляя всю ночь напролет стоять с ружьем в руках на часах у дверей, отчего у Екатерины утром ноют руки.

Пораженная этой вестью, как громовым ударом, Елизавета не могла вымолвить ни слова. Зарыдав, сказала Бестужеву: «Спаси Россию, спаси государство, спаси все, придумай, что делать, – и действуй, как считаешь нужным!»

Бестужев нашел выход: он предложил приблизить к одинокой, скучающей Екатерине камергера Сергея Салтыкова – блестящего красавца и умницу. Недоумка-мужа канцлер переселил в удаленные апартаменты дворца и подыскал ему подходящих девиц. Императрица же подарила Петру III подмосковное имение Люберцы, чтобы он мог проводить там досуг без жены. Замысел руководителей государства оказался верным: хотя Сергей Салтыков был женат, Екатерина в него страстно влюбилась. Она пишет, как страдала, если ей казалось, что он уделяет ей мало внимания.

Требуемый «результат» не заставил себя ждать – она забеременела, но... беременность закончилась выкидышем. Забеременела вторично – и снова выкидыш. Но Елизавета и Бестужев держали этот «процесс» под личным контролем: Екатерина забеременела в третий раз – и в 1754 году родила сына Павла [119].

Императрица немедленно забрала ребенка, и, как пишет Екатерина, о ней все немедленно забыли: Петр III только и делал, что пил со всеми, кто оказывался под рукой, Елизавета занималась Павлом, а Екатерина лежала в сильной лихорадке, стонала и плакала, никто не заходил даже справиться о ее здоровье. Спрашивать о сыне ей запретили, поскольку это могло быть воспринято как недоверие к заботам о Павле самой Императрицы.

Через шесть дней, в день крестин, после обряда Елизавета пришла к Екатерине и на золотом блюде принесла указ о выдаче ста тысяч рублей; в такую сумму было оценено рождение наследника престола. К указу был прибавлен ларчик, в котором оказалось маленькое ожерелье с серьгами и двумя перстнями. На вопрос, как ей показались эти подарки, Екатерина ответила, что все, получаемое из рук Ее Императорского Величества, она привыкла считать бесценным.

Через семнадцать дней Екатерине объявили, что Сергей Салтыков отправляется в Швецию, чтобы привезти туда известие о рождении Павла. Это означало, пишет Екатерина, что ее разлучали с самым любимым человеком. Она «зарылась в свою постель и только и делала, что плакала, горевала и не хотела никого видеть, потому что была в горе». Она тогда еще не знала, что хитрый Бестужев сразу же после рождения Павла доложил Елизавете, что «начертанное по премудрому соображению Вашего Величества совершилось, а посему присутствие исполнителя воли Вашего Величества теперь не только не нужно, но и вредно. Поэтому благоволите повелеть камергеру Сергею Салтыкову быть послом при короле Швеции».

Любопытная деталь: Сергей Салтыков был признанный красавец, Екатерина тоже была очень недурна собой, а вот неказистую физиономию Павла I не могли приукрасить даже придворные живописцы. Его уродливость дала впоследствии основания для молвы о том, что ребенок Екатерины умер и был подменен новорожденным сыном какой-то чухонки. Однако сама Екатерина, рассказывая о своем возлюбленном, сообщает, что старший брат Сергея Петр был «дурак в полном смысле слова: у него была самая глупая физиономия, какую я только видела в моей жизни: большие неподвижные глаза, вздернутый нос и всегда полуоткрытый рот... Впрочем, семья Салтыковых была одной из самых древних и знатных в России» [119].

Выходит, что в этом древнем роде скрывался рецессивный ген «курносых дураков», и в императоре Павле он вылез наружу, изрядно подпортив новую российскую династию Салтыковых. «Записки» Екатерины однозначно показывают, что в жилах Павла I крови Романовых не было ни капли. Соответственно все последующие императоры России в действительности принадлежали к новой «династии Салтыковых». Известно, что Павел I, ненавидевший свою мать, не раз допытывался у придворных, кто же его отец на самом деле, но никто не решился раскрыть ему эту тайну: слишком вздорным и непредсказуемым был самодержец, слишком похож он был характером на Петра Салтыкова! [119]

Жизнь, российская действительность со всей максимальной суровостью готовила к царствованию Екатерину II, ни на секунду не позволяя ей расслабиться. В унижениях, горестях и бедах выковывалась сильная и цельная личность российской императрицы – «Петра I в юбке», которой восхищались и современники, и потомки. «Чтобы быть чем-нибудь на свете, – писала она, – надобно иметь оружие для этого качества; заглянем-ка хорошенько внутрь себя, имеются ли у нас такие качества, а если их нет, то разовьем их».

И она открывала или развивала в себе свойства высокой житейской ценности, отчетливое знание своего духовного багажа, самообладание без суетливости, живость без возбуждения, гибкость без вертлявости, решительность без опрометчивости. Ее трудно было застать врасплох: она всегда была в полном сборе; частый смотр держал ее силы наготове, в состоянии мобилизации, и в житейских столкновениях она легко направляла их против людей и обстоятельств...

Она обладала в высокой степени искусством, которое принято называть даром внушения, умела не приказывать, а подсказывать свои желания, которые во внушаемом уме незаметно перерождались в его собственные идеи и тем усерднее исполнялись. Наблюдательное обращение с людьми научило ее узнавать их коньки, и, посадив такого дельца на его конька, она предоставляла ему бежать, как мальчику верхом на палочке, и он бежал и бежал, усердно подстегивая самого себя. Она умела чужое самолюбие делать орудием своего честолюбия, чужую слабость обращать в свою силу [68, с. 25–26].

Екатерина II не могла ни на что и ни на кого рассчитывать – только на свои силы, на свой ум, изворотливость, честолюбие: «Цель, с какой она ехала в Россию, дала своеобразное направление этой работе. Она решила, что для осуществления честолюбивой мечты, глубоко запавшей в ее душу, ей необходимо всем нравиться, прежде всего мужу, императрице и народу. Для этого она не щадила ни своего ума, ни сердца, пуская в оборот все средства от искренней привязанности до простой угодливости. Поставив себе за правило нравиться людям, с какими ей приходилось жить, она усваивала их образ действий, манеры, нравы и ничем не пренебрегала...» Она искренне писала об этом: «Я хотела быть русской, чтобы русские меня любили».

Страдания закалили Софью-Августу (Екатерину), выковали у нее цельный, сильный характер. «Для Екатерины, – отмечал В.О. Ключевский, – жить смолоду означало работать, а так как ее житейская цель состояла в том, чтобы уговорить людей помочь ей выбиться из ее темной доли, то ее житейской работой стала обработка людей и обстоятельств» [68, 15–16, 19–20, Т. IV, с. 316–327].

Она вставала в пять утра и целый день проводила в разнообразных занятиях. Нельзя забывать, что после замужества, а она вышла замуж за Петра III в 14 лет, Екатерина 18 лет готовила себя к своему предназначению. Она стремилась «быть с веком наравне», а потому сделала философов не только своими учителями, но и собеседниками. Читая ее письма, легко убедиться, что она вела беседы на равных с самыми значительными умами того времени – Дидро, Вольтером, Д'Аламбером.

Петр III, по мнению современников, был человек неглупый, но, по-видимому, психически нездоровый. На глазах у жены он заводил многочисленные романы. Если бы ее брак сложился по-другому, и она могла стать императрицей рядом с мужем-императором, возможно, все пошло бы иначе. Однако произошло то, что произошло: «Вечером 20 июня 1762 года Екатерина во главе гвардейских полков, насчитывающих 14 тысяч человек, в гвардейском мундире старого петровского образца, в шляпе, украшенной зеленой дубовой ветвью, с распущенными длинными волосами выступила против мужа – императора Петра III.

29 июня он отрекся от престола, эта самая бескровная (прикончили бывшего императора только 6 июля), деликатная и, самое главное, веселая «дамская революция» завершилась 30 июня грандиозной попойкой. В день въезда Екатерины в столицу войскам были открыты все питейные заведения – солдаты и солдатки в упоении тащили и сливали в ушаты водку, пиво,

шампанское, мед (некоторые спяна утонули в подобных ушатах) и в восторге хлебали оттуда это месиво. Затем Сенат 3 года разбирался, кому платить за это угощение» [68, 327].

Твердой, верной поступью шла к своей цели Екатерина, истинная наследница Петра I по духу, по размаху, масштабу личности. Каково же было ее отношение к крепостному праву? В начале своего царствования она объявила конкурс на лучший способ освобождения крестьян. Обосновывая необходимость этого, Екатерина II писала генерал-прокурору А.А. Вяземскому о необходимости реформирования крепостнических отношений: «Если не согласимся на уменьшение и умерение человеческого роду нестерпимого положения, то и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно». Однако большинство дворянских депутатов, особенно из черноземных губерний, при обсуждении нового «Уложения» дали ясно понять, что за свои крепостнические права будут стоять насмерть.

Екатерина II не стала им перечить; более того, убрала наиболее критические по отношению к крепостному рабству строки из своего «Наказа депутатам» и убедилась: сопротивления реакционно настроенных дворян-крепостников не преодолеть. Вот что она говорила французскому философу и писателю Дени Дидро: «Во всех Ваших предложениях относительно введения реформ вы забываете только одно... – вы работаете на бумаге, которая все стерпит, но я, бедная императрица, я работаю на человеческой коже, которая чувствительна и щекотлива в высшей степени».

Императрица умела отказаться от любимой идеи, если она грозила ее трону. Но это, вероятно, свойственно любому человеку на вершине власти. Екатерина вполне искренне считала, что «делать рабов из людей противно христианской религии и справедливости». Кстати, эти мысли в то время звучали в салонах. Но Екатерина была реалистом в политике, иначе ей бы не удалось процарствовать 34 года и покинуть трон естественным путем. Она понимала пределы своих возможностей: что она может, а что – нет.

Так, методом проб и ошибок, была выведена примерная граница между просвещенным самовластием и дворянскими свободами в России. Следствием этого стала гражданская война. Гражданские войны в России – дело кровавое и «привычно» в своей жесточенности. Эта война началась в сентябре 1773 года и закончилась к лету 1775-го. В нашей истории она носит название крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева, а в более ранней трактовке – «пугачевского бунта».

Емельян Пугачев освободил от помещиков крестьян, и теперь уже мало кто из них сомневался, что он настоящий царь и есть, и что дворяне к выгоде своей хотели его убить. Ненависть крестьян вылилась против дворян, нового царя признали на огромных территориях, за год войны под знамена Пугачева встало свыше 100 тысяч бойцов. Для сравнения: фельдмаршал Петр Румянцев воевал с турками и татарами и никогда не имел под своей командой более 40 тысяч человек.

Но противоборствующая сторона – правительство Екатерины – не была дискредитирована перед народом внутренних и западных губерний, исполнительная власть России была крепка. Тем не менее, оказать сопротивление Пугачеву, опираясь только на внутренние резервы, Екатерина не могла, хотя в ход было пущено все: против собственного народа вооружили даже чужаков – плененных турок. Екатерина II срочно заключила мир с Турцией, прервав дотоле успешную с ней войну, и двинула против Пугачева армии во главе с такими прославленными полководцами, как Суворов и Румянцев. В сентябре 1774 г. Пугачева предали казаки, к весне 1775 г. обезглавленная народная армия перестала оказывать сопротивление.

В период правления императрицы на Востоке и на Западе существовали абсолютные монархии, причем просвещенное правление Екатерины II лучшие европейские философы ставили в пример Людовику XV, Фридриху II, Марии-Терезии и другим правителям. И это не мудрено: западные монархи имели многие минусы, например, запреты сочинений Дидро и Вольтера во Франции (в то время, как они широко издаются в России), жестокие конфликты государства с обществом, например, неоднократные разгоны французскими королями

старинных французских судебных учреждений (парламентов), в России же ничего подобного «не требуется». Это свидетельствовало о более благополучном, устойчивом устройстве петербургской империи, нежели, скажем, во Франции – как раз в эту пору Людовик XV восклицает: «Мы держим власть нашу исключительно от бога, и право издавать законы, которыми должны управляться наши подданные, принадлежит нам вполне и безраздельно».

Проблемы Запада нашли отражение в идейной сфере, в исканиях мыслителей. Из искры проклятья Мелье, вспыхнувшей в ночи Франции, из робких «огоньков свободы», зажженных в Англии Т. Мором и Дж. Уинстэнли, разгорелось всепоглощающее пламя великой битвы за идею «нового мирового порядка», построенного на основе равенства, братства, гармонии свободы. Вольтер (1694–1778 гг.) – скептик и мечтатель; враг мракобесия – и автор знаменитого афоризма: «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать». Ненависть к тирании – и горячее поклонение «просвещенной монархии»; сострадание бедным – и апология частной собственности... Таков Вольтер, вобравший в себя всю свою эпоху [49, с. 190–193].

Вольтер наследовал дух раблезианской «Телемской обители». Он по-своему воспел свободомыслие, поплатившись за это не одним месяцем заключения в Бастилии, не одной сожженной королями и инквизиторами книгой. Однако смелый борец непреклонен, как и Рабле, он громит оружием смеха: «Смех Вольтера бил и жег, как молния» (А.И. Герцен). При этом Вольтер остается мечтателем и утопистом.

В «Кандиде» он так изображает гармоничное общество: «...В ожидании ужина им показали город, общественные здания, вздымавшиеся до облаков, рынки, украшенные тысячами колонн, фонтаны чистой воды, фонтаны розовой воды, фонтаны ликеров из сахарного тростника, которые неустанно текли в большие водоемы, выложенные каким-то драгоценным камнем, издававшим запах, подобный запаху гвоздики и корицы. Кандид попросил показать ему, где у них заседает суд; ему ответили, что этого учреждения у них нет, что в Эльдorado никого не судят. Он осведомился, есть ли у них тюрьмы, и ему сказали, что и тюрем у них нет. Более всего удивил и порадовал Кандида дворец науки с галереей в две тысячи шагов, уставленной математическими и физическими инструментами...» [49, с. 193–220].

Вольтер – признанный вождь Просвещения – казалось, заслонило собою весь век; никому не уступал он ни в поэзии, ни в сатире, ни в драматургии.

Никому – кроме Дени Дидро (1713–1784 гг.). История – жрица справедливости – поставила именно его рядом с Вольтером во главе духовного движения эпохи. Мысль, поиск, предвидение, мечта Дидро оказались более глубокими, напряженными, более «античными» (в близости к идеалу гармонии), чем у кого бы то ни было из просветителей. «Дидерот» – так звали его в далекой России, с которой многое связывало мыслителя. «То читатель промысла, то скептик, то безбожник», – скажет о нем позднее А.С. Пушкин.

Сторонник буржуазной идеи сильной государственной власти, «читатель промысла», Дидро, как и Вольтер, восхищался Екатериной II. Он буквально забрасывает императрицу вопросами о возможности политических реформ в России. Впоследствии Дидро напрочь порывает со своими иллюзиями, но продолжает изучать русский язык, дабы читать в подлиннике Михайлу Ломоносова. (Любопытно, что Екатерина II все-таки не забыла Дидро, купив у него для империи личную библиотеку и положив ему жалованье на 50 лет вперед как хранителю фонда.)

Социально-утопические взгляды Дидро во всей полноте обнажают трагические «качели» его мировоззрения – между Мелье и Вольтером. Как мыслитель, он конструирует схему счастливого сообщества собственников под сенью «просвещенной монархии». Как художник, горячо сочувствует страданиям народным и точно определяет (прямо по Мелье!) их причину: угнетение человечества «кучкой мошенников». Он боится отрицать собственность (все рухнет! прекратится прогресс!), но сомневается и в «извечности» отношений господства и подчинения.

В «Добавлении к «Путешествию Бугенвиля» Д. Дидро отмечает: «Сколь простым было бы законодательство народов, если бы его строго согласовали с законодательством природы! От скольких заблуждений и пороков был бы избавлен человек! Хотите вкратце узнать историю почти всех наших злосчастий? Вот она. Жил-был естественный человек. Внутри этого человека ввели искусственного человека. И вот в этой внутренней пещере загорелась гражданская война, длаящая всю жизнь. То естественный человек оказывается победителем, то его одолевает моральный, искусственный человек. Но и в том, и в другом случае бедное чудовище испытывает муки и терзания. Оно постоянно стонет и вечно несчастно, – безразлично, находится ли оно в опьянении, под влиянием ложного энтузиазма славы, или же в угнетенном состоянии, под влиянием ложной мысли о позоре» [49, с. 219].

Великий философ и Екатерина Великая активно обсуждали важнейшие политические проблемы своего времени. В знаменитых беседах Екатерины II и Дидро обе стороны согласились, что разгон парижского парламента в 1771 году – мерзость и безобразие. Дидро писал: «Императрица говорила же, что насилие, творящееся над парламентом, и уничтожение его представило французский народ в самом недостойном и жалком виде».

Так, возможно, думал и прогрессивный государственный деятель Неккер, чьи разумные меры пресекались неразумной властью, и, в конце концов, этот конфликт стал одним из поводов Великой Французской революции. Внешне куда более устойчивое правление Екатерины II могло показаться идеалом для разумных деятелей предреволюционной Франции. Лишь много позже дочь Неккера, знаменитая писательница Жермена де Сталь, посетив Россию, изрекла известный афоризм: «Правление в России – есть самовластие, ограниченное удавкой». На Западе самовластие встречало не «удавку», а сопротивление общества – противодействие парламентов, городских и провинциальных советов, интеллигенции, буржуазии, части дворянства [46, с. 71–72].

Если сравнить Россию екатерининского времени (скажем, 1770–1780-х гг.) и тогдашние главные европейские монархии, то можно сказать, что они внешне довольно похожи. Это было сходство, подобное тому сходству с Европой в конце XV века, когда одновременно завершилось объединение Англии, Франции, Испании и России; потом более бросалась в глаза «непохожесть»: Россия XVI–XVII веков все сильнее отличалась от европейских держав. И вот снова догнала, а в чем-то обогнала матушку-Европу.

К концу XVIII века и в России, и на Западе просматривалась близость стиля в архитектуре, литературе, музыке, живописи; можно отметить более или менее сходные технические движения; войска в похожих мундирах и треуголках. В российской дворянской жизни вместо петровского страха все более усиливаются понятия чести, это закреплено законом о вольности дворянской (1762), «Жалованной грамотой дворянству» (1785).

Более того, русские нравы кое в чем мягче европейских. Россия – единственная из крупных стран, где с 1754 года отменяется смертная казнь; речь не идет о постоянных (в ту пору и позже) «внесудебных» убийствах крестьян и солдат; но все же ни один суд империи отныне не имел права вынести смертного приговора без чрезвычайного, «высочайшего» утверждения (как это было в случаях с Мировичем, Пугачевым, декабристами).

Выходит, не напрасны многомиллионные жертвы петровского рывка «в Европу» и за Европой, жертвы гражданской войны (восстания Пугачева), с невероятной жестокостью подавленной венценосной императрицей? Но к западу от Эльбы крепостного права нет уже несколько веков. Французские дворяне, испанские идальго не занимаются собственным хозяйством, не затевают барщины, требующей прикрепления крестьян к земле. Огромные владения графов, герцогов, маркизов, виконтов отданы в аренду мужикам, которые платят за то чинш (оброк) и ряд других повинностей – помещику, церкви и государству.

Разумеется, французские господа пытаются повинности увеличить, деля по-своему то же самое, что русские помещики, увеличивая барщину, а крестьяне, как могут, сопротивляются натиску, приближая последний день и час старых хозяев [46, с. 69–70].

Исторический парадокс: завершившая закрепощение крестьян и жестоко подавившая пугачевщину, Екатерина II даровала дворянам те основные права и льготы, которые в немалой мере способствовали в дальнейшем появлению дворянских революционеров-декабристов. Павел I, стремившийся задушить эти свободы, был подчас не прочь продемонстрировать свою близость к народу. «Близость» же самодержцев к народу была весьма и весьма «дальней» – стоит вспомнить при этом о путешествии императрицы Екатерины II в Крым и о бутафорских фасадах деревенских изб, устроенных на известном расстоянии друг от друга из раскрашенных досок и полотна, чтобы показать торжествующей монархине, как под ее эгидой пустыни заселились народом.

Предыстория этого путешествия такова. Когда осенью 1784 г. Екатерина задумала путешествие в Крым, Потемкин срочными приказами проинструктировал местных губернаторов о том, как обмануть императрицу и создать у нее выгоднейшее впечатление о состоянии завоеванного края. Выехала Екатерина лишь через три года, так что у администрации для подготовки оказалось много времени. Успех был полный.

По возвращении Екатерина писала Потемкину, что не перестает говорить «о прелестном положении мест вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении, усердии, попечении и порядке, вами устроенном всюду. А французский путешественник, маркиз де-Линь, ехавший по следам Екатерины, тогда же писал: «Теперь я узнал, что значат искусные обманы: императрица, не будучи в состоянии выходить из кареты, должна верить, что некоторые города, коим она давала знатные суммы на построение, уже совсем кончены: между тем, как часто мы находили сии же города без улиц, улицы без домов, дома без кровлей, окон и дверей. Императрице показывали одни каменные ряды, красиво выстроенные, одни колоннады губернаторских палат... В тех местах, по которым проезжала императрица, богатые декорации, нарочно для нее выстроенные, валились тотчас после ее проезда».

Это было путешествие не только императрицы, но и правительства, превратившегося в «странствующий кабинет». Вместе со двором отправились в шестимесячную поездку и некоторые иностранные послы.

Во время путешествия велись переговоры с приехавшими для встречи с Екатериной австрийским императором и польским королем, производились маневры войск и смотр кораблям только что построенного Черноморского флота. Для создания благоприятного мнения за границей Екатерина посылала письма с пути своему корреспонденту барону Гримму [46, с. 69–72].

7 января 1787 г. Екатерина выехала из Царского Села. Двор разместился в 14 каретах и 124 саях и кибитках. На целую неделю задержались в Смоленске. Наибольшей торжественностью отличалось трехмесячное пребывание двора в Киеве. Туда прибыли Потемкин, Румянцев и Суворов, съехалась польская знать. В Киеве устраивались балы и маскарады, за которыми следовали посещения двором монастырей и соборов, торжественные церковные службы.

Когда началась навигация, Екатерина и ее спутники пересели в Киеве на 80 судов и двинулись вниз по Днепру.

С участием австрийского императора, Екатерины и Потемкина происходила закладка нового города – Екатеринослава. А в письмах из Херсона Екатерина сравнивала экономическое и политическое значение этого порта для Черного моря со значением Петербурга на Балтийском море.

Путешествие Екатерины II – на одном социальном полюсе бытия – и «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева – на другом. «Первый подвижник» (по словам Екатерины II) идей французской революции на русской социальной ниве – АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ (1749–1802 гг.): «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй». Эти торжественно-мрачные слова из Третьяковского начертаны на титуле «Путешествия...». На такое-то чудище бесстрашно замахнулся европейски образованный

человек с тонким точеным профилем... «Бунтовщик хуже Пугачева» – так оценила автора «взрывоопасной» книги Екатерина II: сначала – смертный приговор, потом – кандалы, Сибирь, книгу архиеретическую – сжечь!

А.Н. Радищев не доверяет политическим утопиям и тем более – прекраснотушным упованиям на смягчение нравов. Вместе с тем, он – творец одной из интересных прогрессивных социально-литературных утопий. Концепция будущего, к которой Радищев относится с искренним сочувствием, хотя и не разделяет ее полностью, изложена в «Путешествии...», в главе «Хотиллов». Сюжетный ход автора таков: на ямском подворье случайно находит он сверток, в котором оказались бумаги неизвестного человека, начертавшего подробный «проект в будущем». По социальной сути своей он – проект эгалитаристский, но только «с русской душой».

Этот проект представляет собой просветительскую хвалу Разуму и общественному устройству, соответствующему «природе человека». В будущем обществе «неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие... Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем... Равновесие во властях, равенство в имуществвах отъемлют корень даже гражданских несогласий» [49, с. 228].

Радищев советует родовитым не обольщаться кажущимся покорством рабов: оно «опасно в беспокойствии своем». Весьма убедительны не только нравственные, но и экономические аргументы в пользу свободы и равенства: все, что делается по принуждению, из-под палки, делается «оплошно, лениво, косо и криво». Дайте крестьянину землю, дайте поработать на себя – и расцветет держава.

«Блюдитесь, – предупреждает Радищев крепостников. Грядет мятеж – всесокрушительный и правый: «Ждут случая и часа. Колокол ударяет... Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие». Потом, проехавши село Медное, где людей, словно скот, продавали с аукциона, переполненный негодованием автор ставит точку: «Свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения» [49, с. 229].

Далее в «Путешествии...» он пишет: «...Наслаждаясь внутреннею тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития, неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец любви, чужды братния и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоришну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан нам равных, братии возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверский обычай порабощать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Ассиии, обычай, диким народам приличный, обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы именем и делами словуты в коленах земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедших веков, ко стыду сего разумного времяточия сохранили его нерушимо даже до сего дня [49, с. 230].

А.К. Радищев предостерегает: «...Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувствование. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможно. Таковы суть братья наши, в узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву.

Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования. Даже обольщение колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем,

текут ему вослед и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своем другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселие мщениа, нежели пользу сотрясения уз.

Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже возвращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобства, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждении несчастных, ускорит его мах. Блюдитесь» [49, с. 228–230].

Екатерина II смогла по достоинству оценить «взрывоопасный» потенциал творения Радищева и достойно «вознаградить» его.

В период правления Екатерины II наступление на права и вольности украинского народа, в особенности казачества, достигло апогея. В челобитной войска Запорожского Екатерине II от 23 декабря 1771 г. об «укреплении земель по обе стороны Днепра, выслуженных предками и пожалование на это грамоты», отмечается: «как только мы, всеподданейшее В.И.В. Войско Запорожское Низовое, пошли на службу В.И.В., оставя свои зимовники, то приехавши, генерал-порутчик военной коллегии, член и кавалер Деденев на запорожских землях в реки Московки, на местах, где были козацьи зимовники строения разобрати; при той же крепости теперь населяется, по дозволению тамошних комендантов, многие народы, коими оные коменданты владея, корыстуются и допускают их к покориствованию запорожскими землями и разными угодиями, опустошая, и уже совсем опустошили запорожские леса на строение и на обогревание, а запорожские козаки, без жилищ будучи, разорения терпят, крайнюю нужду и обиду. Потом на сей стороне Днепра сверх прежних крепостей и последней называемой Павловской и другие ретранжименты состроено и слободы тамо населяют на запорожских землях в презрение Высочайшей В.И.В. грамоты, состоявшейся в 1768 г., коею всемилостивейше повелено оставить земли до спокойных времен, – как Бешбайраки, так и другие леса вовсе опустошили до крайности. ...Людей привлекают к себе в подданство, в случай и насильственной рукою» [104, с. 270–272]. Архивные документы свидетельствуют об «императорской реакции» на казачью челобитную: «Досталось и запорожцам от переходящих в Крым русских команд: весь скот их поугоняли и вырезали на мясо» [104, с. 271].

В кампанию 1774 г. русская армия переправилась за Дунай. В один день, 9 (20) июня, были одержаны две победы: Салтыков разбил 15-тысячный отряд турок у Туртукая, а Суворов наголову разгромил 40-тысячную армию великого визиря у Козлуджи. Затем русские войска подошли к Шумле, где была ставка великого визиря. Вскоре русские отряды появились за Балканами. Турки запросили мира.

Румянцев умело воспользовался трудным положением турецкой армии.

По условиям Кючук-Кайнарджийского договора Россия приобрела выход к Черному морю. К ней переходили Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн. Она могла отныне строить на Черном море свой флот. Русские торговые корабли получили право прохода через проливы, что создавало возможности для широкого развития торговли южной России со странами Западной Европы.

Крымское ханство становилось независимым от Турции, и тем самым предreshался последующий переход его под власть России. Порта выплачивала русскому правительству 4 млн. руб. контрибуции. Южная граница России отныне обеспечивалась от татарских набегов [69, Т. III, с. 528]. Данное значимое геополитическое событие оказало существенное влияние на развитие украинско-российских взаимоотношений, на судьбу запорожского казачества.

В связи с выходом России к Азово-Черноморскому побережью Запорожская Сечь стала внутренним районом страны; она утратила значение опорного пункта в борьбе с крымцами и Турцией. Существование Запорожской Сечи, казаки которой часто выходили из повиновения старшине, представляло для самодержавия известную опасность. Запорожские казаки принимали активное участие в крестьянских войнах России, в восстаниях крестьян Правобережной Украины. В самой Сечи в 1768 г. вспыхнуло восстание против старшины,

подавленое с помощью царских войск. В Запорожскую Сечь, кроме того, стягивались беглые крестьяне из центральных районов России и Левобережной Украины, что задевало интересы русских и украинских помещиков.

Запорожская Сечь, с точки зрения царских чиновников и Императорского совета, представляла собой «гнездо своеволия» и «безопасное место разбойников». Ей правительство и решило нанести первый удар.

В начале июля 1775 г. войска царского генерала Текели, возвращавшиеся в Россию после русско-турецкой войны с Дунайского театра, внезапно напали на Запорожскую Сечь и полностью разрушили ее. Бедная часть казачества готова была оказать сопротивление царским войскам, но старшина нашла общий язык с русским командованием. Большинству лиц, принадлежавших к казачьей верхушке, признанной благонадежной, правительство пожаловало землю и офицерские чины; часть старшины была выслана.

Рядовые запорожцы составили казацкое сословие, приближавшееся по своему положению к государственным крестьянам России. Часть казаков, недовольных ликвидацией Сечи, бежала за Дунай, образовав там Задунайскую Сечь.

Покончив с Запорожской Сечью, правительство вскоре распространило губернскую реформу на Левобережную Украину, окончательно лишив ее автономного устройства и остатков государственности, приобретенных в годы освободительной войны XVII в. В 1781 г. было упразднено административное деление Украины на полки и сотни, их заменили наместничества, губернии и уезды. Казацкие полки были преобразованы и вошли в состав регулярной армии. Украинская старшина получила права и привилегии российского дворянства. Стремясь уничтожить сложившуюся систему казачьего устройства, Екатерина II приказала вывезти в Петербург все войсковые регалии (знамена, печати и т.п.), напоминавшие о прежней автономии Украины [69, Т. III, с. 497].

В работах известного украинского историка Я.П. Новицкого прослеживается динамика имперского натиска на права и свободы украинского казачества: «Численні обурення, скарги, бунти запорожців, а також те, що кошовий Калнишевський підтримав Коліївщину 1768 року, стало приводом для остаточного зруйнування Січі. Насамперед Катерина повністю скасувала гетьманство, наказавши в 1764 році Олексію Розумовському зложити владу. Згодом 1775 р. вислала військові команди по запорозьких землях, які відбирали зброю в тих козаків, що займались мирними промислами. А 4 червня 1775 року, на саму Зелену неділю, військо генерала Текелія зненацька оточило Січ. Текелій оголосив, що цариця Січ касує і що запорожці повинні скласти зброю. Для козаків це було як грім з ясного неба. Молодші вирішили будь-що не здаватися. Але козацька старшина на чолі з Петром Калнишевським та архімандритом Володимиром, зваживши перевагу московського війська (понад 200 тис.), умовила козаків скласти зброю.

Москалі зруйнували Січ, забрали з собою усі скарби, зброю, клейноди, козацькі грамоти і архіви, пограбували церкви і розорили житла, забрали в полон старшину на чолі з Калнишевським і без суду заслали в Сибір, а кошового – до Соловецького монастиря.

Більшість козаків, обдуривши Текелія, під прикриттям нібито риболовлі подалися човнами аж до Чорного моря, а звідти в Туреччину, де їх прийняв султан на службу і наділив землею в гирлі Дунаю. Там вони прожили аж до 1828 року, а 1828 року повернулися в Росію під проводом отамана Йосипа Гладкого.

1779 року Катерина II вирішила повернути козаків на батьківщину, обіцяла їм попередні вольності – адже вони були доброю підмогою у війнах з турками. Але запорожці вже не вірили обіцянкам цариці. Тоді вона вирішила використати в черговій війні тих козаків, що лишилися в Україні, та тих, що жили в Черномор'ї, обіцявши їм землі од Дністра до Бугу. Але Москва все одно боялася козацької держави над Чорним морем, тому цариця знову обдурила запорожців – обіцяні землі роздарувала своїм придворним, а для козаків (тоді вже перейменованих у «військо чорноморське») видала грамоту 1792 року про переселення їх на річку Кубань. Знову запорожці зривалися з насиджених місць і мандрували на чужину, де

заснували останній кіш на р.Кубань, назвавши його Катеринодаром. Там вони вже не мали ніяких вольностей і прав, не сміли навіть обрати кошового, а згодом були з'єднані з російськими лінійними козаками і названі Кубанським військом.

1783 року на Україні був повністю ліквідований козацький устрій і заведена рекрутчина, а до 1800 року російська імперія затерла всі сліди нашої державності і перетворила Україну на московську провінцію» [104, с. 271].

В «Книгах Бытия Украинского Народа» Костомаров писав: «А німка цариця Катерина, курва всевітная, безбожница, убійниця мужа своего, востание доконала козацтво і волю, бо одібравши тих, котри були в Україні старшими, наділила їх панством і землями, понадовала їм вільну братію в ярмо і поробила одних панами, а других невольниками» [71, с. 22–23].

Екатерина II активизировала имперскую политику России не только на Украине, но и в Европе, в частности, на Балканском полуострове. Примечательно то, что в период правления немки-императрицы предпринимаются действия России по сплочению «славянского мира» под своей эгидой, координация его действий в борьбе с общими врагами. Первая подлинно победоносная война против Порты 1768–1774 годов началась с того, что подполковник русской службы болгарин Каразин пронес по покоренным турками землям призыв к восстанию в поддержку русского наступления.

Ответом стало восстание в Черногории, перекинувшееся в Албанию, Боснию, Герцеговину и Македонию. В этой войне Каразин был не одинок – многие и многие выходцы из южнославянских стран носили русский мундир. И их доля участия была в общей победе России, итогом которой стало право отныне представителям России принимать на себя роль защитников славян, проживавших под турецким владычеством.

В рассматриваемый период произошли существенные изменения как и в России, так и ее роль, место, влияние в Европе, в Азии. Так, с 1719 г. – времени проведения первой ревизии (переписи населения) – численность населения России увеличилась с 15,5 млн. человек до - 37,4 млн. по пятой ревизии (1795 г.) [99, с. 252]. Немаловажную роль в достижении столь значимого людского прироста (как и территориального) имело правление немецкой царицы на российском престоле – Екатерины II, привлечшей на службу России немало высокообразованных и одаренных европейцев.

Характернейший пример того, как Европа «приходила» в Россию и оставляла здесь значимые свершения, – судьба герцога Армана-Эммануэля де Ришелье, потомка знаменитого кардинала, внесшего весомый вклад в развитии Одессы, значимых территорий Украины.

Арман-Эммануэль тяготился пышной, но пустой и праздной версальской жизнью, в которую был погружен с детских лет. Ранняя женитьба (не по своей воле) заставляла отыскивать малейшую возможность для поездки за границу. В 1789 году он поступил на русскую службу, был гостеприимно встречен Потемкиным, направившим его к осажденному Измаилу. Он шел на приступ в штурмовых колоннах, был ранен и замечен Суворовым, награжден орденом Св. Георгия. Несколько месяцев спустя Екатерина II писала Гримму: «Единогласны отзывы о нынешнем герцоге Ришелье. Хочу, чтобы он разыграл роль кардинала этого имени, не обладая, однако, его недостатками» [214, с. 188–189].

В 1792 году Ришелье прибыл в Петербург, был представлен Екатерине II, допущен в кружок избранных на вечерах Эрмитажа, произведен в полковники. Принял участие в кампаниях 1793 и 1796 годов.

В начале 1803 года, после полутора десятков лет жизни на разрыв между Францией и Россией, Александр I предложил ему выбор: высокий воинский чин или должность одесского градоначальника. И хотя занесла его в Россию жажда военных приключений, Ришелье избрал административный пост. Причина? Более четкие очертания приобрело к этому времени желание поработать над реализацией в девственном краю уже сложившейся в сознании системы экономических и социально-политических воззрений...

На новом месте Ришелье был наделен обширными полномочиями, которыми пользовался умело и последовательно. Сразу же часть таможенных сборов была выделена

для постройки портового мола, в пользу города был введен налог на отпускаемое за границу зерно. «Не будем слишком регулировать, – говорил он, – саму общую цель видя в том, чтобы производить как можно больше, чтобы вывозить, и вывозить как можно больше, чтобы развивать производственные силы».

Росли коммерческие дома и конторы – Сикара, Инглези, Крамарева, Гари, Новикова, Филиберта, Кальба, Кетли, Полнера... Имя Ришелье имело притягательную силу в особенности для соотечественников, прибывших сюда из Марселя и других приморских городов Франции. Их силами создавались колонии с развитым земледелием и овцеводством, что облегчало переход к оседлой жизни еще оставшихся среди местного населения кочевников.

Французские эмигранты-колонисты широко использовали свой опыт для развития умеренно регулируемого сельского хозяйства. Оригинальность ситуации заключалась в том, что, будучи сам убежденным монархистом и аристократом, Ришелье создал такие условия, что противники буржуазной революции во Франции на новом месте стали проводниками новых, капиталистических, общественных отношений. Умелое сочетание таможенных пошлин и налогообложения, быстро налаженное строительство портовых и складских сооружений, при этом единство общеэкономического и ценового либерализма превратило Новороссию в «южное окно в Европу» и всеевропейскую житницу.

С 1803 по 1813 год население Одессы выросло с 8 до 25 тысяч человек. Город не только разрастался, но и приобретал вид благоустроенного. «...Я оставил мою Молдавию и явился в Европу», – писал Пушкин о прибытии в Одессу в 1823 году. Город строился по утвержденному плану, появились театр и зал общественных балов и концертов, здания коммерческой гимназии и благородного института. Улицы освещались фонарями. Совершенствовалось административное управление, был создан городской совет, в состав которого входили два человека «по выбору граждан». В 1805 году Ришелье был назначен херсонским военным губернатором и управляющим гражданской частью в Екатеринославской и Таврической губерниях, а также начальником войск крымской инспекции. Город стал административным центром всего Новороссийского края. Открылись иностранные консульства – австрийское, испанское, неаполитанское, а после Тильзитского мира – и французское. Прибывшие сюда корабли из далеких Северо-Американских Соединенных Штатов наглядно свидетельствовали о возможности именно «американского» пути сельскохозяйственного развития.

Новороссия пользовалась при Ришелье подлинной экономической и культурной автономией (хотя подобного понятия в обиходе тогда еще не было). Политика над экономикой здесь не главенствовала. К примеру, во время русско-турецкой войны 1806–1812 годов интенсивная хлебная торговля с Турцией и другими средиземноморскими странами продолжалась. Так, в самый разгар войны в 1808 году из Константинополя в Одессу прибыли 399 судов. Когда в 1810 году появилось распоряжение о запрещении вывоза хлеба из черноморских и азовских гаваней, Ришелье настоял на его отмене [214, с. 190].

Ришелье неоднократно посещал Крым. Отметив обилие стад «пастушеского народа», он принял меры по переориентации экономики на «оседлые» отрасли. Поощрялось разведение тутового дерева для шелкопрядства, лавра и оливкового дерева. Из Франции выписывались новые сорта виноградной лозы. Под непосредственным руководством Стевена основывался Никитский ботанический сад (прежде всего, для развития садоводства).

Необходимо согласиться с историком Е. Дружининой, что именно замена Ришелье на Новороссийском губернаторстве Воронцовым, а не Иваном Инзовым и стала тем переломным пунктом тогдашнего выбора (условно выражаясь, «прусского») пути дальнейшего развития. Роль рыночного Пьемонта для всей России Новороссии сыграть не удалось. В Крыму данный перелом свел на нет наметившуюся хозяйственную интеграцию всех групп населения [214, с. 190–191].

Современники воспевали Екатерину II под именем Минервы – Минерва родилась из головы Юпитера, она богиня мудрости и одновременно храбрая воительница. Имя «Минерва» – как бы псевдоним Екатерины. И в общественной, и в личной жизни она старалась соответствовать своему «званию». Это сказывалось в ее отношении к философии и философам. Слыть философом тогда было не только престижно, но и необходимо для поддержания своей репутации в свете. Царица оказывала влияние на общество поездками по стране, манифестами, но больше всего разговорами и письмами. Переписка в то время была отнюдь не праздным занятием: письма часто предназначались для чтения вслух, в переписке формировался новый тип русского человека, тот тип, который мы сегодня называем личностью. Личность как массовое явление была тогда новостью для русского общества.

Екатерина II доказала, что женщина может управлять огромным государством, которое она в шутку называла «мое маленькое хозяйство», собирать исторические документы, держать салон, вести огромную переписку, сочинять трактаты и комедии, точить из кости, дерева и янтаря, переводить рисунки на стекло, гравировать и воспитывать внуков, принимать роды и оставаться при этом приветливой, жизнерадостной.

Как бы подводя итог правления Екатерины II, видный дипломат того времени Безбородко выразился так: «...при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела» [68, Т. V, с. 58].

Надгробную надпись Екатерина II сочинила для себя такую: «Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля (2 мая) 1729 года. Она прибыла в Россию в 1744 г., чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцати лет от роду она возымела тройное намерение – понравиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течении 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. «Пощадливая», обходительная, от природы веселонравная, с душой республиканской и добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей давалась легко, она любила искусство и быть на людях...». Вот такой многогранной и противоречивой была ее личность, которая символизирует многогранную, сложную, но необычайно интересную эпоху российской истории.

Характерно, что с воцарением Екатерины II уже не Россия, «окровавленная и исполосованная петровским кнутом», была «вброшена» в Европу, а европейская ментальность, традиции и культура, воплотившиеся в личности императрицы, «пожаловали» на российские бескрайние просторы, так и не «спромогшись» изменить кардинально славянскую ментальность.

Существенные изменения происходили в данный исторический период и в Западной Европе – век Просвещения ознаменовался небывалым расцветом общественной мысли, стал веком критики и низвержения всех старых устоев. Великая революция, которой он был чреват, прежде всего началась в умах. Если годы «короля-солнца» погрузили страну в духовную спячку, когда, боясь шпигов и доносов, люди прятались по углам и предпочитали помалкивать, то вдруг стали говорить в полный голос и обо всем.

У библиотеки Мазарини, единственной публичной библиотеки столицы Франции, с раннего утра выстраивались очереди. Читатели подсказывали журналистам темы, раскрытия которых желали бы на страницах прессы, и не только подсказывали, но и властно требовали их. Вкусы читающей публики менялись на глазах.

На первое место выдвинулись политические и социальные проблемы. Люди заговорили о гражданской свободе, естественном равенстве, конституции. Искусство, еще так недавно находившееся в центре внимания, отходило на второй план или превращалось в средство популяризации научных, моральных, политических идей. Полемика стала господствующим тоном в литературе.

Когда в 1774 году молодой Людовик XVI сменил на престоле своего развратного деда, кое-кто полагал, что начинается новая эра. Действительно, новый король был лишен ряда пороков Людовика XV, доведшего Францию до состояния полного банкротства. И все же «новой эры» не получилось.

Сам находившийся под сильным влиянием жены, легкомысленной и расточительной Марии-Антуанетты, Людовик XVI быстро распростился с наиболее благоразумным из своих советников и министров, отверг принятую было бережливость и экономию, непомерные траты двора вновь поставили правительство перед бездонной пропастью дефицита.

В королевском дворце в Версале, как и прежде, царил нескончаемый праздник: охота и карточная игра сменялись пышными театральными представлениями и балами, придворные танцевали и веселились, прожигая жизнь на щедрые королевские подачки, забиравшие до пятой части доходов страны, а денег в казне не было. Государственный долг вырос до непомерных размеров, все налоги были собраны за несколько лет вперед, но и это не спасало положения.

В 1787 году, по настоянию Колонна, правительство решило созвать нотаблей. Избранные представители дворянства и духовенства должны были найти способы покрыть хронический дефицит государственного бюджета монархии. Созвав нотаблей, Колонн осторожно поставил перед ними проект изменения налоговой системы: привилегированным сословиям предложили уплатить часть государственных налогов.

Такое предложение глубоко возмутило нотаблей. Принцы, герцоги, епископы и аббаты, привыкшие обирать казну, не пожелали ради нее выворачивать собственные карманы. Нет, они не могут поступиться своей важнейшей привилегией, они не станут платить, ибо уплата налогов – дело третьего сословия!

Оскорбленные в кровных интересах, они не пожелали поддержать своего короля, и последнему не оставалось ничего другого, как распустить их. Колонн получил отставку. Но теперь даже двор понял, что без налогового обложения дворянства и духовенства не обойтись. Однако все усилия правительства не могли сломить сопротивления привилегированных. Парижский парламент объявил, что право утверждать новые налоги принадлежит исключительно Генеральным штатам.

Генеральные штаты! Старинное, архаическое учреждение, не созывавшееся 175 лет!.. Теперь, вспомнив о былом, привилегированные просто пытались выиграть время и уклониться от немедленной уплаты налогов. Но получилось иное. Стремясь сохранить свои права, два высших сословия нанесли страшный удар своей опоре – абсолютной монархии.

Требование созыва Генеральных штатов вскоре сделалось стремлением всей нации. Под домокловым мечом банкротства, грозного ропота народа, готового начать всеобщее восстание, монархия решила пойти на эту крайнюю меру. Королевский указ объявил созыв Генеральных штатов сначала на 27 апреля, затем на 5 мая 1789 года. С давних пор косвенные налоги, затем пошлины на табак, напитки, крахмал, кожи и многое другое, составляли весьма солидную часть доходов Французской монархии. Они были особенно тяжелы для народа, поскольку правительство, постоянно нуждавшееся в деньгах, сдавало их на откуп; откупщики же буквально душили крестьян, ремесленников и рабочих, выколачивая из них с помощью жандармов и солдат максимальную прибыль.

В июльские дни 1789 года парижане первым делом разрушили ненавистные заставы, окружавшие столицу, и явочным порядком, как и жители других городов и областей, отказались от уплаты косвенных налогов. Однако это не входило в планы крупных собственников – новый бюджет, составленный министром финансов, покоился на сохранении в силе всех старых платежей, что привело к быстрому падению популярности некогда боготворимого третьим сословием Неккера. 2 марта 1791 года Учредительное собрание издает декрет об отмене наиболее обременительных косвенных налогов.

Революция во Франции правящими кругами Петербурга сначала не была принята всерьез. Двор Екатерины II увидел в падении Бастилии в июле 1789 г. очередное народное

возмущение, с которым неоднократно и прежде приходилось сталкиваться королевской власти. Только на этот раз волнения, казалось, были несколько сильнее, а главное, они начались крайне некстати для царского правительства.

Первоначально Екатерина II не вникала в причины происходивших во Франции событий и объясняла их в основном финансовыми трудностями, происками английской дипломатии и личными качествами Людовика XVI. «Причина всему – король, – говорила она. – Он всякий вечер пьян, и им управляет кто хочет». Все остальное, по мнению Екатерины, не заслуживало большого внимания. Она с гневом именовала Париж «адовым пеклом», «притоном разбойников» и зачисляла в лагерь революционеров все враждебные абсолютизму партии: и умеренных конституционалистов, и жирондистов, и кордельеров. Ей в той же мере были ненавистны Мирабо и Лафайет, как впоследствии Марат и Робеспьер. В ее представлении Учредительное собрание являлось «гидрой в 1200 голов», Екатерина именовала это собрание «преступной, пагубной и всеразвращающей ассамблеей».

Хотя в Петербурге вынашивалась идея «крестового похода» против революционной Франции, однако русское правительство в то время не решилось открыть военные действия. Императрица однажды сказала своему секретарю: «Я ломаю себе голову, чтоб подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... я хочу впутать их в дела, чтобы иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтоб они были заняты и мне не мешали» [120, с. 226].

Вооруженное столкновение между революционной Францией и феодально-абсолютистскими монархами Европы казалось неизбежным, но неожиданно 1 марта 1792 г. умер один из вдохновителей антифранцузской коалиции, Леопольд II (по слухам, его отравили). Две недели спустя в Стокгольме от руки участника дворцового заговора пал другой инициатор похода. Как же воспринимали и оценивали события их очевидцы и участники?

Известный французский писатель, «отец» французского романтизма и очевидец Великой Французской революции Франсуа Рене де Шатобриан отмечал: «Во все времена свершались преступления, но свершались отнюдь не хладнокровно, как в наши дни... Сегодня преступления уже не вызывают негодования, они кажутся веянием времени. В развращенности духа, куда более разрушительной, чем развращенность чувств, видят неизбежное зло, она уже не является принадлежностью отдельных людей, она стала достоянием общества» [121].

Характерно, что революции вначале свершаются в умах, нравах, в ментальности народа, затем рушатся формации! «Буревестник» Французской революции, продолжатель дела Эразма Роттердамского Жан Мелье возвещал:

Мы добрых граждан позабавим,
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим!» [121].

21 июня 1791 года Париж был разбужен тремя пушечными выстрелами: жители столицы извещались, что Людовик XVI, с которым столько месяцев пыталось найти компромисс Учредительное собрание, тайно бежал вместе с семьей из Тюильрийского дворца, намереваясь покинуть Францию. Королевская затея не удалась. В тот же день беглецы были задержаны неподалеку от границы. Возникал законный вопрос: что делать дальше?

17 июля на Марсовом поле собрались тысячи людей, чтобы подписать петицию, гвардейцы Лафайета по приказу мэра Парижа Байи расстреляли безоружную толпу.

Все эти события быстро следовали одно за другим. Теперь все было доведено до логического конца: король изменил Собранию, Собрание «оскандалилось» в глазах целой Франции, и одна часть бывшего третьего сословия во имя предателя-короля пролила кровь другой. Осенью Учредительное собрание полностью закончило работу над конституцией – итогом своего более чем двухлетнего творчества.

Конституция торжественно провозглашала принцип народного суверенитета – высшая законодательная власть вручалась Законодательному собранию, избираемому сроком на два года по цензовой системе из числа «активных» граждан. Главой исполнительной власти объявлялся король, назначавший министров, высших военачальников и наделенный правом вето – правом надолго приостанавливать любой законопроект Собрания. Личность короля объявлялась неприкосновенной, ответственности подлежали представители исполнительной власти. Конституция не разрешила аграрного вопроса и узаконила рабство в колониях.

10 августа 1792 начался новый этап революции. Санкюты столицы в союзе с батальонами департаментов в ответ на приготовления роялистов осадили и взяли штурмом Тюильрийский дворец. Тысячелетняя французская монархия пала.

Вместе с ней была повергнута конституция. Законодательному собранию предстояло уступить место новому органу власти – Национальному Конвенту, выборы в который должны были проходить всенародно, без деления граждан на «активных» и «пассивных». Действительно, пророческой оказалась сентенция Мирабо, сказанная на другой день после взятия Бастилии: «Молчание народов – урок королям!»

Вчерашние мечтатели, философы, поэты, врачи, оказавшись у кормила французского государства, решили ускорить ход естественных событий, «пришпорить клячу-историю», одним махом покончить со всеми европейскими и мировыми проблемами. В чем это выражалось, к чему все привело? «Несколько своевременно отрубленных голов..., – полагал Марат, – на целые столетия избавят великую нацию от бедствий нищеты и ужасов гражданских войн. Это писано в начале 1790 года. Но через полгода тот же Марат потребует отрубить пятьсот-шестьсот голов, еще через полгода – пять-шесть тысяч, а в 1793 году – миллион с лишком. И это не было упражнениями в риторике – гильотина работала исправно. Да и кровь Марата вскоре обагрила французскую землю.

По мере накала событий во Франции возрастала активность и со стороны монархических держав. Об этом ярко свидетельствовали дух и направленность Тройственного союза, заключенного в конце 1795 г. Между Россией, Англией и Австрией. В России готовился 60-тысячный экспедиционный корпус для действий против Франции. Смерть русской императрицы Екатерины II 7 ноября 1796 г. помешала осуществить эти планы. Непосредственное участие в военных действиях русские войска приняли лишь во второй коалиции против французской республики, сколоченной Англией в конце 1798 г. [122, с. 254–255].

Террор порождает всегда и везде жажду отмщения, рано или поздно адекватно воздающую тем же инициаторам его развязывания. Лидеры повергнутой Жиронды, бежав из-под нестроного домашнего ареста в свои департаменты, подняли против якобинского Конвента всех недовольных. Юг и запад Франции запылали в огне контрреволюционных мятежей. В Вандее и Лионе жирондисты сомкнулись с роялистами. 13 июля от ножа фанатички, подосланной из мятежного департамента Кальвадос, пал «Друг народа» – Жан Поль Марат. Почти одновременно в мятежном Лионе сложил голову вождь якобинцев Жозеф Шалье.

При этом из крови, грязи, преступлений французской революции выросла практически современная западная цивилизация и американское мироустройство, а именно: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (Всеобщая декларация прав человека).

Франсуа Рене де Шатобриан отмечал в своих «Замогильных записках»: «Вашингтон и Бонапарт вышли из лона Французской революции: оба дети свободы, но первый остался ей верен, второй же ее предал».

Результат общеизвестен. «Республика Вашингтона живет: империя Наполеона рухнула», – резюмирует французский писатель. И добавляет: «Вашингтон выражал нужды, мысли,

познания, взгляды своей эпохи: он содействовал, а не препятствовал развитию умов». При этом «переизбыток свободы, – предупреждает Шатобриан, – ведет к деспотизму».

Впрочем, писатель спешит оговориться: «Но переизбыток тирании ведет только к тирании» [121].

В период Великой французской революции рождается понятие – символ, определившее развитие, как Европы, так и впоследствии всего мира на столетия; понятие – нации. В отличие от слова «народ» оно означает некую человеческую общность, отличающуюся не внешними признаками (цвет кожи, волос, глаз или одежда) и не физиологическими данными кровного родства или черт характера, а своеобразием культуры в самом широком понимании этого термина. Понятие «нация», подчеркивающее самое главное и ценное, что есть в человеке, быстро укрепилось в словарях всех германо-романских и славянских народов, и последствием этого были глобальные изменения в геополитических взаимоотношениях «Запад – Восток» [123, с. 47].

История порой фантастогорично соединяет в своем поступательном развитии те или иные события и их действующие лица: эпоха Екатерины Великой была на исходе, когда разворачивается трагично-величественная феерия Великой Французской революции, породившей как американскую республику (США), так впоследствии и Великую Октябрьскую революцию, большевизм, сталинщину (как «европеизированную азиатщину»).

Не только Западная Европа изменила свой лик под влиянием революции. Смерть Екатерины II ознаменовала смену не только той или иной личности на вершине властного Олимпа, но и попытку внедрения новых элементов в системе государственного правления: Петр I и Екатерина II делали упор на «людей чести», «дворянскую интеллигенцию», народу же предписывалось исключительно исполнение и подчинение. Это был вариант «просвещенного абсолютизма». Павел I, сменивший на венценосном престоле блестящую посланницу Европы – немку Екатерину, в определенной степени расходился с активным дворянством, желал ослабить его претензии, при этом усиливалась идеологическая ориентация на «народность», доминировала опора властей на неграмотные миллионы, верящие своим царям в отличие от «много рассуждающих умников». В этом случае возникал вариант «непросвещенного» абсолютизма.

Что же крылось за подобной заменой «просвещенного» абсолютизма на «непросвещенный»? Никогда еще по сигналу свистка не бывало такой быстрой смены всех декораций, как это произошло при восшествии на престол Павла I. Все изменилось быстрее, чем в один день: костюмы, прически, наружность, манеры, занятия. До этого щеголи старались придать более изящный вид своим мундирам и охотно носили их расстегнутыми – теперь же с неумолимой строгостью вводилось платье прусского покроя, времен старого Фридриха, которое носила гатчинская армия. Парад сделался главным занятием каждого дня, и на этих парадах разыгрывались самые важные события, под влиянием которых император на всю остальную часть дня становился довольным или раздраженным, снисходительным и расточавшим милости или строгим и даже ужасным. Вскоре гатчинская миниатюрная армия торжественно вступила в Петербург. Она должна была служить образцом для гвардейцев и всей русской армии.

Император в своих решениях руководствовался лишь одним желанием: чтобы его воля немедленно исполнялась, хотя бы то были распоряжения, отданные по первому побуждению и без всяких размышлений. Ужас, им внушаемый, заставлял всех с трепетом и покорно опущенной головой подчиняться его приказаниям, самым неожиданным и странным.

На парадах ежедневно происходили неприятные или необычайные сцены. Заслуженные офицеры и генералы по ничтожным поводам либо впадали в немилость, либо получали отличия, которые едва ли в обычное время могли быть заслужены ими.

Император запретил ношение круглых шляп, которые он считал признаком либерализма. Если кто-нибудь в толпе, присутствовавшей на параде, показывался в круглой шляпе, адъютанты бросались вдогонку за виновным, убегающим со всех ног, чтобы избежать

наказания палками в ближайшей кордегардии. Император ежедневно объезжал город в санях или в коляске в сопровождении флигель-адъютанта. Каждый повстречавшийся с императором экипаж должен был остановиться: кучер, фореитор, лакеи были обязаны снять шапки, владельцы экипажа должны были немедленно выйти и сделать глубокий реверанс императору, наблюдавшему достаточно ли почтительно был он выполнен.

Можно было видеть женщин с детьми, похолодевшими от страха, выходявших на снег во время сильного мороза или в грязь во время распутицы, и с дрожью приветствующих государя глубоким поклоном. Поэтому, гуляя по улицам пешком или выезжая в экипаже, все очень заботились о том, чтобы избежать страшной встречи с государем. При его приближении убегали в смежные улицы или прятались в подворотни.

Все те, кто принадлежал ко двору или появлялся перед императором, находились в состоянии постоянного страха. Никто не был уверен, будет ли он еще на своем месте к концу дня. Ложась спать, не знали, не явится ли ночью или утром какой-нибудь фельдъегерь, чтобы посадить в кибитку и отправить в Сибирь [124, с. 113–129; 156–161]. На вахтпарады офицеры приходили со слугами, с запасом денег, платья, белья в чемоданах, ибо часто случалось, что после развода провинившийся офицер тотчас же направлялся прямым трактом в Сибирь. Всех обучавшихся за границей указано вернуть в Россию в течение двух месяцев, ибо «оттуда привозят зловерные принципы, развратные правила поведения, намереваясь исторгнуть себя из-под законного повиновения, наклонны к убийству и своеволию». Морского офицера лейтенанта Акимова, вернувшегося из Англии, где он обучался, Павел I наказал за двустийе, посвященное собору Исаакия, который начат был Екатериной из мрамора, а Павлом достраивался из кирпича:

Се памятник двух царств, обоих столь отличный:
На мраморном низу воздвигнут верх кирпичный.

Акимову отрезали уши и язык, сослали в Сибирь.

То и дело издавались приказы: «Наказав нещадно кнутом, вырезав ноздри, сослать на вечную каторгу!» Если в указе было написано «Наказать нещадно кнутом», все понимали, что это означает – запороть насмерть [125, с. 64].

Наиболее характерными фигурами правления Павла I были «виртуальные» фигуры поручика Синюхина и поручика Киж. История их такова: услышав, что его, «как умершего горячкою», приказано «считать по службе выбывшим», поручик Синюхин резонно усомнился в факте собственного существования. Его выселили из комнаты, отец положил признанного умершим сына в госпиталь, прикрепив над кроватью табличку – «Случайная смерть». Не помогло. Поручик скитался по стране, пока не растворился в пространстве.

Его товарищу, подпоручику по званию, повезло больше. «В одном из приказов по военному ведомству писарь, когда писал «прапорщики и такие-то в подпоручики», перенес на другую строку слоги «Ки-ж», написав при этом большое «К». Второпях, пробегаая этот приказ, государь принял этот слог за фамилию и произвел подпоручика Киж в поручики и потом продвигал его до полковника, а когда дело дошло до генеральского чина, государю сообщили, что Киж умер. «Жаль, – сказал государь, – был хороший офицер».

Поручик Синюхин и подпоручик Киж являются самыми яркими типами во всей российской истории. Один возник из небытия, другой из реальности ушел в небытие.

Трудно придумать что-либо более точное и своевременное, чем резолюция, наложенная некогда на прошение драгунского офицера: «Исключенному поручику – за смертью, просившему принять его на службу, потому что жив, а не умер, отказать по той же самой причине» [126].

Плачевный был исход царствования Павла I, по мнению известного историка В.О. Ключевского, «представлявшего из себя одичалого человека, не умевшего усвоить не только элементарных политических понятий, но и простейших правил человеческого общежития... обязательных для всякого человека, на каком бы общественном посту он не стоял... пытавшегося воплотить «равенство» в России весьма своеобразно – не уравнивая всех в их

правах и свободах, а «опуская» в бесправии. Так, он отменил свободу от телесных наказаний, которым пользовались дворяне, именитые граждане, купцы I и II гильдии, белое духовенство, и произвел всеобщее уравнивание путем общего бесправия, ввел «свободу» через всеобщее рабство [68, с. 320].

Все это привело к трагическому исходу царствования Павла I. Михайловский замок, построенный по проектам архитекторов Баженова и Бренна, закончен был всего за несколько месяцев до царевубийства 11 марта 1801 г. – Павел хотел создать крепость, в которой он мог бы укрыться от заговоров, всюду ему мерещившихся.

Целый ряд мероприятий Павла (ограничение «Жалованной грамоты», указ о трехдневной барщине, массовые исключения дворян со службы и т.п.) являлся прямым нарушением привилегий, полученных дворянством в прошлое царствование и создавших ему монополитическое положение в государстве. Во внешней политике охлаждение Павла к Англии и сближение с Францией серьезным образом задевали насущные интересы дворянства, так как экономически Англия с Россией были связаны теснейшими узами. Антидворянские тенденции Павла были показателем острого столкновения феодально-крепостнических и буржуазных интересов, столкновения, в котором император не стал всецело на сторону того класса, к которому принадлежал сам.

В результате среди дворянства создалось враждебное отношение к Павлу. Оно усиливалось еще благодаря суровому политическому режиму и личным качествам Павла. Таким образом, почва для заговора оказалась хорошо подготовленной. Заговорщики, в состав которых входили исключительно гвардейские офицеры, во главе с военным губернатором столицы гр. Паленом, предполагали заставить Павла отречься от престола в пользу Александра, косвенно участвовавшего в заговоре.

Разбившись на два отряда, заговорщики в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. проникли в замок. Отряд, возглавляемый Паленом, занял главную лестницу замка и оставался здесь до самого конца. Другой отряд, предводительствуемый ген. Беннигсенем, пройдя потайным ходом, достиг спальни Павла.

Детальное описание переворота рисует следующую картину действий заговорщиков: «Около 11 часов вечера заговорщики собрались в квартире Талызина – командира Преображенского полка. В половине двенадцатого появился Пален. Еще потребовалось шампанское.

– Стройтесь в две колонны! Разделяетесь – кто пойдет со мной, кто с князем Платоном Зубовым! Поднялись по лесенке в маленькую кухню, смежную с прихожей, перед спальней государя. Здесь спал охранитель, камер-гусар, прислонившись головой к печке. Один из офицеров рубанул его саблею, гусар закричал во всю мочь:

– Убивают государя, спасите!

Граф Кутайсов, живший этажом ниже, проснулся от шума и кинулся было на помощь, но устранившись, стал спасать только себя. Как заяц «стрельнул» он из замка, по дороге теряя свои ночные туфли.

Павел в испуге вскочил. Забыл или побоялся спуститься к Гагариной потайной лестницей. Спрятался в камин и заслонился экраном.

Едва заговорщики гурьбой вошли с шумом в спальню, как на лестнице раздались шаги и бряцание оружия. Все решили, что их сейчас арестуют, и шарахнулись бежать. Генерал Беннигсен один не был пьян. Он мгновенно представил себе все последствия неудачи и проявил твердую решимость, не зависящую ни от каких неожиданных впечатлений. – Пален знал, кому доверять выполнение дела. Беннигсен, обнажив саблю, стал у дверей и кратко сказал:

– Назад уже поздно. Зарублю. Кончайте [125].

Луна осветила босые ноги Павла. Беннигсен отодвинул от камина экран и, указывая на небольшую фигуру в белом полотняном камзоле и ночном колпаке, произнес по-французски:

– Вот он...

Беннигсен, не оборачиваясь, вошел в кабинет Павла и сделал вид, что спокойно рассматривает картины, висевшие на стенах. Когда он вернулся – все было кончено. Павел мертвый лежал на полу.

– Благопристойно уложите его на кровать, – приказал Беннигсен и пошел навстречу входившему Палену.

Когда кто-то из приближенных обратился к Александру со словами: «Ваше величество», он понял, что отец его умер, и забился в истерику.

– Вам ведь было известно, – желая сказать мягко, но с плохо скрытой усмешкой сказал Пален, – вам было известно, что исход заговора означал для вас либо престол, либо заточение, если не гибель. Что же вас теперь убивает?

– Вы мне клялись, что отец будет жив!

– Меня в это время не было в спальне императора, я охранял вашу матушку, – не дрогнув, сказал Пален и с прорвавшейся вдруг властью приказал: «Довольно ребячиться. Ступайте царствовать. Покажитесь народу!» [125, с. 271–274].

Профессия «царя, самодержца всея Руси» была весьма и весьма опасной, хотя и почетной, притягательной, необходимо желательной... Если возьмем глав и наследников императорского рода России и посмотрим, какой смертью они закончили свой путь, то статистика будет довольно поучительная.

1. Петр I – своей смертью.
2. Алексей Петрович, наследник – казнен отцом.
3. Екатерина I – своей смертью.
4. Петр II – своей смертью.
5. Анна Иоанновна – своей смертью.
6. Иоанн Антонович – убит конвоем.
7. Анна Леопольдовна, правительница – умерла в тюрьме.
8. Елизавета – своей смертью.
9. Петр III – смещен гвардией, убит.
10. Екатерина II – своей смертью.
11. Павел – убит гвардией.
12. Александр I – своей смертью.
13. Николай I – своей смертью? (Покончил с собой?).
14. Александр II – убит революционерами.
15. Александр III – своей смертью.
16. Николай II – убит.
17. Алексей, наследник – убит.

С 1721 года, когда Петр объявил себя императором, по 1917 год, за 196 лет империи, из 17 человек, имевших непосредственное отношение к ее управлению, своей смертью умерло всего 9 человек (если считать и Николая I, то есть чуть более половины). Другая половина оказалась России так или иначе не нужна. Среди убитых были и явно невинные, скажем, дети.

196 лет на 17 человек – это менее 12 лет на каждого или 14 лет на тех, кто действительно правил. Для такого срока характерна 50-процентная вероятность смерти. «Должность» российского императора была опаснее должности летчика-испытателя или космонавта.

Смещали императора силы, более мощные, чем претендент. Можно было бы говорить об интриге Екатерины II против Петра III, но с того момента, когда он подписал свой первый указ, Россия подписала ему смертный приговор, и судьба его была уже предрешена и без Екатерины.

К чести российских великих князей, царей и императоров, большинство из них понимали свое предназначение и честно исполняли свой долг, при этом зачастую История «подписывала» им свой приговор при первых же их деяниях, свершениях, преобразованиях [89, с. 61–62].

Культура России, ее самобытность ковались на протяжении столетий представителями различных стран и народов. Царствующий дом Романовых также представлял собой полный космополитический «Интернационал»: последним чисто русским по крови был Петр Великий, а сын и дочери его рождены курляндской крестьянкой, не говоря уже об их наследниках, в жилах которых русская кровь от царствования к царствованию обильно разбавлялась немецкой, датской, английской [127, с. 3].

Это отражало общую тенденцию. «Славянский мир» впитывал в себя все «несовместимое» разнообразие как Востока, так и Запада, опровергая своим феноменом кипплинговское «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им никогда не сойтись!» – сошлись в истории России.

Вторжение «инородного начала» (расового или культурно-сословного) обычно делает человека полновластным хозяином национальной культуры. Тому пример Пушкин, потомок «арапа Петра Великого» и правнук Христины фон Шеберх (по-русски она говорила так: «Шорн шорт делает мне шорни репят и дает им шертовск имя»); и его в лице прозвали «французом»... Но именно о нем скажет Гоголь: «Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа». «Архирусский» Суворов был с материнской стороны армянином, насмешливый ипохондрик князь Потемкин-Таврический находил, что «солдатские шутки Александра Васильевича явно отзывают кавказским балагурством». Здесь было что-то от «зоркости со стороны», от влюбленной в русскую речь настороженности Даля, бесподобного знатока русского слова и, что существенно, тоже человека «нерусских кровей».

«Интернализация» же славянского мира придавала ему внутреннюю силу, необоримость и мощь. Причина подобного явления заключается в том, что разрозненно-национальное – одна из ярких, самобытных ипостасей общечеловеческого – одна из граней «Homo sapiens»! «Интернационализацию» славянского мира можно уподобить гетевскому образному: «Лишь все человечество, все нации в своей совокупности представляют истинного человека, истинное человечество» [126, с. 185].

История нужна нам не для того, чтобы разобраться, что и как происходило в прошлом, а для того, чтобы ожившее прошлое объясняло нам, кто мы есть, и открыло бы путь в будущее.

Аллан Блум «Тупик американского мышления»

Мстить истории бессмысленно. Смеяться над ней глупо. Значительно важнее ее понять и увидеть, где мы «запнулись или рухнули».

В.О. Ключевский

Поэту, сенатору и сапожнику одинаково трудно признать, что не он – конечная цель мироздания и венец всего сущего.

А. Франс

НАПОЛЕОН I – АЛЕКСАНДР I – НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

(Мировое господство как тысячелетний мираж!)

XIX век, если иметь в виду европейскую цивилизацию, был создан, наполнен французской революцией. «Марсельезу» можно назвать гимном, ведущей мелодией XIX века. Утвердился новый тип общества, движущей пружиной, мотором его развития служило

экономическое неравенство политически равноправных людей. Здесь секрет его успехов, но здесь же и тайна его противоречий, его исторической ограниченности.

В 1801 году на Российском престоле оказался умный, образованный царь – Александр I, испытавший на себе «ужасы самовластья» отца. В ответ на восторги госпожи де Сталь, восклицавшей, что иметь такого императора куда лучше, нежели опираться на конституцию, он отвечает знаменитым афоризмом: «Мадам, даже если Вы правы, я не более чем счастливая случайность».

Ситуация представляется идеальной: благонамеренный император хочет осчастливить свой народ: народ, очевидно, не откажется от улучшения собственной участи, власть и возможности Зимнего дворца огромна. За чем же дело стало?

В любые исторические эпохи примерно один-два процента населения являются тем, что принято называть правящим классом или правящим слоем. Дворянство, окультуренное, но крепостническое, государственный аппарат, усовершенствованный Петром I и его преемниками, – вот страшная сила, которую необходимо было нейтрализовать или преодолеть.

За советом Александр I обращается к любимому учителю Лагарну и вскоре, 16 октября 1801 года, получает любопытные «директивы», которые, в общем, принимает к исполнению. Ценность их заключалась в том, что умный швейцарец возглавлял одно время родное государство, и советы мог дать квалифицированные.

Попытки «подступиться» к делу реформирования российской государственности в начальный период правления Александра I были многообещающими. Прежде всего, конечно, необходимо отметить попытки Сперанского. В 1807–1812 годах талантливейший администратор, великолепный знаток всех тонкостей российского правления задумал и разработал сложную, многоступенчатую реформу сверху, которая постепенно, учитывая интересы разных общественных групп, должна была завершиться двумя главными результатами – конституцией и отменой крепостного права.

Планы Сперанского не были утопичны, это был интереснейший проект «революции сверху», который зашел далеко. К осени 1809 года министр разработал план государственных преобразований: в центре его были идеи законности, выборности части чиновников, их ответственности, разделения власти, наконец, известное конституционное ограничение самодержавия. Сперанский считал также необходимым одновременное расширение гласности, свободы печати, однако «в известных, точно определенных размерах» [129, с. 109].

Реформатор пытался примирить новые идеи с существующими порядками, поэтому выборность он все время уравнивает правом властей, правом царя утверждать или отменять решение выборных органов. Министры, согласно плану Сперанского, ответственны перед законодательным органом, думой, однако назначаются и смещаются царем. Судей, а также присяжных должны выбирать местные думы, но царская власть все это контролирует и утверждает. Император и предлагает законы, и окончательно их утверждает; однако ни один закон не имеет силы без рассмотрения в Государственной думе.

1 января 1810 года был торжественно открыт Государственный совет, который мыслился как верхняя палата российского парламента; нижняя, выборная палата, Государственная дума, а также окружные и губернские думы должны быть провозглашены 1 мая, а собраны 1 сентября того же года.

Многие государственные деятели за рубежом, в том числе и Наполеон, считали Сперанского самой светлой головой России. Двор, аристократы ненавидели Сперанского не только потому, что он был поповичем. Ненавидели потому, что реформы Сперанского создавали новую служилую аристократию, от чиновника требовались способности к службе, а не только, чтобы он был столбовой дворянин, записанный в пятую «бархатную» книгу дворянских родов.

Но более всего ненавидели Сперанского за его финансовые планы. Он требовал «великих пожертвований от дворянства», и это означало введение высокого налога на большие землевладения. Таким образом, Сперанский надеялся поправить государственный бюджет, увеличить доходы государства и укрепить рубль: за серебряный рубль давали четыре бумажки с мелочью.

Вот почему такое ликование знати вызвала опала и ссылка Сперанского. К тому же это означало и конец союза с наполеоновской Францией. Александр не так строго обошелся бы со своим прежним любимцем, если бы он не проникал в сферу, которую Александр I считал безраздельно своей, в которую он не позволял проникать даже государственному канцлеру, хотя тот по званию своему ведал иностранными делами.

Главное, чего не прощал царь Сперанскому, – это суждения о своей особе. Не раз в донесениях агентов говорилось, что Сперанский позволял себе упрекать царя в двуличии, трунил над тем, что Александр I незаслуженно считает себя великим полководцем, завидуя славе Наполеона.

Александр не любил сражений, он предпочитал смотры и парады, так же, как и отец его, Павел. Он предпочитал тайную войну, в которой невидимо сражались его тайные агенты. Он любил читать собственноручно их донесения о придворных интригах, перлюстрированные письма иностранных послов и своих сановников, расшифрованные депеши друзей и врагов. Он не брезговал беседами с Христианом Андреевичем Беком, мастером перлюстрации и расшифрования, принимал его не раз у себя – тайно, в гардеробной. Именно донесения Бека были одной из причин жестокой опалы Сперанского, которого, впрочем, и теперь царь считал дальновидным и даровитым государственным деятелем. Отправляя Сперанского в ссылку, он позаботился о том, чтобы ему послали вслед, на место ссылки, херес, который обыкновенно пил Сперанский [129, с. 109–110].

Главные люди страны – министры, губернаторы, крупные военачальники, советники, администраторы – составляли примерно один процент от одного «правлящего процента», то есть 4–5 тысяч человек. Число ничтожное, но за каждым – сила, влияние, связи, люди, деньги. Тогда, около 1810 года, от имени многих, угрожающе молчавших, кое-что говорил и писал способнейший реакционер граф Ростопчин, а еще громче высказался и подал царю смелый документ против Сперанского видный историк Николай Михайлович Карамзин. (Вот вам и «ум» своей эпохи!).

Он искренне считал, что издать конституцию, отменить крепостное право еще рано: «Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи, и коих благотворность остается доселе сомнительною... Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную». Карамзин в идеале был за республику и свободных крестьян, – но не теперь, позднее, когда они немного просветятся, освободятся внутренне. Искренность историка, его талантливое перо становилось сильным оружием для тех, кто прятался за его спиной, без всякого идеализма, но с немалой корыстью и цинизмом.

Оппозиция справа: «невидимый» и тем особенно страшный бюрократический аппарат не имел право возразить императору, но соответственно в условиях безгласности и бюрократам никто не возражал; царь фактически не имел той опоры, о которой мечтал Лагарп; «невидимые» же угрожали «удавкою», и пример отца, убитого за то, что «по-своему» разошелся с верхами, ясно определил характер угрозы. Эти люди свергли Сперанского, заставили Александра I отступить: он видел развитие событий на два хода вперед и как бы призывал: «В ваших интересах бюрократических, несколько уступить, освободить, иначе все потеряете!» Они, крепостники и бюрократы, видели на один ход и требовали: «никаких вольностей» [46, с. 87–88].

Естественно-исторический ход развития славянского мира, Российской империи со всеми сложностями и противоречиями был в очередной раз нарушен вторжением орд, последовавших не из глубин Азии, а из «благополучной», цивилизованной Европы. Нарушив поступательно-эволюционное развитие России, это вторжение послужило на пользу консервативным элементам общества. Однако... «Наполеон у ворот! Время ли для реформ?»

Нашествие полчищ Наполеона на Россию – событие весьма значимого геополитического порядка в сфере взаимоотношений России с европейскими странами. Арман Луи де Коленкур – французский аристократ, ставший сподвижником Наполеона, следующим образом анализировал в своих мемуарах геополитические замыслы императора по отношению к России, реализуемые в ходе нашего нашествия «двунадесяти европейских языков» на Русь: «Я пришел, – отмечал Наполеон непосредственно перед началом войны, – чтобы раз и навсегда покончить с колоссом северных варваров. Надо отбросить их в их льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы...

В соприкосновение с цивилизацией их привел раздел Польши. Теперь нужно, чтобы Польша, в свою очередь, отбросила их на свое место. Балтийское море должно быть для них закрыто. Прошло то время, когда Екатерина делила Польшу, заставляла дрожать слабохарактерного Людовика XV в Версале и в то же время устраивала так, что ее превозносили все парижские болтуны. После Эрфурта Александр I слишком возгордился. Приобретение Финляндии вскружило ему голову. Если ему нужны победы, пусть он бьет персов, но пусть он не вмешивается в дела Европы. Цивилизация отвергает этих обитателей севера. Европа должна устраиваться без них» [130, с. 102].

Таким образом, нашествие Наполеона – попытка «задвинуть» Россию в Азию, полностью изолировать ее от европейских процессов. До внутренних преобразований ли, до реформ Сперанского в столь сложной геополитической обстановке, когда на повестку дня поставлен вопрос о независимости России, ее месте в мировом и европейском «табеле о рангах»?

Однако «генная» память народов российской империи о последствиях вторжений как азиатских орд, так и тевтонских полчищ имела столь мобилизирующее значение, что на борьбу со всей Европой, рекрутированной Наполеоном для сокрушения славянства, поднялся народ, что наглядно подтвердило сражение под Смоленском: «Было семь часов утра, когда корпуса Мюрата и Нея тремя колоннами двинулись к Смоленску. Раевский стоял на батарее за Молоховскими воротами и в зрительную трубку следил за ходом наступления. Одна колонна наступала вдоль реки, другая – на кладбище, а третья направлялась прямо на Королевский бастион. Атака уже миновала полосу ядерного огня, прокатилась под картечью и теперь заливала ров. Однако пехота двадцать шестой дивизии, лежавшая между рвом и городской стеной, не выпускала французов из рва. Раевский видел, как горячилась пехота: отстрелявшись почти в упор, хватала ружья на руки и бросалась в штыки. Через два часа ров был завален французскими трупами. То же происходило и на кладбище. Все шло прекрасно. Плохо было только то, что этому прекрасному не предвиделось конца. Атаки следовали одна за другой.

Генерал Паскевич смотрел вниз с бруствера Королевского бастиона. Внизу было настоящее пекло. Как ни ужасно было то, что происходило внизу, но Паскевич любовался этим зрелищем. Ему особенно нравилась работа одного высокого канонира-бакенбардиста. Ловкость и точность движений этого солдата были поразительны, Паскевич все пристальнее вглядывался вниз. Что это там делается? Орудия заезжают справа и становятся так, что прицельная линия приходится не поперек, а вдоль рва. Ров был опять полон французами. Они карабкались по откосу, подсаживая друг друга. На передних лезли задние, а на задних заседали линейные батальоны, беглым шагом стремившиеся к бастиону. Еще минута-две, и колонны эти зальют собой ров, и волны их выплеснутся на бастион. Травин, не отрываясь, смотрел на эту страшную картину.

Канониры отскочили от орудий. Вспыхнули огоньки, струйки дыма взвились над скорострельными трубками – и все орудия грохнули разом, выплюнув смерть. То, что только

что бежало, лезло, валилось вперед – стрелки и линейная пехота, – все это лежало на земле. Угодников указал пальцем туда, где лежал батальон в том самом порядке, как шел, даже с офицерами при взводах. А наседавшая сзади туча застыла на месте. Этаких залпов Паскевич не видывал.

Почти смеркалось, когда Багратиону доложили, что подходят головные части Первой армии. Шестой корпус генерала Дохтурова уже становился на бивак. Первый день Смоленской битвы кончился.

Наполеон приказал своей артиллерии громить смоленские стены. Но ядра вязли в них. Тогда он велел бить по городу гранатами и зажигательными снарядами. Смоленск запылал. Столбы пламени взвились к облакам. Клубясь в ярком блеске солнечных лучей, черный дым пожара слился с синим пороховым дымом. И эти грозные тучи, пронзаемые всплесками огня, покрыли город багрово-фиолетовым заревом» [131, с. 178–195]. Не менее героически сражались россияне и на Бородинском поле.

Семеновские флешы: «Было ровно шесть с половиной часов утра, когда гренадерская дивизия графа Воронцова была атакована войсками маршала Даву. Гренадеры ударяли в штыки, опрокидывали наступающую колонну и возвращались назад, прикрываясь цепью стрелков. Воронцов сам водил их в эти кровавые схватки и возвращался с ними на место, не выпуская шпаги из рук и не переставая улыбаться холодно и строго. Но передышки были коротки. Снова прибывала волна атаки, цепь стрелков разрывалась, чтобы дать простор для встречи колонн, и гренадеры с Воронцовым впереди бежали со штыками наперевес, кололи, ломали, душили, падали сотнями и, опрокинув линейцев, отходили назад.

Атакой командовал Даву. Воронцову бросились в глаза его круглые щеки и яростно выпученные глаза, когда при втором или третьем натиске французам удалось было вскочить в левую флешь. Но это был только момент. Штыки сверкнули. Лошадь Даву грянула оземь, – маршала вынесли с поля боя на плаще. Французы откатились. Потом замелькали другие генералы – Компан, Дессе, Рапп.

Они сменяли друг друга, обливаясь кровью. Наконец, унесли Раппа, высокого и черного, нещадно ругавшего свою двадцать вторую рану. Воронцов оглянулся. Боже, как мало оставалось у него гренадеров! Сердце его сжалось. Он был бы изумлен, даже напуган, если бы ему сказали, что и в эту страшную минуту он все-таки улыбался.

От пятьдесят седьмого французского линейного полка, ворвавшегося в левую флешь, почти ничего не оставалось. Ней вел сюда дивизию генерала Ледрю, когда натолкнулся на слабые батальоны Неверовского. Вся двадцать седьмая дивизия бежала двумя колоннами к атаке, и колонны эти были так малочисленны, что Ней сказал себе: «Сейчас я раздавлю этот храбрый и несчастный полк!» Он сделал знак. Дивизия Ледрю раздалась и выпустила вперед пушки [131].

– Ложись, – успел прокричать Неверовский.

Пехота прилегла. Через нее с шумом пролетела картечь, так сильно ударяя в задние насыпи шанца, что пыль взвилась к небу черной тучей. Неверовского смело с коня при первом залпе. Второй и третий решили судьбу предприятия: левую флешь вернуть не удалось. Багратион вертелся посреди этого ада, шпоря лошадь и отыскивая взглядом источник спасения. Где взять свежих людей? Однако они еще были. Вот двигалась вперед скорым шагом и даже в ногу гренадерская бригада. Словно на параде, стройно и хладнокровно прошла она мимо батарей. Пушки взяли на передки, выскочили вперед и осыпали наступающих французов картечью» [131, с. 290–318].

Л.Н. Толстой отмечал: «Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война – все это были отступления от правил.

Наполеон чувствовал это, и с самого того времени, когда он в правильной позе фехтования остановился в Москве и вместо шпаги противника увидел поднятую над собой

дубину, он не переставал жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всем правилам (как будто существуют какие-то правила для того, чтобы убивать людей). Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил, дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась, гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие...

Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск. Прежде чем партизанская война была официально принята нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской армии – отсталые мародеры, фуражиры – были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этих людей так же бессознательно, как бессознательно собаки загрызают забегающую бешеную собаку. Денис Давыдов своим русским чутьем первым понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало французов» [132, с. 143–144].

Воззвание М.И. Кутузова к крестьянам Смоленской губернии гласило: «Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущества, наложить на вас тяжкие оковы, но не мог и не возможет победить и покорить сердце ваших. Таковы россияне». М.И.Кутузов приказал генералу А.П. Ермолову приступить к формированию народного ополчения – новых ружей крестьянам не давать, а старые и «забранные» у неприятеля собрать и раздать. Тульскому заводу было предписано изготовить некоторое количество легких ружей для крестьян [133, с. 177–179].

Народные партизанские дружины, отряды возникали и стихийно, без приказа начальства, в действиях своих были вполне независимы. В подавляющем большинстве отряды эти состояли из крестьян, вооруженных чем попало. Действовали они в своей местности, производя нападения на небольшие транспорты, фуражиров и мародеров. Некоторые крестьянские отряды, руководимые талантливыми, предприимчивыми людьми, численно вырастая и укрепляясь, выходили за пределы своей местности, вступая в бой с крупными неприятельскими силами. К числу таких принадлежал отряд Герасима Курина, действовавший в Богородском уезде Московской губернии.

Когда войска маршала Нея заняли Богородск, и шайки мародеров рассыпались по уезду, отбирая у населения хлеб, скот и фураж, крестьянин села Павлова Вохтинской волости Герасим Курин собрал мирской сход и призвал всех крестьян защищаться против «нехристей». Мир единодушно поддержал Герасима, и тут же из двухсот человек составила боевая партизанская дружина. Командиром избрали Курина; он славился как человек смелый, грамотный, умный.

Старики, женщины и дети ушли в лес, а партизаны открыли военные действия против неприятеля. Так как во всех стычках с французами Герасим Курин почти всегда оказывался победителем, весть о нем разнеслась по всем окрестным деревням и селам, откуда сотнями повалили к нему добровольцы. Скоро Герасим Курин располагал уже целым войском: у него было 5800 партизан, из них пятьсот конных. Вооружение отряда состояло из отбитых у неприятеля ружей, пистолетов и сабель, а также из самодельных пик.

Встревоженный действиями партизан, маршал Ней послал большую карательную экспедицию в составе двух эскадронов гусар и нескольких подразделений пехоты. Курин решил встретить неприятеля, дать ему «генеральное сражение». Ранним пасмурным утром, отслужив молебен, партизаны вышли навстречу французам. Тысячу человек пехотинцев, под начальством своего помощника крестьянина Стулова Курин оставил в засаде у села Меленки, а конных партизан спрятали в Юдинском овражке, недалеко от села Павлова.

В полдень показалась французская кавалерия, а следом за ней – пехота. Партизаны, расположившись в небольших окопах, встретили противника дружным ружейным огнем. И в то же время откуда-то сбоку выскочили конные партизаны. Гусары погнались за ними и, разгоряченные преследованием, не заметили, как очутились у засады. Партизанская пехота ударила с флангов, а конный отряд с тыла. Основные силы во главе с Куриным дрались с

неприятельской пехотой. Бой был жестокий. Партизаны держались стойко, не отступали ни на шаг. Герасим Курин, управлявший боем, убил трех французов. Стулов заколол пятерых. Наконец неприятель не выдержал, побежал. Однако спастись удалось лишь нескольким гусарам» [134, с. 229–230].

Таким образом, как ранее Русь «прикрыла» собой Европу от нашествия татаро-монгольских орд, частично затем ассимилировав их, так и в период нашествия Наполеона «славянский бастион» оказался той преградой, о которую разбились наполеоновские планы мировой гегемонии, создания «однополюсного» мира. «Задвинуть» славянство, Русь в Азию не удалось даже Наполеону: не в Азию, а в Западную Европу пришла Русь.

Ранней весной 1814 г. разоренная и залитая кровью Европа обрела, наконец, долгожданный мир. Войска союзников вступили в Париж, император Наполеон, отказавшийся «для себя и своих наследников от прав на верховную власть над Французской империей, Итальянским королевством и другими странами», удалился на остров Эльбу, предоставленный ему в пожизненное владение. Теперь, когда «узурпатор» был свергнут, а Франция возвращена в границы 1792 г. и на ее престол вновь вступили Бурбоны, перед союзными державами во весь рост встал вопрос о послевоенном устройстве Европы. Одним из «устроителей» европейской «архитектуры» стал Александр I: Россия, славянский мир, не только «пришли» в Европу, но и стали «вершить» ее судьбы.

Процесс исторического развития многовариантен, Рок и Случай ведут человека и общество различными дорогами и тропами к только им и Богу ведомым целям. Процесс инвариантности исторического процесса прослеживается и в судьбах людей, оставивших значимый след в европейской и мировой истории.

В 1789 году молодой офицер Наполеон Бонапарт, сильно нуждаясь в деньгах, прослышал, что можно поступить в русскую военную службу с хорошим окладом и написал письмо петербургскому генералу, прося чин майора. Генерал возмутился. «Жорсикашка! Поручик! В майоры!» – и велел предложить чин капитана и половину просимого содержания. Бонапарт возмутился. А если бы согласился? Как бы выглядела современная карта Европы если бы приняли его требования или он согласился? Бонапарт – русский капитан в Калуге, провинциальные дрязги, карты, убогие любовные интрижки, и, как спасение, какая-либо дурацкая дуэль, смерть [135, с. 36]. Однако свершилось то, что свершилось.

В подписанном незадолго до окончания войны в Шомоне договоре союзники подчеркивали, что целью войны, которую они вели против Наполеона, было «положить конец бедствиям Европы, обеспечить в ней на будущее время спокойствие восстановлением справедливого равновесия между державами», а также «доставить для себя самих и для Европы всеобщий мир, под покровом которого могли бы быть установлены и обеспечены права и свобода всех народов».

Они торжественно обязались также, что по истечении двухмесячного срока направят в Вену своих уполномоченных «для того, чтобы на общем конгрессе выработать точные постановления, долженствующие дополнить настоящий трактат», и осуществить провозглашенные им высокие цели. Русскую делегацию возглавлял император Александр I, которого Наполеон как-то назвал «хитрым византийцем». Его влияние и авторитет были огромны, как огромны были военные силы России, которые находились в его распоряжении.

Характерно, что на конгрессе возник вопрос о рабстве и работорговле. Неожиданно интерес к этому вопросу проявила Россия. Российский посол в Мадриде Д. Татищев в ноте испанскому правительству писал: «Торговля неграми, сколь же незаконная по существу, столь и возмутительная в своей практике, осуждаемая просвещенными умами нашего века, давно уже наносит ущерб принципам религии и нравственности. Император, убежденный в том, что пришло время положить конец этому позорному торгу, не скрывает своей глубокой заинтересованности в окончательном прекращении его» (в России же в данный период процветала аракеевщина, крепостными крестьянами торговали, как скотом).

В конце концов, конгресс принял декларацию об отмене работорговли, но рабство, как и сама работорговля, продолжало существовать еще многие десятилетия. Александр I, таким образом, выступает не только как «архитектор» европейского мироустройства, но и как творец мирового порядка [46, с. 79–82].

Как же обстояло дело с решением наиболее актуальной, злободневной проблемы для России – отменой крепостного права? «Бонапарт у ворот» – это сильный довод против решительных перемен. Но вот двухлетняя великая схватка 1812–1814 годов завершается крахом Наполеона; авторитет Александра I сильно возрастает и в России, и в Европе (вспомним пушкинское: «И русский царь – глава царей»). И тут-то Александр делает вторую попытку «уподобиться Петру I»; один этот факт говорит о том, что его мысли о коренных преобразованиях вовсе не каприз, что были, очевидно, другие причины, помешавшие Сперанскому закончить дело. Более того, сам Сперанский, переживший унижение, временную ссылку и затем возвращенный к административной деятельности (пусть не на столь высоком уровне, как прежде), кажется, искренне пришел к выводу, что он ошибался, что России рано иметь даже умеренную конституцию; во всяком случае, в письмах к Александру он неоднократно кается.

Но вот сам Александр I еще не раздумал, еще пытается. Сохранились примечательные проекты 1815–1818 годов, документы, на этот раз создававшиеся в глубокой тайне (тогда как о планах Сперанского было довольно широко известно) [46, с. 83–85].

Один из старинных друзей и сподвижников императора Н. Новосильцев разрабатывает «Уставную грамоту Российской империи» – все та же конституция, родственную замыслам Сперанского (правда, власть императора предполагается еще большей, чем в проектах 1809–1810 гг.). В эту пору царь даровал конституции Финляндии и Польше, заметив полякам, что они должны показать России «благотельный пример».

Вообще, где только мог, Александр I старался внушить европейским монархам, что полезнее им быть не абсолютными, а конституционными. Франция после Наполеона была в известной степени обязана русскому царю тем, что получила палату депутатов (возвратившиеся Бурбоны «ничего не забыли и ничему не научились»), а поэтому надеялись управлять без конституции). Любопытны инструкции Александра I русскому послу в Испании Д.П. Татищеву, где предписывалось всячески нажимать на деспотически настроенного Фердинанда VII, чтобы тот не упрямылся и поскорее укреплял свой режим созывом кортесов. Во Франции, Испании, Польше – конституции явные, в России – проект тайный, опасливый.

Еще более засекреченные документы разрабатывали план отмены крепостного права. Предполагалось личное освобождение крепостных с небольшим наделом. Он примерно равнялся тому участку, которым наделял крестьян другой тайный документ, явившийся на свет несколько лет спустя. На этот раз тайный от правительства: речь идет о декабристской конституции Никиты Муравьева. Выходит, строго конспиративно, таясь друг от друга, освобождение крестьян готовили декабристские тайные общества и их главный враг – правительство. Мало того, один из правительственных проектов по приказу Александра I составил (точнее, руководил составлением) не кто иной, как Алексей Андреевич Аракчеев!

Но почему же реформы не свершились? Александр I жаловался, что реформы «некем взять», а ведь он имел дело с людьми конца XVIII начала XIX века, куда более живыми, энергичными, чем омертвевшая за 30 лет николаевская бюрократия [46, с. 78–85].

Что же это были за люди «Александровской поры»? Государственные деятели были в ту пору довольно молоды: в 25 лет – посол, генерал, в 30–35 министр – обычное дело! На старцев – Суворова, Кутузова – приходились десятки сравнительно юных военачальников. Средний возраст высших чинов империи был примерно вдвое меньший, чем в конце царствования Николая I, к середине XIX столетия. Не о них ли писал П.А. Вяземский: «И жить торопятся, и чувствовать спешат?» [46, с. 81–85].

Один из позднейших публицистов заметил, что «в то время не требовалось одного удара паралича для поступления в сенат, а двух – для поступления в Государственный Совет». Разумеется, большие войны, европейская политика – все это ускоряло путь наверх; но все же дело в том, что тогдашняя дворянская империя была еще молода и жизнеспособна. Лучшие, талантливейшие люди – еще вместе с властью, и так будет до 1812–1814 годов. Позже многие из таких служить не пойдут или будут служить спустя рукава, займутся частной деятельностью, сядут по деревням, появятся «лишние люди», чудачки и... революционеры, о которых К.Ф. Рылеев писал в 1824 году:

«Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей». («Стансы»),
и затем: «Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
(«Наливайко») [136, с. 333].

Перемены назрели, были люди, готовые свершить предначертанное. Однако Александр I находил в своей салфетке записки, напоминающие о судьбе своего отца, Павла I. Крупнейший специалист по «русскому вопросу» первой половины XIX века, книгой которого о России зачитывалась вся Европа, маркиз де-Кюстин отмечал: «Народ без свободы имеет инстинкты, но не имеет разумных чувств. Эти инстинкты проявляются иногда в диких, чудовищных формах. Рабское восторженное поклонение, безмерный фимиам, становящийся, наконец, невтерпеж божественному идолу, весь этот культ обожествления своего монарха прерывается вдруг страшными, кровавыми антрактами. Русский образ правления – это абсолютная монархия, умеряемая убийством. Русский император вечно живет под гнетом либо страха, либо пресыщения. Если гордость деспота требует себе рабов, то человек ищет себе равных. Царь себе равного не имеет. Этикет и завистливая ревность неизменно стоят на страже его одиночества. Русский монарх еще более достоин сожаления, чем его народ, особенно, если он собой хоть что-нибудь представляет» [100, с. 63].

Александр I ничего не мог с собой поделать: он непрерывно ощущал неминуемо грозящую ему опасность. Всюду ему чудились заговоры, возмущения. В любой шутке находил он скрытый намек, замаскированное недовольство, упрек. Петербург стал для него враждебным и чужим, и он переехал в Царское Село. Царскосельский дворец сделался его любимой резиденцией, здесь он не чувствовал того тайного страха, который в Петербурге полз за ним от мрачного Михайловского замка, от холодного блеска Невы, от высоких парадных комнат Зимнего дворца. Империя была передана «на откуп» Аракчееву.

Управлял Россией Аракчеев, видевший в ней огромное военное поселение, в котором людям надлежало мыслить, чувствовать и действовать по тем самым «артикулам», которые были введены в его собственной вотчине. Решив, что только железная рука Аракчеева способна подавить проявления общественного недовольства, Александр I выдал временщику бланки со своей подписью, наперед санкционируя все, что вздумается занести на чистую бумагу всеми ненавидимому и всех ненавидящему Аракчееву. Все представления министров, все решения Сената, Синода и Государственного совета, все объяснительные записки отдельных членов этих государственных учреждений и их личные письма к Александру доходили до него только по усмотрению Аракчеева.

И в то время, как Грузино и мрачный дом Аракчеева в Петербурге на углу Литейной и Кирочной служили суровой школой «уничужения и терпения» для всех – от фельдмаршалов и генерал-губернаторов до фельдфебелей и мелких чиновников; в то время, как вся Россия стонала под ударами палок, и ни седины старости, ни детская слабость, ни женская стыдливость не избавляли от применения этого средства, битье процветало в школах, в деревнях, на торговых площадях городов, в помещичьих конюшнях, у барских крылец, в сараях, на скотных дворах, в лагерях, казармах – всюду по спинам людей привольно гуляли палка, шпицрутен и розга, – в Царскосельском дворце, окруженном тенистым парком с

кристально чистыми прудами, по которым бесшумно плавали величавые черные и белые лебеди, царили покой и тишина [137, с. 171–172].

Каждому свое? Царь опасается, не доверяет, боится. А молодежь рвется вперед, созревая с невероятной быстротой. Время упущено, лучшие люди упущены! В результате, начиная с 1816 года, около десяти лет тайное реформаторство царя и тайные проекты дворянских революционеров соседствуют, сосуществуют. Временами идеи, планы, даже формулировки совпадают. Кажется, еще чуть-чуть, еще немного, и верховная власть протянет руку Волконскому, Пестелю, Николаю Тургеневу и сразу найдется – «кем взять».

Не сбылось. Вспомним, что в 1825-м, за несколько месяцев до выхода на площадь, Пестель, огорченный, утомленный раздорами между заговорщиками и медленным, мучительным ходом тайной работы, хотел явиться к Александру I в Таганрог и открыться, предоставить в распоряжение царя несколько сот активных революционеров, за которыми десятки тысяч солдат, хотел предложить свою лояльность, поддержку в обмен на коренные реформы – в общем, те самые, которые давно таятся в бумагах царя! Сотоварищи по тайному обществу отговорили Пестеля: он не имел права так действовать без их согласия. Идущие к одной цели разминувшись и пошли в противоположных направлениях!

Отчего же и второй приступ к реформам Александра I был неудачен? Почему важнейшие документы о конституции и крепостном праве были столь глубоко запрятаны, что даже младший брат императора, Николай, с 1818 года предназначенный в наследники, не был с ними знаком: в 1831 году он пережил неприятное потрясение, узнав, что восставшие поляки отыскали в Варшаве и там опубликовали новосильцевскую «Уставную грамоту Российской империи». Николай I заявил, что он иначе бы отнесся к конституционным планам декабристов, если бы прежде знал этот документ.

Отчего же конституционный документ отыскался именно в Варшаве? Александр I делился своими планами с братом Константином, управлявшим Польшей; во-вторых, – и это самое интересное! – сохранились сведения о том, что царь собирался объявить политическую, крестьянскую свободу именно в Варшаве. Дело в том, что в Петербурге могли убить.

Правящая элита российской империи, как тогда, так и на протяжении последующих столетий, считала пороховую бочку народных страданий и бедствий более «комфортным» местом для восседания, чем волнительное дело реформ.

Необходимо учитывать, что в данный исторический период произошли грандиозные социально-экономические катаклизмы в Европе, что не могло не сказаться опосредовано на славянском мире: вместе с древнеримскими политическими декорациями – сначала свободной Французской республики, потом наполеоновской империи – в пламени войн и восстаний дотла, казалось, сгорели солнечные идеалы Просвещения...

Тяжелым, мрачным было похмелье после расцвета всемогущего Разума!

Где великая, желанная, в крови омытая Свобода? Где сердечное, возвышающее душу Братство? И, наконец, вместо Равенства – голод, нищета, бесправие, болезни... Те, кто еще вчера восторженно прославлял бесконечный и «гармоничный» прогресс, в страхе затыкали уши. Воздух Европы и Америки наполнился лязгом машин, чахоточным запахом мазута; солнце затуманилось копотью и гарью заводских труб. Нет, иное грезились «адвокатам человечества». Снова, как во времена Руссо встал вопрос об отношении будущего и цивилизации. Эпоха требовала ответа, эпоха торопила – кто даст ответы на извечные вопросы, залечит столь болезненные социальные язвы?

Первый и, пожалуй, самый оригинальный из «целителей» – АНРИ ДЕ СЕН-СИМОН (1760–1825 гг.). Он прожил жизнь, которой хватило бы на несколько остросюжетных романов. Потомок Карла Великого, сиятельный граф, ученик Даламбера, он посвятил жизнь служению Идее освобождения человечества. Анри де Сен-Симон... Любовь к народу – и недоверие к нему; жажда справедливости – и наивная вера в «перевоспитание» богачей.

Сен-Симон отбросил идеи «естественного состояния», незыблемые истины «человеческой природы». «Панта рей» – все течет, причем ко все более высокой социальной и духовной организации человечества. Золотой век – впереди, он неизбежен и умопостижим! Важно только изучить предшествующие звенья социального ряда, познать законы истории.

Впервые не одни только эмоции, желания, абстрактный разум или моральные нормы, но сама История становилась верным союзником Мечты.

Как и все философы Просвещения, Сен-Симон уподобляет историю общества человеческому организму: детство (заря цивилизации), юношество (Эллада), зрелость (Рим).

В картине будущего Сен-Симон сохраняет и классы, и частную собственность, но акцент – на производстве, в интересах трудящихся.

Сен-Симон прокламирует примат целого, то есть государства, общества над интересами и потребностями личности или замкнутой общины. Он – последовательный антирусоист: нельзя идти от единичного (то есть от страстей и свойств индивида) к общему. Все пойдет вразнос, цивилизация с ее ритмом, жесткой организацией, связями и масштабами остановится. Прогресс есть движение к организации; свобода личности – дочь прогресса, но не его мать. Сен-Симон – за всеобщую, в масштабе нации (а в перспективе и человечества), плановую промышленную ассоциацию.

В новом обществе политика превратится из управления людьми в управление вещами. Поистине неистребима элитарность нищего графа – умирая с голоду, он все равно был над массой, он не мог позволить трудящимся «дерзости» самоосвобождения и самоорганизации. Только элита, только «капитаны» индустрии, по убеждению Сен-Симона, приведут корабль человечества в гавань счастья! [49, с. 205–206]

Соотечественником и современником Сен-Симона был ШАРЛЬ ФУРЬЕ (1772–1837 гг.), который доставил нам уникальную, утопически-причудливую, расписанную в деталях позитивную программу жизнеустройства.

Вся система Фурье опирается на идеи изобилия как главного компонента равенства и свободы – и творческого развития личности и общества как главного средства достижения всеобщего счастья.

Фурье – радикальный антимальтузианец. Он отмахивается от сказок об «убывающем плодородии», развертывает впечатляющую картину материального и духовного процветания ни много ни мало – на 70 тысяч лет вперед, пока не погаснет солнце на небосводе! [49, с. 210–211]

«Человек! – восклицает Фурье. – Наслаждайся! Чем больше ты наслаждаешься, тем более ты выполняешь свое назначение как человек». Призыв – поистине раблезианский. И в нем не было бы и тени социализма, если бы не обращение к каждому человеку, если бы не выведение самого лозунга из сущности концепции «ассоциативного» счастья.

А это значит – наслаждаться по-человечески. Конечно, должны быть, прежде всего, максимально удовлетворены так называемые первичные потребности: в еде, одежде, жилище. Но боже упаси на этом ставить точку! Тогда неизбежны пресыщение, скука – и возрождение всяческих «буржуазных гадостей».

Истинно человеческие наслаждения – это любовь, дружба, науки, искусство, а главное – разнообразный творческий труд. И развернутся эти радости бытия только в ассоциации, в коллективе, умеющем обнаружить и помочь раскрытию неповторимых человеческих склонностей, дарований и способностей.

Человек равно «иссыхает» как творческая личность – то ли в муках голода, то ли в бешеной погоне за прибылью.

Фурье страстно верит, что все будет неизмеримо лучше – и для всех! И это лучшее не с небес манной сыплется, а создается людьми – все более сплоченными, все более талантливыми.

Книги Фурье, громоздкие, неудобочитаемые, – это россыпь «залогов счастливого будущего» [49, с. 210–211], но для кого – Западной Европы или славянского мира?! – В меру

своей ментальности они с противоположных позиций попытались реализовать «счастливое будущее».

Что же «могут короли» да и цари – мудрые и своекорыстные, великие и ничтожные? – Много в малости и мало в многости: всего лишь быть выразителями потребностей, чаяний, устремлений элиты, которую они представляют!

Истинные же «властители» народов – это небольшая когорта мыслителей, поэтов, художников, которые в нищете, страданиях и преследованиях, сквозь рутину обыденности «прозревают» контуры грядущего (светлого – по их мнению!) и определяют пути его достижения!

Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись.

Р. Киплинг

Если человек шагает не в ногу со своим временем, это, может быть, потому, что он слышит бой другого барабана?

Генри Дэвид Торо

Выход из беды найти не столь просто, как попасть в нее.

Эд Хау

НИКОЛАЙ I – АЗИАТСКОЕ ВАРВАРСТВО В ЕВРОПЕЙСКОМ ОБРАМЛЕНИИ (Безумье самовластия)

Правящая элита Российской империи, не использовав исторический шанс реформирования российской государственности в период правления Александра I, оказалась перед дилеммой «экстремального реформаторства», предпринятой декабристами. Через общественное мнение идеи революционеров или реакционеров проникали в общественную практику, внося в нее дух максимализма. Теория взрывов из сферы сознания, где она более естественна, переносилась в область политической агитации. Правительство же постоянно колебалось, то попадая под влияние реформистов, то безнадежно пытаясь «подморозить Россию».

Динамика исторического развития Российской империи образуется постоянным переплетением предсказуемых и взрывных (непредсказуемых) процессов. Непредсказуемость в данном случае не следует истолковывать буквально: речь идет о наборе разноразмерных событий, из которых исторически реализуется какое-либо одно. События, не включенные в этот набор и находящиеся за его пределами, считаются как бы «несуществующими». Одна из особенностей данного типа развития состоит не только в доминировании взрывных процессов, но и в том, что им неизменно приписывается преобладающая оценка – «постепеновщина», логическая последовательность, медленное движение на оценочной шкале русской политики и культуры неизменно получали негативные характеристики.

Все это наглядно иллюстрирует история декабристского движения – одного из определяющих событий истории Руси XIX столетия. Перепетии декабристского движения – важнейший источник инвариантности развития российской государственности, возможных схем ее прогрессивного развития.

Преддекабристской организацией «Священная артель» руководил Н.Н. Муравьев. Квартира для артели была снята на Средней Мещанской улице. Сделали складчину, приобрели необходимую мебель и посуду, наняли повара. За обедом всегда имелось у

артельщиков место для двух гостей, и места эти никогда не пустовали, а вечерами гостей у них собиралось побольше [138, с. 75].

Привлекала друзей и товарищей царившая в артели товарищеская непринужденность: здесь можно было за стаканом горячего чая почитать иностранные газеты, которые выписывались артельщиками, или сыграть в шахматы, но более всего соблазняла возможность поговорить без стеснения о заводимых в стране и вызывающих общее негодование аракчеевских порядках, о бессмысленных деспотических действиях двоедушного царя. Либерально настроенным молодым людям, на глазах которых только что свершились великие исторические события, была невыносима пустая придворная жизнь, тягостна служба под началом бездарных и жестоких «парадиров». Тем для разговоров было много, дискуссии в артели день ото дня становились все горячеей.

Якушкин, расхаживая по комнате, говорит взволнованно:

– Сущестующие у нас рабство и аракчеевские порядки несовместимы с духом времени. Я видел недавно, как истязают солдат шпицрутенами. Невыносимое зрелище! А положение несчастных крестьян, остающихся собственностью закостенелых в невежестве и жестокосердии помещиков? Мир весь восхищен героизмом русского народа, освободившего свое отечество и всю Европу от тирании Бонапарта, а какую награду героям уготовил их повелитель император Александр?

– А ты царского манифеста не читал? – иронизировал Матвей Муравьев-Апостол и на церковный манер возглашал: «Верный наш народ да получит мзду свою от бога!» Вот, только разве это, – усмехается Якушкин. – Мзда от бога! Ничего, кроме лживых обещаний и красивых жестов! В Европе наш царь держится чуть ли не либералом, а в России – жестокий и бессмысленный деспот! – Чего стоит подписанный недавно государем указ о создании военных поселений! – напоминает Петр Калошин. – Аракчеев все глубже запускает когти в тело народа.

Ничего нового как будто сказано не было, артельщики не раз высказывались за необходимость уничтожения крепостного права, но та сила убежденности, страстность, с которой говорил Александр Муравьев, артельщиков всегда увлекала, и, как обычно, последние его слова утонули в гуле возбужденных голосов: – Дальше терпеть крепостное право невыносимо! Стыд вечный нам и презрение, если не сделаем для освобождения всего, что в наших силах! Самодержавие на крепостничестве держится, на царя надеяться бесполезно» [138, с. 75–76].

Во что же вылилось противостояние «зааракчеевщинного» российского государственного аппарата и европеизированного аристократического слоя российской элиты? 14 (26) декабря 1825 года была сделана отважная, отчаянная попытка переменить весь ход российской истории. На Сенатской площади в Петербурге, а затем близ Киева несколько сот офицеров вывели несколько тысяч солдат, чтобы уже с 1826 года не было в стране самодержавия, крепостничества, военных поселений, жестокой солдатчины. Накануне сражения лидеры сознавали, что вряд ли выйдет удача. Но и через 33 года старый декабрист Андрей Розен ясно помнил особенное выражение лица Рылеева, когда тот, предвидя гибель, тихо сказал нескольким друзьям: «А все-таки надо...»

Почему же была обречена наиболее просвещенная, одаренная, совестливая прослойка правящей элиты российской империи на уничтожение, гибель? Потому, что «худших большинство!» Для таких преуспевающих и знатных людей, как Волконский, Трубецкой, Пестель, Фонвизин, Лунин, Бестужевы, Муравьевы, уже достигших, невзирая на молодость (в среднем им не было и тридцати!), высоких офицерских и даже генеральских чинов, для них открывалось, казалось бы, ясное и гладкое поприще: к 40 – командующие корпусами, армиями, высокие государственные должности. Не захотели, восстали –

«А все-таки надо».

Почти в каждой семье, давшей декабристов, был раскол. Сама природа этого движения – представители высшего сословия, выступающие против самого этого сословия – создавала,

можно сказать, типическую ситуацию: Муравьевы, Волконские, Орловы, «которых вешают» и «которые вешают».

Герцен, младший современник и наследник декабристов, не брался объяснить, откуда, как «вдруг» появились «богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабологии».

«Но кто же, – спрашивал Герцен, – их-то душу выжиг огнем очищения, что за непочатая сила отрелась в них-то самих от своей грязи, от наносного гноя и сделала их мучениками будущего? Она была в них» [139, с. 83].

Каковы же контуры будущего вырисовывались в умах, воображении и планах этих «подвижников будущего»? Пестель видел в диктатуре Временного революционного правления «меч против царей и узду для масс». Сергей Муравьев-Апостол, «северяне» расходились с Пестелем насчет способов привлечения солдат, оппоненты Пестеля считали необходимым кое-что объяснять рядовым солдатам, сблизиться с ними. Пестель же полагал, что солдаты в нужный час просто исполняют любой приказ, а раз так – не стоит им «голову морочить», все дело в решимости офицеров.

Пестель предлагал республику и десятилетнюю диктатуру, Никита Муравьев – конституционную монархию. Пестель – левее и абстрактнее. Никита Муравьев – умереннее, но практичнее.

Это станет особенно ясным, когда дойдет до дела и окажется, что солдат почти невозможно поднять, казалось бы, понятными, им выгодными экономическими и политическими лозунгами: «Долой крепостничество, самодержавие, рекрутчину!» – вздрогнут, но не шелохнутся. Стоило, однако, провозгласить: «Ура, Константин!» – как полки вышли из казарм.

14 декабря 1825 года в Петербурге произошло первое революционное выступление в России, которое можно отнести к «атаке снизу». Однако и на нем лежал отпечаток предшествующих веков, главных российских особенностей. Небуржуазность – потому, что за дело взялись дворяне. Сверхцентрализация – использовался длительный российский опыт «революции сверху», хотя по отношению к трону мятежники были «снизу».

Декабристы клялись фиктивным царским именем и хотели заменить собою самодержавие, выполнив его древнюю, но постепенно утраченную функцию – реформы, коренные преобразования сверху!

Народ же (как показали исследования М.Л. Рахматуллина) повсеместно радовался, что царь – по крестьянским понятиям источник добра – 14 декабря в Петербурге «побил дворян», разумеется, «носителей зла» и, стало быть, вскоре выйдет свобода, дарованная свыше!

Когда же этого не произошло, и по всем церковным приходам прокричали манифест Николая I о покорности властям и помещикам, народ быстро определил, что этот царь – фальшивый, «самозванный», и стал ждать, искать настоящего монарха, которого, естественно, заподозрили в Константине, после чего несколько лже-Константинов появилось на сцене! [139, с. 99–100].

Между тем, был реальный исторический шанс захвата власти декабристами, не реализованный участниками восстания. Показательно, что и в момент восстания шла борьба за солдатские массы. Попытка Милорадовича «увещевать» восставших декабристов заставила многих «сочувственно к себе прислушаться». Тогда Каховский выстрелил в Милорадовича. Пуля пробила голубую андреевскую ленту и грудь, увешанную орденами. Милорадович свалился с лошади, подхваченный своим адъютантом.

Николаю I между тем стало известно, что на подмогу восставшим двигаются еще войска, и он срочно, как последнюю надежду, послал на площадь духовенство. Духовные отцы собрались спешно, прихватив с собой двух дьяконов. Митрополит вышел из кареты и двинулся к мятежникам. Митрополит пытался говорить, но его вовсе слушать не стали, глушили голос барабаном. Напирающая толпа угрожающе гудела.

Вдруг восторженное «ура» раскатилось по площади: к восставшему Московскому полку подоспело подкрепление – это поручик Сутгоф привел свою роту лейб-гренадер прямо по льду Невы.

Огромная толпа народа была истинным участником событий. Исаакиевский собор строился. У его подножья лежали груды бревен, гранитные плиты. Народ взобрался на камни, на штабеля бревен, зорко наблюдал за необычным поведением войска и очень скоро понял сущность происходящего на площади. События толковали по-своему: «Волю дать народу полагается по завещанию Александра, а норовят урвать!» [с. 139, 140]

Тем временем по приказу Николая I на Сенатскую площадь стягивали правительственные войска. Орлов приказал первым двум рядам конников ударить в атаку. Рейтары рванулись вперед, но люди из толпы бесстрашно бросились к конникам, хватали лошадей под уздцы. Четыре раза эскадрон шел в атаку, и четыре раза был остановлен выстрелами восставших и живой лавиной людей.

Николай I подскакал к углу бульвара, хотел сам командовать. Из толпы ему крикнули с грубой руганью:

– Подойди-ка сюда, самозванец. Мы тебе покажем! – Николай I поворотил коня.

И всякий раз, когда царь пытался приблизиться к монументу Петра, из толпы летели камни и поленья. Сломав палисадник напротив собора, люди вооружались кольями, смерзшимися комьями земли и снега.

Рылеев метался в поисках Трубецкого. «Спрятался Трубецкой, воробьиная душа!» – презрительно отозвался Пущин. Николай I пустил в атаку не только конную гвардию, но кавалергардов и конно-пионерный эскадрон.

Вынужденное бездействие восставших, кроме того, что расхолодило тайно сочувствующих, дало силы врагам. Николай I успел своими войсками как бы замкнуть восставших в кольцо, отдал приказ: «Пальба орудиями по порядку! Картечью!» В течении целого часа продолжалась пальба [140, с. 295–316].

Борьба за власть всегда требует решительности! При этом «побеждает подлейший (он же – «смелейший»!) и победитель получает все – в том числе, и жизнь побежденных, сокрушенных, поверженных! Пятерых казнили, более ста человек ушло в Сибирь, примерно полтора ста было сослано на Кавказ, в дальние гарнизоны, поставлено под надзор. Многие современники отмечали, что русское общество как бы «постарело». На виселицу, в каторгу, в ссылку шла «Россия молодая» – лучшие, благороднейшие. «А все-таки надо»...

Такое дело, конечно, не могло завершиться, пропасть в декабре 1825-го, оно имело почти столетнее продолжение. Само существование таких фигур («пропалых ребят», как выразился один из них) уже было необыкновенным, удивляющим явлением. Сама казнь декабристов была набатом, звала к возмездию!

На рассвете тюремщики загремели ключами и начали открывать двери камер: выводили приговоренных к смерти. В неожиданно наступившей тишине раздался голос Рылеева: – Простите, простите, братья!

Сидевший в соседней камере Оболенский бросился к окну и увидел внизу всех пятерых, в окружении гренадеров с примкнутыми штыками. Они были в длинных рубашках, руки и ноги закованы в тяжелые кандалы. На груди у каждого была доска с надписью «Цареубийца». Все пятеро простились друг с другом. Они были спокойны и сохраняли необычайную твердость духа.

– Положите мне руку на сердце, – сказал Рылеев сопровождавшему его священнику Мысловскому, и посмотрите, бьется ли оно сильнее. – Сердце декабриста билось ровно... Пестель, глядя на виселицу, сказал: – Ужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отвращали чела своего ни от пуль, ни от ядер. Можно было бы нас и расстрелять!..

Осужденных возвели на помост, подвели к виселице, накинули и затянули петли. Когда из-под ног повешенных выбили скамейки, Пестель и Бестужев-Рюмин остались висеть, а Рылеев, Муравьев-Апостол и Каховский сорвались.

– Бедная Россия! И повесить-то порядочно не умеют! – воскликнул окровавленный Муравьев-Апостол. Генерал-адъютант Чернышев «по виду и ухваткам гнусный инквизитор», гарцевавший на коне вокруг повешенных и рассматривавший их через лорнет, приказал поднять их и снова повесить.

Эти трое осужденных умирали вторично. Весь окровавленный, разбив при падении голову и потеряв много крови, Рылеев имел еще силы подняться и крикнул петербургскому генерал-губернатору Кутузову:

– Вы, генерал, вероятно, приехали посмотреть, как мы умираем. Обрадуйте вашего государя, скажите ему, что его желание исполняется: вы видите – мы умираем в мучениях.

– Вешайте их скорее снова! – крикнул в ответ на это палачу Кутузов.

– Подлый опричник тирана! – бросил Кутузову в лицо неукротимый Рылеев. – Дай же палачу твои аксельбанты, чтобы нам не умирать в третий раз!..

На рассвете тела казненных положили в гробы и тайком увезли на остров Голодай, где и похоронили. Могила их не была найдена. На острове был сооружен в 1939 году обелиск. Подробности казни стали в тот же день широко известны, о них говорили во всех кругах Петербурга [141, с. 101–102].

Российская историография связывает украинское национальное движение XIX века с декабристским движением, массонством, польским сепаратизмом, окрестив борьбу украинства за национальное возрождение как «революционное движение, одетое в казацкие шаровары». По мнению известного российского историка Н.И. Ульянова, «первая попытка в поэзии связать европейский либерализм с украинскими традициями была предпринята не украинцами, а великорусом Рылеевым. Декабрист К.Ф. Рылеев был из тех одержимых, которые пьянели от слов «свобода» и «подвиг». Они их чтили независимо от контекста. Едва ли не большее число его «дум» посвящено украинскому казачеству: Наливайко, Богдан Хмельницкий, Мазепа, Войнаровский – все они, по мнению К.Ф. Рылеева, борцы за свой край, готовые жертвовать за него кровью. Не трудно отсюда заключить о роли поэм «великоруса Рылеева» для развития украинского национального движения.

Облаченный им в римскую тогу казачий автономизм приобретал новизну и привлекательность, родился с европейским освободительным движением, льстил местному самолюбию. Сословные путчи гетьманской эпохи возводились в ранг жертвенных подвигов во имя свободы, а добытчики и разбойники выступали в обличии Брутов и Кассиев» [71, с. 18–19], заключает Н.И. Ульянов.

При этом он приходит к парадоксальному выводу: «Не надо забывать, что Рылеев – декабрист, а декабристский заговор в значительной мере и, может, в большей, чем мы предполагаем, был заговором украинско-польским, ибо поляки много работали над разжиганием едва тлевшего под золой уголька казачьей крамолы и над объединением ее с декабристским путчем. Делалась ставка на возвращение Польше если не всей Малороссии, то на первый случай значительной ее части.

По договору 1824 года Южное общество обнадружило их получением Волынской, Минской, Гродненской и части Виленской губерний. Но главные польские чаяния связывались с украинским автономистским движением. По словам С.Г. Волконского, поляки питали «большую надежду на содействие малороссийских дворян, предлагая им отделение Малороссии от России» [71, с. 19]. От союза с малороссийским дворянством они ожидали большего, чем от офицерского восстания. Но в массе своей южные помещики оказались вполне лояльными по отношению к самодержавию. Только очень небольшая кучка потомков гетмана Данилы восстала.

Пройти мимо «Общества соединенных славян» вряд ли возможно. Своим если не возникновением, то направлением обязано оно поляку Ю.К. Люблинскому, связанному с

патриотическими польскими организациями. Это он подсказал название и идею «Соединенных славян». Нигде пропаганда – подчеркивает Н.И. Ульянов, – общности славян и федеративного всеславянского государства не велась так настойчиво, как среди поляков. Нигде в других краях лозунг «Соединенных славян», провозглашавший независимость каждой страны, не насаждается ими с таким старанием, как в Малой Руси».

Н.И. Ульянов декларирует: «В 1818 году основывается в Киеве масонская ложа «Соединенных славян», а через четверть века в Киеве же – «Кирилло-Мефодиевское братство», поставившее во главу угла своей программы все то же «Славянское федеративное государство». Таким образом, самым причудливо-гротескным образом сочетается декабризм, масонство и украинское освободительное движение [71, с. 19–20].

Далее, Н.И. Ульянов отмечает по этому поводу следующее: «Существовали в Малороссии другие масонские организации, инспирированные или прямо созданные поляками. Была в Житомире ложа «Рассеянного мрака» и ложа «Тамплиеров», в Полтаве – ложа «Любовь к истине», в Киеве – «Польское патриотическое общество», возникшее в 1822 году, и тотчас же, как эхо, появившееся вслед за ним «Общество малороссов», состоявшее из поборников автономизма. «Где восходит солнце?» – гласил его пароль, и ответ: «В Чигирине» [71, с. 20].

Н.И. Ульянов далее подчеркивает: «Из дел следственной комиссии о декабристах видно, что резиденцией «Общества малороссов» был Борисполь, а «большая часть членов онога находятся в Черниговской губернии, а некоторые в самом Чернигове». М.П. Бестужев-Рюмин не очень выгодно о них отзываясь: руководитель общества В.Л. Лукашевич «нравственности весьма дурной, в губернии презираем, и я слышал, что общество его составлено из людей его свойства».

Это тот самый Лукашевич, что поднимал когда-то бокал за победу Наполеона над Россией. Он был одной из самых деятельных фигур в декабристско-малороссийско-польских взаимоотношениях. Кроме «Союза благоденствия» и «Малороссийского общества», мы его видим в ложе «Соединенных славян», в полтавской ложе «Любовь к истине», и говорили также о его членстве в польских ложах [71, с. 19–20].

Из всего вышесказанного Н.И. Ульянов делает вывод: «Масонские ложи признаны были, по-видимому, наиболее удобной формой встреч и единения двух российских фронд – декабристской и украинствующей».

Ульянов свой пассаж заключает следующим: «Декабристы, можно сказать, стояли у власти на Украине. Генерал-губернатором малороссийским был в то время князь Н.Г. Репнин – брат видного декабриста С.Г. Волконского и сам большой либерал. Стремясь быть «отцом» вверенного ему края и в то же время человеком «новых веяний», он приглашал к себе в дом людей свободомыслящих, среди которых первое место занимали члены декабристских южных обществ.

У него можно было встретить и Пестеля, и Орлова, и Бестужева-Рюмина. Но к числу свободомыслящих он относил также людей, «свободомыслие» которых вызывалось не закончившейся к тому времени проверкой дворянских прав. Эти стародубские и лубенские «маркизы Позы» постоянно вертелись при генерал-губернаторском дворе, который до известной степени может рассматриваться как один из центров «возрождения» украинского сепаратизма» [71, с. 20].

Для российского историзма характерна попытка свести воедино разновременные факты. Так, Н.И. Ульянов декларирует: «Дочь князя Репнина Варвара Николаевна, благоговевшая перед подвигом своего дяди С.Г. Волконского и насквозь проникнутая духом декабризма, была в то же время почитательницей и покровительницей Тараса Шевченко. На этом примере видно, как российский космополитический либерализм преобразался на украинской почве в местный автономизм. Декабристы первые отождествили свое дело с украинизмом и создали традицию для всего последующего русского революционного движения» [71, с. 19–20].

Декабризм – особая страница в истории славянства. Декабристам много помогли на каторге и в ссылке выехавшие в Сибирь за мужьями жены. Их было одиннадцать. В далекой Сибири эти героические женщины начали строить свою новую жизнь и стали «посредниками между живыми и умершими политической смертью». Вместе с декабристами они самоотверженно несли свою тяжкую долю. Лишенные всех прав, находясь вместе с каторжниками и ссыльно-поселенцами на самой низкой ступени человеческого бытия, жены декабристов на протяжении долгих лет своей сибирской жизни не переставали бороться вместе с мужьями за те идеи, которые привели их на каторгу, за право на человеческое достоинство в условиях каторги и ссылки.

Жены декабристов держали себя всегда свободно и независимо и своим большим моральным авторитетом много сделали вместе с мужьями и их товарищами для поднятия культурного уровня местного населения. Сибирское начальство, большое и малое, боялось их.

«Между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разрывать на части правительство – княгиня Волконская и генеральша Коновницына (Нарышкина. – А.Г.), – доносили по начальству чиновники.

О том, что Сергей Волконский состоит в тайном обществе декабристов, узнал отец Марии, граф Николай Раевский. Вначале в этом движении участвовали и два его сына, но они отошли от декабристов и поэтому царским репрессиям не подверглись. Сергей же Волконский оставался верен своим взглядам до самой смерти.

Граф Н. Раевский при заключении брачного контракта принудил Волконского подписать письменное обязательство, что тот порвет с декабристским движением, – свидетельствуют современники. Но, как установили исследователи, своей невесте, а затем жене Волконский в этом не признался и принял участие в декабристском восстании.

Выходя замуж за богатого и знатного, близкого ко двору Сергея Волконского, Мария, не имевшая богатого приданого, рассчитывала занять подобающее ей место в окружении царя (ее свекровь, мать Волконского, была фрейлиной, статс-дамой императрицы).

В Сибирь Мария поехала за мужем, считая, что царь Николай I простит сына фрейлины императрицы, и ссылка мужа будет недолгой. Действительно, мать Волконского написала царю письмо, но Николай I сократил срок только на один год.

Декабристы боролись с самодержавием и в Сибири:

«Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы:
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы», –

писал Одоевский, выражая чувства своих товарищей по ссылке, он обращался к Пушкину со словами:

«Но будь покоен, бард, цепями,
Своей судьбой гордимся мы».

Осужденный на 15 лет каторжных работ, Одоевский 1 февраля 1827 года был закован в кандалы и отправлен с фельдъегерем в Сибирь, в Читинский острог. В кандалах везли и гнали по этапу в Сибирь всех декабристов, в кандалах оставались они днем и ночью в первые годы каторги в Нерчинске и Чите. Но декабристы носили их с гордостью: они видели в кандалах олицетворение своей борьбы с самодержавием и крепостничеством в России.

На глазах изумленного стражника, преклонив колени, поцеловала цепи своего мужа Мария Николаевна Волконская, одна из первых последовавшая за своим мужем в Сибирь. Звон кандалов декабристы называли «Vivos voco» – «живых призываю!». Не случайно эти слова впоследствии стали девизом газеты «Колокол», издававшейся А.И. Герценом.

Именно потому, что декабристы видели в кандалах особый символ, им пришла в голову мысль создать из них памятные вещи: кольца, браслеты, даже шкатулки. Первым взялся за это М.А. Бестужев, как только в 1829 году декабристы были освобождены от кандалов. Его

примеру последовали другие. «Скоро каждая из нас носила кольцо из железа мужниных кандалов», – писала в своих «Записках» М.Н. Волконская. Получили тогда такие бесценные подарки и некоторые родственники и друзья изгнанников.

История свидетельствует: героическое самопожертвование жен декабристов не являлось некоей исторической аномалией: по Владимирскому тракту в Сибирь в XIX веке ежегодно пешим порядком проходили на каторгу и в ссылку до 12 тысяч человек. До пуска железной дороги от Москвы до Нижнего Новгорода по ней прогнали свыше двух миллионов людей. В добровольную ссылку за своими родственниками прошло свыше миллиона человек [142, с. 163–164].

По своей глубинной сути декабристское восстание – попытка использования западноевропейского (французского) опыта в деле корректировки политики правящей элиты страны – т.е. экстремального «совершенствования» государственной машины, дающей «сбои» в условиях непреодоленных феодальных пережитков (самодержавие, крепостное право!). В 1825-м планировалась революция «сверху», разумеется, поддержанная «снизу» войсками, но все же куда более «верхняя», чем, скажем, французская. В 1789–1794 годах главные дела тоже совершались в столице, Париже, но при огромном напоре «снизу», уже образовавшемся до революции и нараставшем с первых ее дней. Огромную роль там играли революционные секции Парижа и других городов, отряды Национальной гвардии, городские и крестьянские объединения [46, с. 95–96].

Народное представительство (Генеральные штаты), которое Пестель хотел допустить лишь через десять лет после победы, – действовало во Франции еще за несколько месяцев до штурма Бастилии. В ходе событий Генеральные штаты, как известно, переросли в Национальное, Учредительное, наконец, в Законодательное собрание. Пестель этот путь отвергал, спорил с Рылевым и другими заговорщиками, требовавшими созвать Земский собор сразу же после свержения самовластия.

Вождь Южного общества настаивал, что Россия – не Франция, французских демократических тенденций не имеет; что без железной диктатуры царь и его сторонники быстро преуспеют в контрреволюции, причем и неразвитый народ вряд ли разберется, где друзья и где враги: они мистически привязаны к царскому символу; даже в Земском соборе, если он соберется, крестьяне могут поддержать реакцию.

Декабрист Матвей Муравьев-Апостол писал к брату Сергею 3 ноября 1824 года: «При поездке Александра I по губерниям народ бросался под колеса, ему приходилось останавливаться, чтобы дать время помешать таким проявлениям восторга» [46, с. 95–96].

То, что случилось в 1825-м, вытекало из ряда чисто российских традиций. Герцен заметил, что картечь, предназначенная декабристскому каре, вставшему на Сенатской площади, досталась и Петру I, вокруг памятника которому выстроились мятежники. Праправнуки тех, кто делал «революцию Петра I», через 100 лет после смерти этого императора выполнили его завет – просвещаться, достигнув высокой, для Петра I почти неизвестной степени этого просвещения. Пушкин в замечаниях о XVIII веке отыскал знаменитую формулу: «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон» [46, с. 93].

Иначе говоря, Петр I не страшился, что его меншиковы, румянцевы, ганнибалы, изучив артиллерию, фортификацию, морское дело и европейские языки, потребуют сразу парламента, свободы слова, самоуправления, наоборот, поначалу просвещение укрепляло самодержавное всевластие; однако проходит 3–4 поколения, ситуация коренным образом меняется. Князья, графы, душевладельцы, выступившие против собственных привилегий и взявшие на себя обязанности третьего сословия, – такая ситуация уже сама по себе отдавала столь привычной нам «революцией сверху». Вопрос стоял так: сумеют ли эти дворяне, революционеры, перехватить привычную инициативу у дворян правительственных и бюрократических.

Одно время бытовала точка зрения, что чем декабрист беднее, тем радикальнее. Однако столь простой социологический вывод не оправдался – активнейшие революционеры были и среди бедных, беднейших дворян (Каховский, Горбачевский), и среди знатнейших, богатейших (Пестель, Лунин, Волконский) [46, с. 93].

В близкий исторический период к событиям Великой Французской революции, к попыткам декабристов реформировать государственную систему Российской империи, в далекой Америке складывался фундамент новой, эффективной системы государственности. Что же явилось основой для подобного феномена? Демократия, апробированная в античный период развития цивилизации и возрожденная через многие столетия, обогащенная достижениями английского парламентаризма, трагическим и величественным опытом Великой Французской революции.

Демократия – это способ устройства социальной жизни. Ее роль отрицательная, но не созидательная – она сродни теории эволюции Дарвина, подобна роли естественного отбора. Естественный отбор лишь отбрасывает негодные варианты, но не является тем фактором, который может создавать новое. На заводе подобные функции выполняет отдел технического контроля, который, конечно, совсем не то же самое, что конструкторское бюро. Демократическое устройство может лишь предотвратить развитие некоторых социальных болезней: но именно оно защищает от болезней, а не объясняет смысл и назначение здорового существования [143].

Таким образом, демократия – это процесс ни на секунду не прекращающегося естественного социоотбора в обществе, когда личность должна совершенствовать свои способности в соответствии с потребностями общества либо быть обреченным на прозябание, а порой и на гибель. Механизмы устройства социальной жизни при демократии просты, непреложны в своей неотвратимости (законы действуют для всей общественной пирамиды, а не только для низов!), всепроникающи. Формирование подобной системы имеет значимый практический интерес для складывания государственности стран СНГ.

Как же США шли к своей системе устройства общества? Взаимоотношения Англии и Северной Америки в период от окончания Семилетней войны (1763 г.) и до начала войны за независимость характеризовались обострением колониального гнета во всех сферах: экономической, социальной, политической. Таяли иллюзии о наличии в колониях каких-либо начал самоуправления, суверенитета местных ассамблей. В дополнение к непосредственной власти английской короны и назначенных ею губернаторов пришло господство парламента и министров.

Американцы во всей полноте ощутили вмешательство английского парламента в управление колониями с принятием им в 1765 г. гербового акта. Тем самым наносился ущерб не только их карману, но и давалось понять, что ими намереваются управлять, не считаясь с их собственными выборными органами – ассамблеями.

18 марта 1766 г. парламента издал так называемый разъяснительный закон, в котором объявлял о праве «подчинять своей воле колонии и народ Америки, подданных короны Великобритании, во всех возможных случаях» [143]. Далее парламента стал прибегать к таким мерам, как роспуск ассамблей, изменение колониальных хартий, отмена суда присяжных, расквартирование постоянной армии в мирное время и т.д., которые в самой Англии практиковались королями во время расцвета абсолютизма.

В 1765 г. по Северной Америке прокатилась первая мощная волна антианглийских выступлений. Подводя итоги событиям этого года, Д. Адамс писал: «Наша пресса стонала, с церковных кафедр извергались молнии, наши ассамблеи принимали резолюции, города голосовали, королевские чиновники везде тряслись от страха, а их ничтожные пособники боялись выступать и стыдились появляться на глаза» [144]. Патриотическое движение очень быстро выдвинуло своих идеологов, которые сосредоточились в основном на одном главном вопросе – о форме государственно-правовых отношений с Англией.

Идейные доктрины, получившие наибольшее распространение в 1760 годы, носили еще умеренный характер. В них отсутствовала даже постановка вопроса о государственно-правовой автономии североамериканских провинций, требование которой стало главным в радикальной критике, оформившейся в самостоятельное течение на рубеже 1760–1770-х годов. Умеренная доктрина, явившаяся идейным выражением начального периода патриотического движения, получила наиболее полное выражение в воззрениях Дж. Отиса и Д. Дикинсона.

Массачусетский политик Дж. Отис первым дал развернутое теоретическое обоснование прав колонистов. Его политические требования носили крайне умеренный характер, однако аргументы, с помощью которых он их отстаивал, были в дальнейшем использованы и радикальными теоретиками. Свой получивший громкую известность памфлет «Рассмотрение и обоснование прав британских колоний» Отис опубликовал в Бостоне в 1764 г., когда билль о гербовом сборе еще только обсуждался английским парламентом.

Отиса до этого знали как лидера оппозиционной политической группировки в Массачусетсе, боровшейся против фракции вице-губернатора и добившейся почти монопольного обладания важными административными и судебными постами в этой колонии. В борьбе с политической властью колонии Отису не были чужды мотивы личной выгоды, тщеславие. Попытка Отиса возглавить патриотов в Массачусетсе объяснялась не только его недовольством английскими указами, но и стремлением при помощи этого движения сломить господство кланов Хатчинсона [145].

Памфлет Отиса свидетельствовал об эрудиции бывшего выпускника гарвардского колледжа, он изобилует ссылками на античных авторов и западноевропейских мыслителей, таких, как Д. Локк, Э. Кок, С. Пуфендорф, Г. Гроций. Отдавая должное их учености, Отис подчеркивал, что даже самые авторитетные европейские мыслители не дали общей теории прав колониальных народов. Выводы Гроция и Пуфендорфа в этом вопросе опирались на опыт имперской политики древней Греции и древнего Рима, а отнюдь не на современную практику [145].

Предлагая свою концепцию прав колоний, Отис решил привлечь самое передовое по тому времени учение о естественном праве, которое открывало возможность для самых разных политических суждений и выводов об изначальных правах людей. В Западной Европе теория естественного права использовалась для критики сословного неравенства феодального общества и проповеди идеи о неотчуждаемости частной собственности.

Но уже Ж.-Ж. Руссо использовал это учение для защиты эгалитарного идеала, а Ж. Мелье, Г.-Б. Мабли, Морелли мыслили «естественное состояние» в соответствии с принципами утопического коммунизма. Отис же обратился к этой теории, чтобы от имени «бога и природы» уравнивать в правах колонистов и англичан. В «естественном состоянии», рассуждал Отис, не было ни колонистов, ни англичан, все они просто люди, во всем равные между собой, и они не могли утратить этих равных прав, разделившись в гражданском обществе на жителей Великобритании и жителей Северной Америки [146].

Хотя Отис и опирался на естественно-правовое учение для обоснования притязаний американцев, его политические воззрения были крайне умеренными. Если через 12 лет после Отиса Т. Джефферсон в «Декларации независимости», исходя также из учения о естественном праве, обосновывал право колоний на отделение от метрополии и образование в Северной Америке самостоятельного государства, то Отис добивался всего лишь распространения на колонистов гарантий тех прав, которыми, как он утверждал, пользовались жители самой Англии. Все необходимые человеку права были, по его мнению, уже открыты Локком и отражены в английской конституции, то есть в таких правовых актах, как Великая хартия вольностей 1215 г., «Habeas Corpus Act» 1679 г., билль о правах 1689 г. и др.

Основываясь на этом, Отис утверждал, что поскольку колонисты при переселении в Америку являлись свободными подданными Великобритании, «постольку принципы

английской конституции (перед которой он открыто преклонялся) распространяются на них в той же мере, как и на жителей метрополии. Английскую конституцию он рассматривал в качестве второго наряду с естественно-правовым учением источника прав колонистов. Определение государственно-правовой функции конституции Отис заимствовал у британского политического теоретика XVII в. Э. Кока. Вслед за Коком он объявлял конституцию фундаментальным правовым установлением, изменить которое могло только «народное соглашение.»

В 1767–1768 гг., во время второго англо-американского кризиса, начало которому положили таможенные законы Ч. Тауншенда (первый кризис 1765–1766 гг. был вызван гербовым актом), среди патриотов имели наибольшее хождение «Письма пенсильванского фермера». Известный американский историк М. Дженсен пишет, что популярность «Писем» среди колонистов не была превзойдена ни одним произведением вплоть до появления в 1776 г. «Здравого смысла» Т. Пейна.

Под псевдонимом «фермера» скрывался представитель квакерской верхушки Пенсильвании, политик с солидным юридическим образованием и сложившейся системой правовых взглядов Д. Дикинсон, который к тому времени вместе с Отисом уже был признанным лидером патриотов [147].

В момент обсуждения «Декларации независимости» в июне-июле 1776 г. Д. Дикинсон решительно противопоставил себя Континентальному конгрессу, выступив против отделения колоний от Англии. Ни современники, ни историки не простили ему этого. Даже самые маститые американские исследователи были безжалостны к Дикинсону, рассматривая всю его политическую деятельность только сквозь призму выступления 1 июля 1776 г. против «Декларации независимости» [147, с. 224–237].

Имя же Дикинсона стало широко известно в Северной Америке еще в 1765 г., после съезда 9 колоний в Нью-Йорке, собравшегося для того, чтобы выработать единую программу борьбы против гербового акта, Дикинсон был автором декларации этого конгресса. В ней решительно отвергалась мысль Отиса о возможности и желательности представительства колоний в парламенте. Взамен этого предлагалось своеобразное разделение суверенитета в управлении колониями между парламентом и местными ассамблеями, причем налогообложение колонистов признавалось исключительной прерогативой «местных» властных структур [148].

В 12 «письмах» к «Жителям британских колоний», которые публиковались с декабря 1767 г. по февраль 1768 г., а затем были изданы отдельной брошюрой во многих городах Северной Америки, Дикинсон попытался окончательно оформить свои мысли о границах прерогатив английского парламента и колониальных ассамблей. Он соглашался с английскими теоретиками и с Отисом, что в любой империи, в том числе и в Британской, должен быть единый, высший для всех ее частей, правительственный орган. Но тут же – и это было нововведением в английскую имперскую доктрину – Дикинсон ограничивал компетенцию парламента вне пределов Англии одним лишь «регулированием торговли» [148].

На рубеже 1760–1770-х годов в патриотическом движении Северной Америки наблюдается падение влияния умеренных идей Отиса и Дикинсона. Зато в нем начинает возрастать популярность концепций гомруля – государственно-правовой автономии провинций Нового Света. Требование гомруля высказывалось в Северной Америке и раньше. Но вплоть до конца 1760-х годов оно не получило развернутого обоснования, не имело в устах его сторонников самостоятельного звучания, перемежаясь с суждениями, заимствованными у тех же умеренных критиков политики Англии.

Только на рубеже 1760–1770-х годов идея гомруля обрастает развернутыми историческими, правовыми, социально-политическими и экономическими аргументами, приобретает вид законченной радикальной доктрины. Число ее сторонников среди патриотов растет.

Идейная переориентация патриотического движения объяснялась рядом факторов. Среди них в первую очередь следует назвать все более широкое вовлечение в него народных масс, которые предпочитали половинчатым просьбам умеренных физическую расправу с угнетателями. Несостоятельность надежд на ограничение и смягчение власти парламента в колониях к этому времени уже вполне обнаружилась. А доктрина гомруля как раз и предполагала замену правления парламента в Северной Америке властью местных ассамблей [149].

Автором концепции гомруля историки США считают Р. Бланда, представителя плантаторской аристократии Вирджинии, депутата ассамблеи, которого Д. Адамс запомнил как «книжника, ученого человека». В 1764 г. Бланд впервые сформулировал тезис о праве колоний на самоуправление в вопросах «внутренней политики». К компетенции парламента он относил только решение «внешнеполитических» вопросов, касавшихся британских колоний в Северной Америке [149].

10 января 1776 г. в Филадельфии вышел памфлет, ставший высшим достижением антиколониальной мысли и совершивший, по свидетельствам современников, переворот в умонастроениях американцев. Памфлет назывался «Здравый смысл», а его автором был Т. Пейн, англичанин, просветитель-демократ, отвергнутый своей страной и прибывший в Америку в 1774 г. с рекомендательным письмом Франклина. Пейн внес в платформу патриотов две идеи, способствовавшие преобразованию ее в революционную теорию: доктрину республиканизма и обоснование провозглашения независимого государства.

Смелость и новизна мыслей Пейна контрастировали со взглядами даже самых радикальных лидеров-патриотов. На этом основании американский буржуазный историк Д. Льюис выдвинул сенсационную версию о том, что в 1776 г. никто из колониальных лидеров, в том числе и Джефферсон, не был способен написать «Декларацию независимости», принятую 4 июля 1776 г., и что ее по тайному поручению Джефферсона написал не кто иной, как Т. Пейн [149].

Эта фантастическая версия не способствовала, конечно, углублению понимания роли Пейна в развитии антиколониальной мысли. Что же касается наиболее маститых буржуазных историков США, то они просто замалчивают значение революционных идей Пейна, этого чужака среди представителей официальной политической родословной Америки, в развитии антиколониальной теории, не желая умалять авторитет отцов-основателей.

Т. Пейн решительно отверг заблуждения, которые мешали американцам пойти на разрыв уз, связывавших их с Англией. Подвергнув критике «местные и давно устоявшиеся предрассудки» относительно английской конституции, которую даже радикальные идеологи патриотов рассматривали как хартию всех возможных свобод, пытаясь извлечь из нее обоснования для своих притязаний, Пейн показывал, что принципы общественного соглашения и представительного правления, столь почитаемые патриотами, фактически вытравлены из английской конституции и их тщетно искать в ней [150, с. 23–26].

Острой критике Пейн подверг институт монархии вообще и королевскую власть в Англии в особенности. Разрушение монархической иллюзии – одного из последних оплотов верности североамериканцев империи, было особенно важно. Республиканские идеи до этого не получили развития даже в среде патриотов. Внесение республиканской доктрины в антиколониальную мысль было заслугой Пейна [151].

Защита республиканской идеи в Северной Америке, где она в XVIII в., как и в Англии, рассматривалась в лучшем случае как утопия, было нелегким делом. Г. Пейн использовал для ее обоснования и для критики монархии философские, правовые, библейские (учитывая сугубую религиозность американцев) аргументы и, наконец, доводы, основанные на «здравом смысле», которые легче всего убеждали колонистов, отличавшихся тактическим складом ума.

Прослеживая родословную «коронованных негодяев» Англии от «французского ублюдка» Вильгельма Завоевателя до «его королевского свинства» Георга III, Пейн

показывал, что их так называемые божественные права были самой настоящей узурпацией. Ссылки на «священное писание» должны были убедить американцев, что монархия была противна основам христианства. Многие аргументы были почерпнуты из теоретического арсенала европейского Просвещения [151].

Раскритиковав монархические предрассудки, связывавшие американцев с Англией, Пейн столь же беспощадно расправился и с другими весьма распространенными мифами и домыслами, мешавшими провозглашению независимости. Он высмеял утверждение, что без покровительства Англии Северная Америка зачахнет, что она не способна самостоятельно обеспечить процветание своей торговли и развитие промышленности.

Устаревшим объявлял Пейн убеждение, что Англия является первым отечеством американцев. Отечеством американцев, писал Пейн, давно стала вся Европа, английская национальность утратила преобладание над другими в Новом Свете. Наконец, доказывал он, стоит ли оставаться верным стране, которая пришла к американцам с огнем и мечом?

Автор «Здравого смысла» первым в Северной Америке обращался к ее жителям с призывом образовать собственное государство и принять «Декларацию независимости». Принятая 4 июля 1776 г. «Декларация независимости» как бы подвела итог более чем 10-летнему развитию антиколониальной критики. Основанием прав американцев в «Декларации» объявлялись только законы, данные «природой и богом». Естественным правом народа считалось уничтожение не отвечающей интересам народа формы власти. Целью нового государства объявлялось обеспечение «естественных прав» на «жизнь, свободу, стремление к счастью». С принятием «Декларации независимости» возникло новое государство, получившее название Соединенные Штаты Америки [151].

При этом в условиях складывающейся демократии трансформировались институты отмирающего феодального общества: место самодержца занимает, в принципе равный ему по властным полномочиям президент, но избираемый не на пожизненный срок, а на строго определенный (при действенной системе сдержек и противовесов).

Гениальным изобретением демократии являлась также и система двухпартийного (по своей сути «двухфазного») правления, когда близкие по идейным концепциям партии, представляющие правящую элиту и оппозицию, действуют в борьбе за власть принципом «вдох-выдох», не меняя глубинной сути общественной системы, но внося в процесс борьбы за ее обладание элементы соревнования и тем самым совершенствования.

В американской историографии и политологии интерес к этой проблематике в связи с 200-летием США также заметно возрос. На книжном рынке США появилось много работ, в которых двухпартийная система изображалась как уникальный политический институт, способный эволюционным путем решать практически любые социально-экономические проблемы, как «надклассовая сила», действующая в интересах «общественного благосостояния и прогресса», как общественно-политический эталон демократии для всех стран [151].

Ряд особенностей государственного устройства США, политической культуры и социальной психологии американцев создали благоприятную почву для появления на политической арене молодой республики в конце XVIII – начале XIX в. и такого института, как двухпартийная система. А эффективность ее превратила этот институт в неотъемлемый институт политического механизма американского общества, постоянно побуждала правящую элиту страны к закреплению принципа двухпартийности [151].

В ходе исторического развития за этим институтом утвердились вполне определенные функции. Среди важнейших можно выделить управленческую, т.е. связанную с конкретно-политической реализацией совокупной воли правящего класса (разработка и воплощение идейно-политических программ, которые консолидируют буржуазный правопорядок и устраняют политические факторы, подрывающие его), электоральную (т.е. сплочение и мобилизация избирателей в поддержку программ и кандидатов буржуазных партий) и, наконец, адаптивную (т.е. приведение элементов надстройки в соответствие с меняющейся

социально-экономической средой). Сочетание этих функций, а главное, способы их практического воплощения никогда не носили статичного характера, а обуславливались конкретными потребностями правящей элиты и особенностями того или иного исторического периода [152, с. 54–59].

Провозглашение формально-юридического равенства, предоставление избирательного права сравнительно обширной части общества, передача части функций по управлению страной представительным органам власти внесли принципиально новые черты в организацию классового господства, в первую очередь, в плане вовлечения части общества в рутинный политический процесс.

Если при предшествовавших капитализму общественно-экономических формациях политическая основа зиждилась на методах внеэкономического принуждения и закреплялась в сословных привилегиях имущих слоев посредством религиозных и правовых норм, то при буржуазном строе складывается иная ситуация.

Важнейшей особенностью развития основных партий США является наличие устойчивого элемента системности в их взаимоотношениях. Двухпартийный характер всей структуры взаимоотношений между различными слоями американского общества, его закрепление в политической культуре США, социальной психологии рядовых американцев накладывают весьма существенный отпечаток на ту роль, которую эти массовые политические организации сыграли и продолжают играть в жизни страны [153].

Необходимо учитывать, что политико-правовые воззрения «отцов-основателей» США формировались под сильным влиянием английского опыта, британской политической традиции, в которой принцип двухпартийности укоренился уже достаточно прочно. Копирование английских форм ведения политической борьбы, конечно, не могло долго продолжаться.

Очень быстро те политико-правовые формы, которые были перенесены на американский континент из Англии, были наполнены новым, конкретно-национальным содержанием, в результате чего вскоре США значительно опередили бывшую метрополию в деле строительства общенациональных партий. Однако внешние формы, и, прежде всего, принцип двухпартийности, прижились в США. Этот принцип оказался очень удобным для их правящей элиты и постепенно укрепился в политической философии и практике [1513].

Объяснение причин успеха этих усилий и устойчивости двухпартийной системы в целом следует искать в комплексе факторов, порожденных спецификой социально-экономической и государственно-правовой среды, в которой протекало становление и развитие двухпартийной системы США.

Как известно, к власти в новом государстве пришел блок, состоявший из двух компонентов – торгово-финансовой буржуазии Севера и плантаторов-рабовладельцев южных штатов. Считая буржуазный путь единственно возможным для США, идеологи этих социальных групп по-разному представляли себе набор средств, с помощью которых они рассчитывали создать оптимальные условия для реализации своих замыслов. Это и обусловило появление двух основных концепций развития американского общества, на долгие годы определивших стержень партийно-политической борьбы [153].

Такие особенности конституционно-правового устройства США, как мажоритарная избирательная система, единоличное представительство от избирательного округа и т.д., в целом благоприятствует складыванию двух-, а не многопартийной системы, заслуживает специального упоминания детерминированная конституцией федеральная структура всей политической системы США, ибо благодаря ей американские буржуазные партии, оставаясь относительно едиными на национальных выборах, при избрании должностных лиц в органы власти в штатах и на местах – в зависимости от конкретных региональных и субрегиональных условий – могут вести себя по-разному. Этим, в частности, объясняется известная гибкость американских буржуазных партий, их сравнительная жизнестойкость [153].

Наконец, принцип двухпартийности закрепляется и известной особенностью социальной психологии американцев. Узкий прагматизм – одна из важнейших черт их повседневного поведения независимо от социального статуса, образовательного уровня и т.п. В политическом процессе прагматизм определяет существенные свойства мышления и действий партийных активистов.

Твердая приверженность определенным принципам часто рассматривается как проявление непрактичности, тогда как успех в решении текущих вопросов выступает как чуть ли не единственный критерий эффективности политической деятельности. Не случайно патриарх американской либеральной историографии Г. Коммэйджер утверждал: «Достоинством американской партийной системы является то, что она ставит народ перед необходимостью бороться за принципы» [153].

В силу того, что стратегические установки явно остаются на втором плане, когда речь идет о решении практических задач, связанных с борьбой за власть на том или ином уровне, а выборы различных должностных лиц в США происходят постоянно, задача достижения на них победы любой ценой доминирует над всеми остальными помыслами, определяя линию поведения партийных теоретиков и функционеров.

Естественно, что решать эту задачу проще в рамках сложившегося и отлаженного двухпартийного механизма, который, как говорится в одной из американских работ, «обеспечивает удобную для политической элиты предсказуемость» [154] всего политического процесса. Создание же новой партии требует длительных усилий, связано с большим риском, как правило, не может принести сиюминутных дивидендов. Не случайно в периодически возникающей в США полемике вокруг вопроса о целесообразности создания третьей влиятельной партии данный аргумент неизменно превращается в мощное оружие в руках противников такого шага [155].

На разных этапах истории США наряду с базовыми функциями на первый план выдвигались некоторые специфические, характерные для каждого периода задачи, стоявшие перед двухпартийной системой. Так на стадии ее становления было чрезвычайно важно выработать и внедрить нормы легитимного политического процесса и преодолеть унаследованные от прошлого глубокие секционные различия. Позднее перед новой партийной комбинацией «демократы – виги» встала задача демократизации политической системы, приведение ее в соответствие с заметно трансформировавшейся социальной структурой общества. Но, пожалуй, нигде так часто не менялись задачи, стоящие перед двухпартийной системой, как в сфере разработки идейно-политических концепций, используемых для управления государством.

История США дает немало ярких примеров глубокого влияния партийных идейно-политических установок на правительственный курс. Уже с момента своего возникновения политические группировки, заложившие в дальнейшем основу двухпартийной системы, заняли активную позицию по вопросу о консолидации молодого государства, разрабатывая рекомендации по снижению социальной напряженности, легализации политической активности оппозиционных сил и учету разнообразных интересов различных категорий имущих слоев. Все это обеспечило весомую роль двухпартийной системы в решении дел государственного управления страной. Конечно, формы, эффективность воздействия партий на деятельность государственной машины на различных этапах истории были неодинаковыми, но их влияние на выработку и проведение правительственного курса – постоянный фактор политической истории США.

Модернизация политической системы США и в дальнейшем проводилась в координатах двухпартийной системы. Так для республиканской и демократических партий, скрепленных в системный механизм во второй половине 1870-х годов, было характерно обоюдное признание безусловной и непреходящей ценности всех без исключения социально-экономических институтов США, их политической структуры в том виде, в котором она сложилась в эпоху «свободной конкуренции». Главными для ведущих политиков обеих

партий стали призывы к обеспечению максимально благоприятной обстановки для частнопредпринимательской деятельности в стране при полном отказе правительства от какого-либо ее ограничительного регулирования [155, с. 55–67].

В настоящее время заокеанские «акулы капитализма» теперь даже готовы приплачивать профессорам, чтобы они поддерживали инакомыслие на кафедрах, в лекционных залах. При всей разрекламированной войне республиканцев и демократов их явно не устраивает разница в программах, – это каких-то процентов пять или десять. Их манит политическая экзотика типа коммунистической, при том, что численность самих коммунистов в стране – человек пятьсот. Так что пусть резвятся [156].

Что же происходило в России в период «бури и натиска» становления США? В тот исторический период, когда на американском континенте закладывался фундамент государственности будущей сверхдержавы – США, в Российской империи продолжались мучительно-несмелые попытки реформирования архаичного, уходящего в феодальное прошлое, блестяще-замшелого государственного аппарата великой империи.

После того, как Александр I не решился, а декабристы не сумели произвести революционные преобразования в стране, Николай I, без сомнения, некоторое время пытался взять на себя роль «революционера сверху», всячески подчеркивая преемственность с Петром I (вспомним пушкинское: «Во всем будь пращуру подобен...»).

Но «калибр» личности Николая I, его ближайшего окружения коренным образом отличался от петровского, и поэтому попытки уподобления обернулись гротескным фарсом (воистину: история повторяется два раза, второй же раз – в виде фарса!)

Ряд реформ (главнейшая – ослабление, а затем отмена крепостного права) были задуманы действительно, а не на словах. Были созданы десятки тайных проектов, 11 секретных комитетов по крестьянскому вопросу (сама секретность при самодержавном режиме – залог серьезности, хотя одновременно и символ ненадежности: ведь практические шаги требуют гласности!) [46, с. 101].

На первый взгляд, предпосылки реформаторски-эволюционной деятельности Николая I многообещающи: если Александр I панически боялся своего окружения и его реакции на реформы («задушат! убьют!»), то его преемник, уничтоживший картечью и штыками оппозицию, сконцентрировавший в своих руках, казалось бы, необъятную власть, мог не опасаться подобной реакции типа «задушат, убьют», – но волен в своих действиях он отнюдь не был. Каковы же причины этого?

Не получились ожидаемого у Николая I прежде всего из-за сильного и все нарастающего эгоистического, звериного сопротивления аппарата, высшей бюрократии, дворянства. Умело, мастерски они «топили» все сколь-нибудь важные антикрепостнические проекты, для чего имелось несколько надежных способов. Во-первых, затянуть время, отложить их в долгий ящик, передать бюрократическим комиссиям и подкомиссиям. Во-вторых, если царь настаивает, то выдать проекты практически неосуществимые. В-третьих, запугать монарха бунтами, непослушанием народа, для чего «завышали» сведения о крестьянских волнениях.

Царю указывали на очередной эксцесс и восклицали: «Вот к чему дело придет, если дать послабление!» В-четвертых, умели (тоже преувеличивая) сообщить царю о недовольстве помещиков, опасющихся за свою собственность. В-пятых, уже знакомые ссылки на революцию в Западной Европе, на «ихние беспорядки», в то время как у нас – «благодная тишина» [46].

Царедворцы-бюрократы были тонкими психологами, они знали, на какие болевые точки императора оказывать давление в целях противодействия его «нерешительному реформаторству».

В «Большой Энциклопедии» под редакцией С.Н. Южакова (1899 год) о правлении Николая I приводятся следующие данные: «Во внутренней деятельности были предприняты попытки реформ, оставшиеся, впрочем, в большинстве случаев, на бумаге, в журналах разных комитетов и комиссий. Уже 6 дек. 1826 учрежден был «секретный комитет» под

председательством гр. В.П. Кочубея и при деятельном участии М.М. Сперанского. Комитет продолжал свои занятия до половины 1830. Этому комитету поручено было под ведением и руководством императора сделать обстоятельное обозрение тогдашнего положения в империи всех отраслей управления.

В предварительной записке Николай I прямо указывал комитету, что занятия его должны состоять в пересмотре нынешнего государственного управления и в изложении мысли: что ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить? В секретном комитете рассматривались самые разнообразные вопросы: о преобразовании всех высших правительственных мест в совокупности и, в частности, государственного совета и комитета министров, о преобразовании губернского управления, законов «о состояниях», о крестьянах и дворовых людях, о чинах и порядках гражданской службы, о приобретении потомственного дворянства, о почетном гражданстве, о дворянских собраниях, о заповедных имуществвах и т.д.

Некоторые проекты комитета были позже проведены в жизнь, но большинство осуществлено не было или осуществлено в очень измененном виде. Особенно важны были при Николае I заботы о законодательстве. В составе собственной Е.В. канцелярии, учрежденной 1812, образовано 2-е отделение (1826), предназначенное для правильной кодификации русских законов; ближайшее заведывание этого дела было поручено члену государственного совета М.М. Сперанскому.

Через 4 года был уже издан в составе 40 томов хронологический сборник русских законов (30600), начиная с Уложения царя Алексея до последнего указа императора Александра I, «Полное собрание законов Российской империи», впоследствии пополнявшееся всеми вновь выходившими узаконениями; дополнение таковых в 30 томах включает в себе 29042 законодательных акта, изданных в царствование Николая I» [157, с. 71]. Бюрократические потуги были велики, каков же был эффект от всех этих начинаний?

Блестящее описание как николаевской эпохи, так и личности самодержца дал Л.Н. Толстой: «Зимний дворец после пожара был уже давно отстроен, но Николай I жил в нем еще в верхнем этаже. Кабинет, в котором он принимал с докладами министров и высших начальников, был очень высокой комнатой с четырьмя большими окнами. Большой портрет императора Александра I висел на главной стене. Между окнами стояли два бюро. По стенам стояло несколько стульев. В середине комнаты – огромный письменный стол, перед столом – кресло Николая, стулья для принимаемых.

Николай I в черном сюртуке без эполет, с полупогончиками, сидел у стола, откинув свой огромный, туго перетянутый по отросшему животу стан, и неподвижно своим безжизненным взглядом смотрел на входивших. Длинное белое лицо с огромным покатым лбом, выступавшим из-за приглаженных височков, искусно соединенных с париком, закрывавшем лысину, было холодно и неподвижно. Глаза его, всегда тусклые, смотрели тусклее обыкновенного, сжатые губы из-под загнутых кверху усов и подпертые высоким воротником ожиревшие, свежевыбритые щеки с оставленными правильными колбасками бакенбард и прижимаемый к воротнику подбородок придавали его лицу выражение недовольства и даже гнева. Первого он принял Чернышева.

Постоянная, явная, противная очевидностью лесть окружающих его людей довела его до того, что он не видел уже своих противоречий, не сообразовал уже свои поступки и слова с действительностью, с логикой или даже с простым здравым смыслом, а вполне был уверен, что все его распоряжения, как бы они ни были бессмысленны, несправедливы и несогласны между собою, становились и осмысленны, и справедливы, и согласны между собой только потому, что он их делал.

Таково было и его решение о студенте Медико-хирургической академии, о котором докладывал Чернышев. Он взял доклад и на поле его написал своим крупным почерком:

«Заслуживает смертной казни. Но, слава богу, смертной казни у нас нет. И не мне вводить ее. Провести 12 раз сквозь тысячу человек. Николай». Подписал он своим неестественным огромным росчерком.

Николай знал, что двенадцать тысяч шпицрутенгов была не только верная, мучительная смерть, но излишняя жестокость, так как достаточно было пяти тысяч ударов, чтобы убить самого сильного человека, но ему было приятно быть неумолимо жестоким и приятно было думать, что у нас нет смертной казни. Написав свою резолюцию о студенте, он подвинул ее Чернышеву.

– Вот, – сказал он, – прочти.

– «Вывести всех студентов на плац, чтобы они присутствовали при наказании, – прибавил Николай I. – Я выведу этот революционный дух, вырву с корнем, – подумал он» [158, с. 76–84].

Рефреном, своеобразной визитной карточкой наиболее одиозных деятелей периода правления Николая I являлось: «Никаких послаблений!» Позже известный деятель, один из сравнительно либеральных министров Николая I Дмитрий Николаевич Блудов находил, что европейские революции, «мешавшие» русским реформам, являлись всегда столь «вовремя», как будто их тайно подготавливали российские крепостники! И действительно, в Европе одна за другой вспыхивают и побеждают как раз революции снизу (1830-й, 1848-й), хотя там давно не было ни крепостного права, ни самодержавия вроде российского. А может, именно оттого и побеждали? Но какие же глубинные социально-экономические процессы проходили в этот период в николаевской России?

Де Кюстин замечал в своей книге «Николаевская Россия»: «В России все живут лишь потому, что один человек милостиво разрешает им дышать и предписывает, какими способами должно пользоваться его разрешением. Такова серьезная сторона представления. Отсюда вытекают столь важные последствия, что страх перед ними скоро заглушает желание смеяться.

Нет в наши дни на земле человека, который пользовался бы столь неограниченной властью. Вы не найдете такого ни в Турции, ни даже в Китае. Представьте себе все столетиями испытанное искусство наших правительств, предоставленное в распоряжение еще молодого и полудикого общества; весь административный опыт Запада, используемый восточным деспотизмом; европейскую дисциплину, поддерживающую азиатскую тиранию; полицию, поставившую себе целью скрывать варварство, а не бороться с ним; тактику европейских армий, служащую для проведения восточных методов политики; вообразите полудикий народ, которого милитаризировали и вымуштровали, но не цивилизовали, – вы поймете, в каком положении находится русский народ [100].

В России страх заменяет, вернее, парализует мысль. Когда чувство страха господствует безраздельно, оно способно создать только видимость цивилизации. Что бы там ни говорили близорукие законодатели, страх никогда не сможет стать душой правильно организованного общества, ибо он не создает порядка, а только прикрывает хаос. Где нет свободы, там нет души и правды» [100].

Таким образом, по свидетельству французского барона де Кюстина, суть российского самодержавия – азиатское самовластье, пронизывающее все «поры» общественной жизни: «Тот, кто всемогущ и властен творить, что захочет, несет на себе и тяжесть содеянного. Подчиняя мир своей воле, он в каждой случайности видит тень восстания против своего всемогущества.

Муха, которая не вовремя пролетит во дворце во время какого-либо официального приема, уже как будто унижает его. Независимость природы он считает дурным примером, каждое существо, которое не подчиняется его воле, является в его глазах солдатом, восставшим среди сражения против своего сержанта: позор падет на армию и на командующего. Верховным командующим является император России, и каждый день его – это день сражения» [100, с. 72]. Между тем, Николай I был совершенно одинок на вершине

самовластной пирамиды – даже его жена Александра Федоровна – одна из самых привлекательных женщин эпохи, любившая искусство и литературу, была увлечена тогдашним «диссидентом» Лермонтовым, одно имя которого было ненавистно императору [159, с. 6]. «Близка» к Николаю I была лишь российская бюрократия, чиновничество.

Известный славянофил Ю.Ф. Самарин писал о бюрократии и дворянстве: «Эта тупая среда, лишенная всех корней в народе и в течение веков карабкавшаяся на вершину, начинает храбриться и кривляться перед своей собственной единственной опорой. Власть отступает, делает уступку за уступкой без всякой пользы для общества».

Николай I был категоричнее, «громче», самодержавнее своего покойного брата Александра I: известен случай, когда он рывкнул над ухом уснувшего на посту офицера, тот скончался (царь выплачивал особую пенсию семье). Казалось бы: гаркнуть царю на своих министров, чтобы исполняли приказы – все выйдет. Однако и этот монарх не забывал о силе бюрократии, «об удавке» [46, с. 107–114].

1830–1840 гг. были сравнительно спокойными, внешне империя развивалась успешно, противники реформ были, к сожалению, «непреклонными». А потому не сомневались, что можно и дальше «погодить» с их проведением. Николай I не решился стукнуть кулаком по столу. Со временем же вошел в новую роль – свое вынужденное отступление стал все более считать за собственную волю.

России был присущ огромный, очень самостоятельный бюрократический аппарат: в середине XVIII века он составлял около 16 000 человек, сто лет спустя – около 100 000. О могуществе чиновничье-бюрократического аппарата свидетельствовал Николай I, который говорил, что Россией управляют не император, а столоначальники. Они же, столоначальники, решили исход всех начинаний, реформаторских потуг его времени. Много ли изменилось на просторах СНГ и сколько же у нас чиновников?

По мнению всезнающего III отделения, только несколько губернаторов не брали взятки. В их числе – бывший декабрист Александр Муравьев (таврический губернатор) и ковенский Радищев («по убеждениям»), хотя сын первого русского революционера сильно удалился от отцовских идей, с целью выйти в губернаторы [46, с. 103–117].

«Зима» николаевской реакции «опустилась и на национальные окраины, в том числе и на Украину. Эпоха правления Николая I в национальном вопросе определялась принципом: «...для блага империи, сохраняющей целостность и могущественное величие свое под благотворной сенью самодержавия, не должны были быть терпимы в оной отдельные самостоятельные части или федеральные соединения провинций на особых правах». Полнейший произвол существовал на Правобережной Украине в период правления этим краем генерал-губернатора Д.Г. Бибикова, впоследствии министра внутренних дел Российской империи.

Как отмечал в своих воспоминаниях правитель дел канцелярии киевского генерал-губернатора Э.И. Стогов (свидетельства которого, по словам современников, отличались правдивостью), Д.Г. Бибиков, занимавший пост генерал-губернатора в Киеве в течение 15 лет, отличался редкой безграмотностью: «Наук он не знал никаких, говорил по навыку по-французски и немецки... но писать не умел ни на каком языке. По-русски до того плохо знал грамоту, что не умел и строки написать без руководства. Арифметику Бибиков вовсе не знал. Историю, географию совершенно не знал» [160, с. 337–338]. (Надо заметить, что в «Русском биографическом словаре» в статье о Д.Г. Бибикове говорится, что он получил «блестящее домашнее образование»).

Невежественным самодуром был и его брат, виленский генерал-губернатор И.Г. Бибиков. Один из чиновников, служивший в северо-западных губерниях, Н.П. Боголюбов, в своих воспоминаниях отмечал, что он был «ума недалёкого, болтлив, бестактен и уверен в превосходстве своем над всеми ему подвластными до такой степени, что не допускает малейших противоречий. Прибавьте к этому полнейшее неведение в администрации и делах

гражданских, так как служба его при великом князе (Михаиле Павловиче) далее выправки солдатских носков и пригонки амуниции не заходила».

Наиболее близким к Киевскому генерал-губернатору Д.Г. Бибикову был чиновник особых поручений (впоследствии правитель его канцелярии) Н.Е. Писарев. Он брал взятки в размере десятков тысяч рублей, облагая ежегодной данью губернаторов, а тех из них, кто не подчинялся его распоряжениям, не утверждал в должности. В фонде III отделения имеется специальное дело «О лихоимстве чиновника для особых поручений при киевском генерал-губернаторе Писарева», из которого видно, что в 1840 г. он получил от польских дворян, замешанных в деле Конарского, 46 тыс. руб., а в 1847 г. от волынских помещиков (в связи с введением инвентарей) – 35 тыс. рублей.

По поводу последней суммы начальник IV округа жандармов генерал П.Ф. Буксгевден доносил шефу жандармов: «Волынские помещики, привыкшие к тому, что управление Киевским генерал-губернаторством основано на безнравственности интереса в высшей степени, решились принести жертву и собрать с губернии тридцать пять тысяч рублей серебром, определенную главным преступником долговременных лихоимств в киевском генерал-губернаторстве камергером Писаревым».

Все это было известно Николаю I, однако никаких мер не принималось. Более того, в середине 40-х годов XIX в. Писареву «высочайше» было пожаловано придворное звание камергера, а в начале 50-х годов его назначили олонеким губернатором. Случай с Писаревым весьма характерен. Он свидетельствует о том, что система воровства и взяточничества имела не только всеобщее распространение, но получила и молчаливое «высочайшее» одобрение, ибо имеющий «червоточину» неспособен на ниспровержения» [161, с. 33–51].

Когда в конце своего правления Николай I собрал сведения о том, кто же из губернаторов вовсе не берет взяток, даже с откупов, то оказалось, что только двое: киевский И.И. Фундуклей и ковенский А.А. Радищев. На это Николай заметил: «Что не берет взятку Фундуклей – это понятно, потому что он очень богат, ну, а если не берет их Радищев, значит он чересчур уже честен». Действительно, брали почти все, честность вызывала подозрение как некая форма противостояния государственной машине с ее системой ценностей и приоритетов [161, с. 39–45]. Вот откуда истоки коррупции в странах СНГ!

По многочисленным отзывам современников, взяточничество и казнокрадство, с точки зрения чиновной морали, были обычными явлениями и не встречали осуждения окружающих. Более того, донесения о них не вызывали отрицательную реакцию. Так, начальник II округа жандармов генерал С.В. Перфильев писал шефу жандармов по поводу сообщения одного из штаб-офицеров корпуса о взяточничестве председателя Костромской палаты государственных имуществ, а также других лиц: «Я не утверждаю, чтобы они были безукоризненны на счет выгод от службы, но кто без греха, и о ком из губернских чиновников не говорят того же или подобное» [161].

И это мнение не частного лица, а одного из руководящих чинов корпуса жандармов! Сенатор М.Б. Веселовский в «Записках», рассказывая о своей службе в Нижегородском губернском правлении и касаясь массового взяточничества и казнокрадства во всех звеньях губернской администрации от губернатора до столоначальника в конце 40-х – начале 50-х годов XIX в., замечает: «Даже и те, которые были непричастны к этой операции, люди вполне бескорыстные... относились к извлечению побочных доходов от службы снисходительно» [161, с. 33–51].

При Николае I военные составляли основу властной пирамиды: на 1 января 1853 г. числилось 58 губернаторов, из которых 30 были генералами и являлись, как правило, «военными и гражданскими».

Губернаторы в подавляющем большинстве избирались из гвардейских полковников, получивших при переходе в ведомство министерства внутренних дел чин генерал-майора.

Обычно это были люди некомпетентные в делах гражданского ведомства, не знавшие, как надлежит управлять губернией.

Ярким подтверждением того, что у многих из них не было ни малейшего представления о гражданской службе, может служить деятельность калужского военного и гражданского губернатора графа Е.П. Толстого, который искренне считал, что никакой поспешности в делах не требуется. «Он прямо объявил, – рассказывает в своих воспоминаниях М.Д. Бутурлин, – что в гражданской службе нет нужных и спешных дел... Он рассуждал, что нужные и спешные дела могут быть только в военной службе. А в гражданской бумажной службе какие такие могут быть экстренности? Не все ли равно, бумага лежит в том или ином месте». При таком взгляде на задачи администрации Е.П. Толстой требовал от своих подчиненных, чтобы они отвечали на всякого рода экстренные и спешные запросы только после «третьего принуждения». Это привело к тому, что в Калужской губернии различного рода произвол и беззакония достигли колоссальных размеров.

Однако Калужская губерния не была исключением. Нижегородский губернатор – свитский генерал кн. М.А. Урусов – также был абсолютно некомпетентен в делах гражданской администрации. Штаб-офицер корпуса жандармов, сообщая о нем в III отделение, писал: «Он человек бескорыстный, занимается делами, но все не впрок: ибо сам оных не понимает, а подписывает то, что советники его скажут».

Так же характеризуется и томский губернатор генерал-майор С.П. Татаринов. «Если нельзя оспаривать у генерал-майора Татаринова знания горного дела в отношении искусственном, – писал в конце 1845 г. жандармский офицер подполковник Мосолов в III отделение, – то утвердительно можно сказать о совершенной его неспособности к управлению губернией в отношении административном» [161, с. 33–57].

Таким образом, на фоне «самодержавия» в период Николая I формируется вседавящая административно-бюрократическая система, в которой люди – всего лишь символы: колесики, винтики бездушной всеподавляющей, всеотупляющей абсолютистско-самодержавной государственной машины (царско-бюрократической поры).

Маркиз Де Кюстин, посетивший Российскую империю в период правления Николая I, так характеризовал деятельность бюрократического аппарата: «Каждый из них выполняет свою работу с такой педантичностью, риторизмом и надменностью, которые имеют одну лишь цель – придать известную важность даже самому маленькому чиновнику. Он не позволяет себе проронить лишнее слово, но ясно чувствуется, что он полон сознания своего величия: «Уважение ко мне! Я часть великой государственной машины» (как же живучи традиции евразийского беспредела!).

А между тем эти частицы государственного механизма, слепо выполняющие чужую волю, подобны всего лишь часовым колесикам, – в России же они называются людьми. Меня положительно охватывала дрожь, когда я смотрел на этих автоматов: столько противоестественного в человеке, превращенном в бездушную машину. Если в странах, где встречается обилие машин, даже дерево и металл кажутся одушевленными, то под гнетом деспотизма, наоборот, люди кажутся созданными из дерева. Невольно спрашиваешь себя, что им делать с совершенно излишним для них разумом, и сразу чувствуешь себя подавленным, когда подумаешь, сколько надо силы и насилия, чтобы превратить живых людей в неодушевленных автоматов». (При Сталине бюрократические «часовые колесики» лишь были модифицированы в «винтики», «гвоздики» – «Делать бы гвозди из этих людей, не было бы в мире крепче гвоздей!»).

Не могла пройти книга Кюстина мимо внимания и той части русской интеллигенции, которая находилась в лагере славянофилов. В «Московитянин» за 1845 г. в № 4 была помещена статья А.С. Хомякова «Мнение иностранцев о России», вызванная, по словам П.В. Анненкова, чтением книги Кюстина. Хомяков считал, что иностранцы, пишущие о России, говорят обычно массу всякого вздора, пропитанного явной враждебностью по отношению к русским. Эта враждебность является результатом глубокого различия между Россией и

Западной Европой в духовной и общественной жизни. Иностранцы не могут отказать России в самобытности, не могут не признать убеждающей силы этой самобытности, но проникнуться к ней уважением не хотят.

Этому снисходительному презрению иностранцев к России часто способствуют и сами русские, раболепно преклоняющиеся перед Западом. В отношении русских к своей родине заключено много похвальной скромности, но, когда скромность граничит с отречением, она превращается в порок. Иностранец, видя такое отношение русского человека к отечеству, перестает уважать его.

Вся статья Хомякова – призыв к изучению своей родины, ее истории, языка, культуры. Только тогда, когда русский будет хорошо знать Россию, он сможет развить у себя чувство самоуважения и тем самым не давать повода иностранцам отзываться о России с презрением.

Книга Кюстина задела самое болезненное место Хомякова: горькое сознание обиды за русских, предающих свою родину и являющихся виновниками появления книг» [100, с. 41].

Де Кюстин дает уничижительные характеристики не только Николаю I, его окружению, но и всей элите Российской империи. «Свежий» взгляд путешественника по «николаевской» России маркиза Де Кюстина отмечает следующее: «Что делает русское дворянство? Оно поклоняется своему царю и становится соучастником всех преступлений высшей власти, чтобы самому истязать народ до тех пор, пока бог, которому этот господствующий класс служит и который им же самим создан, оставит плеть в его руках.

Эту ли роль предназначило провидение дворянству в государственном строительстве обширнейшей в мире страны. В истории России никто, кроме государя, не выполнял того, что было его долгом, его прямым назначением, – ни дворянство, ни духовенство. Подъяремный народ всегда достоин своего ярма: тирания – это состояние повинующегося ей народа» [100]. Книга Кюстина – пощечина Европы Российской империи!

Активные, самостоятельные, гордые, дерзкие военачальники, администраторы, идеологи в николаевское тридцатилетие уходят в тень, подаются в отставку, превращаются в «лишних людей» (категория, прежде неизвестная: в XVIII – начале XIX века не было лишних – все при деле!). Один из «лишних», генерал Ермолов, говорил об особом таланте Николая: никогда не ошибаясь, всегда определять на ту или иную должность «самого неспособного...».

Национальные противоречия и, в частности, украинский вопрос, были одной из наиболее жгучих, антагонистических проблем империи, накладывавшей отпечаток, определявший направление как ее внутренней политики в целом, так во многом и внешнеполитический курс – прослеживалась одна, четко выраженная линия национальной политики – безоглядное, бескомпромиссное подавление всех проявлений национального самосознания народов, населявших империю под лозунгами великорусского шовинизма.

Эпоха правления Николая I в национальном вопросе определялась принципом «...для блага империи, сохраняющей целостность и могущественное величие свое под благотворной сенью самодержавия, не должны быть терпимы в оной отдельные самостоятельные части или федеральные соединения провинций на особых правах» [162, с. 373].

Великодержавный курс политики царского правительства вызывал общественный протест со стороны развивавшейся национальной украинской интеллигенции. Кадры этой интеллигенции группировались вокруг Харьковского и Киевского университетов, Нежинского и Одесского лицеев. Преимущественно это были представители дворянской молодежи, но в их среду проникали и разночинцы – выходцы из других сословий.

Зимой 1845–46 гг. группа прогрессивно настроенных украинских интеллигентов создает в Киеве тайную политическую организацию под названием «Кирилло-Мефодиевское общество». Когда-то ученые монахи Кирилл и Мефодий проповедовали среди древних славян новую для них христианскую религию. Участники общества также ставили своей задачей пропаганду новых социально-политических идей.

Наиболее ярким представителем Кирилло-Мефодиевского общества являлся Т.Г. Шевченко. В секретном докладе шефа жандармов А.Ф. Орлова (о раскрытом на Украине тайном обществе) о Тарасе Шевченко было сказано так: «...по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников».

Нельзя отказать жандармам в наблюдательности. Действительно, Шевченко резко выделялся среди других украинских общественных деятелей того времени. Выходец из самой гущи крепостного крестьянства и сам познавший в юности весь ужас подневольного бесправного существования, он страстно ненавидел феодальный строй. Устами одного из героев повести «Варнак» он так отзывался о термине «крепостной»: «Горькое проклятое слово! И день тот проклят, в который я его услышал в первый раз!» [69, с. 420].

Но не только страдания народа, а его мужество и стойкость, его вековая борьба против угнетателей вдохновляли Шевченко и как поэта, и как политического деятеля. На всю жизнь запали ему в душу рассказы деда – ветерана грозной Колиивщины. Всегда звучали в его душе песни кобзарей, прославлявших героев освободительной войны украинского народа против кичливой шляхты. Он называл монархов «коронованными палачами»; особую ненависть питал поэт к Николаю I, именуя его «лютым Нероном», «дрессированным медведем», «неудобозабываемым фельдфебелем». Его поэма «Сон», написанная в 1844 г., была по существу острым политическим памфлетом на крепостнический строй, на реакционный николаевский режим.

Подлинным манифестом нараставшего на окраинах империи антиколониального движения была написанная в 1845 г. поэма Шевченко «Кавказ». Это был кульминационный пункт длительной и упорной Кавказской войны: тысячи русских и украинских крестьян, одетых в солдатские шинели, гибли под пулями горцев; зарево пожаров стояло над горскими аулами, жители которых стойко защищали свою свободу и независимость.

В поэме рисуется трагическая картина сурового края, служившего десятки лет ареной ожесточенной войны:

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы...

Беспощадно клеймил автор царских колонизаторов, зло высмеивая утверждения об их якобы культуртрегерской миссии на Кавказе [69, Т. III, с. 420–421].

Питая нежную сыновнюю любовь к матери-Украине, народный поэт никогда не проповедовал идеи национальной исключительности, выступал поборником дружбы и братства народов, с одинаковой теплотой отзывался о трудовых людях, с волнением слушал вести о тайпинском восстании в Китае и рассказы гастролировавшего в Петербурге актера А. Олдриджа о жизни американских негров [69, Т. III, с. 422].

Всю жизнь мечтал Шевченко о грозной мести, которая ждет угнетателей народа. Мысль о неизбежности всенародного восстания владела им, когда он писал свое знаменитое поэтическое «Завещание», звучавшее подобно набатному звону:

Схоронив меня, вставайте,
Цепи разорвите,
И злодейской вражьей кровью
Волю окропите...

Эта мысль поддерживала его морально в годы солдатчины в Оренбургском крае (1847–1857 гг.) Возвратившись из ссылки, он особенно остро ощутил близость этой революции и уверенность в ее победе. За полгода до смерти он писал:

...Будет бито
Царями сеянное жито!
Взрастет народ. Царьки умрут
И те, что даже не зачаты...
И в каждом будешь видеть брата,

И люди будут на земле.

Прошло около полутора столетий с того времени, как гений Т.Г. Шевченко, подобно ярчайшему метеориту озарил николаевскую тоталитарную ночь России, но дискуссии вокруг наследия, личности поэта не прекращаются и до настоящего времени.

Вышеупомянутый Н.И. Ульянов отмечает в своей книге «Откуда пошло самостийничество» следующее: «При всем обилии легенд, облепивших имя и исказивших его облик, Шевченко может считаться наиболее ярким воплощением всех характерных черт того явления, которое именуется «украинским национальным возрождением». Два лагеря, внешне враждебные друг другу, до сих пор считают его «своим». Для одних он – «национальный пророк», причисленный чуть ли не к лику святых, дни его рождения и смерти (25 и 26 февраля) объявлены украинским духовенством церковными праздниками. Даже в эмиграции ему воздвигаются памятники при содействии партий и правительств Канады и США. Для других он предмет такого же идолопоклонства». И в настоящее время всячески пытаются принизить личность великого поэта, его вклад в становление ментальности украинского народа: «Из Академии Художеств Шевченко вынес только поверхностное знакомство с античной мифологией, необходимой для живописца, да с некоторыми знаменитыми эпизодами из римской истории», – утверждает в своей монографии Н.И. Ульянов, декларируя далее: «Никакими систематическими знаниями не обладал, никакого цельного взгляда на жизнь не выработал. Он не стремился даже в противоположность многим выходцам из простого народа восполнять отсутствие школы самообразованием». Далее Н.И. Ульянов пишет: «По словам близко знавшего его скульптора Микешина, Тарас Григорьевич не шибко жаловал книгу. «Российскую общую историю, – пишет Микешин, – Тарас Григорьевич знал очень поверхностно, общих выводов из нее делать не мог: многие ясные и общеизвестные факты или отрицал, или не желал принимать во внимание; этим оберегалась его исключительность и непосредственность отношений ко всему малорусскому».

Затем Н.И. Ульянов делает совершенно антиисторическое обобщение: «Дворовой человек, чье детство и молодость прошли в унизительной роли казачка в барском доме, не мог, конечно, питать теплых чувств к крепостному строю. Но совершенно ошибочно делать из него на основании этих биографических фактов сознательного борца против крепостного права. Ничего похожего на некрасовскую «Забытую деревню» или на «Размышления у парадного подъезда» невозможно у него найти. Тарасу Григорьевичу суждено было дожить до освобождения крестьян. Начиная с 1856 года вся Россия только и говорила что об этом освобождении, друзья Шевченко, кирилло-мефодиевцы, ликовали; один он, бывший крепостной, не оставил нам ни в стихах, ни в прозе выражения своей радости» [71, с. 21–22].

Данные сентенции свидетельствуют лишь о том, что имперский украинофоб не знает творчества великого поэта – ведь это строфы Т.Г. Шевченко:

... А щоб збудить
Хиренну волю, треба миром,
Громадою обух сталить;
Та добре вигострити сокиру –
Та й заходитесь вже будить.

Особенно сильно звучит у него нота «На царя!»:

Царів, кривавих шинкарів,
У пута кутії окуй,
В склепу глибокім замуруй.

В завершение своей филиппики Н.И. Ульянов подчеркивает: «Национальным поэтом» Шевченко объявлен не потому, что писал по-малороссийски и не потому, что выражал глубины народного духа. Этого как раз и не видим. Три четверти стихов и поэм его подражательны, безвкусны, провинциальны.

Многие до и после Шевченко писали по-украински, часто лучше его, но только он признан пророком. Причина: он первый воскресил казачью ненависть к Москве и первый воспел казачьи времена как национальные» [71, с. 23–24].

Однако «история есть суд», и она должным образом воздает всем по их заслугам, их вкладу в развитие того или иного этноса: Шевченко первым в Украине разбудил создание нации, рассказав о ее славной истории, о которой до него не многие знали, да и то понаслышке. Он был первый, кто бескомпромиссно встал на защиту обездоленных. При этом не боялся ни царя, ни зарвавшегося панства. Шевченко настолько мелодичен, что многие его произведения народ запел и, таким образом, включил в золотой фонд 600 тысяч народных украинских песен. А его «Реве та стогне Дніпр широкий...» был, есть и останется в веках неофициальным национальным гимном.

Как будто заглянув в наши дни, великий поэт масштаба Гомера и Шекспира, завещает:

«Обніміте, ж брати мої,
найменшого брата, –
Нехай мати усміхнеться,
Заплакана мати,
Благословіть дітей своїх
Твердими руками
І діточок поцілуйте
Вільними устами.
І забудеться срамотня
Давня година,
І оживе добра слава,
Слава України,
І світ ясний, не вечірній
Тихо засіяє...
Обніміться ж, брати мої.
Молю вас, благаю!»

Таким образом, правление Николая I – «непросвещенный абсолютизм», впервые обозначившийся в краткие павловские годы и повторенный на новом витке через одно царствование. Поэт А.И. Полежаев писал в 1827 г.:

«В России чтут
Царя и кнут».

Денис Давыдов в 1836 вторил:

«То был век богатырей!
Но смешались шашки.»

Оппозиционность из сферы общественной жизни Российской империи в николаевский период переместилась в сферу философско-теоретических и литературных исканий. После поражения декабристов вопрос о дальнейшем историческом пути России, о способах решения ее жгучих социальных проблем, о роли народа как движущей силы прогресса на долгие десятилетия был перенесен в теоретическую плоскость и стал стержнем идейных изысканий и споров в среде русской интеллигенции.

Первым, хотя и с откровенно пессимистических позиций, высказался по этим проблемам П.Я. Чаадаев, опубликовав в 1836 г. свое первое «Философическое письмо». Оно, по словам А.И. Герцена, «потрясло всю мыслящую Россию», ибо после десятилетнего молчания, воцарившегося в русском обществе с 1825 г., это письмо было подобно «выстрелу, раздавшемуся в темную ночь».

В «Философических письмах» Чаадаев осудил не только действительность николаевской России, но и весь пройденный страной путь, который, согласно его мрачной оценке, пролегал в стороне от «мирового потока», от европейской истории.

По мысли Чаадаева, чтобы не погрязнуть в «мертвом застое», Россия должна была (сама или под давлением извне) «перейти на новые пути», подключиться к общеевропейскому прогрессу, двигателем которого он считал идеализированный католицизм. Чаадаев был уверен, что Россия имеет «полную свободу выбора» путей развития, поскольку она позже других европейских народов приобщалась к цивилизации. «Мы (русский народ) пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия», – так обосновал Чаадаев, предвывая последующих мыслителей, право России на «свободу выбора».

Его историческая концепция, построенная на противопоставлении идеализируемого католического Запада погрязшей в рабстве и отсталости православной России, лежала в основе его религиозно-этического идеала.

П.Я. Чаадаев отмечал в «Философических письмах»: «Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставшим от нас. Мы живем одним настоящим – в самых тесных его пределах – без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы» [163].

Не только в области бытия, но и в области мысли, сознания, николаевская эпоха набросила «флер» реакционности на данные сферы российской действительности, что и дополнило картину николаевского «безвременья».

Известный публицист Н.А. Мегульнов писал в 1855 году: «Само правительство... не терпя свободы, не может терпеть и того, что с ней связано. Не стыдясь мнения образованного мира, оно не решилось совершенно уничтожить литературу, а стало по возможности подавлять их, так что на деле они пришли в самое жалкое положение. Цензурные постановления так строги, что нельзя написать ничего, имеющего человеческий смысл. Всякая мысль преследуется, как контрабанда, даже факты очищаются от всего, что может бросить не совсем выгодный свет не только на существующий порядок вещей, но и на те политические, религиозные и нравственные начала, которые приняты за официальную норму.

В учебных заведениях введены военное обучение и военная дисциплина; невежественные генералы поставлены во главе народного просвещения; университеты лишены прежних своих прав, и самое число учащихся ограничено. Казалось бы, чего лучше желать для государства, как не возможно большего числа образованных людей? Казалось бы, что возбуждать в молодых поколениях, как не желание учиться? А между тем это благороднейшее стремление человека делается предметом запретительных мер: правительство считает его для себя опасным и ограничивает число студентов» [46, с. 115–116].

Все это позволило Де Кюстину пророчески заметить: «И не пройдет 50 лет, как либо цивилизованный мир вновь подпадет под иго варваров, либо в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор» [100, с. 72]. (При таких исторических предсказаниях ошибка на десятилетие-другое несущественна и определяется лишь субъективным фактором!)

Какие же социально-духовные искания происходили в данный исторический период в Западной Европе? К идее осуществления (в утопии, и в практике – тоже утопической) принципа распределения по потребностям подошел РОБЕРТ ОУЭН (1771–1858 гг.). Лозунгом его жизни были великие слова максималиста: «Либо все люди должны быть счастливы, либо никто» [49, с. 211].

Роберт Оуэн был талантлив, удачлив и необъятно добр. К тому же он был богат, практичен и – до поры – признан «наверху», среди «капитанов индустрии». Но все свое

состояние, весь организаторский талант, сердце и душу свою принес он в жертву всепоглощающей идее коммунизма.

В молодости Оуэн совершает «экономическое чудо»: в пролетарском, задымленном и нищем Нью-Ленарке ему удалось за короткий период повернуть к лучшему жизнь многих тысяч людей. Замыслы же его были грандиозны – не просто накормить, одеть, расселить всех людей по изобильным нормам; это даже меньше, чем полдела. Это лишь предпосылки подлинных наслаждений! А они – по ту сторону материальной необходимости: в духовной, социальной, эстетической сферах.

Высшие наслаждения творчества, общения, искусства в полной мере станут доступны новым людям, воспитанным уже в человеческих обстоятельствах нового мира: «В возрожденном мире, когда человек родится заново и получит новое сознание, новые чувства, новый дух, новый язык, говорящий только правду, новую нравственность, новые навыки и способ поведения, – мечтает Оуэн, – в этом мире все неизбежно будут любить друг друга и каждый без лукавства будет испытывать чувства любви» [49, с. 211–212].

Самая сильная сторона учения Оуэна – соединение мечты о гармоническом человеке с могуществом техники и науки. Фурье признает это могущество скорее на словах, поскольку в его фаланстерах (трудовых коммунах) первенство принадлежит сельскому хозяйству. Сен-Симон упивается этим могуществом и, в известном смысле, фетишизирует его как самоцель (все остальное приложится!). Оуэн постоянно имеет в виду высшую цель производства – развитие самого человека, общины, коммуны, ассоциации людей.

Индустрия и ее достижения служат у него необходимым средством облегчения тягот жизни тружеников. И уже не надо придумывать рабов для черных работ (как у Т.Мора): все сделают «механические рабы». И уже не надо эксплуатировать труд детей и женщин. Дети будут трудиться – но не для добычи пропитания, а для развития своих талантов и способностей. Оуэн увидел в свободном производительном труде самое могучее средство для воспитания всесторонне развитых людей.

У Оуэна свои фаланстеры – самоуправляющиеся трудовые коммуны. По мысли великого мечтателя, справедливые коммуны могут быть созданы тотчас же, в рамках существующей системы, и на яркий свет добра и содружества постепенно слетится все заблудшее человечество...

Успех нью-ленаркского эксперимента побудил Оуэна в течение тридцати лет упорно, невзирая на удары реальности, заниматься «созиданием будущего», то есть утопической практикой организации коммун. Рухнула Новая Гармония в США – а вдруг выдюжит, вдруг победит Гармони-Холл в Англии?! Упрямство Оуэна придавало веру и добавляло сил все новым и новым утопистам-«практикам».

Сколько их было, фантастических коммун! И всякий раз мечтатели разбивали головы о каменную стену экономической необходимости. Коммуны либо превращались в замкнутые религиозные секты, либо, вступая в контакт с буржуазным миром, беспощадно взрывались изнутри центробежными силами собственничества [49, с. 211–213].

Каков же итог николаевского «безвременья?» «Воздаяние за николаевское правление – резкое отставание развития России от Западной Европы, что наглядно проявилось в период Крымской войны при обороне Севастополя в 1853–1855 годах.

Солдаты и моряки сопротивлялись героически, но в ряде случаев нельзя вести и речи о сражениях. Победив под Синопом турецкий флот (парусный, как и русский), Нахимов должен был просто затопить победоносную русскую эскадру у крымских берегов при появлении англо-французского парового флота. Некоторые сухопутные сражения, по существу, были расстрелом русского войска: европейское нарезное оружие било много дальше, чем российское гладкоствольное.

И все же противнику удалось захватить лишь небольшие территории на самом краю империи. Уинстон Черчилль в своей «Истории Англии» удивлялся, почему русские так держались за Севастополь, а не отступили на север, в бесконечные степные пространства,

куда союзные армии не посмели бы углубиться, помня судьбу Наполеона? Нельзя было отступить – абсолютизм «требовал» абсолюта во всех сферах бытия, в том числе и в военной сфере – побед, побед и побед.

После целого периода усиливающегося схождения, пускай внешнего, с Европой (что мы наблюдали в XVIII – начале XIX века) снова – как перед «революцией» Петра I – накапливается отставание, техническое и кадровое. Россия и при Николае I не стояла на месте: производство примерно удвоилось. Государственные доходы за 30 лет царствования возросли со 110 до 260 млн. рублей, расходы увеличились со 115 до 313 млн. рублей. Число фабрик и заводов удвоилось (вместо 5300 достигло 10 тыс.), сумма акционерных капиталов возросла с 5 до 240 млн. руб.

Относительно внешней торговли правительство придерживалось покровительственного таможенного тарифа: стоимость вывоза и ввоза товаров, не достигавшая в 1826 г. ста млн. руб., превысила в 1856 г. триста млн. руб. При Николае I устроено было до 10 тыс. верст шоссейных дорог, около 1000 верст железнодорожного пути, электрического телеграфа было проведено 2600 верст. Однако во Франции за этот период число паровых двигателей возросло более чем в 5 раз, потребление хлопка и добыча угля – более чем в 3 раза, обороты французского банка увосьмерились. Объем же английской промышленности вырос за первую половину XIX века более чем в 30 раз.

«Капиталистический паровоз» разводил пары: промышленный переворот, первая промышленная революция. На Западе как из рога изобилия сыпались новые изобретения, открытия, медленно, с большим опозданием попавшие в Россию, в сущности, не заинтересованную ни в каких серьезных новшествах. Если бы не «капиталистическое окружение», можно было бы и дальше жить в этом беднейшем, не очень товарном и очень недемократическом обществе. Специалисты подсчитали, что еще лет 50–70 крепостное право, тормозя экономику, все же не довело бы страны до полного голодного краха – ведь большинство крепостных хозяйств были середнячками. И все же эта система была обречена – рано или поздно. Позднему крушению воспрепятствовали внешние обстоятельства – в том числе и Крымская война [146, с. 106–107].

После поражения в Крымской войне верноподданный историк-публицист М.Н. Погодин обращается к Николаю I: «Надо вдруг приниматься за все: за дороги, железные и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и училища мореплавания, за гимназии и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочие не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, за деньги, за финансы, за все, за все... Конституция нам не нужна, а дельная, просвещенная диктаторская власть необходима» [46, с. 108–109].

«Сверху блеск – внизу гниль», – констатировал в своих записках государственный деятель, будущий министр П.А. Валуев. «Приходилось расплатиться, – писал историк С.М. Соловьев, – за тридцатилетнюю ложь, тридцатилетнее давление всего живого, духовного, подавление народных сил, превращение русских людей в полки, за полную остановку именно того, что нужно было более всего поощрять, чего, к несчастью, так мало приготовила наша история, – самостоятельности и общего действия, без которого самодержец, самый гениальный и благополучный, останется беспомощным, встречает страшные затруднения в существовании своих добрых намерений» [3].

Вольтер заметил: «Не страшно умирать – страшно не жить». У императора Николая I на фоне крушения всех идеалов, ментальности его эпохи, хватило мужества, приняв яд, уйти из жизни. После смерти Николая I происходят следующие события: отставка наиболее одиозных николаевских сановников – П.А. Клейнмихеля и Л.В. Дубельта (начало 1856 г.); падение Севастополя, брожение в стране: тысячи крепостных крестьян стремятся записаться в ополчение, чтобы получить свободу.

Выход первой книги герценовской «Полярной звезды» в Лондоне; постепенное расширение гласности: известный ученый и публицист К.И. Арсентьев запишет, что «граница между дозволенным и недозволенным становилась все менее и менее определенной», – таковы реалии послениколаевской эпохи.

Сохранились рассказы современников, что после смерти Николая I А.С. Хомяков радостно поздравлял друзей с новым царем-преобразователем. Друзья сомневались, так как у наследника была в либеральных кругах весьма неважная репутация. Было известно, например, что при обсуждении в Секретных комитетах вопроса о крестьянском освобождении Николай I выступал даже более смело, чем его сын, склонявшийся к тому, что никакой «эмансипации» не нужно. Хомякову говорили: «Александр II – крепостник, занимается преимущественно охотой»; однако славянофильский публицист уверенно защищал свой оптимизм: «В России хорошие и дурные правители чередуются через одного: Петр III плохой, Екатерина II хорошая, Павел I плохой, Александр I хороший, Николай I плохой, этот будет хорошим!»

Почему же для Российской империи была характерна такая пугающая закономерность – «плохой-хороший» земной бог, каким для нее являлся вседержитель-царь? Характерной особенностью развития российской государственности являлось несовместимое (на первый взгляд) сочетание: тоталитаризма как метода правления господствующей элиты и соборности как способа функционирования общественных структур.

Если говорить о богословском смысле термина «соборность», то он был сильно замутнен славянофилами. В святоотечественной традиции «соборность» ничего общего с «общинностью» не имела. В основе термина – греческое «каф’оло», то есть – «по всему»: есть один человек, в нем живет Святой Дух, в нем сосредоточена вся полнота церкви, независимо от того, сколько у него сторонников. К проблеме личности это имеет прямое отношение.

Славянофильская традиция трактует «соборность» как общность, коллективное стремление к выживанию в условиях перманентной агрессии как с Запада, так и с Востока. Таким образом, соборность, сплачивая славянство перед лицом внешней опасности, придавала огромное значение фактору личности, особенно личности правителя, который являлся «земным богом», т.е. царем.

В Западной Европе, где в противоположность России, все более набирал силу индивидуализм, ставший затем двигательной силой капитализма, мыслители и общественные деятели поднимали проблемы коллективизма как некоего противовеса всеобъемлющего и всеокрушающего индивидуализма, кредо которого сформулировал бессмертный У. Шекспир: «Быть или не быть – вот в чем вопрос!» Суть же нашего многовекового этнически героического и беспросветно-личностного бытия было (а может быть и есть?) – «Тварь ли я дрожащая или право имею?!» – вопрошение Бога и себя Ф.М. Достоевским. Каков же ответ нашего времени и каждого из нас?

*Все исполнилось, Федор Михалыч,
Все свершилось – и оптом, и врозь.
Только то, о чем страстно мечталось,
Вот единственно, что не сбылось.*

Юлий Ким

Предсмертный бред Базарова: «Я нужен России!.. Нет, видно, не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник...»

И.С. Тургенев

*Над родимой землей, над Рассеею, –
Будет этому край или нет? –
Лишь затянут: «А мы просо сеяли...»,*

«А мы вытопчем!» – грянут в ответ...

Или мало тут выжжено дочерна

Да погублено жизни самой?

Как ты, дитяtko, Родина, доченька,

Еще веришь нам, Боже ты мой?!

Г. Умывалкина

**КАК РОССИЯ ЧУТЬ БЫЛО
«АНГЛИЕЙ» НЕ СТАЛА.
АЛЕКСАНДР II, АЛЕКСАНДР III
(Ирония истории и судьбы этносов)**

Осмысление проблем дня сегодняшнего требует предельной точности – являются ли они следствием уникального стечения внешних экономических и политических условий, событий или соответствующих решений, принятых теми или иными правителями, вершителями судеб Российской империи – царями и генсеками?

Конец XVIII и весь XIX век ощутили необратимое влияние Великой французской революции, по праву называемой Великой, ибо она не только нанесла сокрушительный удар по феодализму и уничтожила порядок, при котором один процент населения господствовал над остальными 99 процентами, но и провозгласила принципы политического равенства и народного суверенитета, отчетности правительства и всей государственной администрации перед народом. Революция превратила идею прав человека в неотъемлемую часть политического самосознания не только во Франции, но и во всем цивилизованном мире.

Муки зачатия нового общественного устройства, доминирующего и донныне в наиболее развитых демократических странах, происходили отнюдь не под звуки арфы и переливы буколической пастушьей свирели. Повивальной бабкой современной модели демократического устройства были ...насилие, кровь, страдание. Парадоксы – движущая сила общественного развития?!

Великая французская революция – великая в замыслах и преступлениях. «Несколько своевременно отрубленных голов, – полагал Марат, – на целые столетия избавят великую нацию от бедствия нищеты и ужасов гражданской войны». Это написано в начале 1790 года. Но через полгода Марат потребовал отрубить 500–600 голов, через полгода – 5000–6000, а в 1793 году – миллион, и был убит сам.

Граfx Бабёф – коммунист-утопист – так рассказывал о деятельности Каррье – одного из ближайших сотрудников Робеспьера: «Разве для спасения Родины, – вопрошал Бабёф, – необходимо было произвести 23 массовых потопления в Нанте, в том числе и то, в котором погибло 600 детей, разве были нужны «республиканские браки», когда девушек и юношей, раздетых донага, связывали попарно, оглушали сабельными ударами по голове и сбрасывали в Луару?.. Разве необходимо было... чтобы в тюрьмах Нанта погибли от истощения, заразных болезней и всяческих невзгод 10 тыс. граждан, а 30 тыс. были расстреляны или утоплены?.. Разве было необходимо рубить людей саблями на департаментской площади? Разве необходимо было приказать расстреливать пехотные и кавалерийские отряды армии мятежников, добровольно явившиеся, чтобы сдатьсь? Разве необходимо было потопить или расстрелять ещё 500 детей, из коих старшим не было 14 лет, и которых Каррье назвал «гадюками, которых надо удушить»?

Разве необходимо было утопить от 30 до 40 женщин на девятом месяце беременности и явить ужасающее зрелище ещё трепещущих детских трупов, брошенных в чаны, наполненные экскрементами?.. Разве необходимо было исторгать плод у женщин на сносках, нести его на штыках и затем бросать в воду?.. Разве необходимо было внушать солдатам

роты им. Марата ужасное убеждение, что каждый должен быть способен выпить стакан крови?» [122].

Сегодняшним критикам красного террора, введенного в 1918 году, полезно освежить в памяти эти свидетельства. Страстно осудив знаменитого террориста, Гракх Бабёф, коммунист-утопист по убеждениям, в одном ключевом пункте склонен оправдать его: «Среди преступлений Каррье числят то, что он раздавил в Нанте торгашество, громил меркантильный дух, то, что он приказал арестовать всех без исключения спекулянтов и всех тех, кто с начала революции занимался этим скандальным ремеслом в пределах города Нанта; то, что он приказал арестовать всех посредников, всех лиц обоего пола, кто занимался скупкой и перепродажей предметов первой необходимости и извлекал позорную прибыль, продавая их по ценам, превышающим установленный законом максимум. Нет никакого сомнения, что если демократические принципы и высший закон блага народа ещё не отменены, то эти факты, взятые сами по себе, не только не могут быть поставлены в вину Каррье, но по своей природе способны снискать ему лавры среди республиканцев» [122].

Из крови, грязи, преступлений, мрази французской революции – выросла практически современная западная цивилизация и ...американское мироустройство, а именно: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». (Всеобщая декларация прав человека). Прекрасный вывод из Апокалипсиса безумия, свершившегося во Франции и потрясшего мир фееричными деяниями «дитяти» французской революции – Наполеона.

Трагическим анахронизмом по отношению ко всем этим разрушительно-созидательным изменениям западной цивилизации являлся самодержавно-крепостнический строй Российской империи, при котором основополагающие составляющие уходящего в небытие феодализма были возведены в абсолют, достигли своего апогея. При этом Российская империя начала и середины XIX века была преимущественно страной крестьянской, крестьянство же было в крепостной зависимости от помещиков. Помещики же были разные и всякие.

Встречались помещики, которые буквально выжимали из крепостных крестьян последний сок, поголовно томя на господской работе мужиков и баб шесть дней в неделю и предоставляя им управляться со своими работами только по праздникам. О таких помещиках так и говорили, что крестьяне у них только по имени крестьяне, а в сущности – те же дворовые. Но в большинстве случаев это водилось только между мелкопоместными и сходило с рук лишь до тех пор, покуда «мирволил» предводитель дворянства.

Один помещик, за которым числилось не больше семидесяти душ крестьян, не имел старосты, сам вставал до свету, ходил по деревне и выгонял крестьян на работу. Даже приготовление пищи разрешалось крестьянам в страдное время только раз на целую неделю, и именно в воскресенье, когда барщина закрывалась. Поэтому крестьяне жали свой хлеб и косили траву урывками, по ночам, а днем дети и подростки сушили сено и вязали снопы. Само собой разумеется, что такая работа не особенно спорилась, тем больше, что помещик не давал засиживаться в подростках и мальчиках, пятнадцати лет уже сажал на тягло [164].

Преобладающий тип помещика был выведен в произведениях писателя, обладающего самым большим мозгом в истории человечества – И.С. Тургеневым (самым малым обладал ...лорд Байрон) «Мардарий Аполлоныч – старичок низенький, пухленький, лысый, с двойным подбородком, мягкими ручками и порядочным брюшком. Он большой хлебосол и балагур; живет, как говорится, в свое удовольствие: зиму и лето ходит в полосатом шлафроке на вате. Мардарий Аполлоныч занимается своим имением довольно поверхностно; купил, чтобы не отстать от века, лет десять тому назад у Бутенопа в Москве молотильную машину, запер ее в сарай, да и успокоился.

Разве в хороший летний день велит заложить беговые дрожки и съездит в поле на хлеба посмотреть да васильков нарвать. Живет Мардарий Аполлоныч совершенно на старый лад.

Людей у Мардария Аполлоныча множество, и все одеты по-старинному: в длинные синие кафтаны с высокими воротниками, панталоны мутного колорита и коротенькие желтоватые жилетцы. Гостям они говорят: «батюшка» [165, с. 246–250].

В недрах привычного, патриархального феодализма, невзирая на «железную длань» Николая I, «вызрел» капитализм: «Паровой котел» общества грозил взрывом, но капиталиста Прохорова с новой силой охватил зуд к расширению дела. Пора ставить цилиндры на Трех Горах. Надо снижать цены на свои товары, иначе новых рынков не получить и не удержать старые. И не только цилиндры, пора думать об английском механическом ткацком станке – ведь станок вплетает 100 ниток в одну минуту, а лучший ткач только 60.

Еще больше обещает выгоды применение к станкам жаккардовой машинки для узорного тканья. Вместо трех-четырех ткачей, считающих по команде старшего нитки основы, чтобы пропустить челнок сообразно рисунку узора, жаккардова машинка приподнимает нужные нитки сама! [166, с. 114–121].

«Пора, пора!» – ободрил себя Прохоров. Аббат Осовецкий уже в 1805 году применил в Санкт-Петербурге первый в России паровой двигатель, а жаккардова машинка появилась в 1823 году и в Москве. Особенно радовало Прохорова, что благодаря Жаккарду фабриканты во Франции «сбили спесь» с ткачей и снизили их заработок в течение немногих лет с двадцати франков до шести.

Нет, не зарастут Три Горы крапивою! Скоро и здесь «зашипит» паровой котел, застучат машины и подгоняемые этими машинами тысячи мастеровых будут обогащать еще несколько поколений предпринимателей [166, с. 114–121, 210–252].

Летом 1845 г. на Александровском заводе был построен первый русский магистральный паровоз (паровоз, предназначенный для пробегов на дальние расстояния).

Еще с вечера по всему Петербургу разнеслась весть, что завтра из ворот «фабрики железных коней» выйдет первый железный «конь». Все хотели узнать, как выглядит русский паровоз по сравнению с заморским гостем – паровозом Царскосельской дороги. Он был мощнее зарубежных, имел более привлекательный вид [166, с. 93–94]. Капитализм «прорастал» всеми порами бытия, феодализм не сдавал позиций, не желал уходить в небытие. Конфликт назревал.

В основе этого – объективные и субъективные предпосылки. М. Горький, осмысливая проблему «пролетариат – крестьянство», отмечал в своей статье «О русском крестьянстве»: «Человек Запада еще в раннем детстве, только что встав на «задние лапы», видит всюду вокруг себя монументальные результаты труда его предков. От каналов Голландии до туннелей Итальянской Ривьеры и виноградников Везувия, от великой работы Англии и до мощных Силезских фабрик – вся земля Европы тесно покрыта грандиозными воплощениями организованной воли людей – воли, которая поставила себе гордую цель: подчинить стихийные силы природы разумным интересам человека.

Земля – в руках человека, и человек действительно владыка ее. Это впечатление всасывается ребенком Запада и воспитывает в нем сознание ценности человека, уважение к его труду и чувство своей личной значительности как наследника чудес труда и творчества предков», – писал «буревестник» социализма.

Далее он обобщал: «Такие мысли, такие чувства и оценки не могут возникнуть в душе русского крестьянина. Безграничная плоскость, на которой тесно сгрудились деревянные, крытые соломой деревни, имеет ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания. Выйдет крестьянин за пределы деревни, посмотрит в пустоту вокруг него и через некоторое время чувствует, что эта пустота влилась в душу ему. Технически примитивный труд деревни невероятно тяжел, крестьянство называет его «страда» от глагола «страдать».

Труд горожанина разнообразен, прочен и долговечен. Из бесформенных глыб мертвой руды он создает машины и аппараты изумительной сложности, одухотворенные его разумом,

живые. Он уже подчинил своим высоким целям силы природы, и они служат ему, как джинны восточных сказок царю Соломону.

Он создал вокруг себя атмосферу разума – «вторую природу», он всюду видит свою энергию воплощенной в разнообразии механизмов, вещей, в тысячах книг, картин, и всюду запечатлены величавые муки его духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть, его сомнения и верования, его трепетная душа, в которой неугасимо горит жажда новых форм, идей, деяний и мучительное стремление вскрыть тайны природы, найти смысл бытия». Из вышеизложенного М. Горький заключает: «Будучи поработан властью государства, он остается внутренне свободен – именно силою этой свободы духа он разрушает изжитые формы жизни и создает новые. Человек деяния, он создал для себя жизнь мучительно напряженную, порочную, но – прекрасную своей полнотой». Не в этом ли проблемы России XIX столетия? [5, с. 249–259].

Капитализм «неумолимо» требовал от Российской империи образованных людей, феодализму же они ни к чему, «в проблему» – «слишком ты умен! Старину, обычаи не чтить» – и общество существовало «на разрыв». Известный экономист XIX столетия А.Н. Энгельгард писал по этому поводу: «В последние же годы стремление к грамотности стало сильно развиваться. Не только отцы хотят, чтобы их дети учились, но и сами дети хотят учиться. Ребята зимой сами просят, чтобы их поучили грамоте, да не только ребята, а и взрослые молодцы; день работают, а вечером учатся грамоте. Даже школы свои у крестьян по деревням появились. Подговорят хозяева какого-нибудь грамотея-учителя, наймут у бобылки избушку – вот и школа.

Ученье начинается с декабря и продолжается до святок. Учитель из отставных солдат, заштатных дьячков, бывших дворовых и тому подобных грамотеев получает за каждого ученика по рублю в зиму и содержание. Относительно содержания учителя родители учеников соблюдают очередь. Во дворе, в котором находится один ученик, учитель живет, например, три дня, там же, где два ученика, – шесть дней и т. д., подобно тому, как деревенский пастух. Изба для школы нанимается родителями сообща, дрова для отопления доставляются по очереди, учебные книги, бумага, грифельные доски покупаются родителями [168, с. 374].

А.Н. Энгельгардт, обобщая вышеизложенное, резюмировал: «Плохи, конечно, эти школы, плохи учителя, не скоро в них выучиваются дети даже плохой грамоте, но важно то, что это свои, мужицкие школы. Главное дело, что эта школа близко, что она у себя в деревне, что она своя, что учитель – свой человек, не белоручка, не барин, не прихотник, ест то же, что и мужик, спит, как и мужик. Важно, что учитель учит тут, в деревне».

А между тем эти мужицкие школы составляют предмет опасения. Как только проведает начальство, что в деревне завелась школа, так ее разгоняют, гонят учителя, запрещают учить, потому, вероятно, что если будет дозволено учить кому угодно, то может попасться такой учитель, который будет научать ребят чему-нибудь дурному.

– Чему же дурному может он научить?

– Может, против бога будет что говорить ребятам, – наконец сказал я.

Мужик посмотрел на меня с недоумением.

– Против царя, может,..

Нет, не то, должно быть! Я думаю, что оттого запрещают грамоте учиться, что боятся: как научатся, дескать, мужики грамоте, так права свои узнают, права, какие им царь дает – вот что!

А какое бы громадное значение имело предоставление полной свободы всем и каждому учить ребят грамоте и заводить школы! Как бы подвинулось в народе образование, в котором он так нуждается! Для того, чтобы конкурировать с американцами, нужно не только пути сообщения устроить, а дать народу образование, знание, а для этого нужно только не мешать ему устраивать свои школы, учиться свободно, чему он хочет, у кого хочет» [168, с. 374–376].

Таким образом, из двух извечных российских проблем – «дураки и дрорги», А.Н. Энгельгардт ставил на «повестку дня» первую, оставляя вторую для решения в будущем.

Однако, не только помещики и чиновники разных рангов боялись как геенны огненной образования народных масс – боялся царь, боялось и правительство. Война царского правительства против высшего образования – давнишняя. Но в 1866 году, после происшедших в университетах обеих столиц «беспорядков» и манифестаций всполошились, посыпались репрессии, и с тех пор борьба между правительством и молодежью шла с возрастающей силой. Против среднего образования война – именно война – началась позднее.

4 апреля 1866 года Каракозов сделал роковой выстрел из револьвера, и этот выстрел навсегда, как казалось, утвердил правительство в его решимости следовать по опасному пути реакции и притеснений.

– Ты, верно, поляк? – спросил Александр, когда к нему подвели Каракозова.

– Нет, я – русский, – был ответ.

– Так почему же ты покушался на меня? – удивился император. Ему еще трудно было поверить, чтобы кто-нибудь, кроме поляка, мог покушаться на его жизнь.

Но Каракозов сказал правду. Он был одним из «собственных» русских подданных царя, и последующее дознание, проводившееся Муравьевым, показало, что многие университетские товарищи Каракозова разделяли его убеждения и сочувствовали его целям.

Именно тогда безрассудная реакционная партия выдвинула роковую фигуру – графа Дмитрия Толстого, которого будущие поколения будут называть «бичом России».

Этому «рыцарю абсолютизма» были предоставлены неограниченные полномочия для очищения школ по всей империи от социальной «ереси» и политического недовольства. Ему же принадлежит сомнительная честь «очищения» – в меру сил и возможностей – сначала среднего, а затем и начального образования.

С наибольшим блеском его изобретательский талант проявился в реформе гимназического образования. В основе своей идея Толстого была такова: чтобы радикально «очистить» университеты, необходимо сначала обратиться к первоисточнику и очистить гимназии, откуда высшие школы черпают свое ежегодное пополнение. Все эти учебные заведения были переданы под особое наблюдение полиции...

В объяснительной записке к Уставу сказано без обиняков, что «чем меньше в гимназии будет изучаться история, тем лучше». Граф Толстой предал анафеме также русскую литературу, а заодно всеобщую географию ввиду ее «опасных тенденций». Этот предмет может «подсказать противоречивые выводы и вызвать бесполезные рассуждения. Изучение географии может повести к спорам на политические и социальные темы». По этой причине Устав 1871 г. предусматривал сокращение уроков по истории, географии, словесности. Пустоту заполнили классическими языками [169, с. 264–269].

Важнейшая же проблема империи – земельная и связанная с ней, проблема крепостного права. Первым помещиком империи... был царь, и в его личности, в институте самодержавия концентрировались все проблемы и противоречия империи. Вскоре после окончания Крымской войны Александр II приехал в Москву и здесь, на собрании местных предводителей дворянства, произнес речь, очень характерную для его двойственной, колеблющейся позиции: «Слухи носят, что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует, и от этого уже было несколько случаев неповиновения помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что и вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» [170, с. 393].

Приступая к отмене крепостного права, правительство чувствовало себя между двумя огнями: с одной стороны, нарастало крестьянское движение, с другой – поднимала голову дворянская оппозиция, противившаяся любым реформаторским начинаниям.

3 января 1857 г. был образован Секретный комитет для тайного обсуждения крестьянского вопроса. Александр II включил в его состав реакционных сановников своего отца: здесь были и убежденные крайние крепостники вроде А.Ф. Орлова и М.Н. Муравьева, и сторонники безземельного освобождения вроде князя П.П. Гагарина. Подчиняясь воле монарха, комитет признал, что «крепостное у нас состояние почти отжило свой век» и что «для успокоения умов и для упрочения будущего благосостояния государства» необходим пересмотр прежних постановлений и предположений о крепостных; после этого следует приступить «к освобождению постепенному, без крутых и резких переворотов» [171, с. 1–3].

Из всех редакционных поправок, которые прошли на последней стадии обсуждения законопроекта, наиболее важной была поправка, предложенная П.П. Гагариным: предоставить помещикам право прекращать временно обязанные отношения крестьян, бесплатно отдав им четверть установленного высшего надела, – другими словами, сохранить помещику его землю, за исключением ничтожных клочков, брошенных «в подарок» крестьянам» [172, с. 736].

Противотечения тех лет порождали бесконечные вспышки надежды и уныния: прежде, при постоянно реакционном и консервативном курсе, люди мало обращали внимание на «политические новости», ибо не имели особых надежд. Непривычные к медленному, извилистому эволюционному процессу, они часто и безосновательно отыскивали в каждом его изгибе признак исторически более привычных, быстрых «революционных» перемен.

Иван Аксаков предлагал, «чтобы дворянству было позволено торжественно перед лицом всей России совершить великий акт уничтожения себя как сословия». Разумеется, эти идеи не проходили, как и чисто дворянские претензии на усиление своего политического влияния.

Одним дворянам Александр II парламент давать не желал, всем сословиям опасался.

Любопытно, что в эти самые месяцы, когда втайне решался столь существенный политический вопрос, из камеры Петропавловской крепости обратился к царю заключенный «государственный преступник» Николай Серно-Соловьевич. Приведем выдержку из его интереснейшего послания: «Если правительство не займет своего природного места, т.е. не встанет во главе всего умственного движения государства, насильственный переворот неизбежен, потому что все правительственные меры, и либеральные, и крутые, будут обращаться во вред ему, и помочь этому невозможно. Вопрос стоит между широкой свободой и рядом потрясений, исход которых неизвестен. Громадная масса энергичных сил теперь еще сторонники свободы. Но недостаток ее начинает вырабатывать революционеров. ...Преследовать теперь революционные мнения – значит создавать их» [46, с. 138–139].

Данное послание свидетельствует, что в Российской империи происходил процесс формирования интеллигенции – движущей силы общественного развития славянского мира конца XIX и всего XX столетий. Интеллигенция не есть «однородная масса», она не «некий орден», как ее когда-то именовали. И не каста, стоящая «над схваткой». Она разделена, как и все человечество.

Интеллигенция разделена не только верой, Христом, Его заповедями, она разделена жаждой личной духовной свободы. А между тем духовная свобода, как и все, относящееся к духовной жизни, имеет свои критерии и свои ориентиры. Они просты, как просты евангельские заповеди. И русские гении на протяжении тысячелетней истории не уставали трудиться для того, чтобы их услышала Россия. Однако в рассматриваемый период в Российской империи доминирующей силой являлось самодержавие, дворянство (затем партноменклатура, олигархи, нувориши!)

Стало давно трюизмом, что со времени Петра Россия жила в двух культурных «этажах». Резкая грань отделяла тонкий верхний слой, живущий западной культурой, от народных масс, оставшихся духовно и социально в Московии. К народу принадлежало не только крепостное крестьянство, но и торгово-промышленное население России, мещане, купцы и, с известными оговорками, духовенство. В отличие от неизбежных культурных градаций

между классами на Западе, как и во всяком дифференцированном обществе, в России различия были качественные, а не количественные.

Две разные культуры сожигались в России XVIII–XIX вв. Одна представляла варваризированный пережиток Византии, другая – ученическое усвоение европеизма. Выше классовой розни между дворянством и крестьянством была стена непонимания между интеллигенцией и народом. Некогда могло казаться, что этот дуализм или даже самое существование интеллигенции как особой культурной категории есть неповторимое, чисто русское явление [173, с. 204–206].

С европеизацией Индии, Китая мы видим, что то же явление происходит повсюду на стыке древних и мощных культур. Взгляд на Россию с Востока, или, что то же самое, глазами западного человека, который видит в ней «Скифию», необходимая предпосылка для понимания империи. Но, признав это, сейчас же следует сказать: поразительна та легкость, с которой «русские скифы» усваивали чуждое им просвещение. Усваивали не только пассивно, но и активно-творчески. На Петра немедленно ответили Ломоносовым, на Растрелли – Захаровым, Ворониным; через полтора года после петровского переворота – срок небольшой – блестящим развитием русской науки. Поразительно то, что в искусстве слова, в самом глубоком и интимном из созданий национального гения (впрочем, то же и в музыке) Россия дала всю свою меру лишь в XIX веке. Погибни она как нация еще в эпоху наполеоновских войн, и мир никогда бы не узнал, что он потерял с Россией [173, с. 205].

Этот необычайный расцвет русской культуры в новое время оказался возможным лишь благодаря прививке к «русскому дичку» западной культуры. Но это само по себе показывает, что между Россией и Западом было известное сродство; иначе чуждая стихия искалечила бы и погубила национальную жизнь.

Уродств и деформаций было немало. Но из галлицизмов XVIII в. вырос Пушкин; из варварства 60-х годов XIX в. – Толстой, Мусоргский и Ключевский. Значит, за ориентализмом московского типа лежали нетронутыми древние пласты Киево-Новгородской Руси, и в них легко и свободно совершался обмен духовности с христианским Западом. Могло ли быть иначе? Кто из нас, даже сейчас, может равнодушно перелистывать страницы киевской летописи, у кого не проходит холодок по спине от иных строк вечного «Слова о полку Игореве»? [173, с. 205–206].

Вместе с культурой, с наукой, с новым бытом с Запада приходит и свобода. И при этом в двух формах: в виде фактического раскрепощения быта и в виде политического освободительного движения.

Мы обычно недостаточно ценим ту бытовую свободу, которой русское общество пользовалось уже с Петра и которая позволяла ему долгое время не замечать отсутствия свободы политической. Еще царь Петр сажал своих врагов на кол, еще бироновские палачи вздергивали на дыбу всех заподозренных в антинемецких чувствах, а во дворце, на царских пирах и ассамблеях устанавливался новый светский тип обхождения, почти уравнивающий вчерашнего холопа с его повелителем.

Петербургский двор хотел равняться на Потсдам и Версаль и вчерашний царь московский, наследник ханов и базилевсов, чувствовал себя европейским государем – абсолютным, как большинство государей Запада, но связанным новым кодексом морали и приличий.

Если же царь «забывался», увлекаясь соблазном самовластия, дворянство «напоминало» ему о необходимости приличного обращения. Дворянство, возводя на трон одних государей и убивая других, добилося того, что император стал называть себя **первым дворянином**.

Дворянин был свободен по закону от телесных наказаний; по жизненному, неписаному уставу он был свободен и от личных оскорблений. Его могли сослать в Сибирь, но не могли ударить или обругать [173, с. 206–207]. Проблема освобождения крестьянства вызвала раскол среди дворянства.

Невзирая на ожесточенное сопротивление реакционного дворянства, высшей правительственной бюрократии, либеральная партия – Ростовцев, Н. Милютин, Соловьев, П. Семенов, Самарин, Черкасский, Галаган, Гирс и другие – хотя и с потерями, но отстояла многое из того, что хотели оспорить крепостники. Несомненно, с революционно-демократической, крестьянской точки зрения, реформа могла, должна была быть лучше; однако следует ясно представлять, что она могла бы выйти и много хуже.

10 октября 1860 года – 14 января 1861 года. Проект реформы обсуждается в Главном комитете.

28 января – 16 февраля 1861 года. Обсуждение в Государственном совете. Последние (в некоторых случаях успешные) попытки крепостников – сократить уступки крестьянам [46, с. 120–122].

19 февраля 1861 года – Александр II, часов в одиннадцать, отправляется в кабинет, куда государственный секретарь Бутков должен принести журналы Государственного совета и другие главнейшие бумаги. Царь приказывает отпереть церковь, молится один, решительно возвращается в кабинет, начинает подписывать – требовалось более тридцати раз поставить свое имя. Брат царя, Константин Николаевич (согласно дневнику Валуева), «желал быть при этом и условился с Бутковым быть в одно время во дворце. Но когда Бутков был позван в кабинет государя и доложил ему, что великий князь желал присутствовать при утверждении журналов, то государь отвечал: «Зачем? Я один могу дело покончить». Царь пишет на поднесенных ему бумагах: «Быть по сему, Александр, 1861 года февраля 19-го».

Первоначальная реакция как либеральных, так и революционных кругов России по отношению к отмене крепостного права носила позитивный характер [46, с. 123]. Ликование охватило общество – свершилось!

После получения известий о начале освобождения крестьян Герцен обращается к царю с теми словами, которые будто бы произнес римский император-язычник, признавая правоту Христа: «Ты победил, Галилеянин!» С того дня как Александр II подписал первый акт, всенародно высказавший, что он сторонник освобождения крестьян, что он его хочет, с тех пор наше отношение к нему изменилось. Мы имеем дело уже не со случайным преемником Николая, а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России, он столько же наследник 14 декабря, как Николая. Он работает с нами – для великого будущего» [46, с. 127].

Русский либерализм имел свои духовные корни в Европе: в английской политической традиции, во французской идеологии – теперь уже Франции 40-х годов, в марксизме. Русский социализм уже с Герцена окрашивается в цвета русской общины или артели, но остается европейским по основам своего мирозерцания. Либерализму эта национальная мимикрия совсем не удалась.

Однако и после обнародования манифеста Александра II об отмене крепостного права не прекращалась борьба между консервативной и либеральной тенденциями.

Трудность, противоречивость ситуации порою приводили в отчаяние и самых главных «деятелей» реформы: «Не могу себе представить, – восклицал Николай Милютин, – что выйдет из этого без руководства и направления при самой грубой оппозиции высших сановников, при интригах и недобросовестности исполнителей» [46, с. 120–125].

Действительно, именно в эту пору граф Бобринский цинично спрашивал Милютина: «Неужели вы думаете, что мы вам дадим кончить это дело? Неужели вы серьезно это думаете?.. Не пройдет и месяца, как вы все в трубу вылетите, а мы сядем на ваше место». Шеф жандармов князь В.А. Долгорукий пугал царя: «Ввиду общего неудовольствия дворянства, ежедневно заявляемого получаемыми на Высочайшее имя письмами, он, Долгорукий, не отвечает за общественное спокойствие, если предложения редакционных комиссий будут утверждены». «Нельзя не изумляться, – писал Милютин, – редкой твердости государя, который один обуздывает настоящую реакцию и силу инерции» [46, с. 124–125].

Меж тем Александр II и поощрял, и побаивался «идейного реформатора» Милютина. При назначении его исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел царь собственноручно вписал в указ слово «временно».

Подобная противоречивость (два шага вперед, шаг назад, три в сторону), можно сказать, – *в природе вещей*, если «революция» производится сверху, потому что в самом этом понятии заложено существенное противоречие [46, с. 125].

Кто же свершал реформы Александра II? Одна из самых интересных и вместе с тем одиозных фигур – председатель Государственного совета Д.Н. Блудов. В молодости – либерал, участник литературного общества «Арзамас». Николай I «ломал» его, заставляя составить важнейшие документы о декабристах – его «вчерашних» друзьях и единомышленниках. Блудов «справился» с заданием царя. Николай I «по достоинству» оценил ренегата: он стал министром, затем председателем Государственного совета.

Человек, однако, все же существо сложное. Блудов, кажется, искренне надеялся на Николая I как на реформатора. Когда же выяснилось, что никакие существенные перемены не происходят, значение сановника падает. Либеральные воспоминания, большая культура, стремление искупить то отступление от нравственности, о котором уже говорилось, – все это закономерно определило участие Блудова в начинающихся реформах.

Рядом с ним еще несколько «стариков»: отчасти тоже вчерашние либералы, иногда даже бывшие члены тайных обществ. Это министр внутренних дел С.С. Ланской, товарищ министра юстиции Д.Н. Замятин, а также начальник всех военно-учебных учреждений Я.И. Ростовцев. Оттого, что они когда-то были близки к декабристам, их служба при Николае I была, может быть, более рьяной, чем у многих других. Ланской был одним из самых грозных губернаторов, и его приезда, например, опасалась Костромская губерния, о чем великолепно рассказано в повести Лескова «Однодум» [46, с. 118].

Яков Ростовцев, донесший Николаю I о заговоре декабристов и сделавший затем большую бюрократическую карьеру, с самого начала существования Вольной печати Герцена обстреливался там как типичный ренегат. Модест Корф, одноклассник Пушкина, единственный из лицеистов, сделавший при Николае I блестящую карьеру и сочинивший апологетическое сочинение «Восшествие на престол императора Николая I», также способствовал отмене крепостного права.

Тем не менее эти люди, когда пробил час реформ, тоже включились в дело и сыграли немаловажную роль. Это они, имея постоянный доступ к царю, убеждали его, что – *пора*, делились с ним своим «классовым чувством», предостерегавшим об опасности: они были важными фигурами и в борьбе с «черным кабинетом», той частью аппарата, которая противилась реформам столь же рьяно, как 10, 15, 50 лет назад.

Итак, молодежь и «оборотни», то есть старые бюрократы, неожиданно поменявшие свою социальную роль, – вот непосредственные участники преобразований. Люди, «кем можно взять» [46, с. 118–119].

Кто же противостоял «преобразователям»? Многолетний шеф жандармов, многие годы фактически первый министр, граф Алексей Федорович Орлов; рядом с ним ловкий, умный, культурный и влиятельный князь Павел Гагарин; здесь же и министр государственных имуществ М.Н. Муравьев, еще один бывший декабрист, один из создателей первых тайных обществ, полгода отсидевший в 1826 году в Петропавловской крепости.

«Замаливая грехи», он прославился особенно жестокой карательной деятельностью в Польше, и тогда-то, еще в начале 1830-х годов, гордо заметил про себя, что он «не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают» (повешенный Сергей Муравьев-Апостол был близким его родственником, отправленный в Сибирь Александр Муравьев – родным братом!) [46].

Реакционеры-крепостники умно и демагогически отстаивали свои интересы. Во-первых, требуя, чтобы власть ограничила свое вмешательство в отношения между помещиком и крестьянином, они утверждали, будто куда справедливее, свободнее, демократичнее и

уважительнее к личности дворянина было бы разрешить каждому из них самостоятельно договориться со своими крепостными: сколько земли у них останется и сколько у помещика, каковы условия выкупа и т.п.

Во-вторых, часть дворянства, в его числе влиятельное московское, требовало от Александра II «политической компенсации» за утрачиваемую власть над мужиками. Логика примерно такова: прежде помещик богатством, крепостными душами обеспечивал свою относительную независимость от высшей власти; теперь же, лишившись важных привилегий, он совсем незащищен перед могучим чиновничеством – значит, надо увеличить прямое влияние вчерашних душевладельцев на самодержавное правление, а для этого узаконить, сделать постоянными учреждения вроде, скажем, редакционных комиссий, где высшая власть обязана будет советоваться с дворянством... [46].

Если бы дворянству удалось при подобных обстоятельствах взять под контроль петербургскую власть, то, без всякого сомнения, это негативно сказалось бы на ходе крестьянского дела. Так же, как если бы помещикам было дозволено самим решать свои дела с крестьянами, крестьяне были бы куда сильнее обезземелены, куда больше «ободраны», чем это произошло в 1861 году...

Через несколько недель после манифеста об отмене крепостного права под разными предложениями удаляются в отставку несколько политических деятелей, сыгравших заметную роль в крестьянском освобождении: вместо ненавистного дворянству Ланского – вчерашний крепостник Валуев; удаляется также Н. Милютин; большие замены происходят в министерстве народного просвещения. После того, как дело сделано, исполнители отставлены, а крепостникам «брошена кость».

При этом в основной своей массе крестьяне недовольны, правительство опасалось прямой пугачевщины, которая, правда, не состоялась, поскольку резко усиливается брожение среди студентов и демократической интеллигенции, требующих более решительных реформ и готовых к «революции снизу». Некоторые революционеры-разночинцы позже вспоминали, что в день освобождения крестьян они ходили по улицам столицы, ожидая начала народного мятежа и мечтая к нему присоединиться [46].

Весной 1862 года начались знаменитые петербургские пожары, тут же ловко использованные правительством для запугивания одной части общества, изоляции другой. «Зажигателей вне полиции не нашли, а в полиции не искали», – писал Герцен, допуская, что власть сама устроила столь выгодную «иллюминацию», или уж очень охотно использовала подвернувшийся случай... С пожарами совпало появление революционной прокламации «Молодая Россия», написанной группой студентов Московского университета [46, с. 133–134].

Почему работало «раскрепощенное» крестьянство? Тяжелый юридический язык законодательных актов был непонятен деревне; она не верила ни царским флигель-адъютантам, командированным во все губернии, ни предводителям дворянства, ни земским исправникам; охваченная страстной жадой найти настоящую, «чистую» волю, она выискивала таких чтецов, толкования которых отвечали ее затаенным чаяниям, прислушивалась к голосам деревенских грамотеев, сельских священников, дьячков или случайных прохожих.

Везде и всюду читали и толковали манифест и «Положения» по-своему, но одно было ясно крестьянству: если объявлена свобода, значит не может быть прежней постылой барщины, не может оставаться прежняя власть бурмистра, управляющего, помещика. Повсеместно, не сговариваясь, крестьяне прекращали отбывать крепостные повинности, не выходили на барщину, не платили оброка, не слушали увещаний и угроз начальства.

Попытки местных властей подчинить себе крестьянскую массу вызвали сопротивление, а появление вооруженных команд порождало столкновения или массовое бегство в леса. За первые пять месяцев 1861 г. количество массовых крестьянских выступлений и вызовов военной силы для их подавления выросло до небывалой цифры. По подсчетам, первых было

1370, вторых – 718. Донесения о крестьянских «бунтах» приходили из всех губерний Европейской России.

Самодержавие продолжало держаться на легенде о непрестанной царской милости. Образ царя в представлении крестьянина не имел ничего общего с действительностью. Это был мифический образ могучего, почти сверхчеловеческого существа, непрестанно думающего о благе народа и готового наделить его «собственной землей». Начиная со второй половины царствования Александра II, царь только и делал, что разрушал эту легенду. «Ничего вам не будет, слушайте своих помещиков и предводителей дворянства», – говорил царь идеализирующему его народу. Народ долго не верил, считая, что эти голоса «с высоты престола» – подделка начальства и господ, а настоящий царь продолжает думать все ту же думу. Но, наконец, пришлось поверить. Легенда пала. Пришла трудная минута.

Почему же после «величайшей» милости, ниспосланной самодержцем в таких трудах и борениях крестьянству, последнее было разочаровано, обмануто в надеждах? Введение уставных грамот и заключение выкупных сделок тяжелым бременем легли на крестьян. У них было отрезано огромное количество земли, особенно в плодородных черноземных губерниях. По новейшим подсчетам, саратовские крестьяне потеряли 42,4% своих наделов, самарские крестьяне – 37,4%, казанские – 29,8 %, харьковские – 28,3 % и т. д. Наименьшие потери понесли крестьяне нечерноземных малоплодородных районов: в Ярославской губернии было отрезано 7,1% крестьянских земель, в Новгородской – 3,4% и т. д. [174, с. 238].

Прирезки имели место преимущественно в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине на основании дополнительной реформы под влиянием восстания 1863 г. Однако все эти прирезки не могли вернуть крестьянам даже той земли, которая была отобрана у них панами ранее 1861 г. За выкупленную землю, которая по рыночным ценам стоила 544 млн. руб., крестьяне внесли 867 млн. руб., т. е. переплатили 323 млн. руб [175].

Не менее тяжёлые результаты имело для крестьян разверстание угодий, производившееся по требованию помещиков. Качество нарезанных наделов часто было хуже прежних участков; расположение крестьянских наделов сплошь и рядом ставило бывших крепостных в полную экономическую зависимость от помещиков.

Чересполосица и дальнеполосица общинных полей не были уничтожены. Выкупные платежи, рассроченные на 49 лет и включавшие в себя проценты на капитал, значительно превосходили рыночную стоимость полученных наделов. Самым тяжелым оказалось положение дворовых, которые по истечении двух лет были распущены своими господами без всякого надела и влились в формирующийся пролетариат.

Уже к 1 февраля 1864 г. около 4 млн., т. е. более 39,1%, временнообязанных крестьян вышли на выкуп и стали крестьянами-собственниками [176, с. 8–9]. Одновременно шла ликвидация мелкопоместных имений: к 1 января 1863 г. 1050 мелких владельцев передали государству более 39 015 дес. земли и 9187 крестьян, получив за них вознаграждение из казны в размере 1408 тыс. руб. [177, с. 284]. Окончательная ликвидация временнообязанных отношений произошла в 1881 г. под влиянием революционной ситуации.

Таким образом, чтобы «не было больно», резали «по живому» и «по кусочкам» – раскрепощение проводилось ...за счет раскрепощаемых: выкупные платежи с процентами на 49 лет более, чем в пять раз превышали рыночную стоимость полученных крестьянством наделов. При этом сохранялось и укреплялось дворянское землевладение – анахронизм феодализма. Так реформа 1861 года не решила вековые российские проблемы «Земли и воли»: «Еще при проведении реформы 1861 г. подверглись обезземеливанию по крайней мере 4 млн. крестьян. В дальнейшем неуклонно росло число безлошадных дворов, семей, лишенных собственного инвентаря и вовсе забросивших хозяйство. За одно десятилетие (с конца 80-х до конца 90-х годов) число дворов бедноты – безлошадных и однолошадных – выросло на один миллион. Реформа «сверху» готовила революцию «снизу»!

В своих «Письмах из деревни», написанных еще в 70–80-х годах прошлого века, ссыльный профессор-народник Александр Николаевич Энгельгардт, размышляя об экономических последствиях обезземеливания российских крестьян, превращении их в голодных рабочих, говорил: «Что толку для фабриканта, что голодный рабочий дешев, когда фабриканту некому сбыть свой миткаль, кумач, плис? Да он, фабрикант, втрое будет платить рабочему, лишь бы только был сбыт на его товар. А кто же, как не мужик-потребитель, может поддержать и фабриканта, и купца?»

На господах далеко не уедешь. Не тот фабрикант живет, который производит господский товар, а тот, который производит мужицкий.

Богатеет тот купец, который торгует русским, то есть мужицким товаром... А благосостояние мужика может улучшиться только тогда, если он так или иначе получит возможность увеличить свой надел, расширить свое хозяйство. Пустой расчет тех, которые думают, что если мужик беден, то он будет дешево наниматься в работу на их хозяйство» [178].

Тезис о богатстве мужика как локомотиве промышленности Энгельгардт подкрепляет положением о производительном характере потребления трудового крестьянина: «Хлеб продавали паны, деньги получали паны, но много ли из этих денег разошлось внутри, потрачено на хозяйство, на дело? Мужик продаст хлеба, так он деньги сразу на хозяйство потратит. А пан продаст хлеб – и деньги тут же за море переведет, потому что пан пьет вино заморское, любит бабу заморскую и магарыч за долги платит за море» [178].

Фактически на примере сельского хозяйства Энгельгардт противопоставил два пути развития капитализма – классического европейского и американского, но чтобы это понять более глубоко, надо вспомнить о той давней дискуссии начала века, а также вернуться к дебатам о перспективах и формах развития мирового капитализма того периода.

Гильфердинг – один из ведущих теоретиков германской социал-демократии двадцатых–тридцатых годов XIX в. считал, например, что, наращивая производительные силы, можно перейти к социализму, коль скоро этот процесс сопровождается усилением монополизации и, таким образом, планомерности. Фактически в этих рассуждениях во многом отразилась специфика европейской реальности, когда капитализм, решая проблему реализации прибавочного продукта, развивался в основном по предсказанному еще Лениным и другими русскими марксистами пути, делая вложения в средства производства [178, с. 187–189].

В то же самое время французский социалист Ж. Мок доказывал, что наиболее рациональную формулу экономического развития, в которой прибыль зависит – ни больше ни меньше – от повышения заработной платы, нашли американские капиталисты. У них, по его словам, дополнительная прибыль, полученная от рационализации производства, шла в некоей своей части на дополнительное потребление. «В этой новой форме капитализма, – утверждал Ж. Мок, – не может быть и речи о продолжающемся обнищании масс (как свидетельствует статистика), ни о растущем классовом антагонизме (как говорят факты), ни о промышленных кризисах, углубляющихся недопотреблением (как подтверждает опыт)» [178].

Противопоставляя капитализм «европейский» капитализму «американскому», Ж. Мок говорил о том, что европейские капиталисты в отличие от американских чрезмерно «жадничают», стремясь оставить себе всю прибыль, полученную в результате снижения себестоимости продукции, и что речь, по сути, должна идти о совершенно разных – по типу реализации прибавочного продукта – моделях развития капитализма: одна – по линии «организации», другая – по линии «рационализации».

Первая – это безграничные вложения в средства производства при сохранении узкого потребительского рынка внутри страны, эксплуатации, что постепенно приводит к повышению цен, к инфляции, а, следовательно, к необходимости замораживания цен, фондированию распределения ресурсов и тем самым к развалу товарного производства, а затем и производства вообще.

Вторая модель – американская, которая предполагает реализацию существенной части прибавочного продукта в сфере потребления, приводя тем самым к повышению уровня жизни людей. Говоря словами Энгельгардта, американскому фабриканту – в большинстве своем – можно было разбогатеть, если он в конечном итоге способствовал производству фермерского товара, и другого продукта конечного спроса. При этом промышленность, расширяя производство средств производства, развивалась за счет увеличения внутреннего рынка, ориентированного на мощные средние слои, основу которых составляло среднее фермерство, американский «средняк».

Надо сказать, что эта ориентация на фермера как потребителя долгое время оставалась основным мотором экономики США, ускоренно развивала промышленность и доказывала тем самым неоспоримый факт: богатство общества может создаваться не только за счет эксплуатации и экспорта за рубеж, но и путем расширения оборота капитала внутри страны – между сельским хозяйством и промышленностью [178].

Россия же пошла другим путем. После короткого периода реформ произошел важный поворот: Александр II называл себя «первым помещиком» и подавал пример освобождения сверху. Но чувства его были все-таки гораздо ближе к помещикам, чем к крестьянам. Скоро он удалил от себя советников начала царствования и вместо них приблизил Валуевых, Толстых, Победоносцевых. Они убедили его, что для крестьян сделано слишком много, а дворянство, наоборот, несправедливо обижено реформой.

Великое преобразование страны, неудержимо двинувшейся вперед, было остановлено. Права и влияние «обиженного сословия» восстанавливались, на поддержание регрессирующего дворянского землевладения тратились огромные государственные средства, власть дворянства над «всесословным» земством искусственно поддерживалась мерами администрации, литература прижималась, всякое стремление к общественной деятельности среди разночинного общества, а порой даже среди наиболее просвещенных дворян, подавлялось в корне [179, с. 169–191].

«Революция сверху», проводимая Александром II, отнюдь не сводилась к отмене крепостного права, затрагивала глубокие, вековечные пласты жизни.

Манифест 19 февраля объявлен; 1714 мировых посредников из дворян контролируют реализацию реформы.

Осенью 1861 года – Александр II требует поторопиться с реформой суда; проекты «левеют».

15 января 1862 года – военный министр Д. Милютин представляет доклад с главными идеями военной реформы, и вслед за тем (1862–1874) начинается ее осуществление; с 1863 года происходит коренная перестройка военно-учебных заведений, превращение их в один из передовых форпостов российского просвещения.

Весна 1862 года – П.А. Валуев предлагает преобразовать Государственный совет в выборное, представительное учреждение; иначе говоря, речь идет о конституции – умеренной, в основном дворянской, но все же конституции.

29 июня – Александр II в принципе «не против», но пока что считает подобное преобразование «несвоевременным» (через 10 месяцев, в апреле 1863 года – еще одна попытка Валуева: вопрос отложен на неопределенный срок; за «земский собор» ратует в эту пору даже вчерашний либерал и завтрашний «охранитель» Катков) [46].

Конституция: не только содержание, но само звучание этого слова вызывало острейшую отрицательную реакцию при дворе! Когда Александру II, а затем и Александру III дальновидные министры предлагали самые умеренные проекты «думы», «земского собора» или какого-либо другого подобного учреждения, они всячески подчеркивали, что это будет совсем не английский или французский парламент, что монархия все равно останется самодержавной.

Срабатывал самодержавный инстинкт, многовековой опыт абсолютной монархии, по сравнению с которой даже правительство Людовика XIV и тирания Генриха VIII казались

ограниченными, уступившими обществу заметную часть своей власти. Только земства, уездные и губернские, а также аналогичные им городские думы – «кусочек конституции»: вот максимум того, на что смогло в 1860-х годах пойти самодержавие; в 39 губерниях предполагалось 13 024 уездных депутата («гласных»): 6264 – от дворян, 5171 – от крестьян, 1649 – от горожан.

Однако само число это еще ни о чем не говорит: все решал не «текст», а «контекст», а он был самодержавно-бюрократическим. Достаточно лишь одного, но зато ярчайшего примера: земствам, то есть местным органам власти, полиция (реальная власть!) не подчинялась; она была «инструментом» губернатора. Более того, вся история земств – это сплошные атаки на них губернаторов и других административных лиц, сеть урезаний, запретов [46, с. 142].

Некоторые исследователи отсюда делают вывод, что земства ничего не значили. На самом же деле беспрерывные придирки доказывают как раз их значение: занимаясь как будто вполне мирными, разрешенными делами – школами, медициной, дорогами, – они были все-таки первым выборным, не только дворянским, но также и буржуазным, интеллигентским, крестьянским учреждением, которое потенциально несло в себе зародыш конституции и тем раздражало.

Отвергая старинный английский путь – парламентский, русское самодержавие охотнее допускало «старофранцузский вариант», когда центр общественного самоуправления передавался сравнительно независимым судам.

Судебная реформа 1864 года оказалась самой последовательной из всех тогдашних реформ именно потому, что на ней сошлось несколько линий, идущих с разных сторон. Однако это не значило, что она проходила «легко». Необходимо отдать должное нескольким деятелям, пробивавшимся сквозь бюрократический частокол: С.И. Зарудный, В.П. Бутков, Д.А. Ровинский и ряд других (среди них не последнее место, между прочим, занимал будущий столп реакции К.П. Победоносцев) [46, с. 142–143].

Самодержавие не хотело «земских соборов», «всероссийской думы» и т.п.; косясь на земства, оно охотнее уступало в «менее важной» и особенно, чрезвычайно, можно сказать, скандально запущенной сфере. Либералы требовали европейского суда, исходя из своих давних идейных установок.

Крепостники, консерваторы, утратив значительную часть власти над крестьянами, искали компенсации в органах, более или менее независимых от верховной власти, – в земствах и судах. Земская и судебная реформы 1860-х годов способствовали большему отделению общества от государства.

В том же духе действовала и университетская реформа.

9 сентября 1861 года – царь утверждает основные положения судебной реформы, после чего они обнародуются и обсуждаются как в прессе, так и на государственном уровне. «Замечания» позже собраны в семи томах.

17 апреля 1862 года – отмена жестоких телесных наказаний (кошки, шпицрутены, клейма) [46].

1862–1863 годы – борьба за каждый пункт судебной, земской, университетской, цензурной реформы. «Весы» качаются то направо, то налево. «В последнюю минуту властям удается несколько ухудшить университетскую реформу. По-иному пошло дело с реформой земской; она могла быть куда более куцей, если бы Д. Милютин и Корф не добились в Государственном совете некоторого расширения прав для крестьянских депутатов, а также разрешения земствам заниматься школами, больницами, тюрьмами (а для того располагать определенными денежными суммами). Как видим, наиболее успешное в недалеком будущем земское поприще (образование, здравоохранение) едва не было перечеркнуто подозрительными бюрократами.

1 января 1864 года – земская реформа.

20 ноября 1864 года – судебная реформа (торжественное открытие обновленных судов – в 1866 г.) [46, с. 136–137].

При всех последующих ограничениях и урезаниях судебная реформа Александра II имела огромное значение для России: следствие было отделено от полиции, вмешательство губернаторов и других властей в дела судебные ограничена; судьи получали сравнительно высокую заработную плату – от 2200 до 9000 рублей (меньше, чем в Англии, но больше, чем во всех других европейских странах).

Независимость тогдашних судов сложно соотносится с принципом выборности, несменяемости: мировые судьи выбирались уездными земскими собраниями и городскими думами, но утверждались сенатом; судьи же высших инстанций назначались министром юстиции, но за общими собраниями соответствующих судов сохранялось право – рекомендовать своих кандидатов; тут уместно напомнить, что прямой выборности судей самим населением не знало большинство стран Европы [46].

Итак, пусть ограниченно, но все же реально в России начало осуществляться старинное пожелание Монтескье о разделении властей. Хотя губернаторы и другие административные чины не уставали вмешиваться, навязывая «по старинке» свое **мнение**, суды с большим или меньшим успехом отстаивали свое.

Когда в 1878 году Вера Засулич стреляла в генерала Трепова, правительственный взгляд на это событие был ясен: хотя генерал не раз грубо и подло нарушал законы и правила, их вооруженная защитница должна быть строжайше наказана. Суд, однако, внезапно ее оправдывает. И пусть сразу после этого Веру Засулич отправляют в ссылку административным порядком, все же судебная независимость проявилась достаточно отчетливо.

Относительность судебной независимости, большие права губернаторов и полиции в известной степени компенсировались **гласностью** судопроизводства [46, с. 142–143].

20 ноября 1866 года было разрешено «во всех повременных изданиях» печатать о том, что происходит в судах; 17 декабря того же года всем губернским ведомостям разрешались «особые юридические отделы для сообщения стенографических отчетов о ходе судебных заседаний». Судебные репортажи, сообщавшие о русских и зарубежных процессах, становились заметным явлением в прессе.

Снова и снова суммируя данные о судебной реформе, отметим ее особую роль при сильном централизованном авторитарном государстве. Власть упорно сопротивляется представительным учреждениям, например, решительно противится образованию всероссийского земства, поэтому демократия при подобной системе в немалой степени опирается на независимость судов (с чем и правительство соглашается более охотно).

Тяжко, в муках, в борениях страстей, в эволюционных потугах самодержавно-деспотическая Россия «рожала» европейско-цивилизованное дитя. Повивальной же бабкой в этой родовой схватке был вековой азиатский менталитет, традиции, обычаи, предрассудки.

Столь же противоречивой была внешняя политика, проводимая Александром II. Так Российская империя внесла значимый вклад в укрепление международных позиций США, в развитие республиканско-демократических традиций этой страны.

Мятеж рабовладельческого Юга и гражданская война в США (1861–1865 гг.) привлекли серьезное внимание европейских держав. Американские рабовладельцы возлагали главные надежды на помощь Англии и Франции, которые получали из Южных штатов хлопок для своих текстильных фабрик. Западноевропейская буржуазия проявляла заинтересованность в сохранении рабовладельческого хозяйства на юге США. Пальмерстон и Наполеон III готовили интервенцию в защиту рабовладельцев. Серьезной помехой для планов Пальмерстона оказалась позиция России. Русские крепостники-помещики питали симпатии к рабовладельцам Юга. Царь и его сановники отрицательно относились к республиканскому строю – Южные штаты поставляли хлопок и в Россию. Но не эти обстоятельства оказались решающими.

Царское правительство было заинтересовано в том, чтобы США остались крупной и сильной заокеанской державой, служившей внушительным противовесом Англии и Франции

на морях и в самой Америке, где Россия владела Аляской. Горчаков видел в США «незаменимый элемент мирового равновесия». Русскому посланнику в Вашингтоне Э.А. Стеклому он писал: «Мы не признаем другого правительства в США, кроме вашингтонского». В 1862 г. Александр II и президент А. Линкольн обменялись дружественными посланиями.

Либеральная печать в России выражала сочувствие правительству Линкольна. На стороне Севера сражались отдельные русские добровольцы. Отставной русский офицер Турчанинов командовал полком волонтеров.

Когда в 1863 г. вспыхнуло польское восстание, и царское правительство опасалось войны с западными державами, оно послало в США свои военные корабли для возможных крейсерских операций против английских торговых судов в случае войны с Англией. В сентябре 1863 г. в Нью-Йорк прибыла русская балтийская эскадра под командованием капитана Лесовского, а русская дальневосточная эскадра под командованием контр-адмирала Попова стала на якорь в Сан-Франциско. Русских моряков ожидала восторженная встреча. Американские газеты наперебой запугивали Англию союзом между Россией и США. Хотя такого союза в действительности не было, объективно позиция России помогла победе Севера над рабовладельцами Юга [180, с. 154–155, 158].

В период правления Александра II Россия «внесла» еще один значимый вклад в укрепление мощи Америки – продала ей Аляску. Перефразируя Ломоносова, можно сказать: «Мощь США Аляской приростала!»

США приобрели у России Аляску с близлежащими островами в соответствии с российско-американским договором, подписанным в Вашингтоне 30 марта 1867 г. Согласно договору, Россия уступала Америке указанную территорию «с верховным на оную правом» без каких-либо временных ограничений.

Вместе с территориями передавались права собственности на все общественные здания, предприятия и иную недвижимость (за исключением православных храмов), а также «все дела, бумаги и документы правительства».

Некоренным жителям предоставлялось право выбора: вернуться в течение 3 лет в Россию или остаться в «уступленной стране». Коренные жители попадали под юрисдикцию США.

Правительство США обязывалось выплатить правительству России за передаваемые земли 7200 тыс. долл. (14320 тыс. руб золотом по курсу того времени) [181, с. 6]. Корабль, перевозивший деньги за Аляску... утонул!

После обмена ратификационными грамотами 20 июня 1867 года российские войска были выведены с «уступленных» территорий.

Переговоры о передаче Аляски велись в строжайшей тайне, и факт подписания такого договора стал неожиданностью как для российской, так и для американской общественности. Россия рассчитывала как на упрочение отношений с США, так и на обострение англо-американских противоречий (что должно было помочь в ликвидации условий невыгодного Парижского мирного договора 1856 г., завершившего Крымскую войну) [181, с. 6].

Наибольшее внимание в области внешней политики Александр II уделял Балканам. Два года с разных сторон разжигали балканский костер, чтобы «сварить» на нем «общеславянскую кашу». Толкаясь и огрызаясь на соседей, императоры, канцлеры и министры взвешивали шансы, выясняли, какое место займут у котла, кому достанутся «пенки», а кому только «поскребыши». Закипело с краю: в Сербии загремели пушки.

Все началось с восстания, вспыхнувшего против владычества Порты в славянских областях Боснии и Герцеговине. Их поддержали болгары, восставшие в районе Филиппополя. Восстания были потоплены в крови, и тогда в ответ на это Сербия и Черногория, заключив между собой союз с целью оказания помощи повстанцам, в июне 1867 года объявили Турции войну.

Широкие общественные круги России выражали горячее сочувствие борьбе славян за свою независимость. Через «Славянские комитеты», действовавшие по всей стране,

происходил сбор пожертвований, более пяти тысяч русских добровольцев уехало в Сербию. Их встречали восторженно: сербы, пришедшие встречать корабли с русскими, увидев их, бежали по берегу и кричали: «...Ура, живио Россия, живио русский народ, да здравствует Россия! К нам, к нам, наши спасители!» [182, с. 26].

Тем временем на Балканах произошли новые события. Турки подавили восстание в Болгарии. Усмирения сопровождалось дикими зверствами. В Филиппольском санджаке в несколько дней черкесами и башибузуками (иррегулярной кавалерией Турции) было вырезано около 15 тысяч человек; убийства сопровождалось пытками и всякого рода надругательствами.

Дизраэли старался как-нибудь затушевать турецкие зверства. Чтобы ещё больше подстрекнуть Порту к неуступчивости, он послал к проливам английский флот.

Было ясно, что, имея поддержку Англии, Порты отклонит Берлинский меморандум. Невзирая на это, Горчаков всё-таки хотел вручить его Порте. Однако Андраши и Бисмарк уговорили его отказаться от этой мысли.

Между тем Сербия и Черногория уже готовились к вооружённому вмешательству в пользу славянских повстанцев. Представители России и Австрии в Белграде и Цетинье официально предостерегали против этого. Но там не придавали этим дипломатическим представлениям особого значения. Сербы были слишком уверены, что в случае, если Сербия и Черногория начнут войну, Россия, невзирая на официальные предостережения, не допустит их разгрома турками.

30 июня 1876 г. князь Милан объявил войну Турции. В Сербии находилось около 4 тысяч русских добровольцев, в том числе много офицеров, во главе с генералом Черняевым, который был назначен главнокомандующим сербской армией. Кроме того, из России притекала и денежная помощь. Русский царизм затевал опасную игру. Тайно поощряя и повстанцев, и сербское правительство, он рисковал конфликтом с великими державами, к которому Россия не была подготовлена ни в военном, ни в финансовом отношении. Само царское правительство крайне опасалось такого конфликта и, тем не менее, вело политику, которая грозила втянуть его в серьёзные осложнения [182, с. 27–28].

Объяснялась такая противоречивая политика шаткостью внутреннего положения правительства Александра II в годы аграрного кризиса, всё большего обнищания крестьянства и так называемого «дворянского оскудения». На этой основе рос дворянско-буржуазный либерализм, и всё громче раздавались требования конституции. Усиливалось в стране и народническое движение. В таких условиях царское правительство надеялось внешними успехами укрепить своё положение внутри страны; с другой стороны, именно из-за шаткости своего положения оно боялось обнаружить слабость, отступив перед упорством турок. В конечном счёте, мотивы внутренней политики взяли верх [182, с. 26–29].

Сообщения о турецких зверствах с возмущением были восприняты и английским народом. Тем не менее, английский посол в Константинополе Эллиот в официальном донесении, не стесняясь, писал, что английская политика не должна меняться от того, будет ли убито 10 или 20 тыс. болгар. Британский флот появился у входа в Дарданеллы и стал на якорь в Безикской бухте, чтобы оказать Турции помощь, если ее попытаются принудить принять Берлинский меморандум.

Восстания в Герцеговине, Боснии и «болгарские ужасы» вызвали в России широкое общественное движение в защиту славян. На Балканы стали отправляться тысячи русских добровольцев. По всей стране собирались пожертвования, закупалось оружие, одежда, лекарства и продовольствие, снаряжались госпитали для повстанцев. «Две трети пожертвований внес бедный, обремененный нуждою, простой народ», – писал И.С. Аксаков. По Ярославской губернии, например, сумма пожертвований выражалась в следующей пропорции: 80% пожертвовано крестьянами, 15% – «служащим сословием» и 5% – дворянством и купечеством.

Национально-освободительная борьба южных славян нашла горячий отклик в русском революционном движении. Революционные народники были первыми добровольцами, отправившимися из России в Герцеговину. Туда прибыли и многие русские эмигранты. По словам А.И. Желябова, народники хотели «на деле возрождения славян помочь политическому воспитанию самого русского общества». Добровольцами отправились на Балканы известные художники В.Д. Поленов, написавший несколько этюдов на сербские темы, и К.Е. Маковский, запечатлевший в картине «Болгарские мученицы» кровавые события в Болгарии.

В роли военного корреспондента побывал в Сербии писатель-демократ Г.И. Успенский. Его «Письма из Сербии», проникнутые горячей симпатией к борющимся славянам, печатались в «Отечественных записках». Выдающийся русский хирург Н.В. Склифосовский возглавил русские санитарные отряды в Черногории, а известный врач-терапевт С.П. Боткин – в Сербии. Горячее участие в сборе средств на нужды славян принял критик-искусствовед В.В. Стасов. Скульптор М.М. Антокольский пожертвовал на нужды повстанцев бюст Петра I своей работы [182, с. 27–28].

Далеко не столь бескорыстной, но шумной и крикливой была в России агитация панславистов. Они выражали интересы тех кругов русских помещиков и буржуазии, которые считали, что для России настало время «разрешить восточный вопрос», т. е. изгнать Турцию из Европы, создать на Балканах славянскую федерацию под эгидой русского царя с центром в Константинополе и, таким образом, овладеть «ключами от своего дома» – черноморскими проливами. Призыв к «защите братьев-славян» был для них, прежде всего, средством осуществления этих планов.

«Гражданин», «Русский вестник», «Новое время» призывали к войне с Турцией. Русские реакционные круги надеялись, что общественное возбуждение в пользу славян «откроет спасительный клапан» и разрядит революционные настроения в русском обществе. Будущий обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев призывал правительство взять движение в защиту балканских славян «в свои руки».

31 августа 1876 г. на турецкий престол вступил султан Абдул-Гамид II, будущий «кровавый султан», прославившийся армянской резнёй. Это был человек жестокий и трусливый. В то же время он отличался чрезвычайной хитростью: никто лучше него не умел играть на соперничестве великих держав. Не сумев договориться об условиях мира на Балканах, державы по инициативе России снова потребовали у Порты, чтобы она немедленно, не дожидаясь, пока они столкнутся друг с другом, заключила перемирие с Сербией. На это выступление «европейского концерта» турецкая дипломатия ответила своеобразным маневром. 10 октября Порты не только согласилась предоставить Сербии перемирие, но и выразила готовность обеспечить его сразу на срок в 5–6 месяцев [182].

Это выглядело крайне миролюбиво, на деле же означало длительную оккупацию сербской территории и затяжку переговоров о мире в расчёте, что обстановка может измениться в благоприятном для Порты смысле. Россия посоветовала Сербии отказаться от столь длительного перемирия. Тогда турки, поощряемые Англией, возобновили наступление. Сербы потерпели новые поражения; положение Сербии стало критическим.

Ввиду этого 31 октября русское правительство вручило Порте ультиматум с требованием немедленно заключить перемирие сроком на 4 или 6 недель. Для ответа давался 48-часовой срок. При этом указывалось, что в случае отклонения русских требований последует разрыв дипломатических отношений России с Турцией. Одновременно Россия провела частичную мобилизацию – всего до 20 дивизий. Напуганная Порты поспешила принять предъявленные требования [182].

На отклонение Турцией Лондонского протокола Россия на другой же день (13 апреля 1877 г.) ответила мобилизацией ещё 7 дивизий. Царь выехал в Кишинёв, где находилась ставка верховного главнокомандующего. Там 24 апреля 1877 г. им был подписан манифест

об объявлении войны Турции. Активные военные действия на балканском театре начались, однако, только в конце июня.

Пока шли все эти переговоры, военные действия развивались своим чередом. 19 июля 1877 г. отряд генерала Гурко овладел Шипкинским перевалом. Казалось, после этого должно начаться русское наступление за Балканы, уже непосредственно угрожающее турецкой столице. 27 июля в Лондон пришло паническое донесение от посла в Константинополе Лайярда. Посол сообщал, будто русские стоят под Адрианополем. Под влиянием этого сообщения Биконсфильд решил предложить султану «пригласить» в проливы британскую эскадру; она стояла наготове в Безикской бухте [182].

Но паника оказалась напрасной. Лайярд даже не успел выполнить данное ему Биконсфильдом поручение. В тот самый день, как отряд Гурко взял Шипку, армия Осман-паши вошла в Плевну, что создавало серьезную угрозу правому флангу и коммуникациям русской армии. Весть об этом дошла до Лондона с опозданием, но по её получению там успокоились. Война явно затягивалась: это и требовалось, с точки зрения английских интересов.

Плечом к плечу с русской армией дрались болгарские ополченцы. Генерал И.В. Гурко, герой Шипки, отмечал: «Вся русская армия может гордиться вами». Дружба, насчитывавшая века, напоенная теперь общей кровью, расцветала все ярче. Художник В. Верещагин, доброволец на этой войне, вспоминал, что когда в ходе наступления он поселился в доме одного крестьянина, то хозяева при первом же затишьи «зазвали меня к себе и, пригласивши также одного русского священника, просили нас побольше поговорить между собой по-русски, для того, чтобы они могли насладиться звуками родственного им наречия!» [183].

За несколько месяцев до унижающего интересы Российской империи Берлинского конгресса Россия после своей победы заключила с турками предварительный Сан-Стефанский мир. Находя его слишком для себя тяжелым, турецкое правительство обратилось с тайной просьбой о защите к державам, которые были крайне недовольны русской победой, – к Англии и Австро-Венгрии. Они потребовали и добились пересмотра условий Сан-Стефанского договора на международном конгрессе. Самый созыв его был всеми признан блестящей дипломатической победой английского, австрийского и турецкого правительств [183, с. 135–142].

Дизраэли совершенно искренне считал Россию историческим врагом Англии, и больше всего на свете боялся русского похода на Индию. К Германии и Биконсфильд относился благожелательно и даже любовно, считая немцев «людьми чистого созерцания, живущими мысленно в голубом небе». Его мысли разделял и маркиз Солсбери, который известие о союзе между Германией и Австро-Венгрией, направленный против России, назвал «великой радостью». Биконсфильд и Солсбери собирались добиться присоединения Англии к австро-германскому союзу, и незадолго до своего ухода в отставку вели об этом переговоры с Бисмарком.

Бисмарк же после нападения на Францию в 1857 году убедился в том, что война с одной великой европейской державой неизбежно повлечет за собой для Германии войну и с другой. Европа ему не верила и ломала голову лишь над тем, кого он намеревается обмануть на этот раз [183, с. 129–151].

13 июня 1878 года в берлинском дворце Радзивиллов, незадолго до того купленном германским правительством для канцлера, началось одно из главных исторических представлений XIX века.

Оно шло хорошо и гладко. Только что закончившаяся русско-турецкая война происходила далеко, в местах с названиями, которых никто в Западной Европе не мог ни произнести, ни заучить, ни запомнить. Погибло не более полумиллиона людей, включая зарезанных, повешенных и посаженных на кол турками. В отличие от других конгрессов, на Берлинском было решительно некого ненавидеть: на Венском конгрессе была ненависть к Наполеону, на Версальской конференции – к немцам; но нельзя было серьезно ненавидеть

диких башибузуков или курдов, если они и сажали на кол людей. Это было тем более неудобно, что большинство делегатов защищали Турцию от «чрезмерных» требований России. Участники конгресса недоверчиво, со вздохами порицая зверства, говорили, что, в сущности, балканским христианам жилось не так уж плохо [183].

13 июля был подписан Берлинский трактат. Он резко изменил Сан-Стефанский мирный договор в ущерб России и славянским народам. К северу от Балкан было создано Болгарское княжество, самоуправляющееся, но платящее дань султану. Срок оккупации его русскими войсками уменьшался до девяти месяцев. Южная часть Болгарии (Восточная Румелия) была оставлена под властью Турции и получила только административную автономию. Македония и Фракия остались под властью Турции. Подтверждалась полная независимость Сербии и Черногории, но территориальные приращения, полученные ими по Сан-Стефанскому миру, были существенно урезаны. России возвращалась Южная Бессарабия. В Закавказье она удерживала за собой Карс, Ардаган и Батум.

Огромные выгоды получили западные державы. Австро-Венгрия за свой «бесславный нейтралитет», как остроумно заметил один из участников конгресса, получила право оккупировать Боснию и Герцеговину. Конгресс санкционировал также оккупацию о. Кипра Англией. По существу Берлинский трактат свелся к частичному разделу Турции [182].

На Берлинском конгрессе Россия потерпела дипломатическое поражение. Она лишилась значительной части плодов своей победы. Не удивительно, что в записке, представленной царю, Горчаков писал: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». Царь пометил: «И в моей также». Вынужденное отступление царизма на конгрессе было предрешено предварительными соглашениями России с Австро-Венгрией и Англией. Эти соглашения были тайными. Не зная о них, русская и западноевропейская печать преувеличивала дипломатическое поражение царского правительства. Оно было серьезным, но не таким, как это казалось тем, кто не знал о существовании Рейхштадского соглашения и Будапештской конвенции.

В результате Берлинского конгресса Россия получила от Турции все, что должно было к ней отойти по Сан-Стефанскому миру, кроме города Баязета и Алашкертской долины; по сравнению с отошедшими к России Карсом, Ардаганом, Батумом это была ничтожная уступка. Но зато неожиданно державы-заступницы, никакого участия в войне не принимавшие, получили от Турции: Англия – остров Кипр, Австро-Венгрия – Боснию и Герцеговину. По значению и размерам эти земли были неизмеримо важнее Баязета и Алашкертской долины [182].

Австро-Венгрия после Берлинского конгресса заняла (а через 30 лет и формально к себе присоединила) Боснию и Герцеговину, в которых не было ни австрийцев, ни венгров. В боснийской столице был в 1914 году убит эрцгерцог Франц-Фердинанд. Началась мировая война.

Одной из основных причин ее, по несколько запоздавшему мнению отставных австрийских государственных людей, было присоединение Боснии и Герцеговины. Эта война положила конец существованию австро-венгерской монархии, которая так и не смогла «переварить добычу», полученную на Берлинском конгрессе (как в XX столетии российская империя, «не переварив» Прибалтику и Западную Украину, распалась!).

Главной же победительницей конгресса общественное мнение всех стран признало Англию. Она одержала целых три блестящие победы. Первой было бескровное приобретение Кипра, уступленного султаном «добровольно», в обмен на обещание впредь защищать Турцию от нападений России. После этой «добровольной» уступки турки затаили глухую ненависть к англичанам, и, по словам турецких государственных людей, выступление Турции на стороне Германии в 1914 году было, помимо прочего, «отплатой за Кипр».

Из-за «бескровной победы» Биконсфильда англичане впоследствии погибали на берегах Мраморного моря, в Месопотамии, в Палестине. Если бы Биконсфильду предложили в 1878 году приобрести, разумеется, «навсегда» (на конгрессе все было «навсегда») Кипр с потерей

в десять раз меньшего числа людей, он, без сомнения, отклонил бы это предложение или был бы свергнут парламентом: оппозиция и тогда считала сделку с Турцией совершенно ненужной и крайне опасной [183].

Второй, наиболее важной победой англичан на Берлинском конгрессе был раздел Болгарии. По русскому плану вся Болгария должна была составить единое самостоятельное государство. Лорд Биконсфильд добился того, что она была разделена, и часть ее оставлена на особых условиях в составе турецкой империи. Настаивая на этом, грозя войной, мобилизуя вооруженные силы Англии, Биконсфильд исходил из положения, казавшегося ему совершенно бесспорным: Болгария, освобожденная Россией, станет ее верным союзником и вассалом; следовательно, ослабляя Болгарию, он ослаблял и Россию.

Но по непредвиденной случайности из этого ровно ничего не вышло: через восемь лет после конгресса, несмотря на его твердые постановления, разделенные земли Болгарии объединились, только еще немало пролилось крови. По другой случайности оказалось, что благодарность у государств необязательна: в обеих мировых войнах Болгария выступала на стороне Германии [183].

Третьей победой Биконсфильда было то, что Россия не получила долины, которая была в то время очередным пунктом умопомешательства великих государственных людей. По случайности самое название ее было забыто через год после конгресса (теперь его нет во многих больших энциклопедических словарях). Быть может, долина и имела огромное стратегическое значение, еще не выясненное историей, но благодаря «блестящей» победе Биконсфильда, Солсбери и британских военных экспертов долина и речка оказались в следующую войну в руках враждебной англичанам коалиции.

За эти свои три дипломатические победы Дизраэли и Солсбери получили от королевы Виктории высшую награду – орден Подвязки [183].

«История учит, что она ничему не учит» – глубокомысленно вещали мудрецы древности. Победы Российской империи в кровопролитной русско-турецкой войне привели к ...усилению геополитического положения Австро-Венгрии, Англии, Германии, к дипломатической изоляции (считай, поражению!) России в Европе, к умалению авторитета Александра II как в России, так и в Европе.

О прямом влиянии русско-турецкой войны на возникновение и обострение политического кризиса говорят многочисленные данные, но наиболее показательны в этом отношении свидетельства деятелей правящего класса.

В докладной записке киевского губернатора на имя императора имеются такие слова: «Россия живет лихорадочной, ненормальной жизнью уже несколько лет. Страсти политического характера стали возбуждаться в народе с началом Герцеговинского восстания. Затем пришла война со всеми своими превратностями, затем Сан-Стефанский мир, возбудивший непомерные надежды, и Берлинский трактат, показавшийся оскорбительным национальному достоинству. Результаты тягостной войны были так неблагоприятны, что казалось, будто Россия вышла не победительницей, а побежденной в борьбе с Турцией. За рядом щекотливых дипломатических неудач последовало падение нашего рубля свыше чем на 40%. Всем этим почва подготавливалась для неудовольствий, которые и стали появляться в стране вскоре после Берлинского трактата» [184, с. 5].

Ту же мысль высказал и князь Мещерский: «Не будь этого печального исхода войны, анархическое движение осталось бы у нас по-прежнему хроническим недугом в умственной жизни России и не нашло бы почвы для себя, чтобы перейти в состояние острое и затем к дерзкому походу против государственного порядка» [185, с. 398].

К бедствиям военных лет прибавлялись недород и голод 1879 г. Это было крупное народное бедствие, усугублявшееся непосильным налоговым гнетом, малоземельем и т. д. Именно в это время получила довольно широкое распространение пословица: «Неурожай – от бога, а голод – от царя». Деревня являлась очагом всеобщего ропота и глухого недовольства. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, погибали на далеких Балканах,

хозяйства, лишённые мужской рабочей силы, разорялись, голод опустошал села, уезды, губернии.

Несмотря на то, что крестьянство оказалось индифферентным в отношении форм государственного устройства, тем не менее именно крестьянский вопрос с особой силой выдвигал проблему изменения политического устройства России, поскольку становилось совершенно очевидным, что вся сумма вопросов крестьянской жизни не может быть решена вне политической борьбы.

Но непосредственные лидеры и участники политической борьбы имели в виду и другое. Им казалось, что актами политической борьбы можно пробудить революционный дух народа. Они должны были сыграть роль толчка, возбудителя революционного движения масс, прежде всего крестьянства. А. Михайлов писал впоследствии: «Недовольство в народе самое сильное. Недостает толчка, осязаемого для всей России» [186, с. 127–128].

Среди панславистов Берлинский трактат был встречен бурей негодования. Они во всем обвиняли русскую дипломатию. В речи на заседании Московского славянского комитета И.С. Аксаков с горечью спрашивал: «Ты ли это, Русь-победительница... на скамье подсудимых, как преступница, каешься в святых, подъятых тобой трудах, молишь простить тебе твои победы?» За свою речь Аксаков был выслан из Москвы.

Война еще больше обнажила отсталость и разложение царского режима. Казнокрадство чиновников, бездарность высшего командования особенно ярко выступили на фоне героизма и самопожертвования русских солдат и офицеров. Тяготы мобилизации и огромные потери русской армии усиливали недовольство народа. Надежды царского правительства на то, что война отвлечет внимание русского общества от острых вопросов внутренней жизни, не оправдались. После войны в России возникла революционная ситуация! Россия была унижена в своем величии и самопожертвовании ради блага славянства. Великие жертвы не соответствовали достигнутому стратегическим результатам, авторитет Александра II пошатнулся. Его непоследовательно-импульсивная как внутренняя, так и внешняя его политика (шаг вперед – два назад – шаг вспять!) поляризовала общество, обостряла противостояние классов и сословий. Все это сфокусировалось на личности императора. Запад внес свой вклад в гибель российского самодержца!

Смертный приговор Александру II был вынесен Исполнительным комитетом 26 августа 1879 г. Осенью был разработан обширный план покушения на царя при его возвращении в столицу. Желябов, Перовская, Ширяев, всего около 50 человек, занятых организацией цареубийства, казалось, предусмотрели все возможное и гарантировали успех. 19 ноября под Москвой народовольцы взорвали царский поезд, но Александра II в нем не оказалось [189].

Неудача не охладила заговорщиков. Степан Халтурин, примкнувший к народовольцам, предложил взорвать Зимний дворец. Великолепный краснодеревщик, Халтурин без особого труда устроился на работу в Зимний. Он установил, что как раз над подвалом, где были размещены столяры, хотя и через этаж, находилась царская столовая. 5 февраля 1880 г. грянул взрыв, и Зимний погрузился во мрак. Но царь, случайно опоздавший к обеду, и на этот раз остался жив [189].

Современники этого события свидетельствовали: «В 7-м часу в подвальном этаже дворца, под тем помещением, где находится караул, произведен взрыв, лопнула газовая труба, но вряд ли лопнула без посторонней помощи. Удар был так силен, что свод взорван, перебиты стекла, и, как оказывается, еще убито в карауле, где находился Финляндский полк, 5 человек солдат, 12 тяжело ранено и около 25 человек получили ожоги. В ту минуту, когда происходил взрыв, государь вышел в тронный зал из своего кабинета встречать принца Александра Гессенского, приехавшего во дворец обедать. Огонь показался из душников в комнате, где находился государь, запах пороха был весьма силен, и мгновенно освещение в комнате потухло. Взрыв был так силен, что было слышно на площади. В Главном штабе не могли понять, отчего пушки стали стрелять.

Принц Гессенский приехал же из-за границы в 6 часов вечера, и по этому случаю обед был отложен до 6 часов 30 минут. «Злоумышленники» не рассчитали, не знали, что обед отложен на полчаса. Когда в столовой произошел взрыв, там никого не было. Последствия взрыва ужасны. Вся столовая, а по рассказам других – часть столовой, пострадала. Они измерили время, чтобы взорвать тогда, когда все будут сидеть за столом, но не рассчитали, что поезд Гессенского может опоздать, и что обед могут отложить, что и случилось. Взрыв был сделан под тем помещением, где находится караул. Внизу помещались столяры, и к ним-то и был внесен ящик с динамитом. Тотлебену было поручено разрывать убитых и раненых. Теперь уже оказывается, что 10 убитых и 48 раненых, всех же солдат бывает иногда в караульной до 200 человек, так как туда приходят отдыхать, которые сменяются со своих постов внутри дворца» [187, с. 35–36].

В январе 1879 г. в Петербург с Поволжья приехал известный революционер А. Соловьев. Он с глубокой убежденностью доказывал товарищам из «Земли и воли», что при современных политических условиях деятельность в народе не только бесполезна, но и вредна, так как уносит понапрасну много жертв. Необходимо, прежде всего, изменить эти условия, что, по мнению Соловьева, могло быть достигнуто убийством императора. Ради этого он решил пожертвовать своей жизнью.

2 апреля 1879 г. состоялось покушение Соловьева на Александра II, однако оно оказалось неудачным. Четыре выстрела Соловьева не достигли цели: царь упал не от ранений, а от испуга. Схваченный Соловьев не успел принять яд, а потому предстал перед следствием и судом. При допросах он проявил огромную выдержку. Ничто не поколебало его упорства. Он никого не выдал, взяв всю вину на себя и категорически отвергнув какое-либо соучастие других.

Очевидцы покушения свидетельствовали: «2 апреля утром, в 9 часов, злодей стрелял в государя, но бог спас царя. Собранные и рассказанные разными лицами подробности таковы: Маков, видевший государя через полчаса после покушения, рассказывал, что государь сам ему говорил, что, пройдя Певческий мост, с ним встретился человек в штатском пальто, в фуражке с кокардой, который, поравнявшись с государем, остановился и отдал ему честь. Лицо этого человека обратило на себя внимание царя. Он невольно обернулся и в ту же минуту увидел пистолет, направленный на него. Оборотившись, государь миновал опасности. Пуля пробила стену дворца, где и засела. Злодей прицелился во второй раз – царь уклонился влево, преступник прицелился в третий раз – царь опять уклонился. В это время подоспел жандармский офицер Кох, который свалил преступника, который успел дать еще два выстрела. Одним из них ранен переодетый стражник Милошевич. В это время выскочил из своей квартиры Павел Андреевич Шувалов. Государь сел в его коляску и подъехал ко дворцу. Маков видел его уже совершенно спокойным» [187, с. 28].

Уже в день покушения Александр II созывает совещание высших сановников, на котором обсуждаются меры по предотвращению развития «крамолы». Правительственная мысль не шла в данном случае дальше предложений об усилении репрессий. По предложению графа Валуева в Европейской России объявлялось чрезвычайное положение. 5 апреля 1879 г. был дан указ сенату об образовании новых генерал-губернаторств (С.-Петербургского, Харьковского и Одесского). Генерал-губернаторами назначались соответственно военные лица – генерал-адъютанты Гурко, Лорис-Меликов и Тотлебен. Они получили диктаторские полномочия. Подобные неограниченные права распространялись также и на московского, киевского и варшавского генерал-губернаторов. Новый институт генерал-губернаторов должен был проводить политику военного времени в условиях мира [188, с. 10].

А. Соловьев был казнен. За что же с такой неистовостью, одержимостью революционеры охотились за «царем-освободителем»? Ни одна реформа, политическая или экономическая, в принципе не может отвечать «интересам большинства народа» на текущий момент, ибо нарушает стереотипы жизни, лишает достигнутой устойчивости, определенности,

идеологической «крыши». А любой организм стремится к сохранению внешних и внутренних, пусть даже болезненных констант. Вспомним, какими общественными взрывами сопровождалась бесспорно прогрессивные технические революции, будь то внедрение машин или конвейеризация. Да и «компьютерная революция» в нынешний просвещенный век вызывает неоднозначное отношение.

Великий реформатор Петр Первый при жизни заслужил лишь страх и ненависть большинства народа, отмена крепостного права лет двадцать сопровождалась всеобщей растерянностью крестьян и бунтами. Таким образом, реальные интересы народа в любой реформе могут участвовать лишь в качестве дальней перспективы. Именно в этом свете можно расценить петровские преобразования или раскрепощение как безусловно позитивные акции. Реформатора по достоинству могут оценить лишь потомки, от современников же – ненависть, презрение, злоба [188].

В начале 1878 г. вокруг Осинского складывается Исполнительный комитет. В его состав входили помимо Осинского Г. Попко, Д. Лизогуб, братья Ивичевичи, И. Водошенко, А. Медведев (Фомин), В. Свириденко (Антонов) и др. Исполнительный комитет на последних своих заседаниях, обсуждая вопрос о цареубийстве, исходил из трех возможностей. На первом месте была Малая Садовая: она считалась главным и самым надежным пунктом для покушения.

Второй вариант состоял в нападении на императора особого отряда, вооруженного метательными снарядами. И, наконец, в случае провала первых двух вариантов, Желябов, сообразуясь с условиями, должен был пойти на поединок с императором. Таковы последние планы. Но после того, как они были приняты, в ночь на 28 февраля Желябова и Тригони арестовали и, следовательно, сразу отпала одна из возможностей [189].

В подготовке покушения 1 марта и его осуществлении решающую роль сыграла Софья Львовна Перовская. Она оказалась как бы в фокусе всех этих событий, в сущности, финальных для старых деятелей «Народной воли». Современники единодушны в оценке этой личности. Они отмечают революционную страстность Перовской, ее героизм, доходящий до фанатизма. Порвав с аристократическим обществом и семьей, она на протяжении более десяти лет шла в первых рядах революционного подполья и пережила вместе с ним все ступени его развития – от участницы кружка саморазвития в 1869 г. до члена Исполнительного комитета «Народной воли». Она возвысилась до уровня руководителя этой героической организации. «Софья Львовна Перовская, – вспоминала В.Н. Фигнер, – по своей революционной деятельности и судьбе представляет одно из немногих лиц, которые перейдут в историю.

С точки зрения наследственности и влияния окружающей среды любопытно, что эта аскетка-революционерка была по происхождению правнучкой Кирилла Григорьевича Разумовского, последнего гетмана малороссийского, внучкой губернатора в Крыму в царствование Александра I, и дочерью губернатора Петербурга, раньше служившего во Пскове. По случайному стечению обстоятельств ее обвинителем по делу 1-го марта 1881 г. являлся человек, бывший в прошлом ее товарищем детских игр» [189].

Один из крупнейших биографов Перовской М.Г. Седов пишет о ней: «Героизм Перовской, ее беззаветная смелость, ее ловкость, умение находиться в минуты опасности, выходить из неминуемой беды уже известны. Известны также ее настойчивость, ее напряженнейшая трудоспособность, ее стальное упорство».

Вот такой человек стал распорядителем событий 1 марта. В течение ночи с 28 февраля на 1 марта все техническое подготовление к нападению на императора было закончено. Разведывательная группа, следившая за царем, заявила, что его воскресный выезд в Михайловский манеж наиболее вероятен [189, с. 97].

Что же было в основе фанатичной одержимости Софьи Перовской, ее соратников, решившихся на отчаянно-беспримерный поступок? Что подвигало их на невиданную

«охоту», жертвой которой являлся не только царь, но и с роковой неизбежностью ...сами покушавшиеся?

В своей документальной повести «Истоки» литератор и историк М.А. Алданов так отвечает на эти роковые вопросы: «Кто же они, участники «удачно-кровавого» покушения на Александра II, что толкнуло их с такой одержимостью и изобретательностью идти как к собственной гибели, так и к убийству Александра II (столь неразумному, ибо за ним «возвышался» Александр III)? Опять «добрыми намерениями вымощена дорога в ад».

Несмотря на переполнявшее ее счастье, Перовская часто плакала. И она, и Желябов прекрасно понимали, что жить им осталось очень недолго. Но в его присутствии Перовская была бодр, весела и даже скрывала от него, что здоровье ее худо. Ей часто случалось и прежде подвергаться очень большой опасности. Однако прежде ее жизнь, каждый день, каждая минута не имели для нее такого необыкновенного значения, как теперь [190].

Характер у нее был от природы веселый. Тем не менее, жизнь ее была печальной задолго до того, как стала нечеловеческой. В ранней юности она была несчастна из-за деспотического нрава ее отца. Его всю жизнь ненавидела больше, чем Александра II. Бывший Петербургский губернатор и теперь был для нее как бы воплощением зла старой России. Позднее, уйдя из дому, она занялась революционной работой. У нее было гордое сознание того, что она живет согласно своим убеждениям и исполняет свой долг перед народом.

Но, вероятно, радость от этого была менее велика, чем ей хотелось бы. По-настоящему в первый раз в жизни Перовская стала счастливой именно тогда, когда ее короткая страшная жизнь подошла к концу. Желябов тоже любил ее, но не «до безумия». Он всегда нравился женщинам, имел немало увлечений и никогда им большого значения не придавал.

Софья Перовская вовсе не собиралась идти в террористки, а до того долго учительствовала и врачевала по деревням. Суть дела хорошо уяснил Максим Горький: познакомившись с необыкновенной революционной биографией Германа Лопатина, с его бурной деятельностью в подполье, дерзкими побегам, многолетним заключением в крепости, писатель заметил, что «в стране культурно-дисциплинированной такой даровитый человек сделал бы карьеру ученого, художника, путешественника...» [190].

Молодые люди стараются сеять «разумное, доброе, вечное» – идут в земства лечить, учить, просвещать; власть им не доверяет – выслеживает, притесняет, вызывает сопротивление и довольно быстро превращает в революционеров – в тысячи «базаровых».

Для того, чтобы привлечь или, по крайней мере, не противопоставить себе подобных людей, консервативному дворянству, власти нужно было еще уступить, дать хотя бы элементарную конституцию, и главное – проявить гибкость: усовершенствовать, развивать, а не урезывать то, что было дано в 1860-х годах. Иначе говоря, преобразования сверху даже в такой «государственной» стране, как Россия, обязательно требуют своего «подкрепления» снизу на следующих этапах. Среди государственных деятелей были и те, кто видел необходимость укрепления, расширения основы пореформенной монархии. Это были: брат Александра II Константин Николаевич, братья Милютины, Валуев, Лорис-Меликов, Игнатьев. Но их было мало, они проиграли в той игре, где ставкой была судьба великой империи [190].

Желябов в последний свой день на свободе был особенно весел и бодр. Подкоп был кончен, теперь оставалось только загнать мину и заказать Кибальчичу его новые метательные снаряды. Метальщики подобрались прекрасные: Рысаков, Гриневицкий, Емельянов, Тимофей Михайлов.

«Михайлов – простой рабочий-котельщик. У нас все классы, все сословия!» – радостно говорил Желябов. Вскоре он был арестован на конспиративной квартире [190].

Чем же был занят в свой последний день Александр II, можем ли мы «реконструировать» его последующие действия?

М.А. Алданов отмечает: «Все, что 1 марта и в предшествовавшие дни делали Александр II и оберегавшие его люди, прямо толкало его к гибели. Ей способствовал даже арест Желябова, так обрадовавший царя и Лорис-Меликова. Если бы не этот арест, покушение, наверное, было бы отложено на неделю или на две. А после правительственного сообщения о выборных людях, которое царь подписал за три часа до своей смерти, террористы, вероятно, отказались бы на время от покушений».

Утром в свой последний день царь встал в девятом часу. Он долго гулял с Юрьевскими по бесконечным залам Зимнего дворца. Александр II прочел, одобрил и подписал документ, оповещавший о государственной реформе – введении некоего подобия конституции. Из этого позднее делали вывод, будто он предчувствовал свою смерть и, зная взгляды наследника престола, торопился с указом. Царь действительно торопился: велел послать за Валуевым и непременно хотел кончить дело к среде [190, с. 0–25].

1 марта 1881 года здание манежа в Санкт-Петербурге было совершенно переполнено. Развод был от лейб-гвардии саперного батальона. Правая сторона манежа была заполнена наиболее высокопоставленной публикой, послами иностранных держав. Развод был самым красивым зрелищем при русском дворе, все очень жаждало и дорожило приглашением в манеж. Все были в сборе. Император был в нерешительности – его предупреждали о готовящемся покушении, о десятках смертников, ожидающих его на пути следования с адскими машинами. Тем более на следующий день намечалось дарование России конституции почти по английскому образцу. Нельзя было ни в коем случае ехать в манеж! Однако! Просила мать блестящего молодого великого князя Дмитрия, коему выпала честь быть ординарцем императора на разводе. Очень уж мать просила удостоить Дмитрия сей чести, чтобы он запомнил этот день на всю оставшуюся жизнь! Запомнил, ведь это невозможно было забыть – под роковым знаком этого дня, его кроваво-багровым отсветом пошло развитие России в последующее столетие.

Поехал же император Александр II в манеж вовсе не потому, что решил «осчастливить» князя Дмитрия – он поехал прощаться с уходящей эпохой самодержавия, давшей столько величия, мощи, славы и крови в истории империи!!! Прощаться же было наиболее безболезненно в блестящем манеже, переполненном красивыми женщинами, сверкающими гвардейцами, послами иностранных государств [190].

Известный литератор М.А. Алданов так «реконструирует» эти роковые, во многом «судьбоносные» в своей трагической предопределенности для судьбы России на многие столетия события: «Император Александр II верил в судьбу, верил в предсказания. Вся Россия говорила, что в Париже, после покушения Березовского, царь побывал у знаменитой гадалки. Она предсказала ему, что он переживет семь покушений. Знали о предсказании и народовольцы. Они нередко об этом говорили, – одни шутивно, другие не без тревоги. До 1 марта на Александра II было шесть покушений. Своей юной жене княгине Юрьевской, просившей его не ездить в манеж, он весело сказал: «Ты помнишь предсказанье? Если и будет завтра покушенье, то пока лишь седьмое, значит, я спасусь». И добавил: «Я так счастлив сегодня, что это меня даже пугает!» [183].

Древние греки, римляне подчеркивали, что рок, судьба сильнее не только любого из смертных – перед роком, предопределенностью судьбы бессильны олимпийские небожители. Бессилен был и император Российский. «Убегая – от судьбы не убежишь».

Лейб-кучер Фрол Сергеев, знаток своего дела, знал, что на царя готовятся покушения. Вызывала к себе лейб-кучера княгиня Юрьевская, умолявшая его за всем следить и не жалеть рысаков, – самых лучших в России. Фрол Сергеев боялся только поворотов, но и на них задерживал лошадей лишь на полминуты. По набережной карета понеслась так, что вокруг нее казаки перешли на галоп [183].

Услышав позади себя топот, взводный флотского экипажа оглянулся, увидел карету царя и прокричал команду. Экипаж мгновенно выстроился у решетки Михайловского сада. Загремел барабан. Мальчик остановился и замер, восторженно глядя на мчавшихся лошадей.

Карета пронеслась мимо флотского экипажа. «Николай! Сейчас! Сию минуту!» – беззвучно закричала Перовская. Рысаков все так же, не глядя по сторонам, шел, пошатываясь, по краю набережной. Казак чуть не наскочил на него и, обернувшись, погрозил ему нагайкой. Рысаков отбросил от себя вдогонку карете свой сверток, точно хотел от него освободиться. Раздался страшный удар. Все заволочло дымом [183].

Когда дым немного рассеялся, Перовская с отчаяньем увидела, что царь выходит из осевшей набок кареты. «Спасся!.. Тарас!» – подумала она. На снегу лежали люди. Одна из казачьих лошадей без всадника бешено неслась вперед. Другие лошади взвились на дыбы. К карете сзади подбежал выскочивший из своих саней полицмейстер.

К месту взрыва бежали солдаты, полицейские, еще какие-то люди. Все смешалось. Перовская больше не видела ни Рысакова, ни царя. Она лишь вечером узнала то, что узнали все в мире. Много людей в этот день говорили, что «первые схватили злодея». Хвалились этим и жандармский капитан Кох, и фельдшер Горохов, и городской Несговоров, и мостовой сторож Назаров, и рядовой Евченко. По-видимому, в него сразу вцепилось несколько человек. Царь, тоже пошатываясь, подошел к нему, смотрел на него с минуту и спросил:

– Ты бросил бомбу?

– Да, я.

– Кто такой?

– Мещанин Глазов, – сказал Рысаков, отчаянно на него глядя. Царь еще помолчал.

– Хорош! – сказал он, наконец, и отошел. Он был оглушен взрывом, и голова у него работала неясно.

Дворжицкий задыхающимся голосом спросил его:

– Ваше величество, вы не ранены?

Помолчав несколько секунд, царь медленно, с расстановкой, ответил, показывая на корчившегося на снегу мальчика:

– Я нет... Слава Богу... Но вот... [183].

Перовская увидела, что царь в сопровождении полицмейстера идет вперед, к Гриневицкому. Он шел неровно, зигзагами, то приближаясь к решетке канала, то удаляясь от нее, – не совсем твердо держался на ногах. И так же неровно, тоже пошатываясь, бессознательно повторяя его движения, пошла вперед она по своей стороне канала. Впереди слева, опершись на решетку, стоял человек со скрещенными руками.

Люди в нормальном состоянии никак не могли бы не обратить внимания на эту странную фигуру. Только террорист – или разве умалишенный – мог в эту минуту стоять неподвижно вдали от всех. И царь, и полицмейстер видели Гриневицкого: его нельзя было не видеть. «Что же это?.. Отчего не бросается навстречу?.. Чего ждет?.. Его схватят!» – все больше задыхаясь, думала Перовская. Расстояние между царем и Гриневицким уменьшалось, но Гриневицкий точно прирос к земле и к решетке. На последнем своем зигзаге царь почти с ним поравнялся. Лишь теперь он заметил этого не снявшего шапки человека, он встретился с ним взглядом – и вдруг понял. Гриневицкий высоко поднял обе руки и почти отвесно изо всей силы бросил свой белый сверток между царем и собой [183].

Второй взрыв почему-то оказался гораздо более сильным, чем первый. Перовская закричала диким голосом, закрыла лицо руками и побежала назад. На правой стороне канала повалилось в снег много людей. Слышались отчаянные крики. Дым не расходился минуты две.

Александр II и его убийца, оба смертельно раненные, сидели почти рядом на снегу, опираясь руками о землю, спиной о решетку канала. Рядом с ними упал на четвереньки полицмейстер. Лошади пронеслись мимо них, волоча подбитую карету. За обезумевшими лошадьми гнались обезумевшие люди. Все орали, хватались за голову, бежали кто вперед, кто назад. По приказу обезумевшего взводного обезумевшие солдаты зачем-то ломали решетку сада. Подбежавший в последнюю минуту метальщик Емельянов спрятал за пазуху снаряд – и бросился помогать царю [183].

Емельянов и другие люди подняли царя и перенесли его в сани. «В первый дом внести!.. Не доедет!.. Разве так можно?.. Вот сюда внесем, задыхаясь, сказал кто-то. Александр II услышал это и прошептал (быть может, подумал о княгине):

– Во дворец... Там умереть...

Одежда его была сожжена или сорвана взрывом, царь был наполовину гол. Ноги его были совершенно раздроблены и почти отделились от туловища. Ротмистр Коллюбакин поддерживал царя в крошечных санях. По дороге Александр II открыл глаза и будто бы спросил: «Ты ранен, Коллюбакин?»

В том же состоянии паники внесли его из саней во дворец, не на носилках, даже не на кресле, а на руках. Люди засучили рукава, с них кровь струилась, как с мясников. В дверь дворца втиснуться толпе было трудно. Дверь выломали, все так же держа на руках полуголового, обожженного, умирающего человека [183].

В длинной темной узкой зале перед царским кабинетом, по окровавленным коврам бегали окровавленные лакеи с засученными рукавами. Император лежал в кабинете на диване, передвинутым от стены к письменному столу. У изголовья неподвижно стояла с застывшим лицом княгиня Юрьевская, а на коленях перед диваном великий князь Александр Александрович. Уже было послано за членами царской семьи, за лейб-медиками, за духовником, за главными сановниками. Некоторые из них входили в кабинет, ахали и останавливались, глядя на диван. Кто-то заплакал. За ним заплакали другие. Вошел английский посол, лорд Дюфферин, тоже замер на пороге, затем приложил платок к глазам [183].

Растерянный фельдшер Коган прижал артерию на левом бедре царя. Доктор Маркус заглянул в медленно раскрывшийся окровавленный левый глаз умиравшего и упал на стул, лишившись чувств. Кто-то лил воду на лоб Александра II.

В кабинете появился граф Лорис-Меликов. Он впился глазами в лежавшую на диване окровавленную грудку мяса и костей, пошатнулся, сделал несколько неверных шагов на цыпочках. Бескровное лицо его выражало беспредельное отчаянье. Лорис-Меликов тяжело закашлялся, приложил ко рту платок и поспешно отошел в дальний угол комнаты. Там, не сводя расширенных глаз с дивана, стояли два мальчика в матросских курточках: великий князь Николай Александрович и принц Петр Ольденбургский. За дверью слышались быстрые тяжелые шаги. В комнату вбежал лейб-медик, знаменитый врач Боткин. Все перед ним расступились. Настала тишина, продолжавшаяся минуты три.

– Есть ли надежда?

Боткин отрицательно покачал головой в ответ на вопрос наследника.

– Никакой, ваше высочество, – негромко сказал он, подумав, что уже можно было бы сказать «ваше величество» [183, с. 14–17].

Опыт превращения России в «Англию» не удался... не первый опыт, но последний ли?

Трагические события в России имели огромный международный резонанс. Врачи просили подчиненных Бисмарка беспокоить его возможно меньше. Однако содержание телеграммы посла было так страшно и так важно, что ее подали Бисмарку немедленно. Изменившись в лице, он прочел ее, встал, прочел снова, тяжело, опираясь на палку, прошелся по кабинету и снова тяжело опустился в кресло. В телеграмме сообщалось об убийстве Александра II. Бисмарк был стар, потерял на своем веку множество людей, гораздо более близких ему, чем царь; способность горевать по умершим у него давно ослабела, как у всех стариков. Тем не менее, он в первые минуты даже не думал о политических последствиях события [190].

Первое его чувство было, что ушел очень большой барин, быть может, самый большой барин в мире, – в мире, в котором, к крайнему его огорчению, оставалось так мало бар. Канцлер был весьма невысокого мнения о государственных способностях Александра II – он больших государственных способностей не видел почти ни в ком. Как человек царь был остроумен, знаток шампанского, охотник и любитель собак, бывал до конца чаще ему

приятен, чем неприятен. В одной из телеграмм сообщалось, что на месте убийства не могли найти мизинца, его кто-то подобрал и принес во дворец позднее [190]. Бисмарк обладал живым воображением. Он любил и помнил пышность петербургского двора, помнил блеск церемонии развода – противоположность между окруженным божескими почестями царем и полуголым, обожженным, окровавленным человеком с полуоторванными ногами, с вытекавшими глазами, с пропавшим мизинцем поразила его. Он тяжело сидел в своем огромном кресле, постукивал огромным карандашом по огромному столу, и лицо у него дергалось [183].

Лишь через несколько минут он стал думать о том, что теперь произойдет в России. В политике у многих тяжелых событий бывали выгодные последствия. Нового царя канцлер знал много хуже, чем его отца. Александр III по уму и способностям значительно уступал отцу; взглядов держался самых консервативных. «Не похоже, чтобы он испугался и уступил. Только последние трусы из боязни покушения уступают убийцам, а этот едва ли трус.... Скорее всего, Лорис-Меликов уйдет в отставку» [183].

По служебному долгу и по любопытству Бисмарк внимательно следил за внутренними делами соседних с Германией больших стран, следил за новыми выдвигавшимися там людьми (так он один из первых за пределами Франции обратил внимание на Жоржа Клемансо). Петербургские дела были ему более знакомы, чем французские. Кроме того, от демократии на него всегда веяло непроходимой скукой. О Лорис-Меликове Бисмарк был значительно менее низкого мнения, чем о большинстве своих современников. По его мнению, Лорис-Меликов вел ту политику, какую в России и следовало вести умному человеку [190].

У канцлера были правила, которых он не обсуждал, как он не обсуждал таблицы умножения. Одно из этих правил заключалось в том, что каждому государству хорошо, если соседним государствам худо (хоть об этом не полагалось говорить, полагалось даже говорить обратное). При новом реакционном императоре, при ограниченных реакционных министрах Россия должна была оказаться слабее, чем при Александре II и при графе Лорис-Меликове. Это было хорошо. Таково было общее соображение. Однако ограничиться им было бы невозможно.

Россия была, по мнению Бисмарка, сырая, непереваренная масса. Во всем мире всегда можно было ждать всяких неожиданностей, но главных неожиданностей он ждал именно из России. «Вот он, умеренный абсолютизм через цареубийство, – думал канцлер. – Теперь, вероятно, и там к власти придет дурачье...» [183].

Престолонаследие – один из наиболее сложных, противоречивых, болезненных аспектов самодержавной системы правления – «Король умер! Да здравствует король!» Российское самодержавие – «деспотизм, умеряемый удавкой дворян-заговорщиков», поэтому вопросы наследования играли судьбоносную для империи роль.

Незадолго перед русско-турецкой войной наследник цесаревич заболел. Это была несложная форма возвратного тифа, однако в царском семействе поднялся переполох: к тому времени оно уже потеряло дочь и сына. Опять вспомнили пророчество, что царствовать после Александра II будет Владимир, а никак не Александр. Некий умник-учитель брал имена старших сыновей и составлял из первых букв сочетание «НАВАС», прочитав которое с конца, получали «САВАН» и таким образом убеждались, что царствовать будет последний сын Павел [191].

К больному пригласили Боткина, восходившего тогда на вершину своей славы. Александр был спасен, Боткин стал лейб-медиком, а умник-учитель – сумасшедшим. Следствием всех этих обстоятельств явилось выпадение волос на темени Александра, и голова его стала неудержимо лысеть. Волосы выпадали даже от простого прикосновения руки.

Зато выросли великолепные бакенбарды по обеим сторонам подбородка. Их назовут потом скобелевскими, но подражания тут нет: Александр их выдумал сам, возделал их независимо и очень ревниво относился к своему приоритету [191].

«Царь убит! Да здравствует царь!» На престол вступил Александр III.

Новый император был вторым сыном Александра II, и поэтому его готовили не к государственной, а к военной деятельности. Став наследником в 1865 г. после смерти своего старшего брата, Александр так и остался недоучкой; к тому же он сам признавал, что ум у него «нескладный». Панегирист Александра III, прекрасно его изучивший, С.Ю. Витте писал в своих воспоминаниях, что царь «был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования».

Однако у Александра III были свои взгляды, корнями уходившие еще в недавнее дореформенное прошлое и не мирившиеся с новыми явлениями. По выражению министра иностранных дел Н.К. Гирса, Александр III был «архимонархистом»; французское республиканское правительство царь не стеснялся в разговоре с германским послом называть «гнусным» и «канальями», а об Англии говорил австрийскому послу, что ее «почти нельзя назвать монархией». Александру III действительно ближе и понятнее был «патриархальный» уклад крепостной России, чем новые складывающиеся отношения, требовавшие применения хотя бы минимума буржуазной законности. «Гораздо было бы полезнее и проще», по мнению Александра III, «хорошенько посечь, а не предавать суду» участников волнений в Ростове-на-Дону в 1883 г. [192, с. 52, 54].

Время правления Александра III всегда связывается с именем К.П. Победоносцева. О характере их отношений может свидетельствовать одно из писем Победоносцева, написанное наследнику в 1879 г. после покушения 19 ноября на Александра II. Под влиянием слухов о конституции Победоносцев писал тогда будущему Александру III, что в существующее правительство его отца «так уже все изверились, что ничего от него не чают»; последующие слова Победоносцева – «всю надежду возлагают в будущем на вас» – напоминают терминологию времен старых дворцовых переворотов.

Общепринято мнение об огромном влиянии Победоносцева на Александра III во все время его царствования. Ю.В. Готье, например, называет Победоносцева «вице-императором». Однако, Победоносцев не был крупным государственным деятелем.

«Наследие» Александра II было противоречивым, сложным, но великим, многовекторным. Тип российской жизни определился на несколько десятилетий, по меньшей мере до 1905 года. Это в три-четыре раза меньший срок, чем время действия реформ Петра, однако надо учитывать и значительное ускорение исторического процесса.

Да, огромное помещичье землевладение осталось, но крестьяне освобождены с землей и, худо-бедно, до начала XX века серьезных аграрных беспорядков в стране нет.

Самодержавие тоже налицо, но все же – с земствами, судами, с печатью, куда более свободной, чем прежде, с новой армией [46].

Какова же была линия поведения революционеров, свершивших столь радикальный акт, изменивший лик империи? Вечером 1 марта Желябов уже знал об успешном нападении на царя. Ему и Рысакову устроили очную ставку. Они признали, что были знакомы [193, с. 235].

Вслед за тем последовало известное заявление к прокурору судебной палаты. В нем Желябов писал: «Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить, было бы вопиюще несправедливостью сохранять жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1-го марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению. *Андрей Желябов. 2 марта 1881 г.*» [193, с. 235].

Перовская, узнав об этом заявлении, сразу поняла смысл поступка Желябова. «Иначе нельзя было, – говорила она. – Процесс против одного Рысакова вышел бы слишком бледным» [194, с. 278–331].

12 марта 1881 г. в Петербурге, а затем по всей России публика познакомилась с необычным документом – с обращением революционеров к новому, только что вступившему на престол императору Александру III. Оно вызвало сенсацию и долгое время порождало всевозможные разговоры и толки.

И современники, и историки оценивали этот документ по-разному. Понять интерес к документу можно, только выяснив важнейшие его идеи и определив место, которое он занимал в тактическом плане Исполнительного комитета. Основная мысль, которая проходит красной нитью через все «Письмо», сводится к доказательству неизбежности и неотвратимости событий 1 марта.

«Кровавая трагедия, – читаем мы в «Письме», – разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего происшедшего в течение последнего десятилетия она являлась совершенно неизбежной, и в этом ее глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе правительственной власти» [195, с. 452].

Сам факт покушения, отмечалось в «Письме», есть не что иное, как результат обострения внутривнутриполитического положения страны, когда борющиеся силы применяли крайние меры. В «Письме» приводятся многочисленные факты о том, как правительство на протяжении последних десяти лет вело истребительную по отношению к революционерам политику. Оно сметало с лица земли все какие бы то ни было попытки не только революционного, но и просветительского свойства, но тем не менее революционное движение не было уничтожено. Власти не извлекли из этого никакой пользы.

«Какую пользу принесла гибель долгушинцев, чайковцев, деятелей 74-го года? На смену им выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессалии вызвали затем на сцену террористов 78–79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковалевских, Дубровиных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушало десятки революционных кружков. Из этих несовершенных организаций путем естественного подбора вырабатываются только более крепкие формы. Появляется, наконец, Исполнительный комитет, с которым правительство до сих пор не в состоянии справиться» [195, с. 452].

Исполнительный комитет соглашался на прекращение насильственных мер борьбы при удовлетворении двух неперемных условий: «1) всеобщая политическая амнистия и 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями» [195, с. 450–452].

Первый пункт не нуждается в разъяснениях, что же касается второго, то в документе ему предпослано несколько пояснений: депутаты в Учредительное собрание посылаются от всех классов и сословий пропорционально числу жителей. Избираемые и избиратели свободны от каких бы то ни было ограничений. Предизбирательная агитация проводится свободно, без давления, предварительно должно быть объявлено о снятии ограничений с печати, устного слова, собраний, свободы совести и т. д.

«Итак, – заканчивается обращение, – ваше величество, решайте. Перед вами два пути» [195, с. 452].

Кровавый вал, накатившийся на Россию, мог быть еще остановлен. Для этого было необходимо Александру III помиловать убийц отца. Л.Н. Толстой трогательно писал новому царю, умоляя не начинать царствование убиением. Об этом же писала императору известная общественная деятельница Цебрикова, просили сами революционеры.

Если Л.Н. Толстой свою просьбу о помиловании изложил в прошении на имя императора, то известный историк, профессор Соловьев это сделал в публичной лекции. Вот

запись его слов: «Настоящая минута представляет небывалый дотоле случай для государственной власти оправдать на деле свои притязания на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вероятно, будут осуждены убийцы царя на смерть. Царь может простить их, и, если он действительно чувствует свою связь с народом, он должен простить» [194, с. 331].

Политическая обстановка в стране оказалась запутанной и напряженной. В правительственных кругах ждали новых событий, которые должны якобы последовать за цареубийством. В столице началась настоящая паника. Многие оставляли город и уезжали в деревню из-за боязни революции. В письме на имя Александра III от 3 марта 1881 г. Победоносцев заявляет: «Думаю о вас в эти минуты, на кровавом пороге, через который богу угодно провести вас в новую судьбу вашу, вся душа моя трепещет за вас – страхом неведомого, грядущего на вас и на Россию» [196, с. 49].

Через три дня в следующем письме он прямо ставит вопрос: «И я решаюсь опять писать, потому что час страшный и время не терпит. Или теперь спасти Россию и себя, или никогда. Действовать надо немедленно и решительно. Злое семя можно вырвать только борьбой с ним не на живот, а на смерть, железом и кровью» [196, с. 49].

Лидер реакции обескуражен масштабом и неожиданностью событий, но даже и при этих условиях он не допускает мысли об уступках, твердо заявляет о «железе и крови». Но правительство и сам император еще не имели ясного плана и такой решимости. Об этом говорят Д. Милютин, П. Валуев, А. Половцев и многие другие представители власти.

Убийство Александра II глубоко всколыхнуло общество и народ. За убитым числились слишком выдающиеся заслуги, чтобы его страшная смерть прошла без отклика со стороны подданных. Откликом же общества было «страстное желание реакции». Положение чиновничества облегчалось тем, что лучшая часть русской интеллигенции, прикосновенная к великим реформам 60-х годов, была настроена негативно к акту террористов, который должен был замедлить осуществление ее идеалов.

3 апреля 1881 года в девять с половиной часов были казнены участники покушения на Александра II. Первым был повешен Кибальчич. Его «удачно» повесили: он скоро умер. Потом Михайлов, который был четыре раза (если можно так выразиться) повешен: первый раз он оборвался и упал на ноги; второй раз веревка отвязалась, и он упал во весь рост; в третий раз растянулась веревка; в четвертый раз его пришлось приподнять, чтобы скорее последовала смерть, так как слабо была завязана веревка. Доктора его в таком положении держали 10 минут. Перовская была «удачно» повешена, и смерть наступила быстро, но Желябову и Рысакову пришлось довольно долго промучиться, так как палач Фролов (единственный во всей России палач) так был потрясен неудачей с Михайловым, что этим обоим дурно надел петлю, слишком высоко, близко к подбородку, что и замедлило наступление агонии. Пришлось их вторично спустить и повернуть узлы прямо к спинной кости и, завязав крепче, снова их предоставить ужасной участи.

Виселица была устроена одна и на ней 6 колец, в 5-ти – веревки. Привезли преступников на «позорных колесницах»: Желябов и Рысаков – в одной, Михайлов, Перовская посредине и Кибальчич – во второй. У всех были на груди доски с надписью: «Цареубийца».

Казнь была на Семеновском плацу. Народу было очень много, много помято людей в толпе; одна женщина за приветствование Перовской была схвачена. Она влетела от толпы в дом по Николаевской; швейцар запер за ней дверь, чтобы спасти ее, но толпа, выломав дверь, избил швейцара, а также эту даму. У нее нашли револьвер [187, с. 66–67].

Народ жаждал крови – крови своих вчерашних кумиров-революционеров. Власть, как и ее ниспровергатели-революционеры, в своем противостоянии шла до конца (не смертного ли?) – «око за око, зуб за зуб».

Самодержавие, наряду с усилением традиционного репрессивного аппарата (полиции, армии и пр.) как средства уничтожения революционного движения, пыталось бороться с радикальными элементами общества... радикальными методами. По инициативе С.Ю. Витте

были организованы «Священные дружины». Таким образом, родилась идея о том, что правительство и его официальные органы охраны не могут обезопасить престол от нападений «крамолы». Нужно что-то большее, чем жандармерия и все виды полиции.

Вот как об обстановке того времени рассказывал С.Ю. Витте, в то время еще совсем молодой человек, служивший начальником железнодорожной станции под Киевом: «1 марта 1881 г., после тяжелого рабочего дня, пошел я в театр. Тщетно ждали начала представления. Наконец на сцене появился управляющий театром и прочитал телеграмму потрясающего содержания: «Император Александр II убит нигилистом, бросившим в него бомбу, оторвавшую ему обе ноги».

Невозможно передать то волнение и боль, которые вызвало у присутствующих это страшное известие... Я вернулся домой, дрожа, словно в лихорадке, и сел писать длинное письмо моему дяде, генералу Фадееву – интимному другу графа Воронцова-Дашкова.

Я описал ему мое душевное состояние и выразил то мнение, что все мои единомышленники должны были бы тесно окружить трон, составить дружный союз, чтобы бороться с нигилистами их же оружием: револьверами, бомбами и ядом; что надо подобно им создать свою организацию, в которой, как у них, каждый член был бы обязан привлечь трех новых и каждый из новых, в свою очередь, тоже трех и т. д. Тридцать членов составляют отделение, с вожаком. На следующий день это письмо было мною отправлено. Прошли месяцы. Вдруг я получаю от моего дяди Фадеева телеграмму: «Приезжай немедленно. Приказ о твоём отпуске прислан твоему начальству». Я не верил своим глазам [198, с. 87].

Оказалось, письмо Витте Фадеев передал Воронцову-Дашкову, а он познакомил с ним Александра III, «которому тоже понравилась счастливая мысль образовать тайное общество охраны престола. Он отправил мое письмо своему брату, великому князю Владимиру, начальнику петербургского военного округа, с предписанием испытать и разработать мой проект».

Так Витте был введен в придворный круг, так началось осуществление мысли о создании тайной организации для охраны трона. «Меня, – продолжает Витте, – приняли очень сердечно, чествовали меня за мою гениальную идею и сообщили мне, что мой проект разработан и составлен уже отдел, что члены будут вербоваться как в России, так и за границей и таким путем образуется мощная организация. Мне показали тайный знак этого союза и привели меня к присяге» [199, с. 202–203].

Помимо прямого своего назначения, «Дружина» намеревалась выработать «положительную» программу консервативного движения, свободного от инонациональных примесей. В этом указании есть намек на то, что впоследствии обнаружилось в виде движения черносотенцев.

Главная функция «Дружины» состояла в разведывательной работе, во всестороннем изучении всего того, что делается в подпольной народофильской среде. Предполагалось, что эта работа должна идти по двум линиям. Одна из них заключалась в организации покушений на «главарей» движения. Витте, например, получил 20 тыс. руб. для совершения такого рода акта против Гартмана в Париже. Намечались покушения на Лаврова, Кропоткина, Кравчинского и др.

Однако все это можно твердо назвать беспочвенными прожектами. Без самоотверженной настойчивости и риска нельзя рассчитывать на успех таких замыслов, а дружинники не имели подобных качеств. Они располагали крупными суммами денег, но в таком деле деньги далеко не всесильны. Кстати, революционеры знали об этих затеях и, понятно, принимали свои меры, способные обезопасить их жизни, но больше они иронизировали над новорожденными сыщиками, чем ограждались от них.

Дружинники, несмотря на весь пафос заявлений и клятв, не сумели организовать ни одного террористического акта и не проявили себя в этом отношении ничем. Зато агентам жандармерии и полиции они мешали и, естественно, составили им конкуренцию. На этой

основе возникали крупные разногласия между министерством внутренних дел и сановными деятелями «Дружины».

Для того, чтобы ослабить и парализовать террористическое движение, «Дружина» затеяла переговоры с Исполнительным комитетом через нейтральных лиц. Они велись довольно долго и настойчиво. Предполагалось, что «Дружина» через министра двора добьется от императора некоторых уступок, а народовольцы должны будут прекратить террор [189, с. 300–307].

Исполнительный комитет «Народной воли» понес невосполнимые потери, однако на смену им пришли еще более радикальные революционеры. Александр III оказался в положении «венсенского узника» своей же империи.

Известный российский литератор В. Пикуль много страниц своих документальных произведений посвятил болевым переломным этапам развития России. Он отмечает: «Петербуржцы называли Александра III «Гатчинским затворником», а европейская пресса – «пленником революции». Всю жизнь государя глодала забота обставить свой быт как можно скромнее. Обожал крохотные комнатенки и низкие потолки. Став императором, он из Аничкова дворца перебрался в Гатчинский замок, где безжалостно распихал семью по клетушкам лакейских антресолей.

Грубый и нетерпимый, этот самодержец иногда умел и ошарашить Европу! В острый момент политического кризиса, когда многие страны искали поддержки у России, он провозглашал тост: «Пью за здоровье моего единственного друга, князя Черногорского, а иных друзей у России нет». Закидывая удочку в мутные гатчинские пруды, говорил: «А пока русский император изволит ловить рыбку, Европа может и потерпеть. Ничего с ней не случится!» [200].

Военный авторитет России был очень высок, Европа смиренно выжидала, что скажут на берегах Невы...

Личность самодержца «неотделима» от истории империи.

Ему повезло – он любил жену (редчайший случай в династии Романовых!). Говорили, что царь вообще однолюб. В дневнике он заполнил страницу непорочным описанием своей первой брачной ночи. И – никаких оргий! Страшный пьяница, он не устраивал многолюдных попок, а напивался втихомолку. Начальник его охраны, генерал Петр Черевин, по совместительству исполнял должность и царского собутыльника [200].

Супруга самодержца – фактор мировой истории – императрица Мария Федоровна, женщина с большой волей и выдержкой, сумела подобрать отмычку к сердцу грубияна-мужа. Вполне счастливая в браке, она произвела на свет троих сыновей – Николая, Георгия и Михаила (Ники, Жоржа и Мишку). Старшего царь порол как сидорову козу, среднего поднимал за уши, показывая ему «Кронштадт на седьмом небе», а младшего... младшего он и пальцем не тронул, хотя частенько грозился: «Мишка, ты не шали, иначе я дам тебе деру!» [200].

Мария Федоровна приехала в Россию, имея в своем багаже запасы лютейшей ненависти к бисмарковской Германии, и этих запасов хватило на всю ее долгую жизнь. Она страдала за свою маленькую отчизну, на которую в 1864 году напали немцы, отнявшие Шлезвиг-Голштинию, и датская принцесса, став русской императрицей, уже никогда этого не прощала. Под сильным влиянием жены Александр III мстительно затирал людей с немецкими фамилиями, двигая по табели о рангах Ивановых, Петровых и Николаевых.

Настала пора бурной русификации. Исчезли усы и бакенбарды. Подражая неприхотливому властелину, генералы и министры России буйно зарастали бородами. На русский же лад заново переобмундировали и армию. Солдат при Александре III получил удобную и легкую гимнастерку. Офицерский корпус принарядили в шаровары и сапоги бутылками, появились высокие мерлушковые папахи генералов и шинели упрощенного образца с двумя рядами пуговиц. Перед нами исторический парадокс: сын и внук германофилов стал отчаянным русофилом!» [200].

«Ищите женщину!» – гласит французская поговорка. Жена не уставала нашептывать ему слова ненависти к жаждущей добычи Германии. Тактично оставаясь в тени престола, она настойчиво подталкивала мужа в объятия поверженной Франции, которая была готова на все – лишь бы иметь Россию в друзьях. И вот русские броненосцы ошвартовались в Тулоне; матросы вернулись в Кронштадт, имея на запястьях массивные браслеты из чистого золота, – так пылкие француженки передали оригинальный привет русскому флоту. Усиленно ковалась новая ось Париж – Петербург. При этом девиз Александра III во внутренней политике – «Никаких послаблений!» [200].

Александр II, один на один ходивший с рогатиной на медведя, передал геркулесову силищу и сыну: Александр III шутя разрывал колоду игральных карт, в его кулаке бронзовые пепельницы сминались в комок.

Дамоклов меч покушения ежесекундной гибели, висевший над венценосным гигантом, определял его жизнь, быт его семьи. После убийства Александра II охрана царственных особ в России принимает планомерный и весьма решительный характер. В 1884 году реорганизовывается Главная императорская квартира – личная охрана государя императора. К ней принадлежали командующий ею (с 1881 года это был генерал-майор Петр Черевин), его помощник, их огромная свита, комендант, штаб-офицер для особых поручений, лейб-врачи, придворные духовники и огромная канцелярия. На финансирование этой квартиры ежегодно тратились миллионы государственных денег. Главными ее функциями являлись охрана императорской семьи, сопровождение ее во время переездов и путешествий и принятие всех прошений и ходатайств, поступавших на имя царя [201, с. 3–7].

Таким образом, в отличие от Александра II, Александр III был окружен настоящей стеной охраны. Боясь Петербурга, он постоянно жил в Гатчине, рядом с ним не было ни одной живой души, не считая приближенных к императору лиц. Гатчина была настоящей крепостью, на несколько верст вокруг день и ночь дежурили солдаты, сквозь цепь которых без разрешения дворцового управления не мог пройти ни в ту, ни в обратную сторону ни один человек.

Даже кабинет императора сторожили дюжие солдаты. Проверялась и пища, которую употреблял государь. За продуктами посылали каждый раз в другое место и к другому лицу, причем поставщики продуктов никогда не знали, что у них забирают продукты для государева стола. Кроме этого, по личному распоряжению Александра III очередной повар и его помощники назначались ежедневно в самый последний момент, внезапно и неожиданно для них. В дополнение ко всему кто-то из родственников царя постоянно дежурил на кухне [200].

Точно такими же мерами предосторожности обставлялась и каждая поездка государя из Гатчины. В день выезда изменялись маршруты пути, с вокзала отправлялось сразу несколько поездов, и никто не знал, в каком из них находится государь.

Но даже, несмотря на столь внушительные мероприятия по охране царя, покушение на него все же состоялось. Случилось это возле станции Борки, когда царский поезд шел с юга на север и в результате взрыва бомбы сошел с рельсов [201, с. 3–7].

Александр III в этот трагический момент воспользовался своей поистине геракловой силой для спасения жены, детей: он некоторое время продержал руками крышу рухнувшего под откос вагона царского состава – этого было достаточно, чтобы из-под обломков вагона выбрались императрица, дети. От чрезмерного напряжения у Александра III ртом и носом пошла кровь. После этого трагического происшествия у императора стал стремительно развиваться нефрит.

Александр III скончался на пятидесятом году жизни. Телеграфы уже отстукивали по редакциям мира сногшибательное сообщение: «Это был первый русский император, который умер естественной смертью – от алкоголизма». Мария Федоровна с трудом высвободила свою ладонь из влажной руки мертвеца. Она опустила на пороге спальни.

– Какая пустота вокруг, – простонала царица [200].

После смерти Александра III осталась могучая империя, великая территория, с народами и кричащими проблемами, решение которых было жизненно необходимо для её сохранения. Это понимали многие представители правящей элиты России. Министр Александра III граф Д.А. Толстой с цинизмом, столь характерным для абсолютизма, замечал: «Знаю. Будет революция. Да лишь бы не при нас. Да лишь бы на наш век хватило!» Действительно, хватило привычной жизни – без проблем и нововведений, новомодной западной демократии, республики и прочей «плебейской придумки».

Кровавый вал, всё более нарастая, покотился по России, втягивая в свой водоворот всё новые и новые миллионы подданных империй.

«Комплекс Ирода» – стремление к всепоглощающей, всеокрушающей, абсолютной, ни перед чем не останавливающейся властью над миллионами людей с целью их... «осчастливливания» – был «путеводной звездой» как правительственно-самодержавного лагеря, так и революционно-оппозиционного. Никто не хотел уступать, отступать от этого всепоглощающего «Иродового комплекса», идти на взаимоприемлемый компромисс, диктуемый христианской ментальностью. Над Россией восходила заря кровавого Апокалипсиса, в просветах кровавых туч грядущих потрясений с горестным укором проступали лики Христа и Богородицы – покровительницы славянского мира.

В страшном, 1918 году, королева Александра пошлёт английский крейсер к берегам Крыма. И все, кто останется в живых из большой семьи Александра III – дочери Ксения и Ольга, старая императрица Мария Федоровна, – взойдут на борт английского корабля, чтобы никогда не увидеть более родной земли [200].

Да неуж-то ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложишь желать?

Ф.М. Достоевский. «Бесы»

Если желаете построить социализм, то выберите страну, которую не жалко.

О. Бисмарк

Русский социализм – незаконное детище Карла Маркса с Екатериной Великой.

Английский политик Клемент Эттли

Свобода – это гарантированное неравенство.

Н. Бердяев

Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят.

Евангелие от Матф., 24:5

ОТ ЛЕНИНА – К ГОРБАЧЕВУ, ИЛИ КАК БОЛЬШЕВИКИ НЕНАРОКОМ «МОДЕРНИЗИРОВАЛИ» И СПАСЛИ КАПИТАЛИЗМ

(«Лекарство» более опасное, чем «болезнь»)

Прошлое давит только до тех пор, пока оно укрыто тьмою незнания. Осмыслив и расставив все на свои места, осознав свое прошлое, мы превращаем его из непосильной ноши в живой опыт, в опору и надежду завтрашнего дня.

История славянства за уходящее тысячелетие – великая в своей трагичности и трагичная в своей величии – со всей остротой ставит вопрос: «Что век грядущий нам готовит?» Потрясения, испытания, которые с постоянством константы сопровождали славянские

народы в преходящем тысячелетии? В чем причины этого лабиринта лишений, крови, противостояния самим себе, иному окружающему миру?

Макроисторический анализ истории славянства свидетельствует, что «глубинные» причины бед и потрясений в значительной мере детерминированы бинарной (взрывчатой) системой развития государственности славянских этносов. При этом «бинарно-взрывчатая» система с элементами «догоняющего» развития государственности утвердилась в истории Руси после «киевского периода» и доминировала в «московский», «петербургский» и «советский» периоды развития славянской государственности. Причины бинарности заключаются в комбинаторике объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов развития, предопределивших ментальность славянства, систему развития государственности.

В чем же суть бинарной схемы общественного развития? основополагающие изменения социального, экономического и политического плана приобретали (и приобретают) характер взрыва, ниспровержения всего существовавшего до этого, обвала, инициируемого, как правило, пришедшей к власти новой правящей элитой. При этом весь предшествовавший этап общественного развития с непреложной закономерностью трактуется как некое «царство абсолютного зла и несправедливости», которое необходимо бескомпромиссно разрушить «до основанья, а затем...»

Каждый новый правитель с мессианских позиций предвещал, декларировал как несомненный итог своего правления «мгновенный» переход от «царства зла» к тысячелетнему царству Божьему, достигаемому как следствие перестраивающего все сферы бытия (а возможно, и весь мир!) «спасительного» взрыва [203].

Всматриваясь внимательно в свое прошлое и настоящее, постараемся выявить закономерности развития общества, нормы их проявления.

В российской и советской истории мы встречаемся с существенными переменами, крутыми поворотами, выявляющимися через 20–30 лет: 1801, 1825, 1856–1866, 1881, 1905–1907. В советское время – 1917, 1937, 1956, 1985. Тут не простой случай – смена правителей. Дистанция в одно поколение – от рождения родителей до рождения детей. Новые поколения, не сразу «отменяя» старые, – выходят на сцену, дают, все сильнее выдвигают свои принципы и идеи [46].

Конечно, при эволюционном (тернарном) развитии подобные ритмы не столь заметны (хотя, наверное, тоже существуют), но в России движение вперед всегда более взрывное, а вехи, вспышки – заметнее.

Почему развитие славянства является столь «пульсирующе-взрывчатым», лишено той плавной эволюционности (тернарности), какова присуща развитию западноевропейских стран и народов? Формирование двух принципиально отличных схем развития – «бинарно-взрывчатой» и «тернарно-эволюционной» происходило на протяжении столетий под воздействием ряда как внешних, так и внутренних факторов, их причудливой комбинации, неповторимого сочетания.

В чем же коренное отличие бинарной схемы развития от тернарной? Бинарная схема развития непреложно порождает особый тип власти, который принципиально отличается от западноевропейского, та власть проистекает из конфликта, она моносубъектна, признает только себя за вершину, а все другие субъекты подавляет и уничтожает.

Данный тип власти на протяжении многих столетий развития славянства характеризуется монологичностью, тем, что она никого не видит в качестве собеседника, а воспринимает только силу, давление, выливающееся порой в прямое насилие, коим и она, как единственным аргументом, воздействует на оппонентов [202].

Рассмотрим проявление данных исторических закономерностей бинарно-импульсивного развития на конкретно-исторических примерах. Каждое новое правительство после Петра I и до наших дней не продолжало начинания предшествующих, а отвергало их. Елизавета обосновала свое право на престол ссылкой на Петра I, пропуская имена последующих

правителей. Екатерина II начала с того, что торжественно вычеркнула царствование своего мужа из русской истории. То же самое по отношению к ней сделал Павел. Александр I торжественно обещал «править по сердцу и законам бабки нашей Екатерины II» – царствование Павла I было объявлено как бы несуществующим. Но и Николай I, считавший, что декабристским восстанием и трагическим началом своего царствования он обязан старшему брату, принципиально разрывал преемственность между этими престолами, то же повторялось и в царствование Александра II, Александра III, Николая II.

Когда Горький патетически восклицал: «Безумству храбрых поем мы песню! Безумство храбрых – вот мудрость жизни!», – патетика эта была уже не внове российскому обществу. Общество было давно готово к принятию революционного насилия в качестве «передового», «прогрессивного» явления.

Романтические черты декабристского бунта раз и навсегда запечатлели в сознании русского общества чарующую молодые души картину восстания против властей предрержащих. Молодые офицеры, действительно героически пошедшие на столкновение с махиной самодержавия, передали будущим поколениям обаяние своей героической непрактичной романтической юности. В общественном сознании сложился определенный образ передового человека. Им был бунтарь. Архетип «декабризма» вошел в русскую культуру как луч света в пошлой и отвратительной действительности. Будущие поколения «русских мальчиков» со слезами на глазах, взявшись за руки (Герцен и Огарев), клялись нести дальше факел свободы, зажженный декабристами: «...и братья меч вам отдадут».

Юноши – если они не могли идти в декабристы – шли в печорины. Страсти бесплодия казались им милее кропотливого унижительного труда [202].

Чем дальше уходило русское общество от 1825 года, тем ярче казалось ему пламя восстания, тем притягательнее звучало: революция!

Тем с большим презрением оно относилось к эволюции и ее носителям. Юноши шли уже не в декабристы, они шли в бомбисты. Первоначальный тип благородного бунтаря (декабристы могли арестовать императора Николая, но не сделали этого!) выродился в тип террориста. «Охота на человека» стала главным занятием нового поколения революционеров. Они не были удовлетворены тем, как изменялось общество. Они хотели осуществления своих целей немедленно, сейчас или никогда.

Сменившее их новое поколение частично осудило террор, но приняло революцию. Соглашательство с властями было им противно, реформаторство стало ругательным словом. Впрочем, террор вовсе не ушел со сцены. Социал-революционеры, бывшие одним из авангардных отрядов революционного движения, самозабвенно отдавались терактам. Большевики сочли возможным идти на ограбление банков, называя ограбление (со стрельбой в конвойных, между прочим) «эксами». Слово «экс» смывало, казалось, грех терроризма. «Эксы» кормили партию.

О том, что стало с террором после 1917 года, сегодня можно уже не рассказывать. Посмотрим, соответственно, на нравственную дилемму: революция или эволюция. В самом деле, для человека, осознающего невыносимость существующих порядков, уничтожение их вместе с их хранителями – первое естественное решение. Если мир безобразен и жесток, если власть использует средства несправедливые, подчас кровавые – отчего не противопоставить ей себя, не ответить ударом на удар, жестокостью на жестокость, почему не опрокинуть власть? Слезы и кровь угнетенных вызывают к отмщению. Надо выпрямиться в полный рост и ударить. Никакие средства не могут быть здесь плохи и негодны. К тому же человек, встающий во весь рост, знает, что общество привыкло видеть героев именно в бунтаре. Пускай бунтарь отчасти демон – он порожден злым миром и несет в него меч [202].

А к тому же – что есть герой? Герой изначально есть посредник между богами и людьми. Именно такая концепция героизма и возобладавала в России. Бунтарь отчасти обрел божественную природу. Пускай он был сто раз атеист – но он был послан свыше, а следовательно, был выше заповедей, данных простым людям («не убий», «не укради»). Он

был неподсуден. Он был божественный мститель, архангел, держащий огненный меч. Катарсис мыслился передовому обществу как апокалипсис, и бунтарь ехал на коне бледном, и имя ему было – смерть. Бунтарь был сверхчеловек, он сам воспринимал себя таковым, и таковым его видели многие.

Совсем другое – его антипод. Бунтарь полагал, что его антипод – это Акакий Акакиевич, жалкий конформист, винтик государственной машины, ничтожество, некто в сером. Цели реформаторов и революционеров были близки – свобода и процветание. Но пропасть лежала между их идеалами. Насилие и кровь были абсолютно неприемлемы для первых. Насилие было повивальной бабкой Истории для вторых [202].

Итак, кто был реформатор?

Это был человек, который посвятил свою жизнь тому, чтобы усовершенствовать общество, в котором он жил, усовершенствовать смиренно – не преступая через человеческие заповеди. Он был только человеком, ему было чуждо все демоническое. Бунтарю легче было сохранить целостность своей личности: быть всегда бескомпромиссным, не поддаваться соблазнам власти, с тем чтобы уберечь свою политическую и нравственную «девственность». Хотя и бунтарь мог выродиться (и вырождался подчас) в крикуна, фразера, политического Герострата, диктатора, деспота еще более жестокого, чем сокрушенный им же.

– «Дракон умер! Да здравствует дракон!» – вот формула этой драмы, которую подтвердила история. Деятели февральской буржуазной революции 1917 года постарались не оставить камня на камне от наследия Российской империи. В октябре 1917 года большевики воздали им той же монетой, «до основанья» разрушив все, что было создано революционным энтузиазмом февральских разрушителей. Столь же «последовательным» в деле ниспровержения всех достижений своих предшественников были и большевистские цари-генсеки. Сталин ниспроверг ленинский НЭП – достигнутый большой кровью наиболее оптимальный выход из октябрьского апокалипсиса, и воскресил в новой ипостаси – колхозно-казарменный военный коммунизм.

Хрущев ниспроверг сталинскую модель развития отечества, что, в свою очередь, аукнулось брежневской реставрацией сталинизма. Горбачев и Ельцин довели ниспровергательство достижений предшествующих поколений до поистине апокалипсических масштабов, приведя к логическому завершению тенденцию, действовавшую в России многие столетия.

При этом Горбачев был фигурой исторической в привычном для России смысле, вольно или невольно, это был очередной «кремлевский мечтатель», прожектер на троне, какие уже бывали, и не раз. Если считать моделью российской истории «Мертвые души», то Горбачев – какая-то смесь Манилова и Чичикова. Но после его «отъезда» из перебаламученного города Н. началось нечто, аналогов в русской истории, пожалуй, не имеющее [203].

Таким образом, анализ данных конкретно-исторических фактов позволяет выявить ряд существенных признаков бинарной схемы развития, присущей славянству на протяжении столетий. Каковы же эти закономерности, в чем их отличительные особенности? Бинарная система не признает даже относительного равенства сталкивающихся сторон, которое позволяло бы предположить за противоположной стороной право, если не на истину, то хотя бы на существование, где бы ни возникал конфликт: в политике, религии, науке или искусстве.

Сама идея терпимости чужда психологии бинаризма. Для нее находят другие определения: враждебность, беспринципность, оппортунизм, неверие. Поэтому психология бинарности признает только бескомпромиссную победу. Характерной чертой «бинаризма» является максимализм. Конфликт, где бы он ни развертывался, приобретает характер столкновения Добра и Зла...

Идея утверждения рая на земле – одна из наиболее характерных для бинарных структур. Отсюда типичное обожествление земной власти как силы, которая осуществит это чудесное

преображение, в данном случае не столь важно, предоставляется ли эта власть в облике религиозного проповедника, монарха или террориста. Если, исходя из бинарной схемы развития, для Руси был характерен принцип «вручения себя» правителю, то в западной культуре доминировал договор – начало юридическое, базирующееся на основах римской юриспруденции.

В отличие от России, славянского мира, развитие западноевропейских стран происходит в едином направлении, с единым вектором развития на протяжении столетий вне зависимости от политических форм правления в те или иные исторические периоды развития с доминированием преемственности. Наиболее характерный пример – история Германии за последнее столетие (более длительный период требует специального исследования). Политическая линия Вильгельма II – Гитлера – Аденауэра – Эрхарда – Колля, охватывающая практически весь XX век и ознаменованная двумя мировыми войнами, при всем различии политических форм правления характеризуется последовательностью, преемственностью в достижении стратегических задач.

Преемственность и последовательность в восточной политике Германии позволила ей «переиграть» итоги первой и второй мировых войн (по крайней мере в европейском регионе), т.е. поражения на полях сражения под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге обратить... в победы: разрушен варшавский блок, Россия низведена до уровня побежденной второстепенной державы. Германия стала доминирующей державой европейского континента: ее экономическая мощь является определяющей в Европе, она закрепилась на Балканах, сыграв решающую роль в разрушении Югославии (используя для этого мощь НАТО и США), укреплении позиций своего сателлита – Хорватии.

Оказав решительную поддержку политике так называемой перестройки, «нового исторического мышления» Горбачева и явившейся наиболее последовательным (как это ни странно звучит!) ее продолжением политике Ельцина, Германия бескровно (по крайней мере для себя!) коренным образом изменила геополитическую ситуацию в мире, перекроив карту Европы и произведя столь глобальные изменения, которые не происходили со времени распада Римской империи. Тем самым, благодаря своей политике преемственности и эволюционной последовательности, Германия, завершив глобальную политическую линию XX столетия, стала доминирующей державой Европы, приступила к новому территориальному разделу мира.

Известные неудобства несет в себе и тернарная (эволюционная, либерально-демократическая) модель развития, неудобства, особенно значимые для правящей элиты. Да, государству труднее управлять строптивыми подданными, ему неудобны формальные и неформальные структуры гражданского общества. Но без этого еще хуже: один народ, одна цель, одна идеология, одна партия, один вождь – в практическом приложении это превращение страны в тюрьму, в гигантский концлагерь.

Групповые эгоистические интересы в западных демократиях зачастую работают во вред обществу в целом. Но пока они есть, пока не подавлены бюрократическим государством, события обратимы, все можно исправить; разочаровавшись в неумелых и безответственных политиках, большинство призывает к власти другую партию.

При этом, если в бинарном обществе власть правителя – царя, диктатора воистину бесконтрольна и безгранична, и разве что ограничена «удавкой», то в либерально-демократическом обществе царствует Его Величество Закон, власть которого распространяется на всех без исключения. Великий американский мыслитель Эмерсон, один из тех, кто боролся за демократию в Штатах, выразил это просто и убедительно: «Моя свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается нос моего ближнего».

Совсем другой основополагающий принцип лежит в основе функционирования бинарных общественных систем: «законом» является только воля и устремления того или иного бесконтрольного правителя, приносящего невиданные человеческие гекатомбы – колоссальные жертвы за свои «всемирно-исторические» поиски и эксперименты.

При этом каждая бинарная эпоха, переживающая взрыв, оценивает себя в терминах Апокалипсиса – как нечто никогда не бывшее и ни с чем не сопоставимое. В этих категориях переживало себя время Петра I, большевизм, перестройка. Бинарная структура органически связана с представлением о социальном взрыве: взрыв этот должен носить глобальный, всеохватывающий характер. Все прошлое при этом подлежит уничтожению, а то, что создается на его месте, представляет собой, по мнению нескончаемых ниспровергателей, не продолжение, а отрицание всего предшествующего. Неожиданность, непредсказуемость, катастрофический характер процесса не страшат его участников: они опасаются прямо противоположного – того, что разрушения не будут иметь глобального характера [203].

Это с неизбежностью приводит к тому, что борющиеся тенденции вынуждены сталкиваться лицом к лицу, не имея никакой третьей альтернативы. В этих условиях перемена неизбежно принимает характер катастрофы. Реализуется она в стремлении к полному апокалипсическому уничтожению существующего и созданию на его месте столь же апокалипсического идеального строя [203, с. 89–273].

Основной мотивационной идеей бинарно-взрывчатой модели развития государственности является идея догоняюще-опережающего развития – т.е. ценой неимоверного напряжения не только догнать наиболее развитые страны мира, но и обогнать их и тем самым построить рай.

А. Тойнби, анализируя подобные тенденции бинарного развития, отмечал: «Коммунистическое автократическое правительство смогло смести царизм вследствие поражения России в 1914–1918 годах от западной технологии, и в период с 1928 по 1941 год коммунистический режим попытался сделать для России то, что удалось Петру 230 лет назад. Во второй раз в современной фазе своей истории России пришлось по воле самовластного правителя устремиться ускоренным маршем вдогонку за западной технологией, которая в очередной раз ушла вперед: сталинский тиранический путь технической вестернизации осуществлялся, как это было и в петровские времена, через тяжкие испытания и принуждение. Коммунистическая техническая революция в России предопределила победу над германскими захватчиками во II мировой войне так же, как петровская техническая революция обеспечила победу над шведскими агрессорами в 1709 г. и над французскими – в 1812 г.» [52].

По своей глубинной сути любая революция – от Великой французской до Великой Октябрьской – аномальные попытки «догоняющего» развития той или иной страны за мировыми лидерами. Для осмысления феномена Октябрьской революции необходимо проанализировать различные варианты развития капитализма: классическую, первичную, вторичную и третичную модели. Классическая модель используется как базовая, ибо представляет собой теоретическое обобщение совокупного исторического опыта.

Первичная, вторичная и третичная выступают как абстракции, которые проявляется в конкретно-страновой множественности. Первая из трех отражает опыт таких стран, как Англия, Франция, где эволюция носила естественно-исторический характер, взаимодействие внешнего фактора не имело решающего или принципиального значения.

Страны вторичной модели (Германия, Италия, Россия) объединяло отставание от стран первичной модели по крайней мере на одну фазу, что диктует необходимость сжатия исторических сроков последующего развития за счет «перепрыгивания» через стадию или ее значительную часть [203, с. 89–273].

По своей глубинной сути большевистский эксперимент в Российской империи и еще более страшный и экстравагантный фашистский в Германии – это отчаянные попытки, «пришпорив клячу-историю», догнать и перегнать наиболее высокоразвитые страны мира.

Бинарно-взрывчатая схема развития с неизбежностью порождает определенный тип, эталон государственного деятеля. Необходимо отметить прямую связь таких деятелей, как Петр I – Екатерина II – Столыпин – Ленин – Сталин. Эти деятели действовали в режиме

догоняющего развития, когда судьба отдельного человека, индивида не представляла собой ни малейшей ценности. Эту тенденцию большевики довели до абсурда.

Д.А. Волкогонов особо подчеркивает: «Сталин... всю жизнь, когда после смерти Ленина он стал реально влиять на историю, «пришпоривал» ее. Он торопил время. Его маниакальной идеей было обогнать всех, пробежать 100 лет за 10 лет. В феврале 1931 года он заявил: «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Сталин жил идеей исторического опережения естественного хода событий».

Позаимствовав у Запада, помимо промышленных достижений, еще и марксистскую западную идеологию и обратив ее против него же, большевики в 1917 году дали российской истории совершенно новое направление, ибо Россия впервые восприняла западное мировоззрение. Внедряя коммунистическую идеологию в 1917 году, Россия рассталась со своей вековой традицией, ментальностью, переняв западное мировоззрение.

Это мировоззрение, принятое Россией в 1917 году, особенно подходило ей в качестве действенного оружия для развязывания антизападной идеологической войны. На Западе, где данное учение возникло, оно считалось ересью. Это, по сути, была попытка критики Запада в его неспособности следовать собственным христианским принципам в сфере экономической и социальной жизни якобы христианского общества [52].

Бисмарку – «Железному канцлеру» Германии прошлого века – приписывают следующее довольно зловещее изречение: «Если хотите построить социализм, то выберите страну, которую не жалко». История (да и наша бинарность) выбрала Россию. Да, в XX веке история избрала нас в качестве невиданной человеческой гекатомбы – колоссальной жертвы за всемирно-исторический поиск пути развития и социальные ожидания человечества. Мы, по Маяковскому, «повернули истории бег» (в какой раз за уходящий век?), что было вполне в нашей тысячелетней традиции.

При этом большевики, по свойственной славянам ментальности, с одной стороны, опозитизировали, домыслили марксизм, с другой – вписывали этот опозитизированный ими строй в жизнь беспримерным насилием, кровью. Ведь глубинный мотив ленинского радикализма и его последователей как раз заключался в попытке исторического опережения других цивилизаций.

Сколько раз до Ленина Россию, окровавленную, исполосованную кнутом, распятую на дыбе, «за волосья» пытались «втащить» в Европу? Петр I, Екатерина II, Столыпин – разве не они пытались любой «человеческой ценой» догнать и перегнать Запад? Петр I, ненавидимый современниками, положил на алтарь «догнать и перегнать» Запад до 1/4 населения России, Иван Грозный «положил» 1/2 населения для расширения границ царства, установления тоталитарно-деспотического режима правления. Цель этого – догнать Европу.

Как при Петре I, Русь вошла в Европу при стуке топора и громе пушек, так и при Сталине Россия, объединившая в своем составе сто народов, вышла на авансцену планеты индустриальным звоном, а потом еще раз громом пушек и «катюш» и экспортом революций через Победу. При этом необходимо подчеркнуть, что в новом раунде соревнования между Россией и Западом, открывшемся в 1917 г., русские бросили на чашу весов мировоззрение, пришедшее из Европы. Коммунизм – есть оружие, и, как бомбы, самолеты и пулеметы, это тоже оружие западного происхождения.

Не изобрети его в XIX веке Карл Маркс и Фридрих Энгельс, два человека с Запада, воспитанные в рейнской провинции и проведшие большую часть жизни в Лондоне и Манчестере, коммунизм никогда не стал бы официальной российской идеологией. В российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там смогли изобрести коммунизм самостоятельно: совершенно очевидно, что русским и в голову бы не пришло ничего подобного, не появившись он на Западе, «готовый к употреблению», чем и воспользовался революционный российский режим в 1917 году [52].

Поскольку коммунизм возник как продукт неспокойной совести Запада, он, вернувшись обратно в западный мир, стал оружием его разрушения. Обретя это западное оружие, Россия

имела возможность перенести борьбу против Запада в духовной сфере на территорию противника [52, с. 160–161]. Кроме того, коммунизм послужил России орудием привлечения в свой стан китайской части света и ряда других групп того огромного большинства человечества, которое не принадлежит ни к России, ни к Западу.

Коммунизм соизмерим отнюдь не с капитализмом, а со всей предысторией. Маркс делил историю на три эпохи: предыстория (или царство естественной необходимости), эпоха коммунизма (или царство осознанной необходимости), эпоха гуманизма (или царство свободы). При коммунизме свободы еще нет, но есть уже осознанная необходимость – уничтожить частную собственность.

Большевики понимали это «уничтожение» как только лишь вооруженное изгнание помещиков и капиталистов, то, что Маркс называл всего лишь упразднением. По той же логике под уничтожением безграмотности можно понимать собственное самоубийство. По Марксу коммунизм – грандиозная переходная эпоха, в которой будет много формаций.

Первые коммунисты своей веры не стеснялись. Сколько бы не рассказывали, что Ленин в ссылке просто отдыхал на казенный счет, это, конечно, домысел. Ленин фанатично верил в свою идеологию (или науку, или религию). За свою веру такие, как Дзержинский, шли на каторгу и на эшафот. Первые коммунисты были похожи на первых христиан. Их сила была в их вере. Поэтому они и добились успеха. Говоря словами Евангелия, первые коммунисты проповедовали как власть имеющие, а не как книжники и фарисеи.

Сталин, как «Ленин сегодня», подобно отцу-основателю большевизма мыслил категориями классов и масс, не снисходя до отдельного простого человека. Люди – строительный материал для созданного в сознании вождей эфемерного храма коммунизма. Сталин считал миллионами. Отдельный человек был для него, для большевиков, лишь бездушной статистической единицей. Вознесенный с самого дна, из состояния полубомжа, отверженного, гонимого, презираемого, до состояния земного божества, Сталин исступленно верил в свое мессианское предназначение! Верил, как верили первые христиане, готовые идти за веру в клетки львов и тигров. Первым, наиболее исступленным сталинистом, безапелляционно верящим в марксизм-ленинизм и в себя, был, без сомнения, сам Сталин.

Таким образом, коммунизм, угрожая основам западной цивилизации на ее собственной почве, показал себя куда более эффективным антизападным оружием в руках русских, чем любые материальные вооружения, ибо коммунизм претендует на то, что сможет обеспечить человечеству единение как единственную альтернативу саморазрушению в атомный век [52, с. 161].

Главный западный ересиарх Карл Маркс, обнаружив в духовной сфере (ортодоксии Запада) побуждение к безотлагательным реформам, упустил из виду все остальные соображения и в результате изобрел «лекарство» более вредоносное, нежели сама болезнь. При этом теория Маркса, по мнению немарксиста, слишком узка и слишком извращена, чтобы удовлетворить чаяниям людским на все времена.

За это невероятное ускорение, за фантазмагорические темпы «догоним и перегоним» пришлось уплатить невероятную цену: если за все время существования инквизиции ее жертвами стали около 350 тысяч человек, в годы якобинского террора во Франции на гильотину были отправлены 17 тысяч человек, а за весь прошлый век в России по политическим мотивам были казнены несколько десятков человек и не менее тысячи умерли в тюрьмах и на каторге (правда, после подавления бунтов 1905 года, по приговорам военно-полевых судов были расстреляны десятки тысяч людей), однако все эти цифры, конечно, не идут ни в какое сравнение с ДЕСЯТКАМИ МИЛЛИОНОВ убитых в ходе бинарно-взрывных потрясений.

В бинарном обществе решение всех наиболее сложных проблем является исключительно простым и одномерным. Какая «великолепная» по своей простоте идея: уничтожить высший класс – «класс эксплуататоров» – и сразу наступит счастливая жизнь. Ведь сколько

поколений с самого сотворения мира терзалось-мучилось – где она, дорога к счастью, а эта дорога, оказывается, прямо вот тут, под ногами!

С 1917 по 1922 благодаря развязанному террору и гражданской войне население «осчастливленной» страны сократилось на 13 миллионов человек. В этой «топке» среди прочих сгорели сотни тысяч тогдашних россиян – дворяне, офицеры, купцы, чиновники, духовенство, интеллигенция, оптом причисленные к буржуазии. Два миллиона, не дожидаясь большевистской пули, покинули Россию. «Великий вожь всех народов» в свое время поведал в беседе с Черчилем, что пришлось-де расправиться с 10 миллионами «кулаков», из которых «громадное большинство» было «уничтожено», остальные же высланы в Сибирь. Как считает Роберт Конквест, автор известной книги «Большой террор», около 3 миллионов высланных окончили свою жизнь в лагерях. То есть были «изведены» практически все, кого считали «кулаками».

Профессор А. Акифьев в книге «Гены. Человек. Общество» приводит ошеломляющие данные: в 1912 году в России – без Финляндии и Польши – проживало 155 миллионов человек. Согласно прогнозам, к 1936 году ее население должно было вырасти до 247 миллионов. В действительности в 1936 году в стране насчитывалось только 167 миллионов жителей.

Иными словами, в результате террора и войн мы лишились не менее одной трети соотечественников, причем главным образом – представителей элиты общества. (Нечто подобное при Иване Грозном, Петре I). «Нельзя, конечно, говорить, что представители элитарных генетических программ у нас уничтожены полностью, – пишет А. Акифьев. – Однако их стало заметно меньше, и поэтому, если оценить социально значимый генетический потенциал среднего россиянина 1912 года, допустим, в 10 баллов, то сейчас он едва ли больше пяти». Иными словами, многое из своего генофонда было растеряно. Все это была плата за фанатичное желание «пробежать любой ценой 100 лет за 10 лет!» [204, с. 12].

Исторический соблазн миллионов людей был инициирован большевиками, обещавшими в кратчайшие сроки осуществить вековую мечту человечества о справедливости, равенстве, братстве. Огромная искренняя тяга простых людей к новой жизни все более сопрягались с жесткой, социальной регламентацией всего бытия; провозглашенные высокие цели – с беспощадностью средств их достижения: выискивание все новых и новых внешних и внутренних врагов с готовностью идти на бесконечные жертвы. В конечном итоге, идеи свободы, равенства и братства, трансплантированные на российскую почву, дали противоположные «всходы», и на знаменитый вопрос Владимира Соловьева, обращенный к России: «Каким же хочешь быть Востоком – Востоком Ксеркса или Христа?» – история дала ошеломляюще-гротескный ответ: ленинско-сталинская Россия явилась Востоком некоего Ксерксомаркса (или Марксоксеркса). Разбираясь с этим генетическим недоразумением и с тем, кто или что поставило его на ноги, полезно было бы проследить за процессом, назовем его так, сюрреализации некоторых идей западнического и славянофильского толка, порою сплетенных столь причудливым образом, что только наш злой и насмешливый век мог до этого додуматься [205, с. 245]. В истории Руси последних веков самым фантазмогорическим образом сочетались элементы, фрагменты как Запада, так и Востока.

Восток – это абсолютная власть государства или самовластье, в том числе и над человеком. По отношению к государству, его власти, собственности он абсолютно бесправен. Линия Востока в истории России закономерно завершилась, осуществив нечто дотоле невиданное в истории человечества – эволюцию назад, в глубь веков – от феодализма через античность к полному Древнему Востоку.

Восточный менталитет базируется на особых взаимоотношениях правящей элиты и подданных. Наиболее рельефно это проявлялось, естественно, в странах Востока. Так, в Иране Парфянскую аристократию сменила персидская монархия – «союз трона и алтаря».

Раз в году персидский шах давал пир всем сословиям Ирана и произносил при этом традиционную речь: «Вы – самый счастливый народ в мире. Конечно, вельможи страны

живут хуже меня, но лучше, чем дехкане, а те – лучше, чем городские ремесленники, но эти – лучше, чем крестьяне, живущие лучше, чем рабы; но рабам лучше, чем преступникам в тюрьмах, которым лучше, чем осужденным на смерть, а тем, кого повесят, лучше, чем тем, кого посадят на кол».

После речи он выпивал чашу вина и удалялся, а счастливые персы пировали и расходились, радуясь, что живы и не попали «на кол». Это «восточное счастье» было «замешано» на крови, безграничном насилии и произволе высших над «нижележащими» по ступени иерархии [206, с. 226].

Исходя из этого «восточного счастья», восточная ментальность породила бинарно-взрывчатую схему развития: апокалипсическая идея перехода к добру через зло, как уже было сказано, регулярно повторяется в разнообразных мистических учениях, утверждающих конечную победу земного рая.

Но ту же идею мы встречаем и в революционных учениях. Например, лозунг эсеров: «Через поражение – к победе». Каждый натиск переживается революционерами как эсхатологическое наступление зла перед обязательной конечной победой. Отсюда мифология «последнего и решительного» сражения. С этим же связана поэзия гибели и искупительной жертвы.

Ужасы октябрьской революции, последовавшей затем гражданской войны в России проистекали из бинарности системы. «Разве свирепы казаки, захватившие Богучар и десятерых красноармейцев закопавшие в землю со словами: «Вот вам земля и воля, как вы хотели»? Разве свирепы измученные питерские мастеровые, какой год убивающие сперва немцев, потом гайдамаков, а потом ради великой идеи – врагов революции?.. Свиреп год, свиреп час над Россией. Вулканической лавой течет, затопляя, погребая огнем...» – отмечал известный российский писатель Юрий Трифонов [5, с. 271–272].

«Октябрьский эксперимент» привлек к себе взоры всего мира. После первой мировой войны, которая унесла 10 миллионов жизней, человечество ужаснулось: как же так – люди нещадно истребляют друг друга. Начались пацифистские движения. Передовая европейская интеллигенция рассматривала Советский Союз как оплот идеи всемирного братства.

Вот почему и Ромен Роллан, и Анри Барбюс, и Бернард Шоу, и Лион Фейхтвангер повернулись лицом к Советам. Им казалось, что здесь создается новый мир. И не потому, что внутреннее устройство страны им очень нравилось. Нет. Но они полагали, что здесь начинает осуществляться идея всемирного братства, и будут, наконец, прекращены кровопролитные войны. Светлые умы, самые совестливые из них всегда искали такое устройство человеческого общежития, при котором «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Однако в рамках бинарной системы развития эти ожидания во многом так и не были реализованы. Особенно значимые деформации в рамках бинарной системы развития государственности происходили в деле формирования и развития советской правящей элиты.

Известный российский ученый профессор А. Акинфьев в своей книге «Гены. Человек. Общество» проанализировал процесс становления и развития элиты советского общества. Выводы его весьма интересны.

Носители ума, хотя бы зачатков совести, повсюду были первыми кандидатами на социальную и физическую «выбраковку». Поощрялись же такие качества, как конформизм, нерассуждающая исполнительность, преданность начальству. Планка интеллекта, не говоря уже о нравственных качествах (таковых попросту не имелось), которую установил вождь всех народов, была, прямо скажем, невысока.

Историки отмечают, что в первом послеленинском Политбюро Сталин был одним из двух его членов, производивших явное впечатление неинтеллигентных людей. Соответственно, и окружение вождя не имело права подниматься над этой планкой. Более того – приближаться к ней. На страже этого стоял карательный аппарат. Так, в период своей

активной деятельности нарком Ежов утверждал, что наша страна состоит из двух половин: из тех, кто сидит, и тех, кто находится под следствием [5, с. 272].

И так – на всех уровнях, вплоть до самых низших. Этим способом формировалась антиэлита. Причем принципы ее формирования сохранились и после Сталина, хотя массовые расстрелы прекратились. «Принадлежность многих руководящих деятелей КПСС к антиэлите отчетливо можно проследить на примере Политбюро, избранного на последнем брежневском съезде в 1981 году, или на примере хотя бы того же ГКЧП, – пишет профессор А. Акифьев. – Резкое понижение интеллектуального уровня высшего руководства компартии стало одной из важнейших причин стремительного ее ухода с политической арены». Конечно, это был не единственный фактор краха советской империи [5, с. 272–273].

Форсированное развитие означало сведение на нет товарно-денежных отношений, в этой системе решающим условием становилась неукоснительная дисциплина: подчинение команде и ее выполнение. Потеря инициативы для нее тяжела, но переносима. Потеря дисциплины в рамках этой системы означает катастрофу. А необходимость поддержания железной дисциплины толкает к установлению авторитарных методов управления страной, форсированная индустриализация предполагает также резкое снижение уровня жизни.

Здесь многое можно сделать с помощью убеждения, многое, но не все. Уместно перефразировать известный афоризм Линкольна и сказать: можно убедить жить в чрезвычайных условиях некоторое время все население, можно убедить некоторую часть населения жить всю жизнь в таких условиях, но нельзя только убеждением добиться того, чтобы в тяжелых условиях все население огромной страны жило всю жизнь. Такой экономический выбор ведет к выбору политическому. Демократический централизм оказался потеснен централизмом авторитарным, недемократическим.

Переходные периоды, характерные тем, что происходят изменения основ социально-политического, экономического бытия общества. При этом переход от «фазы к фазе» несет в себе опасность для этноса. Как змея беззащитна, пока она меняет кожу, так этнос бессилён, пока он меняет душу, т.е. стереотип поведения и общественный императив».

Таким образом, мы сейчас меняем душу, т.е. вырабатываем новые стереотипы поведения, определяем и формируем главную идею (общественный императив) своего бытия. Данные периоды бытия стран и народов, образно названные периодом «смены кожи и души», – это своеобразные болевые точки этносов, воздействие на которые вызывают последствия, сказывавшиеся столетиями.

В переходные периоды изменения происходят не только на уровне этноса, но и на личностно-индивидуальном: когда формируется новая государственность, императив поведения звучит так: «будь тем, кем ты должен быть» – потому что без жесткого соподчинения новая система развалится при столкновении либо с внешним врагом, либо с соплеменниками, обычно предпочитающими старый порядок.

Как только большая часть задач решена, долг начинает тяготить людей и на место прежнего принципа выступает новый: «Будь самим собой!»... – тогда появляется поколение, ломающее оковы императива долга, так же, как перед этим были разорваны путы «права рождения». На место силы долга приходит право силы, ограниченное только необходимостью учитывать, что сосед также силен и не менее агрессивен [51]. Пассивное большинство, вдоволь настрадавшись от честолюбивых устремлений своих сограждан, формулирует новый императив: «Мы устали от великих перемен и потрясений», – и дружно отказывает в поддержке всем, желающим быть героями». И это естественно после крови и насилия, захлестнувших общество. Оно готово на любую регламентацию, лишь бы бесповоротно уйти от насилия. Миновавшая эпоха так скомпрометировала насилие, что подавляющее большинство предпочитает любую регламентацию, позволяющую надеяться на защиту от произвола сильных.

Затем наступает благоприятный период для накопления материальной культуры, упорядочения быта, стирания локальных этнографических особенностей, унаследованных от

прошлых эпох. Это время, когда начинает процветать трудолюбивый обыватель – «золотая посредственность» Августа. Тип обывателя (мещанина) встречается на всех стадиях развития этносов, при этом «здоровый» обывательский инстинкт следует за мятежной, переходной эпохой развития с неизбежностью константы, порождая тем самым упорядоченное, цивилизованное развитие стран и народов [51].

Так на уровне упрощенной схемы можно представить стандартный виток развития тех или иных стран и народов, преломляемый через призму национальных особенностей – их ментальность, культуру, религию. Данная схема витка развития позволяет разработать наиболее эффективную переходную модель от бинарно-взрывчатых сообществ к тернарно-эволюционным, т.е. либерально-демократическим [51, с. 363–365].

Необходимо отметить, что западная Европа не всегда развивалась на эволюционной (тернарной) основе. Были периоды, измеряемые столетиями, когда бинарность (взрывчатость) возобладала, и, как следствие этого, – рекой лилась кровь, погибали в пламени войн европейские города, исчезали с лица Европы государства, народы.

Однако в ходе поступательного эволюционного развития западно-европейского региона «войны гугенотов с лигистами» заменились голосованием в парламенте, а дуэли стали безопасными, ибо прекращались при первой же ране. В Европе установились законность и порядок, поддерживаемый обычаями, а не силой. Благодаря достигнутой на этом этапе упорядоченности, стали возможными колониальный захват всей Америки, Австралии, Индии, Африки, за исключением Абиссинии, экономическое подчинение Китая, Турции и Персии. Крайне развилась техническая цивилизация, основанная на достижениях науки, а искусство и гуманитарные науки считались необходимой роскошью, на которую было не жаль небольших денег [105, с. 367–368].

Основополагающие причины столь значимых успехов, достигнутых Западной Европой в период развития на тернарной основе, заключается в том, что принцип эволюционного развития – основополагающий закон бытия не только человеческих сообществ, но и Вселенной. Именно поэтому попытки прищипорить «клячу-историю», с чьей бы они стороны ни предпринимались, коммунистов или капиталистов, могут привести к одному – неисчислимым жертвам.

При этом перевод одной системы развития государственности (бинарной) в противоположную – тернарную – сложный и долговременный акт. Известный французский писатель и государственный деятель, очевидец событий Великой Французской революции, Франсуа Рене де Шатобриан отмечал по этому поводу: «В обществе, которое распадается и складывается заново, столкновение прошлого с будущим, смешение прежних и новых нравов создает зыбкую картину, которая не дает скучать ни минуты... Нарушение законов, забвение обязанностей, обычаев и приличий, даже опасности делают эту сумятицу еще увлекательнее».

Как бы развивая обобщения Франсуа Рене де Шатобриана о закономерностях переходного периода от одной эпохи к другой, Т. Карлейль отмечал, что «худшие времена для дурного режима наступают тогда, когда он хочет исправиться». История убедительно свидетельствует, что взрывно-насильственные акты всегда менее эффективны эволюционно-поступательных. Так насильственное утверждение социализма или, вернее, его насаждение привело к его вырождению. А естественное развитие западного общества эволюционным путем привело к глубочайшему, но органичному изменению его природы. И оно вдруг предстало куда более пригодным для человеческого существования, более гармоничным, свободным, чем общество, притязующее на воплощение лозунга «Все во имя человека» [5, с. 274–275].

При этом необходимо отметить, что капитализм очень многое почерпнул из социализма, и, имея соответствующую материальную базу, реализовал то, что декларировалось как основополагающее начало нового общественного строя.

Эволюционно-поступательное развитие капиталистического общества в интерпретации известного врача-офтальмолога, предпринимателя и политического деятеля России Святослава Федорова выглядит следующим образом: «Наемный рабочий – это замаскированный раб. Разница в том, что если раб круглосуточно принадлежит хозяину, то наемный – часть суток. Было время, когда хозяин владел работником по 14 часов, потом по десять. Рабочий класс добился восьмичасового рабочего дня. Сейчас французские наемные работники борются за 6-часовой рабочий день. Но все равно это рабство. Свободный человек может работать и по 12 часов, если ему это выгодно.

Наемный работник мало чем отличается от проститутки, женщина предлагает сексуальные услуги, а он – физические или интеллектуальные. Он не распоряжается тем, что производит. Нарушается главное правило демократии – владеть тем, что ты создал. Получают не за то, что они вместе что-то сделали, а что хозяин или государство кинут как подачку [297].

Только при «народном капитализме» (его можно назвать народным социализмом) человек превращается из наемника в хозяина. Система «народного капитализма» прекрасно работает в Соединенных Штатах. Мощная капиталистическая страна вовремя поняла, что наемный работник имеет абсолютно четкую установку: получать максимально при минимальной затрате сил. Потому он имитирует труд, и необходима армия надсмотрщиков, чтобы заставлять его двигаться.

В диктаторской системе от 20 до 27 процентов кадров занимаются контролем и надзором, они следят, чтобы рабочий не сидел в курилке, не пил водку, а находился на рабочем месте. Для наемного работника все основано на страхе потерять работу или потерять часть оплаты своего труда. Хозяин заставляет людей работать. В экономике идет необъявленная гражданская война между управляющими и управляемыми. В 1974 году в США решили положить конец этому порядку, был принят закон о наделении работников акциями. Они также получили право участвовать в управлении предприятием. Вообще 12 миллионов человек в США являются не наемниками, а хозяевами [207].

Основа процветания любого общества – справедливость, она должна быть заложена в экономическую систему. Если этой справедливости нет или ее мало, то предприятие обязательно станет банкротом, или производительность труда будет низкая. Человек – существо, которое нуждается в мотивации труда. Труд – это тяжелая вещь, он должен быть выгоден человеку. Если работник видит, что благодаря усердию и ответственности его лично и его товарищей он получает и более высокий уровень жизни, тогда у него совсем иное отношение к труду. Он будет думать о новых технологиях, рассчитывать, как эффективно построить рабочий день, будет стремиться повысить свой образовательный уровень [207, с. 5].

Каковы же наиболее эффективные и безболезненные пути перевода бинарных систем государственности независимых держав, образовавшихся на постсоветском пространстве, на тернарную основу, соответствующие либерально-демократическим сообществам? Главное условие этого – изменение ментальности (т.е. системы жизненных ориентиров и координат) как на индивидуальном, так и на классово-сословном уровне общества. Совершить подобное неким взрывным волевым актом царя или генсека, героя или вождя невозможно. Попытки достичь подобное со стороны как Ленина-Сталина, так и их антиподов – Горбачева-Ельцина привели к идентичным результатам при столь различных декларациях намерений и устремлений.

Не лежит ли решение данной проблемы в механическом заимствовании важнейших компонентов либерально-демократических сообществ, т.е. конституций, государственных институтов и их насаждение на почве нашей государственности? Культурологи называют это явление «законом трансплантации».

Непременным является то, что перенос с одной культурной почвы на другую некоего явления всегда дает результат, обратный ожидаемому. С этим Россия сталкивалась уже не

раз на пути своей европеизации – распространение крайних форм вольтерьянства, превращение просветительства из интеллектуального явления, ограниченного рамками одной эпохи и одного сословия, во всеобъемлющую псевдорелигию, приводит к диктату, репрессиям и лагерям [52].

Опасность и неправомерность подобного заимствования и механического перенесения отмечает ряд крупных западных ученых, подчеркивая при этом, что некий институт, вырванный из привычной социальной среды и силой перенесенный в другой мир, вдруг обретает смертоносную силу, разорвав привычные связи, т.е. «что одного лечит, то другого калечит».

За последние полтора века западный политический институт национальных государств, прорвав границы своей прародины – Западной Европы, проложил путь, усеянный шипами гонений, резни и лишений, в Восточную Европу, Юго-Восточную Азию и Индию, для которых он был экзотической структурой, сознательно импортированной с Запада.

Таким образом, каждое исторически сложившееся культурное пространство есть органичное целое, где все составные взаимозависимы, так что при отделении одной из частей сама эта часть и оставшееся нарушенное целое ведут себя иначе, нежели в исконном состоянии.

Разорванное пространство тяготеет к воссоединению в том чуждом окружении, куда проторил путь один из его компонентов, и в конечном итоге приходится по частям принять все остальные элементы вторгшейся культуры, чуждого образа жизни со всей присущей ему атрибутикой [52, с. 187–188].

Отдельные государственные деятели в странах, испытавших конкуренцию Запада, осознавали, что общество, «обоженное» радиацией более мощной, незнакомой культуры, должно либо полностью принять этот новый образ жизни, либо погибнуть (Петр I, Селим III, Махмуд II). Однако история свидетельствует, что путь этот очень болезненный, рецидивы прошлого образа жизни возрождаются в той или иной ипостасях. Действительно, не просто отречься от собственного наследия. Когда пытаются отбросить прошлое, оно исподволь возвращается в чуть завуалированной форме, в другой ипостаси.

По мнению А. Тойнби, почти тысячу лет русские принадлежали не к Западной, а к «византийской» цивилизации. Чтобы обезопаситься от завоевания и насильственной ассимиляции со стороны Запада, они постоянно заставляли себя овладевать достижениями западной технологии. Однако в силу «закона трансплантации» заимствование в сфере технологии с неизбежностью порождает заимствование в сфере идеологии.

Наиболее характерный пример – заимствование идей марксизма – западных умопостроений, давших на российской почве чудовищно-кровавые, но в то же время и величественные всходы: ценой невероятных жертв Русь поднялась до положения сверхдержавы, контролировавшей на паритетных началах с США двухполюсный мир. Наглядное подтверждение этого: в приемной Сталина неделями, месяцами ожидали аудиенции многие лидеры значимых государств мира. Диктатор умел поставить себя, чувствуя за своей спиной огромную военную, экономическую мощь, политические возможности, самую разветвленную в мире сеть спецслужб. Даже Чан Кай Ши опускался до подобострастия, Сталин диктовал свою волю Мао, глава испанского правительства Хуан Негрин свои письма к Сталину подписывал: «Ваш преданный слуга и друг» [5, с. 278].

Последние, доселе секретные архивные материалы, рассекреченные в последнее время, рисуют невероятную остроту борьбы марксистского мира с миром западным. Красная Армия намеревалась захватить Францию в 1944 году, и, если бы это произошло, французский народ с энтузиазмом встретил бы советских солдат, так, по крайней мере, утверждал тогдашний генеральный секретарь ФКП Морис Торез [208, с. 3].

Исходя из этой перспективы, французские коммунисты сразу после окончания второй мировой войны создали, с ведома Москвы, тайные склады оружия.

Эти новые сенсационные факты сообщил известный французский историк Стефан Куртуа, директор журнала «Коммунист». В его номере опубликована стенограмма встречи Сталина и Тореза, состоявшейся 13 ноября 1947 года с участием Молотова и Суслова. Этот документ, который сегодня широко комментируется парижской прессой, ученый обнаружил, работая в российских архивах [208].

В начале встречи товарищ Торез, которого во Франции называли «сыном народа», отрапортовал «отцу всех народов» о том, что он приехал в Москву с единственной целью – получить инструкции и советы товарища Сталина по некоторым вопросам, представляющим большой интерес для французской компартии. Иосиф Виссарионович ответил: «Если бы Черчилль задержал на год открытие второго фронта на севере Франции, Красная армия дошла бы до Франции». «Товарищ Сталин, – уточняет переводчик Ерофеев, – говорит, что мы даже думали о том, чтобы дойти до Парижа». Англо-американцы, подхватывает генеральный секретарь ФКП, высадились во Франции не для уничтожения Германии, а для закрепления своих позиций в Западной Европе [208].

Стенограмма далее гласит: «Торез говорит, что он может подтвердить товарищу Сталину: французский народ с энтузиазмом приветствовал бы Красную армию.

Сталин: в таком случае картина была бы совершенно другой. Торез говорит, что тогда бы генерала де Голля не существовало.

Сталин замечает, что де Голль, видимо, уехал бы из страны». Торез заявил: все французские коммунисты гордятся тем, что его принял товарищ Сталин и, расчувствовавшись, признался главному большевику мира: «Я хотя и француз, но в душе советский гражданин». Справедливо заметив, что «мы все коммунисты, и этим все сказано», генералиссимус поинтересовался тем, как обстоят дела у французских товарищей в плане вооружения.

Генеральный секретарь ФКП, который тогда занимал пост заместителя председателя Совета министров Франции, заявил следующее: «Центральный комитет ФКП дал полномочия двум товарищам специально заниматься этим вопросом. Они ведут работу среди бывших макизаров-партизан, создают организации военного характера. ФКП удалось замаскировать несколько складов орудия и боеприпасов». Это известие пришлось по душе Иосифу Виссарионовичу, который дал несколько классических советов товарищу Торезу: «Надо иметь оружие и организацию, чтобы не оказаться безоружным перед лицом врага. На коммунистов могут напасть, и тогда следует дать отпор... У нас есть оружие, которое мы можем вам поставить» [208, с. 3].

Характерно, что ни при Иване Грозном, ни при Петре I, ни при Екатерине II Россия не была столь могучей державой, не пользовалась таким влиянием, как при Иосифе Виссарионовиче. Однако ни при одном правителе доселе Россия не платила столь жестокой цены за свое могущество, как при Сталине. По свидетельству Д.А. Волконогова, только с 1929 г. до своей кончины в 1953 г. под его «гениальным руководством» было репрессировано 21,5 миллиона советских людей. Никто не развязывал столь долгой и страшной войны против собственного народа во имя величия абстрактной идеи и во имя величия самого уничтожаемого народа. При всем этом, если выражаться в геополитической терминологии, это был момент наивысшего взлета Русской империи.

Сталинизм близок к нам по времени, раны его еще болят. Но «сталинщина» – всего лишь одна из многочисленных неудачных попыток трансплантации либерально-демократических идей Запада на славянской почве.

Одна же из первых попыток заимствования, обернувшаяся «звериным оскалом» так называемых «демократов» из худородных плебеев в сторону дворянско-боярского инакомыслия и непокорства в лице «черной сотни», одетой в иноческие одежды с метлой и собачей мордой у пояса, была организована Иваном Грозным – самым русским и богобоязненным царем. Первые опричники-народники выводили крамолу с хунвейбиновским усердием и одержимостью [209, с. 65]. Демократию по разнарядке сверху

вводили поочередно Петр I, Екатерина II, Александр II, Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев [210, с. 66]. Итог этого – «имеем то, что имеем!» – ибо попытки бинарными средствами ввести демократию заранее обречены на провал.

В настоящее время славянский мир переживает очередной период тектонических социально-политических и экономических потрясений, сопоставимых лишь с периодом октябрьской революции 1917 года.

Почему же правящая элита СССР пошла на революцию сверху, названную перестройкой? Наряду с рядом объективных и субъективных факторов, последний советский период, получивший название «застоя», был периодом вырождения элиты. Это выразилось в крайне медленной ротации кадров, старении номенклатуры, выхолащивании из ее рядов политических лидеров.

Период «позднего Брежнева» характеризовался тем, что слабеющая элита пыталась удержать власть, из последних сил утаивая от масс свои жалкие секреты. И дело было не в экономическом кризисе – власть может быть сильной и при худшем состоянии народного хозяйства (вспомним «военный коммунизм»). Дело было в том, что общество устало от всего, что сейчас мы ностальгически называем стабильностью. Общество хотело перемен.

Декларирование правящей элитой СССР одних принципов при доминировании прямо противоположных, отсутствие адекватных решений насущнейших общественных проблем привело к преобладанию в обществе настроений, которые можно выразить строками гениального Микеланджело:

«Молчи, прошу, не смей меня будить,
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть».

***И всяк беспомощен и сир:
Дамоклов рок на каждой вые...
Неодинок – нерождённым,
А все немертвые – одни...
Так всякий раз бывает повесне:
Душа взрывает снежную коросту,
готовая к любви и новизне,
к паденьям и болезненному росту.***

Инна Кобыш

Вы можете постоянно обманывать несколько человек или некоторое время всех людей, но вы не можете обманывать всех людей постоянно.

А. Линкольн

Богатство развратило душу людей роскошью, бедность вскормила страданием и довела до бесстыдства.

Платон

С любых высот всегда можно сорваться в бездну.

М. Мамардашвили

Не вляпайся в историю!

К. Прутков

*Каждую ночь на планете под открытым небом ночуют 100 миллионов детей.
Менее чем на доллар в день живут 1200 миллионов человек. Доходы же 200
наиболее богатых людей Земли равны 1000 миллиардам долларов, что превышает
доход 100 государств мира.*

Данные ООН

РОССИЙСКИЙ КРЕСТ, ИЛИ «АВГИЕВО НАСЛЕДСТВО»

Попираемое и оплёвываемое прошлое всегда возвращается к нам в новом гротескном облике будущего. Не так давно российский канал «Рен-ТВ» «прослоил» программу «Детскими вопросами». Ребятишки разного возраста пытались ответить, а скорее, отгадать – кто такие Ленин, Сталин, Гитлер? Что такое «революция»? Что означает слово «СССР»? Варианты ответов: Ленин писал стихи и книжки для детей и взрослых, рисовал картины, Сталин – депутат Государственной думы или писатель, Гитлер – немецкий композитор, а может быть летчик, революция – отдых после войны, «СССР» – толи английское слово, толи передача на канале «РЕН-ТВ» [226, л. 4].

Можно умилиться – какая прелесть! И слава Богу – пусть себе растут счастливые и свободные от того идеологического дурмана, которым опаивали много поколений советских людей. Но почему нужно в нашей славянской ментальности из одной крайности («Девочка, кого ты больше любишь, маму или папу? – Сталина, – ответила девочка») кидаться в другую, предавая полному забвению историю собственной страны и возводя это в воспитательный принцип?

И вот уже юноша – старшеклассник из другого сюжета, показанного во «Времечке», из всех исторических деятелей, могущих вывести Россию из кризиса, отдает предпочтение Гитлеру. «Почему?» – спрашивает его корреспондент. «Потому что он был волевой, целеустремленный, он сделал Германию процветающей». – «А то, что у нас в стране чуть ли не каждая семья потеряла на войне своих близких, – это вас не смущает?» – «Да, конечно», – вяло соглашается юноша. Трудно поверить, что это готовый фашист. Просто он ничего не знает, не ведает про историю собственной страны, народа [226, л. 4].

Фашизм стучится в наши двери, вползает в душу, стреляет в сердце без промаха. В 2004 году духовная столица России, цитадель сопротивления германскому фашизму в годы Великой отечественной войны – Петербург – содрогнулся, ибо это событие было знаковым – убили ученого – этнографа Николая Михайловича Гиренко. После гибели Галины Старовойтовой это была первая столь наглая политическая вылазка, причем с националистической подоплекой. В научном центре Российской академии наук тысячи людей пришли проститься с Николаем Гиренко, огромная процессия двигалась по городу в сторону Серафимовского мемориального кладбища. Его коллеги признают, что Гиренко был единственным в стране специалистом, который смог создать научный метод изобличения фашистской пропаганды и решил этот метод применять на практике, потому что понимал, в чем опасность в отличие от тех, кто равнодушно проходил мимо свастик на стенах, сцен избиения и даже убийства африканских студентов, кладбищенских погромов, скинхедовских выходов.

Следствие уже определилось с основной версией гибели Гиренко. Как ни странно, но в этот раз погиб от рук палачей русский человек с украинской фамилией. Слишком уж сильно досаждал он экстремистам всех рангов и мастей. Гиренко возглавлял комиссию по правам национальных меньшинств, одновременно являясь в течение 20 лет экспертом прокуратуры в делах против активистов экстремистских организаций.

Убили Гиренко ранним утром винтовочными выстрелами через дверь собственной квартиры в тихом старом доме на улице Подковырова, что в Петроградском районе

Петербурга. Просто раздался звонок в дверь, кстати, обыкновенную, деревянную, а не забранную металлом, как это сейчас водится. После его интеллигентного вопроса, через дверь: «Что вам угодно?» – раздалось несколько выстрелов на уровне груди и головы хозяина квартиры. Преступники знали голос и рост ученого, поэтому пули попали туда, куда они и должны были попасть [227, л. 10].

Ответственность за убийство ученого взяла на себя «Русская республика» – малоизвестная организация, имеющая свой сайт в Интернете и «председателя» – Владимира Попова. Попов заявил, что знает исполнителя приговора №1, но больше этого никто не узнает, а по прошествии времени этому пока неизвестному «герою», по словам Попова, будет поставлен памятник. В самом деле, Попов продемонстрировал приговор №1 трибунала самопровозглашенной «Русской республики». После такого заявления лидер «Русской республики» даже не попытался скрыться [227, л. 10].

Зачем скрываться новоиспечённым «фюрерам», кумирам подворотни и люмпенизированной «чёрной сотни»? Они чувствуют себя завтрашними хозяевами, правителями, диктаторами и пророками.

По статистическим данным, в России в настоящее время насчитывается 50 000 бритоголовых – активных фашистских боевиков, прекрасно выученных, вооруженных, имеющих свои тренировочные базы, лагеря, готовых убивать, распинать, калечить всех инородцев, интеллигентов, инакомыслящих! Намного ли меньше таких на Украине? Как это с нами произошло? Потеряв более чем 27 млн. своих дедов, отцов, матерей и братьев в борьбе с мировым злом – фашизмом, мы с равнодушиемзираем, как он возникает из-за спины и, как упырь, метит свастикой затылки наших детей?

«Есть ли у России будущее, то есть, выйдет ли наша страна из кризиса?» – такой вопрос был впервые поставлен И. Шафаревичем на заре перестройки, актуален как нельзя в настоящее время. Размышляя об истоках фашизма и подытоживая впечатления от просмотра фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», кинорежиссер Чухрай говорил следующие проникновенно-пророческие слова «После поражения в первой мировой войне немецкая нация была оскорблена, унижена. И вот появился Гитлер. И сыграл на этом. Первое, что нужно запомнить: народ нельзя оскорблять. Оскорбленный народ готов на всё. Народ должен себя уважать».

Может ли уважать себя народ России, украинцы, народы на всём СНГ-овском пространстве в настоящее время? Известный российский учёный – руководитель секции экономики Российской академии наук Д. Львов так оценивает положение, сложившееся в России – экономическом флагмане содружества: «15 лет прошло с начала радикальных рыночных реформ в России. По количеству миллиардеров сегодня мы уступаем только США и Германии. У нас огромные золотовалютные запасы и динамичный рост ВВП. Правда, непонятно, зачем нужны все эти достижения, когда в стране миллионы нищих, а беспризорных детей больше, чем после революции 1917 года [228, л. 6].

Если верить Госкомстату, то бедных людей, т.е. тех, чей доход ниже прожиточного минимума, в России порядка 30 миллионов, т.е. в сумме Голландия с Бельгией + Люксембург с Монако. Институт социально-экономических проблем народонаселения называет цифру значительно выше. За все годы реформ лучше стала жить лишь одна и без того обеспеченная группа населения – примерно 20% россиян. Доходы остальных 80%, напротив, упали. При этом Дмитрий Львов подчеркивает, что рост производства, снижение темпов инфляции – показатели, безусловно, важные, но это всего лишь промежуточные технологические факторы.

Доля услуг – транспорт, квартплата – в бюджете семьи резко возросла. За все приходится платить, и деньги эти изымаются за счет ухудшения питания. Также нельзя забывать, что качество жизни определяется не только доходами. В России, как и на Украине колоссальный порог смертности, который нельзя объяснить только наркоманией, пьянством и травмами. Это все влияет на смертность в пределах 10–15%. Реформы, которые проводятся, не

соответствуют внутреннему миру человека. Мы живем в состоянии постоянного стресса, поэтому и умираем от сердечно-сосудистых заболеваний. Я считаю, что незамедлительно надо принять закон об обязательствах власти» [228, л. 6].

СНГ-овская правящая элита, страдающая интеллектуальной немощью, взяла за модель развития в постсоветский период англо-саксонскую, протестанско-баптистскую модель развития, выработанную Западом. Каков же итог?

Свыше 500 тысяч женщин из стран, образовавшихся на территории бывшего СССР, были проданы в сексуальное рабство в более чем 50 стран за последние десять лет [229].

«Всё на продажу!» Суть этой модели – человек всего лишь «склад» запчастей. После пятидневной поездки по России немецкий сенатор по внутренним вопросам Йорг Шёнбом заявил в Берлине, что в борьбе против организованной преступности и торговли людьми земля Берлина в будущем намерена еще теснее сотрудничать с Москвой и Санкт-Петербургом.

– Пока, – заявил сенатор, – мы не в состоянии эффективно бороться с новыми формами преступлений, поэтому совместную работу мы должны поставить также на новую основу и совершенствовать ее методы.

Как первоочередную задачу оценил Шёнбом борьбу с организованной преступностью, занимающейся торговлей людьми. С содроганием берлинский сенатор привел сообщения из Санкт-Петербурга, согласно которым в городе на Неве исчезли только за месяц около 100 беспризорных детей. Судя по имеющимся данным, эти несчастные покинули не только Санкт-Петербург, но и Россию вообще, так как оказались «живым товаром» в руках преступников. Часть этих детей была продана и в Германию. В этой связи Шёнбом не исключает и вероятность торговли человеческими органами [230].

Достоевский всю свою жизнь решал дилемму: стоит ли великое и светлое будущее хотя бы одной слезинки, страдания ребёнка, его загубленной жизни? В настоящее время эта проблема решена кардинально – счёт идёт на миллионы – единицы же... – «Единица – ноль!» – так сформулировал проблему известный пролетарский поэт В. Маяковский. Беда в том, что это уже проблема не одного человека, а целых народов, этнических групп.

В период глобализации и беды глобальны, они приходят во всей своей неотвратимости не только к отдельным людям, семьям, народам, но к целым континентам. Пример этому – вымирающая Африка, где некоторые страны поражены на 75–90% СПИДом, где есть министры, принцессы, короли и президенты – спидоносцы! Чем не «Майн Кампф» Адольфа, который писал, что кроме войны есть десятки способов «расчистить» жизненное пространство для избранной арийской и англо-саксонской расы (теперь же – для «Золотого миллиарда»!) Неужели после Африки – очередь Евразийского пространства СНГ? Факты стучат в сердце и разум: Представители обществ трезвости прогнозируют, что России в скором времени грозит «алкогольный коллапс» – полное уничтожение народонаселения из-за чрезмерного употребления алкоголя, сообщает ИТАР-ТАСС. «У нас в стране ведётся политика глобального спаивания народонаселения. Уровень производства алкогольной продукции в России в 2000 году достиг 18,5 литра на душу населения в год. А по подсчётам Всемирной организации здравоохранения, полное угасание этноса наступает уже при объёме алкоголепроизводства 8 литров на душу населения в год», заявил на пресс-конференции председатель оргкомитета Международной академии трезвости Александр Маюров. Он привёл данные статистики, согласно которым ежегодно до 900 тыс. человек в России погибают от излишнего потребления алкоголя: число же алкогольных отравлений возросло с 16,1 случаев на 100 000 населения за 1991 год до 31,5 случаев за 2000 год. Маюров сослался и на данные Министерства экономического развития и торговли РФ, в соответствии с которыми ежегодная прибыль от незаконного производства алкоголя в России составляет до 25 млрд. рублей. Председатель Союза борьбы за народную трезвость Владимир Жданов отметил: «Если население России будет так же потреблять алкоголь, травиться табаком и

наркотиками, как делает это теперь, то, по подсчётам демографов, оно исчезнет с лица Земли к концу наступившего века» [231, л. 3]. Не лучше ситуация и на Украине.

На Украине каждый год погибает от отравления поддельными вино-водочными изделиями в 3–4 раза больше людей, чем потеряла советская империя за весь период афганской компании, что, кстати, явилось одной из причин распада СССР.

Специалисты подсчитали, что нынешний уровень смертности среди россиян выше, чем 100 лет назад. И если эта ситуация сохранится, то из сегодняшних 16-летних юношей до 60-летнего возраста доживет не больше половины.

Глядя на эти цифры, трудно поверить, что мы живём в цивилизованных странах. Как сообщают медики, особенно критическое положение сложилось у «сильного пола». Оказывается, что в трудоспособном возрасте мужики умирают в четыре раза чаще, чем их подружки! Одно из объяснений – неумеренное потребление алкоголя.

Стоит признать, любовь к водке – тоже не причина, а лишь еще одно следствие. Ведь никто не уходит в беспробудный запой от хорошей жизни [232, л. 1].

Россия на изломе. Людей, которые предпочитают уйти из жизни, а не рожать себе подобных, становится все больше и больше. Пора делать выводы.

В чём же суть наших проблем?

Известный российский кинорежиссёр А.Ю. Герман, размышляя о судьбах России, славянского мира, о прошлом и настоящем, отмечал: «Ещё Шукшин про «птицу-тройку», которой, косясь, постораниваются и дают дорогу другие народы и государства, заметил: а кибитка-то кого везёт? Вора и жулика. На нарах место ему. А что это значит? Если бы ехал драгунский капитан, а не Чичиков, то Гоголь был бы плохой панегирический сочинитель, а так он великий писатель. Хочешь понять Россию – читай Гоголя. Но ни Гоголя, ни Достоевского теперь не читают» [233, л. 3].

Герман подчеркнул: «Россия велика не своей нефтью – нефти и в Саудовской Аравии до хрена. Не своими хитрыми олигархами – мы достаточно бесхитростный народ. Россия ценна своим искусством, своей культурой. Каким-то чудом сегодня его учитель, библиотекарь, фельдшер своим подвижничеством держат над нами всеми небо, спасая от всеобщего затмения наживой. Всерьез нажать можно только то, что никогда нельзя отнять у человека, – образование, просвещение. Князь Мышкин у Федора Михайловича нарисован уродом. И это для чего-то. Потому что красоту Достоевский не с лица считывал. Неужели можно всерьез думать, что красивая б... спасет мир? Красота – внутренняя сила, то, чем покоряет человек. Некоторые говорят, что Достоевский не знал, что писал. Достоевский знал, что писал. Но не все знают, что читают. Люди устали быть несчастными в несчастной стране. Сейчас человек во власти проявился поострее, но ведь страх не прошёл. Какие могут быть выступления в защиту свобод, когда какой-нибудь Сеня Корзубый держит целый городок в страхе? Не верю, что государство не может справиться с бандитизмом, ему этого пока просто не хотелось. Опасаюсь усталости реформаторов, тем более, страна отчаянно сопротивляется реформам».

Подытоживая свои умозаключения, Герман отметил: «Мы – страна, которая практически никогда не жила при демократии. Вся держава в памятниках Петру 1, загубившему почти треть собственного народа, и, по-моему, без единого памятника Александру II, упразднившему рабство. Кстати, когда ему предложили перлюстрированную переписку, он сказал свою знаменательную фразу: «Я русский царь и дворянин, чужих писем не читаю». Так в него в конце концов бросили бомбу. За что? Реформы на Руси, начиная с Петра 1, происходили только тогда, когда сильно резали и били. Не потому ли это происходит, что реформировать народ, погрязший в 1000-летнем рабстве – сизифов труд? Довольно трудно это делать одному. Отвернулся – колесо украли, вышел посмотреть – лошадь увели. Должна быть мощная команда, а где её взять, если вокруг рабы? [233, л. 3].

Но не всё плохо в нашем отечестве и в СНГ-овском пространстве: правящая элита, олигархическая верхушка вполне адаптировалась в мировой клуб миллиардеров, стали

своими и в Европе, США, во всём мире. Но богатые также не живут бесппроблемно: «нужорюсы» устали, Устали они покупать домища в Барвихе, бриллианты с яйцо и норковые шубы со шлейфом. Всё это уже куплено. Для полноты счастья осталось приобрести, в общем-то, немного: то, что называется породой. То есть глубокие аристократические корни вместо повально пролетарских, а частенько и мафиозных корешков.

Немало новых русских платят в эти дни десятки тысяч фунтов стерлингов за титулы британского поместного дворянства, которыми торгуют в Лондоне на аукционах четыре раза в год. Последний аукцион бумажного благородства состоялся в Лондоне 2 июля, и выручил 395 тысяч фунтов (644 тыс. долларов) за 28 лотов, чья продажная цена колебалась от 5250 фунтов (8550 долларов) за титул «лорда манора Боллинакети» до 92 тыс. фунтов (150 тысяч долларов) за «барона Хьюстона».

Позволить себе «новые» это вполне могут: за последние 10 лет из России «увели» за границу более 300 млрд. долларов, из Украины – более 50 млрд. [234, л. 7].

При этом деньги эти были стариковскими «гробовыми» сбережениями, всем тем, что создало старшее и среднее поколение «совков» – так презрительно называют «нужорюсы» своих поильцев и кормильцев! – «Всё теперь на продажу!»

Российский публицист В. Базилевский, анализируя причины наших бед, отметил, что причины этого – в тысячелетнем нашем привыкании: «**Мы ко всему** привыкли – вот что самое страшное. К худой жизни не привыкнешь? Еще как привыкнешь. Вся наша история – ярчайший пример такого привыкания. Нет другого народа в мире, который мог бы состязаться с нами по этой части. Мы и к перестройке привыкали точно так же, как и к расстрелам, раскулачиванию, своеволию цензуры. Пришла пора свержения идолов, удалого витийства, дискуссий на площадях – привыкли и к ней. Но вот энергия митинговой волны пошла на убыль, и что же? На отменях и откосах будней увидели мы всю неприглядную ветошь нашего несуразного бытия. Но постепенно привыкаем. Дышим смрадом разлагающегося государственного организма, еще вчера именуемого великим и непобедимым. Привыкаем к разбойничьим ценам. К хамелеонству вчерашних кумиров. К взаимной неприязни и крови. Весь ужас в том, что привыкаем... к ужасу».

Так что же оно такое – это наше привыкание? По одному из определений Даля – терпение, сносливость. «Лошади привычные, смирные», – иллюстрирует Даль. Но мы ведь не лошади. Сносливость, «приобретенная твердою волей», как утверждает великий собиратель слов, или рабская покорность, свидетельствующая о нашей ущербности? И есть ли предел такой «сносivosti» – российской, украинской, СНГ-овской?

Известный итальянский публицист и политолог Кьеца в своей известной книге «Прощай, Россия!» проанализировал постперестроечную ситуацию в России, СНГ, альтернативные сценарии развития событий и отметил: «Прощай, потому что уже не видно, за что можно зацепиться, чтобы устоять против течения. В этой России, втянутой (давшей себе втянуть) все перемалывающей западной машиной, нет сил, интеллектуального потенциала, планов на будущее. Она хотела противостоять Западу в одиночку, в который раз ослепленная солнцем собственной гениальности и печальной луной собственного неизбежного комплекса неполноценности.

Прощай, ведь в конце этого века мир отбросил милосердие прошлого. Мне грустно слушать, как российские друзья – и недруги – провидят новые всплески величия, ссылаясь на своё прошлое, видевшее неоднократные падения и столь же молниеносные, необъяснимые взлёты, непредсказуемые восхождения, неожиданные возрождения. Мне грустно, потому что все это уже ничего не значит, потому что ни одна историческая аналогия не выдерживает испытания новыми, беспрецедентными условиями, в которых уже не остаётся места чудесным открытиям гения.

Третий Рим или, вернее, страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамена. Первый пал под ударами полчищ варваров, второй под ударами Востока, который с рождения пропитывал его. Этот Рим уничтожается на наших глазах Западом. Единственное

отличие от двух других состоит в том, что падение совершается намного быстрее. И без боя».

В чём же причины всех этих апокалипсических явлений, обрушившихся на постсоветское пространство? – Только «дураками и дорогами» это всё не объяснить, здесь дело посложнее, причины – глубже!

«И вдруг», – отмечает российский журналист В. Костиков – был Иосиф Сталин. Отец нации, друг детей, корифей науки. А как похоронили, **«вдруг выясняется»**, что злодей и душегуб. Был Никита Хрущев. Тоже, пока был жив, слыл голубчиком, боролся с культом предшественника. А потом **«вдруг выяснилось»**, что волонтарист и невежа. Потом был «дорогой Леонид Ильич» (Брежнев). И так далее вплоть до новейших времен. И вот уже лезет в голову неприятная мысль: а что завтра, через месяц или через год **«вдруг выяснится»** по поводу наших нынешних самых-самых элитарных имен? А потом «вдруг выясняется»... [234].

На Западе о крупных политиках и бизнесменах все почему-то выясняется еще при жизни. Р. Никсону в разгар президентского срока вчинили импичмент за то, что велел поставить «прослушку» своему конкуренту. Г. Коля сместили с поста лидера после того, как раскрылись манипуляции с деньгами партии. Зато после кончины никто ничего не станет прояснять. Никто ничего дурного не говорит об ушедшей в отставку «железной леди» М. Тэтчер. Никто не бросает камни в давно почивших К. Аденауэра, генерала де Голля. О слабостях «друга» Б. Клинтона все выяснили, когда он был на президентском посту. Зато сейчас человек спокойно пишет книгу и по ночам ему не снится «Лефортово» [234].

Почему ничего «вдруг не выяснилось» о Р. Рейгане, и его похоронили по-человечески: с национальным трауром, почти как героя? В. Костиков ставит важную проблему: **ПОЧЕМУ ЖЕ у нас, пока человек при власти, он – голубчик, отец города, надежда нации, а лишился поста, вышел на пенсию... и «вдруг выясняется»**. Ведь у нас, если приглядеться, уже сейчас целая очередь из наших «замечательных соотечественников», о которых не сегодня, так завтра непременно что-то «вдруг выяснится». Называют самые громкие имена. Иные фигурируют вместе с женами, как в «Сказке о рыбаке и рыбке»... [234].

Так, может быть, у нас все дело «в консерватории»? – как вещал Жванецкий – то бишь в формах и методах правления, в системе преемственности власти, в подборе кадров управленцев, в продолжении стратегической линии развития наций и государственности, которая в славянской цивилизации аритмична, меняется при каждом новом правителе на свою прямую противоположность, при этом отсутствуют ясные, разумные национальные цели и устремления, народ же выживает не благодаря законам, а вопреки их чиновничьей, человеконенавистнической сущности?!

Не ведают наши правители, что они творят, что уничтожают свой народ, свою страну?! Или для них власть на генном уровне – не «служение», а заурядное «кормление» из «корыта» власти? Но в рай не въедешь на мерседесе даже самой последней модели, а добрую память народа не купишь ни за миллионы, ни за миллиарды!

*Всему свой час, и время всякому делу:
Время родиться и время умирать,
Время насаждать и время вырывать насаждения,
Время хранить и время тратить,
Время рвать и время шивать,
Время молчать и время говорить...*

Экклесиаст

- Слабая и сильная стороны у советского человека – одно и то же. Слепая вера – их сила. Слепая вера – их слабость.

Е. Алексеевич, белорусский литератор

*Кто вы такая? Откуда вы?
Ах, я смешной человек.
Просто вы дверь перепутали,
улицу, город и век.*

Булат Окуджава

*«Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?»*

А.С. Пушкин

«Как ни крути, мы воевали отчаянно с этой властью подонков. Мы были горсткой безоружных людей перед лицом мощного государства, располагающего самой чудовищной в мире машиной подавления. И мы выиграли. Она вынуждена была уступить. И даже в тюрьмах мы оказались для нее слишком опасными».

*Из книги В. Буковского
«И возвращается ветер...»*

*В каждой кастрюле должен быть кусок мяса.
Президент США Гувер*

КАК М. ГОРБАЧЁВ СТАЛ ЛУЧШИМ НЕМЦЕМ ГЕРМАНИИ И РАЗВАЛИЛ ИМПЕРИЮ, ИЛИ РОЛЬ МОСКИТНОГО КОМАРА В ГИБЕЛИ СССР (Гримасы судьбы!)

Философ и религиовед Георгий Гачев обосновал закономерность, что история России во многом определена ее климатом – и, если точнее, годовым циклом. «Оттепели» тут обычно начинаются в марте, закрепощения – в октябре. Что поделаешь, мы, гиперборейцы, зависим от погоды: зимой впадаем в спячку, летом всюю резвимся, к концу лета устаем от свободы и к октябрю уже вполне готовы к новой диктатуре. Не трудно заметить, что август в этом российском календаре – месяц переломный, и все октябрьские катаклизмы определяются им [235, л. 6].

Судите сами: в марте умерли Грозный и Сталин, и начинались смутные оттепели. В марте же (по новому стилю) произошла февральская революция. В самый канун марта раскрепостили крестьян. В марте русский престол занят западником Годуновым и половинчатым либералом Горбачёвым. В октябре, помимо слишком памятной всем Октябрьской революции, случились вторжения на Русь Лжедмитрия I, бурный старт второй чеченской кампании (1999), расстрел парламента (1993), Манифест 17 октября (давший нам и Думу, и Конституцию – но с таким опозданием и в таком виде, что первая русская революция кипела еще два года). Наконец, в октябре создана и партия «Единство», предопределившая путинскую победу [235, л. 6].

Приход М.С. Горбачёва на Олимп партийно-номенклатурной власти мог бы послужить основой сценария, более захватывающего, чем киноэпопеи о Штирлице и «Бригаде» вместе взятых.

В 1978 году, пишет Валерий Болдин, крепко выпив и поскандалив с женой, ночью скончался от инфаркта член политбюро и секретарь ЦК по сельскому хозяйству Федор Кулаков. На смотрины в Москву привезли кандидата в приемники – первого секретаря Ставропольского крайкома партии Михаила Горбачёва.

Но кандидат исчез. Ушел утром из гостиницы и пропал. Брежнев был недоволен, Черненко злился. Речь уже зашла о том, чтобы вести к Генеральному другому кандидата – полтавского секретаря Федора Моргуна, который гостиницу не покидал.

«Неизвестно, чем бы всё кончилось, но знатоки жизни членов ЦК отыскивали водителя машины М.С. Горбачёва, который сообщил, что он чудом нашёл своего шефа и тем самым изменил ход развития мировой истории, стал невольным «соучастником» крушения великой империи и коммунизма».

Звездный час, тот единственный шанс, который даёт судьба и который так легко упустить, совпал у нескольких политиков с тривиальной пьянкой в новом доме, построенном управлением делами ЦК КПСС в престижном районе столицы.

Сейчас уже трудно установить, был ли в тот вечер М.С. Горбачёв – будущий президент действительно пьян или же удержался в рамках разумной достаточности. Тот, кто наливал, молчит. Будущий президент, не отрицая сам факт употребления горячительных напитков по случаю полувекового юбилея старого друга по комсомолу, выражается туманно: «Как у нас такие даты отмечаются, подчёркивал М.С. Горбачёв, известно. По-русски широко, с обильным разговором, с шуткой и песней... Нравы того времени были таковы, что выпивать приходилось не так уж редко. Но мое состояние было вполне нормальным» [235, л. 5].

Пока будущий президент гулял, решалась его судьба. Перспективного политика пожелал видеть Генеральный секретарь, чтобы решить: повышать или не повышать. На поиски бросили весь могучий аппарат ЦК КПСС, но проходил час за часом, а будущий президент СССР как в воду канул [236, л. 5].

Отыскивали, протрезвили, утвердили, и «процесс пошёл», правда, с той «судьбоносной выпивки» М.С. Горбачев стал употреблять из напитков только клюквенный морс и воспылал неприязнью к водке!

Однако этим не ограничились проказы истории, невероятные, но реальные события, связанные с приходом М.С. Горбачёва к власти.

В древнегреческой мифологии более сильными, чем Олимпийские божества субстанциями были парки, мирно прявшие в уголке нити судьбы не только всех людей, но и богов. Как только им надоедал кто-либо, они обрезали нить, и приходило Небытие, исчезал герой, а порой и целая империя.

С великой империей СССР – Третьим Римом – парки сыграли особенно изощренную шутку – фарс, в сценарии которой даже задействовали... малярийного комара.

«Говорите правду, и вы всегда будете оригинальны!» – вещали древние! Невероятную, но правдивую версию прихода М.С. Горбачёва к власти изложил в своей книге, вышедшей в Италии, известный казахский поэт, общественный деятель, одно время работавший послом Казахстана в Италии Сулеймен Олджанов.

По его версии, после смерти члена Политбюро ЦК КПСС Ф. Кулакова на его место планировали вначале отнюдь не М.С. Горбачёва, а секретаря Компартии Казахстана Месяца – прекрасного специалиста по сельскому хозяйству, человека уравновешенного, порядочного. Одна беда была у него – остёр на язык, любил шутки, прибаутки, а ведь «язык наш – враг наш», и «чем длиннее язык, тем короче шея».

Перед отъездом в Москву тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Кунаев поручил Месяцу возглавить делегацию на солнечную, братскую Кубу – поделиться опытом, отдохнуть перед повышением! Благими намерениями вымощена дорога в ад – вещал великий Данте. Прошли банкеты, были подняты бокалы, вручены памятные подарки кубинским товарищам, сказаны написанные референтами речи, и делегация по обмену опытом на неделю отправилась попутно на отдых – сказочные пляжи, экзотические фрукты и напитки ожидали их, всех, кроме одного: в первый же день купания и загара один из членов делегации разделся догола и на его тучное тело налетела целая туча комаров. Один из них укусил партаппаратчика за «самое мужское место», отчего оно вспухло, болело, гноилось, и его положили в больницу.

На обратном пути вся делегация потешалась над бедолагой, особенно остры были шутки Месяца. Месть страдальца была изощрённой: после прибытия в Казахстан он сообщил «хозяину» республики Кунаеву, что Месяц как глава делегации вёл себе на Кубе вызывающе, критиковал его методы и стиль руководства, утверждал, что республикой руководит супруга Кунаева.

Кунаев незамедлительно поднял трубку и попросил Брежнева поскорее забрать Месяца из республики, ибо он «работает против вышестоящих шефов», Брежнев в ответ хмыкнул и дал задание найти другую, более подходящую кандидатуру на вакантную должность, оставшуюся после смерти Кулакова. Им и был М.С. Горбачёв. Ирония судьбы, парадоксы истории выше любой выдумки, фантастики, гротеска: Горбачёв резко пошёл вверх, первый же кандидат на повышение – Месяц исчез в водовороте забвения и неизвестности бытия!

Вскоре «процесс пошёл», а как известно, любая система особенно уязвима в период своего реформирования, тем более система огромной, великой империи, с великими, неизбывными проблемами, требовавшими филигранного расчёта, гениальной эрудиции, воли, твёрдой руки, бескорыстия и глубочайшей порядочности и нравственности.

М.С. Горбачёв в силу своей ментальности, номенклатурного мышления не смог осознать всей глубины и масштабности той проблемы, которую он поставил перед обществом своим лозунгом – девизом: «Социализм с человеческим лицом!» Известный российский мыслитель В. Маканин отмечал по этому поводу: «С некоторых пор серединным людям становится тесно – они теперь слишком трутся друг о друга судьбами и бедами, чтобы не увидеть своей общей, хронической беды: незанятости души (недостаточности для их души существующих религий). Что и толкает их к поиску» [237]. Из этого В. Маканин делает заключение: «И сделанный (переделанный) из российско-имперского материала «новый, советский человек», и «новый порядок» в Германии, и итальянская затея – эксперимент – все эти попытки были похожи на некие задачи для ММ (массовой мифологии). Задачи по поиску аналога веры. Задачи, решаемые ничтоже сумняшеся, зато с размахом. Чтобы человек, начиная с такого-то дня (скажем, с 1 января или с 25 октября) стал функционировать на базе новых ценностей (забота всякой религии) – ведь это задача задач! Это на дороге не валяется и говорит о колоссальной мощи того, кто такое задумал. Конечно, на поверку все это оказалось «квази». Оказалось – грубо. Оказалось – хамски. Но это и есть их, людских масс, творчество. Иначе, вероятно, и не могло быть. И тем очевиднее, что грубость, топорность явленной всему миру ММ-работы сопровождалось как вызовом старому миру, так и несомненными усилиями строить нечто новое. (А также жертвенностью, захватившей народную массу. Жертвенностью почти религиозного качества – вплоть до готовности принять смерть за святое революционное дело).

Достаточно взглянуть на хронику похорон вождей – Ленина, Сталина, на тысячи лиц, которые и сейчас потрясают своей скорбью, чтобы понять, какой размах творчества был явлен людской массой в те дни.

Придумали Ленина отнюдь не большевики. Квазирелигию создала (созидала...) сама людская масса, сам народ, его подсудное «ММ». Масса сочиняла, как умела. И, скажем, ленинский мавзолей был вполне в духе нового «сочинения»: святое место. И посещение его – несомненное паломничество к гробу...

Квазирелигиозное качество этих явлений (как и многих других) было очевидно. А как же пресловутое безбожие, а что же большевики?! По сути – ничто. Атеисты (в их числе и Крупская) были, разумеется, активно против мавзолейного захоронения, имеющего слишком много общего с богом-фараоном, но что они могли? Правильнее сказать, что они смели, если их задачей теперь только и было удержать власть, усидеть на ускользающем гребне власти? (Здесь, конечно, не о Надежде Константиновне). И понадобилось совсем немного времени, чтобы, почувствовав квазирелигиозную нацеленность пробудившейся разъярённой массы, они (большевики) стали ей (массе) подпевать, гася под ногами народившейся квазирелигии

всю свою пылкую революционность. Строить вождю мавзолей. Ставить памятники. Подделывать биографии погибших под жития.

Но сначала – чистое полотно. Сначала расчищалось место (чтоб, по возможности, было оно без истории, без национальностей, без веры), и затем, на уже очищенном пространстве, создавались (рисовались) фигуры, и среди них – мессия. Понятно, что сама революция приравнивалась к мессианскому действию.

Понятна и динамика предопределения: все предшествующее историческое развитие вело как раз к тому, чтобы случилось то, что случилось. Восстания (время от времени) темного народа – затем декабристы – Герцен – рабочий класс – и, наконец, Ленин стали теми предрелигиозными актами и действующими лицами, которые определили приход новейшей религии. И (уже в обязательной связи с ней) – дальнейший ход развития человечества в целом» [237, л. 5].

В. Маканин, размышляя над феноменом российского коммунизма, отмечал: «Избранность народа – факт истории, так что неслыханная задавленность и терпение «русского человечества» не могли не породить неслыханную же мечту о счастье всего человечества. Так и случилось. (Вызов – и ответ).

До появления мессии (до Ленина) из времени сами собой поднялись фигуры пророков, не обязательно начиная с Моисея-Маркса, но непременно имея его в виду. Маркс как бы воззвал к ним. Чередой выходили они из времени, как из моря – рослые, один к одному. В пророках и их пророчествах важны и слова, и сам ряд. Кампанелла и Томас Мор, Фейербах и Фурье, анархист Кропоткин и не – анархист Плеханов, и – меняя свое место в ряду – там и тут возникал гениальный диалектик Гегель. Образовали свой ряд по лучшим образцам и апостолы, то есть современники мессии: ученики, пропагандисты его слова и дела. Свердлов, Сталин, Калинин, Дзержинский, Фрунзе, Бухарин... Каждый наш человек может продолжить (или предложить) список сам, несовпадения в разных поколениях советских людей. Так или иначе, нужная дюжина наберется без труда. (Но ведь не две дюжины, двух нет. Зато есть один особенный среди апостолов, поначалу любимый народом и мессией, но предавший – иуда Троицкий). И совсем отдельно, в глубине, в своем скромном, благородно-окровавленном ряду замерли мученики, от Сергея Лазо до Сергея Тюленина...

Возникали проблемы. Скажем, жена Ленина, каким быть ее образу?... В канонизированных фотографиях Надежды Константиновны Крупской, прежде всего, бросается в глаза оттенок высшей честности, святости. В глазах простого человека ее образ, несомненно, тяготеет к образу Божьей матери: заступница, ходатай за репрессированных и обиженных. Справедливость, и точно, требует отметить ее противостояние гневу Сталина, а также участие во многих других добрых (богоугодных, если по-старому) делах и начинаниях. Но как совместить функциональность божьей матери со слезами, сказанными однажды Крупской о В.И. Ульянове: «Революция нас сблизила. Но главное – у нас была любовь. У нас была страсть»? Марксизм или там Ницше – это уж массы взяли себе в подмогу для пущей уверенности. Они могли оседлать что угодно. Не идея овладела массами. А масса использовала ту или иную идею, чтобы более или менее прилично закамouflировать свой стихийный, смутный порыв. (Так сочинитель использует подвернувшийся сюжет). Людские массы захотели сами найти что-то и в это «что-то» уверовать [237, л. 5].

М.С. Горбачёв сразу и бесповоротно стал «западником», порвав все связи с «почвенностью». Ему-то было невдомёк, что на пути революции, ниспровержения Россию сбил с толку «западник» Руссо со своим культом «естественного человека». Совершенно в российских традициях его прочли и поняли слишком буквально. На Западе Руссо тоже прочли внимательно и не поверили. В России поверили до дури, до экстаза упрощенчества, безудержной тяги назад в народ, ощущения вины перед сохраняющим дедовские устои хлебопашцем и уверенности, что воспитание и образование способно грубый знак превратить в мыслящий тростник. И тем самым подготовили тот самый апофеоз

торжественного разрушения, захлестнувший (и захлестывающий) нас, как только под видом свободы сверху открывают клапана [238].

Но процесс Горбачёвской перестройки пошёл вовсю. Что было потом, знают все: призыв Горбачёва «бить по штабам», невероятные обещания и пустые полки, демонтаж мирового социалистического лагеря, исчезновение целых стран – ГДР, сдача их лидеров и «заслуженная» этим Нобелевская премия, звание «лучшего немца года», отдых в Форосе, путч, демонтаж СССР, в котором он сыграл самую неблагоприятную роль. Затем – апофеоз – выступление коммивояжером спагетти и кетчупа, чтение 100-тысячных (в долларах) лекций на Западе, нищета и горе стариков СНГ, проблемы, проблемы, проблемы – совсем, как у классика: «И уехал Хлестаков, и весь город погрузился в хаос и недоумение!»

Но, может быть, в случившемся и была, выражаясь языком бессмертных Ильфа и Петрова «Сермяжная правда» истории, столь жестоко обошедшейся с великой, непобедимой и несокрушимой путём внешней агрессии, экспансии империей (СССР) руками собственных лидеров совершившей харакири – ритуальное самоубийство – ради того, чтобы не погиб род человеческий? Противостояние двух сверхдержав должно было завершиться либо истинным реформированием (на манер Китая), либо гибелью человечества. Россия же, по мнению Чаадаева, вечно учит человечество своим негативным примером *как поступать не следует*.

До последнего времени мало кто знал, что еще за год до Карибского кризиса, когда весь мир с тревогой и надеждой следил за военным противостоянием двух сверхдержав, существование человечества было поставлено на карту. Тогда судьба мира зависела не от политиков. 4 июля 1961 года она решалась в Северной Атлантике, вблизи американской военно-морской базы, на норвежском острове Ян-Майен, там, где попала в невиданную беду советская атомная подводная лодка «К-19».

Это был обычный учебный поход. «К-19» предстояло незаметно пройти через Датский пролив, изображая условного «противника» для вышедшей на маневры эскадры дизельных подлодок.

Кошмар начался в 4 часа 7 минут. Вахтенный поста главной энергетической установки из шестого отсека доложил: «Падает давление в первом контуре правого реактора!»

Вспоминает капитан 2 ранга в отставке Александр Герсов:

- Когда я по тревоге прибежал в центральный пост, испытал, без преувеличения, шоковое состояние. Мигали десятки контрольных ламп, стрелки приборов зашкалило, самописцы, фиксирующие давление в реакторе, прыгали вверх-вниз. Трудно было принять решение...

Командир корабля капитан 2 ранга Николай Затеев, оценив обстановку, направился в шестой отсек. Давление в реакторе упало до нуля. Вот как позднее писал в дневнике о том, к чему могла привести эта ситуация, сам Затеев: «Из первого контура кормового реактора ушла охлажденная вода, как уходит она через дырку в электрочайнике. Что станет с электрочайником? Расплавится, потом сгорит. Примерно то же ожидало нас, с той лишь разницей, что расплавиться должны были урановые ТВЭЛы – тепловыделяющие элементы. Как только масса расплавленного урана достигнет критической массы, неминуем ядерный взрыв. И произошло бы это не где-нибудь, а рядом с американской базой...»

Речь шла не только о спасении экипажа, а на борту субмарины находилось, по одним данным, 139 человек, по другим – 112. Эта трагическая история вполне могла стать прологом термоядерной войны. Надо было любой ценой охладить взбесившийся реактор.

Командир подлодки, выслушав мнение подчиненных, принимает единственно правильное решение (и это впоследствии подтвердит высокая комиссия) – смонтировать из подручных материалов свою систему охлаждения. Но для этого люди должны были войти в герметичную выгородку над реактором, где уровень радиации в сотни раз превышает смертельную дозу.

В 6 часов 7 минут утра подлодка всплыла. На море штиль. Ярко светило солнце... Нужно срочно выйти на связь с Москвой, но вот тут и выяснилось, что при форсировании ледовых полей повреждена радиоантенна.

Тем временем температура в аварийном реакторе катастрофически росла, и никто не мог сказать, сколько остается до момента, когда масса расплавленного урана превысит критическую черту.

Из воспоминаний Николая Затеева: «Я пригласил командира шестого отсека Корчилова, вызвавшегося возглавить работу, и спросил: «Борис, ты знаешь, на что идешь?» И услышал в ответ: «Да, я знаю, товарищ командир». Я вздохнул: «Ну, тогда с Богом!»

Все понимали: кому-то надо умереть...

Корчилову было немногим больше двадцати, его подчиненным еще меньше. Вот их имена: главстаршина Борис Рыжиков, старшина 1-й статьи Юрий Ордошкин, старшина 2-й статьи Евгений Кашенков, матросы Семен Пеньков, Николай Савкин, Валерий Харитонов. Смертельную дозу радиации получили также руководившие монтажом аварийной системы инженер-механик Анатолий Козырев и капитан-лейтенант Юрий Повстафьев.

«Когда Борис Корчилов вылез из выгородки и снял противогаз, на губах его пузырилась желтая пена. Его тут же вырвало. Все понимали: там, на крышке реактора, все они нахватались жестких «гамм» без всякой меры. Мы все понимали – ребята обречены».

Командир отправил всех девятерых в самый чистый отсек, где и развернули корабельный госпиталь. Последняя просьба Бориса Корчилова «Сгущенки бы...» Он был сладкоежкой. Сгущенку нашли. А потом станет известно: 20-летний командир реакторного отсека получил 5400 бэр, и сам стал опасным источником радиации. Потом был тяжелый штормовой переход домой. Дезактивация. Госпиталь. Лечение в Питере в институте биофизики.

А еще – долгое расследование действий командира и других должностных лиц экипажа. С протоколами, показаниями, вызовами по ночам. «Я уже готовился надеть полосатую пижаму лет эдак на пятнадцать. Все шло к тому», – вспоминал впоследствии Затеев.

Но неожиданно в меню столовой, где питались опальные подводники, появились яйца, апельсины, фруктовые соки. Спас экипаж знаменитый академик А. Александров, который, ознакомившись с материалами ЧП на «К-19», доложил генсеку Никите Хрущеву, что моряки совершили невозможное, предотвратив реальную угрозу возникновения ядерной войны.

Судьбы моряков изменились как по мановению волшебной палочки. Бориса Корчилова посмертно представили к званию Героя Советского Союза. Начальство рассудило иначе – хватит и ордена. Сейчас его имя носит одна из улиц в Северодвинске. Наградили орденом и Николая Затеева. А вот капитан-лейтенанта Александра Герсова поощрили фотоаппаратом «ФЭД» – все-таки они спасли весь мир, все человечество! – и фотоаппарат «достоинная» плата за это?!

Долгие годы вся информация о трагедии была строго засекреченной. Даже место, где похоронили подводников, тщательно скрывалось, пока могилы со стоящими на них стандартными грубо сваренными пирамидками случайно не обнаружил один из членов экипажа.

Лишь на Западе вспомнили о данном «ЧП». Недавно состоялась премьера голливудского блокбастера «К-19. Оставляющая вдов». Америка преклонила колени перед героями. А мы?

Что же касается самой подлодки, ее продолжал преследовать рок. 15 ноября 1969 года в Баренцевом море она столкнулась с американской субмариной «Cato», получив серьезное повреждение. 24 февраля 1972 года при несении боевой службы все в той же Северной Атлантике на борту субмарины возник пожар, погибли 28 человек. После ремонта она еще не раз выходила на боевые дежурства, пока в 1990 году ее не вывели из боевого состава флота. Но задолго до этого моряки окрестили «К-19» «Хиросимой».

3 октября 1986 года в Атлантическом океане потерпела катастрофу советская подводная лодка «К-219». В результате «воздействия внешнего подводного объекта» (отмечалось в акте правительственной комиссии) в пусковой шахте оказалась смятой и раздавленной баллистическая ракета. Горючее и окислитель смешались с забортной водой, и произошел мощный взрыв. На лодке начался пожар. Экипаж боролся за живучесть корабля до тех пор, пока в индивидуальных спасательных средствах имелся запас кислорода. В конце концов,

командир был вынужден дать приказ: оставить корабль! Вдруг выяснилось, что реактор не заглушен – до конца не опустились решетки аварийной защиты. В любую минуту мог произойти ядерный взрыв. А дело, кстати, было у берегов США, и пол-Америки могло погибнуть! Маятник Апокалипсиса показывал 12!

Матрос Сергей Преминин (вечная ему память!) в одиночку добрался до реактора и вручную заглушил его. Обратного выхода он уже не смог. Бушующий огонь отрезал ему путь к жизни. Парень сгорел, предотвратив ядерную катастрофу в десятки раз страшнее Хиросимы. Атомные часы показывали без секунды 12. – Час X, начало самоуничтожения землян! Конец эксперимента «Homo sapiens»?

Несмотря на начавшуюся в стране гласность, о подвиге Сергея Преминина народ не узнал. Дело в том, что уже в середине октября в американскую прессу просочилось сообщение о том, что «атомная подводная лодка ВМС США в ходе патрулирования в Атлантическом океане получила повреждения корпуса в результате столкновения с подводным объектом». Горбачев в это время искал дружбы с Америкой, и трагедию засекретили.

Кстати сказать, после того, как Кремль добился «дружбы с Америкой», подводное противостояние между нашими флотами не стало менее жестким. 11 февраля 1992 года протаранили друг друга российская атомная подлодка «Б-276» и американская «Батон – Руж». 20 марта 1993 года столкнулись российский ракетный крейсер «К-407» и атомная подлодка США «Грейлинг». К сожалению, точку в этом списке ставить рано.

Может сложиться впечатление, что в результате подводных столкновений большей частью страдают только наши лодки. Это совсем не так.

- Просто мы мало знаем о последствиях столкновений для американской стороны, – рассказал известный подводник, в недавнем прошлом командир соединения атомных субмарин Северного флота, Герой Советского Союза вице-адмирал Евгений Чернов. – Такие сведения наш стратегический соперник, конечно же, засекречивает. Но я, например, знаю случай, когда наша «К-306» так протаранила американскую «Патрик Генри», что та всплыла, и экипаж начал энергично бороться за живучесть, т.е. выживание, плавучесть подводной лодки.

Адмирал Игорь Касатонов в своих воспоминаниях «Флот вышел в океан» пишет: «20 подводных столкновений, в большей степени по вине американцев, произошло за последнее время. Наиболее тяжелым был таран «К-19» 15 ноября 1969 года, уложивший американскую лодку «Гэтоу» на дно Баренцева моря. Тогда только чудо спасло американцев от гибели».

Так что в подводном столкновении шансы у обеих сторон примерно равны (при соизмеримости тоннажа). Правда, многое зависит и от того, какими частями соприкасаются лодки. Скажем, тот, кто ударил килем, конечно, имеет преимущество. Именно по этой причине крупнотоннажный «Курск» (24 тысячи тонн водоизмещения мог получить тяжелейшую пробоину от столкновения с среднетоннажной (у американцев, к примеру, нет лодок свыше 8 тысяч тонн подводного водоизмещения) [239, л. 30].

Так что может быть лучше, чтобы генералы и адмиралы были заняты, на худой конец, постройкой своих фешенебельных дач и особняков, чем тем, чтобы держать под атомным прицелом целые континенты, страны и народы?

Перестройка была необходима в СССР как воздух, она назрела, о ней мечтал народ! Но он мечтал о перестройке, а не о «переломке», об улучшении жизни, а не о приходе «внутренних гуннов», не о разгроме страны, не о позорной капитуляции, равной поражению в III мировой войне, которая шла в виде локальных войн в Корее, Вьетнаме, Афганистане, в Африке!

Зато в настоящее время многие душой и телом устремлены в Европу, Европу и Европу, и чур наше все, евразийское! При этом западная цивилизация, доминирующая в ней супердержава США – не юдоль небесная на земле, а жесткая, прагматичная общественная

система – это прекрасный, безумный гармонично-чудовищный мир всеобщего контроля и пиаровской псевдодемократической регламентации. Не все и на Западе – райские кущи!

Особенность некоторых американских законов состоит не только в том, что они курьезны, но и в том, что они считаются действующими, что их блюдут. Например:

В штате Айдахо подлежит аресту каждый, кто будет рыбачить, сидя верхом на верблюде. (Если там и есть верблюды, то лишь в зоопарке!)

Штраф в штате Аризона налагается на того, кто позволит заснуть в своей ванне ослу. (Ведь надо быть самому ослом, что осла «поселить» в ванне!)

В Атланте нельзя привязывать жирафа к телефонному столбу. (Откуда столько жирафов?)

В Балтиморе нарушителем закона становится тот, кто возьмет с собой в театр льва. (Весьма оригинально и экстравагантно!)

В Техасе нельзя стрелять со второго этажа отеля в бизонов. (Их уже давно перебили!)

На Аляске запрещается будить медведей, чтобы их фотографировать.

В Миннесоте за решетку сядет любой, если обнаружится, что он спит нагишом.

В Юреке (штат Иллинойс) усатым мужчинам запрещается целовать женщин.

Во Флориде домохозяйки, которые бьют в день по три тарелки, могут подвергнуться наказанию по закону.

В Вермонте нельзя свистеть под водой.

В городе Чико (Калифорния) на 500 долларов будет оштрафован тот, кто.. взорвет ядерное устройство [240], от великого – до гротескного – один шаг?!

Великие мечтатели, альтруисты и подвижники, – советские люди – очертя голову бросились в омут новой неизвестной реальности, где имеются не только витрины, но и проблемы. Так, около одного миллиона жителей Австралии, по официальным данным, считаются алкоголиками. Для страны с населением около 19 млн. человек это немало. А еще каждый пятый австралиец страдает от психических расстройств. Среди показаний – наркотическая зависимость, депрессии, стрессы, разного рода мании, раздвоение личности. Причинами психических расстройств специалисты считают, прежде всего, последствия роста благосостояния общества. И страдает в первую очередь молодежь, которая стремится достигнуть еще более высокого материального уровня жизни. Но это резко повышает риск стрессов и усиливает одиночество. Не случайно, констатируют все те же специалисты, Австралия отличается еще и одним из самых высоких в мире показателей числа самоубийств [240].

Встаёт дилемма: что предпочтительнее, – лучше быть богатым или здоровым? 40 процентов австралийцев уже второй год подряд работают без полноценного отпуска. Еще 42 процента брали только частичный отпуск. В принципе, как показало проведенное исследование, 52 процента опрошенных убеждены в необходимости брать отпуск, однако большинство из них предпочитает не делать этого, прежде всего, из-за боязни потерять работу. Приблизительно половина опрошенных утверждает, что будет и дальше работать в поте лица, если почувствует, что есть риск потерять источник доходов. «Австралийцы забыли о значении отпусков, которое заключается в поддержании сбалансированного качества жизни», – сетует руководитель туристической компании.

Ежегодно по меньшей мере десять тысяч японцев умирает от переутомления на работе, в Соединённых Штатах рабочее время увеличилось на целый месяц в год по сравнению с семидесятыми годами, а в Англии сорок четыре процента трудящихся возвращаются домой совершенно без сил. Хуже всего приходится работающим женщинам, чье свободное время составляет примерно 32 часа в неделю (у мужчин его на 14 часов больше), так как женщинам приходится заниматься еще и домашним хозяйством. С одной стороны, растет безработица, а с другой, те, кто имеет работу в любой области и на любом уровне, становятся жертвами стресса от переутомления. Чувство неуверенности, возникающее из-за боязни потерять своё место, порождает новое явление – погоню за «эффектом присутствия»: многие остаются на

своем рабочем месте даже тогда, когда делать там, в сущности, уже нечего. У людей, имеющих высокую квалификацию, слишком длинный рабочий день стал своего рода признаком успеха. В Великобритании каждый восьмой менеджер работает свыше 60 часов в неделю, а больше половины берут еще работу с собой на дом. И не только из страха, что их вытеснят с рынка труда, но еще и из-за развития техники. Компьютеры позволяют продолжать работу, где бы ты ни находился. Это давит на психику не только менеджеров и лиц свободной профессии, но и на работников менее квалифицированных, постоянно пребывающих в страхе перед безработицей. В Великобритании каждая шестая семья живёт на пособие по безработице, четверть всех занятых мужчин работает более 48 часов, а одна пятая – более пятидесяти часов в неделю [242].

Таким образом, не зная брода, мы всем своим этносом прыгнули в воду капитализма. Следствием этого свершилась извечная российская «забава» – вместо грязной воды всегда выплещивать из лоханки младенца, приговаривая при этом: хотели как лучше, а получилось...! Во все века «получается» против животрепещущих интересов народа, на неиссякаемую поживу горстки правителей, оградившихся от народа частоколом дюжих охранников, скрывающих от народа за крепостными стенами своих резиденций кричаще византийско-азиатскую роскошь, отнятую в виде куска хлеба у стариков, стакана молока у детей!

Кем же себя «заявил» М.С. Горбачёв на небосклоне российской истории: дон Кихотом или Маниловым, Александром II или Годуновым? – Всего лишь Нобелевским лауреатом, торгующим спагетти с кетчупом, «лучшим немцем» ушедшего столетия (по номинации в ФРГ!), мещанином во дворянстве! Но ведь «процесс пошёл!» – и на подходе была эпоха Б.Н. Ельцина.

Это цены товаров или номера телефонов – слишком много нулей?

*Народные размышления у
витрин эпохи Ельцина*

Можно умереть за Родину, но не за свою сберкнижку.

Ю. Поляков

Малые погрешности кажутся большими, если обнаруживаются в поведении тех, кому доверена власть.

Плутарх

Смотрит в русском долготерпенье

Череда раки на лугу.

Перед ними в долгу теперь я?!

Что за чушь! Но заснуть не смогу –

Снится ландышевый мне лоб

бабки в стираном сарафане –

не имея денег на гроб,

Похоронена в целлофане.

*А. Вознесенский
«Жуткий кризис»*

«...Дорога не скажу куда..»

Меж нами так не говорят,

нет у людей такого знанья,

*ни вымыслом, ни наугад
тому не подыскать названья,
что мы, в невежестве своем,
строкой бессмертной назовем.*

Белла Ахмадулина

РУССКИЙ НЕРОН, ИЛИ ЕЛЬЦИН – ВЕЛИКИЙ ТАНЦОР, БАРАБАНЩИК, СПОРТСМЕН, ГУРМАН И ОХОТНИК

(Президент-терминатор)

В мировой истории все правители подразделяются на две неравные половины: на подвижников, хранителей и приумножателей своих народов, их славы, богатства и преуспеяния на мировой геополитической арене (пример этому Ал. Македонский, Дж. Вашингтон, А. Линкольн и прочие) и «жертвенных козлов», ведущих свои народы к гибели, ассимиляции, исчезновению. Первых очень и очень немного, на одно перечисление вторых не хватит всех страниц огромной книги, ибо «не ведают они, что творят!»

Кто такие «жертвенные козлы», что скрывается за этим загадочным термином? При забое скота животные чувствуют интуитивно грядущую гибель и никакими силами нельзя загнать стадо к месту забоя – для этого существуют «жертвенные козлы» – красивое, импозантное животное, примыкающее к ждущему забоя стаду, возглавлявшему его и уверенно идущему впереди. Повинуясь тысячелетнему инстинкту, стадо покорно идёт за лидером-вожаком, он получает в конце пути морковку, все остальные – небытие, смерть, гибель. Забой скота – технология, гибель этносов – трагедия!

Подобных «жертвенных козлов» (правителей) множество и среди людей: Ирод, Нерон, Калигула, А. Гитлер и пр. Иногда люди успевали восстать, прервать имидж дьявольских чар правителей, ведущих их на гибель, страдания, деградацию, порой же они шли до конца. Почему это происходит, каковы механизмы этого процесса – в этой главе.

Борис Николаевич переехал в Москву в 1985 году. Уже в конце декабря его назначили первым секретарём горкома партии. Он собирался проводить радикальные реформы, и охранять его решили усиленно. Тогда, работая в МГК, Ельцин прекрасно выдерживал забитый до предела распорядок дня, был демократичен, импозантен, несколько раз проехал в троллейбусе вместо персональной машины, отказался от Кремлёвской больницы, посетил рядовую поликлинику и – стал кумиром страны.

Разваливавшийся на ходу Брежнев, задыхавшийся Черненко, правящий великой страной со смертельного ложа Андропов – все эти вожди, олицетворявшие гибнущую империю вкупе с паясничавшим Горбачёвым, столь дискредитировали великую державу, что стоило Ельцину проехать в троллейбусе, снять в «эфире» пиджак, и страна «пала» к его ногам. (Советские вожди – особая, сложная тема исследования).

Потом он использовал этот незамысловатый приём еще два раза – снимаясь в передачах Эльдара Рязанова. Эффект был тот же. Роль пиджака в судьбе российских политиков исследована слабо. Но вот факты: последний всплеск народной любви к Горбачёву случился в августе 1991 года, когда он сошёл с трапа самолёта, возвратившего его из Фороса, в трогательной домашней кофте. Смелые эксперименты именно с этой частью мужского туалета позволяет себе Жириновский, появляясь перед зрителями то в смокинге, то в ярко-красном френче.

Очевидно, неумение вовремя снять пиджак – вот главная проблема наших застегнутых на все пуговицы политиков.

Кто же такой сам по себе Ельцин как человек и лидер?

Бесспорно: Б.Н. Ельцин – человек-таран, личность, сформированная нашей тысячелетней исторической ментальностью «Ты меня уважаешь? Нет? – Так я тебе докажу!?!» В этом сложность и простота гротескного характера человека-глыбы – Ельцина.

В детстве и юности он перебегает реку по брёвнам. Он дерется в коллективных драках, и хотя называет это спортом, но это не спорт, так как нос ему перебили оглоблей, а русские кулачные бои не допускали никакого оружия, даже пятака в рукавице. Вся его жизнь была на фоне фолы, катастрофы, взрывы, гибели. Он со взломом проникает в охраняемый часовым склад и берет две гранаты [89].

Он взрывает одну из них, при этом ему оторвало несколько пальцев на руке, погибли же мальчишки Юра Крайнев и Валя Шанин (от суда Борю спас отец – большой начальник). Всё это в драке дворовых группировок, одну из которых возглавлял Боря! [89].

Ельцин в зрелые годы: он подавляет бунт работающих у него в подчинении заключенных после того, как урезал им расценки.

Он вопреки приказу управляющего трестом не выводит своих рабочих на сверхурочные первого января [89].

Для достижения вершин партийно-номенклатурной карьеры он приказывает взорвать ряд памятных мест в городе Свердловске, связанных с гибелью Романовых.

Видя ослабление позиций Горбачёва, он бросает ему вызов, автоматически становясь лидером демократов, радикальной интеллигенции, которая «рисует» из заурядного человека, широко представленного в типе кабацкой Руси («Ты меня уважаешь?») защитника народа, отца нации, спасителя демократии, единственную надежду страждущих и обездоленных!

Сильной чертой Б.Н. Ельцина был артистизм: он как бы чувствовал, что ждёт от него масса, народ и подыгрывал ей – в этом его генетическое родство с римским императором Нероном, который, глядя на подожжённый по его же приказу Рим, играл на арфе и пел, а, умирая в сточной канаве, произнёс: «Какой артист умирает!» Про империю не упомянул, ибо в его жизни она была второстепенной, как и в жизни его российского последователя.

Ельцин же «артист» многогранный – танцор (при двух инфарктах!), барабанщик, ложечник (игрок на деревянных ложках!), певец-импровизатор! Парадокс – говоря косноязычно и скудоумно, он попадал в самую цель. Хороши были референты, особенно Валентин Юмашев, нынешний муж дочери Ельцина Татьяны Дьяченко, – заслужил, борзописец!

Вот один из Ельцинских перлов в начале его восхождения к Кремлёвским вершинам власти: «Пока мы живём так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчаться на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка. Потому что стыдно», – так в 1990 году в исполнении Валентина Юмашева в книге Бориса Ельцина «Исповедь на заданную тему» звучало его жизненное кредо.

Для многих, очарованных ранним Ельциным, миф о его «сверхскромности» развеяли еще задолго до выборов президента России в 1996 году. Термин «семья» (в смысле мафия) ввел в оборот Александр Коржаков, бывший начальник Службы безопасности президента, затем депутат государственной думы, заместитель председателя Комитета по обороне [243, л. 9].

Страна влюбилась в своего лидера Б.Н. Ельцина, когда он на полном серьёзе поведал публике, что его семья разделяет все беды и невзгоды россиян: он с Наиной выращивает на загородном участке 4–5 мешков картошки, немного капусты и моркови и этим питаются всю зиму – до нового урожая.

Правда, он не походил на человека, питающегося капустой в прикуску с морковкой: 130-килограммовый мужчина с сизым, как морковка, носом, совсем как у сказочного Джузеппе!

Гастрономические пристрастия Ельцина раскрыл его «верный» друг и охранник А. Коржаков, причём капустой и не «пахло».

Коржаков повествует: «Теперь об икре и осетрине. Вначале Борис Николаевич в еде был неприхотлив. Неприхотливость сохранилась в последнее время лишь в подборе закусок для «тревожного чемоданчика» – в нем лежали дежурная бутылка сначала коньяка, потом водки и немудрёный набор: яблоко, апельсин, бутерброды с колбасой, минералка. Весь кайф заключался в том, что содержимое бутылки выпивалось в разных местах по дороге в Кремль:

тогда еще Рублёвка не была так густо застроена и можно было гулянуть на «обочине». Та же картина повторялась, когда засветло ехали обратно на дачу. Главное, менять место, тогда и закуска кажется разнообразной. Содержимое чемоданчика водитель каждый раз обновлял.

В Завидове повар Дмитрий Самарин начал баловать Бориса Николаевича. «Помню, готовил то почки заячьи, то уши говяжьи, то любимое блюдо Ельцина, – рассказывает Коржаков, – лосиную губу. Нужно целого лося убить, чтобы приготовить такой изыск. Я как-то пробовал: холодец и холодец. Смущало также, что до конца опалить глубоко вросшие лосиные колючки с губы невозможно.

Но самое деликатесное блюдо из меню Самарина – это ножки молодых поросят, приготовленные во фритюрнице. Очень дорогое блюдо. Любимыми из прошлых еще времён по-прежнему оставались пельмени из свежайшего мяса нескольких видов: олень, кабанчик, лось.

С утра Борис Николаевич обычно скромно завтракал кашей, чаще овсяной. Когда приезжал на работу, вызывал Самарина: «Дима, ланч!» Ланч состоял из запотевшей стопки водки, баночки икры, в которой он вяло ковырялся, глазуньи из двух яиц и черного хлеба с обрезанной корочкой» [243, л. 10].

Очевидно, сложность реформирования великой России, «шоковая терапия» Гайдара и Чубайса требовали постоянного «допинг-ланча» у великого российского реформатора, артиста, барабанщика и танцора, «лучшего» теннисиста Кремля всех времён и народов Б.Н. Ельцина.

К теннису он пришёл не сразу, а через пристрастие... к бильярду. «Верный» А. Коржаков повествует об этом следующее: «Условия на всех госдачах были прекрасные. Много спален, кинозал, открытый бассейн, спортивные сооружения, бильярдная. Бильярд Борис Николаевич обожал. Он же стал моим первым учителем. Естественно, играл лучше меня. Позже, когда нужно было выиграть, я выигрывал. По полночи не спал – тренировался, чтобы выиграть.

Всего мы с Борисом Николаевичем за 10 лет вместе «отдыхали» раз 50, – рассказывает Коржаков.– День начинался с завтрака, потом доклад первого помощника Виктора Илюшина, затем загар на пирсе. Любил на отдыхе читать детективы, в основном иностранные. Серьёзных книг у него я никогда не видел.

Впрочем, Хазанов как-то подарил ему томик произведений какого-то классика, весьма специфический, с виду обычная книга, а внутри – полая, там была спрятана бутылка водки.

Через день мы играли в теннис. Вдвоём. Пока в его жизни не появился Шамиль Тарпищев. Когда Борис Николаевич отдыхал в Прибалтике, Шамиль пригласил его принять участие в Юрмальском турнире по теннису в качестве почетного гостя. Шел 88-й год, и Ельцин тогда уже находился в опале. Шеф оценил мужественный жест Шамиля и ходил на турнир ежедневно. Позже, в 1991-м, мы в Юрмале опять встретили Тарпищева. Борис Николаевич начал играть с Шамилем в паре. Появился тогда в нашей компании юморист Михаил Задорнов, он хорошо играл и очень смешно падал – шефа его шутовские пируэты забавляли. Играл с нами и дипломат Нейланд (потом он стал министром иностранных дел Латвии). С тех пор шеф полюбил играть в теннис именно в паре» [243, л. 9].

А. Коржаков сообщил забавную историю о том, как Ельцин чуть было не «сел» на голодный рацион российского пенсионера, и как это его возмутило и задело за живое: «С Завидовским хозяйством связан один забавный случай – из серии гастрономических чудес. Едем мы как-то в Кремль, а Борис Николаевич мне и говорит: «Александр Васильевич, а что там Фертиков делает? У нас дома уже совершенно нечего есть: жена по утрам только кашу мне дает, уверяет, что все погреба пустые – из Завидова ничего не поступает».

Я удивился, ведь оттуда каждый день приходила машина. Кроме свежей дичи, везли свежайшее молоко от своих коров (финская ценная порода – была подарена еще Л.И. Брежневу Урхо Калево Кекконеном), молочные продукты, копчености, домашнюю колбасу, зелень, форель, щуку, карпа. Срочно поехал на дачу в Барвиху смотреть «закрома Родины».

Выговариваю коменданту, тот удивляется и ведет меня в «подполье», где я никогда не был. Огромное помещение под 100 метров, все увешано десятками туш, окороков. Комендант подтвердил – машина из Завидова приезжает каждый день.

Я говорю шефу – вас кто-то ввел в заблуждение: в подполе яблоку негде упасть, может, жена просто хочет, чтобы вы похудели. Тот отвечает: «Ну ладно, доставай наш заветный чемоданчик, а она пусть себе «хочет!» [243, л. 9–10].

Отдыхал Борис Николаевич после Беловежской пуши, расстрела парламента, дефолта и прочих своих «подвигов» поистине «демократично»: когда М.С. Горбачёв, смещенный в конце 1991-го года с поста президента СССР, съехал с госдачи в Барвихе-4, «по наследству» она перешла к новому президенту «новой» страны. Место Борису Николаевичу сразу понравилось. Более шестидесяти гектаров огороженной территории, за забором предусмотрено все: специальный отвод Москвы-реки с плотиной и прудом, где рыба ловится на голый крючок, просто сама выпрыгивает навстречу рыболовам: детские площадки, сады, вольер для собак. Здесь же – теннисный корт и тренажерный зал.

А. Коржаков свидетельствует: «Но когда Ельцин посетил Старое Огарево, где Горбачёв построил представительскую дачу (загородная резиденция Михаила Сергеевича располагалась в Ново-Огареве), Борису Николаевичу захотелось именно туда. Там, правда, не было ни детских площадок, ни теннисного корта, да и баня маловата. Тем не менее, в соответствии с Указом президента России Барвиха-4 была объявлена резиденцией для высоких иностранных гостей, прибывающих в гости к «самому», а Старое Огарево – напротив – объявлялась его личной резиденцией. «Но семья отказалась туда переезжать, об указе забыли, и, кажется, даже не отменили», – говорит Александр Васильевич.

В 2000 году, после «прощания с электоратом», семья освободила казенную дачу «Горки-9» и снова переехала в Барвиху-4, но уже отремонтированную по эскизам, утвержденным Татьяной Борисовной, ныне Юмашевой.

Александр Васильевич Коржаков рассказывал, что строители, занимавшиеся ремонтом этой дачи, чуть ли не со слезами на глазах сбивали отбойными молотками прекрасную отделку из итальянского мрамора, который когда-то подбирала Раиса Максимовна, чтобы заменить ее дешевой лепниной, хотя архитектор и руководитель строительства получили от М.С. Горбачёв по ордену Ленина.

Но больше всего Ельцин полюбил Завидово. Мог там бывать и день–два, а то и неделю, а порой и месяц. Инфаркты все там случались. Завидово считается самым большим и богатым охотничьим хозяйством России (территория 120 кв. километров). Расположено оно в Тверской области, недалеко от Москвы. На охоту туда ездил ещё Ворошилов. При Владимире Фертикове – новом директоре хозяйства, которое, согласно Указу Б.Н. Ельцина, было преобразовано в национальный парк с соответствующим статусом и отдельным пунктом в госбюджете, Завидово расцвело. Сейчас здесь живет огромное поголовье оленей, маралов, кабанов, лис, зайцев. Правда, в этом национальном парке нет туристов. Там в 90-е хозяйствовал один лишь главный охотник и жила его свита. Безусловно, к главному охотнику приезжали гости. В Завидове побывали Гельмут Колль, Брайан Малруни, Мауно Койвисто.

«Охота – главная страсть шефа, – говорит Коржаков. – Борис Николаевич себе поставил цель убивать в день не меньше тридцати оленей, лосей, маралов, кабанов. Ходили на охоту трижды в день (утром, днем, ночью). За один выход шеф как-то убил девять лосей – расстрелял все стадо, в том числе самых маленьких.

По лесопарку проходит целая сеть асфальтовых дорожек. Ездили мы на машинах, с люком. Можно стрелять из люка или из окна. Не нужно быть Ворошиловским стрелком, чтобы при помощи цейсовской оптики попасть в прикормленных животных. Если стрелял я, то старался попасть животному в лоб или шею. Борис Николаевич стрелял всегда в сердце, потому треть туш приходилось выбрасывать или отдавать собакам.

Если ходили на охоту не на млекопитающих, а на пернатых, то Борис Николаевич убивал не менее 100 уток. Такая вот норма [243, л. 10].

Он, как известно, вообще был большой любитель отдыха и в 1997 году провел, «работая над документами», в разных своих резиденциях больше 250 календарных дней.

Свой рассказ очевидца о заветном для Б.Н. Ельцина А. Коржаков завершил следующим пассажем: «Когда я увидел загородную резиденцию Джоржа Буша-старшего, Кэмп-Дэвид, был потрясен, – вспоминает Коржаков. – Рассчитывал увидеть роскошный особняк с царской обстановкой, а все домики будто из фанеры, совершенно одинаковые, скромные. Питание в Кэмп-Дэвиде, где расположен не только дом президента США, но и других высших чиновников, общественное, что-то вроде санитарного. Все достойно, но очень просто. Вот тогда я думал, что не одно поколение россиян должно вырасти в достатке, чтобы первые лица государства жили именно так..» [243, л. 10].

Парадоксы истории: тысячелетиями российский народ (а до этого – народы империи!) жил в невероятной, кричащей нищете, на грани физического выживания, в постоянном экстриме, а его ущербная (в основном!) элита – от царей, императоров, генсеков и до президентов – всегда, в самые трудные для страны години, купалась в кричаще-азиатской, выставляемой напоказ роскоши, с которой могли сравниться только правители Поднебесной империи, Персии или Турецкой империи! Но эти азиатские правители исчезли, их заменили правители другого стереотипа – европейского, на СНГ-овском же пространстве правят азиатские богдыханы, которые не желают делить тяготы «перестроек» и «реформ» с народом! Как писала госпожа Сталь, «Деспотизм, смиримый лишь удавкой и более ничем!» – вот наша модель правления!

Что же так удивило в традициях, правилах отдыха западных правителей, лидеров «верного Санчо Панса» Ельцина – А. Коржакова, объехавшего с ним весь мир? Виктор Агеев, – знаток немецкой реальности, отмечает: «Наверняка, немецкие политики, от канцлера до депутатов, должны втайне завидовать российским коллегам, имеющим в своём распоряжении государственные дачи и резиденции. Сегодняшняя Германия этого себе позволить не может. Как из этических соображений, так и из финансовых» [244, л. 7].

Представим себе невозможное: правительство ФРГ включает в проект госбюджета расходы на строительство загородной резиденции для канцлера, мотивируя это тем, что-де важных гостей принимать негде. Прежде всего, возмутится оппозиция, в руках которых полно конституционных рычагов для блокирования любого неугодного законопроекта. Немедленно включатся в дело журналисты. Народу будут предложены дискуссии на тему: почему такие привилегии канцлеру, если Германия – парламентская республика? Какой субъект германской федерации должен добровольно отказаться в пользу «центра» от части своей территории, к тому же, как вы понимаете, лучшей? Кто за это должен платить? Весь народ или только население той федеральной земли, у которой эту территорию отнимают? В общем, правительство, которое предложит строить резиденцию, может забыть о переизбрании на новый срок.

Все это, однако, вовсе не означает, что политики и чиновники Германии не пытаются получить от жизни радости за счет налогоплательщиков. Еще как пытаются. Но конкуренты и журналисты не дремлют, а потому современная история Германии полна скандалов и отставок, вызванных попытками политиков красиво жить за чужой счет. Самый свежий пример – «адлонгейт». Так назвали инцидент с Эристом Вельтеке, теперь уже бывшим президентом Центрального банка ФРГ [244, л. 7].

Отвлечёмся от темы и напомним, что немцы строят «социализм с человеческим (наверное, немецким!)» лицом, поэтому у них все непонятно как происходит – образование и медицина бесплатны, а рабочие получают до 35–45 евро в час. Может быть, всё это потому, что их правители не умеют отдыхать так, как наши горемычные «слуги народа?» Власть – это в идеале все-таки служение народу, а не заурядное «кормление?!» Однако вернемся к нашей проблеме – то бишь как отдыхают у них и у нас.

Из-за жадности с треском вылетел с поста министра обороны Германии Рудольф Шарпинг. Это произошло после того, как журнал Stern уличил Шарпинга в получении десятков тысяч евро гонораров за выступление с лекциями и 20 тысяч за еще не написанные мемуары. Но по-настоящему прославился Шарпинг другим: он не менее сорока раз летал на служебных самолетах к своей подруге, живущей на Майорке. Вечером из Берлина он летел на Майорку, утром из Майорки летел на Балканы, где проверял боевой дух солдат, затем вновь возвращался на Майорку [244, л. 7–8].

Не отказывался от перелетов за счет крупных банков на отдых, автогонки или традиционный бал в венской опере и тот же Вельтеке. Грешил этим и Шредер в бытность премьер-министром Нижней Саксонии. Его поездки на венские балы оплачивал концерн «Фольксваген», штаб-квартира которого находится на территории этой федеральной земли. Когда подобные путешествия получают огласку, политикам приходится доказывать, что они за все платили сами. Они и расплачиваются, но только после того, как скандал уже начался. В некоторых случаях это запоздалое «раскаяние» не помогает, как это было с премьер-министром Баден-Вюртемберга Шпэтом.

Даже эти примеры, первыми пришедшие на ум, дают представление о том, какие барьеры на пути к привилегиям и бесплатной красивой жизни приходится преодолевать западным политикам. И такое щепетильное отношение к вопросу имеет свою историю. В послевоенной Германии из этических соображений считалось невозможным использовать государственные дачи, резиденции, дворцы, замки, охотничьи угодья, находившиеся, прежде всего, в руках нацистских лидеров. После войны даже у канцлера не было государственной квартиры. Первые лидеры ФРГ, Конрад Аденауэр и Людвиг Эрхард, жили в своих собственных домах. Аденауэр ездил ежедневно на работу на обычном городском пароме через Рейн. Все изменилось только в конце 60-х годов, когда в стране возникла террористическая организация РАФ. Тогда было решено усилить охрану канцлера и поселить его на территории парка, окружавшего здание, где заседал кабинет. Для этого под вековыми секвойями и кедрами построили так называемое «бунгало» – небольшое одноэтажное бетонно-стеклянное здание. В общем, эта была служебная квартира, где канцлер принимал только своих близких друзей, и куда журналистов никогда не пускали [244].

Для официальных гостей страны МИД Германии долгое годы арендовал старинный замок Германии в 50 километрах от Бонна и построенную еще в XIX веке гостиницу «Петерсберг», эффектно расположенную на одноименной горе в пригороде Бонна. Однако в конце прошлого столетия правительство ФРГ из экономических соображений отказалось от аренды замка Гимних.

Для своих личных нужд канцлер арендует подходящее помещение. Например, для празднования 60-летнего юбилея Шредера был снят концертный зал в Ганновере – городе, где он жил до того, как стал канцлером.

Отсутствие собственной резиденции для отдыха порой создает канцлеру затруднения. Так случилось несколько лет назад, когда между Италией и Германией произошла размолвка из-за бестактного замечания итальянского чиновника, заявившего, что его стране надоели невоспитанные немецкие туристы. А канцлер Шредер собирался, как всегда, провести летние каникулы именно в Италии, в гостях у своего старого друга-художника. Но допустимо ли ехать туда в сложившейся ситуации? Не будет ли это воспринято как проглоченное оскорбление? На канцлера посыпались приглашения со всех сторон Германии. В результате долгих переговоров между правительствами обеих стран было достигнуто соглашение о том, что итальянцы приносят извинения. Но канцлер в Италию все же не поехал. А отпуск он провел с женой и дочерью в Ганновере, где Шредеру принадлежит часть многоквартирного дома.

У предыдущего канцлера ФРГ Гельмута Колля проблем с летним отпуском никогда не возникало. Колль проводил его всегда в Австрии: регулярно и безуспешно пытался сбрасывать вес на курорте Бад-Гаштайн [244, л. 8].

Может быть, немецкие руководящие деятели – некая аномалия, исключение из общемировой практики? Как же должны отдыхать президенты супердержавы – США, наверное, супер-супер-супернее всех в мире?! – Отнюдь!! – Знаток реалий Белого дома В. Абаринот отмечает: «Первые президенты не только не имели права на оплачиваемый отпуск, но и должны были содержать секретарей и прислугу за собственный счет. Сохранился рисунок, изображающий первую леди США Абилай Адамс, собственноручно развешивающей белье на веревке в одной из комнат только что отстроенного Белого дома. В своих письмах родственникам они постоянно жаловались на нехватку свечей и других предметов первой необходимости: питьевую воду приходилось носить из колодца, расположенного в пяти кварталах от резиденции главы государства. Расточительство президента не раз становилось темой избирательных кампаний. В 1828 году (эти выборы вошли в историю как самые «грязные») сына Джона Адамса, Джона Куинси Адамса, его соперник Эндрю Джексон обвинил в том, что он превратил Белый дом в игорный, закупив за счет налогоплательщиков оборудование для азартных игр. Адамс-младший действительно купил бильярдный стол и шахматы, но на собственные средства. Многие президенты лично вели свою переписку; ещё Гровер Кливленд (он избирался президентом дважды, в 1885–1889 и 1893–1897 годах) сам отвечал на телефонные звонки. Деньги на оплату услуг секретаря президента конгресс стал выделять лишь в 1897 году, и только после убийства в 1901 году президента Уильяма Маккинли к его преемникам была приставлена персональная охрана. Наконец, первым президентом, сподобившимся получить пожизненную государственную пенсию, стал Дуайт Эйзенхауэр, сложивший полномочия в 1961 году» [244, л. 5].

Неужели американские президенты, высшие должностные лица, совсем не отдыхают, а только трудятся, трудятся и трудятся на благо своей великой, процветающей Америки?

В период становления и развития американской державности не было речи и ни о каких казенных загородных резиденциях. Впервые об этом задумались во время Второй мировой войны. Врачи рекомендовали президенту Рузвельту найти возможность уединения неподалеку от столицы, где летом стоит страшная жара. Президент выбрал место в поросших лесом горах Катоктин в штате Мэриленд на высоте 500 метров над уровнем моря, где еще до войны было построено нечто вроде базы отдыха для федеральных чиновников и их семей. База состояла из нескольких коттеджей, столовой и бассейна. Для президента возвели новый дом в соответствии с его пожеланиями.

Рузвельт назвал резиденцию Шангри-Ла (в русской традиции – Шамбала): она вступила в строй в июле 1942 года и по сей день остается единственным государственным загородным домом президента. Дуайт Эйзенхауэр переименовал ее в Кэмп-Дэвид в честь внука Дэвида. Он же впервые провел там заседание кабинета и принимал советского лидера Никиту Хрущева. Семья Кеннеди особенно любила Кэмп-Дэвид из-за возможности заняться верховой ездой. При Ричарде Никсоне в Кэмп-Дэвиде была проведена полная реконструкция. В июне 1973 года там останавливался Леонид Брежнев. Джимми Картер в 1978 году принимал в Кэмп-Дэвиде президента Египта Анвара Садата и премьер-министра Израиля Менахема Бегина; первый арабо-израильский мирный договор вошел в историю как Кэмп-Дэвидские соглашения, а в советской печати их называли «Кэмп-Дэвидским сговором». Больше времени, чем любой другой президент, в Кэмп-Дэвиде провел Рональд Рейган, тоже любивший верховую езду. А в 1992 году там сыграли свадьбу: Джордж Буш-старший выдал замуж свою дочь Дороти [244, л. 5].

Но Кэмп-Дэвид – это рабочая резиденция американских президентов, но где же они отдыхают-то? Дело в том, что отпуск в Кэмп-Дэвиде проводить не принято – для этой цели президент отправляется, как правило, к себе домой. Джеральд Форд отдыхал в своей квартире в городе Вэйл, штат Колорадо. Картер уезжал на арахисовую ферму близ города

Плэйнс в штате Джорджия, где он родился и вырос. Если повезет, его и сейчас можно увидеть в Плэйнсе верхом на велосипеде. Рейган ездил в отпуск на свое ранчо неподалеку от Санта-Моники в Калифорнии. Буш-старший – в фамильный дом в курортном городе с четырехвековой историей Кеннебанкпорт, штат Мэн, на берегу Атлантического океана; там он постоянно живет и сейчас, наслаждаясь рыбалкой.

У Билла и Хиллари Клинтонов никакого собственного жилья, кроме казенного, не было, поэтому в отпуске они гостили у своих друзей, чаще всего на острове Мартас-Виньярд у юго-восточного побережья штата Массачусетс. Однако друзья – вопрос в данном случае щекотливый. Журналисты сразу же начинают выяснять, не имеет ли друг семьи какого-либо корыстного интереса. В случае с хозяином Клинтоном, мультимиллионером Ричардом Фридманом, такой интерес обнаружился: он собирался открывать казино и строить два отеля на землях, вплотную примыкающих к аэропортам, – на все это требовалось разрешение федеральных властей. Аренда дома, аналогично тому, в котором жило семейство президента, стоит 10 тысяч долларов в неделю. Гостеприимство Фридмана, таким образом, могло дорого обойтись налогоплательщикам. Пресс-служба Белого дома, впрочем, сослалась на свод этических правил для федеральных служащих, которому такие дружеские визиты не противоречат.

Между прочим, Клинтон был единственным президентом, который, планируя свой отпуск, ориентировался на опросы общественного мнения. Когда в 1995 году выяснилось, что большинство колеблющихся избирателей предпочитают ходить в походы, он, Хиллари и дочь Челси именно так провели два лета подряд в Вайоминге, проживая в кэмпинге и плавая на байдарках, не планировал при этом убивать по 100 уток или «завалить» целое лосиное стадо с лосятами! (Ибо это был бы его последний «подвиг» перед импичментом!)

Президент Джордж Буш-младший обожает свое ранчо близ Кроуфорда, штат Техас. Он купил этот участок площадью 1600 акров (647 гектаров) в 1999 году, будучи губернатором Техаса. Сумма сделки не разглашается, однако известно, что акр земли стоит в этих местах от 800 до 850 долларов. Буш-младший, хоть и происходит из родовой новоанглийской семьи, вырос в Техасе. Сюда он и вернулся после окончания Йельского университета и Гарвардской школы бизнеса. Президент терпеть не может внешнего лоска и показухи рафинированного общества, а также того, что сам определяет как «интеллектуальный снобизм». Потому он выбрал для уединения эти места, удаленные от светской тщеты, места, где нравы простые, а жизнь трудная. Он удаляется сюда при малейшей возможности, облачаясь в куртку и ковбойские сапоги и объезжая свои владения на обшарпанном пикапе [244, л. 5].

«Знаете, для чего Бушу президентство? – пошутил как-то сатирик телеканала NBC Джей Лино. – Чтобы отдохнуть 80 дней в году». Трудно уязвить нынешнего президента США больнее. Его отпуска у американцев притча во языцех. Первый раз в должности главы государства Джордж Буш отправился отдыхать в начале августа 2001 года, то есть спустя шесть месяцев после инаугурации, а вернулся на службу после Дня труда, который отмечается в первый понедельник сентября. Тем самым он сразу побил рекорд Ричарда Никсона – тот однажды был в отпуске 30 дней. Между тем средняя продолжительность отпуска в США меньше, чем в любой европейской стране, – всего 13 дней в году [244, л. 4].

Упреки критиков не вполне справедливы. У президента США, что называется, ненормированный рабочий день. Вопреки распространенному заблуждению, вице-президент – не заместитель президента. У главы государства нет заместителей. В любое время дня и ночи он на службе, поэтому и отпуск у него рабочий. Вместе с ним в Кроуфорд переезжает значительная часть его аппарата, из-за чего ранчо неофициально называют «Западным Белым домом». Здесь он проводит очные и заочные совещания с членами кабинета, а его советник по национальной безопасности К. Райс, у которой нет своей семьи, живет здесь на правах близкой родственницы.

Городишко Кроуфорд на географических картах отсутствует – он слишком мелкий, его видно лишь при масштабе «в одном сантиметре пять километров». Живут в нем, включая

младенцев, 705 человек. Большинство взрослого населения работает в ближайшем крупном (100 тысяч жителей) городе Уэйко. В Кроуфорде имеется пять церквей, один ресторан, переоборудованный из бывшей бензоколонки, супермаркетов и отелей – ни одного. Ожидается открытие второго ресторана. Как и первый, он будет безалкогольным – в Кроуфорде, как и во многих других населенных пунктах Техаса, действует сухой закон.

Город возник на пересечении автострады с проселочной дорогой в середине XIX века. Поблизости к тому же протекала река Миддл-Боск с бродом как раз на этом участке (в честь первооткрывателя этого брода Нельсона Кроуфорда город и получил свое имя), а в 1881 году в двух милях к западу пролегла железная дорога. Так что Кроуфорд был важным транспортным узлом. Основными продуктами местной экономики были, да и теперь остаются, хлопок, пшеница, кукуруза и шкуры домашних животных. Своего расцвета Кроуфорд достиг в 1910 году – его население составило 600 человек, в городе действовало 35 компаний.

С избранием президентом Джорджа Буша в городке мало что изменилось. Местный бизнес выпустил, правда, в продажу кое-какую сувенирную продукцию – майки, кружки, значки, а также карту с детальными указаниями, как добраться до президентского ранчо. Однако энтузиасты, отправившись на осмотр недвижимости Бушей, не увидят ничего, кроме забора из колючей проволоки и строгих табличек: «Не останавливаться. Не задерживаться. Не парковаться». Так что туристического бума и экономического оживления в Кроуфорде не наблюдается [244, л. 5]. Так живут, работают и отдыхают лидеры Запада, пресловутого «золотого миллиарда», может быть, поэтому он и «золотой»?

Политическая же жизнь в России идет по каким-то особым вселенским часам, по невероятному календарю ИСТОРИИ. Главный перелом, по нашему историческому календарю, – это бурный и таинственный август – месяц, в котором происходят всегда самые жуткие и грозные события. Август – время вступления России (1914) в первую мировую войну и корниловского (1917) мятежа, с которого начался роковой кризис Временного правительства. Август 1939 года – пакт Молотова-Риббентропа, который, как считают многие историки на Западе и у нас, дал отмашку второй мировой. Для новейшей российской истории это вообще роковой месяц: путч 1991 года, дефолт – 98, правительственные кризисы 1998-го (слетел Кириенко) и 1999-го (слетел Степашин), воцарение Путина, первые (1999, 2000) теракты в Москве, «Курск» (2000), пожар Останкинской телебашни (2000). Как будто Воланд в августе обитает в Москве!

На самом деле никакой мистики тут нет. Вся политическая история России, выглядящая непрерывной чередой почти неотличимых оттепелей и заморозков (или, если угодно, отморозков и подморозков), легко ложится на годовой цикл. Август – время первой усталости (отсюда обилие техногенных катастроф – устают и металл). Август – месяц нервный, время тревожной лихорадки перед неизбежной осенью. Наконец, это традиционное время российских отпусков – наши люди стараются откладывать отпуск на последний месяц лета, на сладкое, на закусочку. Или правительство в отставку, или путч – не забудем, кстати, что и в 1993 году окончательно раскол между президентом Б.Н. Ельциным и парламентом случился в августе, а до того были надежды на перемирие... То ли от жары устают первые лица, то ли тоска от предстоящих холодов заставляет их делать резкие движения [245, л. 6]. От августовских событий 1991 года «по-молодецки» Ельцин и его команда провели Россию через шок без анестезии, «приговорив» к гибели, страданию десятки миллионов людей старшего и среднего возраста, отобрав их «гробовые» сбережения, введя в России «большевистский капитализм».

В начале 1992 года американские советники тогдашнего премьер-министра России Егора Гайдара предложили ему сказать что-нибудь утешительное пенсионерам, только что лишившимся своих сбережений в Сбербанке. Например, пообещать им, что правительство вскоре компенсирует им потери, Гайдар наотрез отказался. Мол, эти деньги существовали только на бумаге, на самом деле советские власти их давно проели. С экономической точки

зрения Гайдар, может быть, был не так уж и не прав. Но с человеческой и политической – не прав абсолютно. Что поделаешь – «мальчиш-плохиш» и бочка варенья! (по А. Гайдару).

Рейган же тратил очень много усилий для того, чтобы показать населению, что он чувствует их боль. Например, президент лично (очно или по телефону) общался с родными каждого американца, погибшего во время его правления от рук террористов или в военных конфликтах. Понятно, что после такого разговаривать с людьми, которые потеряли «всего лишь» деньги, было не столь уж сложно.

Всесторонне анализируя ситуацию, видно, что то, что утверждал Е. Гайдар, было ложью: советская империя была богатейшей страной мира с неиссякаемыми ресурсами – необходимо было их мобилизовать и дать населению как компенсацию в виде той или иной материальной ценности! Не дали! Но вскоре сотни миллиардов долларов потекли за рубеж на счета вчерашней номенклатуры, уголовников – нынешних олигархов, хозяев жизни стран СНГ!

Перед страданиями россиян содрогнулся Запад, выделяя для смягчения их участи, для проведения реформ миллиардные займы и гранты. Как же они были использованы, на что были направлены?

30 апреля 1996 года в американском конгрессе состоялись слушания, посвященные России. Это мероприятие, как явствует из стенограммы, официально именовалось так: «Слушания комитета по международным делам палаты представителей конгресса США на тему «Угроза со стороны российской организованной преступности» под председательством конгрессмена Бенджамина Гилмана (республиканец, Нью-Йорк) и с участием свидетелей Джона Дейча, директора ЦРУ, Луиса Фри, директора ФБР, Эрика Сэйдела, помощника окружного прокурора и главы департамента по борьбе с оргпреступностью штата Нью-Йорк». В слушаниях, кроме указанных лиц, принимали участие члены американского конгресса и эксперты.

Открывая слушания, председательствующий конгрессмен Гилман сформировал эти тезисы так: «Имеются факты, что организованная преступность в России сегодня – это, вероятно, самая быстроразвивающаяся отрасль. В результате, во многих случаях практически невозможно провести границу между российской организованной преступностью и российским государством. Во многих аспектах российская власть фактически предстает как полномасштабная клептократия, ориентированная только на то, чтобы обогатить стоящих у власти и их приближенных... В новых условиях открытой экономики группировки российской организованной преступности процветают, как плесень в блюде».

Конгрессмен Том Лэнтос (демократ от штата Калифорния) дополнил пассаж Гилмана о клептократии таким замечанием: «На этом фоне мнение о том, что централизованная большая экономика, которой управлял кровожадный деспот, может вдруг реформироваться в рыночную экономику, управляемую демократическими институтами, выглядит совершенно абсурдным» [246, л. 2].

Джон Дейч, глава ЦРУ, эти тезисы развил следующим образом: «Организованная преступность и коррупция представляют собой растущую угрозу для политических и экономических реформ в России. Многие представители элиты прямо связаны с сомнительной или незаконной деятельностью... Русский народ рассматривает преступность и коррупцию как серьезную и все возрастающую угрозу и может возложить вину за крах законности и порядка на институты демократии и свободного рынка. Связь между правящей элитой и криминальными элементами подрывает саму возможность российского правительства обеспечить социальную справедливость, равенство возможностей и повышения уровня жизни населения...».

По мнению директора ФБР Луиса ФРИ, в нынешней России особая криминальная активность отмечается в сфере финансовых спекуляций, манипулировании банковской системой, в незаконных мошеннических операциях с государственной собственностью.

Далее в списке шефа ФБР следует «традиционные» для преступных группировок «отрасли» – заказные убийства, вымогательства, транспортировка наркотиков, проституция, рэкет и проникновение в легальные структуры бизнеса. К этому «джентельменскому набору» директор ЦРУ Джон Дейч рекомендовал добавить частичную либо полную криминализацию таких экономических секторов, как энергетика, металлургия, строительство, торговля, транспорт, производство алкоголя, продажа автомобилей.

При этом директор ФБР был вынужден подчеркнуть, что не считает российский криминальный мир чужим и далеким для американцев – согласно его показаниям, в США заведено уже несколько сот уголовных дел, связанных с преступлением, имеющими «российские корни». В свою очередь, директор ЦРУ на слушаниях в конгрессе признал, что деятельность преступных организаций в России напрямую затрагивает сферу компетентности ЦРУ по двум причинам: во-первых, масштабная коррупция и преступность подрывают политическую и экономическую стабильность в России и мешает поступательному движению по направлению к демократии и рыночной экономике: во-вторых, российские криминальные синдикаты в своей деятельности вышли за рамки национальных границ, оперируют уже в 50 странах мира и несут угрозу американским интересам [246, л. 2].

Конгрессмен Гамильтон спрашивал директора ФБР Фри: «У вас есть уверенность в том, что президент Ельцин использует всю полноту власти для борьбы с преступностью в России?» «Боюсь, что мне не удастся предложить вам абсолютно очевидное суждение на этот счет», – отвечал глава ФБР. «Скажите, – не унимался Гамильтон, – а вы удовлетворены их возможностями по части расследований дел о коррупции в высших эшелонах?» «Нет, – честно признается директор ФБР. – Вся их система – и следствие, и прокуратура, и суды – очень неэффективна».

Говоря о российской специфике, приглашенные на слушания эксперты и свидетели выделяли поразительные, с точки зрения, особенности.

Отмечалось, что в отличие от подавляющего большинства других стран, в процессе приватизации государственной собственности Россия идет своим путем – в результате приватизации, изрядная часть собственности переходит в «криминальные руки», но это не ведет как везде, к тому, что вчерашние бандиты плавно превращаются в инвесторов и рачительных хозяев. В России «криминальная приватизация» просто открывает шлюзы к бесконтрольному вывозу природных ресурсов и денежных средств за пределы страны. Бандит, проще говоря, в России ни во что не превращается – вот незадача, разве что в «номенклатурного» бандита [246, л. 2].

К оценке постсоветской реальности были привлечены не только директора ФБР и ЦРУ, но и многие известные политологи, социологи, юристы и экономисты, которые смогли выйти на значимые научные обобщения. На слушаниях в конгрессе звучали и такие экспертные оценки: нынешняя российская преступность и коррупция представляют собой новую форму авторитаризма; российская промышленность и ресурсы приватизируются в пользу криминальных групп, и многие представители правящей элиты, ответственные за принятие экономических и политических решений, напрямую вовлечены в незаконный бизнес и махинации.

Последний тезис вызвал уточняющий вопрос конгрессмена Уинна: «А нет ли среди высокопоставленных российских официальных лиц, на уровне членов правительства, с которыми имеет дело американская сторона, таких, кто криминально вовлечен в оргпреступность?» Приглашенная на слушания в качестве эксперта госпожа Шелли (доктор, профессор факультета правосудия, права и общества в Американском университете, координатор программы по изучению российской преступности) прямодушно ответила: «В настоящее время, по моим источникам, в России серьезные проблемы, связанные с коррупцией, существуют на всех уровнях российского руководства» [246, л. 2].

Конгрессмен Ройс, например, после выступлений экспертов даже обратился с характерным вопросом к директору ЦРУ: «Если так трудно разграничить преступников и представителей российского правительства, не будет ли правильным назвать Россию криминальным государством?»

Конгрессмен Генри Хайд (республиканец от штата Иллинойс), попросив у председательствующего слово, произнес краткую речь: «Я читал Арно де Борчгрейва (занимал пост старшего советника Вашингтонского центра стратегических и международных исследований). Этот Арно крутой парень, и то, что он рассказывает, это очень серьезно. Он утверждает: то, что многие на Западе восприняли как начало демократического капитализма в России, сейчас представляет собой государство, криминализованное снизу доверху. Да, это сильное заявление, особенно в свете только что сказанного господином Дейчем. Он ведь сказал это: «Тридцать процентов членов Государственной думы являются членами банд организованной преступности». Потом он говорит, что из примерно 110 миллиардов долларов, полученных Россией официально от различных западных стран и международных институтов на протяжении последних семи лет, около 40 процентов осели на номерных счетах под контролем нового криминального класса в России. Даже если половина из этого правда, то мы имеем дело с крупнейшей проблемой... Возрождение коммунистов из пыли Берлинской стены является отражением того, что общественность не питает доверия к тем, кто пришел на смену коммунистам, так называемым (сторонникам) свободной рыночной экономики. И я усматриваю в этом главную проблему... Я хотел бы, чтобы директор Фри и директор Дейч прокомментировали этот довольно пессимистичный анализ того, что происходит в России.

Руководитель ФБР Луис Фри на поставленный вопрос ответил так: «Я думаю, что это можно рассматривать в нескольких плоскостях. Что касается тезиса о коррупции сверху вниз и наоборот, то естественно, мы относимся к этому очень серьезно» [246, л. 2]. Так приватизация в СНГ была «кражей тысячелетия».

Но «не всё было плохо» на необъятных просторах России при Б.Н. Ельцине. Так он призвал к власти людей, которые помогли россиянам «скрасить» трудности перехода к новым экономическим реалиям своим искрометным юмором, переходящим в сатиру.

Главный редактор журнала «Поэзия» отмечает в статье «Ч.В.С – сокровенный поэт»: «Известно, что многие великие властители (от античности до наших времен) были в некотором роде поэтами. В этом ряду – великий кормчий Мао, Хошимин, Ким Ир Чен, Иосиф Сталин... Писал стихи загадочный и всемогущий Андропов. На сем поприще отличился и продолжает отличаться бывший председатель Верховного Совета СССР, затем вдохновитель гкачепизма, а ныне нестигаемый член Государственной Думы Анатолий Лукьянов, прозрачно скрывающийся за псевдонимом Осенев [247].

Но вернемся к Виктору Степановичу Черномырдину, к его легкомысленно так называемым «косноязычным» высказываниям, которые являются образцами настоящего поэтического творчества. Вспомним хотя бы горько-душевное, вмиг облетевшее города и веси и враз ставшее пословицей: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда!» Это же фраза тысячелетия!

Да это же на века сказано! Это еще тысячу лет назад надо было сказать, до ордынского нашествия, до Крещения Руси, до «Слова о полку Игореве». Но лишь на исходе двадцатого века осенило Виктора Степановича. И слава Богу, что осенило! Пригодится грядущим временам. Возникает проблема: осознанно или стихийно говорит Виктор Степанович? Истинный творец – всегда тайна. Настоящие поэты умеют хранить свои тайны. Может быть, Черномырдин есть не только самый откровенный человек российской государственности, но и самый сокровенный современный стихотворец, Крылов и Эзоп нашего времени!

Слава Богу, творчество его не нуждается в переводах на русский язык. Анализируя, политолог Л. Костиков резюмирует: «Хочется пожелать дальнейших творческих успехов Виктору Степановичу, сокровеннейшему человеку и поэту нашего многострадального

времени. И еще хочется надеяться, что, представляя нынче подборку его избранных верлибров, мы в дальнейшем будем иметь возможность познакомить читателей и с новыми находками, ибо настоящий поэт всегда растет над самим собой» [247, л. 7].

Виктор Степанович Черномырдин
ВЕРЛИБРЫ

Хотели, как лучше, а получилось,
как всегда!

Лучше президента не скажешь!

Если у кого-то чешется, пусть
чешут в другом месте!

Кое-какими своими частями мы
порешаем важные проблемы.

Министр финансов! Прошу
любить! И очень-очень любить...

Ничего не будет! И нечего
гадать на кофейной гуще.

У нас много кое-чего вертится!

Не хотелось бы возбуждать
и возбуждаться на той основе,
которая является для нас
решительной.

Мы продолжаем то, что уже много наделали.

Писать книги и получать гонорары не возбраняется
членам правительства, но по
нормальной схеме.

Встаньте, кто все имел!

Пост премьера – как столб с
надписью: «Не влезай, убьёт!»

Вам здесь – не тут! [247].

Надо сказать, что, породив такое уникальное явление как В.С.Ч., эпоха Б.Н.Е. хотя бы до некоторой степени оправдала свои негативы и вошла в историю великой России, «обессмертив» себя не хуже, чем перлы президента США Буша-младшего!

Однако Б.Н. Ельцин породил не только такого великого поэта и государственного деятеля как Виктор Степанович Черномырдин, но и целую прослойку людей, готовых молиться на него, боготворить его, превозносить до небес – прослойку (а может быть, уже и целый класс?) Рублёво-Успенского шоссе! Это очень непростой феномен, это целое явление

в мировой практике становления номенклатурно-криминального капитализма, механизм данного явления необходимо изучать в лучших университетах мира, делает вывод, обобщает Г. Александров.

Корреспондент «Аргументов и фактов» совершил «экскурс» в этот загадочный мир и поведал публике об этом «острове» богатства и преуспевания в Европе и в мире на фоне нищеты и разорения России и стран СНГ.

Как это не звучит фантазмагорично, во времена Советского Союза на одном отдельно взятом куске страны был построен коммунизм. Место, где сбылись мечты о процветании, рае и благополучии, называлось Рублево-Успенское шоссе. Жили там избранные партийные бонзы, члены тогдашнего правительства. Сегодня на место роскошных, по советским меркам, дач и санаториев советской элиты пришли коттеджи и усадьбы нынешних членов правительства, олигархов, шоуменов и депутатов. Сейчас Рублёвка – это царство развитого капитализма. Местные жители образуют отдельный мирок – со своими тусовками, принципами и правилами, моралью и ментальностью [248].

Перед тем как пройтись по местным магазинам, стоит убедиться в наличии в кармане хотя бы десятка тысяч долларов. С меньшей суммой от идеи провести здесь шопинг стоит отказаться сразу. Первый из оазисов местной коммерции расположен в Жуковке. Над «деревенской» площадью возвышается отстроенный на месте недавно закрытого рынка торгово-культурный центр «Базар». Рынок существует здесь и поныне. На первом этаже ТКЦ можно купить доставленные прямо из океана морепродукты – лангустов, креветки, омаров, лобстеров (100–500 долл. за кг), привезенные из Франции и Швейцарии сыры (700–3000 руб.), испеченные местными бабулями пирожки с капустой (от 60 руб. за шт.) или пирожные. Все бабушки имеют своих постоянных покупателей. Связавшись по мобильному с каждым из них, они готовят на заказ то или иное блюдо. А жены живущих в округе господ выдают потом выпечку или сладости за «свои». Продавцы уверяют, что здесь отовариваются больше половины членов Госдумы и Совета Федерации, а уж члены правительства буквально жизни себе не представляют без маковых рулетиков [248, л. 15].

Интересно заглянуть в обувной бутик, где продаются самые дорогие в России ботинки. Такие носят Жерар Депардьё, премьер-министр Франции и Папа Римский. Однако некоторым нашим соотечественникам это кажется недостаточным, и они делают себе ботинки на заказ. Заплатив несколько тысяч долларов, выдержав несколько обмеров и подождав всего 9 месяцев, новые русские франты выходят в свет. Один рублевский житель как-то заказал себе 86 пар ботинок и 13 пар тапочек. [248, л. 15].

На верхнем этаже – изделия из меха. Желающий может заказать себе вещи из диких соболей, норки и любого другого меха. Подкладку инкрустируют камнями от Сваровски. Недавно одна московская модница приобрела шубу из меха рыси за 100 тыс. долларов.

В этом сезоне особенной популярностью пользуются изделия из хрусталя, милый подсвечник стоит «всего» 159 768 руб.

В соседнем ТЦ «Жуковка-Плаза» продаются инкрустированные золотом мобильные телефоны за 8 тыс. долларов и ботинки из кожи страуса за 1,5 тыс. долл. Как рассказывают продавцы, и то, и другое улетает «на ура». Любители животных отправляются в местный зоомагазин, где четверолапым питомцам покупается специальная собачья и кошачья косметика и парфюмерия. Рядом с элитарной одеждой для меньших братьев (в среднем 200–500 долл. за вещь) на витрине лежат ошейники и поводки из серебра и золота с бриллиантами (2300 евро). Особенной популярностью пользуются шубки из натуральной норки для собак и очки, сохраняющие им зрение. Часто берут также таблетки свежего дыхания для животных. Продавщица рассказала, что тут для своего шикарного мопса покупала лежанку Ксения Собчак – «королева» российских «тусовок».

Не пройти равнодушно и мимо магазина сантехники «Восточный базар». Заместитель директора этого ванно-туалетного бутика Виктория Немцова убеждена, что вкусы на душевые кабины, гидромассажные ванны, биде и унитазы так же непостоянны, как и

высокая мода. «Самая дорогая душевая кабина (около 10 тыс. долл.) с приборами для цвето- и хромотерапии и массажа была куплена очень быстро. Если надо, под заказ мы можем доставить даже позолоченную сусальным золотом ванну. Один клиент заказал в свой коттедж на Рублевке (2 тыс. кв. метров) 24 санузла» [248, л. 15]. Билл Гейтс такого себе не позволяет!

Посмотреть, как и где едят рублевцы, оказалось самым сложным. Витрины ресторана «Базар» дружески демонстрируют представленные в этом заведении коньяки. К примеру, коллекционные напитки ведущих коньячных метров «одеты» в хрустальные бутылки, инкрустированные 24-каратным золотом, и имеют более чем столетнюю историю. Завсегдатаи приобретают их по цене от одной до нескольких десятков тыс. долл. Примерно на 6-м км шоссе находится клуб-казино «Династия». Сотрудники клуба шутят: «На перекрестке у входа можно повесить указатель: 10 км до Путина и 20 км до Ельцина». Цены в среднем 30–60 долл. за блюдо. Чуть больше 200 долл. стоит коньяк «Луи XIII». За эту сумму нальют 25 грамм [248, л. 25].

В Жуковке уже более 10 лет работает ресторан «Царская охота». Во время охотничьего сезона клиенты заказывают себе мясо медведей, оленей и диких кабанов. Шведский стол стоит 1600 руб., а блюда из дичи – от 10 до 80 долларов. Управляющий рестораном Рушан Арсланов убежден, что для заведения, где ужинали Борис Ельцин, Жак Ширак, Никита Михалков, Александр Солженицын, Юрий Лужков, Род Стюарт, Михаил Касьянов и Квентин Тарантино, цены весьма демократичны.

Интересные истории о нравах и обычаях местных жителей рассказал Владимир Лишук, директор магазина «Перекресток», расположенного в Горках II: «Люди, живущие на Рублевке, при том, что они подчас фантастически богаты, умеют считать деньги. При этом им необходима атмосфера радушия и доброжелательности. Некоторым гостям, к примеру, не нравится, если к ним поворачиваются спиной. Даже если продавец делает это, чтобы нарезать покупателю сыр. Из забавного. Мы доставляем продукты на дом. Однажды в 6 утра поступил заказ на бутылку коньяка за 140 тыс. руб. и банку шипучего напитка. А в другой раз перед нашим магазином встретились два друга, которые не виделись несколько лет. На радостях они купили бутылку коньяка за 228 тыс. руб. При этом они пытались купить еще и ...пластиковые стаканчики. Когда я это увидел, сам нарезал им лимон и вынес хрустальные фужеры. Коньяк был выпит прямо перед нашим крыльцом на капоте джипа» [248, л. 15].

Свое сказочное путешествие Г. Александров завершает повествованием о досуге заповедной зоны российского «капитализма-коммунизма»: после шопинга и плотного обеда рублевцы ищут развлечений. Прямо за МКАД находится развлекательный комплекс «Картленд». На двух уровнях этого заведения, по слухам, открытого братом сенатора Ралифа Сафина Ришатом, взрослые и дети могут с ветерком прокатиться на катерах (от 700 до 2300 руб. за 10 минут). К услугам посетителей также боулинг (500–1100 руб. в час), лазерная войнушка «Квазар» (250–500 руб. за 15 минут) и гольф (2500–3000 руб. в час).

В Жуковке расположен кинотеатр, где любой желающий может заказать себе один из шести залов и под любимый фильм (у заведения огромная фильмотека) выпить и плотно откусать. А всех любителей искусства приглашает культовое заведение «Дача». Здесь проводятся тематические вечеринки. Директор этой арт-галереи Владимир Чуликов вспоминает, что весь зал на 140 мест во время выступлений таких музыкантов, как Юрий Башмет и Николай Петров всегда забит под завязку. Билет на подобное действо стоит от 100 долларов. В конторе организации праздников, располагающейся неподалеку, скупающие рублево-успенцы заказывают себе праздники с оркестрами, народными актерами, парадами, салютами-фейерверками, цыганами и медведями. Некоторые коммерсанты, уставшие от российских поп-звезд, иногда «выписывают» себе из-за рубежа тамошних певцов и танцоров [248, л. 15]. Воистину – «Пир во время чумы!» Возникает вопрос: откуда ж дровишки? – то есть долларышки и в таких несметных количествах? Там, где есть «полюс» кричащего богатства, имеется и полюс нищеты и страдания.

Совершим экскурс в свою историю: было время, славянские дети наводняли рынки Крыма и Турции, они набирались в ряды мамелюков, приходя затем в их рядах на свои исконные земли, неся огонь и смерть. В век чистогана их участь столь же трагична, как и в период кровавого средневековья!

Управление разведывательной службы Германии (БНД) подготовило строго секретный документ на четырех страницах, главный вывод которого – российские власти беспомощны против растущего беспредела мафии, нелегально торгующей человеческими органами. Это исследование полностью или по крайней мере в большей части удалось получить сотрудникам еженедельника «Фокус», который опубликовал его изложение.

По данным БНД, российские гангстеры убивают малолетних бродяг, изымают почки, печень, другие органы и распродают по всему миру, включая Германию. 3-й отдел этой службы ссылается не только на информацию из «своих источников», но и на российские сообщения, в частности, на данные петербургской милиции, «которая все чаще находит детские трупы с изъятыми внутренними органами». «Как правило, – отмечается в документе БНД, – такие дети в милиции не регистрируются ни в каких бумагах» [249].

Часто убийство бездомных детей заранее планируется и прикрывается затем медицинскими документами. Группа врачей-уголовников в Новосибирске, как свидетельствует БНД, опираясь на «собственную информацию», выдавала в таких случаях документы о том, что ребенок-де погиб в результате несчастного случая.

Разведслужба ФРГ высказывает опасения, что и при передаче российских детей на усыновление за границу речь тоже может идти о преступном способе получения донорских внутренних органов. Изуверские приемы гангстеров в значительной степени являются реакцией на ужесточение законодательства в западных странах в этой сфере. В Германии принят закон о трансплантациях, за нарушение которого грозит тюремное заключение до пяти лет. По этому закону, например, почку можно пересаживать только от живого спонсора, имеющего родственные или иные очень близкие отношения с пациентом. Нередки случаи, когда бедные родители в странах СНГ продают своих детей за несколько тысяч долларов криминальным посредникам. На Украине и в Казахстане торгуют преимущественно детскими почками, которые отправляют в Россию или в дальнее зарубежье. «В большинстве случаев, – подчеркивается в документе БНД, – там уже ожидает конкретный пациент» [249].

Нужда в органах для пересадки в западных странах по-прежнему остается очень большой. Клаус Буркхард, координатор Центра трансплантаций в Эрлангене (Нюрнберге), говорит: «В этом году, по нашим оценкам, в Германии умерли более тысячи людей только потому, что не хватает органов для своевременной пересадки». Немецкие медики официально заявляют о том, что они получают необходимые органы через центральное ведомство в голландском Лайдене, которое обслуживает такие потребности стран Европейского союза.

Разведслужба ФРГ относится к таким заявлениям с большим скепсисом. «Нельзя исключать фальшивых документов, – подчеркивается в исследовании БНД, – в особенности в отношении происхождения органов». Некий поляк, который предлагал ряду немецких клиник почки, свидетельствует, что желающих купить было «хоть отбавляй». И прокуратура Фрайбурга, которая два года назад занялась криминальным гешефтом с донорской кровью, заодно установила, что обвиняемый немецкий врач планировал со своими сообщниками организовать нелегальную доставку донорских органов из России в Германию через Лихтенштейн. Эта преступная торговля приносит огромные доходы. За почку, как сообщает БНД, предлагают порой по 45 тысяч евро [249].

Торговля органами не исчерпывает страдания простых людей СНГ. По данным спецслужб США, в Америку ежегодно ввозится 50 тысяч иностранных женщин и детей, обреченных на подневольный труд и проституцию, большинство из них – из стран СНГ!

ЦРУ разослало по правительственным учреждениям 79-страничный доклад «Доставка женщин из-за рубежа в Соединенные Штаты: современная разновидность рабства». Автор –

правительственный аналитик по проблемам разведработы – базирует свои выводы на более чем 150 личных беседах с представителями госадминистрации, правоохранительных органов, с самими жертвами работорговли, с экспертами в США и за рубежом, а также на документах расследований.

Основополагающий вывод: в США каждый год фальшивыми обещаниями заманивается не мене 50 тысяч иностранных женщин и детей, которых потом заставляют заниматься проституцией или самой черной работой. Приводятся примеры, когда девочки 9–14 лет принуждались к «сексуальному обслуживанию», в том числе и в подпольных публичных домах, предназначенных для рабочих-иммигрантов. Речь, как можно понять, идет об «импорте» из азиатских и латиноамериканских стран. Но хотя за последние два года в США было ввезено 100 тысяч рабынь, в судебном порядке рассматривались лишь 250 случаев работорговли [249].

И это несмотря на то, что бывший министр юстиции Джанет Рино создала межведомственную спецгруппу по борьбе с современными работорговцами, зарабатывающими на своем «бизнесе» несметные барыши. Например, филиппинская мафия, как отмечалось на конференции по этой проблеме в Маниле, зарабатывает на нем до 17 миллиардов долларов в год. Рино тогда заявила: «Мы не заинтересованы в том, чтобы поддерживать работорговлю, мы хотим ее искоренить». Но еще один вывод, следующий из доклада, таков, что пока для этого не хватает как правовой базы, так и усердия правоохранителей. Что касается первого, то этому утверждению противоречит наличие федерального закона о «продаже человека для подневольного труда», за что полагается 10 лет тюрьмы. Иное дело, кто и как применяет этот закон, ибо работники правоохранительных органов, в принципе, стараются не связываться с такими делами, потому что их трудно расследовать и довести до приговора [249].

В докладе ЦРУ констатируется, что усилия правительства в этом направлении фрагментарны и неэффективны. Многие агентства теоретически имеют соответствующую юрисдикцию – ФБР, иммиграционная служба, министерство труда, госдепартамент, но никто из них не считает торговлю женщинами и детьми своей прямой ответственностью, поскольку расследование крайне затруднено и не приносит лавров. И, помимо того, «очень мало ресурсов было для этого выделено» [249, 250].

И еще одно место доклада привлекает внимание: «Страны, которые стали главными поставщиками работорговцев, – это Таиланд, Вьетнам, Китай, Мексика, Россия и Чешская Республика». В докладе отмечается: «Официальные лица госадминистрации заявляют, что проблема не нова, но масштабы ее, похоже, выросли за последние годы. Главная причина в том, что с середины 90-х годов в этот процесс агрессивно включились работорговцы из России и других бывших республик Советского Союза, эксплуатирующие стремление женщин этих стран найти лучшие возможности на Западе».

На конференции в Маниле, обсуждавшей различные аспекты работорговли на пороге XXI века, своими впечатлениями от деловой поездки по Молдавии поделилась председатель Европейского совета женщин Лили Буйкенс, которая отметила, что экспорт рабочей силы принял в этом государстве тотальный характер.

Нужно сказать, что ничего нового в этом, казалось бы, сенсационном заявлении для жителей республики не было. Сегодня за ее пределами находится более шестисот тысяч человек – каждый четвертый взрослый. Эти цифры, по мнению многих специалистов, даже заниженные, обнародовал Валерий Писат, директор службы информации и безопасности Молдавии. Кто же покидает пределы республики?

Прежде всего, покидают Молдавию жители столицы. В результате число только молодых женщин в Кишиневе сократилось за десять лет на восемьдесят тысяч. Для города с населением менее миллиона потеря весьма существенная.

В сельской местности ситуация, впрочем, не лучше. По данным Фонда Сороса в Молдавии, только в дальнем зарубежье пребывает сегодня не менее пяти женщин из каждого

молдавского села. Есть и тут свои рекордсмены. Из Авдармы, например, что находится в автономно-территориальном образовании Гагауз Ери, за границу выехало более шестисот женщин – едва ли не каждая семья делегировала кого-то на заработки в дальние страны.

Общественность страны не без основания начинает бить тревогу. Ибо основная масса молдаван пребывает на территории иностранных государств нелегально со всеми вытекающими из этого последствиями. По оценкам экспертов, в течение четырех лет туристические и иные посреднические фирмы Молдавии заработали на незаконной эмиграции без малого 60 миллионов долларов [249]. С Украины за рубеж выехало от 5 до 7 миллионов человек на заработки. В СНГ – системный геополитический кризис!

Б.Н. Ельцин – по-своему «великий» человек – хотя бы по росту и весу, по тому разору и бедламу, который он оставил после себя, как известный Хлестаков или Ноздрёв, посетившие в час оный уездный город.

Но у всех «великих» есть свои «игрушки», порой даже живые. Вот таким наследием – отрыжкой «великого» Б.Н.Е. и являются олигархи, которым он, невзначай и ненароком, подарил почти всю Россию – с необозримыми просторами, неисчерпаемыми (пока!) полезными ископаемыми, с самым долготерпимым и толерантным народом в мире! Как же повели они себя с таким «царским!» даром (Б.Н.Е. очень любил, когда его величали «царь Борис», совсем как кот – Борька, когда его почешешь за ушком)!

Татьяна Краснова создала своеобразный дайджест, который можно озаглавить «Игрушки олигархов или на что пошли дары Б.Н. Ельцина своим избранныкам?» Кому же живется весело, вольготно на Руси?

Лидером шопинга, безусловно, является Р. Абрамович. Никому из русских еще не удалось сделать столько дорогих покупок за несколько месяцев, сколько сделал владелец «Челси». Приобретенный им в мае 2004 «Боинг-767-300» называют летающей штаб-квартирой. После спецоснащения в Швейцарии он даст фору основному борту президента США. Также у олигарха есть три яхты: «Пелорус» за 72 млн. фунтов стерлингов длиной 132 метра, «Ле Гранд блю» за 50 млн., при длине в 117 м, имеет он и «маленькую» стометровую любимицу «Экстази». Кстати, в 1999 г. яхта «Фортуна» В. Гусинского, длиной в 45 метров и оснащенная спутниковой тарелкой и джакузи, казалась супернавороченной. Сегодня яхты менее 100 метров олигархам стыдно даже брать в аренду. Шейхов «потеснили» «наши» олигархи, русский язык изучают кутюрье, обслуга дорогих магазинов, ресторанов, отелей, агентств. Перейдем к недвижимости. Лондонская резиденция владельца «Челси» за 47 млн. евро находится рядом с центром города, на престижной Истон-сквер. У него есть дома в Германии, Франции и России в количестве 7 штук. Кроме того, Абрамович ведет переговоры о приобретении за 220 млн. евро нескольких «домиков» в шикарном горнолыжном курорте Куршавеле – излюбленном месте зимнего отдыха олигархов [250, л. 9].

Не так давно по Москве пронесся слух, что аукцион «Кристи» отправил в российскую столицу немислимой красоты розовый бриллиант, купленный кем-то из русских за 175 млн. долл. Имя владельца камня выяснить так и не удалось. Это не удивительно. Страсть к дорогим камням афишировать не принято. «Игрушки» олигархов – не только дома, самолеты.

Какой суммой измеряется любовь В. Вексельберга к государевым яйцам работы Фаберже, точно не известно. Но, по некоторым данным, приобретенная им коллекция из 18 ювелирных изделий стоит от 100 до 120 млн. долл.

Не так давно в СМИ просочилась информация о подарке за 100 с лишним млн. долл., который сделал своей супруге сенатор А. Вавилов, экс-владелец компании «Северная нефть». Ко дню рождения любимой он приобрел три бриллианта: «Принцесса Ашока» (55 карат) обошлась ему в 35 млн. долл. За два других великолепных камня (в 55 и 59 карат) любящий муж выложил еще 72 млн. долл. [250, л. 9].

Отличился компаньон Вексельберга совладелец компании «Ренова» Л. Блаватник. Он перехватил у Р. Абрамовича лондонский особняк 1854 г. постройки, который расположен в

десять метров от Кенсингтонского дворца: 4 гостиные, 10 спален и 9 ванных комнат в доме на престижной Кенсингтон Палас-Гарденс обошлись ему в 75 млн. фунтов стерлингов.

Р. Абрамович, который «пас» этот особняк еще с весны, якобы был в гневе. Говорят, что самое обидное для него даже не в потере вожделенной вещи, а в том, что «увели» ее свои. Для владельца «Сибнефти» дело чести поддерживать имидж самого крутого русского на Западе. Особняк его бывшего партнера по «Сибнефти» Б. Березовского на Лазурном Берегу Франции за 40 млн. долл. на этом фоне выглядит скромно [250, л. 9].

И все-таки лавры Абрамовича на Западе многим богатым мужчинам не дают покоя. Имя главы компании «Федкоминвест» россиянина А. Федорычева широким массам стало известно лишь после того, как французская футбольная команда «Монако» обыграла «Челси». Оказалось, бизнесмен является главным спонсором «Монако» – ежегодно он выделяет по 3,5 млн. евро. При этом Федорычев помогает и отечественной команде «Динамо». Якобы он пообещал в случае необходимости выделять средства на покупку новых игроков. Кроме того, говорилось о его намерении вложить 150 млн. долл. в реконструкцию стадиона «Динамо».

Консорциум «Альфа-групп» не жалеет денег для западных звезд. По некоторым данным, гонорар П. Маккартни за последнее выступление в Питере составил более 1 млн. долл. Примерно столько же пришлось потратить приглашающей стороне на организацию гастролей и выполнение рейдера – списка требований суперзвезды. Зато в прошлом году на концерт Маккартни приходил В. Путин.

Скандалный исследователь и критик олигархов С. Белковский полагает, что в модном стремлении богачей к шикарным игрушкам «нет ничего удивительного». Для одних это способ доказать себе, что из советской нищеты юности они окончательно выбрались. Для других – возможность вывезти и надежно пристроить свой капитал на Западе. А третьи, таким образом, замаливают свои грехи перед властью. И этим они принципиально отличаются от арабских шейхов, относящихся к роскоши как к элементу национальной культуры» [250, л. 9].

Возникает проблема: эпоха Ельцина завершилась: что же дальше? Или она модифицировалась в «эпоху В.В. Путина»?

Олигархический шабаш в России, в СНГ – это некая историческая аномалия или закономерная страница реалий нашей цивилизации?

В настоящее время всё более частым явлением становится приход в Европе, США, других странах мира к власти олигархов миллиардеров и прочих «хозяев жизни», превративших свое бытие в земной рай.

Знаменитая вилла Кертоза, расположенная в местечке Коста-Смеральда и принадлежащая премьер-министру Италии Сильвио Берлускони, стала причиной громкого скандала. Виной всему грандиозное расширение, затеянное самым богатым итальянцем, состояние которого журнал «Форбс» оценивает в 10 миллиардов долларов.

Вилла Кертоза и сейчас поражает гостей своими размерами и роскошью. В главном доме, утопающем в зелени, 27 комнат, а территория виллы занимает более 100 акров. После завершения строительства Берлускони сможет предложить своим друзьям шесть (!) плавательных бассейнов и большую теплицу с 2000 редких кактусов, которые он отберет лично.

Но самыми главными новшествами Кертозы, несомненно, станут сооружения из гранита – копия греческого амфитеатра на четыреста зрителей, искусственное озеро и подземный тоннель, который будет вести к вилле с морского берега.

Именно сооружение тоннеля и вызвало гнев защитников окружающей среды и тут же примкнувших к ним политических противников Сильвио Берлускони. Оппозиция не преминула воспользоваться представившейся возможностью «насолить» премьеру и вынесла вопрос расширения виллы на рассмотрение итальянского парламента [251].

Благодаря их усилиям местная прокуратура начала расследование законности строительных работ на Кертозе. Адвокаты Сильвио Берлускони показали прокурорам разрешение специальной комиссии, без которого в Италии нельзя начинать на побережье ни одну стройку. Однако «зеленые» продолжают настаивать на том, что строительство незаконно и должно быть прекращено. Берлускони начал расширять виллу еще в декабре прошлого года, а получил разрешение только в мае этого, сразу после начала расследования.

Впрочем, премьер-министр, даже в самом худшем случае (если строительство будет признано судом незаконным) окажется своим противникам не по зубам. Славящийся своей хитростью и предусмотрительностью Берлускони подстраховался и на этот раз. Вилла, как выяснилось, куплена через одну из компаний. Так что премьер-министр при любом раскладе юридически ни при чем.

Сам Сильвио Берлускони объясняет скандальное строительство довольно оригинальным способом – интересами государства и своей безопасностью. «В связи с постоянными визитами глав зарубежных государств, – сказал он недавно журналистам, – секретные службы попросили меня в целях повышения безопасности построить перед виллой специальный причал» [251, л. 12]. Когда его спросили, заслужил ли он рай на небесах, он ответил: «Рай был у меня на земле!»

Российским олигархам есть на кого равняться!

Любой вакханалии приходит конец, Россия подошла к такому рубежу, что в завершающий период Ельцинианы страна подошла к дезинтеграции, к утере своих тысячелетних завоеваний, превращению своих регионов в ряд бантустанов под руководством зарубежных эмиссаров. В этой ситуации Б.Н. Ельцин совершил воистину государственный, мужественный поступок – отрёкся от власти, передал её в сильные, мужественные руки молодого приемника – надежду России и СНГ.

В России наступила эра В.В. Путина. Что же «эра Путина» всем нам готовит?

*Пропасть бывает столь глубока, что
срываются в неё деды, падают отцы,
а разбиваются внуки.*

В. Ильин

Не для себя, а для Родины ты рождён!

Античное изречение

*Хватит прогибаться
Под Западный мир,
Пусть Западный мир
Прогнетя под нас.*

Перифраз известной песни

*Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух.*

А. Ахматова

*Семилетняя девочка, три года прожившая в собачьей будке, с собакой вместо матери, почти не говорила, бегала на четвереньках и лаяла на незнакомых.
Дети-маугли России и СНГ*

**ЭПОХА В.В. ПУТИНА:
ВЕЛИКИЙ ПРЕЗИДЕНТ ВЕЛИКОЙ
РОССИИ – ПРИЕМНИК ПЕТРА I
(Реалии и альтернативы)**

Человек – всего лишь часть биосферы, живущей по всеобщим биологическим законам бытия, имеющим аналогии.

Есть такой знаменитый опыт по психологии животных: клетку разделяют на две части, в одной части находится диск, при нажатии на который во второй половине клетки возникает электрический ток. Сажая в клетку двух крыс. Этот опыт показал, что из популяции крыс одна треть охотно нажимает на диск и смотрит, как страдает другая крыса. Вторая треть не только не нажимает, но прекращает есть, если она видит, что кто-то делает другому больно! Третья часть – это «болото». То же самое – человеческая популяция [252, л. 5]: есть люди, которые не могут есть, когда вокруг голодные глаза, у других же это пробуждает невероятный аппетит, желание съесть всё вокруг. Всегда есть группа, условно говоря, агрессивных людей, которые готовы всё разрушить после себя – люди с комплексом Герострата,

Дракулы

– Б. Муссолини, А. Гитлер, Пол Пот и прочие ущербные личности, утверждающие себя деструктивным путём разрушения. Дракула – румынский князь, герой борьбы с турецкой агрессией на славянские земли, не мог ни пить, ни есть, если на кольях вокруг пиршенского стола не умирали посаженные на кол люди, оглашая окрестности смертными криками! – Торжество собственной жизни через смерть и страдания окружающих – кредо подобных нелюдей: сестра Дракулы многие десятилетия принимала ванны из крови младенцев, благодаря чему взошла на костёр инквизиции, в 60-летнем возрасте красивая и молодая как 30-летняя девушка.

Худо, когда странами и народами правят «Дракулы», а их близкие «купаются» в народных страданиях, благо, когда к власти приходят добрые, порядочные альтруисты, но как редко это бывает! Есть группы альтруистов, которые не могут делать зло, они необходимы, когда есть потребность выработать новую стратегию для попавшего в беду общества. Обычно после терминаторов-реформаторов приходят созидатели: после Б.Н. Ельцина президентом стал В.В. Путин.

Вот такой человек оказался в Кремле, при власти, и этот человек – скромный, порядочный В.В. Путин, перед взором которого предстали «авгиевы конюшни» Ельцина, «семья» последнего, его «духовные» и материальные «дети» – олигархи, коррупционеры, ироды и дракулы Земли Славянской.

В.В. Путин пришёл к власти, когда на повестке дня стоял вопрос о дезинтеграции России, превращении её в конгломерат квазигосударств – протекторатов держав Запада, в его сырьевой придаток.

«Россия, продай Сибирь!» – политический обозреватель американской газеты «Бостон глоб» Джек Эллис не стремится присваивать этот призыв себе. Он напоминает, что подобная «прекрасная идея еще шесть лет назад пришла в голову известному политологу, сотрудничавшему в Совете по международным отношениям в США, Уолтеру Миду. «Прекрасность» этой идеи заключена в следующем: Россия, чтобы «погасить задолженности, стабилизировать свою валюту, улучшить инфраструктуру», за 1–2 триллиона долларов продает часть Сибири Соединенным Штатам. «Идея о продаже Сибири, – уверяет Джон Эллис, – встретила бы в России единодушную поддержку». А взамен США получили бы

земельный массив с населением 15 млн. человек, превышающий их собственную территорию». Плюс и еще всякие прелести сказочно богатой Сибири. В воспаленной лихорадочным коммерческим азартом голове Д. Эллиса явно просматривается намек на прошлое: а ведь с Аляской у Америки выгорело! [253]. Деньги же за Аляску Россия так и не получила – корабль с 15 миллионами якобы утонул!

С уходом с политической арены Б.Н. Ельцина, наступлением «эпохи Путина» данная геополитическая идея и «почила в бозе»!

Итальянский политолог Къеза, анализируя ситуацию, сложившуюся на постсоветском пространстве и в России после распада империи правления Б.Н. Ельцина, отмечает: «Россияне – народ настолько «анархичный», чтобы время от времени взрываться в никуда, и настолько «коммунистический», чтобы довольствоваться мизерной долей самоуправления в «общине», которую Власть не столько позволяла, сколько терпела из-за невозможности проникнуть во все уголки этого огромного пространства.

Потребовалось бы намного больше времени, несколько поколений, чтобы, в самом деле, вступить в новый этап культурного демократического развития. Вместо этого посткоммунизм не без активной помощи демократической интеллигенции немедленно породил новую олигархию, которая – вот вам и вторая историческая причина – сосредоточила в своих руках настолько огромное богатство, что может теперь надолго удержаться у власти, выделяя малую его толику для тех, кто будет защищать ее внутри страны. Никто не знает, сколько это может продлиться. Но все идет к тому, что эта саранча сожрёт страну задолго до окончания ее жизненного цикла [254, л. 5]. На основании этого Къеза делает пессимистический вывод: «Прощай, Россия!»

Анализируя сложившуюся геополитическую и внутреннюю ситуацию, Къеза не снимает ответственности за сложившиеся политические, социальные, экономические и нравственные реалии с «духовных идолов» славянства: Александра Солженицына, по его мнению, великого диссидента, среднего мыслителя и отвратительного политика. Ему, по мнению Къеза, может быть, и удалось интерпретировать русский дух, но он так и не понял, что Россия нуждалась в среднеазиатском «подбрюшьи» не меньше, чем в своих киевских корнях. Отдавая в никуда, всем и никому, азиатские степи, Москва теряет саму себя. Къеза заключал: уничтожение «тюрьмы народов» привело к созданию пятнадцати тюрем меньших размеров, но не меньшей жестокости. К тому же россияне сами оказались заключенными, после того, как веками, не по своей воле, в качестве представителей авторитарного государства, были тюремщиками [254, л. 5].

Кто же пришёл на смену ущербной, слабой и недальновидной советской номенклатурной элите? По трактовке Къезе: «Они всего лишь немногочисленная и жадная олигархия, невежественная и подлая, неумелая и преступная. В любых других условиях их бы смели после нескольких лет их грабительской деятельности. Но в России это вряд ли случится. По двум причинам внутреннего исторического характера и одной – внешней и сиюминутной. Последнюю просто объяснить и понять – сам Запад вел их за руку, помогал, кормил и защищал.

Две исторические причины заключаются в том, что россияне не успели освоиться, а демократии, обещанной перестройкой, им просто не дали на это времени. Россия просто оказалась не в состоянии обеспечить себе это время. И народ снова стал тем «ослом» (выражение Александра Лебедея), который терпит все, что преподносит ему горькая судьба. Однако невозможно верить в его кажущееся безграничное терпение. Это не-терпение. Нужно знать и уметь жить в гражданском обществе, чтобы проявлять терпение, которое есть не что иное, как осознание собственных прав. И нужно быть организованными, чтобы нетерпение принесло свои плоды, привело бы к какой-нибудь цели. Къеза заключил, что у россиян всего этого никогда не было, они просто ничего об этом не знают. Им надо было все изобрести заново, но времени не хватило. А его требовалось немало. И даже если бы оно у России было, его всегда оказалось бы недостаточно» [254, л. 5]. Переход от «авгиевых конюшен»

Ельцина к государственности В.В. Путина проходит в противоборстве сил разрушения и созидания.

В настоящее время олигархи и «правые», контролируемые ими, вступили в непримиримую борьбу с В.В. Путиным за направление долговременного развития России. Ряд политологов, журналистов ставят актуальные вопросы: почему наши либералы так возносят «демократа» Ельцина и так хулят В. Путина, хотя, по опросам, Ельцину доверяют 0,3 процента населения, а В. Путину – 70 процентов? [255].

Почему, например, их так тошнит от того, что президент В. Путин бывший разведчик и полковник? Почему американцев не тошнило, когда они избирали в президенты Буша-старшего, руководившего до этого ЦРУ?

Почему, когда Дж. Буш привел с собой в Белый Дом «нефтяное лобби из Техаса» (собственно, и развязавшее войну в Ираке), это нормально, а если В. Путин «тащит за собой питерских» – это угроза демократии? Хотя среди «питерских» вполне либеральные Г. Греф, А. Кудрин, юристы Д. Козак и Д. Медведев.

Почему В. Путина обвиняют в том, что при нём доля военных во власти возросла, но умалчивают, что по сравнению с ельцинской элитой в верхнем эшелоне власти в 7 раз увеличилось число представителей бизнеса, профессиональных экономистов.

Почему для либералов война США в Ираке – это «освободительная миссия», а уничтожение басаевских бандитов – «чрезмерное применение силы?»

Почему, когда американского миллионера Г. Аксельрода по обвинению в мошенничестве арестовывают прямо в аэропорту, это «нормальное функционирование демократии», а когда нашего олигарха, «зачинившего» от налоговых органов миллиарды долларов, сажают в тюрьму, это бесчинство Кремля?

Почему, наконец, когда департамент юстиции США выпускает циркуляр, разрешающий пытки «в интересах страны», наши либералы блюдают обет молчания? Но представьте себе, если бы подобный документ подготовили не в Вашингтоне, а в Москве [255, л. 4].

Характерно, что и в настоящее время потенциально Россия является богатейшей страной мира по запасам полезных ископаемых, земельных и людских ресурсов. Куда же это всё исчезает? По мнению экономиста Д. Львова, всё обстояло бы не так трагично при ином механизме распределения. Сегодня подавляющая часть рентного потока не попадает в государственную казну. Куда же он идет? В карман тех, кто оказался во властных или в околоставных структурах. Если бы удалось перекрыть этот теневой поток доходов, то, по самым скромным оценкам, страна могла бы дополнительно получить для бюджета 60–80 миллиардов долларов США. Так на деле выглядит тезис неолибералов – надо жить по средствам, однако не олигархам, а, как они считают, – нищим и обездоленным!

Жить по средствам призывают «нищую» Россию, в то время как ее другая, ничтожно малая часть продолжает богатеть на безнравственном присвоении ренты. Под прикрытием пресловутого лозунга частной собственности и частной инициативы национальное богатство страны оказалось секвестированным на 90 процентов. Д. Львов отмечает: собственник земли и природных ресурсов имеет непререкаемое право на доход, являющийся результатом исключительно его предпринимательской деятельности, вложения капитала. Он не вправе присваивать то, что ему принципиально принадлежать не может. Та часть дохода, которая не является «делом рук человеческих», предпринимательской активности, должна быть передана обществу [256, л. 2]. Прогрессивные экономисты констатируют: в чем же выход из кризисной экономической ситуации? Это – национализация рентного дохода. Надо понимать, что это не только реальная возможность обеспечения устойчивого дохода государственной казны, но и условие сохранения России в качестве устойчивой самостоятельной геополитической единицы в современном мире. Характерно, что присвоение богатств горсткой людей никогда не создаст в России эффективного собственника. Не расцветет в этих условиях предпринимательский талант, не вызреет экономическая культура рыночного образца. Это все равно, что присвоение чужого

наследства. Стараниями кучки олигархов стало модно относиться к России и к ее экономике как к целине, которую надо каждый раз заново перепахать, забывая, что при этом уничтожается наиболее ценный слой почвы – то, что накоплено многовековым опытом народа, его традициями и верой [256].

Распродажа минерально-сырьевых ресурсов – это открытые ворота для вывоза капиталов в крупных масштабах. И в не меньших масштабах – для сокрытия богатства внутри страны. Механизм тут несложный. С одной стороны, хорошие возможности для укрытия средств от налогов, накопление «черного нала», теневое обогащение. С другой – необходимость поддерживать политически это закулисье. Камуфлировать, создавать пропагандистскую завесу и содержать обыкновенную вооруженную охрану. Покупать голоса избирателей. Не секрет, что нищий и отчаявшийся обыватель – необходимая фигура в этой системе. Его можно в нужный момент ошеломить невыполнимыми обещаниями, обвести вокруг пальца. Это и есть тот чудовищный механизм криминализации экономики, с которым уже, похоже, смирились [256, л. 2]. Политолог В. Костиков отмечает, что, когда президент В.В. Путин пытается управлять, а не царствовать, как его предшественник, его обвиняют в авторитаризме. На самом деле до управляемой демократии западного образца еще далеко. В России не управляемая демократия, а «испуганная власть».

Сколько говорят о банковской реформе? По признанию авторитетного банкира, «большая часть российских банков занималась отмыванием денег, а не кредитованием». И что же власть? Медлила. Вот и дождалась.

В течение всего последнего десятилетия на каждый пришедший в Россию доллар из России «утекало» три. Бежали, прежде всего, «грязные» деньги. И что же власть? Причитает и бездействует.

Ничего не делается, чтобы снизить масштаб теневой экономики. В западных демократиях она составляет 15–20%, а в российской, пугливой, – 50%.

Либеральные критики постоянно обвиняют В. Путина в чрезмерном давлении на бизнес. Но о каком «чрезмерном давлении» может идти речь, если ставка подоходного налога в России в несколько раз ниже, чем на Западе?... В нищей России – 13%, а в богатейших США – 39,6%, в либеральной Англии – 40% [255, 256].

В. Костиков ставит проблему – **кому удобна такая демократия?**

Очень удобна теневым водочным баронам, которые «проносят» мимо бюджета почти три четверти своих доходов. Удобна пивным королям, поскольку позволяет им блокировать все попытки сократить на телевидении рекламную вакханалию.

Удобна тем банкирам, которые делают состояние на схемах вывода криминальных денег в оффшоры.

Удобна высшим чиновникам, поскольку являет попустительство коррупции, и депутатам, разъезжающим по чемпионатам Европы по футболу за казенный счет [255, л. 4].

Какое же «наследие» оставил Б.Н. Ельцин В.В. Путину, каково экономическое «самочувствие» России, каковы «авгиевы конюшни» «царя Бориса» – барабанщика, танцора, дирижера оркестрами, «ложечника», выбивавшего рулады на головах подчиненных-подхалимов.

Академик-секретарь отделения экономики РАН Дмитрий Львов, ведущий российский экономист, отметил: «В стране нищих развитая экономика невозможна. Сами же признаки оживления весьма призрачны, более того, отмеченные темпы роста могут обеспечить реальное начало подъема разве что лет через 5–7 и только при условии, что будет решена главная проблема России – покончено с бедностью подавляющего большинства населения... Однако была допущена системная ошибка: покончить с нищетой надо было в начале реформы, а не после» [256].

Под призывы: «Давайте жить по западным меркам!» – строим экономику так, что порой себя прокормить не можем. Нам изо дня в день внушают: зачем производить самим, когда в других странах все это дешевле? При этом Львов отмечает: «Не перестаю призывать: давайте

экономику страны рассмотрим не со стороны поступлений в бюджет, где мы видим только результаты после всех вычетов, а по исходным данным. В частности, по результатам экспорта. Мы много вывозим сырых минерально-сырьевых ресурсов. Значит, надо рассмотреть, как формируются доходы в результате торговли лесом, нефтью и так далее. Помножим все это на мировые цены и узнаем, сколько валового дохода получила страна. И только во вторую очередь сопоставим, сколько из этого попало в доход бюджета [256, л. 2].

Оценки ученых, говорят о том, что основной вклад в прирост национального дохода России вносит не труд и даже капитал, а доход от использования земли, территории страны, ее природных ресурсов, магистральных трубопроводов, средств сообщения (транспорт и современные средства связи), монопольного положения производителей важных видов продукции, пользующихся повышенным спросом на мировых рынках. Все это на языке экономики называется рентой. Так вот, отмечает Д. Львов, на долю ренты приходится 75 процентов от общего прироста совокупного дохода России. Вклад труда в 15 раз, а капитала – примерно в четыре раза меньше. Иначе говоря, почти все, чем сегодня располагает Россия, есть рента от использования ее природно-ресурсного потенциала, ее земли. Разумеется, в продукции естественных монополий тоже есть доля и труда, и капитала. Но в основе, как вы понимаете, сам природный продукт. Какова роль человека в этой системе? В основном, он обуза, едок. Он лишний. Ему и дают – в соответствии с отведенной ему ролью [256, л. 2]. Возникает важнейшая системно-методологическая проблема: где же выход из системного кризиса в России и СНГ?

В. Путин пытается скорректировать курс, исправить хотя бы самые вопиющие ошибки прошедшего десятилетия. В течение первого срока он «присматривался», укреплял команду, нейтрализовывал самых опасных противников. Сейчас время действовать.

Чтобы справиться с бедностью, нужны огромные средства. Но самые прибыльные для бюджета отрасли отданы на откуп олигархам [255, л. 4].

Идея частичной национализации буквально висит в кремлёвском воздухе. Естественно, что либералы, прирабатывающие у олигархов адвокатами, выступают против. Стоило вполне либеральному министру А. Кудрину поддержать эту идею, как его немедленно записали в предатели. А между тем в Европе давно и успешно действует маятник «национализации-денационализации», и это считается нормальным рыночным механизмом. Во Франции, несмотря на столетия капитализма, только сейчас правительство решило приватизировать электроэнергетику. И то на 30%. Российские же либералы спешат. Страна еще не переварила первой волны приватизации, а они требуют второй. А ведь отдача от первой в России в десятки раз ниже, чем в других странах. В бедной Боливии, где приватизация проходила в те же годы, что и в России, от приватизации в госбюджет было получено 90 млрд. долларов, а в России всего 9 млрд.

Новое приватизационное «цунами» нужно для того, чтобы потопить и размыть позор первого, легитимизировать захваченную за бесценок (а нередко и преступным путем) собственность. Стоны по поводу дефицита в России и попутная кампания по дискредитации и запугиванию В. Путина нужны, чтобы избежать назревшей корректировки курса. Какой вывод? Либералам нужны слабая власть и ослабленный президент [255, л. 4].

При этом системные реформы страны – дело серьезное, рискованное, порой трудно предсказуемое, подобное затыжному прыжку с парашютом – а вдруг не раскроется?

Нет для политика более опасного занятия, чем призывать народ к жертвам. В 1940 году британский премьер Невиль Чемберлен произнес в парламенте известную речь подобного содержания. Слово тут же взял известный политик Дэвид Ллойд-Джордж: «Премьер призвал нас к жертвам. Торжественно заявляю, что он сам может подать пример в этом отношении: пожертвовать занимаемым им постом!» Несколько дней спустя злосчастный премьер вышел в отставку [257, л. 7].

Варианты реформирования определяются личностью реформатора, целью, методами реформирования, сотнями компонентов, главными из которых являются ментальность данного народа, его исторические корни, методы реформирования.

Опасны для общества, политиков и позорная капитуляция – отказ от реформ. Так, например, произошло с британским премьером Гарольдом Вильсоном. В 1969 году он попытался было ограничить права профсоюзов, но после взрыва общественного недовольства поднял руки вверх.

Сменивший Вильсона на премьерском посту Эдвард Хит решил пойти до конца и все-таки «раскулачить» профсоюзы. Но те начали всеобщую забастовку. Хит был вынужден объявить досрочные парламентские выборы, которые с треском проиграл. Однако бывает, что и успех реформы приводит к потере власти. Нечто подобное произошло, например, с первым посткоммунистическим премьером Польши Тадеушем Мазовецким в 1991 году. Шоковую терапию устроить он успел. Но «не очень большая любовь» граждан заставила Мазовецкого быстро покинуть правительство.

Однако не зря говорят, нет в этом мире ничего невозможного. Недавно скончавшийся бывший президент США Рональд Рейган уже в первые годы своего правления сократил социальные статьи бюджета на 45 миллиардов долларов, уменьшил количество получателей бесплатной продовольственной помощи на 1 миллион человек, увеличил пенсионный возраст и ввел налог на пенсионные накопления... Но это не помешало ему с триумфом выиграть следующие президентские выборы. Более того, лидер оппозиционной партии демократов, спикер палаты представителей конгресса Тип О'Нил признал тогда, что Рейган стал «самой популярной фигурой в американской истории» [257, л. 7].

Предшественник Рейгана на посту президента США Джимми Картер считал, что честность – это лучшая политика. Он постоянно произносил грустные речи о печальном состоянии экономики и сам подавал пример самопожертвования. Например, президент в целях экономии велел понизить температуру в Белом доме до 18 градусов и лишил белодомовских чиновников лимузинов. Но граждане почему-то не оценили подобную скромность: избрали вместо Картера Рейгана, который на полную катушку наслаждался положенными президенту привилегиями. Разгадка этого феномена проста: Картер нагонял на сограждан тоску, а Рейган, напротив, убеждал их: сейчас надо пойти на некоторые жертвы, но вскоре в стране вновь будет полный порядок.

Рейган не жалел на это ни времени, ни сил. Вскоре после своего прихода к власти президент появился на телеэкране, предельно понятным языком рассказал о состоянии экономики и заявил, что без решительных шагов Америка может перестать быть великой державой [257, л. 7]. Этого было достаточно, чтобы американцы «подтянули пояса» и пошли на жертвы ради будущего.

Похожего результата добилась и правившая одновременно с Рейганом британский премьер Маргарет Тэтчер. Она резко ограничила права профсоюзов и рядовых работников. Но при этом поставила рекорд по времени своего пребывания у власти: 11 лет [257, л. 7].

Маргарет Тэтчер, например, с самого начала своего правления в 1979 году твердо заявила, что для улучшения состояния британской экономики обязательно придется закрывать нерентабельные угольные шахты. Но при этом она прекрасно понимала, что шахтеры никогда на это не согласятся. Поэтому премьер сначала позаботилась о создании в стране огромных запасов угля и до этого времени горняков не трогала. Зато когда эта цель в 1984 году была достигнута, шахты начали закрывать, несмотря на объявленную забастовку шахтерами. После годового противостояния правительство выиграло. Да и шахтеры, в конечном итоге, не остались внакладе – каждый из них получил от 35 до 50 тыс. фунтов стерлингов, достойное место в жизни.

Д. Львов, анализируя важнейшие геополитические реалии России и мира, отметил: выход из кризиса есть – если перестанем призывать Россию жить по западным образцам. Это бесполезное дело. Все равно рано или поздно она сворачивает с западного пути, не

вписывается в развороты чуждых стандартов, норм и представлений. Речь, разумеется, идет об основном и главном – сохранении своего уклада и образа жизни, своих представлений о мире. Какие же причины этого?

Копировать Запад мы не можем уже потому, что народ России поставлен в более суровые жизненные условия, чем многие другие народы. Территория страны огромна, но большая её часть занята вечной мерзлотой. В ее недрах несметные богатства минеральных ресурсов, но их добыча крайне тяжела, транспортировка обходится очень дорого. Сельское хозяйство приходится вести в зоне рискованного земледелия. Сравним: самый северный город Канады находится на широте Курска. Поэтому отчасти и затраты на производство многих видов сельскохозяйственных продуктов в России столь высоки [256, л. 2].

Россия несопоставимо больше тратит энергоресурсов для поддержания нормального уровня жизни населения. Если бы последовали призывам либералов жить у нас по «западным стандартам», то для этого потребовалось бы как минимум утроить объем добываемых и перерабатываемых страной энергоресурсов. У нас просто нет реальных возможностей быстро вырваться на уровень потребления материальных благ, достигнутый странами Запада. Да и надо ли кому-то завидовать? Россия, ее народ сформировали свои критерии, собственные представления о благах жизни, о потребительских стандартах. Нелепо вообще проводить прямое сравнение, насколько они хуже или лучше стандартов западных. Они разные [256, л. 2]. При реформировании необходимо учитывать и ментальность, обычаи, нравы.

У народов России существует генетическая предрасположенность к взаимной солидарности и выручке, духовному обогащению в процессе общения людей, к коллективизму. Речь идет, конечно, не о том «коллективизме», который был канонизирован в СССР и выхолощен официальной государственной доктриной. На самом деле российский коллективизм – защитная реакция общества на опасность разрушения сложившегося уклада жизни, своей национальной системы ценностей. В этом оказались и православная этика, и исторический опыт народа. В России сформировался тысячелетний принцип: «Лучший способ помочь себе – это помочь слабому». Речь идет о создании общества, состоящего из альтруистов. Речь идет о правилах игры, при которых, как в командной гонке велосипедистов, зачет ведется по последнему. В последние годы нравственные принципы вообще были выброшены из экономики, все измерялось волей и желаниями горсти клептоманов-олигархов.

Ультралибералам и этого мало, они стремятся добить систему государственных социальных гарантий, она им мешает [256, л. 2].

По мнению ведущих российских политологов, страна и бизнес хотя и говорят на одном языке, но думают и считают по-разному. Отсутствие внутренних инвестиций, продолжающаяся «откачка» капиталов за границу, уклонение от налогов говорят о том, что ни бизнес, ни его идеологи так ничему и не научились. Страна нацелилась идти вперед, а бизнес хочет, чтобы «все оставалось, как при дедушке Ельцине».

В период «эры Путина» олигархи готовы обсуждать с президентом, сколько нужно дать «отступных», чтобы люди согласились закрыть глаза на грабительскую приватизацию, а власть защитила бы их от растущей неприязни населения, ради этого они готовы и градус «любви к народу» поднять.

Некоторые уже и подняли. «ЛУКОЙЛ» заявляет, что потратил 170 млн. долл. на экологию. «Вимм-Билль Данн» готов «отстегнуть» 2 млн. долл. на лекарства против СПИДа. Пресса наводнена проплаченными публикациями о щедрости «капиталистических маяков».

В. Костиков отмечает: несколько лет назад, когда люди только приноравливались к капитализму и новым ценам, такие щедроты еще могли пощекотать воображение. Но с тех пор они научились понимать «что почем». Двести тысяч долларов? Такую сумму известный московский делец потратил на свой день рождения в Швейцарии. Два миллиона? Так это же

цена элитной квартиры на Остоженке в Москве [258, л. 4]. 170 млн.? Так Абрамович за яхту заплатил больше.

Время все расставляет на свои места: десять лет назад, продавая за бесценок ваучеры, люди, по сути дела, ничего не знали о реальной цене государственной собственности. Теперь (в том числе и по причине вопиющей расточительности наших «нуворишей») они знают, какие сверхдоходы выжимают новые собственники из приватизированных предприятий и недр.

Защитники олигархов любят разговоры о завистливости русского человека. О его неумении зарабатывать, о привычке к «халяве». Все это, конечно, есть, как есть у каждого народа. Ведь во Франции тоже не любят богатых. Не любят их и в Германии, и в Италии. И халявщиков, особенно в госсекторе, там хватает. Но европейский рабочий, учитель, профессор понимают, что их капитализм (как бы ни ругали коммунисты и профсоюзы) обеспечивает человеку достойные условия работы, жизни и достойную старость. А наш, СНГ-овский капитализм в целом?

Сегодня даже самые неистовые критики российских олигархов не зовут обратно в социализм, не хотят «экспроприации экспроприаторов». Спор между бизнесом и обществом идет не о том, нужен ли нам капитализм, нужна ли демократия. Нужны! Вопрос в том – какие [258, л. 4]. К этому необходимо добавить: какой ценой можно прийти в обетованный «капиталистический рай»?

В российских политических кругах прочно укоренилось мнение, что непопулярные реформы можно проводить только в самом начале второго президентского срока. Если пытаться сделать это раньше, президента просто не переизберут. А если позже, то все остальные политики будут готовиться к новым выборам и не поддержат власть из популистских соображений. А вот Рональд Рейган действовал абсолютно по-другому. Болезненную пенсионную реформу он провел аккуратно за год до окончания своего первого президентского срока. А о том, что он намерен и впредь сокращать расходы на социальные нужды, Рейган и вовсе объявил время выборной кампаний [257, л. 7]. Таким образом, Рейган сократил социальные расходы на 45 миллиардов долларов и стал самым популярным политиком-янки в истории.

По другому сценарию развивались события в СНГ: известный российский кинорежиссер и политический деятель С. Говорухин, осмысливая реалии современной России, отмечает: «Это звучит ужасно, но настроение у меня было лучше, когда Ельцин был президентом. Хотя я всей душой его ненавидел. Я думал: уйдет этот разрушитель России – и все изменится, наладится. Но вот пришел (причем надолго) новый человек – умный и образованный, все в него влюблены... Но политика-то ельцинская! Продолжается обнищание, армия небоеспособна, производство душат, за рубежом с нами не считаются...» Осмысливая высказывания С. Говорухина, необходимо отметить, что Оскар Уайльд сказал: «В России нет ничего невозможного. Кроме реформ». Любое нововведение ударяет по беднейшим слоям населения. Вот и административная реформа, которую Путин провел накануне своих выборов, привела к тому, что Россия полгода не работала. Исполняющих обязанности министров Путин назначил сразу. А их замов, имеющих право подписи документов, – нет. Страна понесла из-за этого колоссальные убытки.

С. Говорухин отмечал: «В демократической стране у власти не были бы так развязаны руки. Пора нам, наконец, сделать выбор: или вернуть монархию, или отстаивать демократию. На чем-то нужно остановиться. Солженицын говорит: «Расцвет России начнется только тогда, когда откроются уста миллионов». Но разве мы с экранов ТВ слышим мнение простых людей?! Есть издевательские передачи типа «Глас народа». Но кто представляет в них народ? Депутаты, примелькавшиеся политики» [259, л.].

Проблемы России – это проблемы, стоящие перед странами СНГ, перед всем миром (проблемы «Север» – «Юг», «Запад» – «Восток»!)

Еще более двухсот лет назад ученые-экономисты и философы пришли к выводу: чем свободнее общество, тем более высокого уровня благосостояния оно достигает. На рубеже XVIII–XIX веков европейцы ломали голову над причинами головокружительных успехов английской экономики, которая в XVIII веке резко вырвалась вперед по сравнению с другими странами. И пришли к выводу, что причиной беспрецедентного на то время материального скачка явилась большая личная свобода, которой обладали англичане. Тогда и родилась знаменитая работа Адама Смита «О природе и причинах богатства народов». Именно в ней было названо главное условие процветания народов – свобода. Именно из этого вывода произошел либерализм как идеология и политическая практика.

Несколько лет назад Институт экономического анализа, бывший руководитель которого Андрей Илларионов являлся советником Путина, проанализировал статистические данные по 50 странам за 1913–1998 годы и соотнес их с уровнем экономической и политической свободы. И вот вывод: экономически и политически свободные страны развиваются несравнимо быстрее, чем страны, власти которых ограничивают свободу и вмешиваются в экономическую жизнь [260, л. 8].

Страны с низкими показателями экономической свободы имели темпы роста не выше 1 процента в год и за 85 лет добились увеличения ВВП на душу населения на 5000 долларов. Страны же с более высоким уровнем свободы росли в среднем более чем на 2 процента в год и увеличили аналогичный показатель ВВП на 17000 долларов и выше. Так что уровень экономической свободы (а экономическая свобода связана с политической) напрямую влияет на благосостояние народов – на рост ВВП, продолжительность жизни, и даже на младенческую смертность, которая в экономически свободных странах в 11 раз ниже, чем в несвободных. Так что именно от свободы и демократии зависит благополучие каждого. А Илларионов констатировал: «Статистика говорит лишь об одном: чем меньше в стране демократии, экономической свободы, свободы частной собственности – тем хуже обстоят дела с нашими холодильниками и желудками» [260, л. 8].

Российский политолог Дм. Быков рассматривая проблемы, стоящие перед современной Россией и В.В. Путиным как её президентом, отмечает: «Всё упирается в тот же закон – действие равно противодействию. Потому-то каждая власть сама себе формирует врага: он – её точная копия с обратным знаком, зеркальное отражение. В России в 1917 году запросто могли победить и кадеты, и эсеры, которых было попросту больше, чем ленинцев, – однако победили именно большевики, поскольку они одни были во всех отношениях равны правящей власти: столь же циничны, столь же беспринципны. И не зря Америка вырастила на свою голову Бен Ладена: идеология, во главу угла поставившая самоценность человеческой жизни, может активизировать в ответ только идеологию, для которой человеческая жизнь не стоит ломаного гроша. Даже оголтелые защитники Америки сходятся в том, что именно экспансия американских ценностей и американского менталитета породила бешеный всплеск протеста со стороны «третьего мира». Россия-то из этого противостояния временно выпала по бедственному своему положению – хотя США теперь, пожалуй, жалеют о более цивилизованном противнике, каким был СССР, о прогнозируемости предсказуемости своего врага-друга [235]. На основе вышеизложенного, Д. Быков заключает: «Владимир Путин не зря с такой силой «наезжает» на фашизм, экстремизм и прочая. Он чувствует противника своего уровня в людях, не отягощенных принципами и доверяющих только силе. Силовик боится только другого силовика. Триумфальное шествие Путина кончилось – наступает время отдачи» [235, л. 6].

Какие же «вызовы» времени В.В. Путину, как президенту России отмечают политологи и социологи, экономисты на настоящем этапе развития? «Идеалы богатства и политкорректности у нынешних деток непопулярны – это вам не поколение клерков, перекачивающих деньги из банка в банк или зарабатывающих пиаром. И чем активнее власть на протяжении всего этого лета борется с радикалами – безошибочно чувствуя врага, – тем активнее этот враг будет огрызаться, ... а потом, возможно, и нападать.

Нет сомнения в том, что и оппозиция у него будет настоящая, не парламентская. Зюганов почистил свои ряды – а молодежь нынче такая, что для нее и Зюганов недостаточно радикален. Сказались десять лет стагнации и развала, выросли дети, недоедавшие с 1987 года и брошенные на произвол судьбы пять лет спустя. Нанося превентивные удары по экстремистам, Кремль только подталкивает их к ответным решительным действиям – и тут уже ему придется иметь дело вовсе не с очкариками из НБП, а с настоящим социальным протестом» [235, л. 6]. Из всех данных проблем и дилемм вывод следующий: перед В.В. Путиным стоит важнейшая проблема – формирование принципиально новой системы власти в России, в которой чиновник – не «сиделец», а власть – не «кормление», а высокое, святое служение своему народу. При этом чиновник любого ранга – это всего лишь прекрасно оплачиваемый менеджер на службе у общества, сменяемый и управляемый им, а не азиатский земной божок на доходном месте!

В. Костиков, характеризуя реалии современной России, отмечает: «Римские когорты шли в бой, а в случае неудачи отходили в боевом порядке, повинаясь звуку трубы. Ведь в те времена в войсках не было радиосвязи и мобильных телефонов. «В ходе сражения труба должна издавать ясный звук», – говорилось в боевом уставе Римской империи. Имелось в виду, что, если труба звучит невнятно, в войсках может возникнуть паника, ведущая к поражению» [234].

Встаёт закономерный вопрос: а какие сигналы трубы подает наша власть? Она все чаще издает невнятный звук. Переводя на народный язык: ни бе, ни ме, ни кукареку. Как иначе можно расценить результат широкого разрекламированного расследования Счетной палаты «Десять лет приватизации в России»? Прделан огромный труд. Аудиторы «просветили» финансовые потроха 140 крупнейших компаний. Написано 1300 страниц. Выявлено, кто из олигархов сколько увел миллиардов за рубеж. Вскрыты схемы коррупции при растаскивании госсобственности, каналы откачки валюты за границу [234, л. 4]. И каков же итог?

В отчете отмечается, что обманывали на каждом шагу. Приватизаторы обещали закупить новое оборудование, технологии, модернизировать заводы, шахты, порты, нефтепромыслы. И обманули. – Заводы за редким исключением как работали на старье, так и работают. Износ оборудования в машиностроении – 75%. Фонды «выбывают» в 10 раз быстрее, чем обновляются. Несмотря на баснословные прибыли, не торопятся с инвестициями и нефтяные бароны. Добывают то, что легко взять. Приватизируя заводы, обещали «платить, как при капитализме». Обманули. Зарплата в России в 10–15 раз ниже, чем у европейских рабочих. А как показали недавние забастовки на приватизированных шахтах – ее нередко и вообще не платят [234, л. 4].

Проблемы, стоящие перед Россией, являются зеркальным отражением проблематики стран СНГ, их правящих элит, народов.

Согласно различным социологическим данным, свыше 50 процентов украинцев готовы жить снова при тоталитарном режиме, то есть без свободы, но с гарантией сытости, «с полными холодильниками». Это те, кто считает, что свободу на хлеб не намажешь. Так ли это? Материальное состояние общества напрямую зависит от уровня политических и экономических свобод, от системы взаимоотношений «власть-народ».

Термины «либеральный», «либерализм» родились в начале XIX века в Испании и происходят от испанского эквивалента нашего слова «свобода». Партия, противостоящая испанским либералам, называлась *servile* – т.е. «рабская» [260, л. 4].

Свобода – это ключевая ценность. Свобода личности – основа всех основ. Свобода важнее собственности. Если нет свободы, собственность в любой момент могут отнять – будь то фабрика или завод, приватизированная квартира, земельный пай. Да хоть корова – разве печально известный опыт раскулачивания не говорит об этом? И жаловаться будет бесполезно. По опросам 2004 года, подавляющее большинство украинцев не относили свободу к числу важнейших жизненных ценностей. Более того, многие считают, что именно отсутствие диктатуры, жестокого порядка и твердой руки является причиной обнищания

населения и крайне низкого уровня жизни. По результатам исследования Центра им. Разумкова, 57 процентов граждан Украины согласны жить в тоталитарном государстве с высоким уровнем жизни и только 14,8 процента готовы жить в условиях свободы и демократии, но с более низким уровнем жизни.

Однако дело заключается в том, что в условиях тоталитарного строя обеспечить высокий уровень жизни большинству граждан страны просто невозможно. Ошибаются те, кто считает, что диктатура означает полные холодильники, иначе бы в северной Корее не питались травой [260, л. 8].

Но можем ли мы назвать «свободой» тот олигархически-криминальный капитализм, сформировавшийся в СНГ и в России? Когда нищие составляют 70–80% населения? Капитал же олигархов – это кража тысячелетия! – «Но самое поразительное «открытие» Счетной палаты – это то, что собственность «покупалась» не за счет денег участников залоговых аукционов (будущих олигархов), а за счет средств, которые Минфин (то есть государство) передал олигархическим банкам, находившимся в сговоре с приватизаторами. То есть собственность олигархами была получена бесплатно. Таким образом, все залоговые аукционы признаны аудиторами Счетной палаты «притворной сделкой». То есть, переводя на обыкновенный язык, – откровенным обманом [234].

Но самый серьезный приговор аудиторов касается уже не столько бизнеса, сколько политики. Счетная палата пришла к выводу, что в результате приватизации не получилось главного, что отличает настоящий капитализм от бандитского. В России так и не появились конкурентная среда, цивилизованный рынок, открытый бизнес. Несколько крупных олигархических структур тормозят реформы, давят средний бизнес, диктуют правила игры. К сожалению, это присуще не только России, но и СНГ!

Доклад в нескольких экземплярах поступил в «высшие сферы». А там не знают, что с ним делать. То ли волосы встали дыбом от прочитанного, то ли отнялся язык? А ведь, когда расследование только началось, народу обещали, что ему обо всем расскажут, а расхитителям будет предъявлен счет. Но похоже, что власть, «оттянувшись» на М. Ходорковском, успокоилась» [234, л. 7]. Возникает закономерный вопрос, ибо россияне интересуются: какая власть, при каком строе мы живём? То ли у нас социализм с капиталистическим рылом, то ли капитализм с социалистическим брюхом.

Ладно бы в докладе счетной палаты содержались какие-то страшные секреты, которые нельзя доверять народу. Да нет же! Секретов никаких нет. Имена героев «большого хапка» давно известны. Известны и суммы, которые они увели за границу, – за 10 лет более 300 миллиардов долларов. Большинство – среди тех ловкачей, которые «скинулись» на предвыборную кампанию Б. Ельцина в 1996 году. Сегодня они решили, что пора выползть из подполья: начали открыто скупать недвижимость за рубежом, переправляют туда жен и детей. На всякий случай.

ЧТОБЫ совсем уж не выглядеть идиотами в глазах народа, сверху снова намекают: «Что-то произойдёт. То ли кого-то еще возьмут за «Фаберже» и будут крутить до тех пор, пока не посыпятся червонцы. То ли, наоборот, всех олигархов простят разом, а раскошелиться опять попросят население. Появились слухи, что в докладе Счетной палаты есть секретные страницы. Якобы только для глаз президента [234].

И не случайно, что последнее исследование социологического центра Ю. Левады выявляет полную сумятицу в мозгах россиян. На вопрос: «Куда идет наша страна, какие цели ставит руководство?» – 66% опрошенных сказали: «Не знаем». А ещё 13% опрошенных ответили: «Дела в стране пущены на самотек». Реформирование, переустройство – самое сложное их всех социальных действий в обществе, требующие ясной линии и твердой руки, чистого сердца!

И вот уже появляются первые результаты «сумятицы»: впервые за четыре с половиной года рейтинг В. Путина пошел вниз [234, л. 7] – Россия, как и все страны СНГ – в системном кризисе!

Колокол сострадания, сопричастности к бедам и страданиям землян стучится во все честные сердца, «взывает» к переустройству нашего безумного, прекрасного, такого сложного и хрупкого мира!

Американский политолог и экономист, профессор политических наук Калифорнийского университета (Лос-Анджелес) Ричард Скляр отмечает: «От хронического недоедания страдает около миллиарда жителей развивающихся стран. По данным частной международной организации «Проект «Голод», расположенной в Нью-Йорке, за два года в середине 30-х годов от голода умерло больше людей, чем всего погибло в период двух мировых войн. Это моральная проблема всего человечества, которая означает неспособность людей достигнуть идеала всеобщей социальной справедливости. Но одновременно это и политическая проблема, поскольку причины голода и хронического недоедания коренятся в структурах власти обществ, находящихся на ранних стадиях промышленного развития. Проблема голода в бедных странах может быть осложнена заимствованием технологических новшеств без учета их социальных последствий. Кроме того, бездумное социальное экспериментаторство может иметь более пагубные последствия, чем бездействие: в результате «великого скачка» в 1958–1960 гг., провозглашенного Мао Цзэдуном, голод в стране принял невиданные в истории масштабы. Это серьезная проблема в менее развитых государствах настойчиво напоминает нам об острой необходимости разработки новых теорий развития, которые были бы лишены идеологической окраски или технократизма» [261, с. 117].

Вдумайтесь: каждую ночь на планете под открытым небом располагаются на ночлег 100 миллионов бездомных детей. Менее чем на один доллар в день живут 1200 миллионов людей. Между тем всего лишь 200 самых-самых богатых богатеев обладают состоянием, равным 1000 миллиардам долларов...

Полюса богатства и бедности стоят друг от друга на большем расстоянии, чем Северный и Южный полюс, – такой вывод напрашивается после знакомства с этими цифрами, приведенными в докладе экспертов ООН, замерявших степень «благополучия» 173 стран.

В первую десятку наиболее обустроенных стран входят (в порядке убывания) Канада, удерживающая седьмой год подряд свое лидерство, Норвегия, США, Австралия, Исландия, Швеция, Бельгия, Нидерланды, Япония, Соединенное Королевство. Замыкают иерархическую табель о рангах Эфиопия, Буркина-Фасо, Нигерия и Сьерра-Леона.

Эксперты ООН отметили, что на качество жизни в России и Восточной Европе пагубно сказывается «экономическая стагнация», в то время как Африке не дает подняться с колен СПИД.

Индекс развития человеческого потенциала определяется не только на основе доходов на душу населения, а с учетом многих показателей качества жизни – её продолжительность, грамотность населения, доступ к ключевым цивилизованным благам, таким, как чистая вода и медицинское обслуживание [262].

Лишь малая доля невероятных богатств могла бы коренным образом изменить ситуацию среди стран «третьего мира». Как считают координаторы Программы развития ООН, «страны, освобожденные от непосильного бремени ежегодных долговых выплат, могли бы использовать средства на инвестиции, что только в Африке сохранило бы жизнь 21 миллиону детей и открыло бы 90 миллионам женщин и девушек доступ к образованию».

Приносят ли богатство, стремление к преуспеванию любой ценой морально-нравственный комфорт, могут ли страдания, нищета миллионов стать живительным гумусом для счастья, довольства, радости? – Давно известно, что не обязательно быть богатой страной, чтобы быть счастливой. ЮНЕСКО недавно обнародовала любопытное исследование. По количеству людей, которые считают себя несчастными, лидируют шведы. А самыми счастливыми считают себя индейцы. Возможно, им помогает в этом религия, ментальность, их история.

Какое же место России, СНГ в новой геополитической ситуации в мире?

Известный итальянский политолог Кьеза, анализируя сложившуюся экономическую, политическую, социальную ситуацию в России и СНГ, отмечает: «Быть может, еще есть время мучительных конвульсий для кровавых и бесполезных судорог, порожденных иллюзиями, которые всегда отказываются умирать. Но новый взлет маловероятен. Спад и распад, – которым сами россияне способствовали своим глупым подражанием чужим примерам – только начались. За потерей Средней Азии последует утрата Кавказа. А потом россияне распрощаются с Сибирью, их подомнет самый сильный из «азиатских тигров». Это произойдет само собой, потому что Россия делает хакари на глазах у Азии, и колоссальное демографическое давление китайцев скоро не будет сдерживаться уже ничем» [254, л. 5]. К 2050 г. китайцы будут вторым (или первым) этносом России!

Более обнадеживающие перспективы просматриваются с позиций экономистов, социологов, политологов стран СНГ, которые также осознают сложность ситуации. Как бы обращаясь к В.В. Путину, Д. Львов итотжит: «Решить комплекс социальных проблем долгосрочного развития будет непросто. Но альтернативой является неизбежная деградация и уничтожение самого ценного достояния России – ее интеллектуального и трудового потенциала. По существу же, это будет означать достижение финансовой стабилизации и нулевой инфляции... но уже без человека. Вряд ли народ России согласится с этой безнравственной перспективой. Новую доктрину призван реализовать новый политический лидер страны, радеющий за ее возрождение, за обретение ею достойного места в мире, за благополучие и процветание наших детей и внуков. Вот тогда он и сможет рассчитывать на поддержку народа, на подлинный успех, быть подлинно народным президентом» [263, л. 2]. При этом Д. Львов резюмирует по поводу данных проблем: «В настоящее время у правительства нет ни стратегии, ни тактики, которая бы переводила экономику из сырьевой в разряд высокотехнологичной. Все инвестиции у нас идут не в науку, а в нефть. Если дальше так будет продолжаться, то, по оценкам Мирового банка, у нас резко замедлится ВВП» [263, л. 6].

Но есть же и положительные тенденции развития России и СНГ, и каковы же исторические геополитические перспективы развития России, СНГ в XXI–XII веках?

Эллен Каррер Д'АНКОС – одна из 10 самых знаменитых женщин Франции XX века. Она историк, политолог, автор захватывающих книг о прошлом России. Ее мнением интересуются мировые политики, значительное внимание она уделяет феномену В.В. Путина и будущего России. По её мнению, масштаб личности В.В. Путина сопоставим с Александром II, освободившим Россию от крепостного права, что есть сходство между эпохами и теми задачами, которые пришлось решать Александру II и В. Путину. Исходя из этого, она призывает В.В. Путина к демократичному, но жесткому политическому курсу по отношению к тем, кто подрывает мощь России, констатируя, что Жак Ширак в свое время получил на президентских выборах во Франции 80% голосов, и никого это не удивило. Самый популярный политик во Франции – это министр иностранных дел Николя Саркози, который все время только и говорит о наведении порядка в стране.

Она отмечает: интересно, в какой западной стране согласились бы с тем, что кто-то не совсем законно завладел огромными национальными богатствами и еще решил использовать их в своих политических целях? Меня поражают разговоры во Франции типа: Ходорковского в России посадили – какой кошмар!

Мне кажется, сказывается старая привычка франко-русских отношений. Они всегда были очень эмоциональными, но не всегда логичными.

Например, что бы ни делал Горбачёв, его считали богом, героем, Голиафом XX века [264, л. 4]. Вывод Д'Анкос следующий: «Путин до какой-то степени остается непонятным, и мы вновь наблюдаем эмоциональный холодок в российско-французских отношениях. Думаю, в следующие четыре года в России должна сформироваться новая политическая элита. У нее должна быть свободная точка зрения. Я хорошо знаю Явлинского, уважаю Хакамаду. Но, мне кажется, политическое поле России должно быть более оживленно. Пока

у вас мало ярких политиков. И дело не в отсутствии политической борьбы. Например, во Франции ее тоже нет. Но мне кажется, что Россия еще не исчерпала все возможности политконкуренции [264, л. 4].

Каков же футурологический прогноз развития России, СНГ, всего мира в ближайшие десятилетия – ведь Земля же вертится, жизнь идет семимильной поступью, и Россию и страны СНГ, невзирая ни на что, ждёт процветание, гармония, мировое лидерство! – Вот-вот, там, за горизонтом! Что век грядущий нам готовит? По прогнозам экспертов французского национального института демографии, наступающее столетие будет отмечено дальнейшим ростом народонаселения планеты: с шести нынешних миллиардов оно увеличится до одиннадцати к концу XXI века. Причем 95 процентов прироста выпадает на так называемые страны «третьего мира». Именно там уже сейчас проживает подавляющее число людей – пять миллиардов против чуть более одного миллиарда в индустриально развитых странах. Самое большое число людей на грани тысячелетий будет проживать в Азии – 61 процент, 13 процентов – в Африке, 5 и 8 процентов соответственно в Южной и Северной Америке и 13 процентов в Европе. Понятно, что эти прогнозы не учитывают «нострадамусские» прогнозы развития событий, которое, не дай Бог, внесло бы свои страшные коррективы в существующие реальности.

Ну а какое качество жизни ждет человечество? Мало чего утешительного можно сказать в адрес граждан «третьего мира» [265]. Если уровень их жизни и будет расти, то без серьезных скачков. Индустриально развитые страны, если верить футурологам, ждут самые настоящие чудеса. Какие? Их множество. К примеру, «умные» дома, где практически все жизненно важные функции будут выполняться с помощью мощных компьютеров. Завязанные в единую систему с помощью оптической и спутниковой связи, они будут отслеживать все передвижения людей, знать, когда они появляются дома, и к этому моменту включают отопление, поднимут жалюзи на окнах, включают свет, отдадут команду на подогрев еды. Все закупки, а также доставка продуктов и прочего будет осуществляться ЭВМ. Ванная комната из места личной гигиены превратится в центр диагностики зрения, слуха. Обшлага халата преобразятся в ненавязчивый аппарат по «снятию» данных с кровяным давлением, а туалет при желании внесет в компьютерное досье данные о состоянии здоровья, производя все необходимые анализы (наличие сахара, холестерина в крови, онкологические данные!)

Фантастика? Похоже. Но, тем не менее, все это уже существует, правда, пока не в «ширпотребовском» виде. Кстати, подобный дом будущего сейчас строит себе американский мультимиллионер, владелец компании по созданию компьютерных программ «Майкрософт» Билл Гейтс.

Как говорится, лиха беда начало. Подлинная революция сейчас происходит в области создания и применения совершенно «революционных» тканей. Уже существуют ткани, которые меняют цвет в зависимости от температуры – становятся светлее на солнце, а значит, и более прохладными. Есть ткани, обладающие антибактериальными свойствами, они отгоняют насекомых и просто незаменимы в тропиках. Антистрессовые ткани уже созданы и в скором времени будут применяться французской швейной промышленностью. Идет работа над материалами с «памятью», которые не надо будет ни стирать, ни гладить. Разрабатываются также ткани, в которые можно будет вводить специальные микрокапсулы с косметологическими или лечебными свойствами [265].

Однако все это феерическое будущее не падет с небес в виде манны небесной – его можно приблизить непрерывным трудом своих рук, интеллекта. Что же мешает нам построить у себя такую блестящую феерию бытия? Как же нам из Украины сделать «Швейцарию», из России – супервеликую державу?

После монголо-татарского нашествия славянство живет по военно-мобилизационной авторитарной модели развития: в войнах мы непобедимы, в обыденной жизни – несчастны!

Ю.М. Теплицкий

В бедной Бразилии от приватизации получено 90 миллиардов долларов, в России – 9 миллиардов, на Украине и того меньше.

Данные статистики

Богатство – отметина Бога. Раз ты богат, значит, Бог к тебе благоволит. Если ты беден, ты должен смириться и умереть в смирении.

*П. Авен, президент Альфа-банка, миллиардер
(Западная мерка к нашей жизни)
(Что они нам предлагают!)*

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ «КУДА СВОЙ ПУТЬ ВЕРШИМ?»

Перестройка, как и большинство реформ в России, была осуще-

П

ствлена самой элитой, то есть «сверху». Горбачев – новатор, выросший в среде консерваторов. Его действия привели к разрушению социалистического лагеря и СССР. Горбачевские реформы раскололи правящий класс надвое – на коммунистов-ортодоксов и коммунистов-демократов. Последние и составили костяк нынешней политической элиты. Первые были жестоко выброшены за борт большой политики. Но горбачевская «революция» не привела к власти новый правящий класс. Это была не смена элит, это была смена генеральной линии.

Ельцин, несмотря на личную вражду с Горбачевым, был лишь продолжателем его дела. Он углубил начатые своим предшественником экономические изменения, продолжил реформирование политической системы. Пример, реально подтверждающий это, состоит в том, что, несмотря на серьезное обновление, Ельцин использовал кадры, более чем на треть состоящие из горбачевской номенклатуры. Каковы же основополагающие цели, задачи тех тектонических социально-политических и экономических преобразований, которые именуется собирательно «перестройкой»?

За шелухой горбачевского ускорения, ельцинского сумбурно-лихорадочного реформаторства скрывается попытка элиты за 10–15 лет «пробежать» со всей страной 500–600 лет эволюционного развития капитализма на Западе и «догнать и перегнать» передовые, высокоразвитые страны мира. При этом, как всегда, «Мы за ценой не постоим!» – естественно, ценой «человеческой» [211, 212].

К чему же это привело? Произошла трансформация общества на знаково-семиотическом уровне: низвергаются памятники, меняются с переброжкой смысловых и ценностных полюсов символы и лозунги. Что касается политики и экономики, то происходит восстановление структур, уже когда-то существовавших, но самым трагическим образом показавших свою нежизнеспособность, что на деле означает – перемены «пошли» в рамках некоего цикла: военно-феодальный капитализм конца XIX – начала XX столетий трансформируется в ленинско-сталинский имперский социализм, чтобы к концу XX столетия перестроиться в «дикий» капитализм образца XIX столетия, который в настоящее время присущ лишь некоторым странам Латинской Америки и Африки [211].

Таким образом, можно констатировать изменения в рамках некоего замкнутого цикла при отсутствии элементов новизны, творчества. О подобном явлении во Франции говорят:

«Много перемен – мало изменений». Маятник истории, насильственно удерживаемый большевизмом у одного полюса, ныне качнулся в противоположную сторону. Большевизм же, формально покинувший подмостки истории, яростно отрицаемый и попираемый, возрождается в стиле, методике и содержании мышления своих отрицателей. Исходя из этого, ряд западноевропейских ученых считает, что взаимоотношение «коммунизм – посткоммунизм» представляет собой систему, образовавшуюся в результате «раздвоения единого». Чтобы получить одну систему, надо «наизнанку» вывернуть другую. Подобное «выворачивание наизнанку» с некоей цикличностью совершалось как на российском имперском геополитическом пространстве, так и на постсоветском в ходе «революции сверху» [211, 212].

Принципиальное же отличие подобного преобразования «сверху» от западного в том, что европейские демократии в значительной мере строились «снизу» различными общественными институтами, начиная с цехов, гильдий. Это затем закреплялось, «конституировалось» западной правящей элитой на государственном уровне. Подобное эволюционно-поступательное развитие, формирование государственности «снизу» привело к качественно новому этапу развития западноевропейских стран: там давно уже нет капитализма в его марксистско-ленинском понимании.

Система обнаружила свою удивительную мобильность, пластичность, готовность к эволюционной трансформации. Однако коммунизм предельно консервативен, предельно устойчив. Будучи вынужденным маневрировать, он только потому так легко перерождается в ретро-капитализм, что последний глубоко родственен ему по своему духу. Не является ли подобное утверждение абсурдным?

Подобный «старый», «незрелый» капитализм со значимой степенью вероятности вновь и вновь продуцирует возврат к коммунизму. Коммунизм, подвергаясь инверсии, перерождается в консервативный, хищный, безграмотный, бескультурный, антисоциальный капитализм XIX века. Таким образом, большевизм очень своеобразно мстит за свою историческую неудачу – он отступает, но отступает в историческое прошлое, то есть снова отбрасывает общество на десятилетия назад! [212].

Заслуживает внимания то, с какой легкостью и непринужденностью вчерашние коммунисты становятся воротилами-миллионерами! Дело вовсе не в беспринципности, а в глубоком родстве коммунизма и дикого, нецивилизованного капитализма XIX века – не творческого, не производящего спекулятивно-посреднического «рая» для теневых дельцов, из которого со значимой долей реальности можно возвратиться... к коммунизму [211, с. 96–101]; [212, с. 75–78].

Именно поэтому в силу ментальности СНГ-овского общества механизмы западной демократии дают прямо противоположные результаты по сравнению с либерально-демократическими эталонами. Рассмотрим данную закономерность на примере процедуры парламентских выборов – важного компонента западной демократии. Выборы в странах западной демократии – процесс обычный, рутинный, с вполне предсказуемыми последствиями, коридор возможных изменений весьма узок, ибо главная их цель – ротация кадров внутри правящей элиты [213].

При этом в наиболее развитых странах западной демократии действует гениальное изобретение тернарно-эволюционной системы государственности: двухпартийная система реального правления, функционирующая по системе «вдох-выдох». Десятки же, сотни борющихся за власть партий являются лишь фоном для ротации кадров внутри правящей элиты. Данная форма правления обеспечивает гармоничное сочетание приемственности при разумной, не превышающей порога устойчивости системы обновляемости.

То же самое с понятием «левое-правое», что меняется при переходе данных партий к власти внутри тернарных сообществ: «левые», приходя к власти, – «правеют», «правые», в зависимости от социально-политической обстановки, «смещаются» к «центру», порой – «левеют».

Совсем другая ситуация с функционированием данного западного института – парламентаризма – в переходных бинарно-тернарных сообществах. В ходе выборов в бинарном обществе с привнесенными в него демократическими элементами контрэлиты желает любыми способами вернуться к власти, декларируя, что печется прежде всего о благе сирых, убогих, о чистоте идеалов.

Актив партии старой власти состоит из той части номенклатуры, которая была вытеснена с политической арены. Это партия бывших и проигравших. Это контрэлиты общества, жаждущая реванша. Армия ее сторонников – все те, кто потерял статус, деньги, привычный образ жизни, молодость [213, с. 5]. Выборы в подобном обществе по ожесточенному накалу страстей, последствиям для их участников идентичны «холодной» гражданской войне, ведь на Руси: «Кто не служил – тот и не жил, а кто служить перестал, – тот, считай, умер».

Поэтому дилемма для элиты и контрэлиты на всем СНГ-овском пространстве – достижение любой ценой власти, что опять-таки возвращает развитие системы на путь бинарности. Ведь то, что коммунист называет порядком, демократ – тоталитаризмом; коммунист говорит о хаосе, когда демократ имеет в виду свободу. Но и те и другие в преддверии выборов делают запасы продуктов, продают государственные ценные бумаги, покупают доллары и билеты подальше [213]. Выборы в СНГ – как песочные часы: когда время истекло, часы переворачивают, и низ становится верхом. И тогда «кто был ничем, тот станет всем». И это закономерно – в истории стран с бинарной системой развития легко найти примеры остракизма, но трудно найти примеры воздаяния почестей бывшим правителям.

Важную роль в решении общественных проблем имеет изучение феномена лидера, правящей элиты, ибо именно им делегирует общество в той или иной форме право на принятие решений, определяющих судьбы миллионов и миллионов людей и, в конечном счете, – их жизнь и смерть, благополучие и горе, процветание и прозябание (при этом цари и генсеки, президенты и премьеры – сами во многом зависимые от многих обстоятельств люди).

Феномен лидера дает ключ к пониманию основополагающих закономерностей развития эпохи, государств и народов. В свете последних научных достижений место и роль правящей элиты, а также руководящей личности в обществе определяется понятием, введенным в гуманитарные науки американским ученым Э. Ласло, – понятием «бифуркации», которое описывает состояние жизнеспособности неравновесных систем, в том числе и социальных. Роль личности определяется ролью факторов, которые способны воздействовать, нейтрализуя или усугубляя способы проявления социальных закономерностей [5, с. 284].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что лидерство представляет собой руководящий или управляющий аспект политики – как самый значительный и видимый его компонент. Эта руководящая функция выступает как совокупность ряда элементов – сочетания персонального, окруженческого и структурного изменений, что включает в себя такие компоненты: 1) лидер как личность, как носитель политической воли; 2) направляющая элита как политическое подразделение, выражающее взаимодействие между лидером и его окружением; 3) бюрократическая структура как система вертикальных и горизонтальных рабочих иерархий. Лидерство не может осуществляться без личности, без ее ярких индивидуальных качеств.

Лидер зависит от узкого круга сторонников, малой группы, которую обычно идентифицируют с элитой или командой лидера. Характер их взаимоотношений во многом определяет масштаб лидерства. Подлинное лидерство заключается в настойчивом влиянии на людей таким образом, что они поступают согласно желаниям лидеров. Одаренный руководитель государства способен создавать свое собственное окружение, одновременно превращая ситуацию, которая возникает на его пути как тормоз, в ситуацию, дающую ему возможность творить действительность [5, с. 283].

Однако не все западные ценности могут быть восприняты и адаптированы. Переход от соборности, определяющей образ жизни славянских народов на протяжении многих столетий, к западному индивидуализму – путь сложный, болезненный, чреватый значимыми потерями в сфере духовности и культуры. Известный западноевропейский философ Эрих Фромм, суммируя положительные и отрицательные стороны западного индивидуализма, отмечал: «...Традиции, общие ценности и подлинно общественные личные связи с другими по большей части исчезли. Современный массовый человек изолирован и одинок, даже если он является частью толпы, у него нет убеждений, которые он мог бы разделить с другими: только лозунги и идеологии, заимствованные у средств массовой информации. Он превратился в атом (греческий эквивалент слова «индивидуал» т.е. неделимый), связанный с другими лишь посредством общих, хотя зачастую и противоположных интересов, а также денежных отношений» [215].

Как бы продолжая и развивая мысли Эриха Фромма, известный литератор, мыслитель и диссидент, отдавший значительную часть жизни борьбе с коммунизмом, А.И. Солженицын подчеркивает: «Конечно, какая-то определенная политическая форма постепенно будет нами принята, – по нашей полной политической неопытности скорей всего не сразу удачная, не сразу наиболее приспособленная к потребностям именно нашей страны. Надо искать свой путь. Сейчас у нас самовнушение, что и нам никакого собственного пути искать не надо, не над чем задумываться, а только поскорей перенять, как делается на Западе. Но на Западе делается еще очень по-разному! У каждой страны своя традиция [216, с. 17].

А.И. Солженицын конкретизирует вышеизложенное: «Государственное устройство – второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве – допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве – невыносима самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности, – это проявится при любом строе. Политическая жизнь – совсем не главный род деятельности для человека, политика – совсем не желанное занятие для большинства. Чем размашистей идет в стране политическая жизнь, тем более утрачивается духовная. Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме прав, человеку нужно отстоять и душу, освободить ее для жизни ума и чувств» [216, с. 18].

Подлинное величие любого государства проявляется, прежде всего, в том, способно ли оно создать нормальную жизнь для каждого своего гражданина, не обижая и не унижая его ни нищетой, ни деспотией, ни всеобъемлющей зависимостью. Если же оно не хочет или не в состоянии решить эту задачу, то рано или поздно окажется приговоренным к серьезнейшим социальным потрясениям.

Обобщая основополагающие причины многовековых глобальных потрясений, испытаний, выпавших на долю славянства, известный российский ученый начала XX столетия Густав Шпет писал:

«Кто ж мы такие есть – крестились и крестимся по-византийски, азбуку выучили болгарскую, книжки читаем немецкие и английские?» [217, с. 34].

В риторическом вопросе содержится ответ: механическое заимствования чужого опыта, традиций дает обратный результат – из зерна произрастают плевелы.

Мы жили в прекрасном и жестоком, фееричном и разрушительном XX веке – веке, завершающем второе тысячелетие и открывающем дверь в третье. Не это ли является причиной глобальных мировых войн, невиданной жестокости «просвещенных» обитателей XX столетия? Время III тысячелетия настоятельно требует осмысления пройденного «*Homo sapiens*» пути за прошедшие тысячелетия, определения «параметров» грядущего, предотвращения самоуничтожения человечества.

На древних и старых архитектурных сооружениях были разные надписи, символы эпох: в античности – «Познай самого себя» (храм Аполлона в Дельфах); в эпоху Ренессанса – «Делай, что хочешь» (Телемская обитель в романе Рабле).

В середине XX века сердце Европы обогатилось чудовищной иронией-перевертышем: «Каждому – свое» (ворота в Бухенвальде). Последний лозунг был «развит» далее – вот три лозунга-директивы нацистской ксенофобской доктрины: «техника обезлюживания» (Гитлер), «ставка на негодяя» (Геринг), «вперед, по могилам» (Геббельс) [2]. Фашизм – анахронизм истории? И да, и нет – за последние три с половиной тысячелетия весь цивилизованный мир прожил без войн всего 230 лет.

Человек – единственное существо, которое не дано раз и навсегда, а постоянно находится в процессе становления, осуществления, вочеловечивания. Человек не весь в человеке, мы идем к себе издалека, и пока идем, многое может с нами случиться. Человек есть усилие быть человеком. Если нет этого усилия – неизбежна деградация.

Наступивший после II мировой войны период «холодной войны» был характерен тем, что речь шла о «соперничестве в упадке», то есть соревновании, победителем в котором был бы не самый могущественный, а дольше сопротивляющийся силам распада. Конец же «холодной войны» ускорил раскол международного пространства, ставшего одновременно еще более расчлененным и более раздробленным регионально.

Роберт Макнамара констатировал, что региональные, «периферические» конфликты в Северном полушарии унесли за период «холодной войны» сорок миллионов жизней.

«Долговременный мир», о котором столько говорили, коснулся только развитых стран и отношений Восток-Запад. Между тем некоторые конфликты в «третьем мире» обязаны как раз этой самой «биполярности» – сверхдержавам, предпочитавшим «столкновения через посредников». От чего мы действительно были отдалены – это от третьей мировой войны и ядерного конфликта. Сорок лет формула Раймона Арона «Мир невозможен, война невероятна» остается в силе.

Сегодня можно было бы сказать, что мир в меньшей мере невозможен (благодаря исчезновению коммунизма), а война в меньшей степени невероятна (из-за почти повсеместно растущей анархии и «обесценивания» ядерного оружия у одних и его бесконтрольного распространения среди других) [218].

В настоящий период развитый Запад является относительно стабильным центром, по сравнению с которым Восток и Юг представляются беспокойной периферией, зависимой и стремящейся к одной цели. Запад занимает доминирующую позицию в экономическом, военном, идеологическом плане, но это внушает еще большее беспокойство, поскольку Запад знает, что не располагает ни мужеством, ни солидарностью, ни просто способностью распространить свое процветание на Восток или Юг, контролировать царящую анархию, региональные войны. «Соотношения сил» уже нет (впрочем, между кем и кем?), есть отношения, отмеченные господством или равновесием, конфликтом или сотрудничеством. Они различаются по сферам (например, денежная или военная) и регионам – Балканы или Кавказ и т.д.

Несомненно, сегодня можно говорить о глобальной гегемонии Соединенных Штатов, но поддерживать эту гегемонию становится все труднее и труднее. Причина этого – внутренние проблемы американского общества, а также отсутствие возможности контролировать транснациональные явления. Анархия и раздробленность ставят под сомнение даже само понятие мощи.

Как это ни парадоксально звучит, в настоящее время весьма актуальным остается вопрос о дальнейшем становлении демократии в высокоразвитых обществах – в США, Англии, Франции и т.д.

В самом деле, чего стоит демократия, которая «предпочитает, чтобы о ней судили по ее врагам (коммунизму, фундаментализму), а не по ее результатам», отмечает автор «Комментариев к обществу зрелищ» Ги Дебор. «Искушение тоталитаризмом, – писал он, –

это изнанка современной демократии. Я отнюдь не хочу сказать, что сталинизм или нацизм – за углом, но мне кажется бесспорным, что западные демократии переживают уже сейчас двойной кризис доверия: с одной стороны, общества по отношению к своим институтам и своему политическому классу, с другой – граждан и народов между собой. Либеральные демократии, между собой живущие в мире, часто проявляли или слабость, или агрессивность по отношению к другим режимам. Они часто бывают растеряны перед теми, кто поддается искушению традиционным фанатизмом и жадной завоевания» [218, с. 7–12]

Известный французский философ и писатель Аспер Пьер, анализируя тенденции и перспективы развития современного мира, отмечает в книге «Ветер с Востока»: «Война заложена в самой структуре международного пространства, то есть в многочисленности государств и отсутствии верховной власти. В разные эпохи это «естественное состояние» межгосударственных отношений могло быть «освоено» военным равновесием, в частности, ядерным, а также дипломатией, международным правом, некоторыми правилами сотрудничества.

Философы от Канта и Гегеля до Конта и Маркса видели решение проблемы в создании общества, где война потеряет свой смысл. Действительно, современное общество – это общество скорее индустриальное или гражданское, а не военное: оно стремится больше к богатству, чем к славе, и война в нем потеряла свою историческую функцию и свой моральный престиж.

Но возникает вопрос, сможет ли оно удовлетворить или погасить индивидуальные или коллективные страсти: страх, ненависть, жажду разрушения или мести, так же, как и сострадание или стремление к идеалу. А эти страсти, не повлекут ли они за собой обострение индивидуального или социального насилия, тем самым компенсируя утрату роли войны? Ведь мы живем в обществе, где новейшая техника, позволяющая манипулировать массами, побуждает к регенерации самых примитивных инстинктов [218].

При этом международная система гораздо легче организуется экономически, чем политически, ибо политика проводится очень множественная и не поддающаяся инструментальной рациональности. Какие-то элементы совместного управления и мировой организации пробиваются на свет. Среди них: некоторая способность восприятия мировых проблем; консенсус по отношению к тому, что неприемлемо, некоторое слияние между могущественными державами и членами Совета Безопасности и Секретариатом ООН [218, с. 10–35].

Английский философ и общественный деятель А. Тойнби в своей фундаментальной работе «Столкновение цивилизаций» поставил вопрос: «Какое наиболее характерное событие XX столетия выберут историки, взглядывываясь столетие спустя в наше время? – Воздействие западной цивилизации на все другие, жившие в мире того времени общества. Воздействие было столь мощным и всепроникающим, что перевернуло вверх дном, вывернуло наизнанку жизнь всех его бесчисленных жертв, повлияв на поведение, мировоззрение, чувства и верования отдельных людей – мужчин, женщин, детей, – затронув те струны человеческой души, которые не откликались на внешние материальные силы, какими бы зловещими и ужасными они ни были. Суть же этого процесса в том, что это первый шаг к унификации мира в единое общество» [52].

По мнению А. Тойнби, в обозримом будущем единство человечества будет восприниматься как одно из фундаментальных условий человеческой жизни – как бы часть природного миропорядка ...и локальное местечковое мировоззрение пионеров цивилизации в первые шесть тысячелетий своего существования будут восприниматься с трудом – ... как будто та или иная страна является центром, а то и всей Вселенной [52, с. 129–139]. А. Тойнби на основе этого заключает: «Наши потомки не будут лишь западными жителями, как мы. Они будут наследниками Конфуция и Лао-цзы, так же, как и Сократа, и Платона, и Плотина, наследниками и Гаутамы Будды, так же, как и Второ Исаяи, и Иисуса Христа,

наследниками Заратустры и Мухаммеда, так же, как пророков Илии и Елисея, и апостолов Петра и Павла...» [52, с. 66].

В. Соловьев еще в конце XIX века с той же страстью искал возрождения человека и общества на качественно преобразенных началах, при которых «...индивидуальность – как и национальность и все другие особенности и отличия, – перестает быть границей, а становится основанием положительного соединения с восполняющим его собирательным всечеловечеством... Всечеловечество... не есть отвлеченное понятие, а согласная полнота всех положительных особенностей нового или возрожденного творения – значит, не только личных, но и народных» [5, с. 9–10].

Но какова же в свете вышеизложенного будет судьба национально-культурного достояния различных стран и народов? Л.Н. Гумилев дает следующий ответ на данную фундаментальную проблему XXI столетия: «Всякая культура, развивающаяся на перекрестке субэкумен, может породить новый синтез и стать центром новой группировки культур. Такие процессы начинались в Тибете, еще раньше в Византии, но субэкументальные узлы, образовавшиеся там, были смяты историческим процессом. Духовный взлет России и XIX веке вызвал у Шпенглера ожидания, что Россия станет новым культурным кругом.

В этом свете (почти как Белый и Блок) Шпенглер воспринял и революцию. Такие надежды до известной степени разделял А. Тойнби. Но после неутешительных итогов XX века он отказал России в звании самостоятельной цивилизации. На сегодняшний день вопрос остается теоретически открытым. России предстоит еще освоить огромный опыт XX века, усвоить тысячи идей и множество форм жизни и только потом, возможно, их опровергать. Хомяков и Достоевский з н а л и Европу, с которой спорили, и нам, прежде всего, надо узнать и усвоить кое-что жизненно нужное, без чего в XX веке не проживешь» [14].

Какие же перспективы развития славянской цивилизации в грядущем XXI столетии? Есть народы, особенно с тысячелетним прошлым, которые и сегодня продолжают жить духовно этим своим прошлым, дышать в основном своим животворным вечным наследием, как, например, народы Индии. Другие народы, те, у кого «короткая» история, скажем, североамериканцы, напротив, живут преимущественно своим настоящим – им ближе, дороже и волнительнее всего то, что происходит с ними сейчас, здесь, сию минуту.

Встречаются случаи, когда массу людей не устраивает ни их настоящее, ни их прошлое. Тогда им не остается ничего другого, как только жить будущим. Таковы, по-видимому, славяне. Один из наиболее «неистовых» умов XIX столетия, Виссарион Белинский, так и говорил: «Россия по преимуществу страна будущего».

В числе важнейших составляющих русской идеи на протяжении пяти веков была идея собирания земель, расширения и экспансии. Именно эта идея в конце концов исчерпала себя, и с середины XIX столетия территориальные присоединения прекратились. Начался постепенно переход к следующему этапу – от количественного к качественному росту, к обустройству собранного, к интенсивному развитию, западноевропейские государства перешли к этой фазе еще в XVI–XVIII веках, а Россия начала свой переход тогда, когда стала самым большим государством на планете.

Иногда европейские страны отходили от выбранного маршрута и пытались вернуться к экспансии – вспомним походы Наполеона или гитлеровскую манию жизненного пространства – но из этого, кроме трагедии, ничего не получалось.

Всякий народ на стадии экспансии не нуждается ни в какой демократии: американские колонисты, выбивавшие индейцев с их земли, не проводили ни выборов, ни референдумов, Карл XII, пытавшийся резко расширить шведские пределы, не занимался введением многопартийности ни под Нарвой, ни под Полтавой [215].

С переходом к интенсивному развитию демократия становится жизненно необходимой. Утверждение демократических начал, а вместе с ними норм правового государства, это не навязчивая дидактика и урок, который дает России запад Европы, а импульс, напрямую

вытекающий из всего прежнего опыта и истории страны, а также из мирового исторического опыта.

Ленин, Троцкий, Сталин попытались вернуть «Славянский мир» на путь экспансии – на этот раз мировой – что было неразрывно связано с тоталитаризмом. Большевики попытались «раздуть мировой пожар и устроить мировую революцию вместо того, чтобы наконец разжечь камин в собственном доме и постричь траву у себя во дворе» [219, с. 4].

Перейти от экспансии к обустройству, собирать, а не разбрасывать камни, и таким образом восстановить собственную идентичность немислимо без утверждения демократических начал. Путь к этому непрост. Мы сами еще несем в себе множество черт, воспитанных сталинизмом. В психологии есть такое понятие при характеристике личности – когнитивная комплексность. Это система координат, в которой мы видим мир. Можно так: хороший – плохой, и будет одна ось: любые оценки проецируются на нее одну, других ориентиров нет. Можно чуть сложнее: хороший – плохой, свой – чужой. Вот уже двухмерная система. Можно: хороший – плохой, свой – чужой, романтик – практик [219].

Чем человек интеллигентнее, культурнее, тем его система координат комплекснее, тем она сложнее. Та система координат, в которой мы воспринимали окружающее, совсем недавно была исключительно примитивна. Мир был черно-белым. Люди делились, к примеру, только на эксплуататоров и эксплуатируемых. На своих и чужих – и все.

Сейчас система координат усложняется. Оказывается, капиталист – не обязательно толстый и пустоглазый, с ним можно разговаривать, он не обязательно прячет нож за спиной и бомбу в кармане (хотя твой карман «обчистит» наверняка!).

Простое восприятие мира дает простые рецепты. Например, уничтожить целые группы населения для того, чтобы другим группам населения было хорошо. Или, например, так: надо построить еще одну домну, еще одну ГЭС (тысячу домен, сотню ГЭС) – и все станет хорошо! Нам не хватает чугуна, значит, будет чугун – все будет хорошо. Это тоже представление об очень простом мире. Оказывается, есть чугун, а все равно не так уж хорошо, появился зарубежный ширпотреб, аппаратура, автомобили – при этом наше общество оказалось в катастрофическом состоянии: догоняя Запад, мы все больше от него отставали!

В настоящий период отношения Восток–Запад потеряли свою специфику, которую давал им примат идеологического противостояния на протяжении столетий. Сейчас на первый план выходят отношения экономические и социальные: в них обнаруживаются те же проблемы, что и в отношениях «Север–Юг»: долги, помощь, миграция и т.д. Политические проблемы того же свойства: хрупкость государств, гражданские войны, этнические и религиозные конфликты. Таким образом, отношения Восток–Запад все больше становятся похожи на отношения Север–Юг. И тысячелетний фактор противостояния–сотрудничества «Запад–Восток» «перетекает», трансформируется в отношения «Север–Юг» [219].

Макроисторический анализ развития общественных формаций позволяет автору сформулировать ряд важнейших закономерностей, обуславливающих успешность развития стран и народов.

1. Основополагающий, фундаментальный закон бытия «*Homo sapiens*» – закон кодификации личности, т.е. самовыражения, самореализации своего «Я» в своих свершениях, делах, в потомстве.

Специфика «свободы» состоит в том, что человек может делать выбор между решением правильным или ошибочным, причем, в последнем случае его ожидает гибель. Свобода выбора – отнюдь не право на безответственность – это тяжелый моральный груз, ибо, находясь в социуме, человек отвечает не только за себя и свое еще не родившееся потомство, но и за свой коллектив, своих друзей, соплеменников, наследие предков, благополучие потомков, и, наконец, за идеи, формирующие его культуру и даже идеалы, ради которых стоит жить и не страшно умереть [16, с. 51].

2. В основе успешного развития общественных и государственных образований находится «закон динамического равновесия» между новым, обновленчески-эволюционным началом развития и консервативно-апробированными общественными устоями. Это соотношение с предельными параметрами отклонения в ту или иную сторону поддается строго математическому определению, что позволяет выработать наиболее приемлемую формулу развития для каждой из стран в соответствии с её менталитетом (в самом широком понимании)! При этом абсолютизация одного из начал (обновленчески-эволюционного, либо консервативно-апробированного) с неизбежностью приводит к социальным катаклизмам, т.е. к революциям и контрреволюциям, гражданским войнам, крушению государств.

3. Превышение «порога динамического равновесия» в сторону доминирования обновленческого начала подрывает устойчивость общественной системы, приводит к преобладанию энтропийных начал, переводу общества в состояние анархической неуправляемости (т.е. так называемой «пугачевщины») – и, в конечном итоге, – к распаду основополагающих общественных институтов.

4. Нарушение «динамического равновесия» в сторону абсолютизации консервативно-апробированных начал приводит к таким же катастрофическим последствиям, как и превышение «обновленческого» порога – к революциям, гражданским войнам, крушению государств.

Нежизнеспособные социальные структуры, сообщества, приходящие в упадок, обновляются в «огне» распада и гибели. «Руины» служат при этом своеобразным «гумусом» для нарождающихся новых сообществ. При всей жестокости подобных исторических событий нельзя не признать их закономерность. Природа не знает категории «жалость», она признает лишь целесообразность.

5. Ориентация общества и отдельных индивидуумов на взрывные, скоропалительные перемены в социально-политической сфере чревата лишь такими апокалипсическими потрясениями, как революции, контрреволюции, гражданские войны. Коренная причина этого заключается в том, что динамическое равновесие в обществе поддерживается лишь оптимальным соотношением апробировано-консервативных начал и обновленчески-энтропийных. «Перекося» в любом из этих направлений вызывает «взрывные» изменения апокалипсического характера, отбрасывавшие общество на порядок в развитии.

6. Войны, революции, контрреволюции, гражданские войны – это выброс инстинктивной жизненной энергии индивидуумов, достигающей в тот или иной исторический период «пиковых фаз» (по причине противодействия их проявлению либо невостребованности). Кроме «горячих» способов «моделирования хаоса», дающего выход неуправляемым и неиспользованным обществом в своих конструктивных целях форм самопроявления и самореализации личности (революций, гражданских войн), все более доминирующую роль в XXI веке приобретет так называемое «холодное» моделирование хаоса посредством регулярных карнавалов, спортивных мероприятий, народных празднеств, Олимпиад (т.е. так называемая «разрядка» через соперничество).

7. Существование человека в истинном смысле этого слова невозможно вне «поля действия» той или иной идеи, созвучной устремлениям общества и личности. «Атомизированный» человек, т.е. человек, существующий вне «поля действия» той или иной идеи, созвучной поступательному развитию общества, является потенциальным либо активным «носителем» начал дисгармонии, энтропии. Основополагающая причина этого – диссонанс в формах самореализации индивидуума и доминирующих тенденциях развития общества.

Для успешного эволюционного преобразования общества при его реформировании необходимо принимать во внимание такие понятия, как мифологическое сознание, ценностная система, национальные и групповые стереотипы, идеалы, образ будущего, все то, что позволяет человеку оценить себя адекватно в окружающем мире. Общество не может

жить без идей и идеалов, именно они – главный дефицит в обществе, его движущая сила, залог успеха, процветания, порой – гибели!

8. Условием успешности значительных социально-экономических преобразований в обществе (без социальных потрясений и жертв) возможно лишь на основе эволюционных изменений, охватывающих период жизни 2–3 поколений, – «константа Моисея», – т.е. период, необходимый для формирования новой ментальности как индивидуумов, так и этноса в целом.

Рубеж XX–XXI веков, второго и третьего тысячелетий – период величайших революционных изменений основ бытия человеческого сообщества, в основе которых – переход от индустриальной эпохи развития цивилизации – к информационной. К природным, как, впрочем, и другим традиционным ресурсам, которыми располагает та или иная страна, присоединяется необычный, но главенствующий – информационный. Присоединившись, тут же возглавил ресурсный ряд, определяя место той или иной страны в системе мировых координат, мирового «табеля о рангах».

Таким образом, необходимо отметить тенденцию перехода наиболее развитых стран мира к совершенно новому типу общества – к информационному, что влечет за собой глобальное переосмысление многих основополагающих параметров бытия человеческого сообщества.

Невероятно ускорившаяся динамика их изменения, определяемая темпами научно-технического прогресса, требует адекватного «ответа», «быстрого реагирования» со стороны стран и народов, не желающих оказаться «на обочине» исторического развития цивилизации. В сложном, динамическом, противоречивом мире Украина (как Россия и Белоруссия), в силу ментальности своей более чем 1000-летней истории имеет все основополагающие предпосылки для того, чтобы, уловив ветер прогресса и процветания в «паруса» своей государственности, достичь благополучия, войти в состав наиболее развитых, процветающих стран мира. Для этого необходимо четко сформулировать национальную идею как составляющую глобального мирового развития «Homo Sapiens», стратегию и тактику ее реализации!

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Иисус Христос

По самой своей природе человек, чем старше он становится, тем больше противится переменам, особенно переменам к лучшему.

Дж. Стейнбек

Наши деяния не потеряны: они несомненно вернутся, и родивший их встретит их; безумный, творящий грех, испытает в другом мире скорбь в себе самом.

Кокалья-сутта, 10

Если вас поражает какое-нибудь бедствие, то поражает за деяния рук ваших.

Коран, Сура 42, ст. 29

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ:
ПЛАНЕТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ XXI ВЕКА – ОСНОВА
ПРОЦВЕТЕНИЯ СТРАН И НАРОДОВ
(Что век грядущий нам готовит?)**

Великий Омар Хайям писал в одном из своих рубайат: «Вразуми, всемогущее небо невежд, где источник, где основа всех наших надежд?.. Где же дым? Где же смысл? Оправдание где же?»

В сутолоке житейских проблем, в суровой борьбе за выживание в наше непростое время как-то «не замечается», что мы прошли некий (будем думать, промежуточный, а не финишный!) рубеж в развитии цивилизации – конец II – начало III тысячелетия. Примечательно, что еще на рубеже I и II тысячелетий растерянность, неуверенность, перерастающие в ожидание конца света, охватили многих живущих в этот временной период.

Из страха перед наступлением грядущего тысячелетия (наказания господнего за грехи) – люди совершали самоубийства, происходили волнения, восстания, войны стали более ожесточенными, кроваво-бескомпромиссными. Как будто для того, чтобы подкрепить страх, охвативший людей, в небе появились видимые глазу кометы, влекущие за собой кровавый шлейф.

Перевалив рубеж тысячелетия как некий почти физически осязаемый барьер, человечество вновь стало жить по-старому, забыв о прежних страхах, смятении, ожидании кар господних за совершенные прегрешения.

Опасения в предверии новых тысячелетий – вещь вполне обоснованная. По мнению ученых М. Виссинга и Отто Х. Мука (подтвержденному данными астрономии и космонавтики) 5 июня 8499 г. до н.э. на Земле произошла глобальная катастрофа. В 13 часов астероид из роя Адониса столкнулся с Землей. Столкновение произошло в районе нынешнего Бермудского треугольника. Масса астероидов превышала два биллиона тонн, и энергия, выделившаяся при столкновении, превышала энергию взрыва тридцати тысяч атомных бомб. Мгновенно родился ураган, поднялся водяной вал высотой не меньше десяти километров. Вал затопил материки, прибрежные цивилизации были уничтожены (в том числе и Атлантида). При этом свершилась страшная атмосферная катастрофа – заработали тысячи вулканов, извергая пепел и магму. Над планетой сгустилась коричнево-черная мгла. Не было видно ни солнца, ни луны, ни звезд [220].

Расчеты показывают, что небо над нашей планетой как бы «пропало» на многие, многие месяцы, возможно, и годы. Только по прошествии этого срока тьма стала рассеиваться. Земля как бы снова рождалась. С этого времени в памяти человечества остались мифы о первозданном хаосе, о том, что небо и земля вначале были единым целым, а затем свершилось разделение света и мрака, неба и земли. В связи с катастрофой произошло великое переселение народов. Нет ничего удивительного, что человечество утратило многие из своих завоеваний и достижений, и прошли тысячелетия, прежде чем эти утраты были восполнены.

Данные о всемирном потоке содержатся практически во всех священных книгах всех религий на всех континентах. Об этом повествуют мифы, предания. Страх перед повторением подобной катастрофы «живет» на генном уровне в каждом из нас, и именно на этом базируется страх темноты, присущий многим [220].

Однако эта же многолетняя ночь, пугающая, парализующая тьма способствовала формированию абстрактного мышления человека, упрочению коллективистских начал его бытия. Наша история – не в прошлом, она – предупреждение будущего!

Вот этими-то вопросами: откуда мы пришли? Куда свой путь вершим? В чем нашей жизни смысл? – «на переломе» тысячелетий каждый из нас, как и человечество в целом, должен уделить решающее значение. Причина этого заключается в том, что человечество в настоящее время, находясь в упоении и ослеплении от своего технического могущества, уподобилось пассажирам самолета, экипаж которого выписывает безумные выражения, срываясь в штопор, рискуя гибелью всего живого на Земле [221].

Специалисты констатируют: наша цивилизация вступила в опасную фазу, когда разум перестал быть лишь средством, обеспечивающим выживание вида, а превратился в

могущественный самостоятельный фактор. Очевидно, что для выживания в земных условиях человеку вполне достаточно было мозга и знаний неандертальца. Но, встав однажды на путь технического прогресса, человечество, судя по всему, уже не способно остановиться, как будто Чернобыль, ураганы типа «Катрин» не аргументы этого!

Мало того – в последние сто лет преобразования приобрели «взрывной характер»: подсчитано, что с 1887 по 1997 год скорость передвижения возросла примерно в сто раз, мощность источников энергии – в тысячу раз, мощность оружия – в сто тысяч раз, скорость обработки информации – в миллион раз [222], в настоящий период – в миллиарды!

Трудно даже вообразить, что произойдет с нами еще через несколько десятилетий! Человечество эволюционирует с непостижимой для космических масштабов скоростью, где заметные изменения накапливаются в течение миллионов лет. При этом весьма существенно, что на фоне Вселенной, насчитывающей 17–18 миллиардов лет, наша техническая цивилизация возникла даже не «вчера», а лишь, так сказать, микросекунду назад.

Возможно, в данном направлении развития цивилизации не было бы ничего плохого, если бы не естественные ограничения. Дело в том, что наша планета, по сути, представляет собой автономный «космический корабль» с большим, но не бесконечным ресурсом жизнеобеспечения. Между тем человечество уже сегодня ежегодно производит и потребляет энергию, эквивалентом которой можно считать энергию примерно 5 миллиардов тонн лучшего угля-антрацита. Примерно каждые двадцать лет эта величина стабильно удваивается. При таких темпах через 200 лет потребность энергии вырастет в 1000 раз. На деле это означает полное истощение природных запасов и общий перегрев Земли, что делает невозможным существование на ней живых существ [222]. Конец цивилизации? – Нет! – Всего лишь косному, потребительскому отношению к природе, переход к высшей гармонии всего сущего на матушке-Земле!

При этом жизнь на Земле становится все более непредсказуемой и драматической. Ее сегодняшние реалии кажутся фантастическими. Планета и человечество больны, и болезнь прогрессирует. Даже приблизительные подсчеты показывают, что при существующем годовом двухпроцентном приросте населения (а это 70–80 миллионов человек) Земля через тысячу лет может сплошь покрыться прижатыми друг к другу людскими телами. При этом катастрофическое уменьшение минеральных и биологических ресурсов игнорировать невозможно – уже в XXI веке могут исчезнуть практически все дикие животные.

Не только в XXI веке, но и в конце XX века, проблемы развития, выживания человечества – кричаще стоят перед цивилизацией: массы населения живут в нищете и голоде – почти 40 тысяч детей в мире ежедневно умирают от недоедания, стремительно растет смертность во многих регионах. По пессимистическим прогнозам, в 2006 году в мире будет свыше ста миллионов больных СПИДом. Мало того, что наука сегодня бессильна перед этой чумой, – вирус СПИДа, по некоторым данным, мутирует, и количество способов его распространения увеличивается. Поэтому, даже если все мужское население наденет презервативы, даже если повсеместно будут использовать только одноразовые шприцы – победа не гарантирована, и угроза опять может возникнуть «из-за спины...»

Однако при всех этих грозных опасностях наибольшая угроза человеку исходит ...от него самого же – «Апокалипсис начинается в головах», и в этом – основа всех проблем цивилизации (как в прошлом, настоящем... Неужели и в будущем?).

По индийской притче, четверо слепых ощупывали слона. Один пощупал хобот и сказал: слон похож на змею. Другой пощупал клык и нашел сходство с копьём. Третий – брюхо и сравнил его с мешком. Четвертый – ногу: она показалась столбом. Вывод из этой притчи – терпимость к чужим верованиям: все они метонимии истины, часть, принятая за целое, но часть реальная, живая. Сошлемся на Нильса Бора: «Поверхностной истине противостоит ложь; глубокой – другая истина, также глубокая». Что же из этого вытекает? – Самое неизведанное на земле существо – человек. Российский академик В.Л. Казначеев, председатель национального комитета «Биоэнергоинформатика», в предисловии к книге

«Психотронная война» подчеркивает, говоря о феномене человека: «Если существующие современные научные знания принять за 100 процентов, то доля знаний о неживом веществе составляет 95 процентов. Доля знаний о живом веществе вместится в оставшиеся 5 процентов. А знания о природе самого человека составляют менее одного процента всех существующих на сегодняшний день мировых знаний человечества. Что же является определяющим в этих ограниченных знаниях о человеке? – Мораль, нравственность, культура!

Джамбаттиста Вико – профессор риторики университета в Неаполе, живший на рубеже 17–18 столетий, так определяет все общие и вечные обычаи, лежащие в основе человеческого общества: «Наблюдая все нации, мы видим, что все они соблюдают три следующие обычая: все они имеют какую-нибудь религию, все они заключают торжественные браки, все они погребают своих покойников; и нет среди наций, как бы дики и грубы они не были, такого человеческого действия, которое совершалось бы с более изысканными церемониями и с более священной торжественностью, чем религиозные обряды, браки и погребения. У всех наций именно с этого начинается культура, и они принуждены охранять их, чтобы мир снова не одичал и не вернулся к лесному существованию» [9, с. 3–58].

Однако в переломные, кризисные эпохи, повторяющиеся с циклической постоянностью, возникает искушение отринуть все устоявшееся, святое. Наиболее рельефно эту тенденцию выразил Ницше: «Заратустра поклонился святому и сказал: «Что могу дать я вам! Лучше позвольте мне уйти поскорее отсюда, чтобы ничего не отнять у вас». И так расстались они друг с другом, старец и муж, смеясь, словно двое детей. Но когда Заратустра остался один, так сказал он в сердце своем: «Возможно ли это? Этот святой старец в своем лесу еще ничего не слышал о том, что Бог умер!» [225, с. 3–259]. Вся наша неприкаянность, все муки наши и страдания – от этой невидимой глазу агонии. Агонии Бога – в нас. Агония эта протекает под стройное хоровое пение восстанавливающихся и строящихся церквей, мечетей и синагог, под молитовку, под трепетные свечечки в номенклатурных руках. Дети и старики – это лик общества, его координаты! Дети же – в канализационных люках, их радость – клей ПВА, наркотики, у стариков радость – сбор бутылок и свалка!

Бог – это Вера и Душа каждого из нас. Но не только, ибо это – и чистая, незамутненная речушка нашего детства, прозрачность рассвета и заката, трель жаворонка в раскаленном полуденном небе, буйное половодье цветения садов по весне, счастье первого поцелуя и материнства. Бог – это Гармония как внутри, так и вокруг нас, чем больше мы «преобразуем, покоряем» Природу – тем более унижаем Бога в себе и вокруг себя.

Всемирный фонд защиты природы бьет тревогу: за 25 лет (1970–1995) люди уничтожили более 30 процентов природных ресурсов планеты. Анализируя тревожную тенденцию, эта международная организация отмечает: давление глобального потребления на окружающую среду продолжает увеличиваться, поскольку люди все больше используют такие ресурсы земли, как рыбу, зерно, древесину, воду, выбрасывают в атмосферу углекислый газ. Потребители в развитом индустриальном мире ответственны за загрязнение стран, уступающих им в благосостоянии. Богатые страны живут за счет естественных ресурсов развивающегося мира [223]. Богатство богатеет за счет нищеты!

Эту тревогу разделяет другая международная организация, болеющая за здоровье нашей планеты – «Гринпис». По ее подсчетам, к началу третьего тысячелетия 25 тысяч видов растений и животных навсегда исчезнут с лица земли, будет нанесен ущерб 20 миллионам гектаров древних лесов. Сибирь и Амазония – выживут ли они?

В последние годы много говорится об экологическом сознании, том минимуме природоведческой культуры, без которого невозможно разумное хозяйствование человека на земле. Все чаще говорят об экологическом кризисе, который один ученый сравнил с рифом, а нашу Землю – с кораблем, что мчится к нему на всех парусах. Остановить движение корабля

невозможно, круто изменить курс – тоже нельзя. Остается замедлить его движение в опасном направлении.

Если раньше случалась, скажем, биологическая смерть речки в результате загрязнения, то это скромно называлось местным бедствием, а то и оправданной платой за прогресс. Ныне процесс стал глобальным. Ученые отметили, что содержание углекислого газа увеличилось даже на Южном полюсе, где нет заводов. Гете писал: «Природа не признает шуток. Она всегда правдива, всегда серьезна, всегда права. Ошибки же и заблуждения исходят от людей». Добавим: от людей, живущих старыми понятиями, когда природа воспринималась как покорная нашей воле данница [223].

XX столетие характеризуется тем, что человечество включило в свой арсенал «перманентного военного истребления» друг друга глобально-перманентное уничтожение матушки-природы, частью которой является человек и человечество. Таким образом, в каждодневной погоне за иллюзорно-виртуальными потребностями – своеобразном наркотическом допинге цивилизации – человек и человечество ежесекундно совершает суицид Природы и ...самого себя. При этом суицид по отношению к природе и цивилизации подобен «русской рулетке» – спусковой курок может сработать в любую секунду.

Если в прежние столетия был смертен человек, тот или иной народ, то в XX веке «смертным» стало человечество. 9 августа 1945 года. Место действия: Япония, город Нагасаки, расположившийся на Западном побережье Кюсю, в глубине залива, окруженного обрывистыми холмами. Город знаменит буддийскими храмами в стиле «Минь». 9 августа 1945 года в 11 часов 01 минуту от самолета «Б-29» отделилась атомная бомба, вошедшая в историю под кличкой «Толстяк» (длина 3,24 метра, максимальный диаметр – 1,35 м, вес – 4,5 т), ринулась вниз и после 54 секунд падения взорвалась в 11.02 на высоте 490 м от земли.

В радиусе 500 м от эпицентра взрыва на открытой поверхности не осталось ничего живого. Люди, оказавшиеся непосредственно под «огненным шаром», мгновенно превратились в пузырек газа. От тех, которые стояли немного дальше, осталось небольшое жировое пятно. Еще дальше – находили кучки обугленных костей и металлические детали одежды. В 500 метрах лица у людей сплошь обуглились. На расстоянии от 500 до 1000 м участки тела, открытые атомной вспышке, как бы «расплавились» и застыли вновь в чудовищных формах [224, с. 121–141].

Через 20 минут долина реки Ураками представляла сплошное море огня. Толпы обожженных людей металась в поисках спасения. Того, кто падал или отставал, пожирало неумолимое пламя. Вырвавшиеся из огненного плена гибли от отсутствия кислорода и гигантского выделения углекислого газа. На Земле корчились получившие чрезмерные дозы радиации: у большинства шла кровь носом и ртом. Многие сходили с ума. Своеобразная репетиция апокалипсиса рода человеческого!?

13 июня 1964 г. человек, отдавший приказ о бомбардировке, – Трумэн, в статье «Мои первые восемьдесят лет» (напечатанной в газете «Сатердей ивнинг пост» в связи с этой годовщиной) отметил: «Всю свою жизнь я был относительно свободен от тревог, и в этом ключ к долголетию... Я никогда не страдал бессоницей по поводу моего решения. (Речь идет о Хиросиме и Нагасаках). Я бы сделал это снова... Не стоит тревожиться по поводу этого решения – речь шла не о большем, чем о применении артиллерии» [5, с. 300].

С появлением атомного и водородного оружия, спутников, ракет, бактериологического оружия мышление человечества может быть только общепланетарным, общецивилизационным, а не пещерно-хуторянским, ибо «отсидеться» в случае общепланетарной ядерной катастрофы не удастся ни одной стране, ни одному народу, ни одному человеку.

В чем же заключается общецивилизационное, «всеземное» мышление конца XX – начала XXI веков? Преодолеть ограниченность тех или иных национальных, государственных границ, ощутить себя единым слаженным экипажем космического корабля под названием Земля – единственная возможность выжить человечеству как биологическому виду.

В.И. Вернадский отмечал: «Твари Земли являются созданием сложного космического процесса и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайностей!» Профессор Джорджио Пиккардо, директор физико-химического института во Флоренции, развивая эти мысли, подчеркивал: «Подобно космическому кораблю, наша планета вечно странствует в бездонном, усеянном маяками звезд океане Вселенной. Мы плаваем на этом корабле, не замечая, что нас овевают «ветры» космических странствий, не видя, как «вздымаются за бортом» электромагнитные волны, не чувствуя пронизывающих потоков космических частиц, не слыша сигналов далеких миров. Связь Земли с космосом ускользает от наших непосредственных физических ощущений, но она доступна для научного исследования» [5].

Сейчас настало время мыслить чрезвычайно общими понятиями, даже при рассмотрении местных и весьма скромных предметов. Повсюду, особенно в живых организмах, будет обнаружено присутствие Вселенной.

Общепланетарное мышление как важнейший фактор выживания и гармоничного развития человечества на основании всего вышеизложенного поддается структуризации, обобщению, осмыслению, выработке способов «приближения» к нему, построения на его основе гармоничного сообщества, достижения процветания стран и народов. Расцвет же и доминирование славянской евразийской цивилизации на мировой геополитической арене – производное интеллекта и нравственности народа, элиты, претворения Богом и Природой данных предпосылок его самореализации в процессе продвижения человечества к гармонии, счастью, процветанию.

ТАБЛИЦА БУДУЩЕГО

2021 год. Многие аптеки в Европе преобразуются в овощные биотехнологические магазины. Вместо лекарств в них продаются модифицированные помидоры, картофель, капуста и другие овощи, содержащие антибиотики и прочие лечебные препараты.

2022 год. Торжественное открытие гостиницы на околоземной орбите, в модулях старой международной станции «Альфа». Почетным гостем на открытии был Нил Армстронг – первый человек, высадившийся на Луне. Так он отметил свое 92-летие.

2023 год. Прививка против СПИДа решением Всемирной организации здравоохранения стала обязательной для всех новорожденных детей.

2025 год. На Украине закрыли последнюю в мире действующую угольную шахту. После освоения управляемой термоядерной реакции мировая добыча угля практически сведена к нулю.

2026 год. Из-за потепления климата в Европе объявляют о своем банкротстве многие австрийские и швейцарские курорты. Уже несколько лет не было снега в нижних отрогах Альп.

2033 год. Нобелевская премия этого года в области медицины и физиологии присуждена создателю генной вакцины, предотвращающей рак груди, горла, прямой кишки и предстательной железы.

2036 год. Генетики с помощью сравнительно простого «трюка» добились, что у людей в возрасте около 40 лет будет вырастать полный комплект новых зубов вместо изношенных.

2038 год. В лаборатории любой провинциальной больницы можно вырастить любой человеческий орган из небольшого количества клеток, взятых у взрослого человека. Единственным исключением является человеческий мозг.

2040 год. В Китае и Индии принят закон об обязательном введении в питьевую воду противозачаточных веществ. Там по-прежнему нужно получать у местных властей разрешение на обзаведение ребенком.

2047 год. Совет директоров мегаконцерна «Майкрософт» утвердил клон Билла Гейтса в качестве генерального директора.

2050 год. Всемирно знаменитая библиотека конгресса США превращена в Музей книги. Во всех цивилизованных странах мира книжный фонд доступен в Интернете, и люди просто перестали посещать библиотеки.

2054 год. Как и ожидалось, лауреатом Нобелевской премии по литературе в этом году стал квантовый компьютер «Vogump IV» концерна «Microhard». «Своими рефлектирующими стихотворениями, – сказано в обосновании Шведской академии литературы, – «Vogump IV» играет на струнах нашей души с грацией виртуоза-арфистки».

2056 год. «Это гнусная насмешка над олимпийским движением» – выкрикивал президент МОК, когда стало известно, что два спортсмена, завоевавшие для команды США все золотые медали по легкой атлетике, – не люди, а киборги. Скандал удалось замять только потому, что выяснилось: половина членов МОК – тоже киборги.

2059 год. «Сама жри этот банан! Надоели они мне до чертиков!» – такими были первые слова, сказанные малюткой-шимпанзе Сузи, которой на этапе зародыша был введен человеческий ген, отвечающий за развитие гортани и голосовых связок.

2060 год. Компьютеры получили избирательное право в США.

2064 год. Создана «петля времени», позволяющая перенестись на два часа назад. Это расценивается как первый шаг к созданию «машины времени». Бурные протесты во всем мире под лозунгом: «Руки прочь от истории!»

2066 год. «Люди скоро попадут в список исчезающих видов на Земле. Нас выживают отсюда роботы. Мы должны защищаться всеми возможными методами», – говорится в итоговом документе Генеральной Ассамблеи ООН, заседавшей в Гаване. Саботажники – компьютеры кубинского производства – то и дело отключали в гаванском Конгресс-центре освещение, микрофоны и кондиционеры.

2073 год. В сердце пустыни Сахары возник город роботов – Сили-конополь. «Здесь есть все, что нам нужно: кремний, солнце и покой, – заявил Верховный Роботрон Wayward Wisdom. – Нам не нужны еда, питье, кондиционеры, туалеты... И люди тоже не нужны».

2080 год. Экологи бьют тревогу: подводный туризм угрожает культурному своеобразию и нравственности дельфинов! Распространение электронных переводчиков с дельфиньего на

английский и наоборот привело к тому, что дельфины научились нецензурно выражаться и распивать алкогольные напитки под водой.

2094 год. В Швейцарии траур. Растаял последний ледник Европы. Ученые говорят, что со следующего года Альпы будут регулярно засыпаться синтетическим снегом, который тает только при температуре плюс 25 по Цельсию.

2100 год. На международной базе на Марсе появился на свет сотый ребенок.

Таким образом, наш прекрасный, безумный, гармонично-гротескный мир ждёт фееричное будущее, и нужно быть достойным его! Будем же счастливы, жители Запада, Востока, славянского мира, сбережем и украсим нашу «прекрасно-прекрасную» планету по имени Земля, мчащуюся через безбрежный мрак Вселенной навстречу неизведанному. Ведь мы – «экипаж» крохотного космического корабля Надежды, Любви и Веры! [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Низовский А.Ю., Непомнящий Н.Н. 100 великих тайн. – М.: Вече, 1999.
2. Капустин М. Камо грядеши? // Октябрь. – 1989. – №8. – С. 159–160.
3. Гегель Г. Философия истории. – М.: Мысль, 1972. – С. 62–93.
4. Ротенфельд Ю. Запечатанная книга: Кризис понимания. Кн. 1. Мессианский характер: основы социокультурного анализа. – Луганск: Світлиця, 1999.
5. Теплицкий Ю.М. Запад – Восток и феномен славянской цивилизации. – Луганск: Изд-во Восточнoукраинского гос. университета, 1999.
6. Вейль Симона. «Иллиада» или поэма о силе // Новый мир. – 1990. – № 6.
7. Латынина Ю. В ожидании Золотого века // Октябрь. – 1989. – № 9. – С. 178.
8. Портнов А. Земной ад царя Ирода // Труд. – 1999. – 2 июля. – С. 7.
9. Liher Fiquarut, V. 1–2, Torih, 1953.
10. Джамбатисто Вико. Основание новой науки об общей природе науки. – СПб., 1895.
11. Мильчик М.И., Борейко Б.М. Город крылатых быков. – М.: Просвещение, 1967.
12. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. I. – М.: Высш. шк., 1980.
13. Успенский В. Шумеры умели ценить свободу // Интергазета. – 1998. – №12 (63).
14. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М.: Мысль, 1989.
15. Знание – сила // 1968. – № 5. – С. 38–40.
16. Ясперс К. Смысл и предназначение истории. – М.: Политиздат, 1989.
17. Миладис Я. История из Геродота. – М.: Политиздат, 1982.
18. Арский Ф. Перикл. – М.: Молодая гвардия, 1971.
19. Всемирная история: В 24 т. – Т. 3. Век железа. – Минск: Литература, 1996.
20. Латынина Ю. Социализм, феномен XX века или подсознание культуры? – Новый круг // Международный литературно-философский журнал. – 1993.
21. Хрестоматия по истории древнего мира. – М.: Просвещение, 1991.
22. Волков Г.Н. Истоки и горизонты прогресса. – М.: Политиздат, 1976.
23. Всемирная история. Т. 1. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Аванта, 1996.
24. Плутарх: Избранные жизнеописания: В 2 т. – Т. 1. – М.: Правда, 1986.
25. Плутарх: Избранные жизнеописания: В 2 т. – Т. 2. – М.: Правда, 1987.
26. Шекспир У. Трагедии. Сонеты. – Библиотека всемирной литературы. Т. 36. – М.: Художественная литература, 1968.
27. Всемирная история в X томах. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 211–230.
28. Платон. Сочинения: В 3 т. Т. III. – Ч. I. – М.: Мысль, 1971.
29. Ротенфельд Ю. Запечатанная книга: Кризис понимания. – Кн. 2. Философия или тень мудрости. Альтернативный курс древнеевропейской цивилизации. – Луганск: Світлиця, 1999.
30. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. III. – М.: Мысль, 1975.
31. Человек, которого больше всех ненавидели римские императоры // Интересная газета. – 1998. – № 1(52). – С. 8.
32. Ферреро Г. Юлий Цезарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
33. Грейвз Р.Я. Клавдий. – Минск: Сказ, 1993.
34. Ренан Э. Антихрист. – СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1907.
35. Карчалов В. Вторая ошибка Мамаю. – М.: Грант, 1993.

36. Герои и антигерои Отечества. – М.: Информэкспресс, 1992.
37. Степанов В.Е., Шевеленко А.Я. История средних веков (V–XV вв.): Хрестоматия. – М.: Просвещение, 1980.
38. Гудинг Д., Леннокс Д. Определение христианства // Литературная газета. – 1993. – 7 апреля. – С. 6.
39. Джуссани Л. Христианство как вызов. – Милан, 1989.
40. Гегель Г.Ф. Жизнь Иисуса. – М.: Мысль, 1971.
41. Беляков В. На языке Христа // Труд. – 1997. – 27 декабря. – С. 10.
42. Уилсон Я. Кровь и плащаница. – Нью-Йорк, 1998.
43. Нагибин Ю. Любимый ученик // Огонек. – 1991. – №47. – С. 14–17.
44. Авадеева Е., Зданович Л. 100 великих казней. – М.: Вече, 1999.
45. Бовин А.В. В XXI веке жизнь станет проще // Известия. – 1998. – 5 июля. – С. 4.
46. Эйдельман Н. Революция сверху в России. – М.: Книга, 1989.
47. Пашуто В.Т. Иллюстрированная история СССР. – М.: Мысль, 1974.
48. Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. – Киев: Лыбидь, 1990.
49. Гусев Г. Странствия великой мечты. – М.: Молодая гвардия, 1982.
50. Ломакин П. В Китае был свой Иван Грозный и значительно раньше // Интересная газета. – 1998. – № 9 (60). – С. 101.
51. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1989.
52. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: Прогресс, 1995.
53. Полное собрание русских летописей. – Сб., М.-Л., 1841–1949. – Т. XXV.
54. Лесков Н. Жил-был звездочет // Известия. – 1998. – 17 июня.
55. Пикуль В. Слово и дело. Т. 2. – М., 1989. – С. 26–29.
56. Будыко М.И. Загадки истории. – М.: Мысль, 1995.
57. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. – М.: Книга.
58. Бовкун Е. Немцы налогам не рады, но платят их исправно // Известия. – 1995. – 22 февраля.
59. Овчинников В.Г. Православная церковь в истории нашей страны // Вопросы истории. – 1988. – № 5.
60. Аблицов В. Как Андрей Курбский стал врагом Ивана Грозного // Интересная газета. – 1988. – № 8(59). – С. 107.
61. Дворниченко А.Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. – 1988. – № 1.
62. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «Территориальные царства», «полисы» и «империи». – Проблемы типологии // Вестник древней истории. – 1982. – № 2.
63. Субботин А. Эразм Роттердамский в оценке Стефана Цвейга // Наука и жизнь. – 1966. – № 8.
64. Костер Шарль де. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях. – М.: Художественная литература, 1987.
65. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР (XV–XVII вв.). –Т. 2. – М., 1955.
66. Портнов А. Болезнь сумасшедшего шляпника. – Когда и почему царь Иван IV стал Иваном Грозным // Труд. – 1999. – 22 января. – С. 25.
67. Скрыпников Р.Г. Иван Грозный. – М.: Наука, 1965.

68. Ключевский В.И. Сочинения: В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч.4. – М.: Мысль, 1989. – 398 с.
69. История СССР с древнейших времен до наших дней (в двух сериях в XII томах). – М.: Наука, 1967.
70. Криворотов В. Русский путь // Знамя. – 1990. – № 8.
71. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. – Нью-Йорк, 1996.
72. Паркинсон Сприл Нортон. Законы Паркинсона. – Минск: Попури, 1998.
73. Сендеров В. Религиозное и демократическое // Посев. – 1991. – № 5.
74. Monter E.W. Witchcraft in France and Switzerland. The Borderland during the Reformation. Jthaca, 1976.
75. Haris M. Cows, Pigs, warsand witchs. The Riddes of culture. – N. Y., 1974.
76. Сперанский Н. Ведьмы и ведовство. Очерк по истории церкви и школы в Западной Европе. – М., 1906.
77. Коуге А. Etude drhisboire de pensee Scientifique. – P., 1966.
78. Григулевич И.Р. История инквизиции (XIII–XX вв.). – М., 1970.
79. Картарович Я. Средневековые процессы о ведьмах. – СПб., 1899.
80. Burr C.L. The literature on Witchcraft (1860). «Magic, asrrologia e religione nel Rirascimento». – Wroclaw, 1974.
81. Monter E.W. Inflation and Witchcraft; the case of lean Bodin. «Action and Conviction in Early Modern Europe». – Princeton, 1969.
82. Binz K. Doctor Johann Weger, ein rheinischer arzt, der erste Bekampfer des Hexenwahnes. – Bonn., 1885.
83. Basechwitz K. Hexen and Hexenprozesse. Die Ceschichte eines Hassenwahns and Seiner Behampfund. – Munchen, 1963.
84. Daneau L. Less sorciers, Cenevl, 1974. – P. 5–6 // Journal of Modern History. Vol. XVIII, 1971. – P. 179–204.
85. Ларченко М.Н. Западноевропейское оружие XV–XVIII веков в Эрмитаже. – Л.: Наука, 1963. – С. 7–39.
86. Ferquson A.B. The articulated Citizen and the English Benaissand Durhan, 1965.
87. Каменецкий Б.А. Формирование абсолютистской идеологии в Англии XVI в. и ее особенности // Вопросы истории. – 1969. – № 8.
88. J. K.M. Me Conica. English Humanists end Reformation Politics under Henry VIII and Eduard RI. – Oxford, 1965.
89. Мухин Ю. Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. – М.: Гарт.
90. Костомаров М. Історія України в житєписях визначних її діячів. – Львів, 1918.
91. Загребельный П.А. Я, Богдан (Сповідь у славі). – К.: Дніпро, 1984.
92. Белоградцев О.А. Культурология. – М.: ГИС, 1997.
93. Письма и бумаги Петра Великого. – Т. 9. – М.–Л., 1950.
94. Столпянский П.Н. С.-Петербург. – Птгр, 1918.
95. Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. – СПб., 1891.
96. Иржи Давид. Современное состояние Великой России или Московии // Вопросы истории. – 1968. – № 4.
97. Интересная газета. – 1997. – № 9 (47).
98. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. – М., 1960.

99. Куракин Б. Дневник и путевые записки 1705–1710 гг. – Архив кн. Ф.А. Куракина. – Т. 1. – СПб., 1890.
100. Кюстин де. Николаевская Россия. – М.: Тарра, 1990.
101. Известия. – 1992. – 9 сентября. – № 201. – С. 3.
102. Туманов Б. Державный тупик // Литер. газета. – 1995. – № 28 (5559). – 12 июня. – С.11.
103. Толстой А. День Петра. – М.: Худож. л-ра, 1963.
104. Чорна книга України. Збірник документів, архівних матеріалів, доповідей, досліджень, есе. – К.: Просвіта, 1998.
105. Шмидт С.О., Гнутова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (Опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. – 1985. – № 3.
106. Шмидт С.О. Внутренняя политика царизма в 1725–1762 гг. – М., 1962; Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственных пользы способах» // Исторический архив. – 1962. – № 6.
107. Schmidt S.O. La politique interieure du tsarisme au milieu du XVIII siecle – Annales Economies. Societes. Cioili-Sations – P., 1966. – N 1. – PP. 95–110.
108. Шмидт С.О. Внутренняя политика России времен Ломоносова // М.В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. – Архангельск, 1986; его же. Политика «просвещенного абсолютизма» в России середины XVIII в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. – М., 1986.
109. Auqstein R. Preussens Friedrih und die Deutschen. Frankfurt-a. – М., 1968. – S. 100–101.
110. Schieder Th. Friedrich der Grosse. Frankfurt-a. – М., 1983. – S. 454 ff. – Preussens grosser Konig. Wurzburg, 1986. – S. 186.
111. Preussens grosser Konig, s. 98, Preussen in der deutschen Geschichte vor. 1789.
112. Ротенберг Е.Н. Западно-европейское искусство XVII века. – М.: Искусство, 1971.
113. Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история от IV столетия до нашего времени. Т. 7. – М., 1898. – С. 163.
114. Гинцберг Л.И. Фридрих II // Вопросы истории. – 1988. – № 11.
115. Демидова. Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1964.
116. Чернов А.В. Государственные учреждения России в XVIII в. (Законодательные материалы). – М., 1960.
117. Литвак В.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. – М., 1979.
118. Мыльников А.С. «Я, великий государь...» // Нева. – 1986. – № 6.
119. Портнов А. «Романовы» – псевдоним династии Салтыковых // Труд. – 1989. – 30 октября. – С. 8.
120. Храповицкий А.В. Дневник. – СПб., 1874.
121. Шатобриан Ф.Р. Заключительные записки. – М.: Изд-во Сабашниковых, 1996.
122. Селюнин В. Истоки. – Если по совести: Сб. статей. – М.: Худож. л-ра, 1989.
123. Поремский В. Национализм // Посев. – 1992. – № 1.
124. Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторыйского. Т. 1. – М., 1912.
125. Глумов А. На рубеже веков. – М.: Сов. писатель, 1965.
126. Фролов С. Российская история опять показала нам нос // Комс. правда. – 1993. – 25 сентября.

127. Эдлис Ю. Гордиев узел, который не разрубить мечом // Литер. газета. –1996. – № 47 (5578). – 22 ноября.
128. Бальмонт Н. Борис Пастернак // Новый мир. – 1987. – № 6.
129. Никулин Л. России верные сыны. – М.: Сов. писатель, 1961.
130. Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. – М.: Скиф, Алекс, 1994.
131. Голубов С.Н. Багратион. – М.: Худож. лит., 1962.
132. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 8. – М.: Худож. лит., 1963.
133. Осипов К. Смерть фельдмаршала. Исторические рассказы. – М.: Сов. писатель, 1961.
134. Задонский Н.А. Денис Давыдов. – М.: Мол. гвардия, 1958.
135. Спешнев А. Бег дней. – М.: Сов. писатель, 1983.
136. Эйдельман Н. Дети 1812-го // Знание – сила. – 1975. – № 11.
137. Марич М. Северное сияние. – М.: Госполитиздат, 1953.
138. Задонский Н. Горы и звезды. – М.: Воениздат, 1965.
139. Павлюченко Э., Эйдельман Н. Юность декабристов // Юность. – 1975. – № 12.
140. Форш О. Первенцы свободы // Собр. соч. – Т. 5. – М.-Л., 1963.
141. Гессен А. Во глубине сибирских руд. – М.: Сов. писатель, 1965.
142. Козлов И. Ни времени, ни расстояния. – М.: Молодая гвардия, 1966.
143. American Colonial Documents to 1776 / Ed. By M. Jensen. L.N.Y. – P. 696.
144. The Adams Papers / Ed. By L.H. Butterfield. Vol. 1. – Cambridge (Mass.), 1961. – P. 263.
145. J. Otis. The rights of British Colonies Asserted and Proved «Pamphlets of the American Revolution» / Ed. By B. Bailyn. Vol. 1. – Cambridge (Mass.), 1965. – PP. 437–438.
146. Ibid. – P. 439.
147. Nettels C. The Roots of American Civilization. N.Y. 1938.
148. Jacobson D. John Dickinson and the Revolution in Pennsylvania. 1764–1776. – Los.-Angeles, 1965.
149. Lewis J. Thomas Paine, Author of Declaration of Independence. N.Y. 1947. – P. 85.
150. «The Complete Writings of Thomas Paine». Collected and by Philip S. Foner. Vol. 1–11. N.Y. 1945, vol. 1. – P. 6, 7.
151. Gelb J., Palley M. Tradition and change in American Party Politics. N.Y. 1975.
152. Галкин И.В., Маныкин А.С. Двухпартийная система в политической истории США // Вопросы истории. – 1987. – № 9. – С. 54–59.
153. Annals of America. Vol. 17. – Chicago, 1968. – P. 11.
154. The American Party Systems. Stages of Political Development. N. 1967. – P. 6.
155. Маныкин А.С., Языков Е.Ф. Роль третьих партий в партийно-политической системе США // Вопросы истории. – 1981. – № 2.
156. Ткаченко А. Демократия – когда стучат в дверь и вы уверены – это почтальон // Известия. – 1998. – 9 июля. – С. 5.
157. Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. – СПб., 1899.
158. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. – М.: Худож. лит., 1954.
159. Иванова-Гладильщикова Н. Жена Николая I была равнодушна к Лермонтову // Литер. газета. – 1995. – № 7.
160. Русская старина. – СПб., 1905. – Кн. 8.
161. Зайончковский П.А. Губернская администрация накануне Крымской войны // Вопросы истории. – 1986. – № 9.

162. Ефименко А.Я. История украинского народа. – К.: Лыбедь, 1990.
163. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М.: Современник, 1989.
164. Салтыков-Щедрин М.С. Пошехонская старина.
165. Тургенев И.С. Записки охотника. Два помещика. – Собр. соч., Т. I. – М.: Художественная литература, 1953.
166. Ковалевский В. Хозяин трех гор. – М.: Политиздат, 1968.
167. Августынюк А. Дорога на Москву. – М.: Детгиз, 1951.
168. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем (1872–1887). – М.: Соцэкгиз, 1937.
169. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей. – М.: Мысль, 1964.
170. Голос минувшего. – 1916. – №5–6. – С. 393.
171. Журналы секретного и главного комитетов по крестьянскому делу. Т. I, Пг, 1915. – С.1–3.
172. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861. – М., 1963.
173. Федотов Г.П. Россия и свобода. – М.: Наука, 1989.
174. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1960.
175. Лосицкий А.Е. Выкупная операция. – СПб., 1906. Приложение.
176. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 1181, оп. XV, 1864 г., д. 154.
177. Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861–1862.
178. Криворотов В. Ирония истории. Или о пользе изучения дискуссий прошлого // Знамя. – 1989. – № 12.
179. Короленко В.Г. Земли! Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. // Новый мир. – 1990. – № 1.
180. Красный архив, 1930. – Т. 38.
181. Повальников С. «Невозвращенец». Аляска // Аргументы и факты. – 1993. – № 6. – С. 6.
182. История дипломатии. Т. II. Дипломатия в новое время (1872–1919). – ОГИЗ. – М.-Л., 1945.
183. Алданов М. Истоки // Дружба народов. – 1990. – № 10.
184. ЦГАОР, ф. III отд., 3 эксп., 1880 г., д. 751, ч. 1, с. 5.
185. Мещерский В.П. Мои воспоминания (1865–1881 гг.). Ч.2. – СПб., 1898. – С. 398.
186. Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. и Михайлов А.Д. – СПб., 1917. – С. 127–128.
187. Богданович А. Три последних самодержца. – М.: Новости, 1990. – С. 35–36.
188. Ханыков В. Страна солнечных реформаторов // Литературная газета. – № 15. – 1995. – С. 10.
189. Седов М.Г. Героический период революционного народничества. – М.: Мысль, 1979.
190. Алданов М.А. Испытание. – Нью-Йорк, 1950.
191. Белов К. Наследник // Литературная газета. – 1992. – 24 июня. – С. 6.
192. Кантор. Александр III в заботах о своем народе. Музей революции. Сб. I Пг., 1923. – С. 52, 54.
193. Фигнер В. Полное собрание сочинений. Т. I. – С. 325.
194. Былое. – 1918. – № 4–5 (32–33). – С. 278–331.

195. Литература партии «Народной воли». – М., 1907. – С. 452.
196. Победоносцев К.П. и его корреспонденты. Письма и записи. С предисл. М.Н. Покровского. Т. I. – М.-Пг., 1923. – С. 49.
197. Вишмидт В. Неизвестное – в известном. – Луганск: Світлиця, 1994.
198. Русское прошлое. (Пг. М.), 1923. – №4. – С. 87.
199. Красный архив. – 1927. – №2 (21). – С. 202–203.
200. Пиккуль В. У последней черты. – М., 1989.
201. Раззаков Ф.Н. Век террора. – М.: ЭКСМО, 1997. – С. 3–7.
202. Плешаков К. Дилемма Жуковского // Новое время. – 1990. – №29. – С. 36–39.
203. Лотман Ю. Механизмы смуты (К типологии русской истории культуры) // Новый круг. Международный литературно-философский журнал. – К., 1993.
204. Мороз О. Они опять желают немного поэкспериментировать над нами // Литературная газета. – 1996. – №20. – 15 мая. – С. 12.
205. Кагманов Ю. О почвенности и всемирности // Знамя. – 1990. – № 5. – С. 208.
206. Гумилев Л.Н. Этнос: мифы и реальность // Дружба народов. – 1988. – № 10.
207. Известия. – 1998. – 18 февраля.
208. Коваленко Ю. «Отец народов» хотел дойти до Парижа // Известия. – 1996. – 18 июня.
209. Софраев В. Записки непрофессионального литератора // Посев. – 1992.
210. Котляревский А. Глубинная преемственность // Посев. – 1992. – № 2.
211. Линник Ю. Погружение в Хаос // Посев. – 1992. – № 2.
212. Линник Ю. Апокалипсис детства // Посев. – 1991. – № 5.
213. Кроштановская Ю. Политическая фауна России // Известия. – 1996. – 13 июля.
214. Теплицкий Ю.М. «Запад–Восток» и феномен славянской цивилизации. Збірник наукових праць ВУДУ. – Луганск, 2000.
215. Фромм Э. Анатомия человеческой разрушительности. – М.: Высшая школа, 1992.
216. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Комсомольская правда. – 1990. – 18 сентября.
217. Шнот Г. Эстетические фрагменты. – СПб., 1922.
218. Аспер Пьер. Ветер с Востока. – Париж, 1990.
219. Чубайс И. Что такое «идейный кризис?» // Известия. – 1998. – 17 июля.
220. Теплицкий Ю.М. Там, за горизонтом // Жизнь Луганска. – 1995. – 30 ноября. – С. 5.
221. Царев И. На Венере будут «яблони цвести?» // Труд. – 1997. – 14 февраля.
222. Лем С. Объявлена война – сексуальная // Труд. – 1997. – 4 января. – С. 18.
223. Савенков А. Природа не признает шуток // Известия. – 1998. – 3 октября. – С. 3.
224. Кан Альберт. Заговор против мира. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
225. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Кн. I. – М.: Сирин, 1991.
226. См.: Петровская И. Художник Ленин, писатель Сталин, композитор Гитлер. – Известия. – 1997. – 15 ноября.
227. Владимиров С. Слово становится опасным. – Мир новостей Украины. 2004. – №27 (550). – Л. 10.
228. Хесина В. Россияне умирают от экономических реформ. – Арг. и факты в Украине. – 2004. – № 24. – Л. 6.
229. Труд. – 2004. – 2 июля. – Л. 3.

230. Известия. – 1997. – 29 июля.
231. Население России вымрет от пьянства. – Версия. – 2003. – № 32, 25–31 августа. – Л. 3.
232. Золотов О., Потапов В. Будем жить? – Уровень смертности населения в России стал угрожать национальной безопасности страны. – Труд. – 1997. – 15 мая. – Л. 1.
233. Труд. – 2000. – 25 ноября. – Л. 37.
234. Костиков В. Ни бе, ни ме, ни кукареку. – Аргументы и факты в Украине. – 2004. – №29. – Июль. – Л. 7.
235. Быков Д. Нервный месяц. Над Россией всегда довлеет необъяснимый августовский рок. – Собеседник. – 2002. – № 28. – 24–30 июля. – Л. 6.
236. Млечин Л. Три версии судьбоносной выпивки. – Известия. – 1996. – № 64. – 5 апреля. – Л. 5.
237. Маканин В. Квази. – Литер. газета. – 1993. – № 13 (5441). – Л. 5.
238. Берг М. Загадочное наше хамство. – Москов. новости. – 1994. – № 38. – 11–18 сентября.
239. Турченко С. Подводный таран. – Труд. – 2000. – №7. – 31 августа. – Л. 30.
240. Не надо свистеть под водой. – Труд. – 2000. – № 24. – 11 мая.
241. Грэм Перри. Посмотри Австралию. – Труд. – 2000. – № 7. – 23 ноября.
242. Пульчинелли К. Стресс начинает убивать. – Литер. газета. – 1995. – 19 июля.
243. Коржаков А. С Ельцинским размахом. – Совершенно секретно. – 2004. – №7 (182). – Июль. – Л. 9–10.
244. Агаев В. Римские каникулы канцлера Шредера. – Совершенно секретно. – 2004. – №7 (182). – Июль. – Л. 7–8.
245. Быков Д. Нервный месяц. – Труд. – 2002. – № 28. – 24–30 июля. – Л. 6.
246. Агафонов С. Достоинства и недостатки открытых слушаний. – Известия. – 1997. – 5 апреля. – Л. 2.
247. Костюков Л. Вам здесь – не тут! И.В.С.– Сокровенный поэт. – Труд. – 1999. – 21 августа. – Л. 7.
248. Александров Г. Заповедник. Рублевка. – Аргументы и факты в Украине. – № 30. – 2004. – Л. 15.
249. Колганов Р. Почки бездомных на экспорт. – Труд. – 1999. – 11 ноября.
250. Краснова Т. Игрушки небедных мужчин. – Аргументы и факты в Украине. – № 29. – 2004. – Л. 9.
251. Мир новостей Украины. – 2004. – № 27 (550). – Л. 12.
252. Царев И. Психическая атака на телезрителя. – Труд. – 1997. – 18 декабря. – Л. 5.
253. Труд. – 1998. – 16 октября.
254. Труд. – 1997. – 29 августа. – Л. 5.
255. Костиков В. Почему либералы так не любят В. Путина? – Аргументы и факты в Украине. – 2004. – № 28. – Л. 4.
256. Львов Дм. Бедность – это все же порок. – Труд. – 2000. – 12 апреля. – Л. 2.
257. Чума без пиара. – «МК» в Украине. – 2004. – 14–21 июля. – Л. 7.
258. Костиков В. Какой капитализм нужен России? – Аргументы и факты в Украине. – 2004. – № 27. – Л. 4.
259. Шаблинская О. – С. Говорухин. – Возвратится к жизни. – Аргументы и факты в Украине. – 2004. – № 28. – Л. 10.
260. Свобода – это и хлеб, и масло, и колбаса. – На днях. – 2004. – 21 января. – Л. 8.
261. Громыко А., Гали Б., Макнамара Р. Выживут ли земляне? – М.: Наука, 1988.

262. Труд. – 2000. – 1 июля. – Л. 1.
263. Хесин В. Россияне умирают от экономических реформ. – Аргументы и факты. – 2004. – № 24. – Л. 6.
264. Краснова Т. Э.К. д' Анкос. «Россия обойдется без ЕС». – Аргументы и факты в Украине. – № 28. – 2004. – Л. 4.
265. Прокофьев В. XXI век: пора сверить часы. – Труд. – 1997. – 12 апреля.
266. Теплицкий Ю.М. Этногенез славянства и становление государственности душ в контексте взаимоотношений «Запад»–«Восток» – энциклопедия славянства в X томах. – Т. 1. – Луганск: ВАТ «ЛЮД», 2004.